Археологические вести

— 46 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

46
(2025)

Saint Petersburg
2025

Археологические вести

46
(2025)

Санкт-Петербург
2025

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:
О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:
Н. В. Хвощинская, М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, В. А. Алёкшин, В. Я. Шумкин, П. А. Миляев

Издательская группа: Т. С. Дорофеева (редактор), Е. В. Новгородских (редактор), Е. О. Стоянов (переводы)

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. — **Вып. 46** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2025. — 246 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В выпуск 46 журнала «Археологические вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В работах, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются археологические материалы с территории Северо-Запада, Запада и Юга России, Таджикистана, Аргентины разных эпох: бронзового века, античности, Средневековья. Объектами изучения являются как керамика, орудия труда, предметы обихода, так и сооружения. Ряд статей посвящен изучению останков людей и животных, две работы имеют искусствоведческую направленность. В специальный раздел журнала вошли две работы по актуальным проблемам археологии бронзового века. В одной из них обсуждается вопрос о масштабной миграции носителей срубной культуры из лесостепного Поволжья и Приуралья на Нижний Дон и в Поднепровье. а в другой — проблемы периодизации и происхождения памятников дольменной культуры Западного Кавказа. Публикации будут интересны не только археологам и историкам, но и широкому кругу читателей.

Issue 46 of the journal “Archaeological News” includes articles devoted to the latest research in the field of archeology, history and culture. The works included in the section “New Discoveries and Studies” examine archaeological materials from the territory of the North-West, West and South of Russia, Tajikistan, Argentina of different eras: the Bronze Age, antiquity, the Middle Ages. The objects of study include ceramics, tools, household items, and structures. A number of articles are devoted to the study of human and animal remains, and two works have an art history focus. The special section of the journal includes two works on current issues in Bronze Age archaeology. One of them discusses the issue of the large-scale migration of the bearers of the Srubnaya culture from the forest-steppe Volga region and the Urals to the Lower Don and the Dnieper region; and the other discusses the problems of periodization and the origin of the monuments of the dolmen culture of the Western Caucasus. The publications will be of interest not only to archaeologists and historians, but also to a wide range of readers.

Первая и четвертая страницы обложки — тулово миниатюрной чернофигурной панафинейской амфоры, Аттика, начало IV в. до н. э.
First and forth pages of cover — body of a miniature black-figured Panathenaic amphora, Attica, early 4th cen. BC

© Институт истории материальной культуры РАН, 2025
© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2025

Содержание

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 85-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского 9

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. М. Виноградова. Культурные контакты древнего населения Южного Таджикистана в III — начале II тыс. до н. э. 11

А. Ю. Городилов, М. А. Раззак. Результаты раскопок стоянки Косколово 11 в 2021 г. 23

В. С. Бочкарёв, А. Л. Пелих. Металлические серпы позднего бронзового века Северного Кавказа 35

Т. М. Кузнецова, Ю. В. Оборин (†). Реконструкция процесса производства зеркал «ольвийского» типа 53

А. Г. Букина, К. С. Чугунова, И. А. Григорьева. О золочении на афинских краснофигурных полихромных вазах IV в. до н. э. 65

А. Е. Петракова. Сюжеты фронтонов Парфенона на аттических краснофигурных полихромных вазах из погребений Пантикапея 80

А. А. Супренков, О. Ю. Соколова, С. Н. Прокопенко. Общие результаты исследований на территории юго-западного пригорода Нимфея в 2022 г. 95

А. А. Труфанов. Клыки животных в погребениях варварского населения Крыма II в. до н. э. — III в. н. э. 108

М. С. Назарова. «Парфянская тема» в монетном деле эпохи Юлиев-Клавдиев 121

А. К. Каспаров, О. В. Лохова, М. А. Топоривская, В. Ю. Радочин, Н. С. Черткова. Рацион питания людей, погребенных в некрополе Южного пригорода Херсонеса Таврического (по материалам раскопа 23) 127

М. М. Казанский, К. Н. Скворцов. Золотой браслет с расширенными концами с Самбийского полуострова: происхождение и датировка 144

Л. М. Дмитренко. Коллекция археологической керамики традиции парана́-пампа (провинция Буэнос-Айрес, Аргентина) 154

С. А. Салмин, Е. В. Салмина. Этнокультурные и социальные черты погребальной обрядности «Мстиславского» участка Псковского некрополя X–XI вв. 167

Н. Н. Спасская, О. С. Лебедева, И. С. Сухоева, М. В. Сытникова, К. Г. Самойлов, Е. В. Торопова. Особенности состояния зубной системы лошадей из средневековой Старой Руссы 176

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Д. А. Шибанова. О некоторых восточных элементах в позднесрубной культуре Нижнего Подонья и Левобережья Днепра 187

М. Б. Рысин. Проблемы периодизации и происхождения памятников дольменной культуры Западного Кавказа (часть 1) 205

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ НАУКИ

Н. А. Кренке, Т. В. Столярова. Богатое погребение из раскопок 1940 г. Центрального городища в Гнёздове 219

AD MEMORIAM

К 100-летию со дня рождения Зои Александровны Абрамовой (1925–2013) (*С. А. Васильев*) 230

ХРОНИКА

О. С. Советова, Л. Ю. Китова. Всероссийский научный симпозиум “Vita brevis, ars longa” («Жизнь коротка, искусство вечно») 231

А. Н. Бессуднов. Всероссийская научная конференция «Палеолит Восточной Европы: культура, хронология, интерпретации» 233

В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов. «Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до Средневековья»: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения А. М. Беленицкого, 95-летию со дня рождения В. М. Массона и 100-летию со дня рождения Ю. А. Заднепровского 236

С. А. Васильев, А. В. Панин. Международная научная конференция «Палеоэкология и динамика культуры в плейстоцене Евразии» 238

Л. Б. Кирчо, Ю. Г. Кутимов. Совместное заседание ученого совета и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, посвященное юбилею В. А. Алёкшина 241

Список сокращений 244

Contents

OUR HEROES OF THE DAY

To the 85th anniversary of Vyacheslav Evgenievich Shchelinsky 9

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

N. M. Vinogradova. Cultural contacts of the early population of South Tajikistan in the III — beginning of the II millennium BC 11

A. Yu. Gorodilov, M. A. Razzak. Results of the excavations of the Koskolovo 11 site in 2021 23

V. S. Bochkarev, A. L. Pelikh. The Late Bronze Age metal sickles of the North Caucasus 35

T. M. Kuznetsova, Yu. V. Oborin (†). Reconstruction of the production process of "Olbian" type mirrors 53

A. G. Bukina, K. S. Chugunova, I. A. Grigoryeva. On gilding of the Attic red-figure polychrome vases of the 4th century BC 65

A. E. Petrakova. Subjects of the Parthenon pediments on the Athenian red-figure vases with polychrome decoration from burials of Panticapaeum 80

A. A. Suprenkov, O. Yu. Sokolova, S. N. Prokopenko. General results of research in the area of the south-western suburb of Nympheum in 2022 95

A. A. Trufanov. Animal tusks in the burials of the barbarian population of the Crimea of the 2nd century BC — 3rd century AD 108

M. S. Nazarova. A "Parthian theme" in the coinage of the Julio-Claudian era 121

A. K. Kasparov, O. V. Lokhova, M. A. Toporivska, V. Yu. Radochin, N. S. Chertkova. Diet of people buried at excavation 23 of the Southern suburbs of Chersonesus Taurica 127

M. M. Kazanski, K. N. Skvortsov. A gold bracelet with flared ends from the Sambian Peninsula: origin and dating 144

L. M. Dmitrenko. An archaeological ceramics' collection of the Paraná-Pampa tradition (Buenos Aires Province, Argentina) 154

S. A. Salmin, E. V. Salmina. Ethnocultural and social features of the funeral rites of the "Mstislavsky" section of the Pskov necropolis of the 10th–11th centuries 167

N. N. Spasskaya, O. S. Lebedeva, I. S. Sukhoeva, M. V. Sytnikova, K. G. Samoilov, E. V. Toropova. Features of the state of the dental system of horses from medieval Staraya Russa 176

CURRENT ISSUES OF ARCHAEOLOGY

D. A. Shibanova. On some eastern elements in the late Srubnaya culture of the Lower Don and the Left Bank of the Dnieper 187

M. B. Rysin. The problems of periodization and origin of dolmen culture monuments in the Western Caucasus (part 1) 205

CONTENTS

HISTORY OF SCIENCE

N. A. Krenke, T. V. Stolyarova. A rich burial from the excavations of the Gnezdovo Central settlement (1940) 219

AD MEMORIAM

On the 100th anniversary of the birth of Zoya Alexandrovna Abramova (1925–2013) (*S. A. Vasiliev*) 230

CHRONICLE

O. S. Sovetova, L. Yu. Kitova. All-Russian Scientific Symposium "Vita brevis, ars longa" 231

A. N. Bessudnov. All-Russian scientific conference "Paleolithic of Eastern Europe: Culture, Chronology, Interpretations" 233

V. P. Nikonorov, E. O. Stoianov. Cultures and Civilizations of Central Asia from the Neolithic to the Middle Ages: an International conference dedicated to the 120th anniversary of Aleksandr M. Belenitskii, 95th anniversary of Vadim M. Masson and 100th anniversary of Yuriy A. Zadneprovskii 236

S. A. Vasiliev, A. V. Panin. International conference "Paleoecology and culture dynamics in the Pleistocene of Eurasia" 238

L. B. Kirtcho, Yu. G. Kutimov. Joint meeting of the Academic Council and the Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus IHMC RAS, dedicated to the anniversary of V. A. Alekshin 241

List of abbreviations 244

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 85-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского

Цепкий аналитический ум. Широкая эрудиция и бесценный опыт. Рука всегда на пульсе последних достижений и мировых веяний. Революционный подход к анализу. Смелость гипотез. Уверенность в движениях и поступках. Отличная физическая форма. Неустанный научный поиск. И главное — огонь в глазах и жажда открытий! А цифры юбилея — всего лишь счетчик мудрости. Вячеславу Евгеньевичу — 85.

Идеальный исследователь-пионер, Вячеслав Евгеньевич живет не прошлыми, а будущими открытиями и достижениями. В нем, непрестанном генераторе идей, гармонично сочетаются черты мудрого аналитика и необузданного мечтателя. Все, что было, — уже понято, надо стремиться к неизведанному. Не ограничиваясь общепринятым, он без боязни следует своему научному чутью и получает результаты, значимость которых порой не сразу становится очевидной современникам. Юбилей важен для окружающих: для осознания заданных высот, для получения импульса новых достижений.

Среди заслуг Вячеслава Евгеньевича, которые уже сейчас стали достоянием истории (и мировой науки, и нашего института), прежде всего вспоминаются его научные изыскания в сфере экспериментально-трасологических исследований. Один из первых учеников С. А. Семёнова, он почти сразу активно включился в развитие метода и совершенствование технических параметров микроанализа и фотофиксации следов износа с применением, в первую очередь, металлографического микроскопа с большим увеличением — впервые в международной археологической практике. Столкнувшись с проблемой фрагментарности (в силу различных естественных причин) следов использования на древних артефактах, он предпринял масштабные экспериментальные работы для выработки полноценных комплексов макро- и микропризнаков износа при разных видах деятельности и выявления закономерностей их формирования. Эти методики, впервые разработанные В. Е. Щелинским, в усовершенствованном и дополненном виде в настоящее время широко вошли в практику

В. Е. Щелинский, январь 2025 г.
V. E. Shchelinsky, January 2025

археологической трасологии как в нашей стране, так и за ее пределами.

Задача расширения возможностей метода применительно к древнейшим орудиям эпохи палеолита воплотилась в глубоком комплексном исследовании мустьерских и леваллуазских технологических традиций в рамках широко дискутируемой общеевропейской проблематики. Функциональный и технологический анализ крупных выборок орудий раннего и среднего палеолита Кавказа (пещеры Азых, Таглар, Сакажия, Монашеская и Ереванская), Приазовья (Сухая Мечетка, Носово 1) и Приднестровья (Кетросы), сопровождаемый тонкими наблюдениями, выразительными и убедительными интерпретациями, глубоким анализом мотивации и целеполагания, а также широкими обобщениями, по сути, до сих пор являются единственными масштабными исследованиями функций орудий и производств для этого древнейшего

этапа истории в России. В дальнейшем многие его работы стали классическими. Богатый экспериментальный и исследовательский опыт позволили В. Е. Щелинскому сформулировать собственный подход к функциональной интерпретации орудий труда, проблемам формообразования, специализации и реконструкции отдельных производств, основанный на детальном морфолого-трасологическом изучении археологических артефактов.

Для юбиляра трасология всегда была и есть неразрывно связана с археологией, с опытом полевых исследований, контекстуальным анализом и общекультурными обобщениями. Трасологические навыки оказывались важной составляющей успеха в решении чисто археологических задач. Важнейшим вкладом в изучение европейского палеолита явилось открытие в Каповой пещере (Шульган-Таш) на Южном Урале — древнейшем на территории России пещерном палеолитическом святилище (19–16 тыс. лет) — культурного слоя, синхронного настенным рисункам. То, что не удалось сделать предшественникам за годы, Вячеслав Евгеньевич смог осуществить с помощью одного шурфа. Слой, раскопанный на площади 68 кв. м, помимо остатков кострищ и разнообразной производственной деятельности, включающей каменные орудия со следами их использования для обработки дерева и шкур, костяной нож, бусины из камня и раковин, кусочки разноцветной охры и мелкую фауну, содержал также артефакты, надежно связывающие этот инвентарь с создателями пещерной живописи верхнего палеолита — глиняную чашечку-светильник и фрагмент известняка с красочным пятном. Были получены четыре ^{14}C даты по древесному углю, и это был первый подтвержденный возраст для рисунков Каповой пещеры. Сами наскальные изображения впервые были сфотографированы в цвете, детально описаны и интерпретированы. Вячеславу Евгеньевичу удалось выявить следы подправки стен пещеры перед нанесением красочных изображений; были установлены технические, стилистические и композиционные особенности групп рисунков на обоих ярусах пещеры. Была определена древесина образцов угля, подробно проанализирован состав фауны и растительный покров, и т. д. Эти исследования смело можно назвать фундаментальными для того времени.

Не менее важная страница — изучение раннего и среднего палеолита Северо-Западного Кавказа. Как полевик, в том числе с серьезным геологическим опытом, В. Е. Щелинский стал открывателем десятков стоянок и местонахождений на Черноморском побережье Кавказа. Такие памятники, как Широкий Мыс, стали ключевыми для понимания палеолита Юга России и Крыма; среди ранне- и среднепалеолитических местонахождений важно упомянуть стоянки Тенгинку, Адербиевку, мыс Кадош, Игнатенков Куток и др. Многолетние раскопки многослойного (семь культурных слоев) среднепалеолитического поселения открытого типа Ильская II (125–80 тыс. лет) сделали его одним из опорных памятников этого периода на всей территории России. Наконец, Вячеславу Евгеньевичу принадлежит честь открытия и монографического исследования древнейших комплексов нижнего палеолита возрастом 2,1–1,4 млн лет в Южном Приазовье — стоянок Кермек, Родники I–IV, Богатыри/Синяя Балка, Пересыпь. Он разработал типологию для этого типа древнейших индустрий и описал технологию расщепления, применявшуюся на раннеашельских стоянках и сыгравшую важную роль в процессе становления человека.

Интересы Вячеслава Евгеньевича, конечно, не ограничиваются перечисленными сюжетами, свой яркий вклад он внес в изучение целого ряда памятников каменного века (Темната Дупка (Болгария), Аль-Гуза (Йемен), Segebro (Швеция), Кокорево 1, Золотовка 1, Мураловка, Хрящи, Михайловское, Заскальная V, Маяк II, Замостье 2 и др.) как с точки зрения функциональной интерпретации орудий и производств, так и благодаря успешной археологической разведке, полевым и кабинетным исследованиям.

В жизни Вячеслав Евгеньевич — романтик, спорщик, педант, систематик, врожденный экспериментатор, перфекционист, порой балагур, порой авантюрист, его статьи и выступления всегда логичны и отточены, ответственный и консервативный, увлеченный и уверенный в себе лидер. Эти черты отражают яркий образ неординарного человека и характеризуют масштаб личности ученого.

Вячеслав Евгеньевич активно делится своим опытом и знаниями, имеет пять учеников — кандидатов наук. Он автор десяти монографий и более 300 научных публикаций. В течение более 30 лет возглавлял археологические палеолитические экспедиции ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН: 1979–2002 гг. — Предкавказскую; 1982–1993 гг. — Южно-Уральскую; с 2009 г. — Приазовскую. В 2006–2019 гг. он заслуженно занимал пост заведующего экспериментально-трасологической лабораторией ИИМК РАН и создавал благоприятные условия для разностороннего развития коллектива и многообразия исследовательских направлений.

Для плодотворного продолжения научных изысканий и открытий желаем юбиляру крепкого здоровья, новых научных вызовов и ждем от него блестящих дерзких решений.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Культурные контакты древнего населения Южного Таджикистана в III — начале II тыс. до н. э.

Н. М. Виноградова

Аннотация. *В статье рассматриваются археологические материалы древнеземледельческой пянджско-фархорской культуры, распространенной в эпоху энеолита и раннего бронзового века на правобережье реки Пяндж на юге Таджикистана. Ее носители контролировали часть межрегионального торгового пути, снабжавшего минералами (лазуритом) соседние области. В конце III — начале II тыс. до н. э. вышеуказанная территория входит в зону формирования культуры Окса, художественные изделия которой (например, каменная статуэтка из могильника Гелот) свидетельствуют о влиянии на них западных месопотамских эталонов.*

Ключевые слова: *Южный Таджикистан, могильники, хронология, культурные контакты.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-11-22

До недавнего времени на юге Таджикистана были известны только памятники позднего бронзового века (*Пьянкова*, 1998; *Виноградова*, 2004; *Виноградова и др.*, 2008. С. 162–380). Археологические комплексы эпохи энеолита, раннего и среднего бронзового века здесь не были обнаружены. Этот регион обычно рассматривался исследователями относительно основных очагов цивилизации Среднего Востока и Центральной Азии как окраина. Однако за последнее десятилетие в Хатлонской области Южного Таджикистана (рис. 1) были найдены и раскопаны погребальные комплексы раннего и среднего бронзового века: могильники Фархор (*Бобомуллоев и др.*, 2014; 2015; *Виноградова, Бобомуллоев*, 2016; 2019; 2020; Материалы…, 2017), Кангурттут-2 (*Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б.*, 2017), Гелот и Дарнайчи (*Виноградова, Кутимов*, 2018; *Vinogradova*, 2021).

Новые материалы свидетельствуют о существовании здесь, возможно, уже в эпоху позднего энеолита и раннего бронзового века (Намазга III–IV) местной земледельческой культуры, носители которой имели тесные связи с древними обитателями ряда областей Центральной Азии (Алтындепе, Заманбаба и др.), Ирана (Гиссар IIIC, Шахдад — некрополь А) и Афганистана (разграбленные могильники на севере страны) (рис. 2).

В одной из своих публикаций А.-П. Франкфор предложил для памятников раннего и начала среднего бронзового века в Восточной Бактрии новое название — культура Пянджа (*Francfort*, 2016. P. 471). Основной центр этой оседло-земледельческой культуры мог находиться в Северном Афганистане, к северу от Балха, где, по сообщению В. И. Сарианиди, в 1960–1970 гг. местные жители разграбили многочисленные могилы бронзового века, в результате чего были уничтожены сотни, а возможно, и тысячи древнеземледельческих погребений (*Сарианиди*, 1977. Табл. I–IV; *Pottier*, 1984; *Sarianidi*, 1993). Вероятно, в первой половине III тыс. до н. э. племена культуры «разграбленных могильников» Северного Афганистана расселились и на правый берег Пянджа, в район современного Пархара. Здесь они обитали довольно продолжительное время, о чем свидетельствуют раскопки Фархора, где выявлены захоронения нескольких культурно-хронологических групп.

Учитывая значение погребальных комплексов этого памятника для юга Центральной Азии в эпоху ранней и начала средней бронзы, мы предлагаем объединить земледельческие памятники Северного Афганистана (разграбленные могильники) и Южного Таджикистана (Фархор, Кангурттут-2) в единую пянджско-фархорскую культуру. В качестве гипотезы можно рассмотреть вопрос о том, что пянджско-фархорская культура сформировалась в начале III тыс. до н. э. на базе

[1] Виноградова Н. М. — Институт востоковедения РАН; Москва, РФ; e-mail: vinogradova.nataliya@gmail.com.

© Виноградова Н. М., 2025

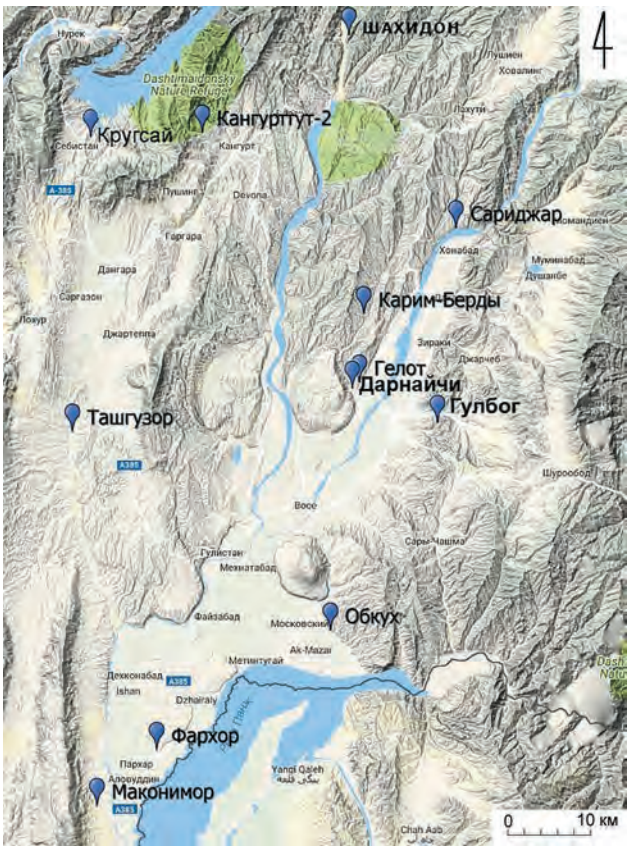


Рис. 1. Основные археологические памятники эпохи бронзы Хатлонской области, Таджикистан

Fig. 1. The main monuments of the Bronze Age of the Khatlon region of Tajikistan

местной энеолитической культуры Таликан (*Lyonnet*, 1977) в Северном Афганистане при активном влиянии иранских центров (поздняя фаза периода Гиссар II, Шахри Сохте I). Из Северо-Восточного Ирана в Восточную Бактрию, вероятно, поступал металл. Самыми ранними искусственными сплавами, которые ипользовали иранские металлурги, были мышьяковистые бронзы. Анализы найденных в Фархоре металлических вещей показали, что все они изготовлены именно из них, причем примесь мышьяка составляет от 1 до 10 % (*Виноградова, Бобомуллоев*, 2020. С. 215).

Артефакты пянджско-фархорской культуры были открыты значительно северо-восточнее могильника Фархор в бассейне р. Сурхоб на некрополе Шахидон (*Филимонова, Тишкин,* 2024). Здесь по краям средневековых могил археологами были обнаружены скопления предметов из бронзы (три зеркала, три косметические палочки, один двухлезвийный нож, прямоугольная керамическая коробочка с перегородкой). Результаты рентгенофлуоресцентного анализа показывают, что найденные металлические предметы отлиты из чистой меди или меди с незначительной рудной примесью свинца или мышьяка (*Тишкин, Филимонова*, 2024).

Летом 2024 г. Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция продолжила работы на могильнике Шахидон, где в могилах монгольского времени, XIII–XIV вв., были найдены бронзовый листовидный нож и бронзовая косметическая лопаточка. Все металлические предметы, обнаруженные рядом со средневековыми захоронениями или непосредственно в них, имеют прямые аналогии с артефактами могильника Фархор и датируются ранним бронзовым веком.

Некоторые вещи из земледельческих погребений могильника Фархор имеют прототипы в материалах памятников (Кара-депе, Алтын-депе, Геоксюр 1) подгорной полосы Копетдага (Южный Туркменистан) периода позднего энеолита — начала раннего бронзового века. В погребении 45 (Фархор) найден колоколовидный сосуд с рельефными поясками по тулову (рис. 3, *1*). Сходные сосуды из белого алебастра с «рифленой» боковой поверхностью происходят из верхнего слоя раскопа 4 поселения Кара-депе, который датируется временем Намазга III (*Массон*, 1960. С. 436, табл. XVII, *2, 9*). Аналогия сосуду из Фархора представлена также в погребальной камере «толоса» А, выявленного на поселении Геоксюр 1 (*Сариниди*, 1965. Рис. 11, *1*). Еще один каменный сосуд крестовидной формы происходит из захоронения 32 могильника Фархор (рис. 3, *3*; 4А, *7*). Наиболее близкая параллель этой форме имеется на Алтын-депе в позднем энеолитическом горизонте 13, относящемся к геоксюрскому времени (раннее Намазга III), где был найден обломок керамического сосуда такой же формы (*Кирчо*, 2017. С. 40, рис. 2, *21*; 2018. С. 65, рис. 3).

Гончарный сосуд из погребения 32, отличающийся горшковидной формой, плавным перегибом в нижней части тулова и раструбообразным горлом (рис. 3, *2*; 4А, *2*), имеет аналогии в более поздних энеолитических материалах. На Алтын-депе сходная форма сосуда из гипса встречена в слое Намазга III, в круглом толосе, на нижнем уровне захоронений, включающем останки № 295, 296, 308 (*Кирчо*, 2005. Табл. 59, *2*). Близкие аналогии этой форме обнаружены в Шахдаде, в погребении 104 некрополя А (*Hakemi*, 1997. P. 260, Obj. No. 0962).

К раннему бронзовому веку относятся находки двух каменных сосудов из погребений 19 и 18

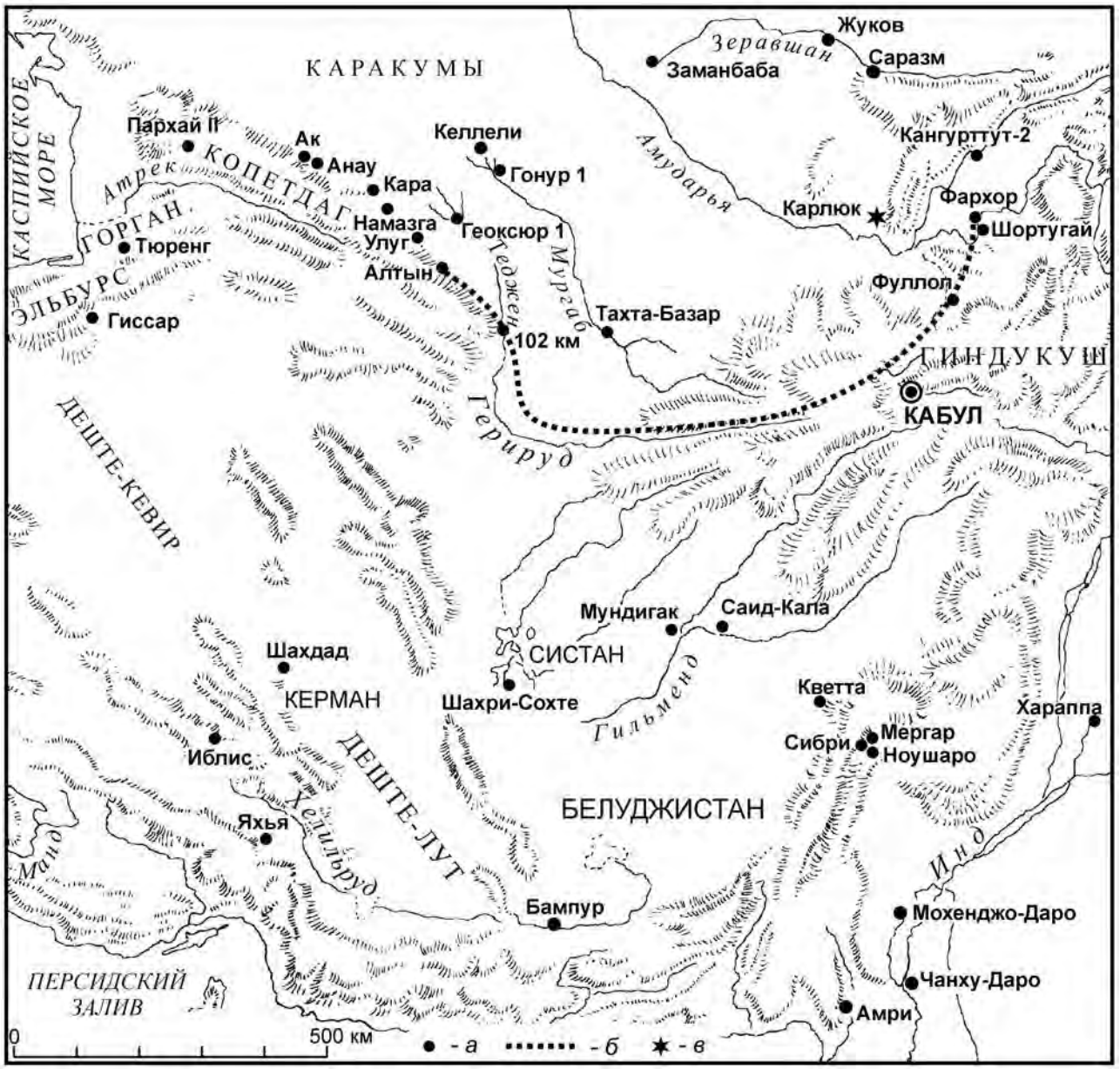


Рис. 2. Схематическая карта Средней Азии и Среднего Востока (*а* — археологические памятники конца IV — III тыс. до н. э.; *б* — предположительные культурные связи; *в* — месторождение медового мраморного оникса)

Fig. 2. Schematic map of Middle Asia and the Middle East (*а* — sites of the late 4th — 3rd mil. BC; *б* — conjectural cultural connections; *в* — honey marble onyx deposit)

[*Кирчо*, 2018. С. 58]

могильника Фархор (рис. 3, *4, 5*). На стенках светильников со всех четырех сторон имеются изображения трех прорезанных кружков с точкой в центре. Близкие аналогии нашему светильнику можно найти на Алтын-депе в погребении 828 времени раннего Намазга IV (*Кирчо*, 2005. С. 350, рис. 4, *23*)[2].

По мнению Л. Б. Кирчо, столь близкие соответствия в наборах погребального инвентаря

[2] На стенках каменных косметических флаконов, обнаруженных на памятниках Ирана, Южного Туркменистана и Афганистана (Гонур (*Sarianidi, Dubova*, 2013. P. 193), Гиссар IIIC (*Schmidt*, 1937. Pl. LX, H3498; 217, fig. 130), Шахдад, некрополь А (*Hakemi*, 1997. P. 618, 619), разграбленные могилы в Северном Афганистане (*Amiet,* 1977. P. 97, fig. 7, *4*)), часто имеются изображения прорезанных кружков.

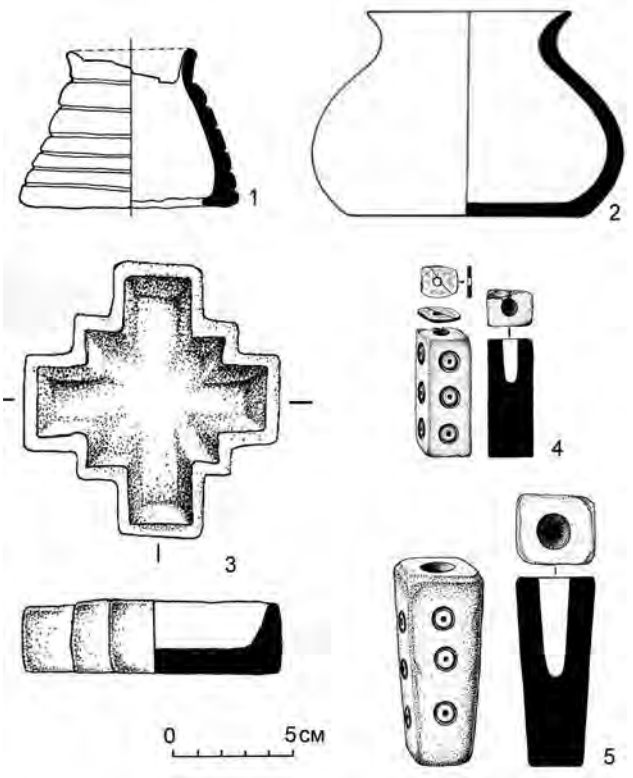


Рис. 3. Могильник Фархор, сосуды: *1* — раскоп 2, погребение 45; *2, 3* — раскоп 6А, погребение 32; *4* — раскоп 6А, погребение 19; *5* — раскоп 6А, погребение 18. *1, 2* — керамика, *3–5* — камень

Fig. 3. Cemetery of Farkhor, vessels: *1* — excavation 2, burial 45; *2, 3* — excavation 6A, burial 32; *4* — excavation 6A, burial 19; *5* — excavation 6A, burial 18. *1, 2* — ceramic, *3–5* — stone

конца IV — первых веков III тыс. до н. э. Южного Туркменистана и захоронений эпохи бронзы Южного Таджикистана не могли носить случайный характер. Эти аналогии и появление изделий из лазурита на памятниках подгорной полосы Копетдага в конце периода среднего энеолита (Намазга II, около 3300-х гг. до н. э.) позволяют предполагать существование древнейшего торгово-обменного пути на восток уже в последних веках IV тыс. до н. э. Этот путь шел вверх по течению р. Теджен (Герируд), истоки которой находятся в горах Северо-Восточного Афганистана, где расположены месторождения лазурита, или вдоль северных склонов невысоких хребтов на севере Афганистана. Торговый путь мог проходить и вблизи Фархора, где есть удобная переправа через р. Пяндж, открывающая дорогу к богатствам гор Таджикистана (*Кирчо*, 2018. С. 56).

В настоящее время ближайшая к Фархору переправа имеется у кишлака Кокуль (раннее Мол), откуда еще в древние времена торговцы могли направляться в Толукан и Балх. Расстояние между Балхом и Пархаром составляет 230 км. Население пянджско-фархорской культуры могло участвовать в межрегиональных контактах и торговле минералами (лазуритом) с соседними территориями на юге (Алтын-депе в подгорной полосе Копетдага) и на севере (Заманбаба и Саразм IV в Зеравшанской долине)[3].

Такой вывод подтверждается материалами могильников Фархор и Кангурттут-2, которые свидетельствуют о проникновении отдельных групп населения указанной культуры во внутренние районы Таджикистана и далее на север — в долину р. Зеравшан. Хорошо прослеживаются культурные связи пянджско-фархорского населения с носителями заманбабинской культуры в низовьях Зеравшана (*Гулямов и др.*, 1966. С. 148). Их контакты засвидетельствованы находками однотипных предметов инвентаря в захоронениях могильников Заманбаба (*Там же*. С. 148; 154, рис. 48, *5*; табл. XVI, *1–5, 10, 18*) и Фархор: керамические «коробочки» (рис. 4, *Б*, *1, 3*; 4, *В*, *1*), металлические лопаточки (рис. 5), бусы, особенно крестовидной формы (рис. 4, *В*, *2*). Культурные контакты, видимо, имелись и с населением поселения Саразм (поздние комплексы времени Намазга IV), где найдены некоторые вещи, сходные с фархорскими, — бусы, металлические стержни с навершием, каменные сосуды (*Исаков*, 1991. Рис. 23, *2*). Все указанные артефакты свидетельствуют о древних связях населения долины Зеравшана и Южного Таджикистана в эпоху энеолита и раннего бронзового века.

Археологические материалы могильника Фархор говорят о тесных контактах земледельческого населения с носителями степных культур уже в эпоху раннего бронзового века и, возможно, о формировании в этой контактной зоне этнокультурных групп со смешанным населением, включающим оседлых жителей оазисов и полукочевников. Керамика некоторых погребений могильника Фархор (из захоронений 12, 14, 42, 48) (рис. 6, *5, 8–10*) имеет аналогии в памятниках степ-

[3] Достоверно известные залежи лазурита для этого времени имеются в горах афганского Бадахшана. Самое богатое месторождение — Сары-Санг — находится в бассейне р. Кокчи, в 70 км от г. Файзабада. Лазурит здесь обладает однородной индигово- и васильково-синей и голубой окраской. Выделяются три сорта этого минерала: «ниили» (высший), «османи» (небесно-синий) и «суфси» (зеленовато-синий) (*Бубнова*, 2014).

Рис. 4. Могильник Фархор, инвентарь: *А* — раскоп 6А, погребение 32 (*1–3, 5, 7, 8* — сосуды, *4* — стержень, *6* — нож, *9–14* — бусины); *Б* — раскоп 6, погребение 33 (*1, 3* — коробочки, *2* — сосуд, *4* — фрагмент сосуда, *5, 6* — бусины); *В* — раскоп 6, погребение 35 (*1* — коробочка, *2* — бусины, *3, 4* — навершия, *5* — бусина). *А* (*1, 2*), *Б* (*1–4*), *В* (*1*) — керамика; *А* (*5, 7, 9–14*), *Б* (*5, 6*), *В* (*2–5*) — камень; *А* (*3, 4, 8*) — серебро; *А* (*6*) — бронза

Fig. 4. Farkhor burial ground, inventory: *А* — excavation 6A, burial 32 (*1–3, 5, 7, 8* — vessels, *4* — rod, *6* — knife, *9–14* — beads); *Б* — excavation 6, burial 33 (*1, 3* — boxes, *2* — vessel, *4* — fragment of the vessel, *5, 6* — beads); *В* — excavation 6, burial 35 (*1* — box, *2* — beads, *3, 4* — finials, *5* — bead). *А* (*1, 2*), *Б* (*1–4*), *В* (*1*) — ceramic; *А* (*5, 7, 9–14*), *Б* (*5, 6*), *В* (*2–5*) — stone; *А* (*3, 4, 8*) — silver; *А* (*6*) — bronze

ных культур эпохи бронзы, что позволяют проследить контакты с их населением: в Узбекистане (могильник Заманбаба), Таджикистане (Ранний Тулхарский могильник: ямы со спуском; погребения вахшской культуры: некрополи Гелот и Дарнайчи (*Виноградова, Бобомуллоев*, 2020. С. 61–63)).

Эти выводы подтверждаются и антропологическими данными. Костные останки индивидуумов из могил Фархора, за исключением захоронения 12, отличаются общей грацильностью и европеоидностью, характерной для средиземноморского антропологического типа. У индивида 1 из погребения 12 отмечается мезокрания и мезопрозопность лицевого скелета, что указывает на присутствие в Южном Таджикистане также и представителей антропологического типа среднеазиатского междуречья (*Дубова*, 2020. С. 226). Данный вывод вполне согласуется с наличием в указанном захоронении инвентаря, характерного для культур степного круга.

Интересны выводы Н. А. Дубовой относительно останков, обнаруженных на могильнике Фархор в погребениях 2, 20, 38(2), 39(1), 42 и 48, где на черепах умерших отмечен альвеолярный прогнатизм. Кроме того, для мужчин из могил 20 и 31, а также ребенка из захоронения 54(2) отмечены более крупные, чем у других представителей данной популяции, зубы. Обе эти характеристики (альвеолярный прогнатизм и крупные размеры зубов), по мнению исследовательницы, укладываются в пределы индивидуальных вариаций, но могут указывать и на наличие контактов с древним населением Индийского субконтинента (*Там же*. С. 261). Этот вывод интересен тем, что напротив могильника Фархор на противоположном берегу р. Пяндж в Северном Афганистане находится известное поселение Шортугай. Как полагают его исследователи, оно являлось торговой факторией Индской цивилизации (*Francfort*, 1989). Н. А. Дубова считает, что между этими двумя памятниками мог пролегать в древности один из важнейших путей миграции и торговли (*Дубова*, 2020. С. 263).

Данные, приведенные путешественниками и учеными, указывают на то, что в позднем Средневековье из долины р. Кокчи в Северо-Западную Индию вела торговая трасса, связывавшая долины Инда и Амударьи. Путь пролегал из Пешавара до Джелалабада, затем вверх по течению р. Кунар до Читрала и через перевал Дара до Зебака, затем

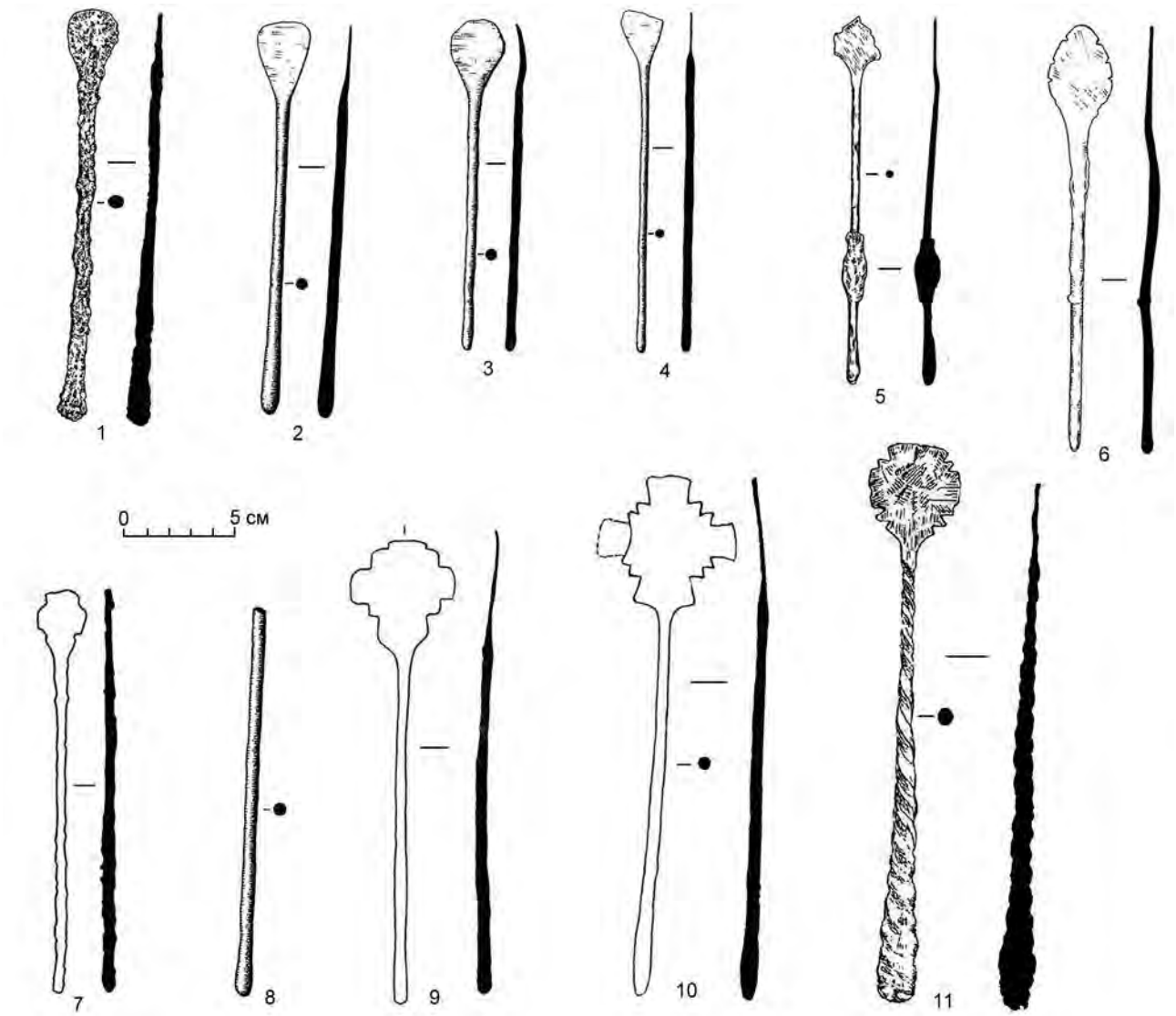


Рис. 5. Могильник Фархор. Изделия из металла (косметические лопаточки, стержни): *1* — погребение 34; *2* — погребение 14; *3* — погребение 19; *4* — погребение 18; *5* — погребение 39; *6* — погребение 40; *7* — погребение 42; *8* — погребение 17; *9* — погребение 52; *10* — погребение 32; *11* — погребение 29

Fig. 5. Cemetery of Farkhor. Metal objects (cosmetic spatulas, rods): *1* — burial 34; *2* — burial 14; *3* — burial 19; *4* — burial 18; *5* — burial 39; *6* — burial 40; *7* — burial 42; *8* — burial 17; *9* — burial 52; *10* — burial 32; *11* — burial 29

вдоль Кокчи — в Файзабад, столицу Бадахшана, потом к переправам Кокуль и Сарай, расположенным с севера почти напротив впадения Кокчи в Амударью (*Ртвеладзе*, 2012. С. 89). Здесь вновь упоминается Кокуль, переправа на р. Пяндж. На правобережье этой реки в эпоху раннего и среднего бронзового века обитало население пянджско-фархорской культуры, которое могло контролировать часть межрегионального торгового пути, снабжавшего минералами (лазуритом) соседние области.

В погребальном инвентаре могильника Фархор (раскоп 1, погребения 2, 4) впервые встречаются керамические формы, свидетельствующие о раннем появлении на юге Таджикистана вахшской культуры (рис. 6, *1–4, 6, 7*). Лепные круглодонные или плоскодонные сосуды с узором в виде елочки хорошо известны на вахшских памятниках долины р. Кызылсу. Близкие аналогии этой посуде имеются в вахшских погребениях некрополя Дарнайчи — раскоп 2, погребения 1, 2 (*Виноградова, Кутимов*, 2018. С. 171, рис. 64, *1, 2*; 172, рис. 65, *2, 3*). Орнамент елочкой, выполненный в технике лощения, характерен для астрабадской культуры Северо-Восточного Ирана — поселения Тюренг Тепе III, Шах Тепе II, Гиссар III (*Станкевич*, 1978. С. 24).

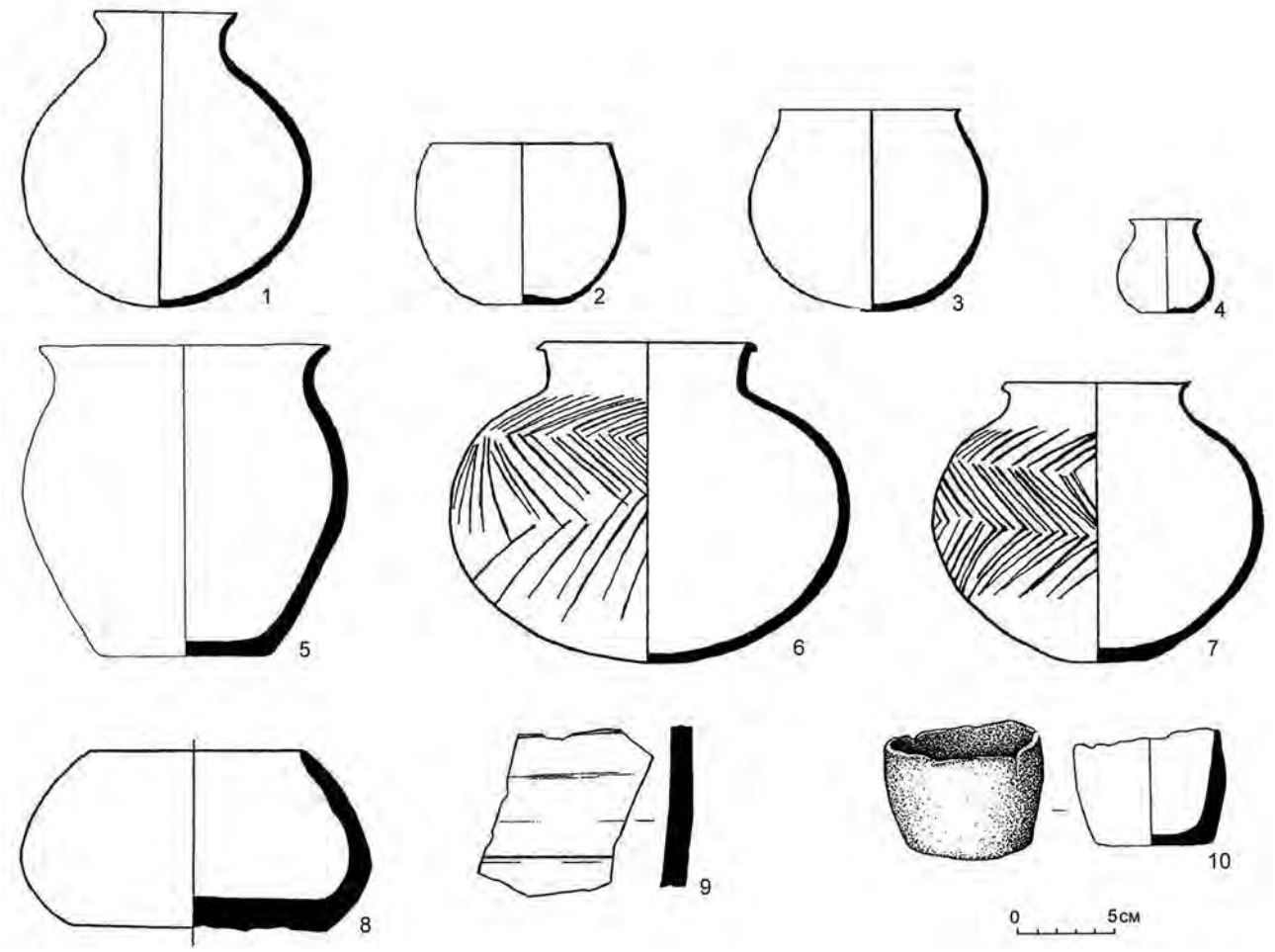


Рис. 6. Могильник Фархор. Формы керамики степных культур эпохи бронзы: *1–4* — погребение 2; *5* — погребение 12; *6, 7* — погребение 4; *8* — погребение 48; *9* — погребение 42; *10* — погребение 14

Fig. 6. Cemetery of Farkhor. Forms of pottery of the steppe cultures of the Bronze Age: *1–4* — burial 2; *5* — burial 12; *6, 7* — burial 4; *8* — burial 48; *9* — burial 42; *10* — burial 14

В конце III — начале II тыс. до н. э происходит формирование культуры Окса, или Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК)[4]. В Южном Таджикистане культура Окса представлена погребальными комплексами земледельческого населения, оставившего могильники Гелот и Дарнайчи (*Виноградова, Кутимов*, 2018; *Vinogradova*, 2021). Анализ артефактов, происходящих из этих памятников, позволяет сделать вывод о связях обитавшего в данном регионе древнего населения с земледельческими племенами юга Центральной Азии, оставившими памятники Алтын-депе (слои Намазга V), Гонур, Сапалли, Джаркутан I, Ирана — некрополь Чалоу (*Biscione, Vahdati*, 2011), Дамгани (*Francfort et al.*, 2014. P. 111–152), Бойнорд (*Vahdati*, 2014) и Дашлы 1, 3 в Афганистане (*Сариниди*, 1976; 1977). Для регионов от юга Таджикистана до востока Ирана и севера Белуджистана характерна широта контактов (Мергарх VII–VIII и Сибри) (*Jarrige*, 1988). Памятники зеравшанского варианта БМАК известны также в Пенджикентско-

[4] Для земледельческих памятников Бактрии и Маргианы этого времени исследователи предлагают различные названия: культура Намазга (*Kohl,* 1981. P. VII), культура Окса (*Francfort*, 1984. P. 174; *Salvatory*, 2004. P. 92), сапаллинская культура (*Аскаров*, 1977), Бактрийско-Маргианский археологический комплекс — БМАК (*Сариниди*, 1990. С. 77). Для памятников Восточной Бактрии среднего и позднего бронзового века мы предлагаем оставить название «культура Окса». Она характерна для данной территории, которая входит в обширную зону «Внешнего Ирана». В 2021 г. в издательстве Routledge выпущен сборник, посвященный культуре Окса, под редакцией Б. Лионе и Н. А. Дубовой (The Word…, 2021).

Рис. 7. Могильник Гелот. Раскоп 6, погребение 2
Fig. 7. Cemetery of Gelot. Excavation 6, burial 2

Самаркандском оазисе (*Аванесова*, 2010), где в инвентаре могильников Сиаб, Джам, Зардча-Халифа, Сазагансай присутствует керамика ранних этапов сапаллинской культуры и предметы (дисковидные псалии, металлические изделия), характерные для степных культур доандроновского времени.

Особый интерес для нашей темы представляет находка статуэтки у ног женского скелета в погребении 2 раскопа 6 в Гелоте (*Виноградова, Кутимов*, 2018. С. 50, 51, 146, рис. 39; *Vinogradova, Winkelmann*, 2016) (рис. 7). В отличие от керамического материала эта фигурка (рис. 8) не имеет прямых аналогий в бактрийско-маргианских комплексах. Стилистически ее можно сопоставить с месопотамской пластикой раннединастического времени — широкие плечи, лицо с «улыбающимися губами» и большими глазами миндалевидной формы. Статуэтка из Гелота по общей манере исполнения лица и рук может быть сравнима со скульптурой из Мари (*Braun-Holzinger*, 1977. Taf. 24, *a, d*; 30, *a, b*).

Каменная фигурка из Гелота, кроме приведенных выше параллелей с месопотамской скульптурой, имеет определенное сходство с бактрийской и маргианской пластикой. Например, в Гонуре найдено серебряное навершие булавки (*Сарианиди*, 1995. С. 78, рис. 3) с изображением сидящей в кресле женщины, одетой в каунакес. Ее лицо воспроизведено иными приемами, чем лицо у фигурки из Гелота, однако для обеих статуэток наблюдается большое сходство в исполнении больших миндалевидных глаз, ушных раковин эллипсовидной формы и волос, причем последние, прочерченные тонкими углубленными линиями, уложены валиком на затылке. Такая прическа характерна для бактрийских составных статуэток (*Pottier*, 1984. Pl. XVI, *303*).

Другая линия параллелей фигуре из Гелота может быть проведена с Восточным Ираном, где в Шахдаде (на некрополе А) были найдены большие глиняные статуи (высотой 45–97 см), изображавшие людей в молитвенной позе. Эти скульптуры, возможно, имели портретное сходство с умершими. Манера воспроизведения в этих фигурах обнаруживает влияние месопотамской пластики — широкие плечи, руки, сложенные на груди

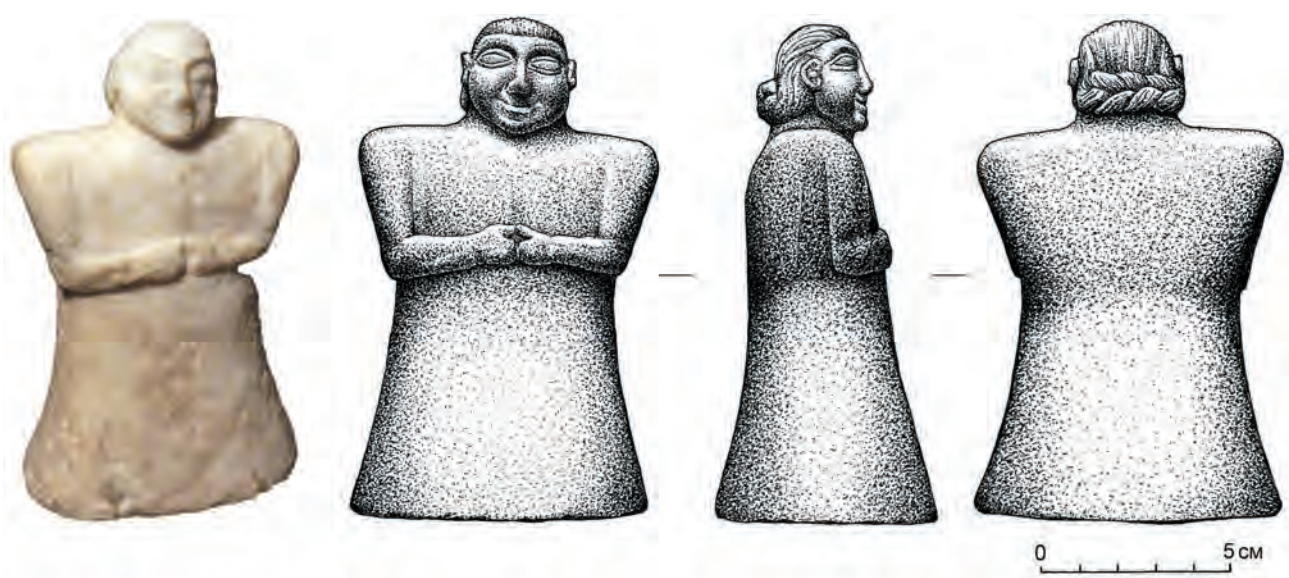


Рис. 8. Могильник Гелот. Раскоп 6, погребение 2. Каменная статуэтка
Fig. 8. Cemetery of Gelot. Excavation 6, burial 2. Stone statuette

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования могильников Фархор, Гелот и Дарнайчи*

Table 1. Results of radiocarbon dating of the cemeteries of Farkhor, Gelot and Darnaychi

№ п.п.	Лабораторный номер анализа	Место взятия образца	Возраст ^{14}C, лет	±	^{13}C	Cal BC, 1σ, гг.	Cal BC, 2σ, гг.	C:N	%, C	%, коллаген
1	15064	Гелот, раскоп 6, погр. 2	3667	24	-41,8	2128–1981	2135–1965	3,9	18,6	0,3
2	15065	Гелот, раскоп 4, погр. 3	3667	21	-14,8	2126–1982	2134–1966	3,3	18,1	1,1
3	15067	Гелот, раскоп 6, погр. 13	3732	26	-43,1	2197–2049	2203–2036	0,0	0,0	0,2
4	15072	Дарнайчи, раскоп 2, погр. 2	3814	36	-37,8	2333–2153	2456–2140	3,4	2,5	0,2
5	23105	Фархор, погр. 11	5003	27	-25,4	3893–3713	3936–3706	180,1	51,6	59,6
6	43131	Фархор, погр. 33	4077	24	-18,9	2832–2573	2850–2497	–	–	0,8
7	GV-3929	Фархор, погр. 56 (1)	4073	–	-21.2	2855–2476	–	–	–	–
8	GV-3930	Фархор, погр. 57 (1)	4151	–	-21.0	2880–2586	–	–	–	–
9	GV-3931	Фархор, погр. 60	4823	–	-23.6	3784–3373	–	–	–	–

* Анализы 1–6 выполнены в лабораториях Тюбингенского и Мангеймского университетов в Германии (*Виноградова, Бобомуллоев*, 2020. С. 87–91). В настоящее время известны еще три новые даты из могильника Фархор, полученные в Центре коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (анализы 7–9).

или на поясе. Именно эти элементы в изображении торса статуй (*Hakemi*, 1997. N 1479, 3432, 3520) сближают их с гелотской фигурой. С. Винкельман датирует цилиндрические печати некрополя А Шахдада раннединастическим периодом до начала Аккадского времени. Подводя итоги анализа статуэтки из могильника Гелот, мы склоняемся к мнению, что она была изготовлена в Бактрии из местного камня (ангидрата), причем в процессе работы мастер исполнил ее отдельные детали в стилистике, характерной для месопотамских эталонов.

Для погребальных комплексов Фархора, Гелота и Дарнайчи имеется серия радиоуглеродных дат (табл. 1).

В соответствии с приведенными данными нам представляется, что калиброванные даты для погребений 11 и 60 могильника Фархор слишком завышены. Даты захоронений 33, 56 (1), 57 (1) соотносятся с периодами раннего и среднего бронзового века (периоды раннего Намазга IV — раннего Намазга V). Учитывая, что в Фархоре представлены захоронения нескольких культурно-хронологических групп и мы пока не располагаем серией радиоуглеродных дат, могильник можно датировать временем от позднего энеолита до начала среднего бронзового века: 2800/2700–2300 гг. до н. э.

В свете новых радиокарбонных дат относительная хронология погребений Фархора, Дарнайчи и Гелота, построенная ранее на типологических связях археологических материалов с культурами соседних регионов (*Виноградова и др*., 2012. С. 139–145; 2013. С. 94–96), оказывается более древней. Результат суммирования данных традиционных методов датирования и радиоуглеродного анализа показывает, что хронология погребальных комплексов Фархора, Гелота и Дарнайчи укладывается в пределы III — начала II тыс. до н. э. Открытие новых памятников, прежде всего поселений, на юге Таджикистана позволит в дальнейшем представить более полную картину культурно-исторических контактов древнего населения Восточной Бактрии в III — начале II тыс. до н. э.

Аванесова, 2010 — *Аванесова Н. А.* Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской Цивилизации // На пути открытия цивилизации: Сб. ст. к 80-летию В. И. Сарианиди / Ред. П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубова. СПб.: Алтейя, 2010 (Труды МАЭ; Т. 3). С. 334–364.

Аскаров, 1977 — *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: ФАН, 1977. 232 с.

Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б., 2017 — *Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б.* Кангурттут 2 — новый памятник эпохи средней бронзы на юге Таджикистана // Кангурттут.

Материалы археологической экспедиции 2015–2016 гг. Вып. 1 / Отв. ред. З. И. Акрами. Душанбе: Дониш, 2017. С. 38–53.

Бобомуллоев и др., 2014 — *Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б.* Некрополь Фархор — новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2014. № 3 (235). С. 39–47.

Бобомуллоев и др., 2015 — *Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б.* Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана // ЗИИМК. 2015. № 5. С. 47–66.

Бубнова, 2014 — *Бубнова М. А.* Среднеазиатские украшения из лазурита (древность, средневековье) // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. участников XIII коллоквиума (12–18 апреля 2004 г.) / Сост. Н. А. Захарова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 27–29.

Виноградова, 2004 — *Виноградова Н. М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: Наука, 2004. 300 с.

Виноградова, Бобомуллоев, 2016 — *Виноградова Н. М., Бобомуллоев С.* Предварительные результаты исследований могильника Фархор — памятника эпохи бронзы на юге Таджикистана весной 2014 г. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. М.: Старый Сад, 2016. С. 534–552.

Виноградова, Бобомуллоев, 2019 — *Виноградова Н. М., Бобомуллоев С.* Этнокультурные процессы на территории Юго-Западного Таджикистана в эпоху ранней бронзы // Древность: историческое знание и специфика источника. Избранные доклады и статьи / Отв. ред. Г. Ю. Колганова, А. А. Петров. М.: ИВ РАН, 2019 (Труды ИВ РАН; Вып. 21). С. 9–20.

Виноградова, Бобомуллоев, 2020 — *Виноградова Н. М., Бобомуллоев С.* Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. М.: ИВ РАН, 2020. 284 с.

Виноградова, Кутимов, 2018 — *Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г.* Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М.: ИВ РАН, 2018. 276 с.

Виноградова и др., 2008 — *Виноградова Н. М., Ранов В. А., Филимонова Т. Г.* Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). М.: ИВ РАН, 2008. 470 с.

Виноградова и др., 2012 — *Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д., Тойфер М.* Археологические исследования могильника Гелот в 2009 году // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2012. Вып. XXXV. С. 136–166.

Виноградова и др., 2013 — *Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д., Тойфер М.* Археологические исследования могильников Гелот и Дарнайчи в 2010 году // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2013. Вып. XXXVI. С. 91–118.

Гулямов и др., 1966 — *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент: ФАН, 1966. 268 с.

Дубова, 2020 — *Дубова Н. А.* Антропологическая характеристика материала из раскопок могильника Фархор (Пархар). Предварительные итоги // *Виноградова Н. М., Бобомуллоев С.* Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. М.: ИВ РАН, 2020. С. 216–264.

Исаков, 1991 — *Исаков А. И.* Саразм. Душанбе: Дониш, 1991. 244 с.

Кирчо, 2005 — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005 (Труды ИИМК РАН; Т. XVI). С. 347–421.

Кирчо, 2017 — *Кирчо Л. Б.* К датировке геоксюрского комплекса (новые данные из Алтын-депе в Южной Туркмении) // ЗИИМК. 2017. № 16. С. 35–51.

Кирчо, 2018 — *Кирчо Л. Б.* Путь на восток (контакты Южного Туркменистана и Южного Таджикистана III тыс. до н. э.) // ЗИИМК. 2018. № 19. С. 56–69.

Массон, 1960 — *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1955–1957) // Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана. Т. II / Под общ. ред. М. Е. Массона. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960 (Труды ЮТАКЭ; Т. X). С. 319–462.

Материалы…, 2017 —Материалы Фархорской археологической экспедиции / Ред.-сост. С. Бобомуллоев. Душанбе: Чопхонаи Дониш, 2017. 145 с.

Пьянкова, 1998 — *Пьянкова Л. Т.* Энеолит и бронзовый век // История Таджикского народа. Т. 1: Древнейшая и древняя история / Под ред. Б. А. Литвинского, В. А. Ранова; отв. ред. Р. М. Масов. Душанбе: Институт истории, этнографии и археологии им. А. Дониша, 1998. С. 163–180.

Ртвеладзе, 2012 — *Ртвеладзе Э. В.* Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-история, 2012 (Исторические исследования; № 9). 296 с.

Сариниди, 1965 — *Сариниди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М.: Наука, 1965 (САИ; Вып. Б3-8, ч. 4). 54 с.

Сариниди, 1976 — *Сариниди В. И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. Вып. 1. М.: Наука, 1976. С. 21–86.

Сариниди, 1977 — *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977. 168 с.

Сариниди, 1990 — *Сариниди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 315 с.

Сариниди, 1995 — *Сариниди В. И.* Составные статуэтки Бактрии и Маргианы // ВДИ. 1995. № 1 (212). С. 75–79.

Станкевич, 1978 — *Станкевич И. Л.* Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековье народов Средней Азии: Сб. ст. / Отв. ред. Б. Г. Гафуров, Б. А. Литвинский. М.: Наука, 1978. С. 17–31.

Тишкин, Филимонова, 2024 — *Тишкин А. А., Филимонова Т. Г.* Находки металлических изделий периода ранней бронзы на археологическом комплексе Шахидон в Таджикистане: особенности расположения комплексов и рентгенофлюоресцентный анализ // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до Средневековья: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 99–102.

Филимонова, Тишкин, 2024 — *Филимонова Т. Г., Тишкин А. А.* Продолжение раскопок на памятнике Шахидон в 2023 году: результаты исследований таджикско-российского археологического отряда // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2024. Вып. XXXVI. С. 263–271.

Amiet, 1977 — *Amiet P.* Bactriane proto-historique // Syria. 1977. T. 54, Fasc. 1–2. P. 89–121.

Biscione, Vahdati, 2011 — *Biscione R., Vahdati A. A.* Excavation at Tepe Chalow, Northern Khorasan, Iran // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. 2011. Vol. 53. P. 236–241.

Braun-Holzinger, 1977 — *Braun-Holzinger E. A.* Frühdynastische Beterstatuetten. Berlin: Gebr. Mann, 1977. 96 S.

Francfort, 1984 — *Francfort H.-P.* The Early Periods of Shortughai (Harappan) and the Western Bactrian Culture of Dashly // Proceedings of the 6th International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe (Cambridge University 5–10 July 1981) / Ed. B. Allchin. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 170–175.

Francfort, 1989 — *Francfort H.-P.* Fouilles de Shortughaï. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Paris: Diffusion de Boccard, 1989 (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; T. II). Vol. I. Texte. 517 p.

Francfort, 2016 — *Francfort H.-P.* How the twins met: Indus and Oxus Bronze Age Civilizations in Eastern Bactria. Shortughaï revisited forty years later // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. М.: Старый сад, 2016. P. 461–475.

Francfort et al., 2014 — *Francfort H.-P., Vahdati A. A., Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J., Fouache E., Tengberg M., Mashkour M., Shirazi Z.* Preliminary Report on the Soundings at Tepe Damghani, spring 2008 // Iranica Antiqua. 2014. Vol. 49. P. 111–158.

Hakemi, 1997 — *Hakemi A.* Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome: IsMEO, 1997 (Istituto italiano per il medio ed estremo oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs; Vol. 27). 721 p.

Jarrige, 1988 — *Jarrige J. F.* Le complex culturel (Période VIII) et de Sibri. Le Trésor de Quetta // Les cites oubliées de l'Indus. Archéologie du Pakistan. Catalogue de l'exposition du Musée National des Arts Asiatiques Guimet. Paris: Association française d'action artistique, 1988. P. 111–128.

Kohl, 1981 — *Kohl Ph. L.* The Namazga Civilization: an Overview // The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries / Ed. Ph. L. Kohl. New York: M. E. Sharpe Inc., Armonk, 1981. P. VII–XXXX.

Lyonnet, 1977 — *Lyonnet B.* Découverte de sites de l'age du bronze dans le N-E de Afganistan: leurs rapports avec la civilization de l'Indus // Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. Naples: Istituto universitario orientale, 1977. Vol. 37 (N. S. XXVII). P. 19–35.

Pottier, 1984 — *Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'âge du bronze. Paris: Èditions Recherche sur les Civilisations, 1984 (Mémoire nº 36). 232 p.

Salvatory, 2004 — *Salvatory S.* Oxus civilization cultural variability in the light of its relations with surrounding regions: the middle bronze age // У истоков цивилизации: Сб. ст. к 75-летию В. И. Сариниди / Ред. М. Ф. Косарев, П. М. Кожин, Н. А. Дубова. М.: Старый Сад, 2004. С. 92–101.

Sarianidi, 1993 — *Sarianidi V.* Reperti inediti da tombe battriane depredate // Mesopotamica. Firenze, 1993. XXVIII. P. 5–20.

Sarianidi, Dubova, 2013 — *Sarianidi W., Dubova N.* Treasures of Ancient Margiana. Photoalbum. Photos by K. Samurski / Ed. W. M. Hramov. Ashgabad: Türkmen döwlet neşirýat gullugu, 2013. 208 p.

Schmidt, 1937 — *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania Press, 1937. 478 p.

The Word…, 2021 — The World of the Oxus Civilization / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. 932 p.

Vahdati, 2014 — *Vahdati A. A.* A BMAC Grave from Bojnord, North-Eastern Iran // Iran. 2014. Vol. 52. P. 19– 27.

Vinogradova, 2021 — *Vinogradova N.* The Formation of the Oxus civilization / BMAK in Southwestern Tadjikistan // The World of the Oxus Civilization / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 635–664.

Vinogradova, Winkelmann, 2016 — *Vinogradova N., Winkelmann S.* The rich grave in the burial ground of Gelot (South Tadjikistan) // Proceedings of the 20th Conference of the European Association for South Asian Archaeology and Art. Held (Vienna 4–9 July 2010). Vol. 2: Contextualizing Material Culture in South and Central Asia in Pre-Modern Times / Eds. V. Widorn, U. Franke, P. Latschenberger. Turnhout: Brepols, 2016. P. 361–377.

Cultural contacts of the early population of South Tajikistan in the III — beginning of the II millennium BC

N. M. Vinogradova [5]

Keywords: South Tajikistan, cemeteries, chronology, cultural contacts

This article considers archaeological materials from the cemetery of Farkhor excavated in the Khotlon region in the south of Tajikistan. The new finds suggest the existence here of a local early agricultural Panj-Farkhor culture. The latter was closely linked with sites of the early population of Central Asia, Iran and North Afghanistan. People of this culture possibly participated in interregional contacts and raw-material trade in minerals (lapis lazuli) with neighbouring territories. Slightly later, in the end of the 3rd — beginning of the 2nd millennium BC, the area under consideration made part of the zone of formation of the Oxus culture or the Bactria-Margiana archaeological complex. In South Tajikistan, this culture is represented by burial complexes of Gelot and Darnaychi. Objects of art from Ancient Bactria (finding of a stone statuette from Gelot) are an evidence of their being influenced by western, i. e. Mesopotamian, examples possibly corresponding to the cultural demands of the local Bactrian society.

[5] Natalia M. Vinogradova — Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; e-mail: vinogradova.nataliya@gmail.com.

Результаты раскопок стоянки Косколово 11 в 2021 г.[1]

А. Ю. Городилов, М. А. Раззак[2]

Аннотация. *В статье рассматриваются результаты раскопок стоянки Косколово 11, расположенной в долине р. Хаболовки на юго-восточном побережье Финского залива. Выявлены следы кратковременных стоянок периода позднего неолита — эпохи бронзы, представленные двумя кострищами, скоплениями керамики, каменным инвентарем. К культуре шнуровой керамики относятся три сосуда, один из которых принадлежит к среднеевропейскому горизонту, и сланцевый наконечник типа Пюхеенсилта. Сетчатая керамика представлена фрагментами 3–5 сосудов. Подобная керамика известна на нескольких поселениях региона, и по опорному комплексу ее можно именовать «сетчатая керамика типа Галик».*

Ключевые слова: *культура шнуровой керамики, культура сетчатой керамики, стоянка, наконечники типа Пюхеенсилта.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-23-34

До недавнего времени долина р. Хаболовки, как и большая часть юго-восточного берега Финского залива, являлась белым пятном на карте памятников каменного века Ленинградской области. Единственным памятником эпохи первобытности была известная по разведочным работам В. И. Тимофеева 1983 г. Хаболовская стоянка, расположенная у истока одноименной реки и содержащая материалы эпохи раннего металла (*Тимофеев*, 1993. Рис. 3). Также в нижнем течении реки в начале XXI в. экспедицией НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ были открыты памятники средневекового периода с единичными находками более ранних периодов (*Шмелев и др.*, 2018. С. 353). В 2019–2023 гг. в результате разведочных полевых работ Ленинградской областной археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством А. Ю. Городилова в долине реки было выявлено 11 поселенческих памятников неолита — эпохи бронзы, на четырех из которых проведены раскопки (рис. 1). В ходе данных раскопок изучены комплексы практически всех известных в регионе культур периода неолита — эпохи бронзы: гребенчатой керамики с комбинированной примесью, типичной гребенчатой керамики, шнуровой керамики, сетчатой керамики с примесью органики и сетчатой керамики с минеральной примесью (типа Галик) (*Городилов*, 2022).

Одним из раскопанных памятников является стоянка Косколово 11. Работы проводились в 2021 г. совместной экспедицией ИИМК РАН, МАЭ РАН и НИЦ «Актуальная археология». Стоянка расположена на левом берегу р. Хаболовки, в 15 м к западу от старицы реки и на расстоянии 50 м к западу от ее современного русла. Река здесь протекает вдоль террасы высотой 8,5 м БС. Памятник приурочен к небольшому песчаному всхолмлению, ограниченному краем террасы с востока и заболоченной низиной с юга и запада. Стоянка была практически полностью раскопана на площади 572 кв. м, неизученным остался участок, наиболее близко примыкающий к реке. В ходе раскопок было выяснено, что памятник представляет собой остатки кратковременной стоянки, посещавшейся как минимум дважды: в III тыс. до н. э. носителями культуры шнуровой

[1] Исследование проведено по темам государственного задания: Городиловым А. Ю. — «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных цифровых технологий» (FMZF-2025-0012); Раззак М. А. — «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

[2] Городилов А. Ю., Раззак М. А. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: ramapitec@yandex.ru, marija_ju@mail.ru.

© Городилов А. Ю., Раззак М. А., 2025

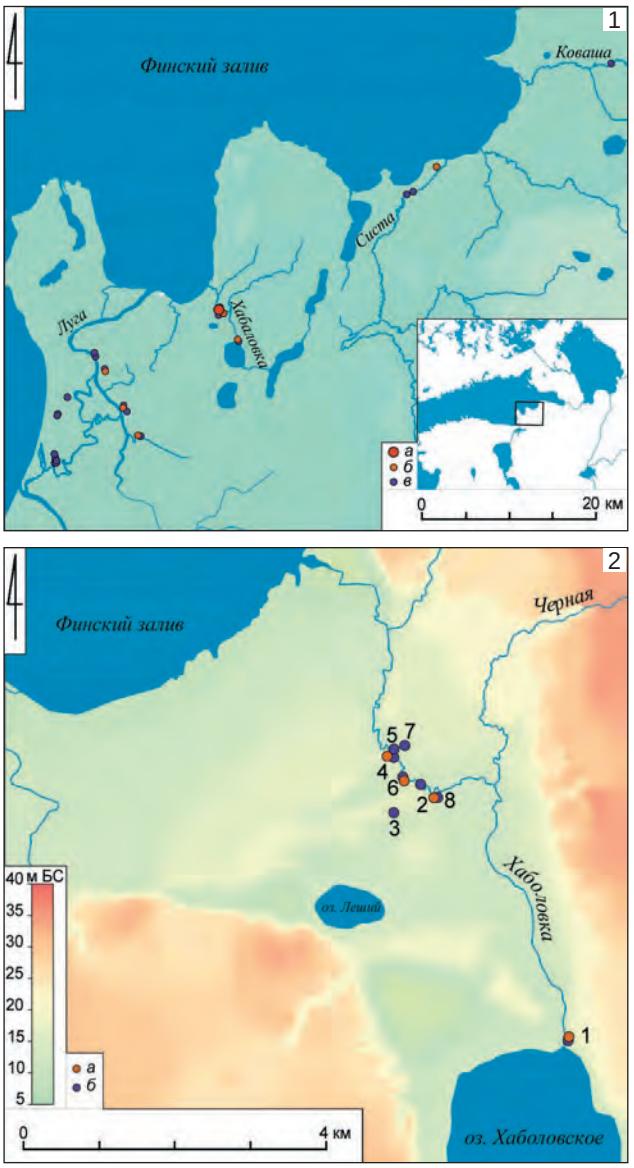


Рис. 1. Памятники неолита — эпохи бронзы:
1 — на юго-восточном берегу Финского залива (*а* — стоянка Косколово 11; *б* — памятники с сетчатой керамикой типа Галик; *в* — памятники со шнуровой керамикой); *2* — бассейна Хаболовки (*а* — памятники с сетчатой керамикой типа Галик; *б* — памятники со шнуровой керамикой; *1* — Хаболовская стоянка; *2* — Косколово 5; *3* — Косколово 6; *4* — Косколово 9; *5* — Косколово 10; *6* — Косколово 11; *7* — Косколово 12; *8* — Косколово 14)

Fig. 1. Neolithic — Bronze Age sites: *1* — on the south-eastern shore of the Gulf of Finland (*а* — the site Koskolovo 11; *б* — sites with Galik-type Textile pottery; *в* — sites with corded ware); *2* — in the Khabolovka basin (*а* — sites with Galik-type Textile pottery; *б* — sites with corded ware; *1* — the site Khabolovskaya; *2* — Koskolovo 5; *3* — Koskolovo 6; *4* — Koskolovo 9; *5* — Koskolovo 10; *6* — Koskolovo 11; *7* — Koskolovo 12; *8* — Koskolovo 14)

керамики и на рубеже II–I тыс. до н. э. носителями культуры сетчатой керамики (типа Галик). Ранее мы упоминали о находках сетчатой керамики на стоянке по результатам разведочных работ (*Городилов, Раззак*, 2020а; 2020б).

В раскопе была прослежена типичная стратиграфия большинства стоянок неолита — эпохи бронзы юго-восточного берега Финского залива: под лесной подстилкой и слоем гумуса залегал частично перемешанный слой белесого песка мощностью до 0,15 м (горизонт вымывания), ниже находился слой коричневого песка с ортзандами мощностью до 0,2 м (горизонт вмывания). Под ним расположена почвообразующая порода — светло-желтый песок. Литологически выраженный культурный слой на памятнике отсутствовал (рис. 2).

Находки разных культур в плане располагались в непосредственной близости друг от друга, однако их стратиграфическое положение отличалось: почти вся шнуровая керамика была найдена на отметках 7,9–8,2 м БС, в слое коричневого песка и верхней части слоя желтого песка. Сетчатая керамика залегала несколько выше — на отметках 8,35–8,40 м БС, в нижней части слоя белесого песка. В нижележащих слоях сетчатая керамика практически не встречалась. Различная стратиграфическая приуроченность позволила выделить объекты, связанные с разными культурами, в отдельные контексты.

Со шнуровой керамикой соотносится зафиксированное в северной части раскопа кострище 2, вокруг которого расчищены несколько развалов сосудов. Кострище представляло собой пятно размерами 0,85 × 0,85 м, заполненное серым золистым песком с примесью угольков и кальцинированных костей. Мощность золистого заполнения достигала 0,5 м. В кострище зафиксировано 20 фрагментов кальцинированных костей. Шнуровая керамика была найдена как в развалах вокруг кострища, так и на удалении до 5 м от него. Общая площадь распространения черепков составила около 40 кв. м, размеры участка — 10 × 4 м (рис. 3, *2*).

В северной части раскопа в двух метрах к северо-востоку от кострища 2 было изучено кострище 1. Здесь расчищено несколько обгорелых плашек, около которых встречались мелкие неопределимые фрагменты пережженных костей. Высотные отметки плашек составляли 8,30–8,35 м БС. Вокруг них зафиксировано скопление камней со следами температурного растрескивания. Всего было найдено 15 гранитных и гнейсовых галек размерами 0,1–0,2 м в поперечнике. Стратиграфически они

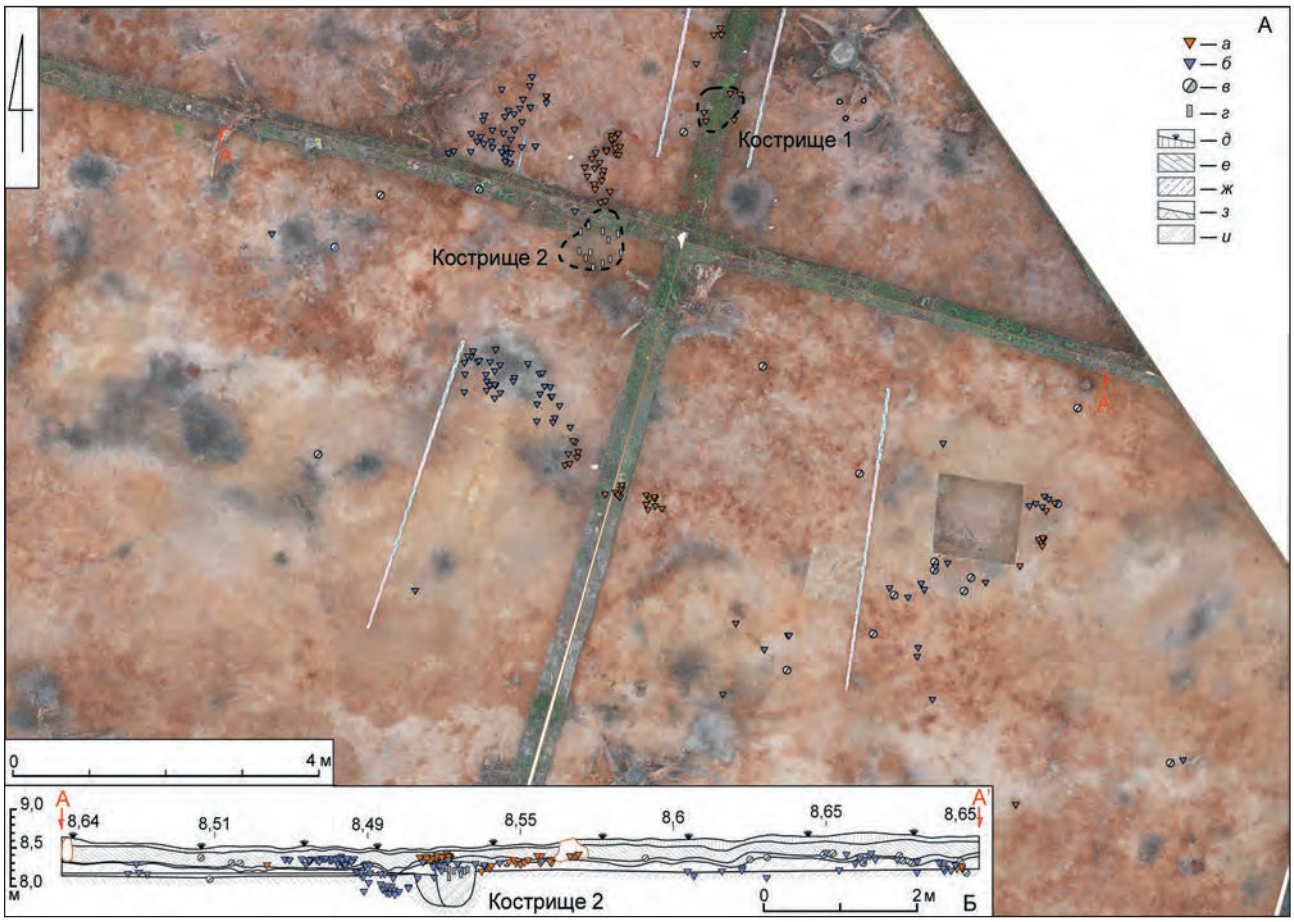


Рис. 2. Стоянка Косколово 11: *А* — план центральной части раскопа (*а* — фрагменты сетчатой керамики типа Галик; *б* — фрагменты шнуровой керамики; *в* — изделия из камня; *г* — кальцинированные кости; *д* — гумусовый слой; *е* — белесый песок; *ж* — песок коричневый с ортзандами; *з* — песок желтый; *и* — песок светло-серый с включениями кальцинированных костей); *Б* — разрез АА'

Fig. 2. The site Koskolovo 11: *A* — a plan of the central part of the excavation (*a* — fragments of Textile pottery of the Galik type; *б* — fragments of corded ware; *в* — stone artifacts; *г* — calcified bones; *д* — humus layer; *е* — whitish sand; *ж* — brown sand with ortsands; *з* — yellow sand; *и* — light grey sand with inclusions of calcified bones); *Б* — the section AA'

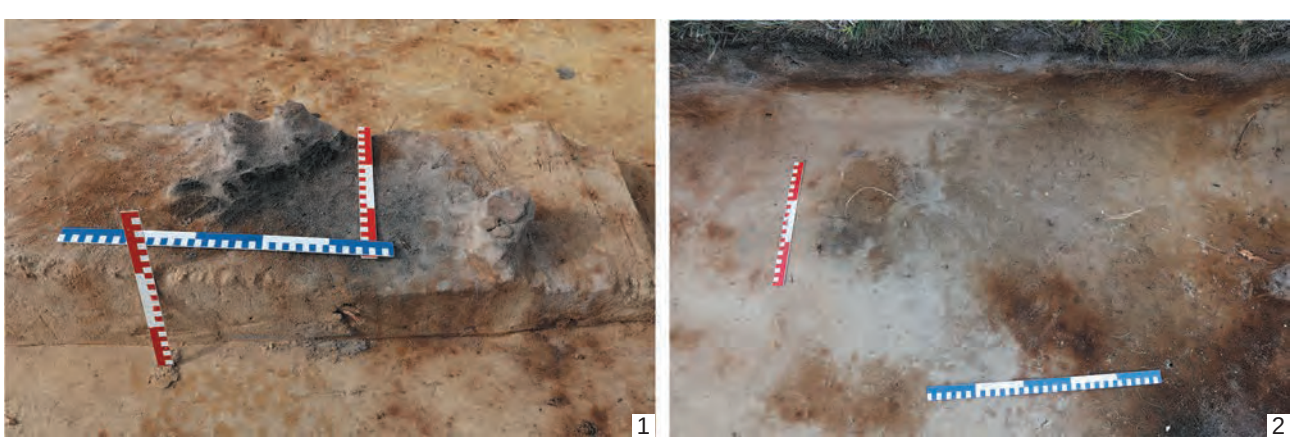


Рис. 3. Стоянка Косколово 11. Кострища 1 и 2

Fig. 3. The site Koskolovo 11. The fireplaces 1 and 2

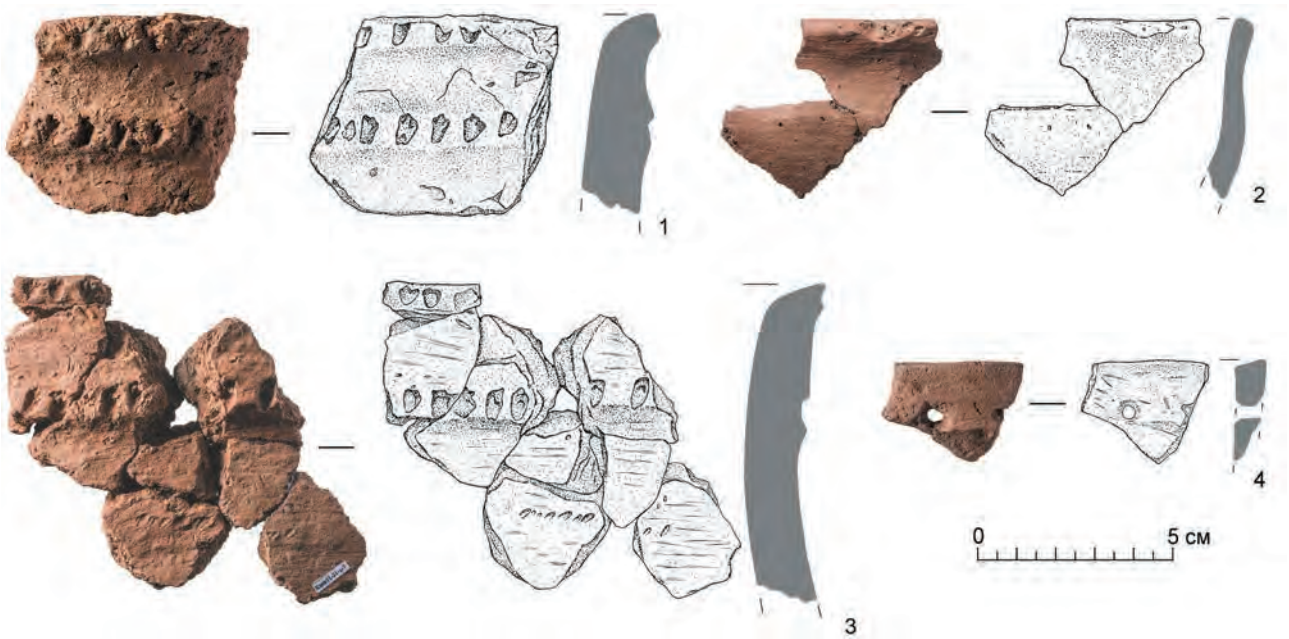


Рис. 4. Стоянка Косколово 11. Сосуды культуры шнуровой керамики: *1, 3* — сосуд 3ш; *2* — сосуд 2ш; *4* — сосуд 1ш
Fig. 4. The site Koskolovo 11. Vessels of the Corded Ware culture: *1, 3* — the vessel 3ш; *2* — the vessel 2ш; *4* — the vessel 1ш

были расположены на кровле коричневого песка. Общие размеры скопления 3,5 × 2,5 м. Высотные отметки камней — 8,35–8,40 м БС. В непосредственной близости от обгорелых плах было найдено насколько фрагментов стенок сетчатой керамики типа Галик. Сетчатая керамика, составляющая единый комплекс с кострищем 1, была найдена и в нескольких развалах к югу от кострища, на расстоянии до 5 м от последнего; несколько черепков найдены также на расстоянии 7 м к юго-востоку от кострища. Общая площадь распространения керамических фрагментов составила около 30 кв. м, размеры — 7 × 8 м (рис. 3, *1*).

Шнуровая керамика

Всего на стоянке было найдено 1074 фрагмента, относящихся к данной керамической традиции, общей массой 2,39 кг. Они происходят минимум от трех сосудов.

Два сосуда (1ш и 2ш) схожи между собой, они представлены фрагментами венчиков и стенок. Тесто сосуда 1ш имеет примесь шамота. На поверхности сосуда есть несколько отпечатков тонких органических волокон, но обнаружить их присутствие непосредственно в составе формовочной массы не удалось. Поверхность сосуда залощена. Он, вероятно, имеет слабовыраженную S-видную профилировку и прямой П-образный слегка скошенный внутрь венчик, диаметр которого составляет около 20 см. Толщина стенок сосуда — 0,6 см. Сосуд орнаментирован под венчиком одним рядом ямок, расположенных на расстоянии 1 см ниже верхнего края (рис. 4, *4*), и относится к типу D по классификации Т. Эдгрена (*Edgren*, 1970. P. 19–26).

Сосуд 2ш сделан из формовочной массы с примесью шамота и незначительного количества песка (возможно, естественного происхождения). Поверхность сосуда также залощена, имеет выраженный S-видный профиль и округлый срез венчика. Диаметр сосуда по венчику составляет 20,0–30,0 см, а толщина стенок — 0,5 см. Сосуд не орнаментирован (рис. 4, *2*) и относится к типу F по классификации Т. Эдгрена.

Сосуд 3ш сделан из теста с примесью шамота, тесто промешано хуже, чем у сосудов 1ш и 2ш, на внешней поверхности фиксируются следы растрескивания внешнего слоя, на внутренней — расчесы. Сосуд также имеет S-видный профиль и слегка отогнутый наружу венчик. На расстоянии 3 см под венчиком сделан горизонтальный валик, по которому нанесен ряд оттисков подовального штампа, ряд подобных оттисков нанесен и по внешнему краю венчика. Толщина стенок сосуда составляет до 1,5 см (рис. 4, *1, 3*). По классификации шнуровой керамики Т. Эдгрена сосуд относится к типу E-3.

Среди материалов юго-восточного берега Финского залива и юго-западной части Ленинградской области в настоящее время известны

шесть сосудов, схожих с сосудом 3ш, — они найдены на памятниках Галик 11, Куровицы 4, Косколово 11, Коваши и Сяберо III (*Городилов и др.*, 2023. С. 14). Встречаются такие сосуды и в других регионах Восточной Балтики: в Латвии (*Loze*, 2003. P. 84), Литве (*Piličiauskas*, 2018. Fig. 39; 45), Финляндии (*Edgren*, 1970. Fig. 23, 36), при этом в соседней Эстонии такие сосуды почти неизвестны (*Jaanits et al.*, 1982. Joon. 78). Есть подобные находки и к востоку от Финского залива — среди древностей фатьяновской культуры (*Кренке*, 2014. Рис. 2). В целом данный тип сосудов относится к среднеевропейскому горизонту по классификации И. А. Лозе и является характерным для культур шнуровой керамики, встречаясь на большей части территории их распространения (*Loze*, 2003. P. 84, 85; *Larsson*, 2009. P. 145, fig. 5, *11*).

Сосуды 1ш и 2ш относятся к региональному варианту культуры шнуровой керамики, который на большинстве памятников юго-восточного берега Финского залива представлен материалами эстонской культуры. Однако сосуды поселения Косколово 11 имеют ряд существенных отличий от эталонных коллекций этого варианта, изученных как на территории Эстонии, на памятнике Рийгикюла XIV (*Kriiska*, 2000), так и на территории Ленинградской области — в гомогенных комплексах памятника Галик 11 (*Городилов, Раззак*, 2021; 2022). Отличия проявляются в составе формовочной массы. Сосуды выполнены из теста с примесью шамота и, возможно, песка, а примесь волос обнаружить не удалось (схожие с ними отпечатки зафиксированы только на поверхности сосуда 1ш). При этом примесь волос является культуроопределяющей для сосудов эстонского варианта культуры. Еще одним отличием является толщина стенок сосудов. Для «кухонных сосудов» эстонской культуры шнуровой керамики она составляет 0,8–1,1 см, а сосуды поселения Косколово 11 имеют более тонкие стенки толщиной 0,5–0,6 см. Отличия есть и в способе обработки поверхности — у сосудов 1ш и 2ш она залощена сильнее, чем на большинстве сосудов эстонского варианта культуры.

Сетчатая керамика

Всего на стоянке было найдено 484 фрагмента сетчатой керамики. В материалах поселения Косколово 11 можно выделить 3–5 сосудов с сетчатыми отпечатками и примесью дресвы. Два сосуда схожи между собой, они представлены фрагментами венчиков.

Сосуд 1с (рис. 5, *1*) имеет в тесте примесь дресвы (размер фракции до 0,4 см), толщина его стенок — до 0,8 см. Профилировка слегка S-видная, срез венчика округлый, диаметр около 26 см. Ширина лент около 3,5 см. Внешняя поверхность покрыта сетчатыми отпечатками. Орнаментация — ряд ямок с интервалом 3,5 см под венчиком на расстоянии 1,5 см от верха сосуда.

Сосуд 2с (рис. 5, *2*) имеет примесь дресвы (размер фракции до 0,7 см), толщина его стенок — 0,7–0,8 см. Профилировка прямая, срез венчика округлый, диаметр около 20 см. Сосуд покрыт сетчатыми отпечатками на внешней и внутренней поверхностях. Орнаментация — ряд отверстий с интервалом между ними 4,5 см под венчиком на расстоянии 2,5 см от верха сосуда.

Третий сосуд (рис. 5, *3*) — миниатюрный, представлен небольшим фрагментом венчика, тесто его имеет примесь дресвы (размер фракции до 0,4 см), толщина его стенок — 0,3–0,4 см. Профилировка S-видная, срез венчика уплощен. Сосуд покрыт сетчатыми отпечатками на внешней поверхности. Орнаментация — ряд отверстий под венчиком на расстоянии 1 см от верха сосуда.

Фрагменты сетчатой керамики также представлены обломками стенок и придонных частей. Среди них выделяются кусочки двух разных сосудов, имеющих характерный сетчатый отпечаток. Один из них (рис. 5, *4*) представлен фрагментами придонной части сосуда, для которых характерен крупноячеистый отпечаток на внешней и внутренней поверхностях. Диаметр донца — около 14 см. Фрагменты стенки другого сосуда имеют необычный сетчатый отпечаток, состоящий из удлиненных ячеек (рис. 5, *5*).

Рассмотренные сосуды относятся к культуре сетчатой керамики эпохи бронзы. Опорный комплекс керамики данного типа изучен на поселении Галик 11, расположенном в 14 км к юго-востоку. Здесь в 2020 г. раскопано жилище с аналогичными находками, в керамическом комплексе выявлено более 40 сосудов, также найдены следы бронзолитейного производства и каменные орудия (*Городилов, Раззак,* 2021; *Razzak*, 2022). Материалы датированы концом II — началом I тыс. до н. э. Сосуды поселения Косколово 11 имеют прямое сходство с керамикой поселения Галик 11. Среди общих признаков можно перечислить следующие: сосуды имеют примесь дресвы, прямой или S-видный профиль, сетчатые отпечатки на всей внешней и, как правило, на внутренней поверхностях. Присутствуют относительно крупные горшки (диаметром 20–26 см), а также

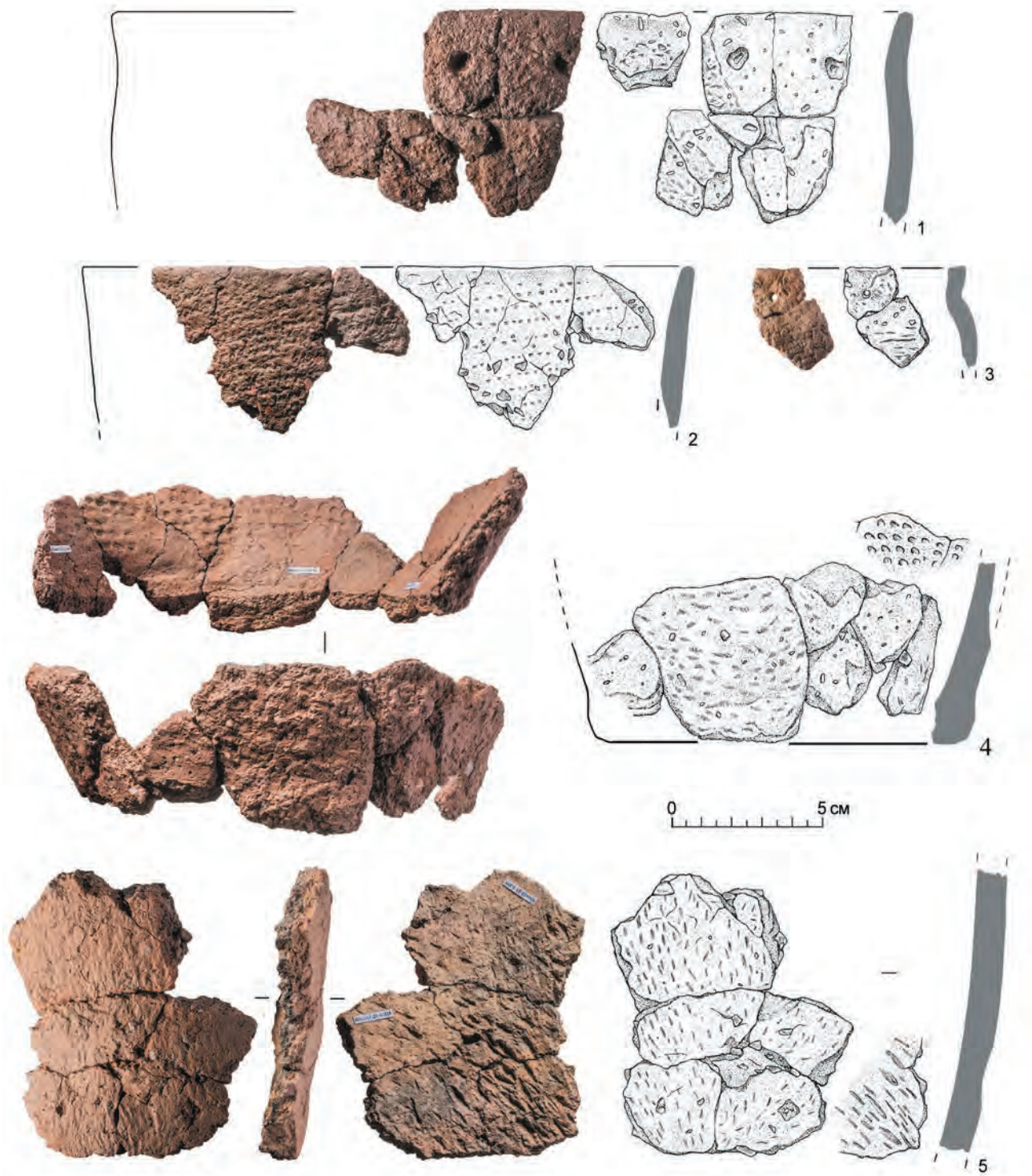


Рис. 5. Стоянка Косколово 11. Сосуды культуры сетчатой керамики: *1* — сосуд 1с; *2* — сосуд 2с; *3* — сосуд 3с; *4* — фрагмент придонной части; *5* — фрагмент стенки

Fig. 5. The site Koskolovo 11. Vessels of the Textile pottery culture: *1* — the vessel 1c; *2* — the vessel 2c; *3* — the vessel 3c; *4* — a fragment of the bottom part; *5* — a fragment of the vessel wall

миниатюрные формы. Орнаментация сосудов простая, представлена одним рядом ямок или отверстий под венчиком.

Каменный инвентарь

Коллекция, полученная при раскопках стоянки Косколово 11, насчитывает 26 предметов из камня, половина из которых — это предметы из гранита и гнейса (13 экз.). Кроме них представлены предметы из кварца (6 экз.), песчаника (5 экз.), сланца (1 экз.) и кремня (1 экз.). Инвентарь можно разделить на пять технологических групп: немодифицированные, продукты расщепления, орудия, абразивы и прочее.

К *немодифицированным* отнесены семь гранитных и гнейсовых галек без следов обработки, залегавшие компактной группой в восточной части скопления шнуровой керамики, что позволяет предположить, что они были специально отобраны для дальнейшего использования.

К *продуктам расщепления* относятся два гнейсовых и три кварцевых отщепа и одна кварцевая чешуйка. Максимальные размеры отщепов — 7,10 × 5,10 × 1,80 см, средние — 3,44 × 2,38 × 0,88 см. Первичные отщепы в коллекции отсутствуют, есть лишь один полупервичный отщеп (рис. 6, *3*). Технику получения отщепов можно определить как биполярную.

К группе *орудий* относятся отщепы с ретушью, фрагмент наконечника и два фрагмента лезвия пилы (?). Отщепы с ретушью представлены двумя изделиями из кварца и кремня; их размеры — 2,9 × 2,9 × 1,3 и 2,3 × 1,8 × 0,6 см. Оба получены в биполярной технике; у них имеются несколько мелких нерегулярных фасеток на боковой грани, не образующих отчетливого лезвия (рис. 6, *2*). В коллекции представлен один фрагмент наконечника стрелы размерами 5,3 × 0,7 × 0,5 см, выполненный из сланца. Сохранилась средняя часть тела орудия, насад и перо утрачены. В сечении наконечник ромбический, грани зашлифованы. По характерному сечению и удлиненным пропорциям наконечник может быт отнесен к типу Пюхеенсилта (Ниельв) (рис. 6, *4*). К орудиям можно отнести два скола лезвия пилы (?), выполненные из песчаника. Размеры сколов 2,0 × 1,4 × 0,2 и 1,7 × 1,2 × 0,2 мм.

Группа *абразивов* из песчаника и гранита насчитывает шесть экземпляров. Шлифовальные плиты (2 экз.) выделены по наличию плоской поверхности со следами использования. Они довольно массивны, и предполагается их использование в качестве стационарных инструментов. Одна плита сохранилась полностью — это гранитный валун размерами 23,0 × 16,5 × 12,8 см, вторая представлена массивным сколом размерами 11,0 × 4,4 × 2,2 см с участком зашлифованной поверхности. Шлифовальные плитки (4 экз.) отличаются от шлифовальных плит меньшими размерами и обычно имеют более одной грани со следами работы, свидетельствующими о том, что их использовали на весу, держа в руке. Целое изделие представлено одной гнейсовой галькой размерами 6,3 × 5,1 × 2,5 см, залощенной с торца и по одной из плоских граней. Изделия из песчаника представлены во фрагментах, наибольший из которых имеет размеры 6,3 × 4,7 × 1,1 см и следы использования по плоской стороне и по периметру на ребрах. Плитка, видимо, использовалась длительное время, о чем свидетельствует сильная сработанность плоскости, приведшая к появлению желобка (рис. 6, *1*).

К группе *прочих предметов* относится отбойник из гранитной гальки размерами 12,5 × 6,5 × 4,5 см с участком износа (забитости) на торце и отбойник-ретушер (рис. 6, *5*) из плоской кварцевой гальки размерами 5,1 × 3,4 × 1,5 см, на обеих уплощенных поверхностях и ребре которого присутствуют пять участков износа (в состав следов входят выбоинки, развернутые конические трещины, линейные следы, что соответствует использованию предмета в качестве ударного инструмента по камню[3]).

Культурно-хронологическая атрибуция коллекции каменных предметов затруднена. Стратиграфически большая часть предметов была найдена в слое коричневого и желтого песка, что предполагает их связь с культурой шнуровой керамики. В слое белесого песка были найдены кварцевый отбойник-ретушер и отбойник, на контакте слоев белесого и коричневого песка залегала группа из семи галек без следов обработки. Однако нельзя исключать и вертикального перемещения по слою отдельных предметов вследствие естественных процессов, что не позволяет уверенно обозначить культурно-хронологическую принадлежность того или иного артефакта. Ситуация осложняется тем, что для культуры как шнуровой керамики, так и сетчатой керамики типа Галик характерны стоянки с минимальным количеством каменных артефактов. Так, на поселении Галик 11 при общем составе коллекции в 8304 предмета изделия из камня составляют

[3] Благодарим К. Н. Степанову за трасологическое определение.

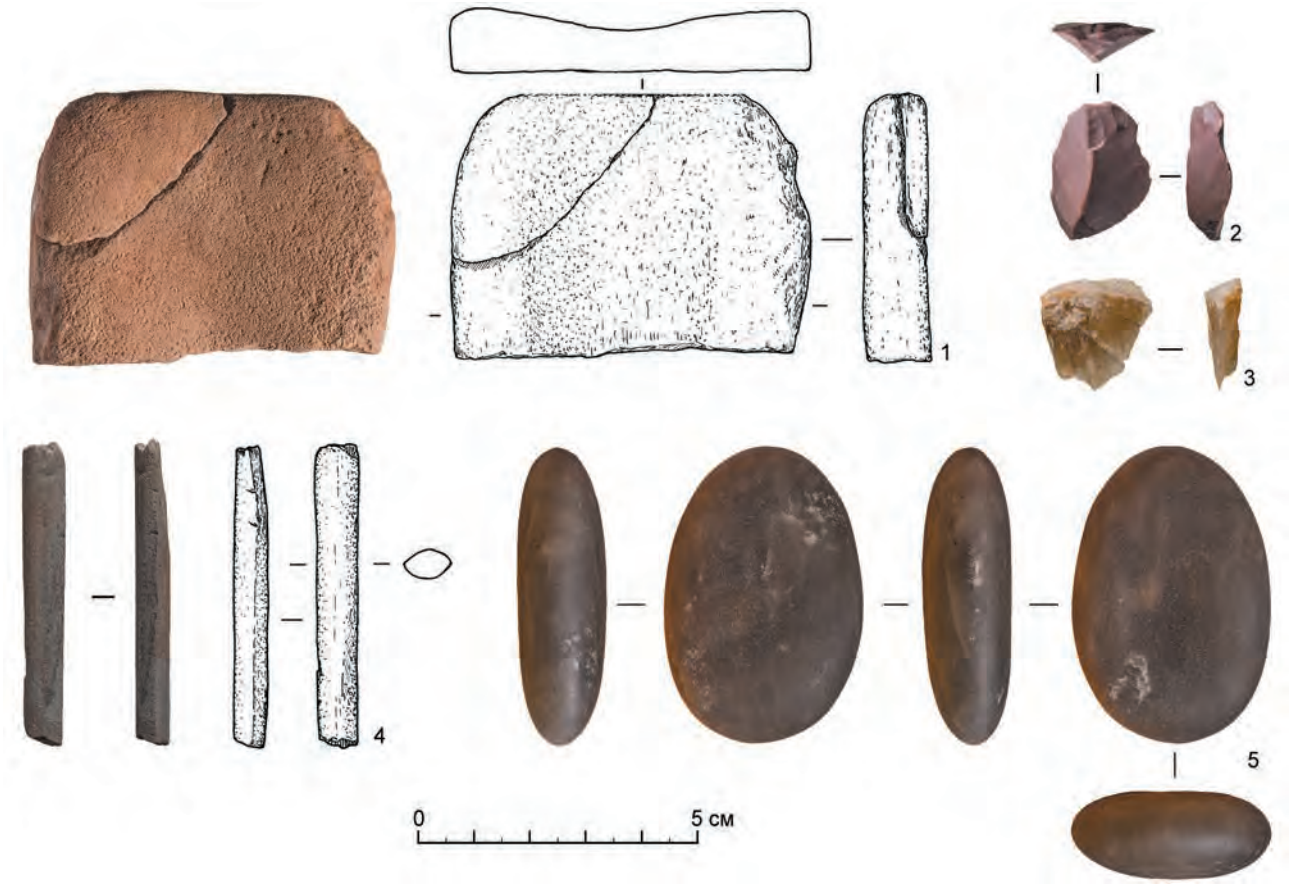


Рис. 6. Стоянка Косколово 11. Изделия из камня: *1* — фрагмент шлифовальной плитки; *2* — отщеп с ретушью; *3* — отщеп; *4* — фрагмент наконечника стрелы типа Пюхеенсилта; *5* — отбойник-ретушер

Fig. 6. The site Koskolovo 11. Stone artifacts: *1* — a fragment of the polishing stone; *2* — retouched flake; *3* — a flake; *4* — a fragment of the arrowhead of the Pyheensilta type; *5* — retouch hammer

только 763 экз., на стоянке Коваши при общем составе коллекции в 108 предметов изделия из камня представлены 49 экз.

Единственным типологически определимым изделием из каменной коллекции является фрагмент сланцевого наконечника стрелы типа Пюхеенсилта. Данный тип наконечников хорошо известен в археологии каменного века Северной Европы. Подобные орудия найдены на территории Норвегии, Финляндии, Кольского полуострова, Карелии, Карельского перешейка и Прибалтики. Впервые этот тип был выделен К. Ф. Мейнандером еще в конце 1930-х гг. (*Meinander*, 1939).

В северной части ареала своего распространения, Северо-Восточной Норвегии, сланцевые наконечники типа Пюхеенсилта (Ниельв) являются одним из определяющих типов орудий для периода II позднего каменного века (*Helskog*, 1980. P. 54; *Olsen*, 1994. P. 54, 55), датируемого в настоящее время 4000–3300 гг. до н. э. (*Hesjedal et al.*, 2009. P. 399), но подобные наконечники также встречаются и в контекстах, относящихся к более раннему и позднему времени (*Hesjedal et al.*, 1996. P. 174, 175). Несколько наконечников типа Пюхеенсилта найдено на территории Кольского полуострова. Здесь они считаются специфичным типом среднего неолита и датируются в пределах от начала IV до середины III тыс. до н. э. (*Колпаков и др.*, 2024. С. 120)[4].

В Финляндии, где данный тип наконечников был изначально выделен и которая часто считается зоной распространения подобных орудий (*Жульников*, 1999. С. 57), наконечники типа Пюхеенсилта длительное время связывали с культурой поздней гребенчатой керамики (*Kriiska, Saluäär,* 2000. P. 26, 27), датируемой 2900–2400 гг. до н. э. (*Salo*, 1997. P. 8, 9), однако в последнее время они были обнаружены и на поселениях культуры типичной

[4] Благодарим А. М. Киселёву за консультации по находкам с территории Кольского полуострова и Норвегии.

гребенчатой керамики (*Kriiska et al*., 2007. P. 110), датируемой более ранним временем — 4000–3400 гг. до н. э. (*Nordqvist*, 2018. Tab. 1).

Для территории Карелии схожие наконечники были описаны А. М. Жульниковым. Согласно его классификации они относятся к типу 1, варианту «а», включающему удлиненные наконечники ромбического или линзовидного сечения с уплощенным черешком (*Жульников*, 1999. С. 56, 57, рис. 47). Появление таких наконечников на территории Карелии исследователь связывает с инновацией, а возможно, в дальнейшем и с переселением на территорию Карелии отдельных групп населения с территории Финляндии (*Там же*. С. 57). Хронологически А. М. Жульников определяет время бытования большинства сланцевых наконечников эпохой энеолита и соотносит с культурами с пористой и асбестовой керамикой. В настоящее время хронологический диапазон этих культур определяется серединой IV — первой половиной III тыс. до н. э. (*Zhulnikov et al*., 2012; *Nordqvist*, 2018. Tab. 1; *Иванищева и др*., 2020. Рис. 2).

В большом количестве известны наконечники типа Пюхеенсилта и на территории Карельского перешейка. Подробный обзор данной категории находок приведен в статье Р. И. Муравьева (*Муравьев,* 2022), где исследователь на основании анализа материалов со стоянки Березово-2 предполагает совместный период существования наконечников типа Пюхеенсилта с керамикой пипа Пёлья (*Там же*. С. 152), датируемой в настоящее время 3300–2500 гг. до н. э. (*Nordqvist, Mökkönen*, 2021).

Представительная коллекция сланцевых наконечников найдена на восточной оконечности Финского залива, на памятнике Охта 1[5]. Согласно предложенной авторами этих раскопок классификации найденный на Косколово 11 фрагмент наконечника можно отнести к типу II: «наконечники преимущественно ромбические в сечении, шириной 0,7–1,0 см, толщиной 0,4–0,7 см и длиной 8,1–16,5 см», а время их бытования определить концом IV — первой половиной III тыс. до н. э. — «временем появления населения, изготавливающего гребенчатую керамику с органикой (пористую) и асбестом» (*Гусенцова и др*., 2024. С. 234).

Несколько наконечников типа Пюхеенсилта найдено в Юго-Восточной Прибалтике: семь экземпляров на территории Эстонии, пять — на территории Латвии, два — на территории Литвы (*Kriiska, Saluäär*, 2000. P. 18–20). Почти все они происходят с поселений позднего неолита, где присутствует поздняя гребенчатая керамика. На основании радиоуглеродной хронологии А. Крийска датирует этот период 2850–1945 гг. до н. э. (*Ibid.* P. 26). Также один из наконечников, найденных на территории Эстонии, обнаружен в контексте, связанном с культурой шнуровой керамики, совместно с топором типа Карлова — в погребении, датированном радиоуглеродным методом 2460–2130 гг. до н. э. (*Kriiska et al*., 2007. Tab. 1).

На российской части южного берега Финского залива помимо наконечника из Косколово 11 известны еще три похожих орудия. Два из них найдены в бассейне Хаболовки на поселении Косколово 9. Здесь обнаружены целый экземпляр и фрагмент пера наконечника. Культурно-хронологический контекст этих находок не до конца ясен, поскольку на поселении представлены материалы нескольких культур: шнуровой керамики, сетчатой керамики с примесью органики и сетчатой керамики типа Галик, общий хронологический диапазон существования которых определяется началом III — началом I тыс. до н. э. Еще один наконечник найден в четком контексте — на территории жилой зоны культуры ромбоямочной керамики на поселении Куровицы 9. Согласно двум радиоуглеродным датам, полученным по нагару с сосудов, поселение относится ко второй четверти IV тыс. до н. э.

Резюмируя, можно сделать вывод, что сланцевые наконечники типа Пюхеенсилта распространяются по территории Севера Европы в первой половине IV тыс. до н. э., при этом на южном берегу Финского залива их появление фиксируется не позднее второй четверти IV тыс. до н. э. Эти наконечники встречаются как совместно с типичной гребенчатой и ромбоямочной керамикой, так и с поздней гребенчатой керамикой. Наиболее поздние контексты, где фиксируются подобные наконечники, относятся минимум ко второй половине III тыс. до н. э. и связаны с культурой шнуровой керамики. Таким образом, найденный на Косколово 11 наконечник может быть связан с контекстом шнуровой керамики, о чем также свидетельствует стратиграфическое положение его залегания — на отметках 7,85 м БС, в слое желтого песка.

Выводы

Исследованная в нижнем течении Хаболовки стоянка Косколово 11 является типичным памятником культуры шнуровой керамики Восточной

[5] Наконечники происходят из раскопок экспедиции СЗНИИ «Наследие» 2008–2009 гг.

Балтики. Он представляет собой остатки кратковременной стоянки, для которой характерен слабонасыщенный, литологически не выраженный культурный слой, содержащий минимальное количество археологических объектов и сопутствующих им элементов материальной культуры, как правило, фрагменты нескольких сосудов и иногда отдельные каменные изделия. Вместе с тем краткость пребывания людей на таких памятниках позволяет воспринимать время их существования как событие, а не период, и, соответственно, получать тонкий хронологический срез материальной культуры, продолжительность которого составляет в лучшем случае годы, а не десятилетия и столетия, как на поселениях длительного пребывания.

Фиксируемая на стоянке материальная составляющая культуры шнуровой керамики представляет значительный интерес, поскольку в отличие от большинства памятников региона разнится с эстонским вариантом культуры шнуровой керамики, но находит прямые аналогии в более широкой географической перспективе: как среди среднеевропейского горизонта культур шнуровой керамики (сосуд 3ш), так и среди поздненеолитических древностей Северной Европы (наконечник типа Пюхеенсилта).

Сетчатая керамика с минеральной примесью, найденная на стоянке Косколово 11, аналогична находкам керамики на стоянках и поселениях рассматриваемого региона: Косколово 9, 15, Галик 11, 12[6], 13, Куровицы 4, 10, Хаболовская[7], Систа 3. Таким образом, керамика рассматриваемого типа известна уже на девяти памятниках на территории протяженностью около 45 км и шириной около 10 км. Такая керамическая традиция, лучше всего изученная на поселении Галик 11, относится к одному из этапов развития сетчатой керамики в регионе юго-восточного побережья Финского залива и может быть названа «сетчатая керамика типа Галик». По датировке жилища на поселении Галик 11 данный тип керамики относится к концу II — началу I тыс. до н. э.

Близкую аналогию керамике типа Галик составляет одна из групп сетчатой керамики Эстонии, рассмотренная в работах А. Крииска и М. Лавенто (*Kriiska et al*., 2005; *Крийска, Лавенто,* 2007). Для сосудов из памятников Эстонии характерны: примесь дресвы; различные диаметры вплоть до полуметровых; слабопрофилированный край; текстильные отпечатки на внешней и иногда внутренней поверхностях; невыразительный орнамент, обычно представленный ямками в верхней части сосуда, изредка встречаются отпечатки гребенки. По радиоуглеродным датировкам нагара на двух сосудах группа датируется концом II — началом I тыс. до н. э. В. Ланг относит эти фрагменты керамики к типу Люганузе и датирует его поздним бронзовым веком — доримским периодом; сходная керамика с текстильными отпечатками встречается в составе керамики типа Асва, датированной поздним бронзовым веком (*Lang*, 2007. P. 127–130, fig. 58; 60).

Большинство поселений с сетчатой керамикой эпохи бронзы, расположенных к северу и востоку от исследуемого региона — на Карельском перешейке и в Финляндии, Поволховье и юго-восточном Приладожье, датируются серединой — рубежом II–I тыс. до н. э. (*Юшкова*, 2015. С. 314, табл. 1). Характерная для них керамика несколько отличается от керамики типа Галик: основной примесью является дресва, но на некоторых поселениях присутствуют сосуды с примесью органики; сосуды имеют выраженную S-видную профилировку; орнамент занимает верхнюю часть сосуда и иногда часть тулова, он более разнообразен, представлен рядами ямок по шейке и тулову, отпечатками гребенчатого штампа, образующими зигзагообразный мотив и горизонтальные линии. Данные различия могут быть связаны и с хронологической изменчивостью, и с региональными особенностями.

Можно предполагать, что керамика типа Галик является результатом местного развития сетчатой керамики с примесью органики, однако их разделяет значительный хронологический разрыв более половины тысячелетия. Поиск в регионе юго-востока Финского залива поселений с сетчатой керамикой, которые можно датировать периодом около 1600–1100 гг. до н. э., является задачей будущих исследований.

[6] Благодарим М. А. Холкину за информацию об открытии стоянок Галик 12 и Галик 13 и возможность ознакомления с неопубликованными материалами.

[7] Материалы из сборов В. И. Тимофеева 1983 г. (*Тимофеев*, 1983. Рис. 41, *4*) и А. И. Мурашкина 2005 г. Благодарим А. И. Мурашкина за возможность ознакомления с неопубликованными материалами.

Городилов, 2022 — *Городилов А. Ю.* Памятники культуры шнуровой керамики юго-восточного побережья Финского залива между реками Луга и Коваша // АВ. 2022. Вып. 37. С. 172–184.

Городилов, Раззак, 2020а — *Городилов А. Ю., Раззак М. А.* Новые памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива. Археологические исследования 2017–2019 гг. // АВ. 2020. Вып. 28. С. 233–248.

Городилов, Раззак, 2020б — *Городилов А. Ю., Раззак М. А.* Памятники эпохи бронзы в регионе Финского залива (Ленинградская область) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3 т. Т. I. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2020. С. 261–263.

Городилов, Раззак, 2021 — *Городилов А. Ю., Раззак М. А.* Результаты раскопок поселения Галик 11 в 2020 г. // АВ. 2021. Вып. 31. С. 163–178.

Городилов, Раззак, 2022 — *Городилов А. Ю., Раззак М. А.* Результаты раскопок на поселении Галик 11 в 2021 г. // АВ. 2022. Вып. 37. С. 11–31.

Городилов и др., 2023 — *Городилов А. Ю., Ткач Е. С., Холкина М. А.* Элементы общеевропейского горизонта культуры шнуровой керамики на юго-восточном побережье Финского залива и в Полужье // КСИА. 2023. Вып. 272. С. 7–32.

Гусенцова и др., 2024 — *Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е., Кулькова М. А.* Памятник эпох неолита и раннего металла Охта 1 в Санкт-Петербурге. СПб.: МАЭ РАН, 2024. 300 с.

Жульников, 1999 — *Жульников А. М.* Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1999. 98 с.

Иванищева и др., 2020 — *Иванищева М. В., Жульников А. М., Кулькова М. А.* Ромбоямочная и гребенчато-ямочная керамика поселения Тудозеро-V: сходства и различия // Археология Севера. Вып. 8: Материалы VIII археологических чтений памяти С. Т. Еремеева. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2020. С. 30–47.

Колпаков и др., 2024 — *Колпаков Е. М., Киселёва А. М., Мурашкин А. И., Шумкин В. Я.* Неолит Кольского полуострова // Археология Евразийских степей. 2024. Вып. 4. С. 116–128.

Кренке, 2014 — *Кренке Н. А.* Москворецкие памятники фатьяновской культуры // РА. 2014. Вып. 4. С. 29–42.

Крийска, Лавенто, 2007 — *Крийска А., Лавенто М.* «Текстильная керамика» в Эстонии в свете датирования нагара на фрагментах сосудов с использованием ускорительной масс-спектрометрии (AMS) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: Материалы конф. / Ред. Г. И. Зайцева, М. А. Кулькова. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 243–250.

Муравьев, 2022 — *Муравьев Р. И.* Сланцевые наконечники метательного вооружения поселения-мастерской Берёзово 2 на Карельском перешейке // Престижная экономика первобытных людей: Сб. ст. / Ред. А. М. Жульников. Петрозаводск; Изд-во Петрозаводского ГУ, 2022. С. 140–154.

Тимофеев, 1983 — *Тимофеев В. И.* Альбом к отчету об исследованиях памятников каменного века в юго-западной части Ленинградской области в 1983 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 9575а. 18 л.

Тимофеев, 1993 — *Тимофеев В. И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.: ИИМК РАН, 1993. С. 8–34.

Шмелев и др., 2018 — *Шмелев К. В., Бехтер А. В., Михайлова Е. Р.* Селище Слободка-3 на южном берегу Лужской губы: об изучении и реконструкции позднесредневекового поселения // Культурное наследие Российского государства. Вып. VII / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИПК Вести, 2018. С. 353–370.

Юшкова, 2015 — *Юшкова М. А.* Памятники культуры сетчатой керамики в Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2015 (Замятнинский сборник; Вып. 4). С. 278–318.

Edgren, 1970 — *Edgren T.* Studier över den snörkeramiska kulturens keramik i Finland. Helsingfors: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1970 (SMYA; Vol. 72). 128 p.

Helskog, 1980 — *Helskog K.* The Chronology of the Younger Stone Age in Varanger, North Norway. Revisited // Norwegian Archaeological Review. 1980. Vol. 13 (1). P. 47–54.

Hesjedal et al., 1996 — *Hesjedal A., Damm C., Olsen B., Storli I.* Arkeologi på Slettnes. Dokumentasjon av 11 års bosetting. Oslo: Tromsø Museum, 1996 (Tromsø Museums skrifter; XXVI). 246 p.

Hesjedal et al., 2009 — *Hesjedal A., Ramstad M., Niemi A. R.* Undersøkelsene på Melkøya: Melkøyaprosjektet: kulturhistoriske registreringer og utgravninger 2001 og 2002. Tromsø: Universitetet i Tromsø, 2009 (Tromura, Kulturvitenskap; Nr. 36). 512 p.

Jaanits et al., 1982 — *Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E.* Eesti esiajalugu. Tallinn: Eesti Raamat, 1982. 462 s.

Kriiska, 2000 — *Kriiska A.* Corded Ware culture sites in north-eastern Estonia // De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits. Muinasaja teadus 8. Tallinn: Ajaloo Instituut, 2000. P. 59–79.

Kriiska, Saluäär, 2000 — *Kriiska A., Saluäär U.* Lemmetsa ja Malda neoliitilised asulakohad Audru jõe alamjooksul // Artiklite kogumik 2. Parnumaa ajalugu 3. Parnu, 2000. P. 8–38.

Kriiska et al., 2005 — *Kriiska A., Lavento M., Peets J.* New AMS dates of the neolitic and bronse age ceramics

in Estonia: preliminary results and interpretations // Estonian Journal of Archaeology. 2005. No. 9. P. 3–31.

Kriiska et al., 2007 — *Kriiska A., Lõugas V., Lõhmus M., Mannermaa K., Johansson K.* New AMS dates from Estonian Stone Age burial sites // Estonian Journal of Archaeology. 2007. P. 83–121.

Lang, 2007 — *Lang V.* The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu: Tartu University Press, 2007. 298 p.

Larsson, 2009 — *Larsson Å. M.* Breaking and making bodies and pots. Material and ritual practices in Sweden in the third millennium BC. Uppsala: Department of Archaeology and Ancient History; Uppsala University, 2009. 456 p.

Loze, 2003 — *Loze I.* Aspects of Research on the Corded Ware Culture in Latvia // Arheologija un Etnografija. 2003. Vol. 21. P. 81–109.

Meinander, 1939 — *Meinander C. F.* Pyheensilta stenåldersboplats // Suomen Museo. Helsinki, 1939. Vol. 46. P. 28–43.

Nordqvist, 2018 — *Nordqvist K.* The Stone Age of north-eastern Europe 5500–1800 cal BC: Bridging the gap between the East and the West. Oulu: University of Oulu, 2018 (Acta Universitatis Ouluensis; B Humaniora 160). 162 p.

Nordqvist, Mökkönen, 2021 — *Nordqvist K., Mökkönen T.* Pöljä Ware: Properties, Dating and Regional Variation // Fennoscandia Archaeologica. 2021. Vol. 38. P. 29–58.

Olsen, 1994 — *Olsen B.* Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo: Universitetsforlaget, 1994. 58 p.

Piličiauskas, 2018 — *Piličiauskas G.* Virvelinės keramikos kultūra Lietuvoje 2800–2400 cal BC. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2018. 231 p.

Razzak, 2022 — *Razzak M. A.* Textile ceramics from the site of Galik 11 after materials from excavations of 2020 (south-eastern coast of the Gulf of Finland) // Oodeja Mikalle: Juhlakirja Professori Mika Lavennolle pänen eäyttäessään 60 muotta. 2022 (Monographs of the Archaeological Society of Finland; 10). P. 129–138.

Salo, 1997 — *Salo U.* lhmisen jäljet Satakunnan maisemassa: kultuurimaiseman vuosituhannet. Helsinki, 1997 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Toimituksia). 125 p.

Zhulnikov et al., 2012 — *Zhulnikov A., Tarasov A., Kriiska A.* Discrepancies between conventional and AMS dates of complexes with Asbestos and Porous Ware — probable result of "reservoir effect"? // Fennoscandia Archaeologica. 2012. Vol. 29. P. 79–86.

Results of the excavations of the Koskolovo 11 site in 2021

A. Yu. Gorodilov, M. A. Razzak[8]

Keywords: Corded Ware culture, Textile pottery culture, site, Pyheensilta-type arrowheads

In the Khabolovka River valley, located in the region of the south-eastern shore of the Gulf of Finland, 11 settlements of the Neolithic — Bronze Age have been identified in recent years as a result of the work of our expedition, and several of them have been excavated. The excavations of the site Koskolovo 11 carried out in 2021 covered an area of 572 sq. m and covered almost the entire territory of the site. Traces of two short-term stays were revealed; they are represented by two campfires, clusters of ceramics and stone tools.

The first stage includes materials of the Corded Ware culture. Fragments of three vessels have been found, one of them belongs to the isolated Middle European horizon of the corded ware. The other two belong to the regional variant of the culture, but have a significant originality.

The only typologically identifiable item of stone inventory is a fragment of a slate arrowhead of the Pyheensilta type. A wide range of analogues in the Neolithic cultures of Northern Europe, as well as finds in the immediate area shows that such arrowheads were used for a long period from the 1st half of the 4th millennium BC to the 2nd half of the 3rd millennium BC and this find can be considered as part of the Corded Ware culture complex.

The materials of the Textile pottery culture are represented by fragments of 3–5 vessels with mineral admixture. A reference complex of ceramics of this type was studied at the settlement Galik 11, located 14 km to the south-east. It is dated to the end of the 2nd — beginning of the 1st millennium BC. A total of 9 settlements with pottery of this type are known on the south-eastern shore of the Gulf of Finland, and according to the reference complex it can be called the Textile pottery of the Galik type. A synchronous group of ceramics of similar appearance is identified in the materials of Estonian settlements.

[8] Andrey Yu. Gorodilov, Maria A. Razzak — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: ramapitec@yandex.ru, marija_ju@mail.ru.

Металлические серпы позднего бронзового века Северного Кавказа[1]

В. С. Бочкарёв, А. Л. Пелих[2]

Аннотация. *В статье рассматриваются бронзовые серпы позднего бронзового века, происходящие с Северного Кавказа. Дана новая подробная классификация серпов. Освещены вопросы их происхождения, отмечены морфологические и хронологические особенности. Основной зоной локализации изученных предметов являются верховья Кубани. Выявлены особенности технологии изготовления и использования серпов.*

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Кубань, поздний бронзовый век, прикубанский очаг металлопроизводства, серпы.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-35-52

История изучения

Начало изучения северокавказских серпов позднего бронзового века было положено А. А. Иессеном. В своей работе, посвященной выделению прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века (далее — ПОММ ПБВ), исследователь разделил серпы этого времени на группы, исходя из степени кривизны спинки и места вливания металла: группа 1 — серпы с перегибом спинки к рукоятке почти под прямым углом (а — металл вливался на середине изогнутой части спинки; б — металл вливался в месте перегиба спинки); группа 2 — серпы с равномерно изогнутой спинкой, без резкого ее перегиба, причем место вливания металла остается невыясненным (*Иессен*, 1951. С. 110).

Признак, взятый А. А. Иессеном за основу классификации этих серпов, — степень кривизны спинки — остался таковым для всех последующих схем. В частности, А. М. Лесков считал степень перегиба спинки к рукояти хронологическим маркером (*Лесков*, 1967. С. 167–173). В. С. Бочкарёв кроме двух вариантов «поздних» кубанских серпов выделил их «таманский» вариант (*Бочкарёв,* 1996. С. 96, 97, табл.). В. А. Дергачёвым по материалам В. С. Бочкарёва была представлена дробная классификационная схема этих изделий, основанная на корреляции метрических показателей. Обозначены четыре основных и два дополнительных типа серпов (*Дергачёв, Бочкарёв,* 2002. С. 122–125). Свою классификацию позднекубанских серпов предложил и А. Л. Пелих (2002. С. 105).

За последние десятилетия количество обнаруженных серпов позднекубанской серии значительно возросло. Поэтому появилась возможность уточнить прежние классификации и внести в них некоторые коррективы.

Общая характеристика материала

В настоящем исследовании мы оперируем данными о 350 целых и фрагментах серпов, которые можно отнести к северокавказской позднебронзовой серии[3]. Основные отличительные черты северокавказских кубанских позднебронзовых

[1] Бочкарёв В. С. провел свою часть исследования в рамках выполнения государственного задания по теме «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

[2] Бочкарёв В. С. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургский государственный университет; С.-Петербург, РФ; e-mail: bovad872@gmail.com. Пелих А. Л. — Армавирский государственный педагогический университет; Армавир, Россия; e-mail: pelich1976@mail.ru.

© Бочкарёв В. С., Пелих А. Л., 2025

[3] Запланирована полная публикация свода 350 северокавказских серпов позднего бронзового века.

серпов прослеживаются в форме, способе крепления рукоятки и способе отливки. Северокавказские серпы — это дуговидные симметричные (имеющие равномерно изогнутую спинку и плавный переход к рукояточной части), коленчатые (с резким изгибом при переходе от лезвийной части к рукояточной) или (промежуточная форма) дуговидные асимметричные (слабоколенчатые) изделия. Для насадки деревянных или костяных рукоятей в рукояточной части отливаемых заготовок серпов предусматривался штырь-черенок, который затем отковывался в виде удлиненного, обычно отогнутого назад стержня. Отливались подобные изделия со стороны спинки лезвия — литники располагались рядом с наивысшей точкой изгиба дуги серпа либо (чаще) близко или непосредственно на коленчатом перегибе спинки лезвия к рукояточной части. Сочетание перечисленных параметров отличает северокавказские позднебронзовые серпы как от местных серпов предшествующего времени, так и от серпов иных металлургических центров.

Вместе с тем внутри своей серии кубанские серпы неодинаковы по форме и размерам. У них различаются степень загнутости спинки и высота дуги спинки (дуговидные серпы), а также степень загнутости клинка и длина коленчатой части (коленчатые серпы). Эти признаки послужили основой для выделения внутри групп кубанских серпов типов и вариантов. Кроме того, на некоторых серпах (23 экз., 7 % от общего количества) кубанской серии есть литые или пробитые отверстия на перегибе лезвийной части к рукояточной — для дополнительного крепления рукояти или для темляка.

Основное количество дуговидных симметричных кубанских серпов имеет длинную лезвийную часть, в пределах 13,8–20,4 см (рис. 1). Из этих размеров сильно выбиваются только два серпа. Высота дуги спинки серпов этой подгруппы составляет от 5,9 до 12,1 см, высота дуги лезвия — от 2,0 до 7,5 см.

Длина лезвийной части дуговидных асимметричных кубанских серпов — от 13,4 до 22,0 см (рис. 2). При этом выделяются серпы с высокой дугой: при длине лезвийной части 13,4–22,0 см высота дуги спинки составляет 5,7–15,0 см, а высота дуги лезвия — 2,8–10,5 см. Длина лезвийной части серпов с низкой дугой составляет 13,5–20,8 см при высоте дуги изгиба спинки в 4,5–6,9 см и высоте дуги лезвия 0,7–2,8 см. Большинство дуговидных асимметричных серпов имеет высокую дугу (отношение 43 к 14).

В целом дуговидные кубанские серпы имеют разброс длин их лезвийных частей в пределах 11–23 см. При этом абсолютное большинство (87 %) таких серпов имеет размеры от 13,5 до 20,5 см.

Коленчатые серпы, в отличие от дуговидных, не только представлены гораздо большим количеством, но также заметно разнообразнее по размерам: длина лезвийной части от 10,3 до 26,0 см, высота дуги спинки от 4,6 до 15,6 см. Однако явное большинство кубанских коленчатых серпов (наиболее универсальные в работе) имеет средние пропорции — с длиной лезвийной части 13,5–19,0 см и высотой изгиба спинки 6,5–13,0 см. Иначе говоря, основная часть коленчатых серпов (рис. 3) — это небольшие по длине лезвия серпы с большой или средних пропорций рукояточной частью.

В тех случаях, когда известен вес северокавказских серпов (85 целых или почти целых предметов), то он варьирует от 56,0 до 277,9 г, в среднем составляя 144 г.

Как было отмечено, серпы кубанских типов весьма разнообразны по размерам. В основном они имеют лезвийные части средней и даже малой длины. Однако значительная часть — серпы достаточно большие: размер лезвийной части 34 % дуговидных и 21 % коленчатых серпов начинается с 19 см. Серпы с лезвиями небольших размеров удобны для срезания злаков и тонких трав. Крупные лезвия помимо жатвы ими злаков могли использоваться для срезания стеблей различных кормовых растений. Другими словами, мы можем предполагать двойное назначение серпов кубанской серии: для сбора зерновых и заготовки сена (*Бочкарёв*, 2012. С. 208). Последнее было необходимо для ведения комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, при котором домашний скот мог как выпасаться на сезонных пастбищах, так и содержаться в стойлах.

Исследованные кубанские позднебронзовые серпы — литые. Они отливались в односторонних формах. Литники располагались со стороны спинки серпа, но их расположение не было постоянным. После отливки изделия подвергались доработке. Литки часто отрубались, поверхность очищалась от затеков и наплывов металла. Лезвийная часть отковывалась и затачивалась. Задняя, рукояточная, часть серпа расковывалась и вытягивалась в узкий, часто длинный стержень.

Для ряда кубанских серпов изучен химический состав металла, некоторые результаты таких исследований опубликованы (*Горошников и др.*, 2023. С. 331; 2024. С. 153; *Кияшко*, 2020. С. 215;

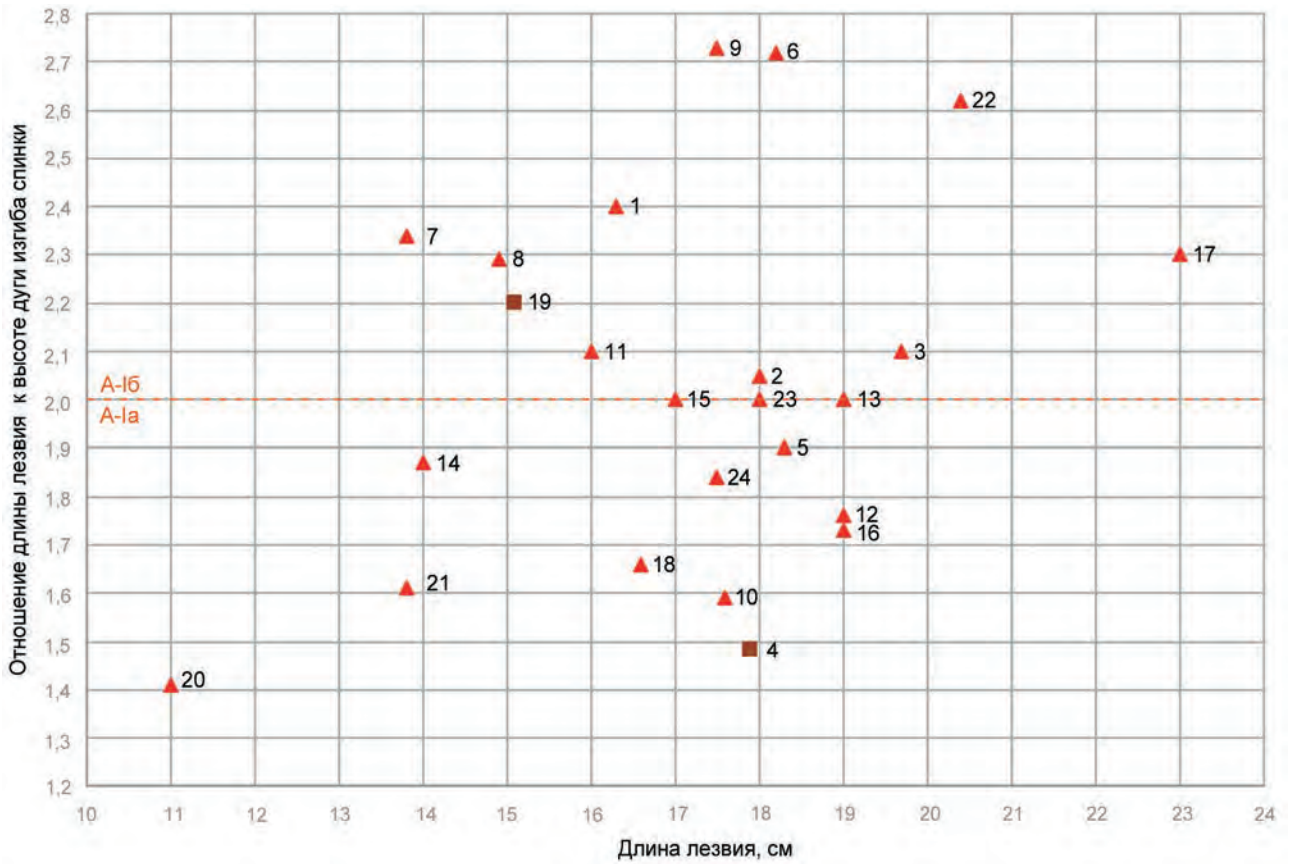


Рис. 1. Симметричные серпы по сопоставлению отношения длины лезвия к высоте дуги изгиба спинки и длины лезвийной части (▲ — ахметовский этап, ■ — удобненский этап). Серпы подгруппы A-I (нумерация серпов в комплексах приведена в соответствии с общим сводом, здесь она дана через запятую и в алфавитном порядке, кроме «спорных» экземпляров): *1–3* — Ахметовская (*1* —3, *2* — 4, *3* — 5); *4* — Балашовка, 1; *5–9* — Батарейка (*5* — 2, *6* — 7, *7* — 8, *8* — 9, *9* — 11); *10* — Коблево, 1; *11* — Костромская, 2; *12–16, 23* — Краснодар, клад (*12* — 1, *13* — 2, *14* — 3, *15* — 5, *16* — 9, *23* — 10); *17* — Крыловка, 1; *18* — Крыловка, 2; *19* — Панагия, 1; *20* — Стрижамент; *21* — Ушгули, 1; *22* — Христичи, 1; *24* — Старая Станица

Fig. 1. Symmetrical sickles according to the comparison of the correlation of the blade length to the height of the arc of the back bend and the length of the blade part (▲ — Akhmetovskaya stage, ■ — Udobnaya stage). Sickles of the subgroup A-I (the numbering of sickles in the complexes is given according to the general compendium; here it is given comma separated and in alphabetical order, except for "disputed" specimens): *1–3* — Akhmetovskaya (*1* — 3, *2* — 4, *3* — 5); *4* — Balashovka, 1; *5–9* — Batareyka (*5* — 2, *6* — 7, *7* — 8, *8* — 9, *9* — 11); *10* — Koblevo, 1; *11* — Kostromskaya, 2; *12–16, 23* — Krasnodar, hoard (*12* — 1, *13* — 2, *14* — 3, *15* — 5, *16* — 9, *23* — 10); *17* — Krylovka, 1; *18* — Krylovka, 2; *19* — Panagia, 1; *20* — Strizhament; *21* — Ushguli, 1; *22* — Khristichi, 1; *24* — Staraya Stanitsa

Марковин, Глебов, 1979. С. 242, 243; *Наумов*, 1980. С. 77; *Наумов, Миняев*, 1972; *Нечитайло*, 2000. С. 106, 107; *Новичихин и др.*, 2021. С. 292–294; *Пелих, Соколов*, 2023. С. 6, 7; *Чартолани*, 1989. С. 105, 177; *Черных*, 1980; 1981. С. 22–24). Нам известен химический состав 168 кубанских серпов из 350 зафиксированных в своде, то есть 48 % выборки. Кубанские серпы в абсолютном большинстве изготовлялись из бронз с примесью мышьяка (As-бронзы) с долей последнего от 1 % (86 % всех серпов) и бронз с примесью мышьяка и олова (As- Sn-бронзы) (4 % серпов). Еще 6,5 % изделий имеют долю мышьяка от 0,5 до 1,0 %, а 4,0 % серпов изготовлены из меди без явных легирующих примесей.

Классификация северокавказских позднебронзовых серпов

При анализе морфологии кубанских позднебронзовых серпов использовались только те предметы, основные параметры которых были точно определены или прогнозируются с высокой достоверностью. Таковых изделий в нашей выборке насчитывается 261.

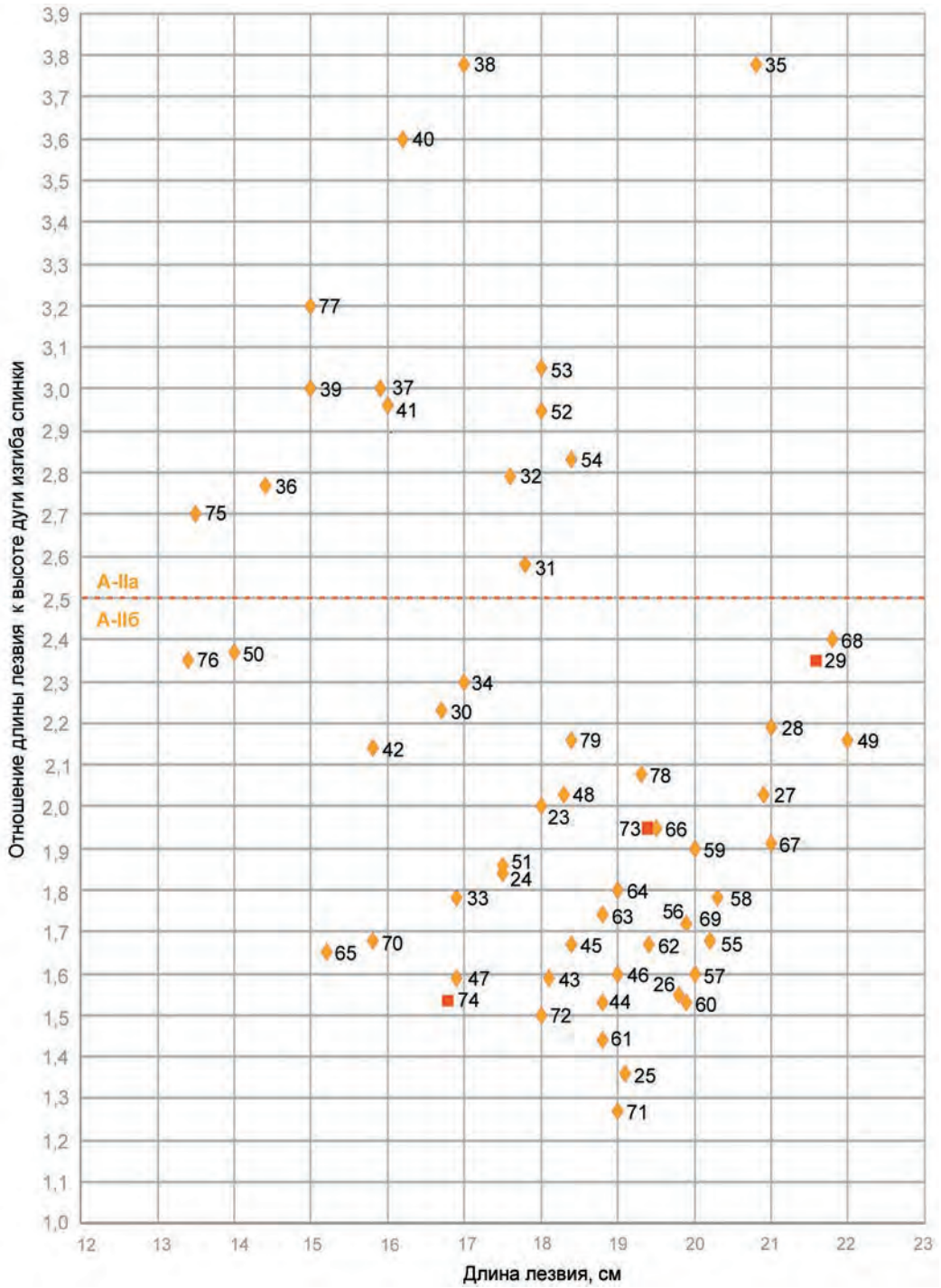

Отношение длины лезвия к высоте дуги изгиба спинки
Длина лезвия, см
A-IIa
A-IIб
3,9
3,8
3,7
3,6
3,5
3,4
3,3
3,2
3,1
3,0
2,9
2,8
2,7
2,6
2,5
2,4
2,3
2,2
2,1
2,0
1,9
1,8
1,7
1,6
1,5
1,4
1,3
1,2
1,1
1,0
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
38
35
40
77
53
39
37
41
52
54
32
36
75
31
68
29
76
50
34
30
28
49
42
79
78
48
27
23
73
66
59
67
51
24
64
58
33
63
56
69
70
65
45
62
55
47
43
46
26
57
74
44
60
72
61
25
71

Рис. 2. Асимметричные серпы по сопоставлению отношения длины лезвия к высоте дуги изгиба спинки и длины лезвийной части (◆ — ахметовский этап, ■ — удобненский этап). Серпы подгруппы А-II (нумерация серпов в комплексах приведена в соответствии с общим сводом, здесь она дана через запятую и в алфавитном порядке, кроме «спорных» экземпляров; серпы, определение которых к конкретной группе или подгруппе спорно из-за их неполной сохранности, учитывались в обоих возможных таксонах): *23* — Краснодар, клад 10; *24* — Старая Станица; *25* — Александрийская, 1; *26* — Александрийская, 2; *27* — Андрюки; *28* — Ахметовская, 1; *29* — Балашовка, 2; *30–41* — Батарейка (*30* — 4, *31* — 5, *32* — 6, *33* — 10, *34* — 12, *35* — 13, *36* — 14, *37* — 15, *38* — 16, *39* — 17, *40* — 18, *41* — 20); *42* — Беляевский; *43–46* — Берислав (43 — 1, *44* — 2, *45* — 3, *46* — 6); *47* — Веселый; *48* — Вестник; *49* — Войково; *50* — Геленджик; *51* — Грушевая балка; *52–54* — Кишпек (*52* — 3, *53* — 5, *54* — 6); *55–63* — Коблево (*55* — 2, *56* — 3, *57* — 4, *58* — 5, *59* — 6, *60* — 7, *61* — 8, *62* — 9, *63* — 10); *64* — Константиновка; *65* — Маяк; *66* — Нижний Архыз-4; *67* — Ново-Ивановка; *68* — Отрадная-2; *69* — Птичье; *70* — Садовый; *71* — Самарский клад, 1; *72* — Самарский клад, 2; *73* — Удобная, курган, 1; *74* — Удобная, курган, 2; *75* — Фаскау-1; *76* — Фаскау-2; *77* — Чишхо, поселение; *78* — Чишхо; *79* — Ахметовская, 2

Fig. 2. Asymmetrical sickles according to the comparison of the correlation of the blade length to the height of the arc of the backbend and the length of the blade part (◆ — Akhmetovskaya stage, ■ — Udobnaya stage). Sickles of the subgroup A-II (the numbering of sickles in the complexes is given according to the general compendium; here it is given comma separated and in alphabetical order, except for "disputable" specimens; sickles with the disputable belonging to a particular group or subgroup due to their incomplete preservation, were considered in both possible taxa): *23* — Krasnodar, the hoard 10; *24* — Staraya Stanitsa; *25* — Alexandriyskaya, 1; *26* — Alexandriyskaya, 2; *27* — Andryuki; *28* — Akhmetovskaya, 1; *29* — Balashovka, 2; *30–41* — Batareyka (*30* — 4, *31* — 5, *32* — 6, *33* — 10, *34* — 12, *35* — 13, *36* — 14, *37* — 15, *38* — 16, *39* — 17, *40* — 18, *41* — 20); *42* — Belyaevsky; *43–46* — Berislav (*43* — 1, *44* — 2, *45* — 3, *46* — 6); *47* — Vesely; *48* — Vestnik; *49* — Voykovo; *50* — Gelendzhik; *51* — Grushevaya Balka; *52–54* — Kishpek (*52* — 3, *53* — 5, *54* — 6); *55–63* — Koblevo (*55* — 2, *56* — 3, *57* — 4, *58* — 5, *59* — 6, *60* — 7, *61* — 8, 62 — 9, 63 — 10); *64* — Konstantinovka; *65* — Mayak; *66* — Nizhny Arkhyz-4; *67* — Novo-Ivanovka; *68* — Otradnaya-2; *69* — Ptichye; *70* — Sadovy; *71* — Samara hoard, 1; *72* — Samara hoard, 2; *73* — Udobnaya, barrow, 1; *74* — Udobnaya, barrow, 2; *75* — Faskau-1; *76* — Faskau-2; *77* — Chishkho, settlement; *78* — Chishkho; *79* — Akhmetovskaya, 2

Кубанские позднебронзовые серпы по степени кривизны их спинки были разделены нами, вслед за А. А. Иессеном, на две большие группы: группа А — серпы с плавно изогнутой спинкой, без резкого ее перегиба (дуговидные); группа Б — серпы с резким, иногда почти под прямым углом, перегибом спинки при переходе от лезвийной части к рукояти (коленчатые).

Каждая из групп подразделяется еще на несколько таксонов, исходя из визуально определяемых признаков серпов и по их метрическим показателям (рис. 4). Для дуговидных серпов наиболее репрезентативными оказались показатели длины лезвийной части и высоты дуги изгиба спинки, для коленчатых — длины лезвийной части и длины рукояточной части.

В группе А выделены две подгруппы. В I подгруппу вошли серпы с плавно и симметрично изогнутой спинкой, а во II — серпы с плавно и асимметрично изогнутой спинкой. Эти подгруппы, в свою очередь, были разделены на типы в зависимости от высоты дуги лезвийных частей серпов.

Серпы подгруппы А-I разделены нами на два типа (табл. 1): тип А-Iа — серпы с плавно симметрично изогнутой спинкой и высокой дугой (отношение длины лезвийной части к высоте дуги спинки до 2 включительно: а / б ≤ 2); тип А-Iб — серпы с плавно симметрично изогнутой спинкой и низкой дугой (отношение длины лезвийной части к высоте дуги спинки больше 2: а / б > 2). Кроме буквенно-цифровых индексов, обозначим типы серпов по местам характерных находок. Тип А-Iа назовем «тип Краснодарский», тип А-Iб — «тип Панагия».

Серпы подгруппы А-II также делятся на два типа: тип А-IIа — серпы с плавно асимметрично изогнутой спинкой и высокой дугой (отношение длины лезвийной части к высоте дуги спинки до 2,5: а / б < 2,5); тип А-IIб — серпы с плавно асимметрично изогнутой спинкой и низкой дугой (отношение длины лезвийной части к высоте дуги спинки больше 2,5: а / б > 2,5). По местам характерных находок назовем тип А-IIа — «тип Коблево», тип А-IIб — «тип Батарейка».

Коленчатые серпы, или серпы группы Б, разделены нами на подгруппы в зависимости от соотношения длины их лезвийной части к рукояточной: подгруппа Б-I — коленчатые серпы с длинной рукояточной частью (отношение длины лезвийной части к длине рукояточной части до 2 включительно: а / в ≤ 2); подгруппа Б-II — коленчатые серпы с удлиненной рукояточной частью (отношение длины лезвийной части к длине

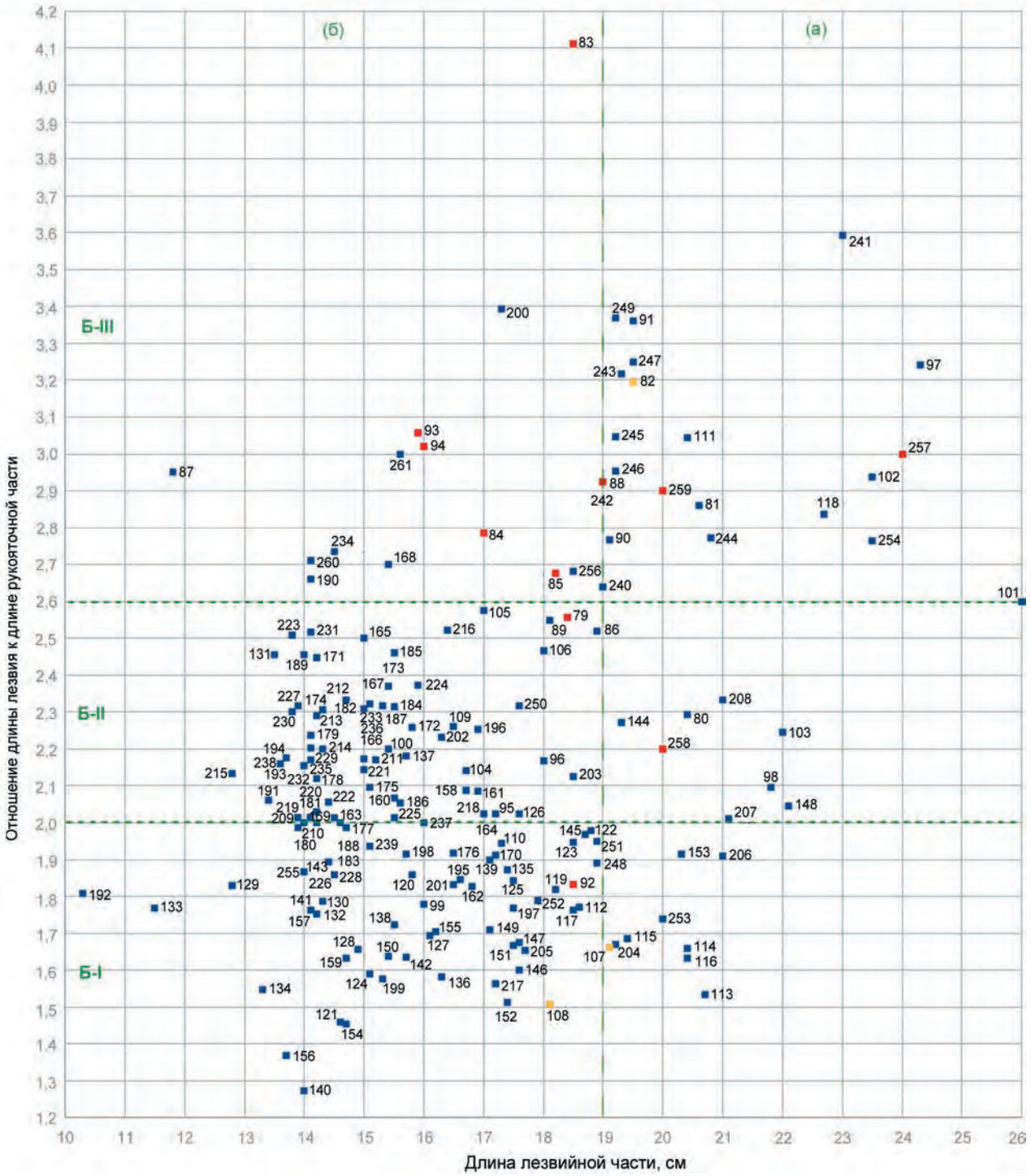

(б)
(а)
Б-III
Б-II
Б-I
Отношение длины лезвия к длине рукояточной части
Длина лезвийной части, см

Рис. 3. Коленчатые серпы по сопоставлению отношения длины лезвия к длине рукояточной части и длины лезвийной части (■ — ахметовский этап, ■ — удобненский этап, ■ — бекешевский этап). Серпы группы Б (нумерация серпов в комплексах приведена в соответствии с общим сводом, здесь она дана через запятую и в алфавитном порядке, кроме «спорных» экземпляров): *79* — Ахметовская, 2; *80* — Агур, клад; *81* — Агур; *82* — Балашовка, 3; *83–85* — Балка Лисовицкого (*83* — 1, *84* — 2, *85* — 3); *86* — Бамут, 1; *87* — Бамут, 2; *88* — Батарейка, 3; *89* — Бекешевская, 1; *90* — Бекешевская, 2; *91* — Белый; *92–94* — Берислав (*92* — 4, *93* — 5, *94* — 7); *95* — Боргустан; *96* — Бык-гора, 1; *97* — Бык-гора, 2; *98* — Знаменка; *99* — Индыш; *100* — Кардоникская; *101–103* — Карт-Джурт (*101* — 1, *102* — 2, *103* — 3); *104–106* — Кишпек (*104* — 1, *105* — 2, *106* — 4); *107* — Констанца, 1; *108* — Констанца, 2; *109* — Краснодар, случайная, 1; *110* — Краснодар, случайная, 2; *111* — Кубань, поселок; *112–118* — Курчанская (*112* — 1, *113* — 2, *114* — 3, *115* — 4, *116* — 5, *117* — 6, *118* — 7); *119–143* — Кяфар (*119* — 1, *120* — 2, *121* — 3, *122* — 4, *123* — 5, *124* — 6, *125* — 7, *126* — 8, *127* — 9, *128* — 10, *129* — 11, *130* —12, *131* — 13, *132* — 14, *133* — 15, *134* — 16, *135* — 17, *136* — 18, *137* — 19, *138* — 20, *139* — 21, *140* — 22, *141* — 23, *142* — 24, *143* — 25); *144* — Лабинск; *145–196* — Нарат-Эшик (*145* — 1, *146* — 2, *147* — 3, *148* — 4, *149* — 5, *150* — 6, *151* — 7, *152* — 8, *153* — 9, *154* — 10, *155* — 11, *156* — 12, *157* — 13, *158* — 14, *159* — 15, *160* — 16, *161* — 17, *162* — 18, *163* — 19, *164* — 20, *165* — 21, *166* — 22, *167* — 23, *168* — 24, *169* — 25, *170* — 26, *171* — 27, *172* — 28, *173* — 29, *174* — 30, *175* — 31, *176* — 32, *177* — 33, *178* — 34, *179* — 35, *180* — 36, *181* — 37, *182* — 38, *183* — 39, *184* — 40, *185* — 41, *186* — 42, *187* — 43, *188* — 44, *189* — 45, *190* — 46, *191* — 47, *192* — 48, *193* — 49, *194* — 50, *195* — 51, *196* — 52); *197* — Нижний Архыз-1; *198* — Нижний Архыз-2; *199* — Нижний Архыз-3; *200* — Новочеркасск; *201* — Пятигорск; *202* — Ростовская область; *203–246* — Ростовский клад (*203* — 1, *204* — 2, *205* — 3, *206* — 4, *207* — 5, *208* — 6, *209* — 7, *210* — 8, *211* — 9, *212* — 10, *213* — 11, *214* — 12, *215* — 13, *216* — 14, *217* — 15, *218* — 16, *219* — 17, *220* — 18, *221* — 19, *222* — 20, *223* — 21, *224* — 22, *225* — 23, *226* — 24, *227* — 25, *228* — 26, *229* — 27, *230* — 28, *231* — 29, *232* — 30, *233* — 31, *234* — 32, *235* — 33, *236* — 34, *237* — 35, *238* — 38, *239* — 39, *240* — 40, *241* — 41, *242* — 42, *243* — 43, *244* — 44, *245* — 45, *246* — 46); *247* — Смородьковка; *248* — Ставропольский музей, 1; *249* — Ставропольский музей, 2; *250* — Старонижестеблиевская; *251* — Удобная, курган 3; *252* — Удобная-1; *253* — Удобная-2; *254* — Удобная-4; *255* — Учкулан; *256* — Ушгули, 2; *257–259* — Христичи, 2; *260* — Черновцы; *261* — Чубери

Fig. 3. Crank sickles by comparison of the correlation of the blade length to the length of the handle part and the length of the blade part (■ — Akhmetovskaya stage, ■ — Udobnaya stage, ■ — Bekeshevskaya stage). Sickles of group Б (the numbering of sickles in the complexes is given according to the general code; here it is given comma separated and in alphabetical order, except for "disputable" specimens): *79* — Akhmetovskaya, 2; *80* — Agur, hoard; *81* — Agur; *82* — Balashovka, 3; *83–85* — Lisovitsky's Balka (*83* — 1, *84* — 2, *85* — 3); *86* — Bamut, 1; *87* — Bamut, 2; *88* — Batareyka, 3; *89* — Bekeshevskaya, 1; *90* — Bekeshevskaya, 2; *91* — Bely; *92–94* — Berislav (*92* — 4, *93* — 5, *94* — 7); *95* — Borgustan; *96* — Byk-Gora, 1; *97* — Byk-Gora, 2; *98* — Znamenka; *99* — Indysh; *100* — Kardonikskaya; *101–103* — Kart-Dzhurt (*101* — 1, *102* — 2, *103* — 3); *104–106* — Kishpek (*104* — 1, *105* — 2, *106* — 4); *107* — Constanța, 1; *108* — Constanța, 2; *109* — Krasnodar, random, 1; *110* — Krasnodar, random, 2; *111* — Kuban, settlement; *112–118* — Kurchanskaya (*112* — 1, *113* — 2; *114* — 3, *115* — 4, *116* — 5, *117* — 6, *118* — 7); *119–143* — Kyafar (*119* — 1, *120* — 2, *121* — 3, *122* — 4, *123* — 5, *124* — 6, *125* — 7, *126* — 8, *127* — 9, *128* — 10, *129* — 11, *130* —12, *131* — 13, *132* — 14, *133* — 15, *134* — 16, *135* — 17, *136* — 18, *137* — 19, *138* — 20, *139* — 21, *140* — 22, *141* — 23, *142* — 24, *143* — 25); *144* — Labinsk; *145–196* — Narat-Eshyk (*145* — 1, *146* — 2, *147* — 3, *148* — 4, *149* — 5, *150* — 6, *151* — 7, *152* — 8, *153* — 9, *154* — 10, *155* — 11, *156* — 12, *157* — 13, *158* — 14, *159* — 15, *160* — 16, *161* — 17, *162* — 18, *163* — 19, *164* — 20, *165* — 21, *166* — 22, *167* — 23, *168* — 24, *169* — 25, *170* — 26, *171* — 27, *172* — 28, *173* — 29, *174* — 30, *175* — 31, *176* — 32, *177* — 33, *178* — 34, *179* — 35, *180* — 36, *181* — 37, *182* — 38, *183* — 39, *184* — 40, *185* — 41, *186* — 42, *187* — 43, *188* — 44, *189* — 45, *190* — 46, *191* — 47, *192* — 48, *193* — 49, *194* — 50, *195* — 51, *196* — 52); *197* — Nizhny Arkhyz-1; *198* — Nizhny Arkhyz-2; *199* — Nizhny Arkhyz-3; *200* — Novocherkassk; *201* — Pyatigorsk; *202* — Rostov Oblast; *203–246* — Rostov hoard (*203* — 1, *204* — 2, *205* — 3, *206* — 4, *207* — 5, *208* — 6, *209* — 7, *210* — 8, *211* — 9, *212* — 10, *213* — 11, *214* — 12, *215* — 13, *216* — 14, *217* — 15, *218* — 16, *219* — 17, *220* — 18, *221* — 19, *222* — 20, *223* — 21, *224* — 22, *225* — 23, *226* — 24, *227* — 25, *228* — 26, *229* — 27, *230* — 28, *231* — 29, *232* — 30, *233* — 31, *234* — 32, *235* — 33, *236* — 34, *237* — 35, *238* — 38, *239* — 39, *240* — 40, *241* — 41, *242* — 42, *243* — 43, *244* — 44, *245* — 45, *246* — 46); *247* — Smorodkovka; *248* — Stavropol Museum, 1; *249* — Stavropol Museum, 2; *250* — Staronizhesteblievskaya; *251* — Udobnaya, barrow 3; *252* — Udobnaya-1; *253* — Udobnaya-2; *254* — Udobnaya-4; *255* — Uchkulan; *256* — Ushguli, 2; *257–259* — Khristichi, 2; *260* — Chernivtsi; *261* — Chuber

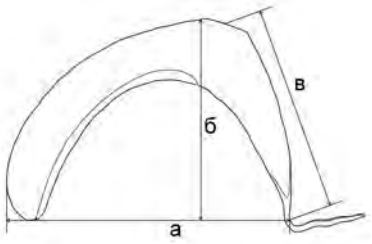


Рис. 4. Метрические измерения северокавказских позднебронзовых серпов: *а* — максимальная длина лезвийной части; *б* — высота дуги изгиба спинки; *в* — длина рукояточной части

Fig. 4. Metric measurements of the North Caucasus Late Bronze Age sickles: *a* — maximum length of the blade part; *б* — height of the arc of the back bend; *в* — length of the handle part

рукояточной части от 2,01 до 2,60 включительно: 2,01 ≤ а / в ≤ 2,60); подгруппа Б-III — коленчатые серпы с короткой рукояточной частью (отношение длины лезвийной части к длине рукояточной части от 2,61 до 4,2: 2,61 < а / в < 4,2).

Коленчатые серпы делятся нами на следующие типы[4] и варианты (табл. 1): тип Б-Iа — «большие» коленчатые серпы (длина лезвийной части от 19 см) с длинной рукояточной частью (отношение длины лезвийной части к длине рукояточной части до 2 включительно) (а / в ≤ 2 при а ≥ 19 см); тип Б-Iб — «малые» коленчатые серпы (длина лезвийной части до 19 см) с длинной рукояточной частью (отношение длины лезвийной части к длине рукояточной части до 2 включительно) (а / в ≤ 2 при а < 19 см); тип Б-IIа — «большие» коленчатые серпы (длина лезвийной части от 19 см) с удлиненной рукояточной частью (отношение длины лезвийной части к длине рукояточной части от 2,01 до 2,60 включительно (2,01 ≤ а / в ≤ 2,60 при а ≥ 19 см); тип Б-IIб — «малые» коленчатые серпы (длина лезвийной части до 19 см) с удлиненной рукояточной частью (отношение длины лезвийной части к длине рукояточной части от 2,01 до 2,6 включительно) (2,01 ≤ а / в ≤ 2,60 при а < 19 см); тип Б-IIIа — «большие» коленчатые серпы (длина лезвийной части от 19 см) с короткой рукояточной частью (отношение длины лезвийной части к длине рукояточной части от 2,61 до 4,20) (2,61 < а / в < 4,20 при а ≥ 19 см); тип Б-IIIб — «малые» коленчатые серпы (длина лезвийной части до 19 см) с короткой рукояточной частью (отношение длины лезвийной части к длине рукояточной части от 2,61 до 4,20 (2,61 < а / в < 4,20 при а < 19 см).

Обозначим типы коленчатых серпов по местам характерных находок: тип Б-Iа — «тип Курчанский»; тип Б-Iб — «тип Нарат-Эшик»; тип Б-IIа — «тип Карт-Джурт»; тип Б-IIб — «тип Ростовский»; тип Б-IIIа — «тип Бекешевский»; тип Б-IIIб — «тип Лисовицкий».

Ряд типов делится на варианты, исходя из дополнительного признака — степени загнутости клинка: вариант Б-Iа1 — со слабо загнутым клинком; вариант Б-Iб1 — со слабо загнутым клинком; вариант Б-Iб2 — с сильно загнутым клинком; вариант Б-IIа1 — со слабо загнутым клинком; вариант Б-IIа2 — с сильно загнутым клинком; вариант Б-IIб1 — со слабо загнутым клинком; вариант Б-IIб2 — с сильно загнутым клинком; вариант Б-IIIа1 — со слабо загнутым клинком; вариант Б-IIIа2 — с сильно загнутым клинком; вариант Б-IIIб1 — со слабо загнутым клинком; вариант Б-IIIб2 — с сильно загнутым клинком.

Хронология и распространение

Северокавказские позднебронзовые серпы, начиная с выделения их А. А. Иессеном и до работ последних лет, в основном определяются как предметы, относящиеся к прикубанскому очагу металлопроизводства.

На современном уровне наших знаний в ПОММ ПБВ выделяются четыре хронологические группы памятников: ахметовская, удобненская, бекешевская и ольгенфельдская (последняя находится в стадии определения). Эти группы синхронны, соответственно, раннесабатиновской, классической сабатиновской, раннебелозерской и позднебелозерской группам памятников степной полосы (*Бочкарёв, Пелих*, 2008).

Значительная часть серпов происходит из комплексов, которые являются или могут считаться закрытыми (клады, погребения, горизонты расчистки однослойных поселений) и имеют датировки по входившим в них предметам иных категорий. Целые серпы либо серпы, параметры которых реконструируются с высокой достоверностью, а также их литейные формы происходят из 24 (25) подобных комплексов: клады Агурский (*Иессен*, 1951. С. 90, рис. 18), Ахметовский (*Марковин, Глебов*, 1979), Балашовский, Балка Лисовицкого IV (*Кияшко*, 2020. С. 216, рис. 5), Батарейка (*Сокольский*, 1980), Бекешевский (*Иессен*, 1951. С. 92, рис. 21), Бериславский (*Добровольський*, 1948), Боргустанский (*Егоров*, 1951), Войково (?)

[4] Подгруппа Б-I разделяется на типы достаточно условно — визуально серпы этой подгруппы представляют собой единую серию.

Таблица 1. Классификация кубанских серпов
Table 1. Classification of Kuban sickles

Группа А. Серпы дуговидные

Подгруппа А-I. Симметричные		**Подгруппа А-II**. Асимметричные	
Тип А-Iа. С высокой дугой. «Краснодарский»	**Тип А-Iб**. С низкой дугой. «Панатия»	**Тип А-IIа**. С высокой дугой. «Коблево»	**Тип А-IIб**. С низкой дугой. «Батарейка»

Группа Б. Серпы коленчатые

Подгруппа Б-I. С длинной рукояточной частью			**Подгруппа Б-II**. С удлиненной рукояточной частью				**Подгруппа Б-III**. С короткой рукояточной частью					
Тип Б-Iа. «Большие». «Курчанский»	**Тип Б-Iб**. «Малые». «Нарат-Эшик»		**Тип Б-IIа**. «Большие». «Карт-Джурт»		**Тип Б-IIб**. «Малые». «Ростовский»		**Тип Б-IIIа**. «Большие». «Бекешевский»		**Тип Б-IIIб**. «Малые». «Лисовицкий»			
Вариант Б-Iа1. Клинок слабо загнут	Вариант Б-Iб1. Клинок слабо загнут	Вариант Б-Iб2. Клинок сильно загнут	Вариант Б-IIа1. Клинок слабо загнут	Вариант Б-IIа2. Клинок сильно загнут	Вариант Б-IIб1. Клинок слабо загнут	Вариант Б-IIб2. Клинок сильно загнут	Вариант Б-IIIа1. Клинок слабо загнут	Вариант Б-IIIа2. Клинок сильно загнут	Вариант Б-IIIб1. Клинок слабо загнут	Вариант Б-IIIб2. Клинок сильно загнут		

(*Клочко, Козыменко*, 2017. С. 148–150, ил. 1–14), Карт-Джурт (*Иессен*, 1951. С. 89, 90, рис. 17), Коблевский (*Черняков*, 1967. С. 29–31, рис. 4; 5; 7, *8*), Констанца (*Черных*, 1981), Крыловский (*Колотухин*, 2003. С. 17, 56, рис. 64, *24, 25*), Курчанский (*Пелих*, 2003. С. 64, 65, рис. 20–23), Кяфарский (*Бочкарёв и др.*, 2023), Ростовский (*Ильюков*, 1999), Самарский (*Бочкарёв*, 1972. С. 87–89), Смородьковка (*Клочко, Козыменко*, 2017. С. 222, ил. 1), Христичи (*Sîrbu et al.,* 2024), Черновцы (*Клочко, Козыменко*, 2017. С. 151, ил. 1); погребения с горы Бык (*Иессен*, 1951. С. 82, 93, 94, рис. 46; 47, *4*), из района Удобной (*Анфимов*, 1957); поселения Бамут (*Магомедов*, 1972. С. 110 сл., рис. 8), Панагия 1 (*Горошников и др.*, 2024).

Еще из шести комплексов, имеющих в своем составе датирующие их предметы, происходят обломки серпов явно «кубанских» форм: это клады Цимлянский, Ольгенфельд (*Иессен*, 1951. С. 95), Очамчира (*Воронов*, 1969. С. 40, табл. XXXV, *19, 21*; XXXVI, *22*; XXXVII, *10–13, 17–19, 25, 26, 33, 39, 40*; XLVI, *12*), Цагера (*Сахарова*, 1976. С. 8–10, табл. VIII, *9*), слои Змейского (*Деопик, Крупнов*, 1961. С. 27, рис. 8, *1*) и Кобяковского (*Шарафутдинова*, 1971. С. 48, 49, рис. 16, *5*) поселений. Все эти находки подтверждают датировку поздним бронзовым веком серпов кубанских типов.

Нахождение серпов, принадлежащих тому или иному таксону, в хорошо датируемых комплексах дает основания для узкой датировки предметов по их типам и вариантам, а также может дать аргументы для выстраивания эволюционной схемы развития их форм (табл. 2).

Все серпы группы А (дуговидные) происходят только из комплексов ранних этапов прикубанского очага металлопроизводства — ахметовского (42 экз., 89 %) и удобненского (5 экз., 11 %). Серпы группы Б (коленчатые) имеются в относительно небольших количествах (11 экз., 11 %) в самых ранних комплексах ахметовского этапа. Также немного (3 экз., 3 %) их встречено в материалах немногочисленной удобненской группы. Но абсолютное большинство их известно в комплексах поздних этапов: бекешевского (87 экз., 84 %) и ольгенфельдского (две литейные матрицы, 2 %) (последняя группа пока представлена крайне малым числом четко датируемых комплексов).

Иными словами, серпы группы А можно считать ранними, датируемыми только ахметовским и удобненским этапами. Кроме того, дуговидные серпы полностью преобладают над коленчатыми экземплярами на ранних этапах ПОММ ПБВ. Серпы группы Б, в целом являясь сквозными для ПОММ ПБВ на протяжении его генезиса, наоборот, в своей массе в основном датируются поздними этапами развития очага. Примечательно, что все коленчатые серпы из комплексов ранних хронологических групп имеют средние и крупные размеры по длине лезвийной части: от 15,9 см у серпов ахметовской группы и от 18,1 см у серпов удобненской группы. На поздних этапах бронзового века коленчатые серпы заметно разнообразнее в размерах, при этом прослеживается тенденция к их в целом меньшей длине по сравнению с ранними экземплярами.

Как видно, дуговидные асимметричные серпы типа А-IIб (табл. 2) пока датируются только ахметовским этапом.

Сложнее хронологическое распределение коленчатых серпов. Сквозными для всего развития ПОММ ПБВ мы можем считать серпы вариантов Б-Iб1, Б-IIа1, Б-IIб1, Б-IIIа1, Б-IIIб1. Серпы варианта Б-Iа1 пока встречены в комплексах, датируемых не ранее удобненского этапа. Наиболее интересна картина со всеми вариантами коленчатых серпов с сильно загнутым клинком — они происходят из комплексов, четко относящихся к поздним этапам прикубанского очага металлопроизводства, синхронизируемым с VI–VII периодами позднего бронзового века по шкале для Юга Восточной Европы (*Бочкарёв*, 2017. Табл. 1).

Весьма показательна география распространения серпов кубанских типов (табл. 3).

Как видим, из 350 серпов кубанских типов 284 экз. (более 81 %) обнаружены на Северном Кавказе, 56 экз. (16 %) — в Северном Причерноморье (включая Крым), 10 экз. (менее 3 %) — на территории Южного Кавказа и Ирана.

Примечательно, что более 40 % (144 экз.) из 350 локализованных кубанских серпов происходит из достаточно небольшого региона верховий Кубани (рис. 5). В целом при локализации серпов ясно видно полное преобладание регионов Западного и Центрального Предкавказья: в Закубанье, верховьях Кубани, Центральном Предкавказье и бассейне р. Терек в совокупности насчитывается 227 изделий, что составляет почти 65 % всех локализованных кубанских позднебронзовых серпов. Интересно также, что в Закубанье их больше, чем в регионах центра и востока Предкавказья вместе взятых: 54 серпа против 29. При этом в Центральном Предкавказье серпы найдены в основном в горно-предгорной зоне непосредственно вблизи верховьев Кубани. В Закубанье же они распределены достаточно равномерно по всей территории региона. А значит, мы

Таблица 2. Хронология кубанских серпов по типам и вариантам
Table 2. Chronology of Kuban sickles by types and variants

Этап / Тип	Ахметовский	Удобненский	Бекешевский (в т. ч. в широких пределах)	Ольгенфельдский (в узких пределах)
Тип А-IIб	9	–	–	–
Тип А-Iа	3	1	–	–
Тип А-Iб	9	1	–	–
Тип А-IIа	21	3	–	–
Вариант Б-Iб1	1	1	18	–
Вариант Б-IIIа1	3	1	10	–
Вариант Б-IIа1	1	–	2	–
Вариант Б-IIб1	1	–	25	–
Вариант Б-IIIб1	4	–	2	1
Вариант Б-Iа1	–	1	6	–
Вариант Б-Iб2	–	–	14	–
Вариант Б-IIа2	–	–	3	–
Вариант Б-IIIа2	–	–	2	–
Вариант Б-IIIб2	–	–	1	–
Вариант Б-IIб2	–	–	5	1

Таблица 3. Распределение серпов кубанских типов по видам памятников и географическим зонам
Table 3. Distribution of Kuban sickles by types of monuments and geographical zones

Место находки / Регион	Слои поселений / Число поселений	Погребения / Число погребений	Клады / Число кладов	Единичные	Неизвестно или спорно	Всего экземпляров / Пунктов
Северное Причерноморье*	–	–	44/8	–	–	**44/8**
Крым	1/1	–	3/2	–	–	**4/3**
Нижний Дон	1/1	–	57/3	–	2	**60/6**
Прикубанье	–	–	1/1	2	2	**5/5**
Закубанье**	4/3	–	38/4	12	–	**54/19**
Верховья Кубани***	–	3/3	125/7	9	7	**144/26**
Центральное Предкавказье****	–	4/3	6/3	2	3	**15/11**
Бассейн р. Терек	3/2	4/4	6/1	1	–	**14/8**
Южный Кавказ и Иран	–	1/1	6/3	1	2	**10/7**
Всего	**9/7**	**12/11**	**286/32**	**27**	**16**	**350/93**

* — включая совр. г. Констанца (низовья Дуная; Румыния).
** — включая Таманский полуостров и Черноморское побережье Кавказа до совр. г. Сочи включительно.
*** — от верховий Лабы до обоих берегов Кубани в ее верховьях.
**** — условно: от верховий Кубани до бассейна Терека.

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
100 км

Рис. 5. Распространение серпов кубанских типов по видам памятников и географическим зонам (нумерация находок для карт общая). *Условные обозначения*: ● — единичные и беспаспортные находки; ▼ — находки в кладах; ■ — находки на поселениях; ◆ — находки в погребениях: *1* — Агурский клад; *2* — Агур; *3* — Айлама, могильник; *4* — Александрийская, клад (?); *5* — Андрюки; *6* — Ахметовский клад; *7* — Багай 1, поселение; *8* — Балашовский клад; *9* — Балка Лисовицкого IV, клад; *10* — Бамут, поселение, литейные формы; *11* — Батарейка, клад; *12* — Бекешевский клад; *13* — Белый; *14* — Беляевский; *15* — Бериславский клад; *16* — Боргустанский клад; *17* — Бык-гора, погребение; *18* — Веселый; *19* — Вестник; *20* — Вольное; *21* — Войково, клад; *22* — Геленджик (условно); *23* — Грушевая балка; *24* — Дельфан; *25* — Змейское, поселение; *26* — Знаменка, клад; *27* — Индыш (Гиляч), клад; *28* — Кардоникская; *29* — Карт-Джурт, клад; *30* — Кичмалка; *31* — Кишпек-2, клад; *32* — Коблевский клад; *33* — Кобяково, поселение; *34* — Константиновка, погребение; *35* — Констанца, клад; *36* — Костромская, клад; *37* — Красногвардейское, поселение; *38* — Краснодарский музей, клад (условно); *39* — Краснодарский музей, случайные поступления (условно); *40* — Краснодарское водохранилище (условно); *41* — Крыловский клад; *42* — Кубань, поселок; *43* — Курчанский клад; *44* — Кяфарский клад; *45* — Лабинск; *46* — Лесное, поселение; *47* — Маяк; *48* — Нарат-Эшик, клад; *49* — Нижний Архыз-1 (условно); *50* — Нижний Архыз-2 (условно); *51* — Нижний Архыз-3 (условно); *52* — Нижний Архыз-4 (условно); *53* — Ново-Ивановка, погребение; *54* — Новочеркасск (условно); *55* — Ольгенфельд, клад (возможно); *56* — Отрадная-1; *57* — Отрадная-2; *58* — Очамчира, клад; *59* — Панагия 1, поселение; *60* — Птичье; *61* — Пятигорск; *62* — Рене, погребение; *63* — Ростовская область (условно); *64* — Ростовский клад; *65* — Садовый; *66* — Самарский клад; *67* — Смородьковка, клад; *68* — Ставропольский музей-1 (условно); *69* — Ставропольский музей-2 (условно); *70* — Старая Станица; *71* — Старонижестеблиевская; *72* — Стрижамент (условно); *73* — Удобная, погребения; *74* — Удобная-1; *75* — Удобная-2; *76* — Удобная-3; *77* — Удобная-4; *78* — Учкулан; *79* — Ушгули; *80* — Фаскау-1; *81* — Фаскау-2, могильник; *82* — Христичи, клад; *83* — Цагера, клад; *84* — Цимлянский клад (условно); *85* — Черновцы, клад; *86* — Чишхо, поселение; *87* — Чишхо; *88* — Чубери, клад; *89* — Эшкакон, могильник

Fig. 5. Distribution of sickles of Kuban types by types of sites and geographical zones (numbering of finds for the maps is common). Notation: ● — single and passportless finds; ▼ — finds in hoards; ■ — finds in settlements; ◆ — finds in burials: *1* — Agur hoard; *2* — Agur; *3* — Ailama, burial ground; *4* — Alexandria, hoard (?); *5* — Andryuki; *6* — Akhmetov hoard; *7* — Bagai 1, settlement; *8* — Balashov hoard; 9 — Lisovitsky's Balka IV, hoard; *10* — Bamut, settlement, foundry moulds; *11* — Batareyka, hoard; *12* — Bekeshevskaya hoard; *13* — Bely; *14* — Belyaevsky; *15* — Berislavsky hoard; *16* — Borgustansky hoard; *17* — Byk-Gora, burial; *18* — Vesely; *19* — Vestnik; *20* — Volnoye; *21* — Voykovo, hoard; *22* — Gelendzhik (conditionally); *23* — Grushevaya Balka; *24* — Delphan; *25* — Zmeyskoye, settlement; *26* — Znamenka, hoard; *27* — Indysh (Gilyach), hoard; *28* — Kardonikskaya; *29* — Kart-Dzhurt, hoard; *30* — Kichmalka; *31* — Kishpek-2, treasure; *32* — Koblevsky hoard; *33* — Kobyakovo, settlement; *34* — Konstantinovka, burial; *35* — Konstanța, hoard; *36* — Kostromskaya, hoard; *37* — Krasnogvardeyskoye, settlement; *38* — Krasnodar Museum, hoard (conditionally); *39* — Krasnodar Museum, random receipts (conditionally); *40* — Krasnodar reservoir (conditionally); *41* — Krylovskiy treasure; *42* — Kuban, settlement; *43* — Kurchanskiy hoard; *44* — Kyafar hoard; *45* — Labinsk; *46* — Lesnoye, settlement; *47* — Mayak; *48* — Narat-Eshik, hoard; *49* — Nizhny Arkhyz-1 (conditional); *50* — Nizhny Arkhyz-2 (conditional); *51* — Nizhny Arkhyz-3 (conditional); *52* — Nizhny Arkhyz-4 (conditional); *53* — Novo-Ivanovka, burial; *54* — Novocherkassk (conditional); *55* — Olgenfeld, hoard (possible); *56* — Otradnaya-1; *57* — Otradnaya-2; *58* — Ochamchira, hoard; *59* — Panagia 1, settlement; *60* — Ptichye; *61* — Pyatigorsk; *62* — Rene, burial; *63* — Rostov Oblast (conditionally); *64* — Rostov hoard; *65* — Sadovy; *66* — Samara hoard; *67* — Smorodkovka, hoard; *68* — Stavropol Museum-1 (conditionally); *69* — Stavropol Museum-2 (conditionally); *70* — Staraya Stanitsa; *71* — Staronizhestebliyevskaya; *72* — Strizhament (conditionally); *73* — Udobnaya, burials; *74* — Udobnaya-1; *75* — Udobnaya-2; *76* — Udobnaya-3; *77* — Udobnaya-4; *78* — Uchkulan; *79* — Ushguli; *80* — Faskau-1; *81* — Faskau-2, burial ground; *82* — Khristichi, hoard; *83* — Tsagera, hoard; *84* — Tsimlyansky hoard (conditionally); *85* — Chernivtsi, hoard; *86* — Chishkho, settlement; *87* — Chishkho; *88* — Chuberi, hoard; *89* — Eshkakon, burial ground

Рис. 6. Локализация комплексов с кубанскими серпами по хронологии, исходя из дат комплексов по иным категориям предметов (нумерация находок для карт общая). Условные обозначения: ▼ — ахметовская группа; ■ — удобненская группа; ● — бекешевская и ольгенфельдская группы

Fig. 6. Chronological localisation of the complexes with Kuban sickles according to the dates of complexes of other item categories (the numbering of finds for the maps is common). Symbols: ▼ — Akhmetovo group; ■ — Udobnaya group; ● — Bekeshevo and Olgenfeld groups

с достаточной уверенностью можем сказать, что основной зоной локализации северокавказских позднебронзовых серпов является территория верховий Кубани, а также Закубанье, примыкающее к ней с запада, и горно-предгорная зона Центрального Предкавказья — с востока.

Именно эта территория дает нам как абсолютное большинство находок серпов в целом, так и находок серпов кубанских типов в комплексах: из слоев поселений, погребений и кладов. Иначе говоря, название этих серпов — «кубанские серпы» — полностью себя оправдывает.

Кубанские серпы найдены не менее чем в 50 комплексах, основную часть которых (32) составляют клады, следом идут погребения (11), затем слои поселений (7). В комплексах всего найдено 307 серпов. Единичных и «спорных» находок — 43: примечательна их локализация — прежде всего в Закубанье и верховьях Кубани, то есть этот факт косвенно свидетельствует об использовании здесь серпов по их прямому назначению.

Очень важно, что на обширной территории Северного Причерноморья (включая Крым) нам известны лишь комплексные находки, причем находки в одной категории комплексов — в кладах. Исключение — серп с поселения Багай 1 на северо-западе полуострова — подтверждает правило: данный обломок, видимо, использовался вторично. Находки серпов только в кладах могут подчеркивать присутствие кубанских изделий в Северном Причерноморье в первую очередь как источника металла.

И еще одно замечание: серпы найдены в приречных зонах — там, где, вероятно, концентрировалось население, занимавшееся земледелием и придомным скотоводством. Их находки на широких степных пространствах— редкое исключение.

Весьма показательно географическое распределение четко датируемых по иным категориям предметов комплексов с кубанскими серпами (рис. 6). Комплексы ранних этапов (ахметовского и удобненского) прикубанского очага металлопроизводства фиксируются только в верховьях Кубани и ее притоков и далее — на северо-западе от Кубани: в Северном Причерноморье с Крымом, на Нижнем Дону. Комплексы с серпами поздних этапов (бекешевского и ольгенфельдского), напротив, тяготеют кроме верховий Кубани

с притоками к регионам к востоку и югу от них, а также — к Нижнему Дону. Это можно связать с изменившейся культурной ситуацией: блок культур степной полосы на поздних этапах развития ПОММ ПБВ разрушился, а вместе с ним оборвались контакты. На Кавказе же, наоборот, формируется блок кобано-колхидских культур, ставший благодатным полем для потребления предметов и, видимо, распространения идей.

К вопросу о происхождении и культурной принадлежности позднекубанских серпов

Металлические серпы на Северном Кавказе появляются на позднем этапе среднего бронзового века — это серпы костромского типа (*Иессен*, 1951. С. 108). Современное определение костромских серпов такое: они снабжены коротким черенком подтреугольной или прямоугольной формы; все имеют равномерно изогнутую спинку, без резкого ее перегиба; иногда край спинки утолщен или укреплен невысоким валиком, в ряде случаев по нему нанесен ряд насечек; ширина клинков по всей длине одинаковая; некоторые из серпов имеют поперечные и продольные изгибы клинков (*Климушина*, 2020. С. 204).

Костромские серпы отливались со стороны рукояточной части (черенка). Это их отличает от более поздних серпов кубанских типов, отливавшихся со стороны спинки лезвия. Но другие особенности серпов этих двух групп их сближают. Преемственность прослеживается в относительно высоких дуговидных конфигурациях серпов обеих групп. Но наиболее яркая схожая черта — способ закрепления рукояти. С той лишь разницей, что у костромских серпов рукоять насаживалась обычно на заостренный штырь-черенок, а у более поздних серпов кубанских типов этот черенок переоформлен в виде удлиненного отогнутого стержня.

Более того, именно способ крепления принципиально отличает кубанские серпы от основной массы серпов иных металлургических центров. Для степной и лесостепной зон Восточной Европы и для Балкано-Карпатского региона характерен не длинный стержень, а разной массивности крюк. На Южном Кавказе в этот период преобладают либо серпы с кремневыми вкладышами, либо металлические серпы с отверстиями для крепления рукоятей посредством гвоздей.

Серпы костромского типа входят в комплексы предметов, характеризующих завершающий этап среднего бронзового века Северного Кавказа (*Бочкарёв, Пелих*, 2008. С. 64). Серпы кубанской серии развиваются в течение всего позднего бронзового века.

В многочисленных северокавказских комплексах, четко датируемых ранним железным веком, бронзовых серпов нет. Известен один железный дериват серпа формы коленчатых кубанских позднебронзовых: из погребения 1 могильника Индустрия 2, VIII — первой половины VII в. до н. э. (*Березин, Дударев*, 2004. С. 85–92, рис. 5, *1*). Железные серпы с Северо-Восточного Кавказа, в частности из поздних слоев поселения Серженьюрт (*Козенкова*, 2001. С. 46, рис. 87а, *2, 3*), из-за их плохой сохранности четко связать с более ранними бронзовыми изделиями сложно.

Это, с одной стороны, ограничивает верхнюю дату существования на Северном Кавказе бронзовых серпов рубежом эпох бронзы — раннего железа. С другой — свидетельствует о присутствии по крайней мере в районе Кавказских Минеральных Вод в начале раннего железного века населения, помнящего формы изделий, бытовавшие в позднем бронзовом веке.

Серпы кубанских типов — это яркие структурообразующие артефакты прикубанского очага металлопроизводства позднего бронзового века, существовавшие и развивавшиеся на всех этапах этого культурного образования. Зона распространения памятников очага — верховья р. Кубани и Закубанье (территория между рекой и Главным Кавказским хребтом). Однако конкретная археологическая культура, в рамках которой развивался ПОММ ПБВ, еще не открыта. Мы можем только предполагать, что для этой культуры самыми характерными металлическими изделиями были именно кубанские позднебронзовые серпы, и что эта культура на поздних этапах своего развития, в XII–X вв. до н. э., существовала параллельно появившейся и развивавшейся кобанской культурно-исторической области. Последняя, возможно, и «поглотила» в дальнейшем часть шедших от ПОММ ПБВ культурных элементов. С другой стороны, явных признаков продолжения традиций ПОММ ПБВ в среде закубанских памятников начала раннего железного века, или протомеотских, не прослеживается.

Заключение

Позднекубанские серпы составляют самую большую коллекцию металлических орудий этого рода на Кавказе и одну из крупнейших во всей Восточной Европе. Это говорит о значительном размахе производства, которого ПОММ достиг в конце эпохи бронзы. Массовое производство

серпов свидетельствует в пользу того, что этот очаг был ориентирован на выпуск продукции для самого широкого круга потребителей. Судя по карте распространения, основные мастерские по производству серпов располагались в бассейне Верхней Кубани. Там же известны самые крупные месторождения меди на всем Северо-Западном Кавказе. Типологическое разнообразие серпов, возможно, объясняется не только их временны-ми изменениями, но и тем, что их изготовляли во множестве локальных мастерских.

Судя по экологии бассейна Верхней Кубани, там предпочтительнее было заниматься скотоводством. Если это так, то серпы в основном предназначались здесь для заготовки сена. Это предполагает зимнее содержание скота.

Остается пока неизвестной культурная принадлежность проанализированных серпов, как и всего ПОММ ПБВ. Сейчас можно лишь сказать, что эти серпы имеют местное, автохтонное происхождение. Их прототипами были серпы костромского типа. Производство позднекубанских серпов прекращается к началу железного века, что совпадает с появлением протомеотской группы памятников.

Анфимов, 1957 — *Анфимов Н. В.* Находки предметов эпохи поздней бронзы близ станицы Удобной // СА. 1957. № 4. С. 155–157.

Березин, Дударев, 2004 — *Березин Я. Б., Дударев С. Л.* Новые погребальные комплексы раннежелезного века из Кисловодской котловины // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2004. Вып. 4. С. 85–107.

Бочкарёв, 1972 — *Бочкарёв В. С.* Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл. // КСИА. 1972. Вып. 132: Археология Кавказа и Средней Азии. С. 87–91.

Бочкарёв, 1996 — *Бочкарёв В. С.* Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. С. 96–97.

Бочкарёв, 2012 — *Бочкарёв В. С.* К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 194–214.

Бочкарёв, 2017 — *Бочкарёв В. С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2. С. 159–204.

Бочкарёв, Пелих, 2008 — *Бочкарёв В. С., Пелих А. Л.* К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.): Тез. докл. Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2008. С. 64–66.

Бочкарёв и др., 2023 — *Бочкарёв В. С., Городовая В. В., Пелих А. Л.* Кяфарский клад бронзовых орудий // Археология Восточно-Европейской степи. 2023. Вып. 19. С. 102–118.

Воронов, 1969 — *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969. 94 с., 25 л. ил.

Деопик, Крупнов, 1961 — *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг.: Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1 / Ред. Е. И. Крупнов. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1961. С. 11–36.

Дергачёв, Бочкарёв, 2002 — *Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.

Добровольський, 1948 — *Добровольський А. В.* Бериславський скарб бронзової доби // Археологія. 1948. Т. II. С. 152–163.

Горошников и др., 2023 — *Горошников А. А., Горошникова З. В., Смекалова Т. Н., Антипенко А. В.* Состав сплава металлических предметов из раскопок поселения позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму // Stratum plus. 2023. № 2: Страсти по детям. С. 319–336.

Горошников и др., 2024 — *Горошников А. А., Пелих А. Л., Смекалова Т. Н.* Комплекс серпов с поселения позднего бронзового века Панагия 1 (Таманский полуостров): междисциплинарное исследование // КСИА. 2024. Вып. 275. С. 146–162.

Егоров, 1951 — *Егоров Н. М.* Боргустанский клад 1941 г. // СА. 1951. Т. XV. С. 292–295.

Иессен, 1951 — *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Наука, 1951 (МИА; № 23). С. 75–124.

Ильюков, 1999 — *Ильюков Л. С.* Ростовский клад бронзовых вещей // Донская археология. 1999. № 3–4 (4–5). С. 61–64.

Кияшко, 2020 — *Кияшко А. В.* Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // АВ. 2020. Вып. 30. С. 207–222.

Климушина, 2020 — *Климушина А. И.* Древнейшие металлические серпы эпохи бронзы на территории Северного Кавказа // Актуальная археология 5: Материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых / Отв. ред. К. В. Конончук. СПб.: Невская типография, 2020. С. 203–207.

Клочко, Козыменко, 2017 — *Клочко В. И., Козыменко А. В.* Древний металл Украины. Киев: б. и., 2017. 366 с.

Козенкова, 2001 — *Козенкова В. И.* Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001. 198 с., ил.

Колотухин, 2003 — *Колотухин В. А.* Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 139 с.

Лесков, 1967 — *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР / Отв. ред. А. М. Лесков, Н. Я. Мерперт. Киев: Наукова думка, 1967. С. 143–178.

Магомедов, 1972 — *Магомедов А. Р.* Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры // СА. 1972. № 2. С. 110–126.

Марковин, Глебов, 1979 — *Марковин В. И., Глебов А. И.* Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской // СА. 1979. № 2. С. 239–245.

Наумов, 1980 — *Наумов Д. В.* Химическая характеристика металлических изделий кобяковской культуры // *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л.: Наука, 1980 (САИ; Вып. В 1–11). С. 77–80.

Наумов, Миняев, 1972 — *Наумов Д. В., Миняев С. С.* Химический состав металлических предметов Самарского клада // КСИА. 1972. Вып. 132: Археология Кавказа и Средней Азии. С. 89–91.

Нечитайло, 2000 — *Нечитайло А. Л.* Результаты анализа Нарат-Эшикских серпов // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. Кисловодск: Изд.-полиграф. фирма «Ставрополье», 2000. С. 106–107.

Новичихин и др., 2021 — *Новичихин А. М., Смекалова Т. Н., Демченко А. И.* Курчанский клад в свете новых исследований // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты: Материалы междунар. науч. конф. (Керчь, 24–27 мая 2021 г.) / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2021. С. 291–298.

Пелих, 2002 — *Пелих А. Л.* Еще раз о серпах кубанских типов позднебронзового времени // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Материалы науч. конф. / Ред. А. Б. Белинский, С. Н. Савенко. Ессентуки; Кисловодск: Кавказинтерпресс, 2002. С. 104–106.

Пелих, 2003 — *Пелих А. Л.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы: Дис. … канд. ист. наук — 07.00.06 «Археология» / ИИМК РАН. Армавир, 2003. 324 с.

Пелих, Соколов, 2023 — *Пелих А. Л., Соколов П. М.* Новые находки бронзовых серпов из Прикубанья // Древности Кубани: Сб. науч. трудов. Вып. 26 / Отв. ред. А. Л. Пелих, Л. Э. Голубев. Краснодар: Митра, 2023. С. 5–10.

Сахарова, 1976 — *Сахарова Л. С.* Бронзовые клады из Лечхуми. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 76 с. (на груз. яз.).

Сокольский, 1980 — *Сокольский Н. И.* Таманский клад бронзовых орудий // СА. 1980. № 2. С. 144–150.

Чартолани, 1989 — *Чартолани Ш. Г.* К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 267 с.

Черных, 1980 — *Черных Е. Н.* О химическом составе металла Таманского клада // СА. 1980. № 2. С. 150–154.

Черных, 1981 — *Черных Е. Н.* Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы // СА. 1981. № 1. С. 19–26.

Черняков, 1967 — *Черняков И. Т.* Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье // Записки Одесского археологического общества. 1967. Т. II. С. 23–37.

Шарафутдинова, 1971 — *Шарафутдинова Э. С.* Металлические изделия кобяковской группы поселений эпохи поздней бронзы // КСИА. 1971. Вып. 127: Памятники эпохи неолита и бронзы. С. 45–49.

Sîrbu et al., 2024 — *Sîrbu M., Topal D., Sava E.* "Bronzefunde aus Bessarabien": Un depozit de bronzuri descoperit în apropierea localităţii Hristici, raionul Soroca // Epoca bronzului de-o parte şi de alta a carpaţilor: studii în onoarea lui Tudor Soroceanu la 80 de ani / Eds. V. Sava, F. Gogâltan. Cluj-Napoca: Mega, 2024. P. 171–193.

The Late Bronze Age metal sickles of the North Caucasus

V. S. Bochkarev, A. L. Pelikh[5]

Keywords: North Caucasus, Kuban, Late Bronze Age, Kuban centre of metal production, sickles

The article deals with bronze sickles of the Late Bronze Age originating from the North Caucasus. Data on 350 whole sickles and their fragments attributed to the North Caucasus Late Bronze Age series are contributed. A new detailed classification of sickles is presented; the questions of their origin, morphological and chronological peculiarities are also considered. The main distinguishing features of the North Caucasus Late Bronze sickles (also can be called the Kuban sickles) are revealed in terms of their shape, the ways of fixing the handle and casting. The Kuban sickles are arc-shaped symmetrical (with a uniformly curved back and a smooth transition to the handle part), cranked (with a sharp bend between the blade part and the handle part) or (intermediate form) arc-shaped asymmetrical (weakly cranked). The handles were fitted with a prong, which was then forged in the form of an elongated rod, usually bent backwards. The sickles were cast from the side of the blade's back. The studied items are mainly localized in the upper reaches of the Kuban River. A number of peculiarities of sickles' manufacturing and use technology allow conclude that sickles were the structure-forming items of the Kuban center of metallurgy of the Late Bronze Age, and they were 'pass-through' types for all the stages of its development: the arc-shaped ones — for the Akhmetovskaya and Udobnaya stages, the knee-shaped — for all stages, especially the later ones. This testifies to the continuity of genesis not only of sickles as a category of artifacts, but also of the Kuban center of metallurgy itself.

[5] Vadim S. Bochkarev — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg State University; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: bovad872@gmail.com. Alexey L. Pelikh — Armavir State Pedagogical University; Armavir, Russia; e-mail: pelich1976@mail.ru.

Реконструкция процесса производства зеркал «ольвийского» типа[1]

Т. М. Кузнецова[2], Ю. В. Оборин (†)[3]

Аннотация. *На базе трасологических исследований впервые показан алгоритм создания предметов, получивших название зеркал «ольвийского» типа. Предлагаемая в работе схема изготовления таких зеркал, датируемых второй половиной VI — V в. до н. э., может служить основой для понимания процесса изготовления и ремонта подобных широко тиражированных изделий (известно более 180 экз.). Анализ и воссоздание этапов производства этих зеркал (последовательное изготовление и соединение дисков, ручек и зооморфных украшений) позволили предположить, что технология раздельного литья могла прийти из Греции, так как часть экземпляров имеет оформление, восходящее к античной традиции, и связана с культами греческих божеств.*

Ключевые слова: *зеркало, фигурка кошачьего хищника, головка овна, Ольвия, технология, литье, реконструкция.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-53-64

Авторы не впервые обращаются к теме производства зеркал «ольвийского типа» (*Кузнецова*, 2002; *Оборин*, 2020), ей также был посвящен доклад на Международной конференции «Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий)» в 2022 г. (*Кузнецова, Оборин,* 2022). Эта статья является продолжением работы в избранном направлении.

Введение

«Древняя технология производства», которая, по мнению Р. С. Минасяна, «строго следует регламенту, основанному на последовательных действиях с соблюдением точной рецептуры приготовления, применения и обработки материалов», из-за отсутствия «в письменных источниках точных указаний на то, каким образом делались вещи, не позволяет воспроизвести технологический процесс изготовления древних предметов». Из этого следует, как полагает исследователь, что «древняя технология недоступна для нашего понимания» и этот термин, часто употребляющийся в археологической литературе вместо слова «техника»[4], не может быть применим по отношению к древнему производству (*Минасян,* 2014. С. 43). Абсолютная реконструкция древних металлургических технологий, действительно, невозможна из-за того, что они являлись профессиональной тайной мастеров и носили латентный (скрытый) характер (*Гайко*, 2011. С. 394).

Однако без реконструкции технологии производства археологических металлических находок невозможна и их характеристика. Согласно мнению М. П. Грязнова, исчерпывающую информацию о способе изготовления в большинстве случаев дает трасологическое обследование археологических вещей (*Грязнов*, 1982).

Сведения, полученные в результате визуального анализа, который, как отмечают исследователи, должен предшествовать привлечению иных методов (физических, химических и экспериментальных), все же позволяют провести для некоторых предметов хотя бы частичное восстановление процесса их изготовления.

[1] Работа выполнена в рамках темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

[2] Институт археологии РАН; Москва, РФ; e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru.

[3] Независимый исследователь; Красноярск, Россия.

© Кузнецова Т. М., Оборин Ю. В., 2025

[4] В современной литературе термин «техника» постепенно вытесняется термином «технология» (*Литова*, 2019. С. 165).

Зеркала «ольвийского» типа

Речь идет об экземплярах, которые представлены плоскими, круглыми дисками с высоким бортиком и боковыми каннелированными ручками. Верх ручек оформлен в виде эллипса или шестиугольника, а конец украшен либо фигуркой кошачьего хищника (рис. 1, *1, 2*), либо головкой овна (рис. 1, *4;* 2, *5*). Некоторые предметы имеют две фигурки животных: изображение лежащего копытного животного (вепрь, олень) на верху ручки и фигурку кошачьего хищника (рис. 1, *3, 6*) или головку овна (рис. 1, *5*) — на ее конце (*Кузнецова,* 2021. С. 37, 43, 45, рис. 1, 5, 7, *2–5*; 2023. С. 288, рис. 1, *1–5*).

Рис. 1. Зеркала «ольвийского» типа: *1* — ст. Крым-Гиреевская (отдел археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа, инв. № 2531-1); *2* — Аксютинцы/Роменская группа, раскопки после 1886 г. (Киев, Национальный музей истории Украины, инв. № Го 1128); *3* — Ольвия, могила 36, 1912 г. (отдел античного мира Гос. Эрмитажа, инв. № О.1912.136); *4* — Ставропольский край, случайная находка; *5* — Ольвия, могила 64, 1912 г. (отдел античного мира Гос. Эрмитажа, инв. № О.1912.273); *6* — Музей изящных искусств, Бостон, США (инв. № 621189). Масштаб произвольный

Fig. 1. Mirrors of the "Olbian" type: *1* — stanitsa Krym-Gireevskaya (Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, the State Hermitage Museum, Inv. No. 2531-1); *2* — Aksyutintsy/Romny group, excavated after 1886 (Kiev, the National Museum of History of Ukraine, Inv. No Го 1128); *3* — Olbia, grave 36, 1912 (Department of the Antique World, the State Hermitage Museum, Inv. No. O.1912.136); *4* — Stavropol Krai, a chance discovery; *5* — Olbia, grave 64, 1912 (Department of the Ancient World, the State Hermitage Museum, Inv. No. O.1912.273); *6* — the Museum of Fine Arts, Boston, USA (Inv. No. 621189). Without scale

Эта серия древностей разными исследователями называлась и называется зеркалами или зеркалами-патерами «греко-скифского», «скифского» или «ольвийского» типов (см. библ.: *Кузнецова,* 2002. С. 197, 207–210). В. Ю. Зуевым было предложено называть их «борисфенитскими зеркалами» (*Зуев,* 2019. С. 163, 164). Самое большое количество целых форм было обнаружено в Ольвии, что удачно соотносится с их названием (*Скуднова,* 1988. С. 68, 92, 112, 113, 115, 119, 159, 167; *Кузнецова,* 2002. С. 208; 2010. С. 239; 2023).

Рассматриваемые предметы появляются с середины VI в. до н. э. в зонах, связанных с деятельностью греков: в Северном Причерноморье, Западной Европе, Волго-Камье, на Урале, Северном Кавказе и в Северной Африке. В настоящее время известно более 180 экземпляров.

Сведения о районах находок таких зеркал свидетельствуют, что с VI в. до н. э. в этих регионах присутствуют вещи, которые, видимо, отражают деятельность двух значительных религиозных центров, связанных с почитанием Аполлона и Диониса: Дидимов и Дельф (*Кузнецова,* 2002. С. 208–212; 2023. С. 294, 295). Это подтверждает и символика образов (лев, пантера, кабан, олень, овен) на предметах (*Онайко,* 1977. С. 153–160; *Иванов*, 1994. С. 106–111; *Ходза*, 1997), и надпись на одном из них, происходящем из Ольвии, с посвящением Дионису. Культы Аполлона и Диониса известны в Ольвии и на Березани с момента возникновения там колоний (*Розанова,* 1968. С. 248–252; *Русяева,* 1979. С. 81; *Кузнецова,* 2002. С. 180, табл. 108, № 423). Ручка с головкой овна была найдена и в Северной Африке, в храме Артемиды, в святилище Аполлона города Кирена (*Pernier,* 1931; *Скуднова,* 1962. С. 8). Уже один этот факт, безусловно, свидетельствует о греческом происхождении анализируемых вещей (*Кузнецова,* 2023. С. 287), поскольку город основали жители острова Фера, обращавшиеся перед отправлением колонии в Ливию в Дельфийский оракул (Hdt. IV. 157–159; Strabo. X, V.1; XVII, III.21). Это подтверждается текстом «стелы основателей», обнаруженной в Кирене: «Бог! Счастливая судьба!.. Чтобы город [наш] возвысился и народ Кирены благоденствовал, предоставить ферянам гражданские права согласно отеческим установлениям, которые выработали [наши] предки, как заселившие Кирену с Феры, так и остававшиеся

на Фере, поскольку Аполлон определил…, заселившим Кирену, благоденствие [пока] они сохраняют верность клятвам, которые предки дали друг другу в то время, когда они выслали колонию согласно повелению Аполлона Архагета…» (*Яйленко,* 1982. С. 61–64), что указывает и на греческие корни рассматриваемых произведений и обусловливает возможность их использования.

Не затрагивая вопросы о месте производства, художественных особенностях, композиционно-стилистических отличиях, хронологии и типологии «ольвийских» зеркал, поскольку они уже отражены в обширной литературе (см. библ.: *Кузнецова*, 2002. С. 142–212; 2010. С. 239–241, 261, 262), хотелось бы обратиться к реконструкции техники производства этих изделий, поскольку ранее эта тема подробно не освещалась.

Алгоритм изготовления

Очень кратко вопрос об изготовлении зеркал «ольвийского» типа был рассмотрен ранее авторами (*Кузнецова*, 2002. С. 155, 195, рис. 15; 18; *Оборин,* 2020) и В. Е. Масловым (*Маслов,* 2002). В. Е. Маслов писал, что «ручка рассматриваемых предметов закреплялась на уже готовом диске, вероятно, отлитом в жесткой форме и, возможно, затем прокованном. Но, скорее всего, она приливалась, а не припаивалась» (*Там же*. С. 156). Его предположения в целом представляются правильными. Но, тем не менее, детального описания всего процесса изготовления таких зеркал в специальной литературе представлено так и не было.

Авторами были изучены визуально более 50 экземпляров, хранящихся в фондах музеев России и Украины[5]. Все исследованные изделия имеют хорошую сохранность.

Трасологическое изучение материала позволило определить, что рассматриваемые предметы были литыми. Визуальные наблюдения и анализ характерных повреждений (диски с отпавшей, но сохранившейся ручкой, следы починки с помощью заклепок) дали возможность утверждать, что диск и ручка отливались по отдельности (рис. 2–4), как и фигурки стоящего кошачьего хищника (*Кузнецова,* 2002. С. 142–212).

Реконструируемый процесс производства зеркал «ольвийского» типа можно разделить на несколько этапов: изготовление дисков, ручек и зооморфных украшений на концах ручек с последовательным соединением составляющих элементов.

1-й этап. Изготовление дисков. Диаметры дисков предметов с кошачьим хищником обычно находятся в пределах 18–19 см, а зеркал с головой овна — 13,5–14,5 см. Толщина диска в центральной части составляет около 0,1–0,2 см, высота бортика — 0,5–1,0/1,5 см.

Бортик в разрезе имеет треугольную форму с небольшим уклоном к внешней стороне диска (*Кузнецова,* 2002. С. 145–194, табл. 77–82, 84, 85, 87–94, 97–107, 109–111, 113, 116–118). Наличие бортика на диске неслучайно: он нужен для повышения жесткости изделия. Он также позволяет равномерно распределить внутренние напряжения при кристаллизации сплава. Наклон бортика предотвращает разрыв диска при усадке, происходящей при застывании бронзы, и облегчает извлечение диска из формы, не нарушая ее целостности (*Оборин,* 2020. С. 1).

Факт литья рассматриваемых дисков в двухсторонние каменные формы не подлежит сомнению. Для изготовления форм использовались, видимо, плотные виды песчаника и сланца. Эта техника была экспериментально воспроизведена Дж. М. Кенойером, когда он воссоздал зеркало, используя песчаниковую двустворчатую форму, завершив процесс шлифовкой и полировкой (*Chattopadhayay, Sen*, 2019. P. 142). В Северном Причерноморье известны находки каменных форм для отливки других изделий (*Ольговский,* 2016. С. 189–198; *Крутилов,* 2018. С. 102). При раскопках Горгиппии найден фрагмент двухсторонней каменной литейной формы для изготовления зеркал-подвесок. Форма сделана из плотного мергеля. Ее литейные углубления в результате воздействия расплавленного металла прокалены дочерна, что свидетельствует о ее интенсивном использовании (*Новичихин*, 2021. С. 339, 340, рис. 2).

Преимуществом каменных двухсторонних форм для литья дисков является простота в изготовлении, что показано на графической реконструкции (рис. 2, *1*). Первая полуформа — это камень с ровной плоской поверхностью. Возможно, что отсутствовали даже штифты для совмещения полуформ. Вторая полуформа на начальном этапе изготавливалась так же, как и первая. Далее на ровной поверхности камня вырезалось углубление, соответствующее негативу диска. Потом резцом вырезались выпора́ (отверстия, служащие для выхода воздуха из формы при литье), канал и воронка для заливки металла. Совмещение полуформ

[5] Государственный исторический музей (Москва), Государственный музей истории искусств имени А. С. Пушкина (Москва), Государственный Эрмитаж (СПб.), Институт археологии НАН Украины, Национальный музей истории Украины (Киев) и Кировоградский областной краеведческий музей.

Рис. 2. Изготовление зеркал «ольвийского» типа и характерные повреждения на дисках: *1* — каменная форма для отливки дисков (графическая реконструкция); *2* — соединение диска и ручки (графическая реконструкция); *3* — диск без ручки (случайная находка, 2017 г., Украина); *4* — диск со следами ремонта (случайная находка, 2019 г., Черкасская обл., Украина); *5* — починка заклепками (случайная находка, 2011 г., юг Краснодарского края). Масштаб произвольный

Fig. 2. Manufacturing of the 'Olbian' type mirrors and characteristic damages on the discs: *1* — a stone mould for casting discs (graphic reconstruction); *2* — junction of disc and handle (graphic reconstruction); *3* — a disc without handle (chance discovery, 2017, Ukraine); *4* — a disc with traces of repair (chance discovery, 2019, Cherkassy Oblast, Ukraine); *5* — repair with rivets (chance discovery, 2011, the south of Krasnodar Krai). Without scale

происходило по наружному краю. Для предотвращения залипания (заклинивания) отливки к форме обе внутренние поверхности полуформ покрывали разделяющим составом, вероятно, сажей. Заливка металла происходила при вертикальном положении предварительно нагретой формы (рис. 2, *2*).

Литье дисков в каменные формы обеспечивало хорошее качество отливок и повышало производительность по сравнению с литьем в землю или по выплавляемым восковым моделям, где формы утрачиваются. Кроме того, для литья отдельного диска требовалось значительно меньшее количество бронзы, чем для целого зеркала, то есть сокращалось время плавки (*Оборин,* 2020. С. 1, рис. 1).

На диске изначально не доливалась небольшая часть бортика (до заливки диска часть углубления в форме могла заполняться глиной), или она аккуратно удалялась позже уже на готовом диске (рис. 2, *3–5*). Оба варианта в равной степени были возможны.

У экземпляров с фигуркой кошачьего хищника на конце ручки из Ольвии (могила 75/1910 г.) и Тузлинского некрополя (гробница 55) на обеих сторонах диска имеются следы ткани. Отпечатки сохранились и после реставрации предметов, а это свидетельствует о том, что ткань отпечаталась в воске и металле, а не в корродированном слое, удаление которого привело бы к полному их уничтожению. При изготовлении утрачиваемых моделей литейщики в основном использовали воск, но применяли также и ткань (*Минасян,* 2014. С. 189, 190). Отпечатки, видимо, относятся к прокладке при изготовлении восковой модели для диска, если его копировали с имевшихся металлических экземпляров и отливали уже по утрачиваемой восковой модели. Известна ножка котла (ГЭ, инв. № 2233/15) с отпечатком кусочка ткани на восковой модели (*Там же*. С. 191, ил. 69, *3*).

2-й этап. Изготовление ручек. Длина ручек варьирует в пределах 13–15 см. Ствол ручек плоский, рифленый, состоит из трех-пяти продольных колонок (дорожек), разделенных каннелюрами. В месте соединения ручки с диском расположен геометрический элемент, состоящий из овала и сегмента. В некоторых случаях верхняя часть выполнена в виде прямоугольной подставки с горизонтальными рельефными валиками, на которых располагалась фигурка копытного животного (вепрь, олень). Отличия в оформлении ствола ручек, возможно, обусловлены количеством каннелюр, а сами ручки различаются формой подставок/постаментов под изображениями животных и самих животных (рис. 3, *1а, 1б, 2а, 2б*).

Для изготовления восковых моделей ручек могли использовать и каменные формы, и слепки с других ручек, но их могли делать и вручную (*Карабасов и др.,* 2011. С. 36, 37). Об этом свидетельствуют как полные аналогии в оформлении одних типов (с фигурками вепря и льва), так и различия в других типах и вариантах (с головой овна) на конце (рис. 1). Модели являются, по мнению специалистов, образцом предмета, который нужно изготовить для того, чтобы с его помощью сделать глиняную литейную форму (см.: *Бессонова и др.,* 2016).

О применении одной модели позволяет судить не только абсолютная идентичность фигурок вепря и льва (рис. 1, *6*), но и размер промежутков между каннелюрами на стволах ручек у всех известных с этими изображениями экземпляров (Краснодарский край, Майкоп, окрестности Нальчика, Румыния-?). В центральной части промежуток заметно больше, чем остальные (*Кузнецова,* 2021. С. 45, рис. 7, *2–5*).

Модели, по мнению Р. С. Минасяна, являлись аналогами будущих изделий, с помощью которых отливали вещи, а утрачиваемые модели были всего лишь посредниками для производства литейных форм. Исследователь полагает, что у археологов бытует неверное представление о назначении утрачиваемых моделей, поскольку считается, что с их помощью отливали оригинальные изделия (*Минасян,* 2014. С. 188, 189). Определить, какая из отмеченных версий изготовления моделей использовалась древними мастерами, можно только при анализе каждого предмета. К примеру, если формовка восковой модели ручки проводилась путем заливки жидкого воска в двухстороннюю форму, то мог остаться след от смыкания полуформ, если потом восковая модель не обрабатывалась, а ее поверхность не затиралась и не заглаживалась. Такой след был отмечен В. А. Косиковым (*Косиков,* 1994. С. 175, рис. 19, *7*; 179) на ручке зеркала (рис. 3, *3*) из могильника у с. Гавриловка (*Кузнецова,* 2002. С. 154, табл. 86, № 135).

Варианты ручек связаны с различным построением: количеством каннелюр, видом постаментов/подставок и направлением фигурок животных (рис. 3).

3-й этап. Соединение бронзового диска и восковой модели ручки. Для монтажа диска и ручки к готовому бронзовому диску присоединяли восковую модель ручки. Полуовальный сегмент располагался с той стороны диска, где был бортик. Наплыв воска с противоположной стороны тщательно заглаживался и сводился к минимуму.

Рис. 3. Ручки зеркал «ольвийского» типа со следами повреждений: *1а, 1б* — случайная находка, 2019 г., Украина, Харьковская обл.; *2а, 2б* — окрестности Нальчика (отдел археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа, инв. № 2535/1); *3* — с. Гавриловка (фото из архива В. Г. Петренко, Киев, Национальный музей истории Украины, инв. № Б-41-297); *4а–4в* — случайная находка, 2015 г., Украина. Масштаб произвольный

Fig. 3. Handles of the "Olbian" type mirrors with traces of damage: *1a, 1б* — a chance discovery, 2019, Ukraine, Kharkov Oblast; *2a, 2б* — the vicinity of Nalchik (Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, the State Hermitage Museum, Inv. No. 2535/1); *3* — the village of Gavrilovka (photo from the archives of V. G. Petrenko, Kiev, the National Museum of the History of Ukraine, Inv. No. Б-41-297); *4a–4в* — a chance discovery, 2015, Ukraine. Without scale

Восковую ручку соединяли с уже готовым бронзовым диском вручную: вдавливали, прилепляли и сглаживали (*Оборин,* 2020. С. 1).

Иногда полуовальный сегмент и верхняя часть ручки (трилистник) разделялись невысоким выступом, имитирующим недостающую часть бортика на диске (рис. 3, *1а, 1б*). При необходимости на восковую поверхность наносилась гравировка.

Восковая модель ручки с изображением стоящего кошачьего хищника на ее конце изготавливалась без фигурного окончания, с небольшим припуском по длине. Восковая модель ручки с головой овна на конце (рис. 3, *4а, 4б*) производилась вместе с фигурным окончанием (*Кузнецова,* 2002. С. 195, рис. 18; *Оборин,* 2020. С. 2).

Процесс формовки заключался в покрытии части диска и модели ручки раствором формовочной массы (рис. 2, *2*). Формовочная масса готовилась из связующего материала (гипса или глины), наполнителя (мелкой фракции кварцевого песка или порошка другого подходящего минерала) и воды.

На начальном этапе это было простое окунание сборки в жидкий раствор, потом — обмазка более густой фракцией. Прочность будущей формы достигалась многослойностью покрытия с промежуточной просушкой.

После окончательной просушки полученную форму нагревали, вытапливали воск и, не охлаждая, заливали в нее расплавленную бронзу. Бронза заливалась в форму, расположенную вертикально, диском вниз. Обтекая диск и застывая, сплав соединял его и ручку.

Недостатком такой техники было образование газовой пористости в месте соединения диска и ручки (рис. 3). В области контакта диска с расплавом последний быстро остывал, и воздух не успевал выйти из полости формы. Диск в этом случае выполнял своего рода роль «холодильника» (*Оборин,* 2020. С. 2). Сохранность предметов показала, что соединение ручки и диска было все-таки недостаточно прочным (рис. 2, *3–5*; 3, *1а, 1б,, 4а–4в*).

4-й этап. Изготовление фигурных окончаний на ручках. Зооморфные окончания ручек в виде кошачьего хищника также отливались отдельно. В постаментах хорошо прослеживаются пустоты, а около подставок — отогнутые треугольные выступы (рис. 4, *1–4*), которые являлись заполнением промежутков между колонками ручки (рис. 4, *5а, 5б*). Этим же объясняется неровное расположение фигурок на некоторых зеркалах. Направление фигуры животного, вероятно, носило случайный характер. Формовка и заливка зооморфного окончания выполнялись аналогично операции изготовления стволов ручек (*Оборин,* 2020. С. 2).

5-й этап. Соединение конструкции (ручка + диск) с фигурным окончанием. Для соединения уже отлитого зеркала (совмещенных ранее диска и ручки) с фигурным окончанием на конец ствола ручки крепилась восковая модель животного с подставкой.

Возможно, ствол ручки сначала оборачивался полоской воска, а торец полностью не заделывался. В результате создавался постамент/подставка. Далее к нему крепилась восковая фигурка кошачьего хищника (пантера). В итоге получалась конструкция: диск + ствол (отлитые ранее из бронзы) и подставка + фигурка животного из воска. Литейная воронка и выпор для выхода воздуха, вероятно, находились на спине животного, так как это лучшее место для заливки, последующей доработки и шлифовки. Подставка под фигурой выходила полая, так как заливка производилась раздельно: сначала ствол ручки, а потом постамент с пантерой.

Прочность крепления зооморфного окончания во многом зависела от глубины «насада» восковой модели на ствол ручки. Далее повторялся процесс формовки и заливки. Фиксация фигурок на ручке происходила при застывании расплава, а при усадке бронза обжимала ствол ручки (*Оборин,* 2020. С. 2). В том случае, когда глубина «насада» была небольшой, подставка с фигуркой отделялась и отпадала (рис. 4).

Открытым остается вопрос изготовления собственно восковых моделей для зооморфных окончаний, поскольку возможны два варианта: либо лепка/подрезка индивидуального окончания к конкретному зеркалу, либо отливка воска в форму из бронзы или камня для получения серии моделей для фигурок.

При этом не исключается и иной способ соединения фигурки стоящего хищника и ручки, когда ствол отливался вместе с овалом и сегментовидным выступом над ним, а на конце имел плоский «штырь» (рис. 4, *6*). Скульптурка кошачьего хищника отливалась вместе с полой подставкой, и в ней (между лап животного) оставлялось отверстие. В отверстие подставки вставлялся «штырь», и фигурка закреплялась на конце ствола ручки (*Кузнецова,* 2002. С. 155, рис. 15). О таком способе свидетельствуют следы починки на фрагменте, происходящем из полуземлянки 15 с Березани, где в стенках полого постамента проделано

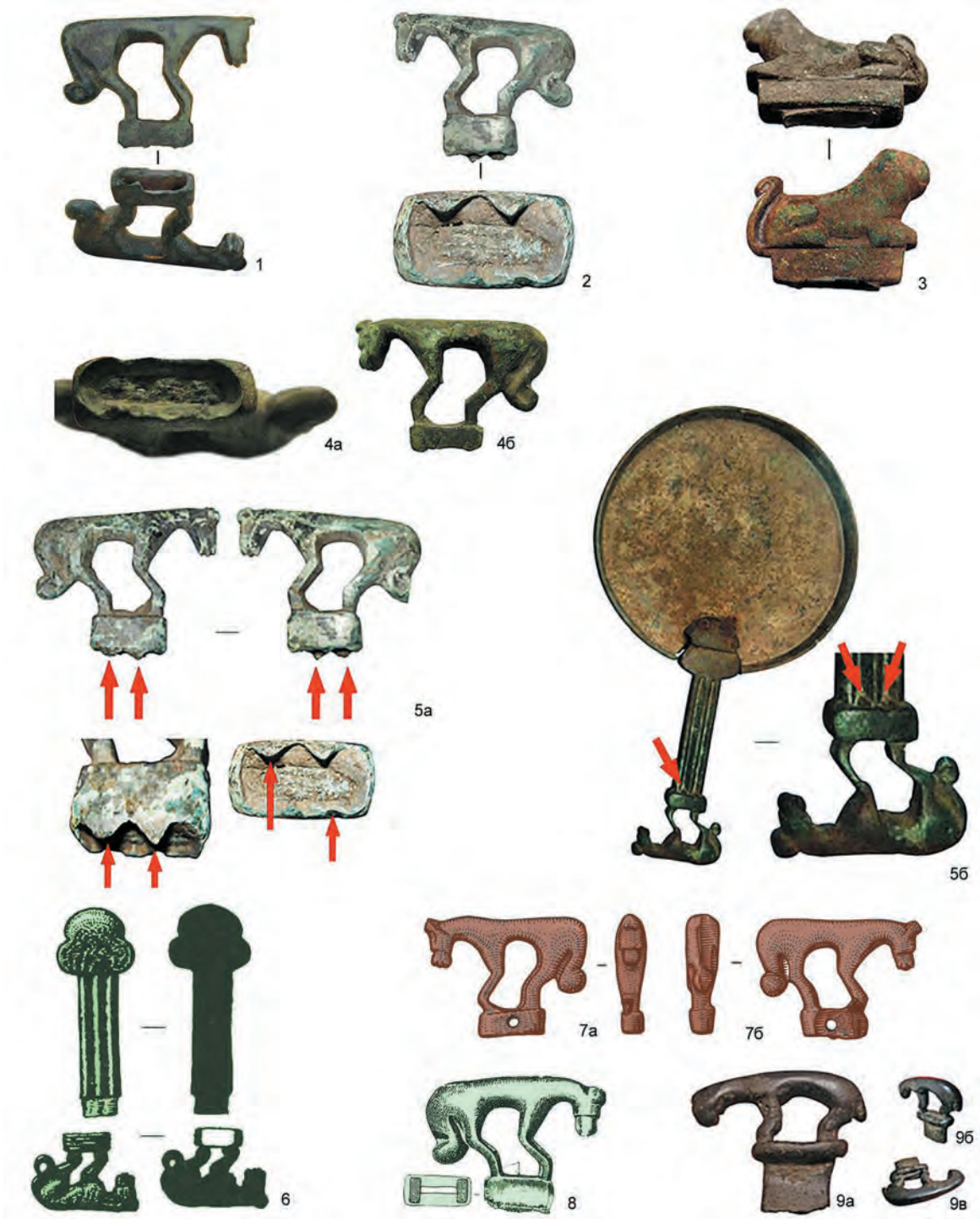


Рис. 4. Зооморфные окончания и способы их соединения со стволом ручки: *1* — случайная находка, Харьковская обл., Украина; *2* — случайная находка, 2011 г., Украина; *3, 4а, 4б* — случайные находки, Херсонская обл., Украина (*3* — 2017 г.; *4а, 4б* — 2012 г.); *5а, 5б* — способ приливания фигурки к ручке; *6* — способ соединения посредством штифта и отверстия; *7а, 7б* — Березань, полуземлянка 15; *8* — г. Дебрецен (Реформаторский колледж-музей); *9а–9в* — случайная находка, Украина. Масштаб произвольный

Fig. 4. Zoomorphic endings and ways of their junction with the handle shaft: *1* — a chance discovery, Kharkov Oblast, Ukraine; *2* — a chance discovery, 2011, Ukraine; *3, 4a, 4б* — chance discoveries, Kherson Oblast, Ukraine (*3* — 2017; *4a, 4б* — 2012); *5a, 5б* — a method of moulding the figurine to the handle; *6* — a method of junction by means of a pin and a hole; *7a, 7б* — Berezan, half-dugout 15; *8* — Debrecen (the Reformatory College-Museum); *9a–9в* — a chance discovery, Ukraine. Without scale

сквозное отверстие (рис. 4, *7а, 7б*). Только при наличии на стволе ручки плоского «штыря», вставлявшегося в полость постамента/подставки и соединявшегося с ним дополнительно (возможно, заклепкой), могло быть получено прочное крепление фигурки к ручке. На «штыре» также должно было быть отверстие для крепления с подставкой (*Кузнецова,* 2002. С. 155, № 62). По наблюдениям В. А. Косикова, «навершие (фигурка на конце. — *Примеч. авт.*) в виде стоящего кошачьего хищника из г. Мариуполя было отлито в двусторонней форме и имеет полый постамент со следами установки ручки в полость залитой металлом формы» (*Косиков,* 1994. С. 179, 180, рис. 19, *4*). Правда, исследователь полагает, что ствол ручки пробил отверстие на наружной поверхности постамента. Однако отверстие под фигурой стоящего хищника зафиксировано (рис. 4, *8*) и на подставке из музея в Дебрецене (*Hampel,* 1895. Fig. 28), что предполагает неслучайный характер его появления. На фрагменте ручки зеркала, найденной в Украине (очень стилизованное/деградированное изображение кошачьего хищника), в верхней части подставки (между лап животного) прослеживается выступ от ствола ручки, что также позволяет предполагать крепление ручки и фигурки посредством плоского «штыря», входившего в отверстие на подставке (рис. 4, *9а–9в*).

Фигурки на зеркалах «ольвийского» типа, найденных у ст. Крим-Гиреевская и у с. Аксютинцы/Роменская группа (*Бобринской,* 1901. С. 68, табл. XI, *3*; *Онайко,* 1970. С. 65, № 254, табл. XIX, *1*), отлиты с использованием одной литейной формы, поскольку прослеживается полное совпадение их по размерам и оформлению (рис. 1, *1, 2*), а различие состоит лишь в том, что на ухе фигурки из ст. Крим-Гиреевской имеется небольшой брак (*Кузнецова,* 2021. С. 46). Возможность использования одной литейной формы для нескольких изделий подтверждается исследованиями Р. С. Минасяна, который отметил, что о назначении некоторых видов литейных форм часто высказываются неправильные суждения, игнорирующие возможность тиражирования утрачиваемых моделей. Литейная форма является приспособлением для придания расплаву определенных очертаний. В литейном производстве применялись односторонние монолитные неразъемные, составные неразъемные и разъемные формы. Их делали из глины, реже — из камня, еще реже — из металла. В этих формах отливали и единичные и серийные металлические вещи, и восковые модели (*Минасян,* 2014. С. 223).

Заключение

Работа по изучению производства и конструкции зеркал «ольвийского» типа выявила вопросы, по которым авторы не смогли прийти к единому мнению или на которые не удалось найти ответ в полной мере. Один из них — о способе присоединения фигурки льва (рис. 1, *6*; 3, *2а, 2б*) к стволу ручки на зеркалах с двумя фигурками (вепрь и лев).

По мнению Т. М. Кузнецовой, фигурки животных отливались вместе со стволом, поэтому они состояли из двух частей, о чем, видимо, свидетельствует и полная идентичность всех четырех известных предметов (из Краснодарского края, Майкопа, окрестностей г. Нальчика, Румынии-?). Ю. В. Оборин был категорически с этим не согласен относительно крепления фигурки льва и полагал, что ее отливали отдельно, а затем приливали к ручке[6].

Для этих же предметов непонятно и присутствие трех заклепок (гвоздиков), расположенных над изображением щетины на загривке вепря (четвертая заклепка выше их — следствие починки), которые видны на стороне без бортика (рис. 3, *2а*), а на противоположной отсутствуют (рис. 1, *6*; 3, *2б*).

Остался и еще целый ряд вопросов, которые, возможно, были бы решены, если бы не уход из жизни Ю. В. Оборина[7].

Исследования, связанные с реконструкцией технологии производства зеркал «ольвийского» типа, позволили сделать некоторые предположения. Раздельное литье рассматриваемых предметов могло прийти из Греции, поскольку часть из них имеет оформление, которое восходит к античной традиции (рис. 1, *4, 6*; 2, *5*; 3, *2а, 2б, 3*) и, безусловно, использовалось в греческих культах.

Изготовление подобных предметов в мастерских середины VI — V в. до н. э. было процессом достаточно сложным, который требовал большого опыта и глубоких знаний в области металлургии. Различия в оформлении вещей не позволяют отнести их все к работе только

[6] Письмо Ю. В. Оборина Т. М. Кузнецовой от 08.02.2020 г.

[7] Совместная работа была начата в июне 2020 г. при подготовке Ю. В. Обориным статьи в одесский сборник «Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья» (публикация ее так и не состоялась, но текст был размещен в интернете (*Оборин,* 2020)). 18 декабря 2020 г. Юрия Владимировича не стало, и нашу общую статью пришлось заканчивать без него.

Рис. 5. Краснофигурный килик, Берлинский музей. Изображение афинской бронзолитейной мастерской (*1* — фотография; *2* — прорисовка)

Fig. 5. The red-figure kylix (the Berlin Museum). A depiction of the Athenian bronze foundry (*1* — photo; *2* — drawing)

[*1* — URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/aa/Name_Kylix_by_the_Foundry_Painter_Antikensammlung_Berlin_3.jpg (дата обращения: 01.02.2022); *2* — *Зеест*, 1973. С. 38]

высококвалифицированных мастеров, поскольку у некоторых экземпляров выявлено довольно «небрежное» художественное исполнение (*Кузнецова,* 2002. Табл. 83, 89, 90, 94, 103, 106, 115).

Раздельное и поэтапное изготовление деталей зеркала позволяло не только значительно повысить производительность, но и разделить труд ремесленников разной специализации — металлургов, литейщиков, скульпторов и формовщиков.

Исследователи отмечали и ранее, что «литейное дело в Греции было тесно связано с другими способами обработки металла, поэтому при изготовлении предмета из бронзы, меди, серебра или золота в одной и той же мастерской производили и литье, и ковку, и чеканку» (рис. 5), что представлено изображениями на греческих сосудах (*Зеест*, 1973. С. 37–39).

Предлагаемая в работе схема изготовления зеркал «ольвийского» типа, датируемых второй половиной VI — V в. до н. э., может служить основой для понимания процесса изготовления и ремонта в древности подобных широко тиражированных изделий.

Для более полной характеристики рассматриваемых металлических изделий необходимы дополнительные исследования. В связи с этим является актуальным определение и изучение химического состава бронз зеркальных сплавов. Качественный анализ химического состава бронз диска, ствола ручки и фигурок на концах ручек рассматриваемых зеркал может показать отличия в рецептуре деталей у предметов, формирующих единый объект (каждая часть — из новой порции металла), что усилит доказательную базу высказанным предположениям по поводу поэтапного изготовления их частей.

Поэтому хотелось бы также обратить внимание специалистов, занимающихся исследованием древней металлообработки, на необходимость тщательного изучения зеркал «ольвийского» типа, имеющих распространение на обширной территории. Их комплексный анализ необходим и важен для исследования процессов межэтнического взаимодействия населения Северопонтийского региона.

Бессонова и др., 2016 — *Бессонова С. С., Зимовец Р. В., Скорый С. А.* Бронзовая матрица скифского времени в пойме р. Трубеж // Археологія і давня історія України. Старожитності раннього залізного віку / Отв. ред. С. Скорий. Київ: ИА НАНУ, 2016. Вип. 2 (19). С. 189–205.

Бобринской, 1901 — *Бобринской А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. III. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. 171 с.

Гайко, 2011 — Гайко Г. Горное дело в истории культуры и техники // Горный информационно-

аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2011. № 3. С. 393–396.

Грязнов, 1982 — *Грязнов М. П.* Археологическая трасология: программа спецкурса Уральского ГУ. Свердловск: Уральский ГУ, 1982. 6 с.

Зеест, 1973 — *Зеест И. Б.* Ремесло // Античная цивилизация / Отв. ред. В. Д. Блаватский. М.: Наука, 1973. С. 35–46.

Зуев, 2019 — *Зуев В. Ю.* Типология борисфенитских зеркал // Труды Института востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2019. Вып. 21. С. 161–177.

Иванов, 1994 — *Иванов В. И.* Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 343 с.

Карабасов и др., 2011 — *Карабасов Ю. С., Черноусов П. И., Коротченко Н. А., Голубев О. В.* Металлургия и время: энциклопедия. Т. 1: Основы профессии. Древний мир и раннее средневековье. М.: Изд. дом МИСиС, 2011. 216 с.

Косиков, 1994 — *Косиков В. А.* Производство бронзовых художественных изделий в Скифии VII–V вв. до н. э. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1994. 206 с.

Крутилов, 2018 — *Крутилов В. В.* Литейные формы Борисфена середины VI — начала V в. до н. э. // Forum Olbicum II. Миколаїв: НДЦ «Лукомор'є», 2018. С. 102.

Кузнецова, 2002 — *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. 1. М.: Индрик, 2002. 352 с.

Кузнецова, 2010 — *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. 2. М.: Таус, 2010. 426 с.

Кузнецова, 2021 — *Кузнецова Т. М.* «Зеркала ольвийского типа» — показатель влияния античного мира на Северном Кавказе // РА. 2021. № 2. С. 36–53.

Кузнецова, 2023 — *Кузнецова Т. М.* Генезис зеркал «ольвийского» типа и их трансформация на северных берегах Понта // АВ. 2023. Вып. 41. С. 286–299.

Кузнецова, Оборин, 2022 — *Кузнецова Т. М., Оборин Ю. В.* Зеркала «ольвийского» типа и их изготовление // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. М. Т. Кошуба, Н. Ю. Смирнов, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 177–180.

Литова, 2019 — *Литова З. А.* Сущность понятия «технология» на современном этапе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2019. № 2 (50), т. 1. С. 164–172.

Маслов, 2002 — *Маслов В. Е.* Зеркала «ольвийского типа» из Краснодарского края // РА. 2002. № 3. С. 153–161.

Минасян, 2014 — *Минасян Р. С.* Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 471 с.

Новичихин, 2021 — *Новичихин А.* Фрагмент каменной формы для отливки зеркал из Горгиппии // Tyragetia. Serie Nouă. Chişinău, 2021. Vol. XV [XXX], nr. 1. С. 339–344.

Оборин, 2020 — *Оборин Ю. В.* Некоторые вопросы технологии изготовления зеркал борисфенитского типа. 2020 // URL: https://www.academia.edu/44096672/Oborin_SOME_ISSUES_OF_BORYSTHENITIC_TYPE_MIRRORS_MANUFACTURING_TECHNOLOGY (дата обращения: 17. 09. 2020).

Ольговский, 2016 — *Ольговский С. Я.* Новая литейная форма из Ольвии и ольвийская металлообработка позднеархаического времени // Revista Arheologică. Serie nouă. 2016. Vol. XII, Nr. 1–2. P. 189–198.

Онайко, 1970 — *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–III вв. до н. э. М.: Наука, 1970 (САИ; Вып. Д1-27). 216 с.

Онайко, 1977 — *Онайко Н. А.* Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 153–160.

Розанова, 1968 — *Розанова Н. П.* Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. К 100-летию со дня рождения акад. С. А. Жебелева. 1867–1967 / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л.: Наука, 1968. С. 248–251.

Русяева, 1979 — *Русяева А. С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского периода. Киев: Наукова думка, 1979. 172 с.

Скуднова, 1962 — *Скуднова В. М.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Культура и искусство античного мира / Отв. ред. А. А. Передольская. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 7, вып. 3). С. 5–27.

Скуднова, 1988 — *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л.: Искусство, 1988. 184 с.

Ходза, 1997 — *Ходза Е. Н.* К вопросу об анималистических изображениях в античной коропластике // Культура и искусство античного мира / Отв. ред. С. П. Борисковская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 28, вып. 7). С. 63–73.

Яйленко, 1982 — *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М.: Наука, 1982. 312 с.

Chattopadhayay, Sen, 2019 — *Chattopadhayay P. K., Sen S.* Taxila Mirrors Preserved in India and Technology Transfer // Indian Journal of History of Science. 2019. T. 54, № 2. P. 135–143.

Hampel, 1895 — *Hampel J.* Scythische Denkmaler aus Ungarn // Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. Budapest, 1895. Bd. IV, H. I. S. 1–26.

Pernier, 1931 — *Pernier L.* L'Artemision di Cirene // Afrika Italiana (Rivista di Storia e d'Arte a cura del Ministero delle Colonie). 1931. T. IV, № 3–4. P. 173–228.

Reconstruction of the production process of "Olbian" type mirrors

T. M. Kuznetsova[8], Yu. V. Oborin (†)[9]

Keywords: mirror, feline predator figurine, ram's head, Olbia, technology, casting, reconstruction

A complete characteristic of archaeological metal finds is impossible without reconstructing the technology of their production. The authors, basing on traceological studies, for the first time show the algorithm of creation of flat, round discs with a high rim and cannellated handles decorated with zoomorphic images at the end of the handle and in its upper part — so-called mirrors of the "Olbian" type (fig. 1–4). A detailed analysis and reconstruction of the stages of such mirrors' production (sequential manufacturing and joining of discs, handles and zoomorphic decorations) allows to suggest that the technology of separate casting of the "Olbian" type mirrors could have come from Greece, since some of the specimens have decoration dating back to the ancient tradition (fig. 1, *4, 6*; 2, *5*) and are associated with the cults of Greek deities. The optimal evaluation of these items presupposes the determination of the chemical composition of the mirror alloy bronzes, to which we would like to draw the attention of specialists, since a comprehensive analysis of widely circulated items (more than 180) is necessary both to confirm the obtained results and to study the processes of interethnic interaction in the North Black Sea region.

[8] Tatiana M. Kuznetsova — Institute of Archeology Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru.

[9] Yuriy V. Oborin — independent researcher; Krasnoyarsk, Russia.

О золочении на афинских краснофигурных полихромных вазах IV в. до н. э.

А. Г. Букина, К. С. Чугунова, И. А. Григорьева[1]

Аннотация. *Описаны расположение, морфология и послойный состав материалов золочения на афинских полихромных вазах IV в. до н. э., технология которого уточнена в процессе исследования экспонатов Государственного Эрмитажа. В грунте для красок и в клее для золотого листка выявлены белки и растительные масла. Прослежено сходство технологии золочения на вазах и хрисоэлефантинных изделиях поздней классики.*

Ключевые слова: *технология древнегреческой керамики, золочение, полихромные краснофигурные аттические вазы IV в. до н. э., археометрия.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-65-79

Вопрос о технике золочения на афинских краснофигурных вазах IV в. до н. э. с дополнительным полихромным декором (о группе см.: *Букина,* 2023а; 2023б, с библиографией) — это часть общей проблемы: последовательно технология производства этих ваз не описана. В отечественной науке к нему обращались немногие.

Для В. Д. Блаватского наиболее важным было то обстоятельство, что в афинской вазописи золочение — это элемент художественного декаданса: «краски <…>, а также позолота <…> были одной из причин, приведшей к падению больших традиций VI–V вв. до н. э. в вазописном мастерстве» (*Блаватский*, 1953. С. 220, 221). Передавая в целом сведения из европейских трудов о греческих вазах, написанных в конце XIX — начале XX в., ученый также отметил, что позолоту наносили по рельефу, выполненному при помощи жидкой глины (*Там же*. С. 26, 220).

О. Ф. Вальдгауер сформулировал оригинальную технологическую концепцию в работе (*Waldhauer*, 1933), посвященной Царице ваз[2] (BAPD 30214). Сейчас эта гидрия IV в. до н. э. признана «великим шедевром среди аттических ваз с вызолоченными рельефами» (*Cohen*, 2006. P. 115). М. И. Максимова повторила (в переводе на русский язык) концепцию О. Ф. Вальдгауера: «После <…> предварительного обжига приступлено было к декоровке[3] вазы, <…> звериный фриз на туловище вазы вылеплен из разжиженной глины…, а затем покрыт листовым золотом. <…> На плечиках вазы <…> после моделировки нагие части фигур, а также атрибуты были покрыты листовым золотом, а прочие части изображений — белой облицовкой, на которую, в свою очередь, были наложены краски — голубая, красная, розовая и др. Заключительный рабочий процесс заключался во вторичном обжиге вазы, который спаивал друг с другом все разнообразные элементы сосуда и его декорировки» (*Максимова,* 1948. С. 220, 221). Эта гипотеза в целом отражает результаты простого осмотра вазы. Идеи Вальдгауера не были ни подтверждены, ни опровергнуты, поскольку в современных экспериментах с многократным обжигом керамики по античной технологии (обзор см.: *Jones*, 2021. P. 107) задача воспроизвести полихромный золоченый декор не ставилась.

Еще раз позолота на Царице ваз была рассмотрена в 1970-е гг., когда с ней работал эрмитажный реставратор П. И. Костров. Она уже «сильно осыпалась» *(Лесницкая*, 2008. С. 27) и была

[1] Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, РФ; e-mail: bukina@genuinepearl.spb.ru; askachu@yandex.ru; irinagrigorieva@mail.ru.

© Букина А. Г., Чугунова К. С., Григорьева И. А., 2025

[2] ГЭ, инв. № ГР.4593.

[3] Так в тексте работы.

буквально спасена нанесением поверх нее слоя ПБМА (полибутилметакрилата). Техника применения ПБМА была разработана П. И. Костровым в процессе длительной работы по консервации доисламских стенных росписей Пенджикента (*Лурье*, 2014. С. 260) и позже более четверти века была рекомендована также для керамики (Реставрация музейной керамики…, 1999. С. 48, 49).

Другой реставратор-практик, М. В. Фармаковский, непосредственно работавший с интересующим нас материалом, сделал несколько теоретических замечаний. Для него было очевидно, что «полихромная роспись на античных вазах или терракотовых статуетках часто сделана на воде с прибавлением клея (т. е. техникой *al tempera*); такая живопись не обжигалась вместе с изделием и живет своей особой жизнью. Такова же, конечно, и позолота на аналогичных вещах» (*Фармаковский*, 1926. С. 49).

Справедливость выводов Фармаковского нашла достаточное подтверждение в ходе технико-технологических исследований рубежа XX–XXI вв. Самые важные из них были предприняты в Музее Пола Гетти в Лос-Анджелесе при подготовке к выставке, посвященной особым техникам в афинской вазописи. В статье о золочении, помещенной в каталоге выставки, Б. Коэн указала самый ранний известный пример афинского керамического сосуда с золочением (*Cohen*, 2006. P. 108, 109; BAPD 200081) (рис. 1, *1–3*). Золото не сохранилось, но остались участки с рельефной подготовкой под него, покрытые желтой охрой. На наиболее же раннем изделии, сохранившем часть золочения (*Ibid*. P. 109; BAPD 203912) (рис. 1, *4–6*), рельефные детали покрыты красным (очевидно, красной охрой). Характерно, что на этих сосудах конца VI — начала V в. до н. э. золоченые детали расположены на тщательно выверенных участках, обведенных лаком по периметру (ср. палицу Геракла — рис. 1, *6*), и не заходят на лаковый фон.

Оба варианта охры (желтая и красная) упомянуты в «Естественной истории» Плиния Старшего, выдержки из которой представляют собой основной письменный источник по технологии античного золочения. Сведения Плиния необходимо учитывать, несмотря на 300 лет, отделяющие его эпоху от периода производства аттических полихромных ваз. Плиний сообщает (Plin. *NH*. XXIII.20), что на мрамор и другие материалы, не допускающие нагревания до белого каления, позолоту наносят с помощью яичного белка, а на дерево приклеивают «лейкофорумом» («несущий светлоту, отбеливающий»; leucophorum; ср. также: *Lewis*, 1984. P. 1053: leucophŏron = λευκοφόρον). Плиний (Plin. *NH*. XXV.17) передает рецепт лейкофорума, который получают, смешивая полфунта понтийского синописа («Sinopidis Ponticae», лучшей в античном мире красной охры (μίλτος) из Синопы; *Photos-Jones et al.*, 1997) с десятью фунтами ярко-желтой охры и двумя фунтами мелосской земли («Melini Graecensis», то есть белым мергелем, в состав которого входят силикаты, алунит и каолинит; *Photos-Jones et al.*, 1999. P. 397, 398). Все это соединяют и растирают в течение 12 дней, следующих друг за другом, что, очевидно, в результате должно приводить к очень значительному измельчению всех ингредиентов. Кроме того, 80 % объема смеси составляет желтая охра, о которой в другом месте Плиний сообщает, что «это, строго говоря, шлам. Лучший ее вид происходит из Аттики и называется аттический шлам» (Plin. *NH*. XXIII.56). Иными словами, в готовом виде лейкофорум был чрезвычайно мелкодисперсным материалом, который сам по себе мог обладать клеящей силой. Возможно, поэтому ни о каком связующем веществе в его составе речи и не идет. Такую вероятность нужно учитывать в случае с золочением пористой керамики.

Между тем физическое обнаружение следов и описание такого связующего вещества в золоченом и полихромном декоре афинских ваз IV в. до н. э. продолжает занимать исследователей. В начале 2000-х гг. эксперты Музея Гетти обнаружили на полихромной пелике с изображением суда Париса (BAPD 13371) в слое под позолотой следы глюкозы и фруктозы, которые могли остаться от полисахаридов, меда или крахмала (*Maish et al.*, 2006. P. 12). Впрочем, они сочли также, что точная идентификация в данном случае технически невозможна вследствие естественной деструкции органики (*Ibid*. P. 11). Тем не менее даже такой результат свидетельствует в пользу гипотезы о том, что полихромией и позолотой роспись дополняли после обжига. Сотрудники Музея Гетти ни разу не зафиксировали под позолотой никакого грунта (подмалевка), хотя отметили, что знают подобные случаи (*Ibid*. P. 12). Также было охарактеризовано сусальное золото чистотой более 99 % и толщиной менее 0,5 микрона. Исключение составили пробы золота с панафинейской амфоры того же собрания (BAPD 14932), содержавшие 3–4 % меди, причем под золотым листком был найден толстый слой современной смолы; для исследователей осталось неясным, подклеен ли тут отставший край античной позолоты или она полностью является новой (*Ibid*. P. 12).

Рис. 1. Краснофигурные аттические чаши с рельефными деталями для позолоты: *1–3* — золочение по желтой охре (520–510 гг. до н. э., подпись Евфрония) © Афины, Национальный археологический музей; *4–6* — золочение по красной охре (ок. 480 г. до н. э., подпись Брига) © Британский музей

Fig. 1. Red-figure Attic cups with relief details for gilding: *1–3* — gilding on yellow ochre (520–510 BC, signed Euphronius © Athens, National Archaeological Museum; *4–6* — gilding on red ochre (c. 480 BC, signed Brygos © British Museum

Работы в этом направлении в 2010–2020-е гг. не принесли ощутимых результатов. В диссертации «Технологические особенности и проблемы консервации краснофигурной античной керамики с полихромным декором и позолотой из Аполлонии Понийской» Д. Черневой (*Чернева*, 2012; см. также: *Cherneva*, 2013) интересующая нас проблема рассмотрена под специфическим углом. Автор исходит из идеи, возникшей в болгарской науке в 1960-е гг.: она допускает, что как минимум часть краснофигурных полихромных ваз высокого качества IV в. до н. э. — местная, а не аттическая продукция (см. актуальный вариант этой концепции: *Dupont*, *Baralis*, 2014; *Dupont et al*., 2020; см. здравую критику: *Недялков*, 2020. С. 54–56). Д. Чернева перечисляет, какие материалы могли использоваться для золочения, а также приводит результаты исследования позолоты на керамической бусине неизвестного времени, вероятно, местного производства. Там в качестве клея для золота определен яичный белок, положенный по грунту из каолина, окрашенному растительным красителем, содержавшим ализарин, пурпурин и псевдопурпурин (*Чернева*, 2012. С. 27).

Исследование полихромной аттической пелики из раскопок в некрополе Пидны (Салоники, Археологический музей, Πυ 8079; *Θάνος*, 2020. Κατ. Ζ.ΓΠ.10, πίν. 110–114) в лаборатории физико-химических исследований и археометрии Национального археологического музея в Салониках снова показало применение сусального золота чистотой около 99 % (*Δρούγου kai álla*, 2013. P. 211), что важно. Также исследователи задавались вопросом, до или после обжига наносились цветные краски. Основываясь на том, что белым исполнены лица, а черты темной краской проведены поверх, они пришли к выводу, что белое наносили до обжига. Остальные же краски в силу нестойкости пигментов при нагреве должны были наносить после (*Ibid.* 2013. P. 211, 212).

Одним из последних по интересующей нас проблеме высказался соавтор предыдущей упомянутой статьи А. Танос в диссертации (*Θάνος*, 2020), посвященной продукции мастерской выдающегося афинского вазописца второй четверти IV в. до н. э., так называемого Мастера Марсия (The Marsyas Painter) (см. о мастере: *Jaeggi, Petrakova*, 2019; *Петракова, Ягги*, 2019, с библиографией). Танос скрупулезно перечислил все известные ему случаи позолоты на вазах этой мастерской (*Θάνος*, 2020. Σ. 222–228) и привел данные о работах в Музее Гетти (см. ранее). Из описания Таноса складывается впечатление, что в ходе этих и более ранних исследований был определен состав связующего вещества в красках или клея под позолотой (*Ibid*. Σ. 233). Тем не менее сами сотрудники Музея Гетти пишут обо всем этом с крайней осторожностью (*Maish et al.*, 2006. P. 12). Таким же образом это понял автор обзора современной литературы по технологии античной керамики: «Как было приклеено, остается неясным» (*Jones*, 2021. P. 108).

Нужно также отметить продолжающиеся исследования З. Котицы, связанные с небольшими и миниатюрными чернолаковыми сосудами IV в. до н. э., которые целиком покрыты золотым или свинцовым листком, с целью имитировать литые металлические изделия (из золота и серебра соответственно). Возможно, что металлический листок на них наносили как в Афинах, так и в местах конечного потребления. Золоченая керамика такого рода была найдена в Македонии (Дервени, Эней, Палеокатахосе, Вергине, Пелле, Амфиполе), беотийских Платеях, Сикионе, Александрии Египетской, на Кипре и в Южной Италии (*Κωτιτσα*, 2012. Σ. 108–124). Сосуды со свинцовым покрытием — в Македонии, Фессалии, на Эвбее, в Южной Италии и Этрурии (*Kotitsa*, *Schüssler*, 2002; *Kotitsa*, 2022; *Ackermann, Κωτίτσα*, 2023. Σ. 541–550). В ходе работ Котицы, впрочем, ничего конкретного относительно клея — определенно органического — выяснить пока не удалось.

Сообразуясь со всем этим, мы предприняли исследование аттической полихромной гидрии из собрания Гос. Эрмитажа (BAPD 230478), на которой сохранились крупные участки позолоты и полихромии (рис. 2).

Ваза поступила в музей 30 мая 1841 г. (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1838. Д. 9, ч. 1. Л. 63–64; Д. 30. Л. 348). Обстоятельства находки и прорисовка изображения на тулове вазы приведены в «Боспорском царстве» А. Б. Ашика (рис. 3, *1*). Ашик сообщает, что он исследовал курган у дороги на карантин, к востоку от Керчи, и, двигаясь «с левого боку» насыпи, нашел поврежденную черепичную гробницу (*Ашик*, 1848. С. 44). Под обломками черепицы оказалась урна с тремя ручками, содержащая пепел и кости, закрытая крышечкой и «совершенно раздавленная тяжестью земли» (*Там же*. С. 44). В других местах Ашик, впрочем, говорит, что «горло урны в трех местах изломалось, равно и крышечка; обломки эти собраны и склеены так, что к совершенной целости вазы недостает только половины одной ручки» (*Там же*. С. 45). Та же сохранность отражена в документах

Рис. 2. Краснофигурная гидрия (третья четверть IV в. до н. э.?) (BAPD 230478) © Государственный Эрмитаж
Fig. 2. Red-figure hydria (3rd quarter of the 4th cen. BC?) (BAPD 230478) © The State Hermitage Museum

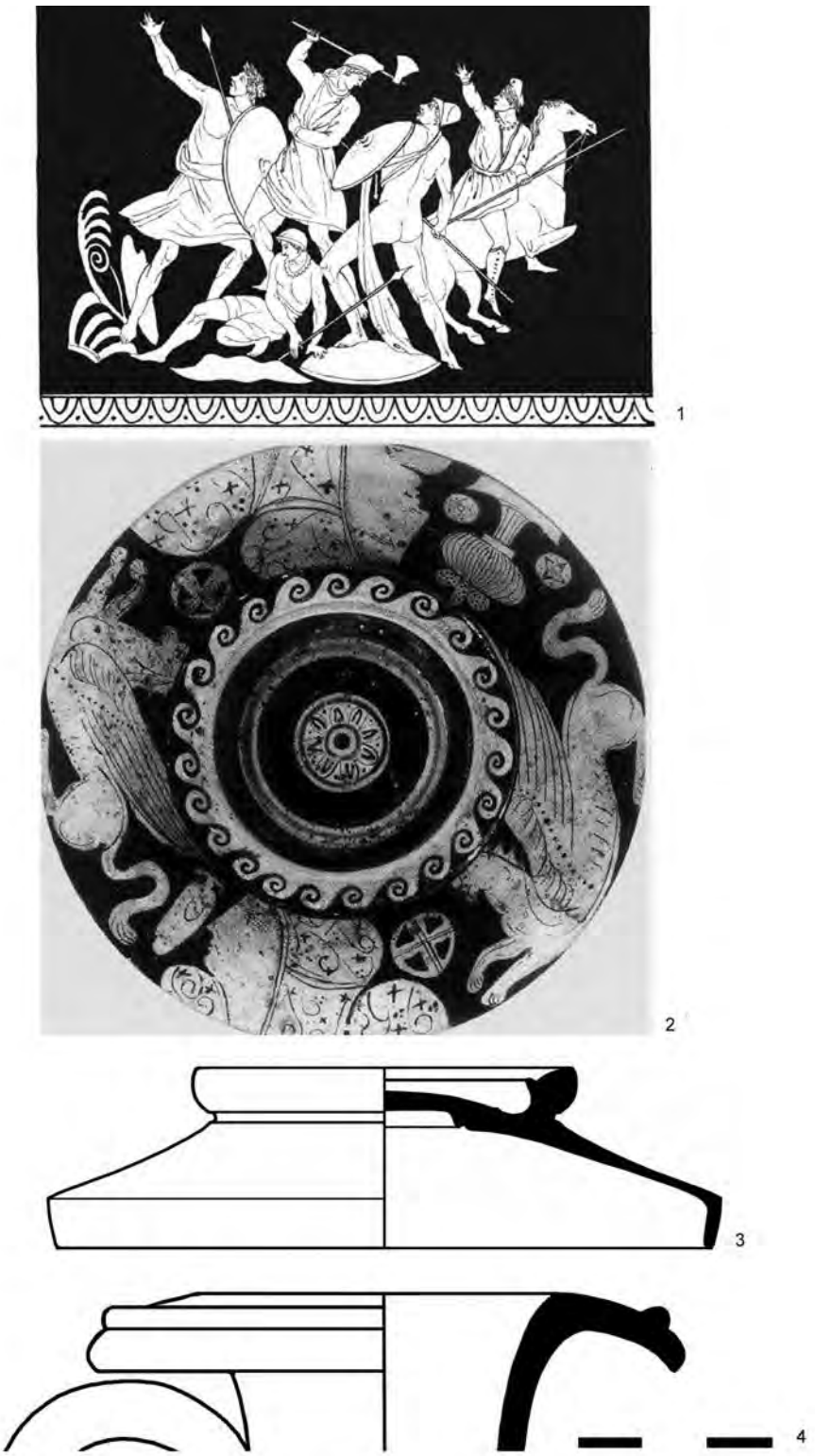


Рис. 3. *1, 4* — гидрия (BAPD 230478): *1* — прорисовка изображения на тулове (*Ашик*, 1849. Рис. 2); *4* — профиль верхней части. *2, 3* — крышка краснофигурной леканы (Афины, вторая четверть IV в. до н. э.): *2* — прорисовка изображения; *3* — профиль © Basel, Antikenmuseum und Sammlung Ludwig

Fig. 3. *1, 4* — the hydria (BAPD 230478): *1* — drawing of the image on the hydria's body (*Ашик*, 1849. Рис. 2); *4* — profile of the hydria's upper part. *2, 3* — lid of the red-figure lekane (Athens, 2nd quarter of the 4th cen. BC): *2* — drawing of the image; *3* — profile © Basel, Antikenmuseum und Sammlung Ludwig

о поступлении в музей (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1838. Д. 9, ч. 1. Л. 63–64; Д. 30. Л. 348). В современном состоянии можно наблюдать утрату только части одной из боковых ручек и нескольких очень мелких частей венчика и тулова сзади. В остальном гидрия состоит из небольшого числа крупных, сходящихся между собой фрагментов и немногочисленных мелких, которые относятся, преимущественно, к одному боку тулова и одной четверти венчика (рис. 4, *1–3*).

«Пепельная урна эта покрыта была какою-то тканью, и на самой крышке было несколько золотых листьев, расположенных в виде веночка» (*Ашик*, 1848. С. 45). Крышка, очевидно, не сохранилась (идентифицировать ее по документам музея не удалось), но есть описание: «На крышке вазы изображены две женские головы и лежащий тигр: одна из женщин держит аллебастриту[4], а другая повязку» (*Ашик*, 1849. С. 25). Судя по описанию декора и размеру венчика гидрии, это могла быть крышка краснофигурной леканы (ср.: BAPD 44932), которую можно датировать в пределах второй четверти IV в. до н. э. (рис. 3, *2, 3*).

По мнению Ашика, гидрия была украшена «рисунком на воске, исполненном выражения, чувства и утонченного вкуса» (*Ашик*, 1848. С. 44, 45). Как видно из его рапортов и научных сочинений, Ашик считал живописью на воске (то есть работами в технике энкаустики) любые полихромные росписи на аттических сосудах: «…Памятник живописи греков на воске (à lacire) [—] живописи, составляющей одно из редких явлений в новейшем искусстве; обломки эти, между прочим, открыли истинную мысль Пиндара, в одном месте его творений (néméennes IX.35.36), где, по выражениям, можно заключать, что он намекает на вазы этого рода. На которых расточаема была та же роскошь красок, которая употреблялась для живописных украшений на стенах храмов и гробниц» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1838. Д. 9, ч. 2. Л. 5об.). Что касается рассматриваемой гидрии, Ашик отметил, что «краски на вазе от сырости помрачились» (*Ашик*, 1849. С. 26), и упомянул «позолоченные выпуклые украшения» (*Там же*. С. 25).

Хранитель археологической коллекции Пантикапея Н. З. Кунина отметила в описной карточке (документация отдела античного мира Гос. Эрмитажа), что ваза была в реставрации во второй половине 1980-х гг. Тогда была восстановлена ручка, фрагменты были размонтированы, заново склеены, краски и позолота закреплены. Как любезно сообщила нам Н. В. Борисова, она работала с этим предметом с перерывами с 1986 по 1989 г. Наталья Владимировна расчищала поверхность от солей и других отложений, причем на полихромных участках из-за риска потери красок наслоения не удалялись. Вообще, до реставрации поверхность вазы была в таком нетронутом состоянии, что при расчистке на дне снизу Наталья Владимировна обнаружила дипинто, ранее неизвестное из-за плотного загрязняющего слоя. Все, что в декоре отслаивалось (включая полихромные участки в первозданном состоянии, без расчистки), было укреплено. В соответствии с тогдашней стандартной практикой лаборатории был использован синтетический полимер ПБМА. Иными словами, мы выбрали для изучения такую вазу, на которой есть, очевидно, такие участки античной позолоты и полихромии, которые не подвергались массивному реставрационному вмешательству до конца XX столетия.

Даже если часть материалов реставрации 1841 г., о которой пишет Ашик, могла остаться в швах, шов на передней части тулова только один, и он не затрагивает тех мест, где были отобраны четыре пробы. С целью изготовления микрошлифов для исследования последовательности расположения слоев, их морфологии и послойного состава материалов, использованных при античном золочении, были взяты две пробы с края щита воина слева (пробы Au-1, Au-4) (рис. 4, *4*), с нижней части ножен меча воина в центре (Au-2) и выше с его шлема (Au-3) (рис. 4, *5*).

Исследование пробы Au-3 в отраженном и отраженном поляризованном свете при различных увеличениях (OM Leica M60, Stemi 508, Zeiss, ПМ LEICA DM2500 с цифровой камерой DFC 295) свидетельствует о присутствии современного укрепляющего состава и о том, что золото наносилось в виде листка (рис. 5, *3*; 6, *1*).

Исследование с помощью сканирующего электронного микроскопа (СЭМ, EVO–MA-25, Zeiss; РСМА, Oxford Instruments X-MaxN 80) показывает, что состав листка пробы Au-1 (рис. 5, *1*) составляет более 99 % золота с незначительной примесью серебра (0,7 %) и меди (0,2 %). Сравнение результатов рентгеноспектрального микроанализа для проб Au-1, Au-2 (рис. 5, *2*) и Au-4 (рис. 5, *4*) демонстрирует золото одного состава (табл. 1).

Подобная стабильная чистота листка может свидетельствовать о предварительном очищении сырья для его производства (см. об этой технологии в античности: *Healy*, 1974). Оценочная толщина отдельного листка, который применялся при золочении этой вазы, составляет менее 0,5 мкм.

[4] Так в тексте.

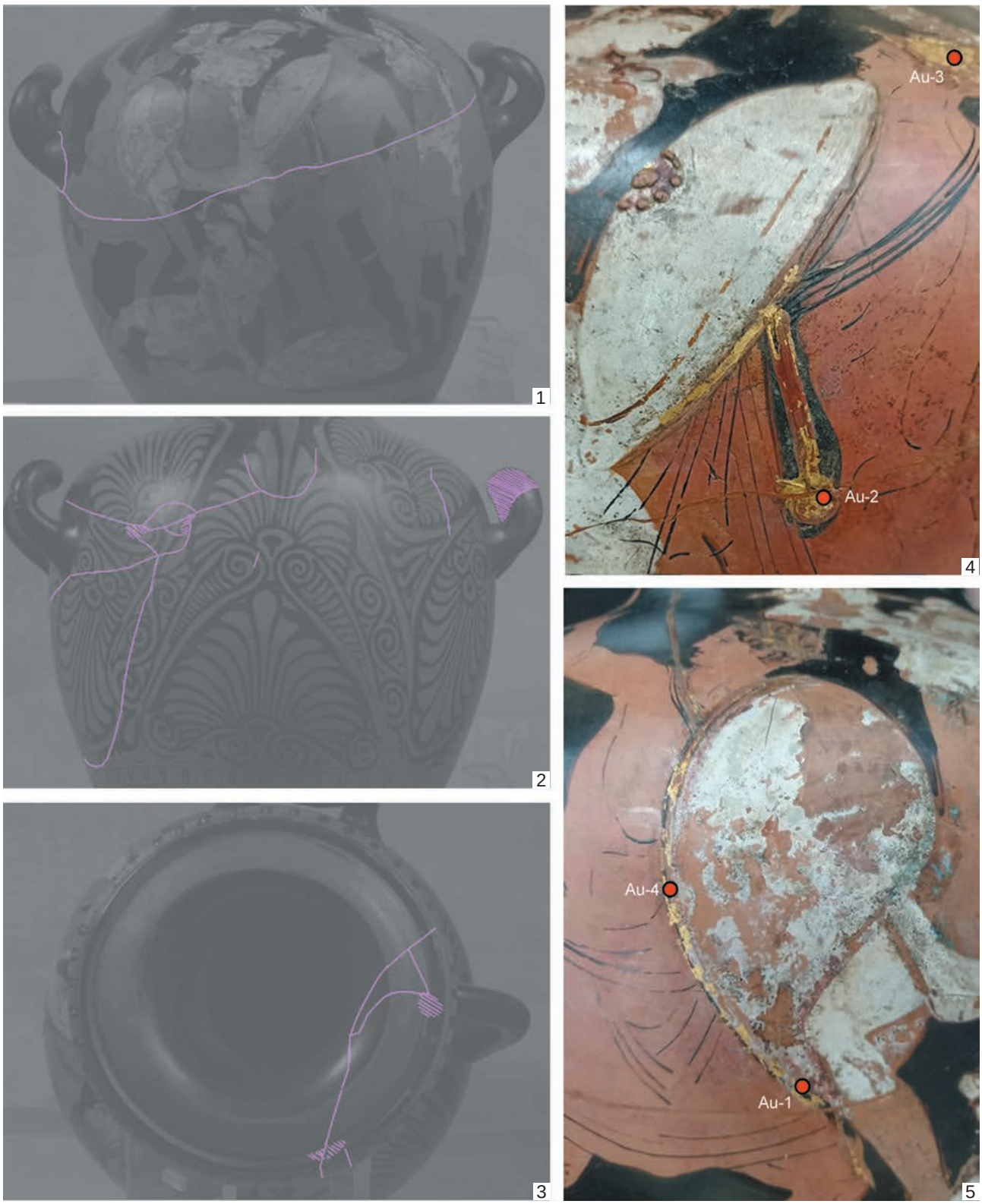


Рис. 4. Краснофигурная гидрия (BAPD 230478): *1–3* — схема реставрационных склеек на тулове и венчике; *4, 5* — места отбора проб позолоты на тулове © Государственный Эрмитаж

Fig. 4. Red-figure hydria (BAPD 230478): *1–3* — scheme of restoration joints on its body and rim; *4, 5* — gilding sampling sites on the body © The State Hermitage Museum

Таблица 1. Состав золотого листка (результаты рентгеноспектрального микроанализа, весовая доля, %)
Table 1. The gold leaf's composition (results of X-ray microanalysis, weight fraction, %)

Проба	Cu	Ag	Au	Прочее
Au-1	0,2±0,1	0,7±0,2	99,1±0,2	Al, Si, Ca, Fe — следы
Au-2	0,2±0,1	0,8±0,1	99,1±0,7	Mg, Al, Si, K, Ca, Fe — следы
Au-4	0,2±0,1	0,6±0,1	99,2±0,6	Al, Si, Ca, Fe, Br — следы

На многослойной элементной карте, полученной с помощью энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии (ЭДС) с микрошлифа пробы Au-1 (рис. 6, *3*) можно наблюдать, что золото здесь наложено неравномерно и не в один слой, как будто листок обминали вокруг выпуклого элемента, которым оформлен позолоченный край щита, откуда взята проба (рис. 4, *4*; 5, *1*). Изображение в обратно рассеянных электронах микрошлифа пробы Au-4 демонстрирует некоторые различия в толщине позолоты (≈3–6 мкм) по причине ее многослойности (рис. 6, *4*).

Микрофотография шлифа Au-1 в отраженном поляризованном свете демонстрирует также, что край золотого листка (рис. 5, *5, а*), которым вызолочен рельефный кант, также слегка заходит на слой киновари, полосами которой украшено плоское поле щита. Этот пигмент (ярко-красный сульфид ртути (II)) применялся в полихромной росписи аттической керамики начиная с V в. до н. э. Как и ряд других подобных пигментов, которые использовали для этих росписей, киноварь характеризуется «летучестью при типичных (для технологии изготовления керамики с черным античным лаком. — *Примеч. авт.*) температурах обжига» (*Walton et. al.*, 2010. P. 936). Авторы многочисленных современных исследований согласны в том, что при максимальном разогреве по этой технологии температура внутри печи для обжига достигала 850–900 °C, и это сопровождалось «деструкцией органических материалов, сульфидов, фосфатов» (*Solard et al.*, 2023. P. 13).

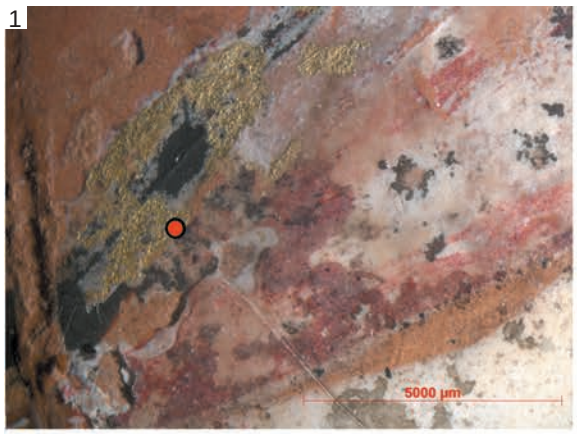
На той же микрофотографии шлифа Au-1 видно, что под золотым листком имеется белый кальцийсодержащий слой (рис. 5, *5, в*).

Подобный материал (в составе подмалевка для цветных красок) был обнаружен на афинских полихромных вазах IV в. до н. э. как в лабораториях Музея Гетти (*Maish et al.*, 2006. P. 11, 12), так и в Салониках (*Δρούγου kai álla*, 2013. P. 209). В обоих случаях считается, что в состав входит кальцит. Этот минерал широко распространен в виде таких пород, как известняки, мел и белый мергель (в последнем случае в смеси с каолинитом; см. также: *Photos-Jones et al.*, 1999). Белые смеси, использованные для тех же целей на рассматриваемой гидрии, были исследованы методами рентгенофлуоресцентного анализа (μXRF–спектрометр ArtTAX, RÖNTEC, Bruker), инфракрасной спектроскопии (ИК-Фурье спектрометр Tensor 37 с микроскопом Hyperion 1000, Bruker) и рентгенофазового анализа (D/max RAPID-II, Rigaku). Это позволило установить, что они представляют собой смеси кальцита с каолинитом.

Белый слой, содержащий кроме кальцита также каолинит под киноварью, на которую частично заходит позолота, отчетливо просматривается и на снимке в отраженном поляризованном свете (рис. 5, *7*) микрошлифа пробы Au-4 (рис. 4, *4*; 5, *4*).

Характер рассматриваемого белого грунта, вероятно, можно прояснить благодаря имеющимся у нас данным исследования пробы с другой, немного более ранней афинской вазы с рельефным декором (ГЭ, инв. № 3м.3; *Petrakova*, 2012. S. 157, fig. 9a; см. также библиографию: *Скржинская*, 1999. С. 121; BAPD 217908). Там был обнаружен каолинитовый грунт под цветными красками. Исследование методом инфракрасной спектроскопии показало, что использованный белый пигмент является каолинитом. С. Д. Колюбакин исследовал пробу методом газовой хромато-масс-спектрометрии (газовый хроматограф TRACE 1310 с масс-детектором ISQ Thermo и пиролитической приставкой Frontier Lab) и выявил присутствие «фрагментов двух видов органических связующих: белкового (пептиды) и масляного (растительные жиры)» (Заключение ОНТЭ ГЭ №3004 от 06.09.2022, приложение III).

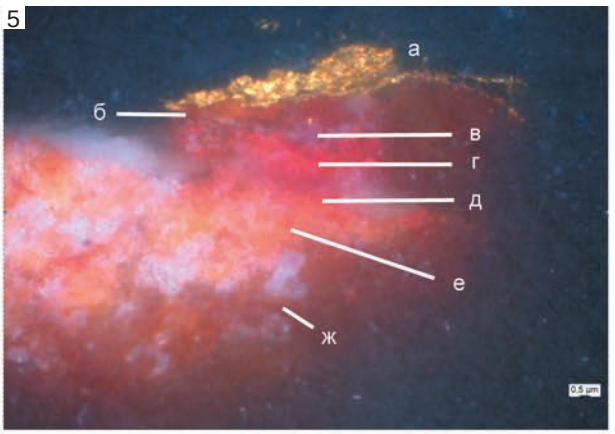
Очевидно, что наличие белых подмалевков с органическим связующим в составе однозначно свидетельствует об исполнении полихромных и золоченых частей декора после обжига. Более того, изучение разных частей декора рассматриваемой гидрии позволяет с уверенностью утверждать, что позолота всегда была заключительным этапом изготовления полихромной афинской вазы IV в. до н. э. Это, например,

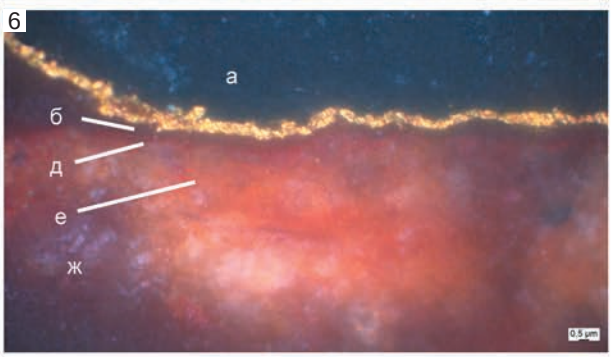

1
5000 µm

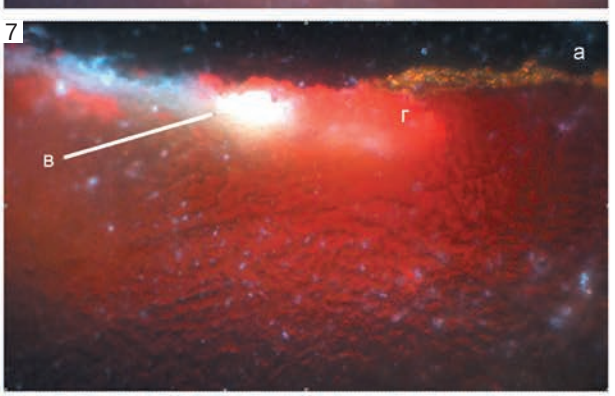
2

3
2000 µm

4
2000 µm


5
а
б
в
г
д
е
ж


6
а
б
д
е
ж


7
а
г
в

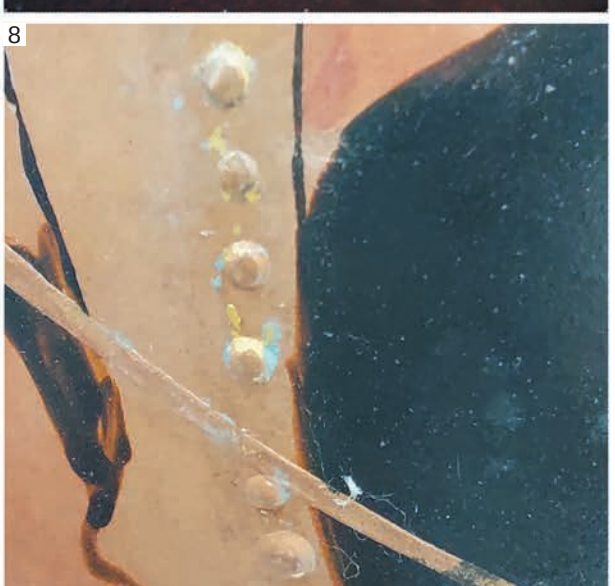

8

Рис. 5. Краснофигурная гидрия (BAPD 230478). Технология золочения: *1–4* — места взятия проб Au-1–4; *5–7* — микрофотографии шлифов (*5* — Au-1; *6* — Au-2; *7* — Au-4) в отраженном поляризованном свете (*а* — золото; *б* — органическое соединение (клей?); *в* — кальцийсодержащее соединение; *г* — киноварь; *д* — охра (?); *е* — выравнивающая обмазка вазы; *ж* — керамическое тело вазы); *8* — полоса сусального золота (следы), наложенная поверх и между выпуклыми элементами на тулове © Государственный Эрмитаж

Fig. 5. Red-figured hydria (BAPD 230478). Gilding technology: *1–4* — places of Au-1–4 sampling; *5–7* — microphotographs of microsection (*5* — Au-1; *6* — Au-2; *7* — Au-4) in reflected polarised light (*а* — gold; *б* — organic compound (glue?); *в* — calcium-containing compound; *г* — vermilion; *д* — ochre (?); *е* — levelling coating of the vase; *ж* — ceramic body of the vase); *з* — strip of gold leaf (traces) applied over and between the convex elements on the body © The State Hermitage Museum

отчетливо видно в изображении конной амазонки справа. Сапожок амазонки (рис. 5, *8*) при исполнении росписи лаком до обжига был обведен по контуру и зарезервирован для последующего исполнения полихромного украшения с золотом. Также до обжига были моделированы бляшки, которые составляют вертикальную линию, украшающую сапожок спереди. После обжига вся поверхность сапожка была окрашена по белому подмалевку египетской голубой, поверх которой золото было наложено полосой. Мастер, по-видимому, не заботился о том, что перекрывается также пространство между бляшками. В отличие от предшественников, вазописцы IV в. до н. э. не считали нужным аккуратно рассчитывать очертания резерва под позолоту. Поэтому многочисленны примеры утрат позолоты, произошедших из-за того, что элементы рельефной подготовки под нее, частично наложенные на лак (а не на терракотовое тело вазы), впоследствии отпали (ср.: BAPD 7782, 11651, 46941, 230425, 230426, 230432).

* * *

Приведенные результаты позволяют восстановить процесс золочения в целом. Наиболее информативен в этом отношении оказался микрошлиф пробы Au-2, взятой с поножей (рис. 4, *5*; 5, *2*). Микрофотография микрошлифа (рис. 5, *5*) показывает многослойность золотого листка при общей толщине многослойной позолоты в среднем около 5 мкм (рис. 6, *4*).

По совокупности всех полученных данных в настоящем случае можно определить несколько слоев разного состава, последовательно нанесенных на терракотовое тело вазы. Слои распределяются следующим образом.

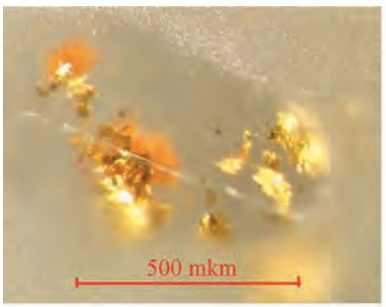
Под слоем золота (рис. 5, *5, а*) выявляется полупрозрачный темно-коричневый слой клея (рис. 5, *5, б*), при исследовании которого было обнаружено вещество белковой природы. Судя по распределению кислорода по глубине слоя (рис. 6, *2*), клей могли наносить как единовременно, так и в два-три приема.

Под клеем определяются слои кальцийсодержащего грунта и киновари, попавшей под позолоту, очевидно, по небрежности мастера. Эти слои относятся к этапу украшения вазы цветными красками после обжига.

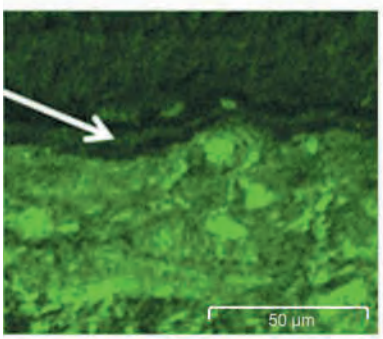
Под слоями, имеющими отношение скорее не к позолоте, а к полихромному декору, выделяется красный слой, который отличается более высоким содержанием железа по сравнению с керамической основой вазы; на основании этого можно сделать вывод, что в нем содержится природный земляной пигмент (красная охра). Красный охристый грунт был нанесен непосредственно на терракотовую поверхность вазы. Поверхность под ним была сглажена (возможно, сразу после завершения гончарной работы и для росписи в целом, а не непосредственно для позолоты). Нижележащая керамика включает более крупные частицы. Возможно, ее не просто сгладили, а покрыли раствором более тонко отмученной глины с добавками каолинита и карбоната кальция. Поскольку слой охры в данном случае находится ниже слоя киновари и кальцийсодержащего грунта, имеющих отношение к полихромии, вероятно, охра могла наноситься и до обжига (ср. аналогичное предположение: *Чернева*, 2012. С. 27).

В завершение мы можем сказать, что наша работа дает самое полное и последовательное на сегодняшний день описание техники золочения на афинских полихромных вазах IV в. до н. э. Мы выявили применение органических веществ как в составе грунтов под цветными красками, так и в качестве клея для золота, а это значит, что говорить о нанесении золота и красок перед обжигом и о закреплении позолоты в процессе повторного обжига больше нельзя.

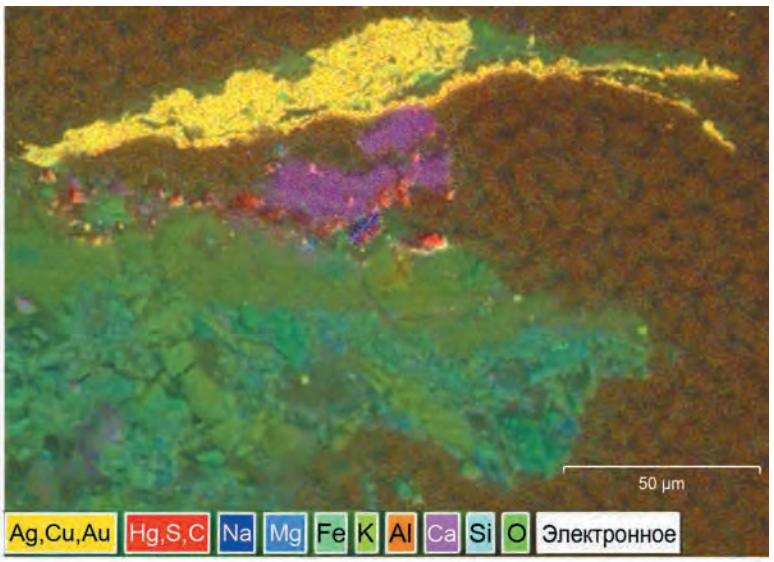
Что касается греческих материалов IV в. до н. э. в целом, подобные результаты были достигнуты в отношении деревянных предметов (см.: *Brecoulaki et al.*, 2014; *Bourgeois et al.,* 2023), в частности с хрисоэлефантинным декором из царских


500 mkm

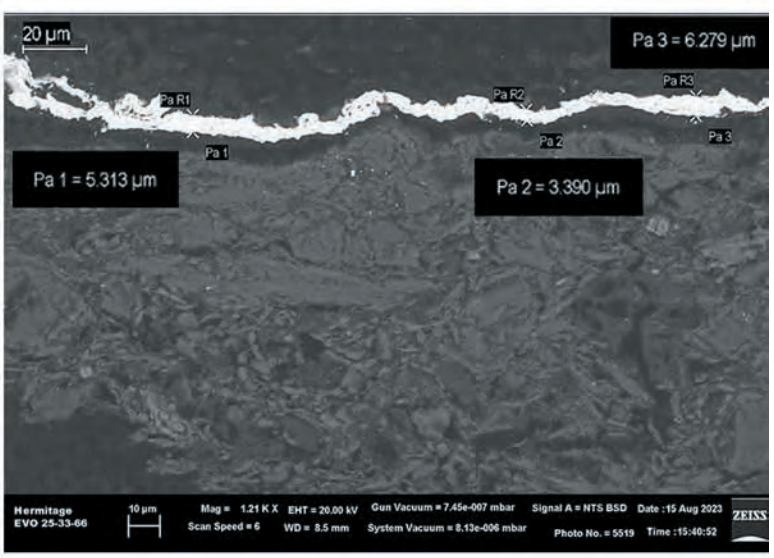
1


50 µm

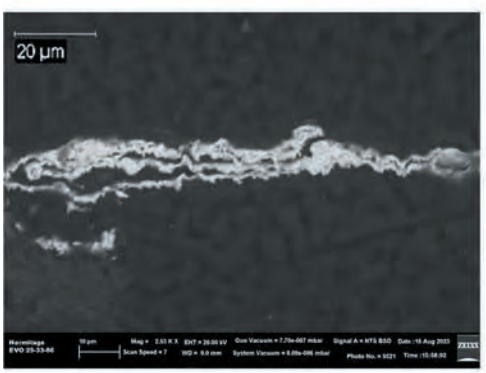
2


50 µm
Ag,Cu,Au
Hg,S,C
Na
Mg
Fe
K
Al
Ca
Si
O
Электронное

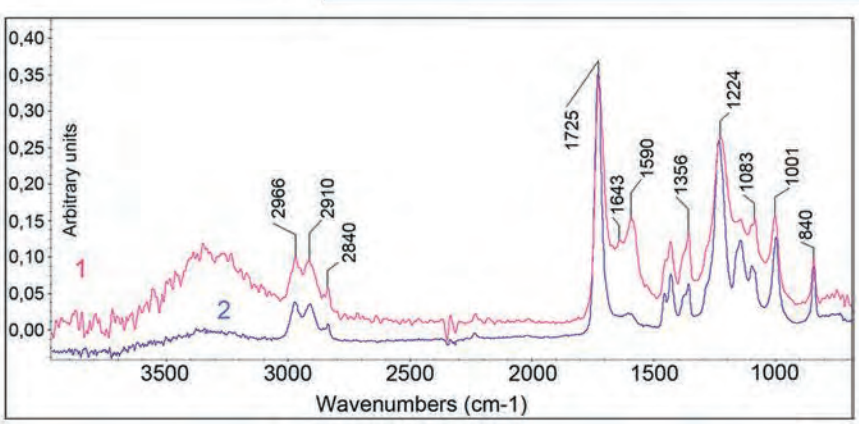
3


20 µm
Pa 3 = 6.279 µm
Pa R1
Pa R2
Pa R3
Pa 1
Pa 2
Pa 3
Pa 1 = 5.313 µm
Pa 2 = 3.390 µm
Hermitage
EVO 25-33-66
10 µm
Mag = 1.21 K X
EHT = 20.00 kV
Gun Vacuum = 7.45e-007 mbar
Signal A = NTS BSD
Date :15 Aug 2023
Scan Speed = 6
WD = 8.5 mm
System Vacuum = 8.13e-006 mbar
Photo No. = 5519
Time :15:40:52
ZEISS

4


20 µm

5


Arbitrary units
0,40
0,35
0,30
0,25
0,20
0,15
0,10
0,05
0,00
1
2
2966
2910
2840
1725
1643
1590
1356
1224
1083
1001
840
3500
3000
2500
2000
1500
1000
Wavenumbers (cm-1)

6

Рис. 6. Краснофигурная гидрия (BAPD 230478). Технология золочения: *1* — микрофотография в отраженном свете сусального золота (проба Au-3); *2* — ЭДС-карта кислорода (проба Au-2); *3* — многослойная ЭДС-карта микрошлифа (проба Au-1); *4–5* — многослойность и толщина позолоты (*4* — проба Au-2; *5* — проба Au-4); *6* — ИК-спектры (*1* — полимера, используемого для изготовления шлифа; *2* — органического слоя под золотом; проба Au-2) © Государственный Эрмитаж

Fig. 6. Red-figure hydria (BAPD 230478). Gilding technology: *1* — reflected light micrograph of gold leaf (sample Au-3); *2* — EDS map of oxygen (sample Au-2); *3* — multilayer EDS map of the microsection (sample Au-1); *4–5* — multilayer and thickness of the gilding (*4* — sample Au-2; *5* — sample Au-4); *6* — IR spectra (*1* — of the polymer used for making the section; *2* — of the organic layer under the gold; sample Au-2). © The State Hermitage Museum

гробниц в Вергине. Так, при исследовании позолоты погребального ложа Филиппа II оказалось, что основанием для нее служит белый грунт, в состав которого входят каолинит и кальцит; грунт был окрашен желтой охрой, поверх которой был нанесен органический клей; клей представляет собой полупрозрачный слой толщиной 20–30 мкм; на клей был положен листок золота, впоследствии отполированный до блеска (*Brecoulaki et al.*, 2014. P. 7). Замечательно сходство использованных материалов и приемов с тем, что мы наблюдали на гидрии из собрания Эрмитажа.

Авторы выражают глубокую благодарность за помощь сотрудникам Гос. Эрмитажа — хранителю археологических материалов Пантикапея, старшему научному сотруднику отдела античного мира Д. Е. Чистову, заведующему отделом научно-технологической экспертизы (ОНТЭ) А. И. Косолапову, заместителю заведующего ОНТЭ С. В. Хаврину, заведующей лабораторией физико-химических исследований материалов ОНТЭ Л. С. Гавриленко, научному сотруднику этой лаборатории С. Д. Колюбакину, реставратору лаборатории научной реставрации керамики и витражей Н. В. Борисовой и заведующей этой лабораторией Н. Л. Павлухиной, а также всем сотрудникам научного архива рукописей и документального фонда.

Ашик, 1848 — *Ашик А.* Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. II. Одесса: Нейман и Ко, 1848. 89 с.

Ашик, 1849 — *Ашик А.* Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. III. Одесса: Нейман и Ко, 1849. 97 с.

Блаватский, 1953 — *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М.: МГУ, 1953. 304 с.

Букина, 2023а — *Букина А. Г.* Аттические краснофигурные полихромные вазы: современная перспектива // БИ. 2023. Вып. XLVI. С. 73–91.

Букина, 2023б — *Букина А. Г.* Краснофигурные полихромные вазы в погребениях Боспора: статистика и семантика // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии: Материалы междунар. науч. конф. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 334–336.

Лесницкая, 2008 — *Лесницкая М. М.* Кумская ваза — шедевр, спасенный П. И. Костровым // Реставрационный сборник. К 100-летию со дня рождения П. И. Кострова. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2008. С. 27–30.

Лурье, 2014 — *Лурье П. Б.* Из истории Пенджикентской археологической экспедиции // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. СПб.: Славия, 2014. С. 252–265.

Максимова, 1948 — *Максимова М. И.* Обработка изделий // Эллинистическая техника: Сб. ст. / Ред. И. И. Толстой. М.; Л.: АН СССР, 1948 (Научно-популярная серия). С. 133–243.

Недялков, 2020 — *Недялков К.* Местна керамика от Аполония Понтика, VI–I в. пр. ХР / Ред. В. Динчев, Хр. Прешленов. София: Национален археологически институт с музей, Българска академия на науките, 2020 (Разкопки и проучвания; Т. 44). 263 с.

Петракова, Ягги, 2019 — *Петракова А. Е., Ягги О.* Эроты с позолоченными крыльями: рецепция краснофигурных ваз из мастерской Мастера Марсия в Северном Причерноморье // БИ. 2019. Вып. XXXIX. С. 89–116.

Реставрация музейной керамики…, 1999 — Реставрация музейной керамики: Методические рекомендации / Ред. Л. Н. Андреева. М.: ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря, 1999. 143 с.

Скржинская, 1999 — *Скржинская М. В.* Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 121–130.

Фармаковский, 1926 — *Фармаковский М. В.* Ч. 2: Очистка и сохранение // *Красников И. П., Фармаковский М. В.* Керамика, ее техника и сохранение. Л.: ГАИМК, 1926 (Материалы по методологии археологической технологии / Ин-т археологической технологии; Вып. 6). С. 34–99.

Чернева, 2012 — *Чернева Д.* Технологични особености и консервационни проблеми при червенофигурна антична керамика с полихромна декорация

и ползата от Аполония Понтика: Автореф. на дисертация за придобиване на образователната и научна степен «доктор». София: Химикотехнологичен и металургичен университет, 2012. 38 с.

Ackermann, *Κωτίτσα*, 2023 — *Ackermann G., Κωτίτσα Z.* Επικασσιτερωμένη κεραμική από την Ερέτρια // 10th International scientific meeting on Hellenistic pottery: Proceedings (Thessaloniki, 10–14 March 2020) / Ed. E. Kotsou. Αθήνα: Αριστοτέλειο πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2023. Σ. 541–550. (Πρακτίκα.)

Δρούγου kai álla, 2013 — *Δρούγου Σ., Θάνος Α., Κατσίφας Χ.* Αναλύσεις χρωστικών στα αγγεία της κατηγορίας "Κέρτς". Το παράδειγμα της πελίκης της Πύδνας // Το αρχαιολογικο εργο στη Μακεδονια και στη Θρακη. 2013; публ. 2018. 27. Σ. 207–212.

Θάνος, 2020 — *Θάνος Α. Δ.* Ο Ζωγράφος του Μαρσύα και ο κύκλος του: συμβολή στη μελέτη της αττικής αγγειογραφίας του 4ου αι. π. Χ.: Διδακτορικη διατριβη / Φιλοσοφική σχολή, τμήμα ιστορίας και αρχαιολογίας. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2020. 623 ς.

Κωτitσα, 2012 — *Κωτitσα Z.* Η επιμετάλλωση αγγείων στη Μακεδονία των υστεροκλασικών και ελληνιστικών χρόνων // Θέματα της ελληνιστικής κεραμικής στην Αρχαία Μακεδονία / Eds. S. Drougou, G. Touratsoglou. Athens: Archaeological receipts fund, 2012. Σ. 108–111.

BAPD — Beazley Achieve Pottery Database. Classical Art Research Center, University of Oxford // URL: https:www.cvaonline.org/XD/ASP/default.asp.

Bourgeois et al., 2023 — *Bourgeois B., Jeammet V., Pagès-Camagna S.* Greek gilded wood: An exceptional polychrome peplophoros from Kerch (Musée du Louvre) // Archaeology of colour: Technical art history studies in Greek and Roman painting and polychromy / Ed. H. Brecoulaki. Athens: National Hellenic Research Foundation; Institute of Historical Research, 2023 (Μελετηματα; 87). P. 221–244.

Brecoulaki et al., 2014 — *Brecoulaki H., Sotiropoulou S., Katsifas Ch., Karydas A. G., Kantarelou V. A.* Microcosm of colour and shine. The polychromy of chryselephantine couches from ancient Macedonia // Thérapéia: Polychromie et restauration de la sculpture dans l'Antiquité. 2014. Vol. 40 / Ed. B. Bourgeois. P. 8–22 (Techne 40).

Cherneva, 2013 — *Cherneva D.* Investigations on the gilding technology of antique ceramics from Apollonia Pontica // Archaeologia Bulgarica. 2013. XVII, pt. 2. P. 39–53.

Cohen, 2006 — *Cohen B.* Added clay and gilding in Athenian vase–painting // The colors of clay: Special techniques in Athenian vases: Exhibition catalogue / Ed. B. Cohen. Los Angeles (Ca.): J. Paul Getty Museum, 2006. P. 108–109.

Dupont, *Baralis*, 2014 — *Dupont P., Baralis A.* Ateliers céramiques et réseaux d'échanges dans le sud-ouest de la Mer Noire à l'époque classique et au début de l'époque hellénistique // Bulletin de Correspondance Hellènique. 2014. Vol. 138, fasc. 1. P. 387–428.

Dupont et al., 2020 — *Dupont P., Baralis A., Nedev D., Panayotova K.* Kerch Style: Towards a local branch evidenced at Apollonia Pontica? // Materiale şi cercetări Arheologice (serie nouă). 2020. Vol. 16. P. 135–138.

Healy, 1974 — *Healy J. F.* Greek refining techniques and the composition of gold-silver alloys // Revue belge de numismatique et de sigillographie. 1974. Vol. CXX. P. 19–33.

Jaeggi, Petrakova, 2019 — *Jaeggi O., Petrakova A.* The Marsyas Painter and his Workshop in the Northern Black Sea Area // Η κεραμική της Κλασικής Εποχής στο Βόρειο Αιγαίο και την περιφέρειά του (480–323/300 π. Χ.): Πρακτικά του Διεθνούς Αρχαιολογικού Συνεδρίου (Θεσσαλονίκη 17–20 Μαίου 2017) / Eds. E. Manakidou, A. Avramidou. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 2019. P. 637–649.

Jones, 2021 — *Jones R.* The decoration and firing of ancient Greek pottery: A review of recent investigations // Advances in archaeomaterials. 2021. 2. P. 67–127.

Kotitsa, 2022 — *Kotitsa Z.* Shining vessels: Transferring the technology of tin–foiled pottery in the Mediterranean // Manufacturers and markets: The contributions of Hellenistic pottery to economies large and small: Proceedings of the 4th Conference of IARPotHP (Athens, November 2019, 11th–14th) / Eds. L. Rembart, A. Waldner. Wien: Phoibos Verlag, 2022 (International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period; Vol. 4). S. 141–160.

Kotitsa, *Schüssler*, 2002 — *Kotitsa Z., Schüssler U.* Zinn auf Keramik. Entstehung und Verwendung eines Statussymbols in Makedonien // Archäologischer Anzeiger. 2002. Hf. 2. S. 65–84.

Lewis, 1984 — *Lewis C. T.* A Latin dictionary, founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary, revised, enlarged, and in great part rewritten by Charlton T. Lewis, Ph. D. Oxford (UK): Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1984 (first publ. 1879). 2019 p.

Maish et al., 2006 — *Maish J., Svoboda M., Lansing-Maish S.* Technical studies of some Attic vases in the J. Paul Getty Museum // The colors of clay: Special techniques in Athenian vases: Exhibition catalogue / Ed. B. Cohen. Los Angeles (Ca.): J. Paul Getty Museum, 2006. P. 8–16.

Petrakova, 2012 — *Petrakova A. E.* Late Attic red-figure vases from burials in the Kerch area: The question of interpretation in ancient and modern contexts // Vasenbilder im Kulturtransfer: Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum / Hrsg. von S. Schmidt, A. Stähli; Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München: C. H. Beck, 2012 (Beihefte zum Corpus vasorum antiquorum; Bd. 5). S. 151–163.

Photos-Jones et al., 1997 — *Photos-Jones E., Cottier A., Hall A. J., Mendoni L. G.* Kean miltos: The well-known iron oxides of antiquity // Annual of the British School at Athens. 1997. Vol. 92. P. 359–371.

Photos-Jones et al., 1999 — *Photos-Jones E., Hall A. J., Atkinson J. A., Tompsett G., Cottier A., Sanders G. D. R.*

The Aghia Kyriaki, Melos Survey: Prospecting for the Elusive Earths in the Roman Period in the Aegean // Annual of the British School at Athens. 1999. Vol. 94. P. 377–413.

Pliny…, 1961 — Pliny. Natural history. Vol. IX: Books 33–35 / Transl. by H. Rackham. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1961 (first publ. 1952). 432 p.

Solard et al., 2023 — *Solard B., Amicone S., Aloupi E., Heinze L., Berti F., Lambrugo C., Berthold Ch.* Back to black: A mineralogical and chemical characterisation of Atticising fourth century BCE black gloss ware // Archaeological and anthropological sciences. 2023. Vol. 15. Article № 135 // URL: https://doi.org/10.1007/s12520–023–01822–4 (accessed 01.03.2024).

Waldhauer, 1933 — *Waldhauer O.* Regina Vasorum. Leningrad: [s. n.], 1933 (Abhandlungen der Akademie für Geschichte der materiellen Kultur; 2). 41 S.

Walton et. al., 2010 — *Walton M. S., Svoboda M., Mehta A., Webb S., Trentelman K.* Material evidence for the use of Attic white-ground lekythoi ceramics in cremation burials // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. P. 936–940.

On gilding of the Attic red-figure polychrome vases of the 4th century BC

A. G. Bukina, K. S. Chugunova, I. A. Grigoryeva[5]

Keywords: technology of ancient Greek pottery, gilding, Attic polychrome red-figure vases of the 4th cen. BC, archaeometry

The only known literary source about gilding in Antiquity should be found in the *Natural history* by Pliny the Elder. Among Russian scholars Oscar Waldhauer, Vladimir Blavatsky and Mstislav Farmakovsky produced some theories on this topic. Archaeometric studies performed during last 20–25 years in the laboratories of the Paul Getty Museum as well as of the National Archaeological Museums in Athens and Thessaloniki clarified certain aspects of the process of applying gilding namely to the Attic vases. These data confirm the assumptions that both gilding and polychrome painting of Attic red-figure vases of the 4th cen. BC were post-firing processes related to the use of organic binders (fig. 1). Current study was carried out by the scientific staff of The State Hermitage Museum investigated materials of the Museum's collection (fig. 2–4). Its results allowed us to describe the arrangement of layers related to the gilding, their morphology and materials used for gilding on Athenian polychrome red-figure vases of the 4th cen. BC (fig. 5). The presence of organic compounds (proteins, vegetable oils) revealed in the gesso composition for added colours applied before gilding as well as in glue substance under gold leaf (fig. 6). Remarkable is the similarity of the gilding technique appropriate for ceramic vases and for the wooden or chrysoelephantine pieces of the late Classical period.

[5] Anastasia G. Bukina, Ksenia S. Chugunova, Irina A. Grigoryeva — The State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: bukina@genuinepearl.spb.ru, askachu@yandex.ru, irinagrigorieva@mail.ru.

Сюжеты фронтонов Парфенона на аттических краснофигурных полихромных вазах из погребений Пантикапея

А. Е. Петракова [1]

Аннотация. *Статья посвящена трем аттическим краснофигурным вазам, происходящим из погребений Пантикапея. Росписи на них дополнены рельефными элементами и полихромией. Декор гидрии уже в публикациях 1870-х гг. был сопоставлен со скульптурами западного фронтона Парфенона. Для интерпретации росписи на другой гидрии и на пелике автор предлагает обратиться к восточному фронтону.*

Ключевые слова: *некрополь Пантикапея, Юз-Оба, краснофигурные аттические вазы, спор Афины и Посейдона за власть над Аттикой, рождение Афины, фронтоны Парфенона, проблемы иконографии в аттической вазописи.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-80-94

В 2013 г. Дайфри Уильямс опубликовал почти стостраничный текст, посвященный исследованию восточного фронтона Парфенона от Перикла до Нерона. Среди прочего он отметил: «До сих пор не было найдено ни одной аттической вазы (начала IV в. до н. э.) с изображением рождения Афины, но, возможно, фигура сидящего Зевса на четырех великолепных вазах в Санкт-Петербурге: кратере (ГЭ, инв. № Бак.8), пелике (ГЭ, инв. № Ю.О.10), фрагментах (ГЭ, инв. № П.1909.91) и пелике (ГЭ, инв. № Пав.8) — своеобразное эхо восточного фронтона Парфенона. По контрасту с этим, в случае с западным фронтоном нам повезло больше, поскольку существует гидрия в Санкт-Петербурге (инв. № П.1872.130), на которой изображен не только спор Афины и Посейдона за власть над Аттикой, но и сам Парфенон целиком, включая угловые акротерии»[2] (*Williams, Morton*, 2013. P. 56, 57). Вновь обратившись к тщательному изучению двух из упомянутых в этом тексте ваз, мы, как представляется, можем пойти несколько дальше, чем лишь «фигура сидящего Зевса», когда речь идет о восточном фронтоне Парфенона. С другой стороны, исследование декора гидрии с изображением спора Афины и Посейдона за власть над Аттикой позволяет прийти к выводу, что в этом случае речь не должна идти о некоей копии декора западного фронтона, а скорее, об исключительно творческой переработке композиции из центральных фигур.

В 1872 г. в ходе раскопок, продолжавшихся по распоряжению Императорской археологической комиссии (ИАК) в окрестностях Керчи под наблюдением А. И. Люценко, «в насыпи на гребне Митридата… в одной из каменных гробниц… цилиндрической формы», была найдена «изящная ваза с превосходным рисунком желтаго цвета на черном поле… с позолоченными и расписанными красками рельефными изображениями». Вокруг вазы «лежали обломки железнаго меча», а сама она «заключала в себе… жженыя человеческия кости и простой точильный брусок» (*Строганов*, 1875. С. XXI). Эта ваза — аттическая краснофигурная гидрия (рис. 1, *1*) с дополнительным рельефным и полихромным декором — в настоящее время хранится в Эрмитаже с инв. № П.1872.130 (список публикаций см.: BAPD 6988; LIMC ID 6831).

Уже в отчете ИАК за 1872 г., то есть сразу после находки вазы, был сделан вывод о том, что на ней представлено «известное состязание Посидона с Афиною о названии главнаго города в Аттике»

[1] Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, РФ; e-mail: petrakova.anna@gmail.com.

© Петракова А. Е., 2025

[2] В оригинальном отрывке приведены ссылки на публикации, в которых можно видеть изображения; в статье вместо них даны инвентарные номера сосудов. — *Примеч. А. П.*

Рис. 1. *1* — гидрия инв. № П.1872.130; *2* — развертка-прорисовка изображения на гидрии, выполненная в 1872 г.; *3* — развертка, выполненная О. Ягги в 2018 г.

Fig. 1. *1* — a hydria, Inv. No. П.1872.130; *2* — reamer-drawing of the image on the hydria, 1872; *3* — reamer made by O. Jaggi in 2018

[*1* — Государственный Эрмитаж; *2* — *Толстой, Кондаков,* 1889. Рис. 108]

(*Там же*). Опубликован этот отчет был в 1875 г., вместе с рассуждениями Л. Стефани — на тот момент автора полного каталога античных глиняных ваз в Императорском Эрмитаже (1869) и главного специалиста по античным вазам в России (см.: *Bukina et al.,* 2013. P. 39–50; *Петракова*, 2013. С. 26–36). Тогда же впервые была опубликована и прорисовка сцены, изображенной на гидрии (рис. 1, *2*), впоследствии многократно повторенная в других публикациях, хотя при сравнении с современной реконструкцией становится очевидным, что первое изображение не совсем точное (рис. 1, *3*). В своем 137-страничном тексте Стефани также сопоставил роспись гидрии с композицией, украшающей западный фронтон Парфенона (*Стефани*, 1875). Большинство ученых, писавших впоследствии в том или ином контексте об эрмитажной гидрии, с этим согласились (см., например: *Petersen*, 1882; *Толстой, Кондаков*, 1889. С. 73–76; *Courby*, 1922. P. 130, No 4; *Lethaby*, 1930. P. 9; *Cook*, 1940. P. 753,

fig. 538; *Metzger*, 1951. P. 324; *Zervoudaki,* 1968. Kat. 78, taf. 23.1; *Villing*, 1992. P. 12, note 15; *Palagia*, 1993; *Marx, Gisler*, 2011; *Meyer*, 2018. P. 62, note 61; *Williams, Morton*, 2013. P. 56, 57), хотя предлагались различные варианты интерпретации разнообразных *нюансов* представленной сцены. Например, К. Роберт предположил, что на вазе изображено, как Посейдон пытается при помощи трезубца разрушить только что сотворенное оливковое дерево, которое защищают Афина с копьем, змей Эрихтоний и Дионис с тирсом (*Robert*, 1881b. P. 60–87).

Маленький храм, представленный над правой горизонтальной ручкой гидрии, чаще всего считали изображением Парфенона (см., например: *Courby*, 1922. P. 130, No 4; *Williams, Morton*, 2013. P. 56, 57), хотя высказывались и идеи, что это мог бы быть Эрехтейон (*Стефани*, 1875. С. 130) или даже дворец царя Аттики Кекропса (*Robert*, 1881b. P. 67).

Афина с Посейдоном и маленькая Ника между ними никогда не были предметом разногласий ученых. Не вызывало вопросов и отождествление Диониса, благо, он представлен с достаточным количеством характерных атрибутов. Хотя само его *присутствие*, да еще и с тирсом, направленным против змея, по мнению, например, Ф. Курби, подозрительно: в его понимании сцена выглядит «скорее, как борьба богов с чудовищами, чем спор Афины и Посейдона» (*Courby*, 1922. P. 131). Л. Стефани же ничего подозрительного в этом не углядел: «юный Дионис», по его мнению, «на помощь Афине при состязании ея спешит» (*Стефани*, 1875. С. 110), ибо «придав Посидону столь близкую ему женскую спутницу», как Амфитрита (так Стефани интерпретировал женщину, помещенную на нашей гидрии справа от коня), «вазовый живописец должен был присоединить и к Афине столь-же тесно связанное с нею божество мужескаго рода», которое, к тому же, и покровительствует масличному дереву (*Там же*. С. 129).

С отождествлением остальных персонажей в композиции дело обстоит сложнее. По поводу сидящего мужчины высказывалось предположение, что это мог бы быть Кекропс — основатель и царь Аттики, змееногий сын Геи, судья в споре Афины и Посейдона (*Стефани*, 1875. С. 130; *Толстой, Кондаков,* 1889. С. 76; *Robert*, 1881b. P. 61; LIMC. Vol. VI, Kekrops 26), или Зевс, которого Афина попросила отдать за нее свой голос во время того же спора (*Cook*, 1940. P. 757).

Шагающая женщина в венце, поднимающая к лицу край одежды, интерпретировалась как Гера, если сидящий мужчина — Зевс (*Ibid*. P. 757); как Аглавра, дочь Кекропса, в одном из вариантов мифа — героиня-дева, святилище которой располагалось на Акрополе и которая в данной композиции как бы уступает Афине место (LIMC. Vol. I, Aglauros 38), если сидящий мужчина — Кекропс. По мнению же Л. Стефани (*Стефани*, 1875. С. 128, 129), И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (*Толстой, Кондаков,* 1889. С. 74), а также К. Шефолда (*Schefold*, 1934. S. 21, Kat. 161), это Амфитрита, которая поддерживает своего супруга Посейдона.

Женщина с обнаженной грудью, изображенная сидящей над левой ручкой гидрии, интерпретировалась как Аглавра или ее сестра Пандроса (*Robert*, 1881b. P. 60–87), но также и как «местное женское божество» (*Толстой, Кондаков,* 1889. С. 73–76), как нимфа (*Schefold*, 1934. S. 21, Kat. 161), если женщина в венце — Амфитрита, или же вообще как персонификация Аттики (LIMC. Vol. III, Attike 2). По мнению Л. Стефани, это «или представительница афинских женщин, которым приписывалось особое участие в приговоре, или... богиня Эрида. Едва-ли возможен положительный выбор между этими двумя возможными толкованиями» (*Стефани*, 1875. С. 130).

Все исследователи, чьи версии приведены выше, аргументируют свои идеи при помощи ссылок на труды разнообразных античных авторов, визуальных аналогий в скульптуре, живописи, вазописи, глиптике, нумизматике, а некоторые даже полагают, что возражения против их идеи «возможны только с той точки зрения, которая еще вовсе незнакома с индуктивным методом» (*Там же*. С. 120, 121).

Подобное разнообразие мнений при интерпретации изображений на нашей гидрии неудивительно. Еще в 1872–1873 гг., сравнивая роспись на ней с западным фронтоном Парфенона, Л. Стефани пришел к справедливому выводу: «Очевидно, перед нами не что иное, как искажение Фидиевой композиции, но с притязанием на право считаться новым самостоятельным произведением» (*Там же*. С. 133). С этим впоследствии согласился и О. Ф. Вальдгауер, указав, что «ваза стоит под влиянием этого знаменитого памятника» (*Вальдгауер*, 1906. С. 69), позже уточнив, что «подражание западному фронтону Парфенона» на гидрии — лишь «средняя группа»; остальные фигуры он не прокомментировал, только указал, что над ручкой изображен, вероятно, сам Парфенон, а «лошадь — животное, посвященное Посейдону» (*Вальдгауер*, 1914. С. 114, IX). Собственно, о том, что изображение на гидрии имеет отношение лишь к *центральной* группе западного фронтона, писали многие (*Cook*,

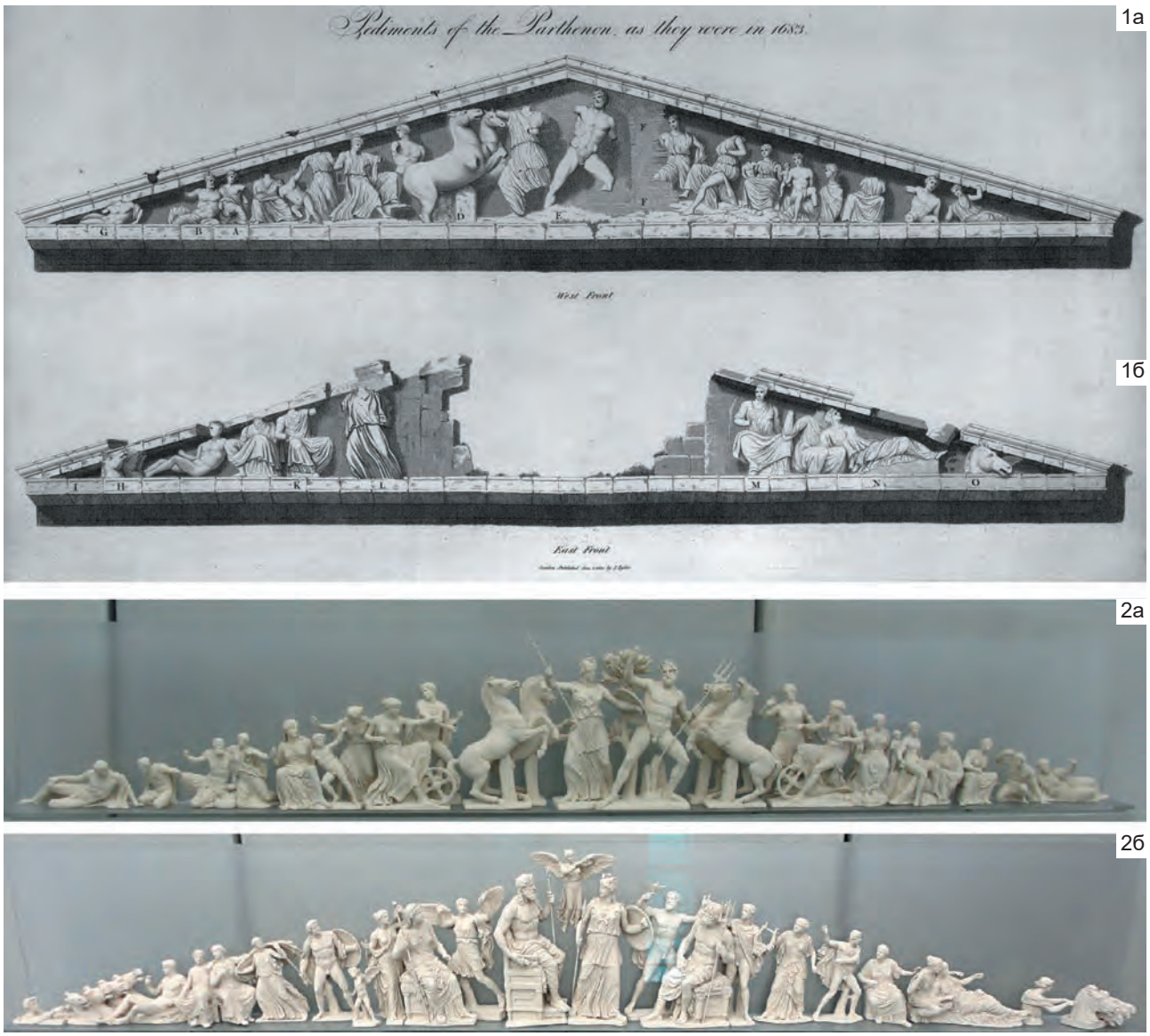


Рис. 2. *1а, 1б* — рисунок западного (*1а*) и восточного (*1б*) фронтонов Парфенона, как они выглядели в 1683 г.; *2а, 2б* — реконструкция облика западного (*2а*) и восточного (*2б*) фронтонов Парфенона в Музее Акрополя в Афинах по рисунку К. Шверцека 1904 г.

Fig. 2. *1a, 1б* — a drawing of the western (*1a*) and eastern (*1б*) pediments of the Parthenon as they looked in 1683; *2a, 2б* — reconstruction of the appearance of the western (*2a*) and eastern (*2б*) pediments of the Parthenon in the Acropolis Museum in Athens based on a drawing by K. Schwerzek in 1904

[*1a, 1б* — *Stuart, Revett*, 1816. Vol. IV, chap. IV, pl. V]

1940. P. 757; *Metzger*, 1951. P. 324; *Zervoudaki,* 1968. Kat. 78, Taf. 23.1; *Villing*, 1992. P. 12, note 15; *Palagia*, 1993; *Marx, Gisler*, 2011; *Meyer*, 2018. P. 62, note 61; *Williams, Morton*, 2013. P. 56, 57; и др.).

К счастью, западный фронтон сохранился относительно неплохо (по поводу хранения частей в разных музеях см. с библиографией: *Titi*, 2023), так что мы имеем возможность сравнить его с декором эрмитажной гидрии. Оливы, змеи и Ники на западном фронтоне нет, хотя их и изображают в некоторых графических и обьемных реконструкциях; места, где они могли бы располагаться, в оригинальной фронтонной композиции утрачены — это запечатлено, например, на рисунке 1683 г. (рис. 2, *1а, 1б*). Посейдон на западном фронтоне стоит в том же месте, но в иной позе, чем на гидрии: на оригинальном фронтоне согнута в колене его левая отставленная назад нога (поза похожа на позу Марсия в скульптурной группе «Афина и Марсий» работы Мирона), на гидрии же

согнута в колене его правая выставленная вперед нога. Разные авторы отмечают, что вольная трактовка позы Посейдона на эрмитажной гидрии может быть связана с адаптацией фронтонной композиции к декору вазы. Стефани же, напротив, предположил, что именно на гидрии поза Посейдона такая, как задумал Фидий, а в зарисовках фронтонов 1674 г. Жака Карре, на которые опираются исследовавшие их впоследствии ученые, она передана ошибочно, поскольку «Каррей не угадал настоящей мысли велкаго художника» (*Стефани*, 1875. С. 106).

Остальные четыре фигуры на гидрии не имеют отношения ни к сохранившемуся западному фронтону, ни к одному из вариантов его реконструкции. Уже в 1875 г. Стефани отметил, что «женская фигура вверху, налево от зрителя, и храмовое здание по правую руку» на эрмитажной гидрии «прибавлены совершенно независимо от Фидия» (*Там же*. С. 130), а И. И. Толстой и Н. П. Кондаков в 1889 г. отмечали, что «специальною чертою вазовой живописи является фигура Диониса, нимфы и судьи, которых в скульптурах Фидия не было» (*Толстой, Кондаков*, 1889. С. 73–76). Действительно, весьма похожие фигуры можно видеть в произведениях поздней краснофигурной аттической вазописи, на изделиях, атрибуция которых связана с мастерской Мастера Марсия, включая Мастера свадебного шествия, Элевсинского мастера и прочих, которые любили дополнять свои краснофигурные росписи полихромией, позолотой, рельефом[3]. Например, расположенную над левой ручкой гидрии сидящую женщину (рис. 3, *1*) вполне можно сопоставить с сидящей женщиной на хранящихся в Эрмитаже пелике инв. № П.1840.49 (рис. 3, *2*) или со стоящей на лекане инв. № Ю.О.32 (рис. 3, *3*). Много общего имеется в фигурах Диониса и женщины, поднимающей к лицу край одежды, с аналогичными фигурами на лекифе в Вергине (*Kottaridou*, 2011. P. 95, fig. 83; BAPD 9025376) (рис. 3, *4, 5а, 5б*). Могут быть приведены и другие примеры.

Таким образом получается, что, по сути, какое-то отношение к западному фронтону Парфенона на нашей гидрии имеет Афина и, в меньшей мере, Посейдон, а также *сюжет*, поскольку в аттической черно- и краснофигурной вазописи иконография спора Афины и Посейдона за власть над Аттикой не сформировалась и развития не получила. К настоящему моменту кроме нашей гидрии, выявлен лишь фрагмент крышки леканы, датируемой 420–410 гг. до н. э., изображение на котором также интерпретируют как спор Афины и Посейдона (*Breitfeld von Eickstedt*, 2017. S. 32, 33). Уникальность нашей гидрии привела к тому, что она упоминается во всех публикациях, так или иначе связанных со скульптурным декором Парфенона. Авторы отмечают редкость не только сюжета росписи гидрии, но и техники исполнения декора, называя ее «гибридным стилем», в котором «сочетаются краснофигурная и полихромная роспись, а также рельеф, в том числе высокий»; такой стиль «не должен был бы пользоваться популярностью — слишком уж необычный... результат отдельных попыток, обусловленных фантазиями некоторых художников» (*Courby*, 1922, P. 131, 132).

В отличие от гидрии со спором Афины и Посейдона находка другой гидрии, хранящейся ныне в Эрмитаже (инв. № П.1909.91) (рис. 4), не вызвала такого резонанса. Фрагменты ее обнаружили в «кургане, который занимал прежде дворы Метленка и Маркова (Карантинный переулок, № 6)», в «разграбленном еще в древности каменном склепе» (*Шкорпил*, 1913. С. 25). Там же было много изделий из разных материалов, причем уже В. В. Шкорпил, под руководством которого происходили раскопки, отметил: «обломки изящной краснофигурной гидрии, … вместе со стригилом... [относятся] к совершенно другой эпохе, чем все прочие предметы» (*Там же*. С. 26). Гидрия была опубликована сразу после раскопок, и Шкорпил посетовал: «к сожалению, несмотря на самые тщательные поиски, не удалось найти всех обломков этого красивого сосуда» (*Там же*. С. 26).

Б. В. Фармаковский сделал вывод, что «по стилю [гидрия] принадлежит той же мастерской, что и знаменитая пелика» из Павловского кургана (*Pharmakowsky*, 1911. S. 209) (ГЭ, инв. № Пав. 8, атрибутирована Элевсинскому мастеру; см. с библиографией: *Petrakova*, 2012. P. 155, 156, fig. 7; BAPD 230431). Позже К. Шефолд, Дж. Бордман, П. Валаванис атрибутировали нашу фрагментированную гидрию так называемому Мастеру свадебного шествия. Ему же они приписали и гидрию со спором Афины и Посейдона (см.: *Петракова*, 2024). Поскольку Элевсинский мастер, Мастер свадебного шествия и Мастер Марсия принадлежат к одному кругу, который в данный

[3] В настоящее время взаимоотношения этих вазописцев друг с другом являются предметом дискуссии (см., например: *Jaeggi, Petrakova,* 2019; *Букина*, 2023а). Поскольку статья посвящена не атрибуции, а интерпретации содержательной составляющей росписи, этот вопрос останется за ее рамками.

Рис. 3. *1–3*: сопоставление изображения женщины с обнаженной грудью на трех вазах: *1* — гидрии инв. № П.1872.130, *2* — пелике инв. № П.1840.49, *3* — лекане инв. № Ю.О.32; *4* — Дионис и женщина, поднимающая к лицу край одежды, на лекифе в Вергине; *5а, 5б* — аналогичные фигуры на гидрии инв. № П.1872.130

Fig. 3. *1–3*: a comparison of the image of a woman with an exposed bust on three vases: *1* — the hydria, Inv. No. П. 1872.130; *2* — a pelike, Inv. No. П.1840.49; *3* — a lekane, Inv. No. Ю.О.32; *4* — Dionysus and a woman raising the edge of her garment to her face on a lekythos in Vergina; *5a, 5b* — similar figures on the hydria, Inv. No. П.1872.130

[*1–3, 5а, 5б* — Государственный Эрмитаж; *4* — *Kottaridou*, 2011. Fig. 83]

момент подвергается ревизии, отмечу лишь, что две гидрии, о которых идет речь в настоящей статье, неоднократно сравнивали, пусть и в связи с атрибуцией, а не с сюжетами.

В. В. Шкорпил и Б. В. Фармаковский распознали в росписи на фрагментированной гидрии Зевса, Геру, Аполлона, Афину и Эротов. К. Шефолд, единственный из зарубежных ученых видевший гидрию целиком, определил по атрибутам Аполлона, Зевса и Афину, сидящую слева женщину назвал Лето, стоящую за Зевсом — Герой, а сидящую ниже — Афродитой, за которой стоит Пейфо; из крылатых персонажей один — Эрот, а другой — Ника (*Schefold*, 1934. S. 22, Kat. 166). При этом вывода о том, что за *сцена* изображена, он не сделал. Дж. Бордман описал Зевса и Геру, которые были на доступном ему по фотографии фрагменте (*Boardman*, 1989. Pl. 396), а П. Валаванис предположил в изображении «собрание богов» (*Βαλαβάνης*, 1991. Σ. 293, αρ. 3, 302–303, πιν. 147α).

Рис. 4. *1* — гидрия инв. № П.1909.91; *2–3* — графическая реконструкция и развертка росписи на гидрии, выполненные А. Г. Букиной в 2023 г. (*а* — накладные краски; *б* — краснофигурная роспись; *в* — черный лак)

Fig. 4. *1* — a hydria, Inv. No. П.1909.91; *2–3* — a graphic reconstruction and a reamer of the painting on the hydria made by A. G. Bukina in 2023 (*а* — applied colours; *б* — red-figure painting; *в* — black glaze)

[*1* — Государственный Эрмитаж]

Я же в связи с вопросом о его интерпретации предлагаю вернуться к фронтонам Парфенона. Восточный фронтон сохранился хуже, чем западный (рис. 2, *1а, 1б*), и тем ценнее наша гидрия, если мы согласимся, что она воспроизводит композицию восточного фронтона *хотя бы в такой мере,* как гидрия с Афиной и Посейдоном — западного. Идея о принципиальной *возможности* того, что композиции на вазах могли быть созданы под впечатлением от монументально-декоративного искусства, общепризнанна. Скульптуры Парфенона постоянно сопоставляют с изображениями на вазах. А. Фуртвенглер, например, сравнивал с ними примерно каждую третью вазу в качестве похвалы (см.: *Furtwängler, Reichhold*, 1909). Обе гидрии атрибутированы одной мастерской, а то и мастеру, а значит, может идти речь об индивидуальном выборе приемов, сюжетов и мотивов, характерных для определенного круга вазописцев.

Поскольку скульптуры восточного фронтона Парфенона сохранились хуже, есть разные варианты реконструкции (рис. 2, *2а, 2б*). Неизменной в большинстве из них остается центральная группа из сидящего Зевса (*Beyer*, 1974[4]), стоящей рядом Афины в полный рост и (часто) летящей Никой между ними (см. с библиографией: *Петракова*, 2024). Это похоже на то, что мы видим на гидрии, хоть и зеркально. И это, кстати, не противоречит иконографии рождения Афины в искусстве архаики и классики (см. подробный разбор вопроса с библиографией: *Там же*). В более раннем варианте, широко распространенном в чернофигурной и чуть менее в краснофигурной вазописи, миниатюрная Афина выходит из головы Зевса, буквально рождается на глазах изумленных зрителей; рядом нередко бывает Гефест с секирой. Чуть позже стали изображать более крупную Афину целиком, стоящую на коленях Зевса — готовый результат, а не процесс, богиня родилась и предстает во всем великолепии; Гефест из таких композиций пропадает. Третий вариант, когда Афина представлена в полный рост рядом с сидящим Зевсом, известен уже на чернофигурных вазах, например, на гидрии в Музее Мартина фон Вагнера в Вюрцбурге (датирована 530–520 гг. до н. э., атрибутирована Мастеру Антимена: *Stark*, 2012. Taf. 19b; LIMC ID 25314; BAPD 320038) (рис. 5, *2*), но получил распространение позже. Как отметил еще Р. Кук в своем монументальном труде о Зевсе, подобный вариант — это «кульминация ранее существовавшей в росписях на вазах иконографии» данного сюжета (*Cook*, 1940. P. 688). Именно этот «кульминационный» вариант иконографии рождения Афины представлен на восточном фронтоне Парфенона, на фрагментированной гидрии в Эрмитаже (рис. 4), на третьей вазе в этой статье — пелике инв. № Ю.О.10 из Юз-Обы (рис. 5, *1, 4*) и, по мнению ряда ученых, на рельефе, хранящемся в Национальном археологическом музее в Мадриде с инв. № 2691 (*Palagia*, 1997. Fig. 4) (рис. 5, *3*).

Пелика инв. № Ю.О.10 найдена в погребении 50 в Третьем кургане (он же «i») курганной цепи Юз-Оба — вместе с леканой с изображениями

[4] Упомянув об идее Байера в 1993 г. (*Palagia*, 1993. P. 31), О. Палагия развила ее пять лет спустя (*Palagia*, 1997. P. 31–45). Аргументом послужила мысль о том, что на четырехсторонней неоаттической базе с изображением в полный рост Зевса, Афины, Гефеста и Гермеса, найденной на Акрополе (*Harrison*, 1965. P. 81–84, pl. 64a–d), представлено рождение Афины. Д. Уильямс с этим не согласился, полагая, что на базе представлено собрание богов, важных для афинян, соответственно, этот памятник не может быть использован в качестве аргумента по данному вопросу (*Williams, Morton*, 2013. P. 55, 56). Он указал, что «наличие впечатляющих следов в основании фронтона, предназначенных для удержания железных опор, отсутствие конкретных и убедительных фигур, которые могли бы обеспечить нас необходимыми подсказками» не позволяют «решить проблему по восстановлению центральной части восточного фронтона, как бы сильно мы этого ни желали» (*Ibid.* P. 58). Аналогичную мысль высказал и Дж. Хурвит, указав, что варианты научно обоснованных реконструкций «стали появляться раньше, чем эльджиновские мраморы начали грузить на корабль для отправки в Лондон» (*Hurwit*, 2017. P. 528). Пример тому — рисунок-реконструкция, выполненный по запросу Эльджина в 1802 г. Ф. И. Калмыком (*Петракова,* 2024. Рис. 8а), когда большинство сохранившихся фрагментов восточного фронтона были еще *in situ*. «Десятки реконструкций последовали за этой. Они отличались [друг от друга], главным образом, тем, какова была поза Зевса (сидел он или стоял?), каково местоположение Афины (находилась ли она справа от Зевса или слева от него?), общее настроение сцены (были ли центральные фигуры эмоционально вовлечены и реагировали на столь примечательное событие или же они просто спокойно стояли вокруг..., ничего особенного не делая?). Все это является предметом дискуссии, но, учитывая как сам сюжет, так и имеющиеся прецеденты его визуализации — рождение Афины изображено на многих афинских вазах, расписанных задолго до начала строительства Парфенона, — Зевс, Гера, Гефест и сама Афина в каком-либо порядке должны были находиться в центре» (*Hurwit*, 2017. P. 528, 529).

свадебных торжеств (*Petrakova*, 2012; *Букина*, 2023в); в могиле были также найдены инталии, украшения из золота и бронзовое зеркало, благодаря которому погребение интерпретируют как женское (о погребении см.: *Виноградов и др.*, 2012. С. 44–51).

При том что в отличие от фрагментированной гидрии инв. № П.1909.91 пелика сохранилась хорошо, определение сюжета росписи на ее лицевой стороне давалось ученым нелегко. Вот какое первое описание приведено в отчете ИАК за 1859 г.: «кажется Зевс, сидящий на троне, Афина, Ермий и восемь других фигур» (*Строганов*, 1862. С. X). Тем не менее в каталоге 1869 г. Л. Стефани предположил, что на пелике сидящими на тронах изображены Адмет и Алкеста, полуобнаженная женщина на коне — Артемида, а на омфале сидит Гестия (*Stephani*, 1869. Kat. 1793, S. 324–327).

«Не могу понять, почему Стефани не узнал столь очевидного Зевса и сочинил все это про Адмета и Алкесту, — писал в 1870 г. К. Штрубе. — По-моему, тут изображен совет Зевса и Фемиды перед Троянской войной, описанный в начале „Киприй“ (к сюжетам которой любили обращаться расписывавшие найденные в Крыму сосуды вазописцы). Омфал подходит только Фемиде. Гермес представлен как проводник божественной воли; … он играет важную роль, особенно в Суде Париса. Афина, по представлению афинян, не может отсутствовать, когда происходит столь важное событие. Ника присутствует как ее неотделимый компаньон. Афродита из всех богов наиболее близко связана с Троянской войной. Пейфо стоит рядом как ее олицетворение. Лошадь ведет Ойстрос[5], а сидит на ней Эрида» (*Strube*, 1870. S. 86).

В свою очередь в 1881 г. Карл Роберт задался вопросом: «Неужели аттические вазописцы действительно помнили про совет Фемиды и Зевса из вводной части „Киприй“?». Гораздо логичнее вспоминать «суд Париса» как ключевое событие среди предпосылок Троянской войны! Он отверг идею Штрубе и вообще предложил, что на пелике изображено рождение Диониса — он просто еще не успел появиться из бедра Зевса (*Robert*, 1881a. S. 124, 125).

Наконец, в 1909 г. А. Фуртвенглер подытожил: «После бесплодных усилий Стефани пояснить, что же изображено… и неудачной попытки Роберта… заслугой… Штрубе стала находка, очевидно, правильного объяснения. Речь идет о „Киприях“, где говорится о том, что Гее стало тяжело носить на себе расплодившихся людей. Зевс обсуждает с Фемидой план по облегчению Земли при помощи войны. Они решают поженить Фетиду с Пелеем, чтобы родился Ахилл, величайший герой, а Зевс должен произвести на свет дочь — Елену, чья красота приведет к этой войне» (*Furtwängler, Reichhold*, 1909. S. 46–49).

В каталоге 1914 г. О. Ф. Вальдауер без сомнений утверждает, что на пелике представлен «сюжет из „Киприй“... совещание Зевса с Фемидою... налево — Афродита и богиня убеждения Пифо, направо мчится на коне Селена, преследуя Фосфора (?)» (*Вальдгауер*, 1914. С. 115, XXIX). Эта идея в итоге стала общепризнанной. Сюжет на пелике описан как «собрание богов» или «совет богов перед Троянской войной» у К. Шефолда в книге 1934 г. (*Schefold*, 1934. S. 42, Kat. 369), в «Иконографическом лексиконе» (LIMC. Supplementum 1. Pl. 251, Zeus Add. 185; LIMC ID 7724), у П. Валаваниса (Βαλαβάνης, 1991. Σ. 282, Πίν. 124, 125) и прочих авторов (см. библиографию: BAPD 230432). В 1985 г. К. Шефолд вновь обратился к нашей пелике, охарактеризовав изображение как «поистине космическую картину», где Зевс встречается с Фемидой, а «рядом с Зевсом стоит Афина, увенчанная богиней победы, потому что греки победят» (*Schefold,* 1985. S. 125). Дж. Бордман в 1989 г. охарактеризовал это же изображение как «неожиданный взгляд на то, как Зевс и Фемида планируют Троянскую войну» (*Boardman*, 1989. P. 192, fig. 393).

В моей статье, где обсуждался погребальный контекст краснофигурных аттических ваз в курганах Юз-Обы, я, не вдаваясь в подробности, обозначила, что на пелике «представлены Зевс, Афина и другие боги» (*Petrakova*, 2012. P. 155, fig. 4). Теперь же, обратившись именно к проблемам иконографии, я склонна полагать, что эта пелика, как и фрагментированная гидрия инв. № П.1909.91, украшена по мотивам восточного фронтона Парфенона: центральная группа близка, а боковые фигуры — другие и соотносятся в бо́льшей мере с вазописью. В центре сидит Зевс, справа от него —предстающая во всем великолепии Афина, которую увенчивает Ника. За Зевсом — Гермес, присутствие которого характерно для иконографии этого сюжета (подробнее см.: *Петракова*, 2024). Женщина на коне вполне может быть Селеной, как на восточном фронтоне Парфенона. Доказать, что бегущий обнаженный юноша в плаще в правой части композиции, группа из сидящей на троне и стоящей рядом женщин — в левой могли быть вдохновлены фигурами во фронтонных

[5] Οἴστρῳ — «овод/жало», сатир, участник похода Диониса в Индию, см.: Nonnus, Dionysiaca XIV.105, 111.

Рис. 5. *1* — фото стороны А пелики инв. № Ю.О.10; *2* — рождение Афины на чернофигурной гидрии в Вюрцбурге; *3* — прорисовка-развертка рельефа в Национальном археологическом музее в Мадриде с инв. № 2691; *4* — развертка росписи стороны А пелики инв. № Ю.О.10

Fig. 5. *1* — photo of the side A of the pelike, Inv. No. Ю.О.10; *2* — the Birth of Athena on a black-figure hydria in Würzburg; *3* — a drawing and a reamer of the relief in the National Archaeological Museum in Madrid, Inv. No. 2691; *4* — a reamer of the painting on the side A of the pelike, Inv. No. Ю.О.10

[*1* — Государственный Эрмитаж; *2* — BAPD 320038; *3* — *Palagia*, 1997. Fig. 4; *4* — *Furtwängler, Reichhold*, 1909. Taf. 69]

композициях, невозможно, как, впрочем, и утверждать обратное. Трактовка их как Геспера, Афродиты и Пейфо не исключена, как и трактовка сидящей на омфале в качестве Фемиды — все они могут присутствовать в сцене рождения Афины. Что касается формальных особенностей этих фигур — они вполне могут восходить к образам афинской краснофигурной вазописи, а не к произведениям скульптуры. Например, Гермес и Афина на нашей пелике во многом похожи на тех, что изображены на пелике в Малибу в сцене Суда Париса (*Schefold*, 1934; BAPD 13371; LIMC ID 10869), группа из сидящей на стуле и стоящей слева от нее женщин на нашей пелике (включая положение рук, головы, обнаженную грудь у сидящей) сопоставима с той, что украшает пелику в Национальном музее в Афинах (BAPD 5702; LIMC ID 34239) (рис. 6, *1, 2*), и пр. Однозначно сказать, кого изображают остальные фигуры, сложнее, как, впрочем, и в случае с описанными в этой статье гидриями.

На фрагментированной гидрии, в отличие от пелики, центральная композиция восточного фронтона Парфенона передана зеркально. В центре сидит Зевс, слева от него стоит Афина, к которой подлетает Ника, намереваясь ее увенчать. За Афиной стоит Аполлон с лирой, и к нему подлетает еще одна Ника, возможно, чтобы усилить визуализацию прославления. Сидящая за Аполлоном женщина вполне может быть его матерью Лето. Аполлон — ребенок Зевса, как и Афина; он тоже важное божество, и рождение его также не было простым. Композиция из сидящей и двух стоящих женских персонажей справа от центральных фигур могла быть вдохновлена похожей группой с восточного фронтона, но также близкие фигуры имеются и на вазах. Стоящая за Зевсом женщина вполне может быть Герой — аналогичную группу из сидящего Зевса и стоящей Геры можно видеть, например, на пелике из Павловского кургана (рис. 6, *3, 4*). Стоящая Гера со скипетром и похожим расположением рук изображена на пелике в Малибу в сцене Суда Париса (*Schefold*, 1934; BAPD 13371; LIMC ID 10869), только зеркально. Афина же на этой вазе может служить основой для реконструкции нашей — в зеркальном варианте. Ниже Зевса вполне может сидеть Афродита, которую можно сравнить с Афродитой на пелике из Павловского кургана. С последней, стоящей, фигурой сложнее: она может быть привычно взята из фигур краснофигурной вазописи или создана по мотивам фронтонной композиции. Мы помним, что, как и в случае с рельефной гидрией со спором Афины и Посейдона, речь идет о *весьма творческой интерпретации фронтона*: композиция урезана, фигуры использованы выборочно, места расположения некоторых изменены, фигуры могут быть зеркальными по отношению к фронтонным и пр.

Таким образом, если интерпретировать изображения на фрагментированной гидрии инв. № П.1909.91 и на пелике инв. № Ю.О.10 как сцену рождения Афины, то, вместе со знаменитой гидрией инв. № П.1872.130 с изображением спора Афины и Посейдона, в нашем распоряжении окажутся три вазы из боспорских находок, украшенных по мотивам декора фронтонов Парфенона. Редкие сюжеты сочетаются на этих вазах с достаточно редкой техникой декора, когда краснофигурная роспись обильно доплонена полихромией, а также низким и высоким рельефом с позолотой. Еще сто лет назад подобные сосуды воспринимались как нечто непривычное. Например, А. Фуртвенглер в 1909 г. отмечал, что им присущ «декаданс форм, утрата элегантности и тектоники» (*Furtwängler, Reichhold*, 1909. S. 46). Ф. Курби в 1922 г. характеризовал два лекифа Ксенофанта и гидрию с Афиной и Посейдоном как «эстетическую чудовищность» (*monstruosité esthétique*). А виноваты во всем, по его мнению, «крымчане, которые… исказили традиции и учения, пришедшие из Афин», поскольку «имели вкус к местным сюжетам, пристрастие к восточным мотивам и изделиям из металлов». Он характеризовал эти вазы как «полуварварское аттико-скифское искусство», «если вообще можно соединить эти элементы». Эти вазы для него «знаменуют собой начало крымского искусства», хотя «нет никаких сомнений в том, что мы имеем дело с произведениями афинских гончаров, возможно, тех, кого несчастья их родины заставили искать счастья в другом месте». Мастера «остались верны методам и стилю аттических мастерских», и, более того, имеются «точные связи между декором этих ваз и скульптурами Парфенона». Но «реакция Крымского вкуса уже проявляется определенным образом в каждом из этих произведений», в частности — в рельефном декоре (особенно если речь идет о горельефе), дополненном полихромией. Такой декор указывает на «искажение вкуса, которого не было в аттической керамике даже в период ее упадка», что вряд ли «объясняется чем-либо, кроме полуварварской среды, которая исказила чистые традиции Афин» (*Courby*, 1922. P. 131, 132).

В наши дни мы понимаем, что эти вазы необходимо рассматривать в контексте достаточно

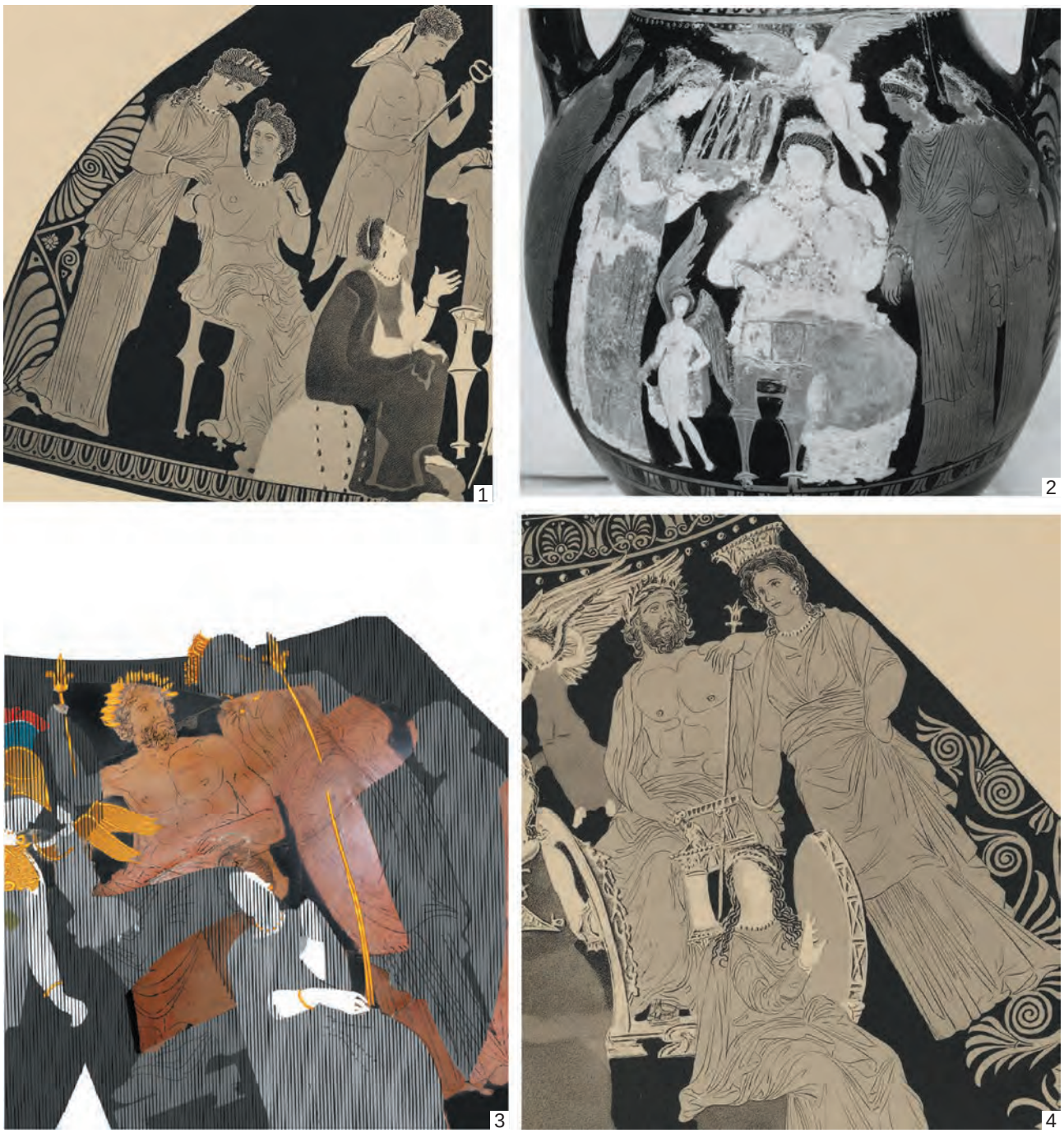


Рис. 6. *1, 2* — сопоставление группы из сидящей и стоящей слева от нее женщины на пелике в Национальном археологическом музее в Афинах (*2*) и пелике инв. № Ю.О.10 (*1*); *3, 4* — сопоставление сидящего на троне Зевса и стоящей рядом Геры на гидрии инв. № П.1909.91 (*3*) и пелике инв. № Пав. 8 (*4*)

Fig. 6. *1, 2* — a comparison of a group of a seated woman and a woman standing to her left on a pelike in the National Archaeological Museum in Athens (*2*) and on a pelike, Inv. No. Ю.О.10 (*1*); *3, 4* — a comparison of Zeus sitting on a throne and Hera standing next to him on a hydria Inv. No. П.1909.91 (*3*) and a pelike Inv. No. Пав. 8 (*4*)

[*1, 3, 4* — Государственный Эрмитаж; *1* — *Furtwängler, Reichhold*, 1909. Taf. 70; *2* — BAPD 5702; *3* — реконструкция А. Г. Букиной; *4* — *Furtwängler, Reichhold*, 1909. Taf. 69]

значительной группы краснофигурных ваз, дополненных рельефами, позолотой и полихромией. И это вполне уважаемая афинская продукция, находимая в разных центрах Средиземноморья, а не только в Крыму (*Букина*, 2023а; 2023б; 2023в). Такие изделия транслировали идеи *сопричастности* Афинам, их культуре и искусству, только, в отличие, например, от такой массовой продукции, как скифосы с совами (см. о них: *Bukina*, 2021), вазы, подобные рассмотренным в этой статье, были предназначены для более взыскательных и понимающих покупателей, которые, судя по характеру погребений и инвентаря, занимали далеко не низшее положение в местной социальной иерархии.

Впервые данный материал был представлен в виде доклада на совместном заседании ученого совета и отдела истории античной культуры ИИМК РАН в честь 70-летия В. А. Горончаровского 21 февраля 2024 г.

Букина, 2023а — *Букина А. Г.* Аттические краснофигурные полихромные вазы: современная перспектива // Боспорские исследования. 2023. Вып. XLVI. С. 73–91.

Букина, 2023б — *Букина А. Г.* Краснофигурные полихромные вазы в погребениях Боспора: статистика и семантика // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии: Материалы междунар. науч. конф. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 334–336.

Букина, 2023в — *Букина А. Г.* Сцены и символы брака: аттические полихромные краснофигурные вазы IV в. до н. э. на Боспоре // АВ. 2023. Вып. 41. С. 143–161.

Вальдгауер, 1906 — *Вальдгауер О. Ф.* Краткое описание расписных ваз в отделении древностей Императорскаго Эрмитажа. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. 72 с.

Вальдгауер, 1914 — *Вальдгауер О.* Краткое описание собрания античных расписных ваз. Издание второе, испр. и доп. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. 117 с.

Виноградов и др., 2012 — *Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н.* Юз-Оба, курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I: История изучения и топография. Симферополь; Керчь, 2012 (Боспорские исследования; Supplementum 9). 287 с.

Петракова, 2013 — *Петракова А. Е.* Первый российский каталог античных ваз (1869): к вопросу о немецком влиянии на изучение вазописи в России XIX в. // Проблемы развития зарубежного искусства. Германия — Россия: Сб. ст. Ч. 1 / Науч. ред. В. А. Леняшин и др. СПб.: Изд-во С.-Петербургской гос. акад. ин-та живописи, скульптуры и архитектуры, 2013. С. 26–36.

Петракова, 2024 — *Петракова А. Е.* Рождение Афины на краснофигурной полихромной аттической гидрии из Пантикапея: редкий вариант иконографии по мотивам декора восточного фронтона Парфенона // Боспорские исследования. Вып. XLVIII / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь; Симферополь: Керченская городская типография, 2024. С. 73–122.

Стефани, 1875 — *Стефани Л.* Объяснение некоторых художественных произведений, найденных в 1871 году в Южной России, Таблица I // Отчет ИАК за 1872 год. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1875. С. 5–142.

Строганов, 1862 — *Строганов С.* Отчет о действиях Императорской Археологической Комиссии за 1859 год // Отчет ИАК за 1859 год. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1862. С. I–XVI.

Строганов, 1875 — *Строганов С.* Доклад о действиях Императорской Археологической Комиссии за 1872 год // Отчет ИАК за 1872 год. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1875. С. III–XVIII.

Толстой, Кондаков, 1889 — Русския древности в памятниках искусства издаваемыя графом И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. 1: Классическия древности Южной России. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1889. 118 с.

Шкорпил, 1913 — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. (с 20 рис.) // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. Упр. уделов, 1913. Вып. 47. С. 1–41.

BAPD — Beazley Archive Pottery Database // URL: https://www.beazley.ox.ac.uk/carc (accessed 10.12.2024).

Βαλαβάνης, 1991 — *Βαλαβάνης Π.* Παναθηναϊκοί αμφορείς από την Ερέτρια. Συμβολή στην αττική αγγειογραφία του 4ου π.Χ. αι. Αθηνά: Η εν Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία, 1991. 354 p.

Beyer, 1974 — *Beyer I.* Position der Peplosfigur Wegner im Parthenon-Ostgiebel: Ein Rekonstruktionsversuch der Giebelmitte // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. 1974. Vol. 89. S. 123–149.

Boardman, 1989 — *Boardman J.* Athenian Red Figure Vases: The Classical Period. London: Thames & Hudson, 1989. 252 p.

Breitfeld von Eickstedt, 2017 — *Breitfeld von Eickstedt E. D.* Attisch rotfigurige und schwarzgefirnisste Lekanides. Wiesbaden: Reichert, 2017. 242 S.

Bukina, 2021 — *Bukina A.* What can Athenian Owl-skyphoi Transmit? // Griechische Vasen als Medium für Kommunikation: Ausgewählte Aspekte: Corpus vasorum antiquorum. Bt. 3: Akten des Internationalen Symposiums im Kunsthistorischen Museum (Österreich, Wien, 5. –7. Oktober 2017) / Eds. C. Lang-Auinger, E. Trinkl. Wien, 2021. S. 121–132.

Bukina et al., 2013 — *Bukina A., Petrakova A., Phillips C.* Greek vases in the Imperial Hermitage Museum: The history of the collection 1816–69 with addenda et corrigenda to Ludolf Stephani, Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage (1869). Oxford: Archaeopress Archaeology, 2013 (Beazley Archive; Studies in the History of Collections; Vol. 4). 317 p.

Cook, 1940 — *Cook A. B.* Zeus: a study in ancient religion (Bd. 3, 1): Zeus god of the dark sky (earthquake, clouds, wind, dew, rain, meteorits). Cambridge: Cambridge University Press, 1940. 366 p.

Courby, 1922 — *Courby F.* Les vases grecs à reliefs. Paris: E. de Boccard, 1922 (Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome; Fasc. CXXV). 598 p.

Furtwängler, Reichhold, 1909 — *Furtwängler A., Reichhold K.* Griechische Vasenmalerei, Auswahl hervorragender Vasenbilder. Serie II. München: F. Bruckmann A.-G., 1909. 356 p.

Harrison, 1965 — *Harrison E. B.* Archaic and Archaistic sculpture. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1965 (The Athenian Agora; Vol. 11). 382 p.

Hurwit, 2017 — *Hurwit J. M.* Helios Rising: The Sun, the Moon, and the Sea in the Sculptures of the Parthenon // American Journal of Archaeology. 2017. Vol. 121, no. 4. P. 527–558.

Jaeggi, Petrakova, 2019 — *Jaeggi O., Petrakova A.* The Marsyas Painter and his Workshop in the Northern Black Sea Area // Classical Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (480–323/300 BC): Proceedings of the Int. Arch. Conf. (Thessaloniki, May 17–20, 2017) / Eds. E. Manakidou, A. Avramidou. Thessaloniki, 2019. P. 637–649.

Kottaridou, 2011 — Kottaridou A. (ed.). Heracles to Alexander the Great, Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy. Oxford: Ashmolean Press, 2011. 271 p.

Lethaby, 1930 — *Lethaby W. R.* The West Pediment of the Parthenon // The Journal of Hellenic Studies. 1930. Vol. 50, part 1. P. 4–19.

LIMC — Lexicon iconographicum mythologiae classicae / La Fondation pour le Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae; Comité de rédaction Boardman J. et al. Zürich, München, 1981–2009.

LIMC ID — Digital LIMC database. Universität Basel, LIMC Basel and DHLab // URL: https://weblimc.org (accessed 15.12.2024).

Marx, Gisler, 2011 — *Marx P. A., Gisler J.-R.* Athens NM Acropolis 923 and the Contest between Athena and Poseidon for the Land of Attica // Antike Kunst. 2011. Vol. 54 . P. 21–40.

Metzger, 1951 — *Metzger H.* Les représentations dans la céramique attique du IVe siècle. Paris: E. de Boccard, 1951. 472 p.

Meyer, 2018 — *Meyer M.* To Cheat or not to Cheat: Poseidon's Eris with Athena in the West Pediment of the Parthenon // Electra: A publication of the Center of the Study of Myth and Religion in Greek and Roman Antiquity, Department of Philology, University of Patras. 2018. No. 4. P. 51–77.

Palagia, 1993 — *Palagia O.* The Pediments of the Parthenon (Monumenta Graeca and Romana 7). Leiden, New York, London: E. J. Brill, 1993. 74 p.

Palagia, 1997 — *Palagia O.* First among Equals: Athena in the East Pediment of the Parthenon // The Interpretation of Architectural Sculpture in Greece and Rome: Studies in the History of Art 49, Center for Advanced Study in the Visual Arts, Symposium Papers XXIX / Ed. D. Buitron-Oliver. Hannover; London, 1997. P. 29–49.

Petersen, 1882 — *Petersen E.* Der Streit der Götter um Athen // Hermes. 1882. Bd. 17, H. 1. S. 124–133.

Petrakova, 2012 — *Petrakova A.* Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerč Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts // Vasenbilder im Kulturtransfer– Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum, Beihefte zum CVA Deutschland V / Eds. S. Schmidt, A. Stähli. München, 2012. S. 151–163.

Pharmakowsky, 1911 — *Pharmakowsky B. W.* Archäologische Funde im Jahre 1909, Russland, Mit 43 Abbildungen // Archäologische Anzeiger, Beiblatt zum Jahrbuch des Archäologischen Instituts. 1911. Bd. XXV, I. S. 195–243.

Robert, 1881a — *Robert C.* Bild und Lied: archäologische Beiträge zur Geschichte der griechischen Heldensage. Berlin: Weidmann, 1881. 258 s.

Robert, 1881b — *Robert C.* Der Streit der Götter um Athen // Hermes. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1881. Bd. 16, H. 1. S. 60–87.

Schefold, 1934 — *Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin; Leipzig: De Gryter, 1934 (Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen; Bd. IV). 161 S.

Schefold, 1985 — *Schefold K.* Parisurteil der Zeit Alexanders des Grossen // Greek Vases in The J. Paul Getty Museum, Occasional Papers on Antiquities. 1985. 3, vol. 2. P. 119–126.

Stark, 2012 — *Stark M.* Göttliche Kinder: Ikonographische Untersuchung zu den Darstellungskonzeptionen von Gott und Kind bzw. Gott und Mensch in der griechischen Kunst. Stuttgart: Verlag Franz Steiner, 2012 (Potsdammer altertumswissenschaftliche Beiträge; 39). 358 S.

Stephani, 1869 — *Stephani L.* Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage, zweiter Theil. St. Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1869. 502 S.

Strube, 1870 — *Strube C.* Studien über den Bilderkreis von Eleusis. Leipzig: Verlag von WIlhel Engelmann, 1870. 108 S.

Stuart, Revett, 1816 — *Stuart J., Revett N*. The Antiquities of Athens measured and delineated by James Stuart F.R.S. and F.S.A. and Nicholas Revett Painters and Architects. Vol. IV / Ed. Willey Reveley. London: printed by t. Bensley for J. Taylor, 1816.

Titi, 2023 — *Titi C*. The Parthenon Marbles and International Law. Springer: Cham, 2023. 311 p.

Villing, 1992 — *Villing A*. The Iconography of Athena in Attic Vase-painting from 440–370 BC. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Philosophy. Oxford: Oxford University, 1992. 155 p.

Williams, Morton, 2013 — *Williams D., Morton K*. The East Pediment of the Parthenon: from Perikles to Nero. London: University of London Press, 2013 (Buttetin of the Institute of Classical Studies; Supplement no. 118). 120 p.

Zervoudaki, 1968 — *Zervoudaki E. A*. Attische polychrome Reiefkeramik des späten 5. und des 4. Jahrhunderts v. Chr. // Mitteilungen des Deutschen archäologishcen Instituts, Athenische Abteilung. 1968. Bd. 83. S. 1–110.

Subjects of the Parthenon pediments on the Athenian red-figure vases with polychrome decoration from burials of Panticapaeum

A. E. Petrakova [6]

Keywords: Athenian red-figure vases in Bosporan graves, the contest of Athena and Poseidon, the birth of Athena, Parthenon padiments, problems of iconography in the Athenian vase painting

The paper deals with three Athenian vases, excavated in burials near modern Kerch (ancient Panticapaeum). The hydria inv. П.1872.130 served as an urn (there were burnt bones and a whetstone inside) in a burial excavated in 1872; the rests of an iron sword layed near. The fragmented hydria inv. П.1909.91 was found in the stone crypt in a kurgan together with stigil and some luxurous grave goods (dated much later) in 1909. The pelike inv. Ю.О.10 was found in 1859 in the crypt 50 in the Third kurgan of Yuz-Oba ridge; there was a rich burial with red-figure pelike and lekanis as well as golden rings, earrings, intaglios, a bronze mirror etc.

The red-figure painting on these vases is enriched with polychromy, gilding over low relief and also with high relief on the hydria inv. P.1872.130. As early as in 1870s the decor of this hydria was compared with the composition on the western pediment of the Parthenon. As for the other hydria and the pelike — many different scholars had quite variable opinions concerning the subject of the painting as well as the interpretation of certain figures. The author of the paper suggests to look at the eastern pediment of the Parthenon with the depiction of the Birth of Athena as well as to the iconography of the subject in the Athenian vase painting.

[6] Anna E. Petrakova — The State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: petrakova.anna@gmail.com.

Общие результаты исследований на территории юго-западного пригорода Нимфея в 2022 г.[1]

А. А. Супренков, О. Ю. Соколова, С. Н. Прокопенко[2]

Аннотация. *Статья посвящена работам на территории юго-западного пригорода Нимфея. В 2022 г. был исследован участок, площадью 125 кв. м, мощность культурных напластований на котором достигала 1,8 м. Выявлено несколько десятков разнообразных объектов. Хронологические рамки исследованного комплекса — вторая половина VI — рубеж IV–III вв. до н. э.*

Ключевые слова*: греческая колонизация, Нимфей, архаический и классический периоды, IV–III вв. до н. э., охранно-спасательные археологические раскопки.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-95-107

В 2022 г. отрядом Восточно-Крымской археологической экспедиции[3] проводились охранно-спасательные раскопки на площади 125 кв. м на юго-западной окраине городища Нимфей (Республика Крым, г. Керчь).

Нимфей — один из наиболее известных и достаточно хорошо изученных греческих городов, основанных на берегах Киммерийского Боспора. Для удаленных территорий греческого мира наличие письменных свидетельств в общем-то редкость, особенно для раннего периода становления полисов. Нимфей упоминается в текстах Эсхина (*Schol. Aesch*. III. 171. 3.), где автор называет его местечком в Понте, находившимся ранее во владении Афин. Псевдо-Скилак говорит о нем как об эллинском городе в земле скифов (*Ps.-Skyl*. 68), Страбон подчеркивает плодородность окружающих город земель и наличие в нем «прекрасной гавани» (*Strabo*. VII, 4, 4). Среди других авторов, писавших о Нимфее, — Плиний (*Plin*. NH. IV. 86), Птолемей (*Ptol.* IV. 6. 2), Стефан Византийский (*Steph. Byz*. s. v. Νύμφαιον)[4].

Первое описание территории нимфейского городища принадлежит Полю Дюбрюксу и относится к 1820-м гг. Но автор отождествлял это поселение с военным наблюдательным пунктом, а местоположение Нимфея определял на мысу Ак-Бурун, в районе Павловской батареи (*Дюбрюкс*, 2010. Т I. С. 304–306; Т. II. С. 210, 211, рис. 488). В середине XIX в. А. Е. Люценко доследовал курганы в окрестностях Нимфея, что впоследствии привело к активизации здесь грабительских раскопок. В 1876 г. Императорская археологическая комиссия впервые организует комплексные исследования Нимфея и его некрополя. В результате этих работ были составлены планы городища

[1] Супренков А. А. выполнил работу в рамках реализации НИР «Варварские сообщества Крыма в раннем железном веке: эволюция и трансформация» (FNZF-2024-0009).

[2] Супренков А. А. — Институт археологии Крыма РАН; г. Симферополь, Республика Крым; e-mail: suprenkov@mail.ru. Соколова О. Ю. — Государственный Эрмитаж; С.-Петербург, РФ; e-mail: oyusokol@mail.ru. Прокопенко С. Н. — Белгородский государственный национальный исследовательский университет; Белгород, Россия; e-mail: sprokopenko@bsuedu.ru.

[3] Раскопки под руководством А. А. Супренкова проводились на основании Открытого листа, выданного на имя А. Е. Кислого. Организация, проводившая работы, — ООО «Крымский региональный центр археологических исследований». В них принимали участие сотрудники ООО «КРЦАИ», Института археологии Крыма РАН и Института археологии РАН. Авторы выражают благодарность А. Е. Кислому за возможность принять в них участие и опубликовать материал.

© Супренков А. А., Соколова О. Ю., Прокопенко С. Н., 2025

[4] Перечень авторов, писавших о Нимфее, см.: *Olszaniec,* 1995. P. 81–88.

Рис. 1. Юго-западный пригород Нимфея. Раскоп 2022 г. (*1*)

Fig. 1. South-western suburb of Nymphaeum. Excavation 2022 (*1*)

и некрополя и проведены раскопки на городище (*Виноградов,* 2012. С. 122, 123, 145). Но основное внимание было сосредоточено на раскопках нимфейского некрополя, где под руководством А. Е. Люценко, Н. П. Кондакова и С. И. Веребрюсова в 1876–1880 гг. были изучены 55 курганов, две катакомбы и более 100 погребений (*Силантьева*, 1959). Позднее работы продолжились под руководством нового хозяина нимфейских земель А. В. Новикова (*Виноградов*, 2020. С. 213; *Боровкова,* 1999. С. 74; *Неверов,* 2006. С. 190).

Новый этап в изучении Нимфея, с 30-х гг. XX в., характеризуется началом систематического исследования города, его округи и некрополя. В 1938 г. отряд Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР, возглавляемой В. Ф. Гайдукевичем, провел разведочные работы на территории Нимфея и в его окрестностях. Результаты этих работ позволили установить хронологические рамки жизни города — с конца VI в. до н. э. по III в. н. э. (*Гайдукевич*, 1940. С. 314–317), а также положили начало работам Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, ведущимся с 1939 г. по настоящее время. За этот период на территории городища открыты жилые и общественные здания, оборонительные стены, святилища и пропилеи, винодельни, гончарные мастерские и другие объекты, относящиеся к разным периодам жизни города (*Худяк*, 1962; *Скуднова*, 1961; 1964; *Грач*, 1984; 1989; *Соколова,* 2014. С. 154–156; *Novoselova, Sokolova,* 2024), проведены охранные раскопки на территории городского некрополя (*Грач*, 1999; *Зинько,* 1997. С. 67–75; *Соловьев,* 2003*; Соколова*, 2016; *Еремеева*, 2020).

Участок, исследованный в 2022 г., расположен на небольшом плато второй морской террасы, ограниченной с севера небольшой природной балкой (ныне ул. Угловая), с юга — глубокой балкой, по дну которой проходит сейчас асфальтированная дорога в поселок Героевское (шоссе Героев Эльтигена), с востока — ограничено естественным склоном, с запада — восточной границей некрополя городища Нимфей (ул. Рубежной).

Начало исследований на этой территории относится к 2005 г., когда сотрудниками Крымского филиала Института археологии НАН Украины было выявлено наличие культурного слоя по всей обозначенной выше территории, обнаружены следы земляночного и каменного домостроительства, а первые раскопки проведены в 2007 г. (*Бейлин и др.*, 2023. С. 7).

В 2017–2018, а затем в 2021–2022 гг. на участках, подлежащих хозяйственному освоению, проводились небольшие исследования, организованные ООО «Крымский региональный центр археологических исследований». В ходе этих работ под руководством В. Ю. Кононова были выявлены остатки гончарных печей, каменных строений и многочисленные хозяйственные ямы античного периода (*Кононов и др.,* 2020. С. 203–208).

В 2021–2022 гг. на одном из участков раскопки проведены Институтом археологии Крыма РАН под руководством Д. В. Бейлина и А. В. Куликова. Были выявлены слои и строительные комплексы, датируемые временем от античности до Средневековья. Расчищено несколько колодцев, крупное гидротехническое сооружение, несколько хозяйственных ям (*Бейлин и др*., 2022; *Бейлин и др.,* 2023. С. 8–17).

В 2022 г. раскоп был заложен на южном краю указанной балки (совр. ул. Угловая) в 100 м к западу от участка, где Поль Дюбрюкс предполагал наличие главных городских ворот, и к западу от раскопа Д. В. Бейлина и А. В. Куликова, на относительно ровном участке площадью 125 кв. м (рис. 1).

В ходе работ культурные напластования мощностью до 1,8 м были исследованы до материка, представленного светло-коричневым суглинком с известковыми включениями. Под дерном залегал слой гумуса мощностью до 0,4 м, который перекрывал серо-коричневый сухой рыхлый суглинок мощностью до 0,6 м (слой 1), под ним залегал светло-коричневый сухой рыхлый суглинок со средними и мелкими камнями мощностью до 0,4 м (слой 2), ниже, перекрывая материк, — коричневый рыхлый суглинок с включением песка мощностью до 0,4 м (слой 3).

Формирование вышеуказанных слоев является следствием активной жизнедеятельности в этой части пригорода Нимфея на протяжении длительного времени, которое можно условно разделить на три строительных периода.

К первому относятся несколько углубленных в материк хозяйственных ям, горловины которых были выявлены при зачистке материка на глубине 1,6–1,8 м от дневной поверхности (рис. 2, *2*). Все они располагались в северо-восточной части раскопа и были «типичными» — круглыми в плане, трапециевидными или цилиндрическими в разрезе, с диаметром горловин до 1,5 м. Несколько ям уходили в северный борт раскопа. Следует отметить, что концентрация ям на раскопе была крайне высокой — около 30 на исследованном участке.

Второй строительный период также представлен ямами, горловины которых были выявлены при зачистке слоя 3 на глубине 1,4–1,5 м от дневной поверхности. Они были достаточно однотипны, с круглыми или овальными горловинами диаметром от 1,0 до 1,5 м, разной глубины, в основном трапециевидной в разрезе формы. Следует отметить большую яму 9 в юго-восточном углу раскопа, состоящую как будто из трех отдельных ям 3, 17 и 25. Ее глубина составила почти 1,8 м. При выборке заполнения было обнаружено множество находок, среди которых представляют интерес аттические чернолаковые сосуды.

К третьему строительному периоду относятся фрагменты четырех стен, две конструкции круглой в плане формы, два участка вымостки и две хозяйственные ямы (рис. 2, *1*). Подошвы каменных построек этого строительного периода были зафиксированы на глубине около 1 м от дневной поверхности. На этом же горизонте выявлены развалы нескольких амфор.

Стена 1 была выявлена в северной части раскопа. Ориентированная по оси запад–восток с небольшим отклонением западного конца к югу, она уходит в северо-восточный борт раскопа[5]. Размеры открытой части стены: длина — около 2 м, ширина — около 0,6 м, высота — не более 0,5 м. В высоту сохранилось до двух рядов кладки.

Стена 2, ориентированная по оси север–юг с отклонением северного конца к востоку, расчищена в восточной части раскопа и исследована на протяжении 3 м. Ширина стены — 0,5–0,6 м, в высоту сохранилось до двух рядов кладки, не превышая 0,5 м. Южный ее конец уходит в юго-восточный борт раскопа.

Стена 3, выявленная в южной части раскопа, ориентирована по оси запад–восток с отклонением западного конца к югу. Ее длина составила 5 м, ширина — 0,5–0,6 м. Сохранилось до двух рядов кладки на высоту до 0,5 м. Небольшая стена 4 (длина 1,4 м при ширине 0,4–0,5 м и сохранившейся высоте до 0,5 м) была пристроена перпендикулярно к западному окончанию стены 1 таким образом, что стена 4 оказалась разделена на две равные части.

Расположение этих четырех стен позволяет высказать предположение, что они являлись частью какой-то конструкции — помещения или двора, но эта версия предварительная, так как некоторые участки, где эти стены соединяются, остались за пределами раскопа. Если же предположить, что к юго-востоку от его границ стены 2 и 3 соединяются, то размеры этой конструкции составят приблизительно 6 м в направлении с запада на восток и 8 м — с севера на юг. В центре нее были расчищены две округлые в плане постройки — объекты 1 и 2. Размеры объекта 1 в плане составляли 1,3 м с запада на восток и 1 м с севера на юг, диаметр объекта 2 — около 1 м. Их формировали стенки из одного ряда камней. Стена объекта 1 сохранилась лучше, до пяти рядов кладки по внутреннему фасу и до 0,8 м в высоту. В его центре расчищен развал амфоры Северной Эгеиды V в. до н. э., еще четыре амфорных развала были зафиксированы к востоку от него.

К югу от стены 3 был расчищен фрагмент вымостки, состоящей в основном из мелких бутовых камней. Ее размеры: 3,6 м в направлении с запада на восток и 1,4 м — с севера на юг. Часть этой вымостки из более крупных камней размерами до 0,4 × 0,5 м выявлена в южном углу раскопа.

К этому же строительному периоду предположительно можно отнести и две хозяйственные ямы. Яма 1 — небольшая по размерам — выявлена в юго-западной части участка, свободной от стен. Яма 2 с диаметром горловины 1,4 м, дна 1,8 м и глубиной около 0,6 м расположена на участке между северным торцом стены 2 и восточным фасом стены 1.

Интерпретация вышеописанных построек крайне затруднительна из-за небольшой площади исследований. Отметим только, что наличие концентрических конструкций традиционно связывают со святилищами (*Бутягин, Чистов*, 2000. С. 64).

[5] Раскоп был разбит в соответствии с ориентацией земельного участка по оси северо-восток–юго-запад.

Рис. 2. Юго-западный пригород Нимфея. Раскоп 2022 г.: *1* — общий вид с высоты птичьего полета (об. — объект, ст. — стена); *2* — вид с северо-запада, во время проведения работ

Fig. 2. South-western suburb of Nymphaeum. Excavation 2022: *1* — general bird's-eye view (об. — object, ст. — the wall); *2* — view from the north-west during the works

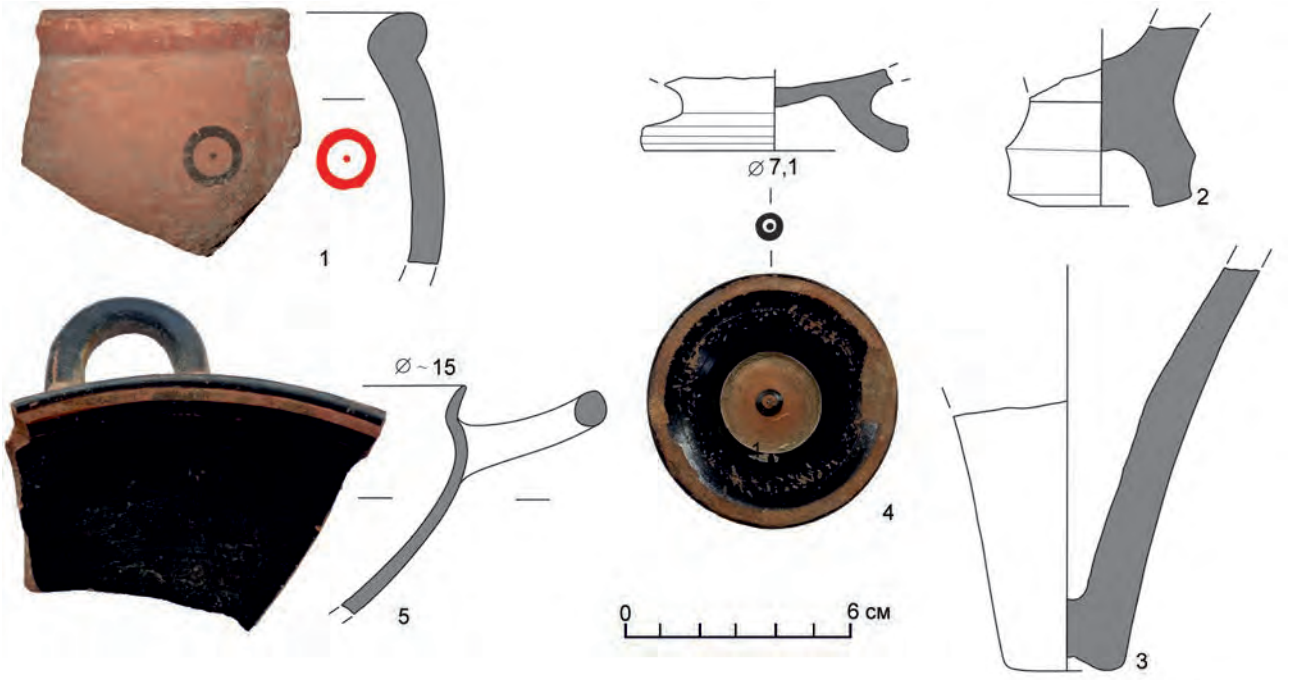


Рис. 3. Юго-западный пригород Нимфея. Раскоп 2022 г. Находки архаического периода, фрагменты: *1* — горла хиосской амфоры; *2* — амфоры Северной Эгеиды; *3* — амфоры Лесбоса; *4* — аттического килика; *5* — венчика расписного килика

Fig. 3. South-western suburb of Nymphaeum. Excavation 2022. Finds of the Archaic period, fragments: *1* — neck of a Chios amphora; *2* — amphora from Northern Aegean; *3* — amphora from Lesbos; 4 — Attic kylix; *5* — corolla of a painted kylix

В ходе проведенных работ было получено большое количество разнообразного материала, который можно разделить на три хронологические группы: находки архаического, классического периодов, IV–III вв. до н. э. Далее приводится общая характеристика этого материала.

Находки, датируемые *архаическим периодом*, немногочисленны (11 предметов) и происходят из ям 3, 9, 17 и 25, а также из слоев 2 и 3. Из индивидуальных находок следует отметить пробку из ручки лесбосской амфоры, датируемую второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э., и фрагмент горла хиосской амфоры пухлогорлого типа раннего варианта III А с дипинти (рис. 3, *1*), которая датируется последней четвертью VI — началом V в. до н. э. (*Монахов*, 2003. С. 16, 17, табл. 3.5-6, *4*)[6].

Массовый материал архаического периода представлен фрагментами амфор — Самоса архаического типа варианта Черветери третьей четверти VI в. до н. э. (*Там же*. С. 27, табл. 15, *3*), Клазомен группы VI четвертой четверти VI — начала V в. до н. э. (*Sezgin,* 2004. P. 177, fig. 13, 14), Северной Эгеиды третьей серии (рис. 3, *2*) конца VI — начала V в. до н. э. (*Монахов*, 2003. С. 40, 41, табл. 24, *4, 8*), Лесбоса архаического типа варианта I-B (рис. 3, *3*) второй половины VI в. до н. э. (*Там же*. С. 48, табл. 30, *6*); фрагментом аттического чернолакового килика[7] (рис. 3, *4*) последней четверти VI в. до н. э., венчиком расписного килика паросского типа (рис. 3, *5*) последней трети VI в. до н. э. (*Буйских*, 2013. С. 185, рис. 181).

Материал *классического периода* представлен значительно бóльшим количеством находок (170 предметов). Они обнаружены во всех исследованных слоях, а также в заполнении значительной части хозяйственных ям 2–4, 6, 9–11, 13, 14, 17–20, 23, 25, 27, 31.

[6] Общее определение находок осуществлено С. А. Кононовой. Благодарим сотрудника отдела археологических памятников ГИМ канд. ист. наук Г. А. Ломтадзе за помощь в определении амфорного материала.

[7] Благодарим сотрудника отдела искусства и археологии античного мира ГМИИ им. А. С. Пушкина канд. ист. наук О. Ю. Самар за помощь в определении чернолаковой и расписной керамики.

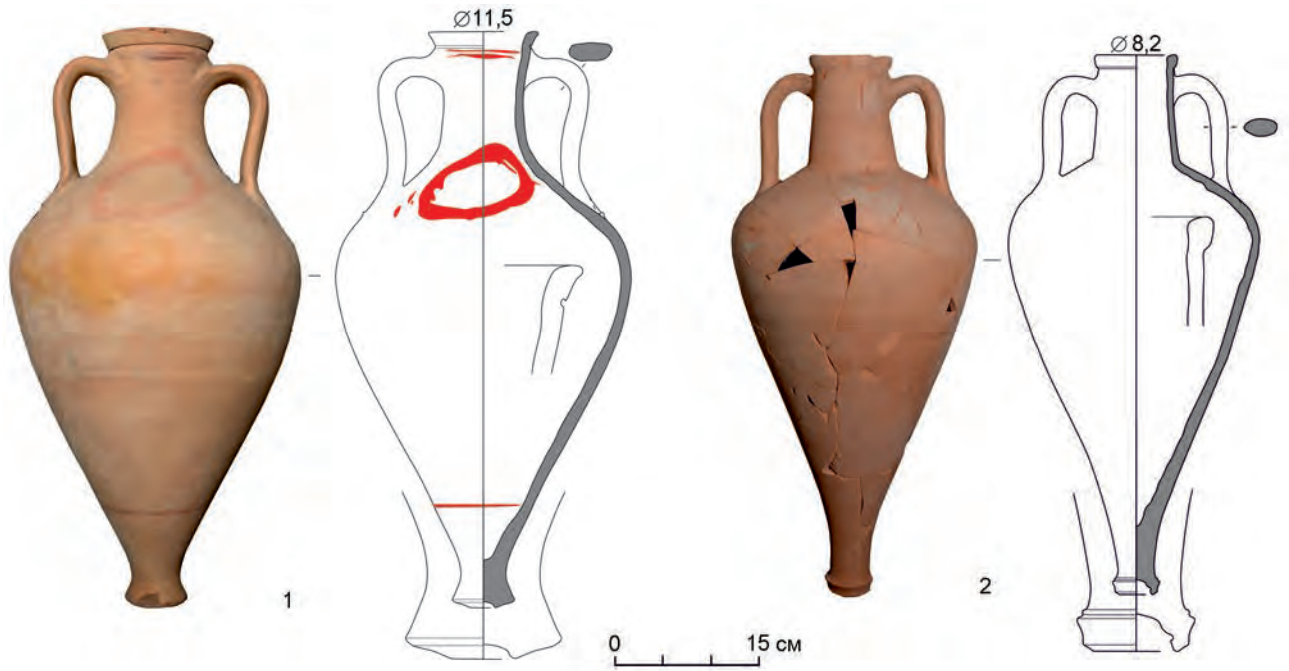


Рис. 4. Юго-западный пригород Нимфея. Раскоп 2022 г. Амфоры: *1* — Менда; *2* — Северная Эгеида

Fig. 4. The south-western suburb of Nymphaeum. Excavation 2022. Amphorae: *1* — Menda; 2 — Northern Aegean

Среди них целые формы амфор различных центров, в том числе мендейская амфора пифоидного типа знаменской серии с дипинто (рис. 4, *1*) (*Монахов*, 2003. С. 89, 90, табл. 60.1, *3*) и амфора Северной Эгеиды типа «на сложнопрофилированной ножке» (рис. 4, *2*) (*Там же*. С. 42, табл. 26, *6, 8*), датируемые второй четвертью — серединой V в. до н. э. Другие амфоры и их фрагменты представлены такими центрами, как Айнос, Хиос, Фасос, Лесбос, Милет, Эрифры разнообразных типов. Следует отметить клеймо на горле хиосской амфоры, датируемое концом V в. до н. э.

Столовая посуда представлена разнообразными образцами расписной аттической чернолаковой керамики. Среди них выделим фрагмент краснофигурного килика (рис. 5, *1*), датируемого 500–480 гг. до н. э. (*Sparkes*, 1970. P. 264, fig. 4, pl. 20, cat. 420). Сохранился фрагмент росписи на внутренней поверхности дна сосуда — предположительно часть фигуры сидящего человека в одеянии. Правая рука упирается в бедро, левая — согнута в локте. На дне килика со штампованным орнаментом, датируемого 430–420 гг. до н. э. (*Sparkes*, 1970. P. 270, fig. 5, cat. 493–498), процарапано граффито — XANK […] (рис. 5, *2*). Отметим полный профиль скифоса (рис. 5, *3*), датируемого концом V в. до н. э. По внешнему краю венчика нанесен фриз с росписью в виде ветви плюща. Листья плюща выполнены в краснофигурной технике, остальные элементы (ветви, розетты, двойная линия по нижней границе фриза, линия на границе придонной части) — накладной белой краской. Лак темно-коричневый тусклый, нанесен неровным тонким слоем. Были также найдены венчик краснофигурной крышки леканы и полный профиль болсала (рис. 5, *4*), датируемого 420–400 гг. до н. э. (*Егорова*, 2017. С. 32, рис. 5, *41*, табл. 9, *41*). На внутренней поверхности болсала — штампованный орнамент из семи пальметт, сгруппированных вокруг центральной окружности малого диаметра. Внешняя поверхность дна украшена одним широким и двумя тонкими чернолаковыми кольцами с точкой в центре. В группе аттической чернолаковой посуды также представлены фрагмент болсала с граффити, венчики и донца скифосов, киликов, одноручных чашек, стемлесса, фрагменты солонок, дно кратера, донца болсала, кружки, миски, открытого сосуда. Отдельно отметим находку венчика с ручкой расписного килика производства Восточной Греции и фрагмент ионийского светильника.

В группе столовой посуды выделим венчик с ручкой расписной столовой амфоры ионийского производства, донце на кольцевом поддоне ионийской чаши, венчик с ручкой расписного грибовидного сосуда из Восточной Греции и венчик

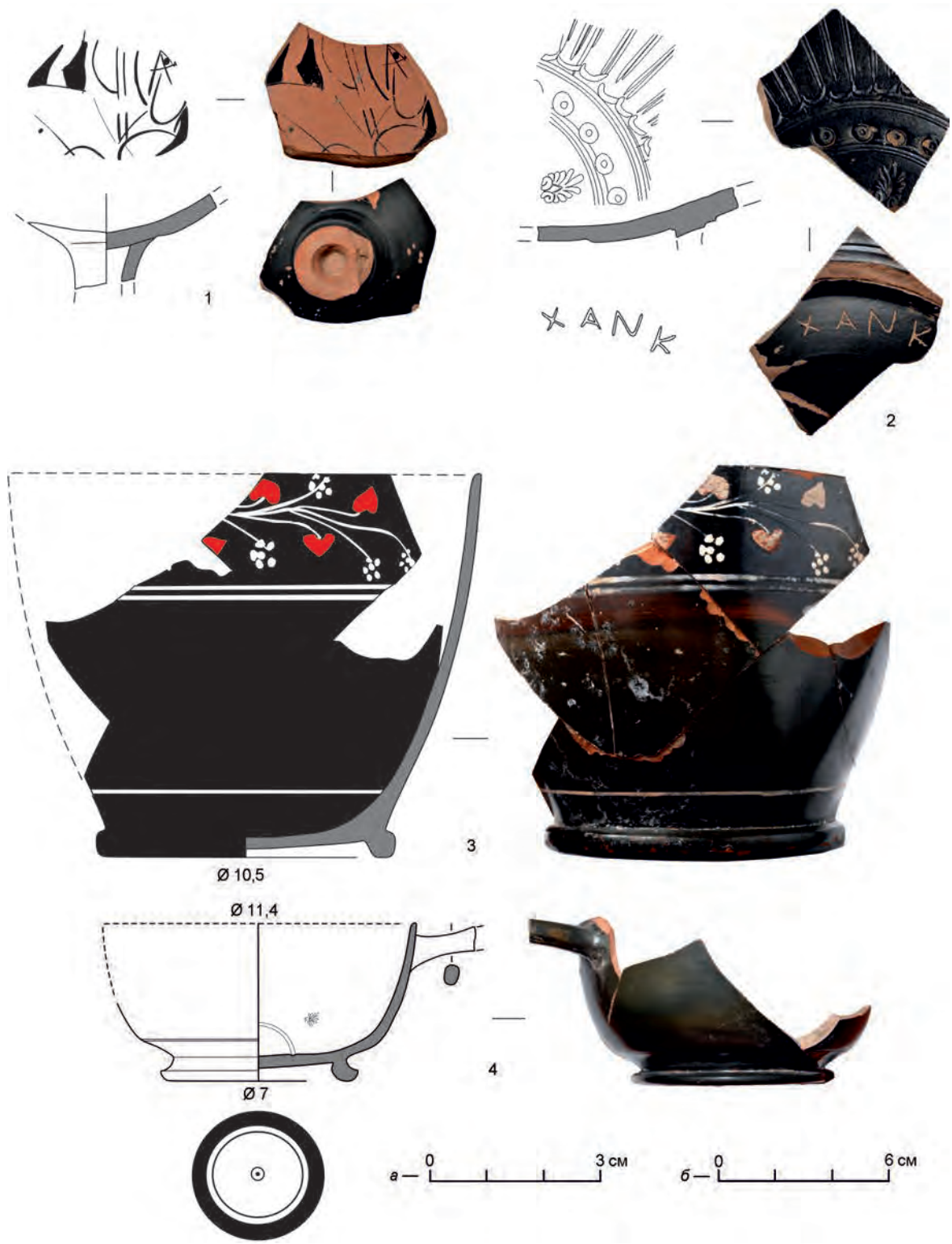


Рис. 5. Юго-западный пригород Нимфея. Раскоп 2022 г. Аттическая чернолаковая керамика: *1* — фрагмент краснофигурного килика; *2* — дно килика с граффито; *3* — фрагменты скифоса; *4* — фрагменты болсала. Масштаб: *а* — для 2, *б* — для остальных

Fig. 5. South-western suburb of Nymphaeum. Excavation 2022. Attic black-lacquer pottery: *1* — fragment of a red-figure kylix; *2* — bottom of a kylix with graffito; *3* — fragments of skyphos; *4* — fragments of bolsal. Scale: *a* — for 2, *б* — for others

Рис. 6. Юго-западный пригород Нимфея. Раскоп 2022 г. Монеты: *1* — гемиобол, 450–437 гг. до н. э.; *2* — обол, 310–280 гг. до н. э.; *3* — дихалк, 320–310 гг. до н. э.; *4* — тетрахалк, 275–265 гг. до н. э.; *5* — тетрахалк, 245–235 гг. до н. э. *1, 3–5* — Пантикапей; *2* — Ольвия. *1* — серебро, *2–5* — медь. Масштаб: *а* — для 2, *б* — для остальных

Fig. 6. The south-western suburb of Nymphaeum. Excavation of 2022. Coins: *1* — hemibol, 450–437 BC; *2* — obol, 310–280 BC; *3* — dichalcus, 320–310 BC; *4* — tetrachalcus, 275–265 BC; *5* — tetrachalcus, 245–235 BC. *1, 3–5* — Panticapaeum; *2* — Olbia. *1* — silver, *2–5* — copper. Scale: *а* — for *2*, *б* — for the others

с двуствольной ручкой красноглиняного боспорского сосуда.

Кухонные сосуды представлены фрагментом плечика сероглиняного сосуда с цилиндрической втулкой и фрагментом выступа кастрюли из коричневой глины.

К нумизматическим находкам относится серебряный пантикапейский гемиобол 450–437 гг. до н. э. (рис. 6, *1*)[8].

Среди других индивидуальных находок классического периода отметим фрагмент «куклы» коринфского производства с подвесными конечностями (рис. 7, *1*), датируемой первой половиной V в. до н. э. (*Шевченко*, 2016. С. 124, кат. 787), бронзовую подвеску в виде трапециевидного замочка, фрагмент ручки бронзового стригиля, полный профиль красноглиняного открытого двухрожкового светильника, а также фрагмент шаровидного кубка кизил-кобинской культуры.

Находки, *относящиеся к IV–III вв. до н. э.*, были выявлены во всех исследованных слоях, а также в заполнении 13 хозяйственных ям — 4–7, 9–11, 13–15, 20, 23, 27 — и представлены 113 экземплярами. Среди них прежде всего выделим аттические чернолаковые сосуды. Особо следует отметить миниатюрную чернофигурную панафинейскую амфору (рис. 8). На стороне А изображена стоящая в воинственной позе Афина Промахос с поднятым копьем и щитом. На стороне Б — сидящий атлет — участник гоплитодрома, в шлеме, с вертикально поставленным копьем в одной руке и опирающийся другой рукой на щит, лежащий на скамье (?). Под ногами у атлета волны. Плечики сосуда украшены палочным орнаментом, нанесенным черным лаком. Детали проработаны резьбой и белой краской: тело Афины, копье, край щита, орнамент на одежде; оперение шлема атлета и белое покрывало на скамье. Амфора относится к изделиям мастерской группы Булас и датируется началом IV в. до н. э. (*Горбунова*, 1984. С. 211, 212, № 190).

В числе других находок — фрагменты краснофигурного кубковидного скифоса, датируемого первой половиной — серединой IV в. до н. э. (рис. 9, *1*). На внешней поверхности — краснофигурная роспись: фрагменты боковой пальметты на побеге, ноги обнаженной мужской фигуры вправо, ноги фигуры в гиматии навстречу ему. На внутренней — орнамент в виде плющевой гирлянды: лист плюща передан в краснофигурной технике, розетка — накладной белой краской, ветвь процарапана. Роспись скифоса можно отнести к изделиям аттического вазописца Мастер Q (Q Painter), который работал в мастерской, производившей огромное количество продукции во второй четверти — середине IV в. до н. э. (*Вдовиченко*, *Жесткова*, 2011. С. 73, табл. 24, кат. 813).

К работе этого же мастера можно отнести фрагмент стенки кубковидного скифоса, датируемого второй четвертью IV в. до н. э. (рис. 9, *2*). На внешней поверхности в краснофигурной технике изображена голова менады в саккосе влево и ее рука (*Там же*. С. 73, 76, табл. 24, 35, кат. 812, 855). Отметим венчик глубокого краснофигурного килика с растительным орнаментом, датируемый первой–третьей четвертью IV в. до н. э. (рис. 9, *3*). На внутренней поверхности венчика — орнамент в виде плющевой гирлянды: листья плюща переданы в краснофигурной технике, плети и

[8] Определение монет выполнено специалистом ООО «КРЦАИ» Д. В. Качалкиным.

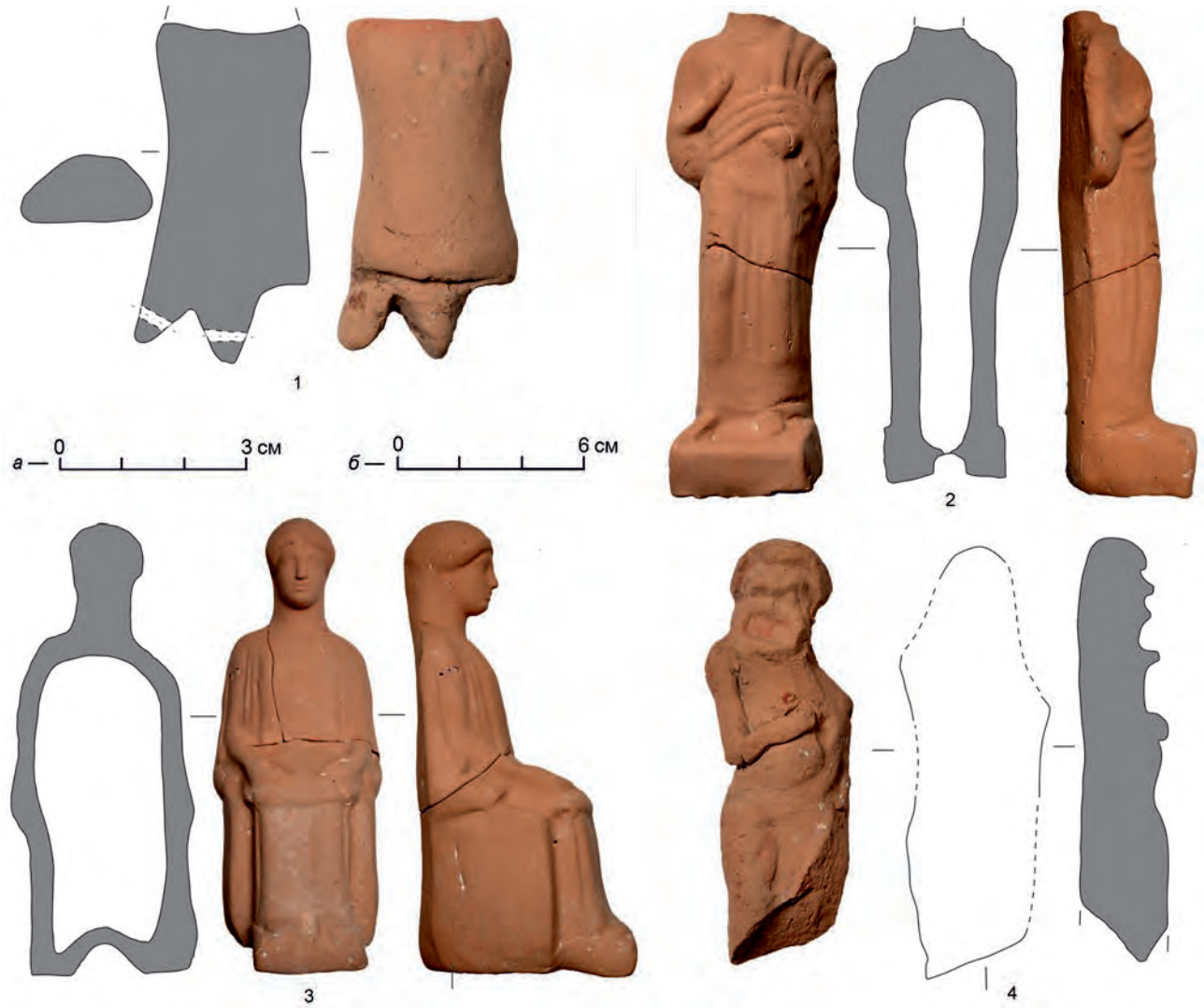


Рис. 7. Терракотовые статуэтки V–III вв. до н. э. Масштаб: *а* — для 1, *б* — для остальных
Fig. 7. Terracotta statuettes of the 5th–3rd cen. BC. Scale: *а* — for *1*, *б* — for others

ветви — накладной белой краской. Чернолаковая керамика представлена также фрагментами кубковидных скифосов, канфаров, одноручных чаш, миски, донцами болсала и лекифа.

Группу тарной керамики IV–III вв. до н. э. составляют фрагменты амфор Синопы, Гераклеи, Хиоса, Менды, Фасоса, Эрифр, Книда, Коса, Икоса разнообразных типов, а также амфор неопределенных центров. В том числе представлены клейма на ручках фасосских, синопских и мендейских амфор, датируемые, в основном, первой четвертью IV в. до н. э., кроме одного «позднего» синопского клейма 320-х гг. до н. э. Обращает на себя внимание общее незначительное число клейм (менее 10) и отсутствие клейменых фрагментов III в. до н. э.

Среди других видов керамики IV–III вв. до н. э. выделим лутерии синопской и гераклейской глины, ручку красноглиняной кухонной крышки, дно красноглиняного унгвентария, фрагмент красноглиняного светильника.

Найдены терракотовые статуэтки: фрагмент, изображающий мужскую фигуру в театральной маске (рис. 7, *4*), второй четверти IV — первой половины III в. до н. э. (*Денисова*, 1981. С. 38, 76, табл. VII, *д*); две статуэтки V–IV вв. до н. э. — одна изображает стоящую мужскую фигуру в длинном хитоне и гиматии на пьедестале (рис. 7, *2*), другая — фигуру богини, сидящей на троне в хитоне и гиматии, руки сложены на коленях (рис. 7, *3*).

Нумизматические материалы представлены ольвийским оболом 310–280 гг. до н. э. (рис. 6, *2*),

Рис. 8. Тулово миниатюрной чернофигурной панафинейской амфоры, Аттика, начало IV в. до н. э.
Fig. 8. Body of a miniature black-figured Panathenaic amphora, Attica, early 4th cen. BC

пантикапейским дихалком 320–310 гг. до н. э. (рис. 6, *3*) и двумя пантикапейскими тетрахалками 275–265 гг. до н. э. (рис. 6, *4*) и 245–235 гг. до н. э. (рис. 6, *5*).

Следует отметить также некоторое количество индивидуальных находок, датировка которых обычно осуществляется на основании сопровождающего материала — это оселки, свинцовые, керамические и каменные грузила, бронзовые и железные гвозди, изделия из кости; наконечники стрел. Все эти изделия можно широко датировать в пределах V–III вв. до н. э. Отметим также два предмета, датировка которых выходит за эти хронологические рамки: фрагмент кремневого наконечника и обломки стеклянной полихромной бусины II–I вв. до н. э.

Массовый материал V–III вв. до н. э. был широко представлен фрагментами чернолаковых и простых красноглиняных, а также незначительным количеством фрагментов сероглиняных и лепных сосудов, костями животных. Всего было обнаружено более 1000 экземпляров костей

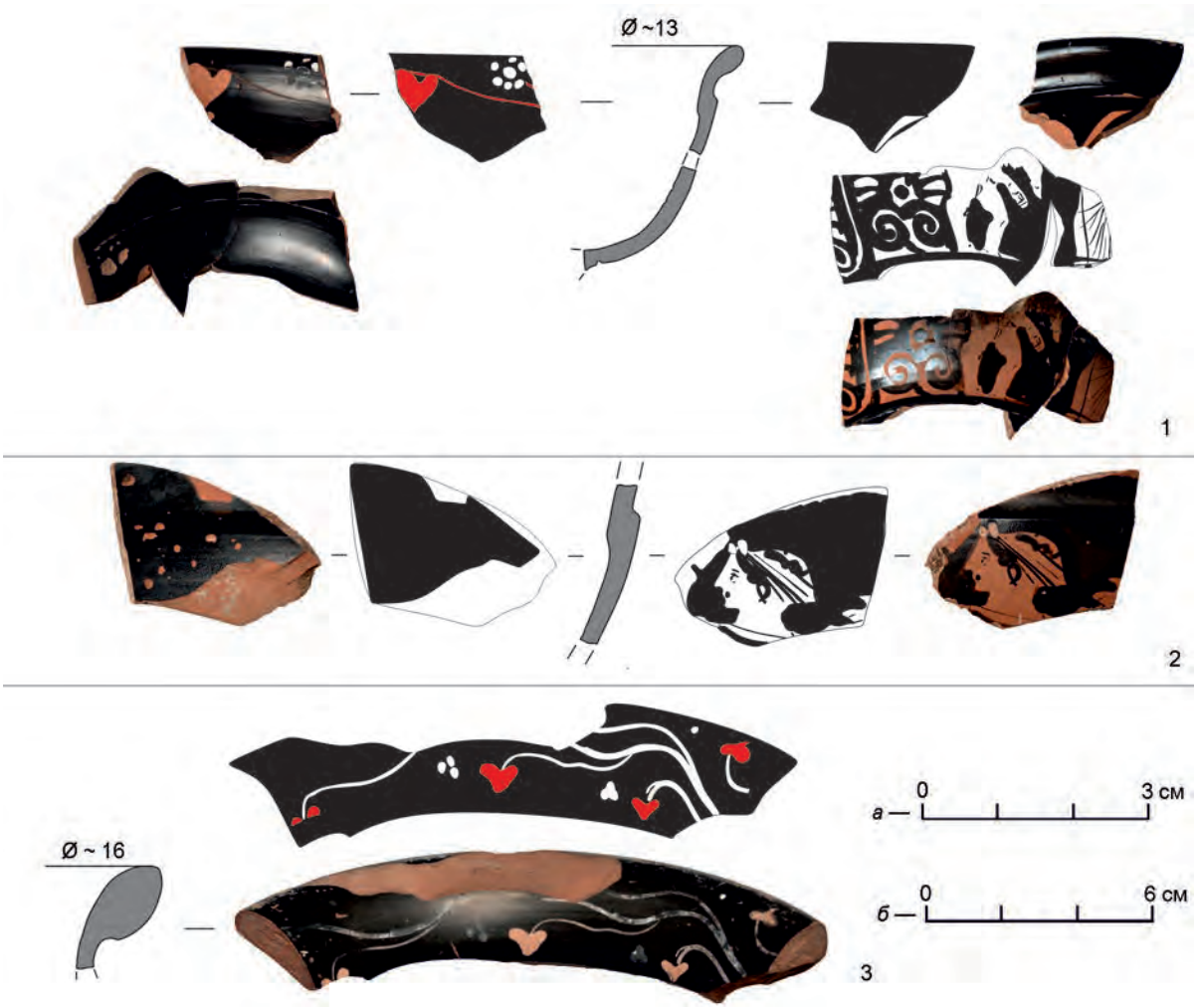


Рис. 9. Керамика IV в. до н. э.: *1* — фрагменты краснофигурного кубковидного скифоса; *2* — фрагмент стенки кубковидного скифоса; *3* — венчик глубокого краснофигурного килика. Масштаб: *а* — для 2, *б* — для *1, 3*

Fig. 9. Pottery of the 4th cen. BC: *1* — fragments of a red-figure cup-shaped skyphos; *2* — fragment of the wall of a cup-shaped skyphos; *3* — corolla of a deep red-figure kylix. Scale: *а* — for *2*, *б* — for *1, 3*

животных, более половины которых удалось идентифицировать[9]: 32 кости принадлежат лошадям, 145 — коровам, 30 — овцам, 27 — козам, 106 — овцам или козам, 49 — свиньям, 31 — собакам, 131 кость рыб и 5 — птиц.

Хронологические рамки раскопанного комплекса в целом соответствуют датам существования нимфейского городища. Территория юго-западного пригорода осваивается, согласно результатам раскопок, спустя некоторое время после основания колонии.

Исследованный хозяйственный участок функционировал на протяжении всей первой половины V в. до н. э. В середине V — начале IV в. до н. э. Нимфей переживает период расцвета, активизируются торговые контакты со многими греческими городами, что отразилось и в материалах исследованного участка, где прослеживается значительное увеличение находок амфор разных центров, аттических краснофигурных и чернолаковых сосудов, простой столовой керамики, терракотовых статуэток. В первой половине IV в. до н. э. Нимфей был присоединен к Боспорскому государству. Город подвергся разрушениям, но был вскоре восстановлен. Вероятно, с этими событиями связан тот факт, что многие хозяйственные ямы на исследованном участке перестали использоваться.

[9] Определение остеологического материала осуществлено заведующим лабораторией археологической технологии ИИМК РАН канд. ист. наук А. К. Каспаровым.

Это может свидетельствовать о том, что жители этой части пригорода Нимфея или погибли, или были вынуждены переселиться в другие места. Позднее жизнь здесь возобновилась, были возведены каменные постройки, функциональное назначение которых на данный момент определить сложно из-за небольшой площади исследований. Данный комплекс существовал до начала III в. до н. э. Следует отметить, что полученные результаты во многом совпадают с данными исследований 2005–2007 и 2021–2022 гг. на близлежащих участках (*Бейлин и др.*, 2023. С. 7, 8). Раскопанные в 2022 г. объекты, очевидно, относятся к неукрепленной части южной окраины Нимфея.

Бейлин и др., 2022 — *Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В., Куликов А. В., Гаврилов А. В.* Спасательные археологические исследования на нимфейском плато в 2021 году и вопросы водоснабжения античного Нимфея // История и археология Крыма. Вып. XVII: Сборник кратких сообщений по итогам полевого археологического сезона 2021 г. на Крымском полуострове / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Ариал, 2022. С. 38–44.

Бейлин и др., 2023 — *Бейлин Д. В., Куликов А. В., Рукавишникова И. В.* Южное предградье античного городища Нимфей: новые открытия // Археология и история Боспора. Вып. V: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Археология и история Боспора» (результаты новейших исследований памятников Боспорского царства) (10–13 августа 2022 г.). Симферополь: Антиква, 2023. С. 6–17.

Боровкова, 1999 — *Боровкова В. Н.* А. В. Новиков — городской голова, банкир, любитель и коллекционер древностей // Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: Деметра, 1999 (Древности Керчи; Вып. 4). С. 74–79.

Буйских, 2013 — *Буйских А. В.* Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев: Стародавний свит, 2013. 456 с.

Бутягин, Чистов, 2000 — *Бутягин А. М., Чистов Д. Е.* Факторы выделения античных святилищ VI–IV вв. до н. э. (по материалам боспорских городов) // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы тематической науч. конф. (С.-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. С. 62–67.

Вдовиченко, Жесткова, 2011 — *Вдовиченко И. И., Жесткова Г. И.* Расписная керамика Херсонеса Таврического (Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера) // Stratum plus. 2011. № 3: Рубежи ойкумены. С. 118–143.

Виноградов, 2012 — *Виноградов Ю. А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917). Симферополь; Керчь: Крымское отд-е Института востоковедения им. А. Е. Крымского; ЦАИ БФ «Деметра», 2012 (Боспорские исследования; Вып. 27). 368 с.

Виноградов, 2020 — *Виноградов Ю. А.* Очерки о Боспорских древностях А. В. Половцова // Боспорские исследования. 2020. Вып. XLI. С. 203–218.

Гайдукевич, 1940 — *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия и Тиритаки // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 300–317.

Горбунова, 1984 — *Горбунова К. С.* Миниатюрные панафинейские амфоры // Travaux du Centre d'archeologie mediterranenne de l'Academie Polonaise des science. Warszawa, 1984. T. 26, № 13. P. 112–118.

Грач, 1984 — *Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее (предварительное сообщение) // ВДИ. 1984. № 1. С. 81–98.

Грач, 1989 — *Грач Н. Л.* Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973–1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа: Сб. науч. трудов. Л.: Гос. Эрмитаж, 1989. С. 61–79.

Грач, 1999 — *Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с.

Денисова, 1981 — *Денисова В. И.* Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л.: Наука, 1981. 171 с.

Дюбрюкс, 2010 — *Дюбрюкс Поль* (1770–1835). Собрание сочинений. В 2 т. Сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Коло, 2010. Т. I. Тексты. 728 с. Т. II. Иллюстрации. 312 с.

Егорова, 2017 — *Егорова Т. В.* Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.: НП-Принт, 2017. 144 с., 39 табл.

Еремеева, 2020 — *Еремеева А. А.* Разведка на некрополе Нимфея // АО. 2018 год. М.: ИА РАН, 2020. С. 283–285.

Зинько, 1997 — *Зинько В. Н.* Охранные исследования некрополя Нимфея // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 67–75.

Кононов и др., 2020 — *Кононов В. Ю., Кононова С. А., Шарапа А. В.* Остатки гончарного производства конца V–IV вв. до н. э. в предградье Нимфея (по результатам раскопок 2017 г.) // Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века): Материалы междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб., ИПЦ СПбГУПТД, 2020. С. 201–208.

Монахов, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Киммерида; Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.

Неверов, 2006 — *Неверов О. Я.* Коллекция Керченских древностей А. В. Новикова // Боспорские исследования. 2006. Вып. XIII. С. 189–206.

Силантьева, 1959 — *Силантьева П. Ф.* Некрополь Нимфея // Некрополи Боспорских городов. М.: Наука, 1959 (МИА; № 69). С. 3–107.

Скуднова, 1961 — *Скуднова В. М.* Раскопки Нимфея в 1958 году // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 59–65.

Скуднова, 1964 — *Скуднова В. М.* Раскопки Нимфея в 1960 г. // Сборник Гос. Эрмитажа. 1964. Вып. XV. С. 59–62.

Соколова, 2014 — *Соколова О. Ю.* Нимфейская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (1939–2013 гг.) // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. СПб.: Славия, 2014. С. 154–166.

Соколова, 2016 — *Соколова О. Ю.* Охранные работы на некрополе Нимфея (2006–2009, 2012 гг.) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы круглого стола, посв. 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 136–141.

Соловьев, 2003 — *Соловьев С. Л.* Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея: итоги работ Керченской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа: 1992–1996 гг. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. 212 с.

Худяк, 1962 — *Худяк М. М.* Из истории Нимфея VI–III вв. до н. э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 112 с.

Шевченко, 2016 — *Шевченко А. В.* Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. 520 с.

Novoselova, Sokolova, 2024 — *Novoselova N. Yu., Sokolova O. Yu.* Archaeological Investigations of the State Hermitage Museum at the Site of Nymphaion in 2019 and 2021 // Hiperboreus. 2024. Vol. 30, fasc. 1. P. 73–80.

Olszaniec, 1995 — *Olszaniec W.* Źródła pisane do dziejów Nymfajonu. Zebrał i opracował // Archeologia. 1994. Vol. XLV. Warszawa, 1995. S. 79–89.

Sezgin, 2004 — *Sezgin Y.* Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries. Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony // Eds. A. Moustaka, E. Skarlatidou, M.-C. Trannes, Y. Ersoy. Thessaloniki, 2004. P. 169–184.

Sparkes, 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Princeton, New Jersey, 1970 (The Athenian Agora; XII). 472 p.

General results of research in the area of the south-western suburb of Nympheum in 2022

A. A. Suprenkov, O. Yu. Sokolova, S. N. Prokopenko[10]

Keywords: Greek colonisation, Nymphaeum, Archaic and Classical periods, 4th–3rd cen. BC, rescue archaeological excavations

The article is devoted to the works on the territory of the suburb of Nymphaeum, a Greek colony on the western coast of the Kerch Strait. This city is known from the reports of ancient authors and is well studied archaeologically. At present, its south-western suburb is subject to private development, which makes it necessary to carry out conservation and rescue work here. As a result of excavations carried out in 2022, an area of 125 sq. m was investigated, revealing several dozen archaeological sites. The chronological framework of the investigated complex are the 2nd half of the 6th — the turn of the 4th–3rd cen. BC with the predominance of finds of the 5th — the 1st half of the 4th cen. BC.

[10] Alexander A. Suprenkov — Institute of Archeology of Crimea RAS; Simferopol, Republic of Crimea; e-mail: suprenkov@mail.ru. Olga Yu. Sokolova — The State Hermitage Museum; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: oyusokol@mail.ru. Sergey N. Prokopenko — Belgorod State National Research University; Belgorod, Russia; e-mail: sprokopenko@bsuedu.ru.

Клыки животных в погребениях варварского населения Крыма II в. до н. э. — III в. н. э.[1]

А. А. Труфанов[2]

Аннотация. *В статье рассматриваются клыки животных, использовавшиеся в качестве амулетов, выявленные в захоронениях варварского населения Крыма II в. до н. э. — III в. н. э. Бóльшая часть учтенных находок состоит из кабаньих клыков, меньшая — представлена клыками животных семейства псовых.*

Ключевые слова: *Крым, варварские могильники, клыки животных, кабаньи клыки.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-108-120

Клыки животных в варварских захоронениях Крыма раннего железного века находят нечасто, но такие находки имеются. Их картографирование и уточнение хронологии с учетом археологического контекста могут способствовать изучению материальной культуры варварского населения Крыма в ее эволюции и трансформации.

Основную часть выборки составляют клыки кабанов. Клыки этих животных как отдельная категория находок становились объектом специального исследования, если использовались в качестве материала для поделок. Опубликованы изделия из кабаньих клыков из Поднепровья, которые служили «уздечными подвесками либо украшениями ножен меча» и бытовали «в конце VI — первой половине V в. н. э.» (*Яковенко*, 1969. С. 201–204). Подобные им известны и в Крыму (*Колтухов, Сенаторов*, 2016. С. 90, 91, рис. 30, *1–3*), и на Северном Кавказе (*Очир-Горяева*, 1988. С. 222, 223). Клыки без резного декора особого интереса не вызывали, но сами находки, разумеется, фиксировались.

Кабанов, обитающих в Европе и прилегающей части Азии, относят к виду *Sus scrofa* (Linnaeus, 1758). Челюсти зверя снабжены двумя парами загнутых клыков. У самок они растут до 4–5 лет и значительно менее развиты, чем у самцов, у которых они растут быстрее и в течение почти всей жизни. У самок нижние клыки трехгранно-округлые, верхние — плоские. Нижние клыки самцов трехгранные и намного длиннее верхних, круглых в сечении (*Козло*, 1975. С. 77). К 5–7 годам они «торчат в стороны, как ножи», отчего самцов этого возраста охотники зовут секачами. После 6–7 лет их клыки «начинают круто загибаться серпом», поэтому «удар старого кабана» представляет меньшую опасность (*Кавернзев*, 1932. С. 3, 6, 7). Самец вырастает в длину до 1,25–1,75 м при высоте в холке 0,8–1,0 м, имея вес 150–200 кг (*Флинт и др.*, 1965. С. 202, 204), но зарегистрированы и более крупные экземпляры (*Козло*, 1975. С. 11).

С давних пор человека, как правило, интересовали нижние пары кабаньих клыков, что связано с их более крупными размерами (*Скоробогатов*, 2020. С. 11). Во многих европейских культурах неолита и энеолита «от Атлантики до Поволжья» из них делали декоративные пластины, а также использовали цельными, просверливая отверстия (*Малютина и др.*, 2024. С. 80, рис. 1, *40;* 2, *10*). Такие подвески, считающиеся «предметами социальной символики», порой попадали и в погребения (*Манзура*, 2000. С. 265), «подчеркивая особый социальный статус владельца» (*Скоробогатов*, 2020. С. 11–13, 21). Даты этих погребальных комплексов в основном укладываются в интервал от второй половины VI до первой половины V тыс. до н. э. (*Там же*. С. 19, 20).

[1] Статья подготовлена в рамках НИР по теме «Варварские сообщества Крыма в раннем железном веке: эволюция и трансформация» (№ НИОКТР 124102500891-7).

[2] Институт археологии Крыма РАН; Симферополь, Республика Крым; e-mail: trufanov.a67@mail.ru.

© Труфанов А. А., 2025

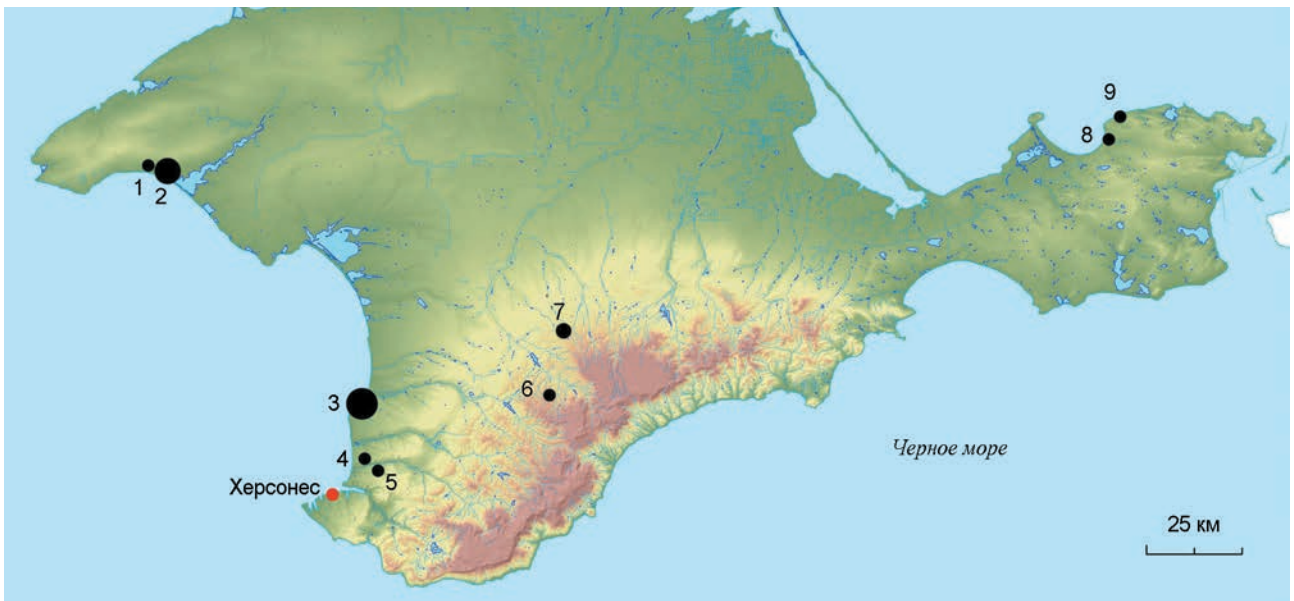


Рис. 1. Пункты обнаружения клыков животных в захоронениях II в. до н. э. — III в. н. э. на Крымском полуострове: *1* — Кульчук; *2* — Беляус; *3* — Усть-Альма; *4* — Бельбек IV; *5* — Бельбек I; *6* — Тавель; *7* — Опушки; *8* — Золотое; *9* — Сююрташ

Fig. 1. Detection points of animal tusks in burials of the 2nd cen. BC — 3rd cen. AD in the Crimean Peninsula: *1* — Kulchuk; *2* — Belyaus; *3* — Ust-Alma; *4* — Belbek IV; *5* — Belbek I; *6* — Tavel; *7* — Opushki; *8* — Zolotoye; *9* — Syuyurtash

Высказано предположение о том, что некоторые подвески эпохи неолита из зубов животных, причисляемые к «украшениям» или «подвескам-оберегам», в действительности могли являться долговременно использовавшимися (и потому носившимися в виде подвесок) «орнаментирами» для декорирования керамики (*Костылева, Калинина*, 2002. С. 248). Вряд ли то же самое можно обоснованно сказать о кабаньих клыках из погребений раннего железного века, и все же упомянутое предположение не следует безоговорочно сбрасывать со счетов.

На территории Северного Причерноморья в скифское время из клыков делали резные поделки (*Яковенко*, 1969. С. 201–204). Их могли использовать для заглаживания поверхности и орнаментации лепной посуды. Вместе с тем цельный, почти не обработанный (если не считать просверленного отверстия) кабаний клык, найденный в захоронении, обычно воспринимается не как орудие труда или простое украшение, а как предмет, наделявшийся магическими свойствами, выполнявший функцию талисмана или оберега.

Опубликованы сведения о находках кабаньих клыков в скифских комплексах: в мужских захоронениях «архаического и позднеархаического времени» Нижнего и Среднего Приднепровья (*Ильинская*, 1968. С. 160; *Мурзин*, 1984. С. 15, рис. 3, *3*), в женских и детском погребениях середины IV — III в. до н. э. Северо-Западного Причерноморья (от Нижнего Дуная до Буго-Днестровского междуречья) (*Синика, Тельнов*, 2018. С. 237, 259, рис. 8, *4*).

Такие клыки продолжали попадать в причерноморские захоронения и позже. Относительно много их в Прикубанье: упоминается о семи клыках в погребении первой половины I в. н. э. из кургана у ст. Ярославской (*Гущина, Засецкая*, 1989. С. 79, 88, 93, табл. I, *10*; 1994. С. 21), такие же клыки (9 экз.) выявлены в погребениях I–II вв. н. э. «Золотого кладбища»: в курганах у ст. Некрасовской и ст. Тифлисской (*Гущина, Засецкая*, 1994. С. 21, 61, 74, 76, табл. 34, *318*; 51, *507*; 54, *531, 533*). К более поздним комплексам относится позднесарматское женское захоронение в кургане 5 в Северном Приазовье, в котором найдены два клыка (*Шепко*, 1987. С. 163, рис. 4, *21*). Погребения с кабаньими клыками известны и за пределами очерченного ареала: таково «солдатское» захоронение представителя местного романизированного населения из могильника римского времени у г. Виминациум (Нижняя Мезия) (*Mrdić, Raićkobić*, 2013. P. 120, fig. 13, *4*).

Кабаньи клыки выявлены и в ряде захоронений варварского населения Крыма, относящихся к последним векам до н. э. — первым векам н. э. (рис. 1).

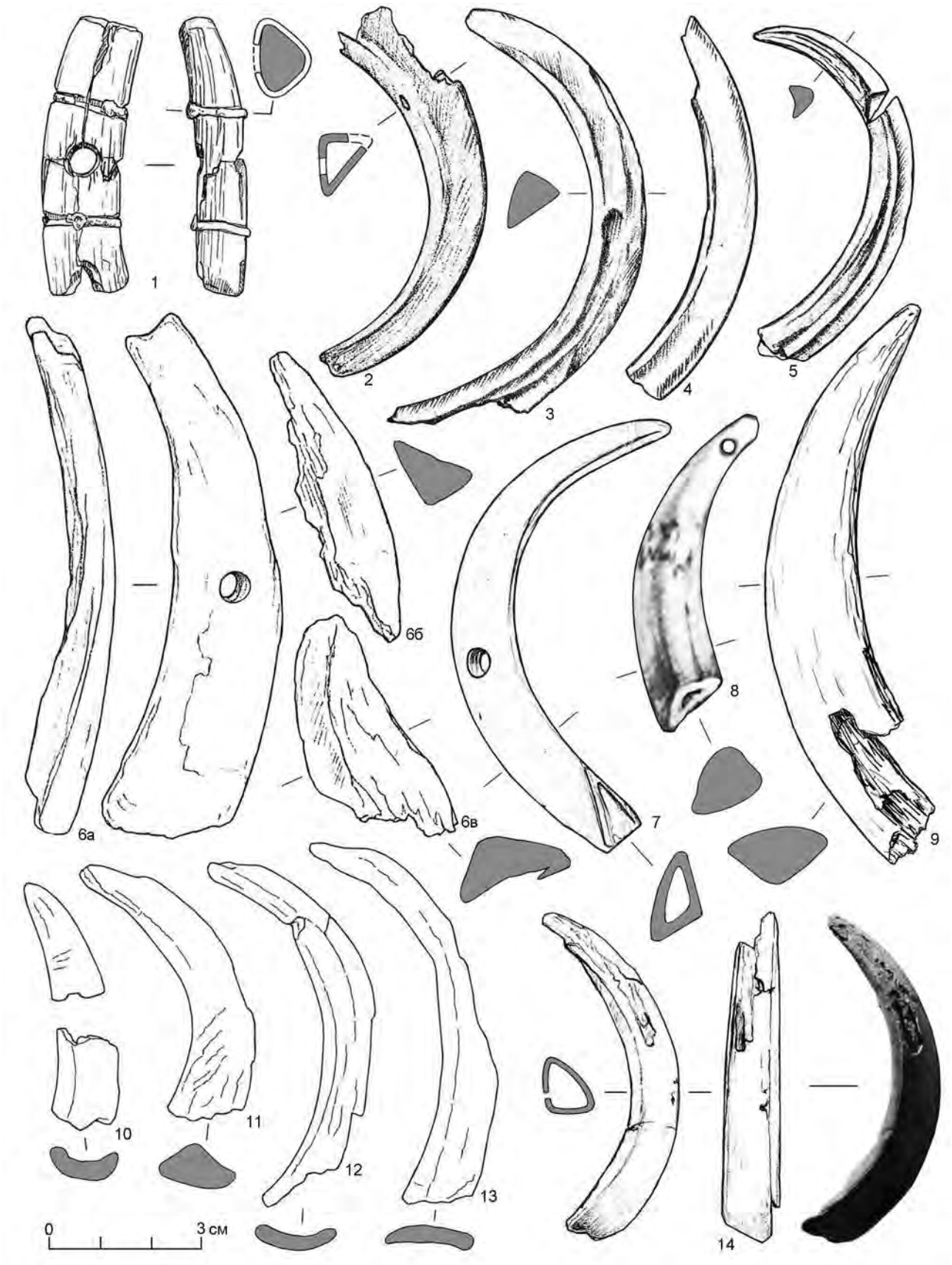

1
2
3
4
5
6а
6б
6в
7
8
9
10
11
12
13
14
0
3 см

Рис. 2. Кабаньи клыки из Усть-Альминского некрополя: *1* — могила 678; *2–5* — склеп 348 (*2* — погр. 40; *3* — погр. 21; *4* — погр. 58; *5* — погр. 15); *6а–6в* — могила 403 (погр. 1); *7* — склеп 438 (погр. 3); *8* — могила 182 (погр. 2); *9* — склеп 853; *10–13* — склеп 736; *14* — могила 1228

Fig. 2. Boar tusks from the Ust-Alma necropolis: *1* — grave 678; *2–5* — crypt 348 (*2* — burial 40; *3* — burial 21; *4* — burial 58; *5* — burial 15); *6а–6в* — grave 403 (burial 1); *7* — crypt 438 (burial 3); *8* — grave 182 (burial 2); *9* — crypt 853; *10–13* — crypt 736; *14* — grave 1228

Наибольшее их количество зарегистрировано *в Усть-Альминском некрополе*: учтено 14 экземпляров из восьми погребальных сооружений этого памятника (рис. 2, *1–14*). Перечислим их.

Могила 182 (погребение 2). Захоронение принадлежало ребенку или подростку (длина скелета 1,2 м), вероятно, девочке (судя по бусам в области шеи и на запястьях) (*Высотская*, 1980. С. 20, 21). Просверленный клык (рис. 2, *8*) лежал у локтя правой руки вместе с подвесками из гальки, железистой конкрецией и зеркалом-подвеской. Дата комплекса определяется в пределах последней четверти / конца I — первой половины II в. н. э., основанием для чего являются зеркало с боковой петлей (вариант 3-А) (*Труфанов*, 2007. С. 176) и фрагмент краснолаковой тарелки с вертикальным бортиком формы 3.1.1 (*Журавлев*, 2010. С. 44).

Склеп 348. В погребальной камере выявлены останки 58 погребений, из которых четыре (погребения 15, 21, 40 и 58) сопровождались кабаньими клыками (4 экз.) (рис. 2, *2–5*). Это один из двух зафиксированных на территории Усть-Альминского некрополя пунктов концентрации нескольких погребений с клыками в одном погребальном сооружении (второй — склеп 736).

Погребение 15, женское. Клык (рис. 2, 5) лежал у кисти левой руки вместе с браслетом, кольцом с выступами, дисковидным зеркалом, колокольчиками и фибулой. По наличию браслета с зооморфными окончаниями (тип VIII-Б) (*Труфанов*, 2001. С. 77, рис. 2) и лучковой фибулы 3-го варианта (*Амброз*, 1966. С. 49, 50) дата погребения определяется в границах конца I — первой половины II в. н. э.

Погребение 21, женское (судя по наличию бус и зеркала). Клык (рис. 2, *3*) лежал в области бедренных костей вместе с иными предметами (кольцом с выступами, обломоком ригеля от шкатулки и т. д.). Дата: конец I — первая половина II в. н. э.

Погребение 40 сохранилось частично. Просверленный клык (рис. 2, *2*) лежал у руки рядом с фрагментами колец с выступами, браслетом и перстнем. Дата: вторая половина I — первая половина II в. н. э.

Погребение 58, женское (судя по бусам и зеркалу), являлось одним из самых ранних в склепе. Клык (рис. 2, *4*) лежал возле кисти левой руки вместе с другими мелкими предметами (кольцом с выступами, бусинами, перстенем). Дата: вторая половина I в. н. э.

Могила 403 (погребение 1). В могиле одно над другим были совершены четыре погребения. Кабаний клык с отверстием, найденный во фрагментах (рис. 2, *6а–6в*), соотнесен с верхним погребением 1, принадлежавшим женщине 25–35 лет, он лежал у ее правого колена. С этим же погребением связаны лучковая фибула II в. н. э. (серия II, вариант 3) (*Кропотов*, 2010. С. 132, 141) и краснолаковый кувшин конца I — II в. н. э. (тип 6) (*Труфанов*, 2009. С. 177, рис. 32, *2–6*; 33, *5*), а предшествующее погребение 2 сопровождалось зеркалом-подвеской II — первой половины III в. н. э. Все это позволяет считать, что клык попал в могилу во II в. н. э.

Склеп 438 (погребение 3). Клык с просверленным отверстием (рис. 2, *7*) относился к погребению женщины 18–20 лет, располагаясь у ее правого колена вместе с другими подвесками и пронизями. Дату погребения определяют: фибула со спиральным завитком на конце приемника, подобные которой (группа 8, серия I, форма 3) характерны для второй половины I — начала II в. н. э., но встречаются и в более поздних комплексах (*Кропотов*, 2010. С. 185), а также браслет с окончаниями в виде форме змеиных голов II в. н. э. (тип VI-А) (*Труфанов*, 2001. С. 76). На основании этих находок захоронение может быть отнесено к первой половине II в. н. э.

Могила 678. Подвеска из кабаньего клыка (рис. 2, *1*) сопровождала детское погребение, которое, судя по размерам скелета, а также серьгам у черепа и бусам на груди и запястьях, принадлежало девочке 5–7 лет. Подвеска, располагавшаяся у правого плеча, представляет собой изделие из средней части клыка с обоймами из бронзовой проволоки. В публикации погребение было датировано второй половиной I — первой половиной II в. н. э. (*Пуздровский и др.*, 2021. С. 190, рис. 127), но если опираться в предположениях о его дате на присутствие бусин некоторых ранних типов, то нельзя исключать и первую половину I в. н. э.

Склеп 736. В разграбленном склепе найдены фрагменты четырех кабаньих клыков (рис. 2, *10–13*), но не исключено, что два фрагмента (рис. 2, *12, 13*) являются обломками одного зуба. Для Усть-Альмы это второй пункт обнаружения нескольких кабаньих клыков в одном погребальном сооружении. Но если в склепе 348 такие находки относились к разным погребениям, то о склепе 736 что-либо определенное в этом отношении сказать нельзя. Время функционирования склепа: конец I — II в. н. э. (*Пуздровский, Труфанов*, 2017а. С. 11).

Склеп 853. В склепе находилось одно из самых богатых женских погребений Усть-Альминского некрополя, сопровождавшееся золотыми украшениями и множеством иных престижных вещей. Клык (рис. 2, *9*) лежал среди скопления предметов (колец с выступами, бус, подвесок, колокольчиков, фрагментов каменных молотков, раковин-окаменелостей) с внешней стороны от голени левой ноги умершей. Дата комплекса: последняя треть I в. н. э. (*Пуздровский, Труфанов*, 2017б. С. 25, рис. 57, *9*).

Могила 1228. Здесь находились останки двух детских погребений, располагавшихся одно поверх другого, головами в противоположные стороны. Кабаний клык (рис. 2, *14*) вместе с иными мелкими предметами (кольцами с выступами, гагатовой пронизью, костяной подвеской и бронзовой пластиной) лежал у правого бедра верхнего погребения 1 и, соответственно, у левого колена нижнего погребения 2. Дата захоронений определяется в пределах последней трети I — первой трети II в. н. э., основанием для чего являются две фибулы с завитками на конце приемников (группа 8, серия I): с S-видным (форма 2) и спиральным (форма 3) (*Кропотов*, 2010. С. 185), а также краснолаковые сосуды: кувшин (тип 13-1) (*Труфанов*, 2009. С. 186) и две тарелки с клеймами planta pedis.

Время совершения большинства усть-альминских погребений с кабаньими клыками ограничено второй половиной I — первой половиной II в. н. э. Захоронение из могилы 403 датируется II в. н. э. Столь же широкая датировка, включающая весь II в. н. э., может быть принята в отношении склепа 736, но поскольку этот склеп был разграблен, а вещи в нем перемешаны, то нельзя исключать, что и здесь захоронения с клыками были совершены до середины II столетия. Половозрастная принадлежность погребений в склепе 736 не установлена. Прочие клыки (10 экз.) распределяются так: шесть экземпляров выявлены в захоронениях женщин (возраст двух умерших: 18–20 и 25–35 лет), один экземпляр связан с погребением взрослого человека, пол которого не установлен, один экземпляр обнаружен в погребении девочки-подростка и два экземпляра найдены в погребениях детей 5–7 лет, вероятно, тоже девочек.

Аналогичные находки из других варварских могильников Крыма дают больший разброс датировок.

В *некрополе Беляуса* по одному кабаньему клыку с просверленными отверстиями найдено в заполнении конской могилы 37 конца II — начала I в. до н. э. (рис. 3, *1*) и в склепе 40 среди вещей, относящихся к захоронениям конца II — середины I в. до н. э. (рис. 3, *2*) (*Дашевская*, 2014. С. 33, табл. 72, *19*; 141, *2*).

В *Кульчукском некрополе* клык с отверстием (рис. 3, *3*) найден в разрушенном, вероятно, женском погребении (могиле 1), отнесенном к концу II — I в. до н. э. (*Дашевская, Голенцов*, 1982. С. 94, 95, рис. 3, *12*).

Два клыка с отверстиями обнаружены в склепе 3 *могильника Опушки* среди останков двух захоронений I в. н. э. (38 и 39), возможно, совершенных до середины столетия. Одна из находок (рис. 3, *4*) связывается с женским (судя по серьгам) погребением 38, а расположение второй (рис. 3, *5*) допускает отнесение ее как к этому же погребению, так и к другому (*Храпунов и др.*, 2023. С. 182, 217, рис. 14, *7, 14*).

По одному просверленному клыку найдено в могилах 75 и 169 *некрополя Бельбек IV* (рис. 3, *6, 7*) с женскими погребениями первой половины II в. н. э. В публикации погребение 75 с херсонесским тетрассарием 96 г. н. э. датировано первой четвертью II в. н. э., а погребение 169 отнесено к первой половине II в. н. э. (*Гущина, Журавлев*, 2016. Ч. 1. С. 102, 103, 134, 155; Ч. 2. Табл. 45, *24*; 107, *9*).

К более позднему времени относится захоронение, выявленное в *могильнике Бельбек I*. Здесь кабаний клык «со следами обработки» (рис. 3, *8*) найден в могиле 17 с захоронением ребенка, отнесенной авторами публикации к середине — третьей четверти III в. н. э. (*Журавлев и др.*, 2021. С. 74, 78, рис. 44, *3*).

Суммируя приведенные сведения, можно заключить, что из общего количества учтенных кабаньих клыков (22 экз.) три экземпляра найдены в погребальных сооружениях конца II — I в. до н. э., два экземпляра выявлены в захоронениях I в. н. э. (возможно, совершенных в первой половине века), 11 экземпляров происходят из погребений второй половины I — первой половины II в. н. э. и пять — из комплексов, датируемых

Рис. 3. Кабаньи клыки из могильников варварского населения Крыма: некрополь Беляуса: *1* — конская могила 37; *2* — склеп 40; Кульчукский некрополь: *3* — могила 1; могильник Опушки: *4, 5* — склеп 3; некрополь Бельбек IV: *6* — могила 75; *7* — могила 169; некрополь Бельбек I: *8* — могила 17

Fig. 3. Boar tusks from the burial grounds of the barbarian population of the Crimea: Belyaus necropolis: *1* — horse grave 37; *2* — crypt 40; Kulchuk necropolis: *3* — grave 1; Opushki burial ground: *4, 5* — crypt 3; Belbek IV necropolis: *6* — grave 75; *7* — grave 169; Belbek I necropolis: *8* — grave 17

[*2 — Дашевская*, 2014. Табл. 72, *19*; 141, *2*; *3 — Дашевская, Голенцов*, 1982. Рис. 3, *12*; *4, 5 — Храпунов и др.*, 2023. Рис. 14, *7, 14*; *7 — Гущина, Журавлев*, 2016. Ч. 2. Табл. 45, *24*; 107, *9*; *8 — Журавлев и др.*, 2021. Рис. 44, *3*]

в пределах II в. н. э. в целом. Среди перечисленных находок нет случаев обнаружения кабаньего клыка в комплексах, которые можно было бы обоснованно датировать позже середины II в. н. э., и только подвеска (1 экз.) из Бельбека I дает более позднюю дату.

Различаются три разновидности находок: 1) клыки без отверстия; 2) клыки со сквозным отверстием; 3) изделия сложной конструкции. К последним относится изделие из могилы 678 с проволочными обоймами (рис. 2, *1*): от клыка отпилили концы, оставив только среднюю часть, в центре просверлили отверстие, а по бокам пропилили желобки для стягивающих обойм из бронзовой проволоки. В серии крымских находок аналогов такому обращению с кабаньим клыком не имеется. Однако следует упомянуть клык с бронзовой обоймой, найденный в одном из погребений «Золотого кладбища» в Прикубанье (*Гущина, Засецкая*, 1994. Табл. 51, *507*).

Кабаньи клыки из Усть-Альминского некрополя А. Е. Пуздровский, более двух десятилетий исследовавший этот памятник, обозначил в своей монографии как «амулеты» и «апотропеи», упомянув аналогии из Прикубанья, сарматских могил Приазовья и некрополя Херсонеса первых веков н. э. (*Пуздровский*, 2007. С. 162, 163, рис. 147, *1–6, 9*). Такое определение, пожалуй, остается лучшим из возможных объяснений присутствия кабаньих клыков в захоронениях. Как правило, их местоположение в могиле — рядом с кистью руки, с внешней стороны бедра или у колена среди других предметов, относимых к категории амулетов. Исключение представляет собой упомянутая подвеска сложной конструкции из могилы 678 (рис. 2, *1*), располагавшаяся у плеча погребенной девочки.

Во всех случаях, когда находку удавалось связать с конкретным погребением, кабаний клык присутствовал в составе вещевого набора в одном экземпляре. Это касается даже богатого захоронения женщины в склепе 853 (*Пуздровский, Труфанов*, 2017б. С. 25, рис. 57, *9*), сопровождавшегося не только множеством золотых украшений, но и внушительным набором загадочных предметов, назначение которых иначе чем связью с областью магии не определишь. Если среди всех окаменелостей, обломков каменных молотков, фигурных пронизей, бусин и бронзовых предметов нашлось место только одному клыку (рис. 2, *9*), значит, большего и не требовалось.

Примечательно сосредоточение нескольких клыков в двух погребальных сооружениях Усть-Альмы: в склепах 348 и 736 (по 4 экз. в каждом). В склепе 348 клыки относились к разным погребениям, и можно говорить лишь о необычно высокой их концентрации. Обращает на себя внимание и склеп 3 (Опушки), в котором найдены два клыка-подвески (*Храпунов и др.*, 2023. С. 182, рис. 14, *7, 14*). В склепе 736 вещи и костные останки были перемешаны при ограблении, так что разделить их на комплексы оказалось невозможно, но, принимая во внимание контекст остальных находок, можно предположить, что и здесь каждый из клыков относился к отдельному погребению.

Кости кабана обычны для памятников Северного Причерноморья раннего железного века, из чего можно заключить, что кабан обитал здесь и в те времена, и охота на него велась повсеместно. В Неаполе скифском в слоях римского времени его кости преобладают над костями прочих диких животных, такую же ведущую позицию они занимают и в остеологических материалах Боспора (*Цалкин*, 1960. С. 74, 85, 87, 90, 104). Кости кабана присутствовали в склепе 74 Восточного могильника Неаполя, функционировавшем «с I в. до н. э. до II в. н. э.» (*Сымонович*, 1983. С. 51, 52). Сведения о подобных находках из других варварских памятников Крыма в публикациях отсутствуют, за исключением сообщения о костях кабана, относящихся к одной особи, найденных на поселении II–IV вв. н. э. в Барабановской балке (*Храпунов*, 2016. С. 35).

Находки кабаньих клыков «особенно интересны […] в свете популярности изображений охоты на вепря в позднескифском и сарматском искусстве», проявившемся, в частности, в настенной росписи вырубного скального склепа 9 Неаполя скифского (*Пуздровский*, 2007. С. 163). На стенке Неапольского склепа изображен кабан, на которого с двух сторон нападают две собаки, поодаль нарисован всадник на лощади, держащий в руке копье острием вверх (рис. 4, *3*) (*Бабенчиков*, 1957. Рис. 13; 14), однако неясно, является ли он частью этой же композиции. Статичная поза всадника и то, что его лошадь изображена бредущей медленным шагом, заставляют сомневаться в том, что это охотник, принимающий участие в травле животного, но отрицать такую возможность тоже нельзя.

Сцены охоты на кабана выгравированы на серебряном сосуде с ручками в виде кабаньих фигурок из сарматского погребения 1 могильника у с. Косика (Нижнее Поволжье) (рис. 4, *1а–1в*), относимого ко времени, близкому к середине I в. н. э.

(*Дворниченко, Федоров-Давыдов*, 1993. С. 148, 150, 178, рис. 5; *Яценко*, 2000. Рис. 1, *а*). Следует также упомянуть изображение верховой охоты на кабана на серебряном сосуде из кургана у пос. Вербовский (Волгоградская обл.) (рис. 1, *2а–2в*) (*Мордвинцева, Хабарова*, 2006. С. 89, рис. 12–14).

В контексте этих сцен кабаний клык воспринимается как охотничий трофей, свидетельствующий о проявленной доблести. В отличие от охоты на других зверей, охота на кабана являлась действительно опасной и могла закончиться для охотника увечьем и даже смертью. Здесь было место для проявления не только умения, но и личной храбрости. Впрочем, в сценах охоты, изображенных на сосуде из Косики, С. А. Яценко усматривает параллели с сюжетом «волшебной охоты» в искусстве ранних индоиранцев, в которой «в обличье кабана выступает демон», а также в нартском эпосе, где в эпизоде о подвигах Сослана кабан — тоже сущность демоническая (*Яценко*, 2000. С. 99, 100, рис. 1). В такой интерпретации охотничья сцена предстает иллюстрацией мифологического сюжета, наполненной мифоэпическим смыслом.

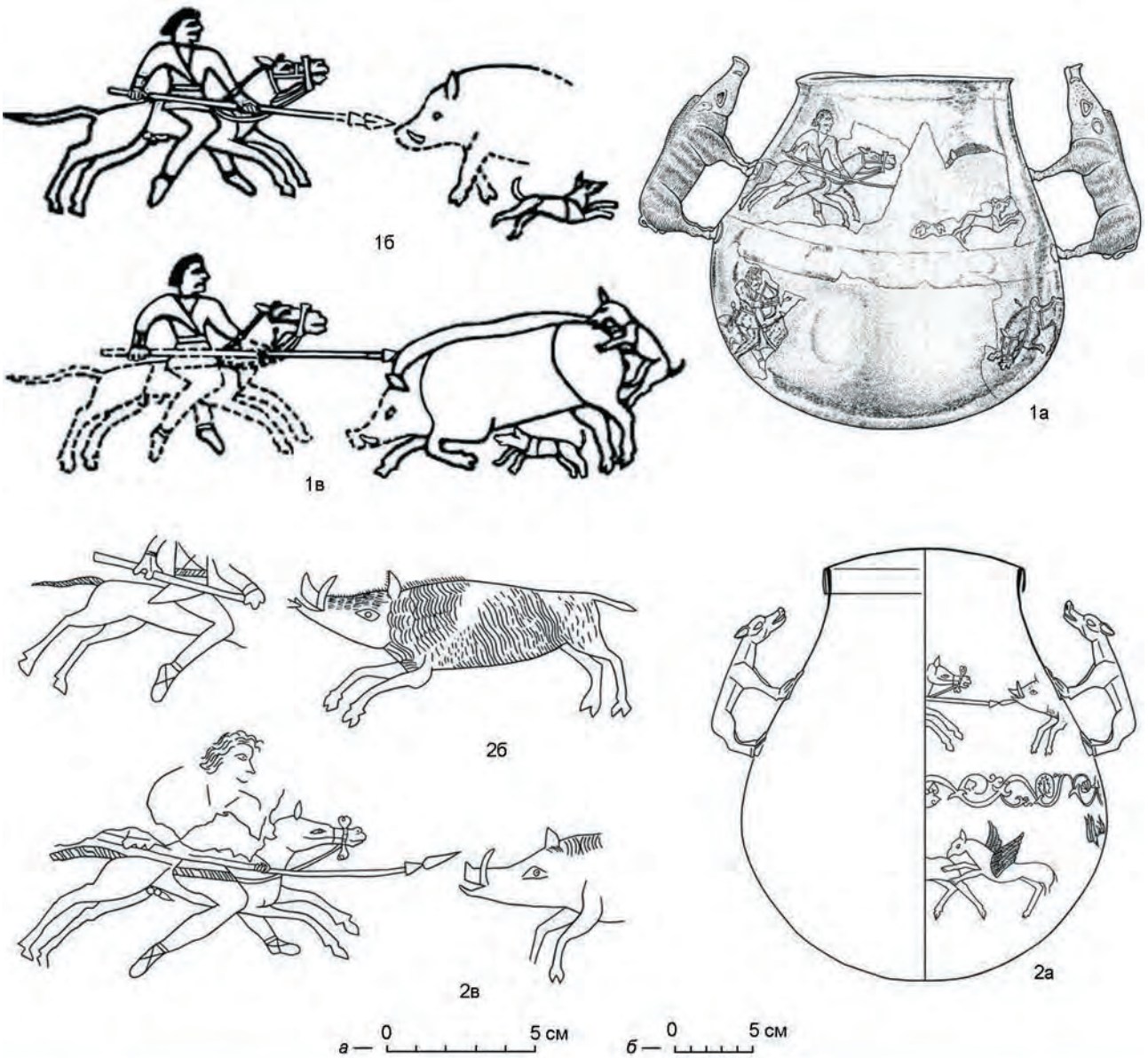
По мнению А. В. Вертиенко, «семантика подобных композиций может быть истолкована через ряд индоевропейских нарративных параллелей». Перечисляя их, она приводит сведения о том, что в Яштах вепрь является одной из инкарнаций божества победы Веретрагны, в Ригведе Индра убивает кабана Эмуша, а в нартском эпосе Батраз сражается с волшебным кабаном (*Вертиенко*, 2014. С. 272, 274).

Если же делать выводы только на основании того, что видишь, то из упомянутых изображений можно уяснить, что охота на кабана была верховой и что порой она проводилась при содействии собак. Охотничьим оружием при этом служило копье длиной чуть больше роста человека, которое использовали для ближнего поражения цели, держа обеими руками. Применение всадником именно копья выглядит целесообразным и даже оптимальным: оно обладает повышенной проникающей способностью, тогда как поражающей силы лука со стрелами могло оказаться недостаточно для быстрого умерщвления несущегося навстречу зверя. Об эффективности такого оружия свидетельствует тот факт, что даже в середине XIX в. охотники, уже обладая огнестрельным оружием, чаще, чем ружье, применяли «примитивную рогатину», которая «представляла часто военный штык, привязанный к палке» (*Каверзнев*, 1932. С. 35–37).

Помимо этих очевидных наблюдений обращает на себя внимание героизация всего изображаемого мероприятия. Охотник не просто добывает пропитание, а вступает в противоборство с мощным, преувеличенно крупным зверем и делает это, можно сказать, один на один, если не считать коня и собак. В реальности коллективная охота на кабана является более продуктивной. Для этого могли организовывать экспедиции в места обитания животных, но порой вообще не нужно было далеко ходить. Известно, что помимо природных источников питания кабанов привлекают и возделываемые человеком поля с посевами злаковых (*Там же*. С. 12, 14), и можно не сомневаться в том, что так было и раньше, так что охота на этих зверей могла отчасти иметь и характер борьбы с вредителями.

Было бы естественным предположить, что кабаний клык, применяемый в качестве амулета, в рамках магического мышления передавал его обладателю свойства вепря: силу, быстроту и бесстрашие. Такой амулет уместно выглядел бы среди предметов мужского убора. Однако почти все учтенные находки, выявленные в захоронениях варварского населения Крыма, происходят из погребений женщин и детей. Фактически нет ни одного случая нахождения кабаньего клыка в погребении, которое уверенно определялось бы как мужское. И если амулет, наделяющий своего владельца силой и бесстрашием, еще можно представить среди благопожелательных предметов, носимых детьми мужского пола, то в наборе женских вещей он кажется не вполне уместным. И, тем не менее, такие клыки присутствуют именно в погребениях женщин и девочек. Их немногочисленность, вероятно, объясняется тем, что, в отличие от бронзовых амулетов-подвесок, которые при наличии металла для их отливки можно производить непрерывно и почти в неограниченном количестве, кабаньи клыки надо было добыть, а это происходило лишь от случая к случаю.

Помимо легко узнаваемых из-за специфической формы и размеров клыков кабанов-самцов в крымские захоронения раннего железного века иногда попадали и клыки других зверей. В публикациях они обычно обозначаются как клыки собаки или зубы хищных животных. Однако ввиду того что крупными хищниками Крыма являются только представители семейства псовых — сопутствующие человеку собаки (*Canis lupus familiaris* (Linnaeus, 1758)) и периодически то появляющиеся, то исчезающие с территории полуострова евразийские волки (*Canis lupus lupus* (Linnaeus, 1758)), иные варианты определения маловероятны.


1б
1в
1а
2б
2в
2а
а — 0 5 см
б — 0 5 см

3
МАСШТАБ
50 см.
25
0
0.5 м.

Рис. 4. Изображения сцен охоты на кабанов: *1а–1в* — серебряный сосуд из погребения у с. Косика; *2а–2в* — серебряный сосуд из кургана у пос. Вербовский; *3* — изображение на стене скального склепа 9 Неаполя скифского (фрагмент рисунка О. И. Домбровского). Масштаб: *а* — для *1б, 1в, 2б, 2в*; *б* — для *1а, 2а*

Fig. 4. Images of wild boar hunting scenes: *1а–1в* —a silver vessel from a burial near Kosika village; *2а–2в* — a silver vessel from a barrow near Verbovsky settlement; *3* — an image on the wall of the rocky crypt 9 of Scythian Neapolis (a fragment of a drawing by O. I. Dombrovsky). Scale: *а* — for *1б, 1в, 2б, 2в*; *б* — for *1а, 2а*

[*1а — Дворниченко, Федоров-Давыдов*, 1993. Рис. 5; *1б, 1в — Яценко*, 2000. Рис. 1, *а*; *2а–2в — Мордвинцева, Хабарова*, 2006. Рис. 12–14; *3* — НА ИАК РАН. Ф. Х-1. Оп. 2. Д. 53. Л. 7]

В Крыму собачьи/волчьи клыки (порой по несколько экземпляров) с просверленными отверстиями встречаются уже в ямных (*Щепинский, Черепанова*, 1969. С. 245, 246, рис. 95, *8, 9*) и катакомбных (*Копьева*, 2021. Рис. 28, *7*; 39, *14*; 66, *14*) захоронениях эпохи бронзы. Аналогичные находки в виде единичных экземпляров выявлены в скифских погребениях IV–III вв. до н. э. в курганах Восточного Крыма (*Яковенко и др.*, 1970. С. 144, 165).

В захоронения II в. до н. э. — III в. н. э. такие клыки попадали тоже, но их крайне мало: можно назвать всего несколько находок, не все из которых определяются однозначно. «Клык собаки» с просверленным отверстием (рис. 5, *1*), сопровождал женское погребение 3 (последняя треть I — первая треть II в. н. э.) в склепе 449 (Усть-Альма), располагаясь рядом с левой ладонью умершей (*Пуздровский и др.*, 1994. С. 154, рис. 196). Еще один клык собаки с отверстием (рис. 5, *2*) найден в могиле 21 (Опушки), датируемой в пределах I — первой половины II в. н. э. (*Храпунов*, 2023. С. 67, рис. 4, *10*). К этому списку предположительно причисляются «два просверленных клыка» (рис. 5, *4, 5*) из могилы 300 (Бельбек IV) последней четверти II — первой четверти III в. н. э. (*Гущина, Журавлев*, 2016. Ч. 1. С. 103, 188; Ч. 2. Табл. 202, *6, 7*).

Клык с отверстием (рис. 5, *3*) выявлен в гробнице одного из Тавельских курганов с датировкой «от II–I вв. до н. э. по I в. н. э.». В публикации он обозначен как «амулет из просверленного кабаньего клыка» (*Троицкая*, 1957. С. 187, 189, рис. 12, *д*), но его изображение заставляет сомневаться в правильности такого определения.

Опубликовано несколько подобных находок из Восточного Крыма. Это клык собаки с просверленным отверстием из детской могилы 91/2 (Золотое), отнесенной к первой половине I в. н. э. (*Корпусова*, 1983. С. 106, 159, табл. XXXIV, *2*), а также «клыки животных» с отверстиями (2 экз.) из детского захоронения I в. до н. э. — I в. н. э. в склепе 23 (Сюрташ) (*Масленников*, 2000. С. 156, 157, табл. XIII, *9*).

На прилегающей к полуострову территории таких клыков, происходящих из погребений, синхронных перечисленным крымским комплексам, тоже немного. Примером таких находок является «волчий зуб» с отверстием, найденный в погребении ребенка I в. н. э. Золотобалковского могильника (Нижнее Приднепровье), располагавшийся среди бусин на груди погребенного (*Вязьмитина*, 1972. С. 53, 59, рис. 26, *4*).

Заканчивая обзор находок из крымских памятников, следует упомянуть о двух клыках с отверстиями (рис. 5, *6, 7*), обнаруженных в некрополе Беляуса, в юго-западной камере склепа 16 (с 10 погребениями детей) конца II — начала I в. до н. э.: один из них относился к погребению 1, другой найден среди сдвинутых скелетов (*Дашевская*, 2014. С. 15, 16, табл. 16, *8, 9*). В публикации каждая из этих находок обозначена как «просверленный кабаний клык», что вызывает сомнения. Вместе с тем крупные размеры не позволяют безоговорочно относить их к клыкам собак или волков. По внешнему виду они напоминают медвежьи, но полное отсутствие в Крыму прецедентов делает такое определение рискованным.

Возвращаясь к находкам клыков представителей семейства псовых, следует признать, что определить в точности, каким именно животным — диким или домашним — они принадлежали, на основании их внешнего вида сложно. Несколько захоронений собак, выявленных на территории Усть-Альминского городища (в хозяйственной яме) и его некрополя (в склепах) (*Высотская*, 1994. С. 69; *Труфанов, Зайцев*, 2022. Рис. 1, *в*), позволяют заключить, что здешние собаки вырастали до крупных размеров, достигая в холке 0,65–0,70 см. В то же время представляется, что поскольку материал для изготовления подвесок из собачьих зубов был под рукой, то и находок таких изделий должно было бы быть больше, а они в захоронениях варварского населения Крыма раннего железного века исчисляются единицами.

Мотивацию превращения таких клыков в подвески объясняют тем, что они «служили

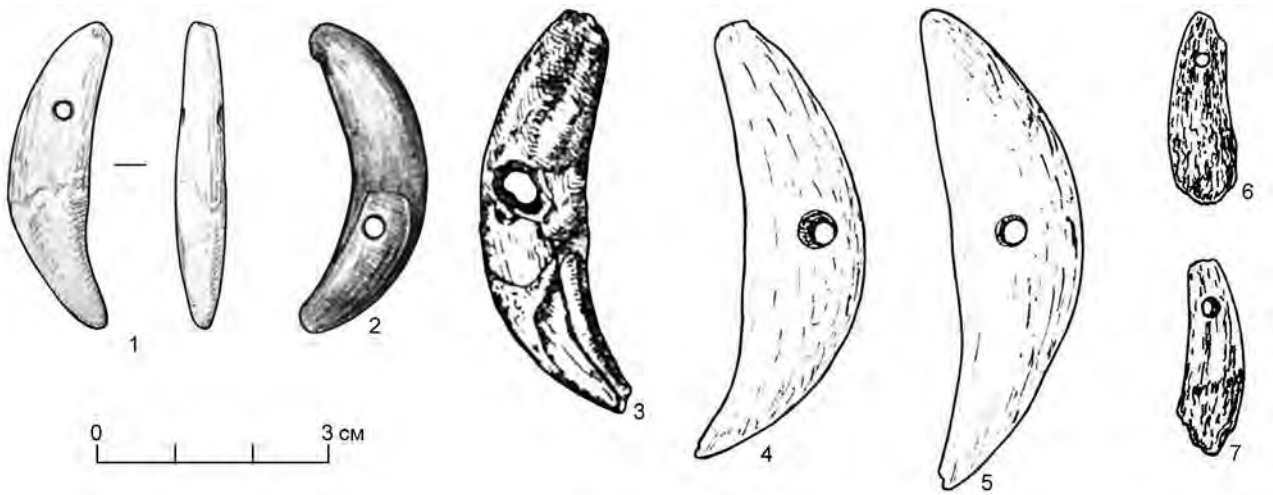


Рис. 5. Клыки животных: *1* — склеп 449 (погребение 3) (Усть-Альминский некрополь); *2* — могила 21 (могильник Опушки); *3* — гробница Тавельского кургана; *4, 5* — могила 300 (некрополь Бельбек IV); *6, 7* — склеп 16 (некрополь Беляуса)

Fig. 5. Animal fangs: *1* — crypt 449 (burial 3) (Ust-Alma necropolis); *2* — tomb 21 (Opushki burial ground); *3* — tomb of the Tavel barrow; *4, 5* — tomb 300 (Belbek IV necropolis); *6, 7* — crypt 16 (Belyaus necropolis)

[*2 — Храпунов*, 2023. Рис. 4, *10*; *3 — Троицкая*, 1957. Рис. 12, *д*; *4, 5 — Гущина, Журавлев*, 2016. Ч. 2. Табл. 202, *6, 7*; *6, 7 — Дашевская*, 2014. Табл. 16, *8, 9*]

оберегами от злых духов, охраняли от болезней, способствовали удаче в воинских делах» (*Высотская*, 1994. С. 131). Наверное, список их предполагаемых полезных качеств можно и продолжить, но он будет выглядеть произвольным. Остается резюмировать, что, в отличие от клыков кабана, клыки собак/волков в захоронения варварского населения Крыма II в. до н. э. — III в. н. э. попадали исключительно редко и только в виде подвесок.

Амброз, 1966 — *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Д1-30). 111 с., 28 табл.

Бабенчиков, 1957 — *Бабенчиков В. П.* Некрополь Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 94–141.

Вертиенко, 2014 — *Вертиенко А. В.* Образ вепря в иранской традиции — нарратив и визуализация // Stratum plus. 2014. № 3. С. 271–280.

Высотская, 1980 — *Высотская Т. Н.* Отчет о работе Альминского отряда за 1980 год // НА ИАК РАН. 1980. Ф. Ф-1. Оп. 1. Д. 22. 148 л.

Высотская, 1994 — *Высотская Т. Н.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.

Вязьмитина, 1972 — *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.

Гущина, Засецкая, 1989 — *Гущина И. И., Засецкая И. П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы: Сб. ст. / Отв. ред. М. П. Абрамова. М.: б. и., 1989 (Труды ГИМ; Вып. 70). С. 71–141.

Гущина, Засецкая, 1994 — *Гущина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 170 с.

Гущина, Журавлев, 2016 — *Гущина И. И., Журавлев Д. В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016 (Труды ГИМ; Вып. 205). Часть 1. 272 с. Часть. 2. 320 с.

Дашевская, 2014 — *Дашевская О. Д.* Некрополь Беляуса. Симферополь: Изд-во ЧП Предприятие Феникс, 2014. 284 с.

Дашевская, Голенцов, 1982 — *Дашевская О. Д., Голенцов А. С.* Кульчукский курган-кенотаф // КСИА. 1982. № 170: Железный век. С. 90–96.

Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993 — *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 141–179.

Журавлев, 2010 — *Журавлев Д. В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: б. и., 2010 (МАИЭТ, Supplementum; Вып. 9). 320 с.

Журавлев и др., 2021 — *Журавлев Д. В., Фирсов К. Б., Бельский С. В.* Могильник Бельбек I и курган у Братского кладбища в Юго-Западном Крыму: археологические раскопки Н. М. Печенкина в 1903–1905 гг. / Науч. ред. Д. В. Журавлев, Т. Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2021 (Гераклейский сборник; Вып. V). 172 с., ил.

Ильинская, 1968 — *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка, 1968. 203 с.

Каверзнев, 1932 — *Каверзнев В. Н.* Охота на кабана. М.: Изд-во КОИЗ, 1932. 56 с.

Козло, 1975 — *Козло П. Г.* Дикий кабан. Минск: Ураджай, 1975. 224 с.

Колтухов, Сенаторов, 2016 — *Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.* Скифы предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг. (по материалам Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского). Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016 (Материалы к археологической карте Крыма; Вып. XVII). 288 с.

Копьева, 2021 — *Копьева Т. А.* Катакомбная культура на территории Крымского полуострова по материалам погребальных памятников. СПб.: Нестор-История, 2021. 424 с.

Корпусова, 1983 — *Корпусова В. Е.* Некрополь Золотое (к этнокультурной истории европейского Боспора). Киев: Наукова думка, 1983. 184 с.

Костылева, Калинина, 2002 — *Костылева Е. Л., Калинина И. В.* Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // Тверской археологический сборник. 2002. № 5. С. 248–256.

Кропотов, 2010 — *Кропотов В. В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

Малютина и др., 2024 — *Малютина А. А., Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н., Саблин М. В.* Изделия из твердых органических материалов ранненеолитических слоев памятника Ракушечный Яр (по материалам новых раскопок) // Camera praehistorica. 2024. № 2. С. 72–91 // URL: https://doi.org/ 10.31250/2658-3828-2024-2-72-91 (дата обращения 20.03.2025).

Манзура, 2000 — *Манзура И. В.* Владеющие скипетрами // Stratum plus. 2000. № 2: Рождение Европы. С. 237–295.

Масленников, 2000 — *Масленников А. А.* Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // Древности Боспора. 2000. № 3. С. 136–200.

Мордвинцева, Хабарова, 2006 — *Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В.* Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь: Тарпан, 2006. 140 с.

Мурзин, 1984 — *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. 135 с.

Очир-Горяева, 1988 — *Очир-Горяева М. А.* Клык кабана с зооморфными изображениями из могильника Заханата Калмыцкой АССР // СА. 1988. № 4. С. 221–223.

Пуздровский, 2007 — *Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

Пуздровский, Труфанов, 2017а — *Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017. 300 с.

Пуздровский, Труфанов, 2017б — *Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2017. 372 с.

Пуздровский и др., 1994 — *Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Лобода И. И.* Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 1994 году // НА ИАК РАН. 1994. Ф. Ф-1. Оп. 1. Д. 28. 325 л.

Пуздровский и др., 2021 — *Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И.* Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 1997–1999 гг. Симферополь: Типография Мандарин, 2021. 408 с.

Синика, Тельнов, 2018 — *Синика В. С., Тельнов Н. П.* Скифский курган 116 первой половины III в. до н. э. у с. Глиное // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник в честь 70-летия Н. П. Тельнова / Под ред. В. С. Синики, Р. А. Рабиновича. Кишинев; Тирасполь: Stratum plus, 2018 (Библиотека Stratum plus). С. 223–266.

Скоробогатов, 2020 — *Скоробогатов А. М.* Изделия из клыка кабана в неолите — энеолите Восточно-Европейской степи и лесостепи // Вестник Московского гос. обл. ун-та. История и политические науки. 2020. № 5. С. 10–27.

Сымонович, 1983 — *Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 172 с.

Троицкая, 1957 — *Троицкая Т. Н.* Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в Областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 174–190.

Труфанов, 2001 — *Труфанов А. А.* К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма / Под ред. И. И. Гущиной, Д. В. Журавлева. М.: ГИМ, 2001 (Труды ГИМ; Вып. 118). С. 71–77.

Труфанов, 2007 — *Труфанов А. А.* Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Под ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.

Труфанов, 2009 — *Труфанов А. А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. //

Stratum plus. 2009. № 4: Полевой дневник: Римское время. С. 117–328.

Труфанов, Зайцев, 2022 — *Труфанов А. А., Зайцев Ю. П.* Ранние погребальные комплексы Усть-Альминского некрополя (по материалам исследований 2019 г.) // РА. 2022. № 3. С. 168–184.

Флинт и др., 1965 — *Флинт В. Е., Чугунов Ю. Д., Смирин В. М.* Млекопитающие СССР / Под ред. А. Н. Формозова. М.: Мысль, 1965. 438 с.

Храпунов, 2016 — *Храпунов И. Н.* Поселение в Барабановской балке (II–IV вв. н. э.). Симферополь: БФ «Наследие тысячелетий», 2016. 164 с.

Храпунов, 2023 — *Храпунов И. Н.* Необычное позднескифское погребальное сооружение из могильника Опушки в Крыму // ПИФК. 2023. № 4. С. 61–78.

Храпунов и др., 2023 — *Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А.* Позднескифский склеп I в. н. э. из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху. 2023. № IX. С. 169–233.

Цалкин, 1960 — *Цалкин В. Н.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 53. С. 7–109.

Шепко, 1987 — *Шепко О. Г.* Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. № 4. С. 158–173.

Щепинский, Черепанова, 1969 — *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Крым, 1969. 328 с.

Яковенко, 1969 — *Яковенко Э. В.* Клыки с зооморфными изображениями // СА. 1969. № 4. С. 200–207.

Яковенко и др., 1970 — *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма / Отв. ред. А. М. Лесков. Киев: Наукова думка, 1970. С. 136–179.

Яценко, 2000 — *Яценко С. А.* Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // ВДИ. 2000. № 4. С. 86–104.

Mrdić, Raićkobić, 2013 — *Mrdić N., Raićkobić A.* Soldier burials with weapons at Viminacium cemetery // Proceeding of the XVII Roman Military Equipment Conference “Weapons and Military Equipment in a Funerary Context” (Zagreb 24–27 May, 2010) / Eds. M. Sanader, A. Rendić-Miočević, D. Tončinić, I. Radman-Livaja. Zagreb, 2013. P. 117–132. 2910 // URL: https://a-r-m-e-s.org/romec-17/ (accessed 14.12.2024).

Animal tusks in the burials of the barbarian population of the Crimea of the 2nd century BC — 3rd century AD

A. A. Trufanov[3]

Keywords: Crimea, barbarian burials, animal tusks, boar tusks

Animal tusks identified in burials of the barbarian population of the Crimea of the 2nd cen. BC — 3rd cen. AD belong to the category of rare finds. Most of the recorded items consist of wild boar tusks, represented by 22 specimens found in 15 burial structures of 6 necropolises. Almost all of them were found in burials of the 2nd cen. BC — 1st half of the 2nd cen. AD, and only 1 specimen comes from a burial of the 3rd cen. AD. A smaller part of the sample (5 specimens) consists of tusks of the dog bloodline — dogs and/or wolves, found in 4 burials. The identification of another 2 specimens is debatable. Complexes with such tusks date from the 2nd–1st cen. BC to the beginning of the 3rd cen. AD. Almost all tusks come from female and child burials and were probably used as amulets.

[3] Alexander A. Trufanov — Institute of Archeology of Crimea of Russian Academy of Sciences; Simferopol, Republic of Crimea; e-mail: trufanov.a67@mail.ru.

«Парфянская тема» в монетном деле эпохи Юлиев-Клавдиев

М. С. Назарова[1]

Аннотация. *В статье рассмотрены монеты Древнего Рима, появление которых связано с событиями римско-парфянской и римско-армянской политики при Юлиях-Клавдиях. Кроме нумизматического материала исследование обращается к произведениям монументального искусства и архитектуры Древнего мира.*

Ключевые слова: *Древний Рим, Юлии-Клавдии, римская нумизматика, Великая Армения, Парфянское царство, Аршакиды.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-121-126

Функции монет в Древнем Риме не ограничивались только стороной финансовых расчетов. Они имели также большое значение для решения задач государственной пропаганды и были одним из средств ее выражения. Благодаря многочисленности и специфике монет, на которые были нанесены соответствующие изображения, они довольно быстро становились известны большому количеству людей на территории римского государства и даже за его пределами (*Назарова*, 2022. С. 57). Неудивительно, что события римской истории, связанные с взаимодействием или противостоянием с Парфянским царством, нашли свое отражение не только в монументальных памятниках столицы и городов периферии, но и в монетной чеканке, что позволяет выявить особенности визуализации и интерпретации образов парфян в римской культуре. Помпей Трог, чье историческое сочинение дошло до нас в сокращении Юстина, отмечал, что для его современников окружающий мир поделен на римскую и парфянскую части (Iust. XLI.1).

Усиление Парфянского царства после разгрома армии Красса при Каррах в 53 г. до н. э. позволило его правителям вмешиваться в конфликты внутри Римской республики. Так, в период гражданских войн 44–42 гг. до н. э. царевич Пакор и его воины по приказу царя Орода II, присоединившись к Квинту Лабиену, выступили на стороне противников Марка Антония и Октавиана (Dio Cass. XLVIII, 24). Ауреи и денарии Квинта Лабиена, принявшего в обход существовавших римских правил прозвище «Парфянский» (Strab. XIV, 2, 24), стали самым ранним примером интерпретации парфянских образов в римской нумизматике. На реверсах этих монет отчеканены фигуры коня в сбруе, характерной для аршакидской конницы (*Назарова*, 2022. С. 58). В дальнейшем особое внимание государственной пропаганды к «парфянской теме» обусловило ее отражение в монетном деле Рима конца I в. до н. э. — III в. н. э.

«Кто боится парфян?..» — писал Гораций (Horat. *Od.* IV, 5, 25) (*Гораций*, 1970. С. 188), охарактеризовав успех восточной политики первого императора. В «Деяниях божественного Августа» подчеркивалось, что сами парфяне стремились договориться о мире и «умоляли о дружбе» (RGDA. 29, 2) (*Шифман*, 1990. С. 197). По существовавшей традиции такая формулировка в контексте достижения политических договоренностей поясняла римской публике, что дружественное государство признавало первостепенное и решающее значение интересов и воли Рима. Подобные настроения нашли отражение в коммеморативных монетах с легендой Signis receptis — «Возвращенные знамена» (*Абрамзон*, 1995. С. 270), отчеканенных по случаю резонансного возвращения из Парфянского царства знаков легионов, захваченных во время кампаний против Красса и Антония. На реверсах денариев 19 г. до н. э. отчеканен преклонивший колено парфянин, который протягивает римский

[1] Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна; С.-Петербург, РФ; e-mail: fantomascha@gmail.com.

© Назарова М. С., 2025

Рис. 1. Денарий Августа. 19 г. до н. э.

Fig. 1. A denarius of Augustus, 19 BC

Рис. 2. Статуя Августа из Прима-Порта. Фрагмент. Сцена передачи трофеев. Мрамор. Конец I в. до н. э. Музей Кьярамонти, Ватикан

Fig. 2. The statue of Augustus from Prima Porta. A fragment with the scene of the trophies' return. Marble. The end of the 1st cen. BC. The Chiaramonti Museum, Vatican

штандарт, смиренно глядя вверх (рис. 1). Поза воина, его жест обнаруживают сходство с композицией реверса памятных монет Августа, выпущенных после его успехов в Армении. На этих изображениях, более ранних, чем серия Signis receptis, представлен персонаж в восточных одеждах, символизирующий Армению, покорную Риму. На это указывают коленопреклоненная поза и положение пустых протянутых вправо рук. Возможно, именно на иконографию образа парфянина, возвращающего знаки легионов, на денарии 19 г. до н. э. ориентировались создатели памятников монументальной пластики, открытых во время археологических работ в Антиохии Писидийской (*Robinson*, 1926. Fig. 69–72). При раскопках тройных городских ворот, возведенных в эпоху ранней Империи, там были найдены фрагменты парных рельефов, располагавшихся над срединным пролетом. С правой стороны центральной арки помещалась фигура преклонившего колено парфянина в одеждах с дугообразными складками. Правой рукой он протягивает римский штандарт, придерживая его за древко левой (*Rich*, 1998. P. 112). Данная композиция зеркальна изображению на реверсе денария 19 г. до н. э. Возможно, такое решение было продиктовано наличием парной симметричной фигуры бородатого «варвара» с открытым торсом и плащом на плечах, который в вытянутых руках удерживает знамя. Верхняя половина фигуры аршакидского воина с возвращаемым им римским трофеем из скульптурного оформления ворот Антиохии Писидийской обнаруживает сходство со стоящим парфянином (рис. 2) с рельефа панциря статуи Августа из Прима-Порта (Музей Кьярамонти, Ватикан).

Эта скульптура, найденная в 1863 г. при раскопках виллы Ливии близ Рима (*Pollini,* 1987–1988. P. 103), относится к типу «statua loricata» — распространенному в Риме с эпохи Республики почетному изображению в полный рост, представляющему портретируемого в военном облачении (*Назарова*, 2012. С. 31). Подобные памятники были рассчитаны на установку в общественных местах, и, соответственно, их видело значительное число людей. Статуя Августа из Прима-Порта является одним из дошедших до нас примеров ранних изображений парфян в римском монументальном искусстве. На кирасе императора высечен аллегорический рельеф, посвященный возвращению знаков легионов. В центре композиции расположены обращенные друг к другу воины: парфянин, протягивающий аквилу (справа), и римлянин, принимающий ее (слева). Предпринимались попытки интерпретации этих персонажей в качестве портретных изображений конкретных участников переговоров — Тиберия и Фраата IV. Однако обобщенность черт лица, анализ костюмов обоих героев не подкрепляют эту гипотезу. Также маловероятно, что это фигуры мифологических персонажей и парфянских царей: Марса или Энея, Аршака I или Митридата I (*Gergel*, 1994. P. 195).

К сожалению, античная полихромия, еще сохранявшаяся в момент обнаружения скульптуры, впоследствии была утрачена и не может пролить свет на колористическое решение парфянского костюма на римских официальных изображениях, чтобы восполнить ту лакуну, которую не способна компенсировать нумизматика.

Образ парфянина на рельефе кирасы Августа из Прима-Порта является типичным примером развития на римской почве греческой традиции изображения представителей «варварского мира» на памятниках изобразительного искусства и материальной культуры. Так, в художественном наследии эллинов нехарактерные для античного

Средиземноморья элементы костюмного комплекса — штаны, колпак, одеяния с длинными рукавами — использовались в качестве акцентов в иконографии чужака (*Назарова*, 2022. С. 59). Однако при сравнении костюмов персонажей на «парфянских» и «армянских» монетах Августа (о последних речь пойдет далее), а также на рельефе кирасы статуи из Прима-Порта выявляются некоторые различия в изображении формы одежд верхней части корпуса, штанов, положения и количества складок, манеры носить пояс.

Примером, когда монументальный памятник служил визуальным первоисточником, являются коммеморативные денарии, выпущенные по случаю возведения Парфянской арки на Римском форуме (*Freyberger*, 2009. S. 69). На их реверсах запечатлен облик не дошедшей до наших дней значимой постройки и ее декора, куда входили объемные скульптуры аршакидских воинов со штандартами и «восточным» вооружением в руках (*Favro*, 2008. P. 159). Археологические исследования, проведенные на Римском форуме в месте расположения парфянской Арки Августа, не дали результатов, достаточных для реконструкции скульптурного убранства этого памятника. Однако его ключевые элементы, такие как парные статуи парфян, императорскую конную группу, возможно реконструировать как раз по нумизматическим материалам 19–16 гг. до н. э.

С темой парфянской дипломатической победы Августа связаны также памятные золотые и серебряные монеты с легендой Signis receptis, на которых отсутствуют какие-либо фигуры восточных воинов и представлены только сами вновь обретенные знаки легионов. На реверсах пергамского кистофора, испанского денария и аурея 19–18 гг. до н. э. изображен круглый храм Марса Ультора, внутри которого император поместил парфянские трофеи (рис. 3, *1*). Святилище передано достаточно схематично и условно, но узнаваемо (*Rose*, 2005. P. 24). Также существовал вариант реверса испанского денария, где внутри этого храма изображалась статуя римского бога войны (рис. 3, *2*). Обнаженный Марс Мститель в шлеме и плаще держит в правой руке аквилу, увенчанную орлом, в левой — военный значок или трофей (*Mattingly*, 1923. P. 65). Подобная фигура божества с аквилой и трофеем без архитектурного окружения представлена на реверсах образцов золотой и серебряной коммеморативной чеканки первого императора с надписью «Signis receptis» (рис. 3, *3*). Возвращенные знаки легионов были помещены на реверсах августовских монет также вне архитектурного или повествовательного контекста (рис. 3, *4*). Следует отметить, что кроме отданных парфянами трофеев в храме Марса Ультора выставлялись знамена, возвращенные при Августе из Галлии и Испании от далматинцев (RGDA. 29, 1). В честь этого события также были выпущены памятные монеты.

В истории взаимоотношений Рима и Парфянского царства «мир», установленный в конце I в. до н. э., носил крайне условный и относительный характер. Своего рода зеркалом «парфянской политики» стали отношения Рима и Великой Армении, ставшей буферным государством между ним и могущественным восточным соседом.

В 20 г. до н. э. Август воспользовался недовольством со стороны армянской знати и заговором против Арташеса II, чтобы возвести на престол его брата Тиграна, находившегося тогда в плену в Риме (Tac. *Ann*. II, 3, 4; Suet. *Tib*. 9; Dio Cass. LIV, 9. 4). Великая Армения вновь оказалась под римским влиянием, что было отмечено выпуском памятных золотых и серебряных монет 20–18 гг. до н. э. с легендой Armenia capta — «Армения покоренная». На аверсах денариев этой группы чеканили профиль Августа, изображения Вакха или богини доблести Виртус. На реверсах — аллегорические фигуры, символизировавшие подчиненную Великую Армению. Один из вариантов оформления реверса денария 20–18 гг. до н. э. — протягивающая руки вправо коленопреклоненная фигура человека в «восточных» одеждах и легенда CAESAR*DIVI*F*ARME*CAPTA (*Абрамзон*, 1995. С. 168). На реверсах другого типа — стоящая в полный рост фигура армянского воина в высоком «восточном» головном уборе, с копьем в правой руке и луком в левой. Эта композиция встречается с двумя вариантами легенды, где в тексте надписи присутствуют слова CAPTA или RECEP (*Spannagel*, 2000. S. 623). Костюм персонажа обнаруживает общее сходство с облачением Антиоха I Коммагенского из комплекса в Немрут-Даге (рис. 3, *5*). Высокий царский венец, близкий по форме и декору к изображенному на коммагенских рельефах и схожий с коронами Арташесидов на армянских монетах (*Тирацян*, 1982. С. 90), представлен на реверсе коммеморативного денария Августа. Корона, изображенная в фас, помещена в левой части реверса, справа показано оружие армянских всадников — колчан со стрелами и S-образный лук в налучье (рис. 3, *6*). На реверсе аурея 19 г. до н. э. с легендой Armenia capta изображена композиция с крылатой Викторией, закалывающей поверженного быка.

Рис. 3. Монеты: *1* — аурей Августа, 19–18 гг. до н. э.; *2* — денарий Августа, 19–18 гг. до н. э.; *3, 4* — денарий Августа, 19 г. до н. э.; *5, 6* — денарий Августа, 19–18 гг. до н. э.; *7* — дидрахма Калигулы, 37–38 гг. н. э.; *8* — сестерций Нерона, 64–66 гг. н. э.

Fig. 3. Coins: *1* — an aureus of Augustus, 19–18 BC; *2* — a denarius of Augustus, 19–18 BC; *3, 4* — a denarius of Augustus, 19 BC; *5, 6* — a denarius of Augustus, 19–18 BC; *7* — didrachma of Caligula, 37–38 AD; *8* — a sestertius of Nero, 64–66 AD

Очередной виток столкновения римско-парфянских интересов в Великой Армении отразился в появлении при Калигуле коммеморативной монеты в честь Германика, отца императора (рис. 3, *7*). На лицевой стороне серебряной дидрахмы (монетный двор Цезареи Каппадокийской) 37–38 гг. н. э. выбит профиль Калигулы, на обороте — двухфигурная композиция, где Германик, стоящий справа, надевает корону на голову Зенона-Артаксия (Арташеса III). Примечательно, что высокий царский венец на этом изображении имеет форму и детали, характерные для

короны правителей Великой Армении в чеканке Арташесидов.

Выпустив монету со сценой инвеституры Арташеса III, молодой император не только воздавал должное славным деяниям своего отца, любимого римским народом, но и в рамках государственной пропаганды напоминал о могуществе Рима, коронующего дружественных правителей.

При Нероне события и итоги борьбы с парфянами за влияние на Великую Армению послужили поводом для выпуска памятных монет, активно задействованных в императорской пропаганде. В 66 г. в Риме масштабно отпраздновали восшествие на престол Тиридата I из династии Аршакидов, который только символически получил власть из рук императора. Эта коронация подвела итоги римско-парфянской войны, длившейся почти десять лет. Ей предшествовала смута в Великой Армении, ослабившая римский авторитет. Воспользовавшись усобицей Митридата и Радамиста, Вологез I вторгся в Великую Армению. В 54 г. на ее трон парфянский царь возвел своего брата Тиридата I (*Ellerbrock, Winkelmann*, 2015. S. 73), ставшего основателем армянской ветви Аршакидов (Аршакуни). Это в корне нарушало традицию, сложившуюся еще при Августе, когда претендент на армянский престол выбирался и утверждался с подачи и одобрения Рима.

Со взятием римскими войсками столичных городов Великой Армении Артаксаты в 58 г. н. э. и Тигранакерта в 59 г. н. э. связывают выпуски коммеморативных сестерциев Нерона (*Абрамзон*, 1995. С. 182). На их реверсах отчеканена однопролетная триумфальная арка (рис. 3, *8*). Вероятно, здесь изображен памятник, располагавшийся на склоне Капитолийского холма. Источники связывали сооружение арки Нерона с кампанией против парфян в Армении. Тацит сетовал, что ее строительство и возведение трофеев, символизировавших победу, началось еще в разгар войны, итог которой был неясен (Tac. *Ann*. XV, 18, 1). Как и Парфянская арка Августа на Римском форуме, она не сохранилась. Только нумизматический материал позволяет реконструировать облик этого сооружения, которое венчали бронзовая квадрига императора и фигуры богинь Победы и Мира по сторонам от нее. Зеркально симметричные фигуры воинов фланкировали углы арки на верхнем ярусе. Фасад украшали многочисленные рельефные композиции. К сожалению, небольшие размеры монеты не позволили подробно передать композицию каждого из них. Арка дана в таком ракурсе, что и сбоку на ее левой стороне можно рассмотреть внушительное скульптурное изображение Марса (*Kleiner*, 1985. С. 72).

Действия римлян в армяно-парфянском конфликте далеко не всегда приводили к успехам. Например, битва при Рандее (62 г. н. э.) завершилась победой армяно-парфянских сил и позорным для Нерона поражением войск Цезения Пета (Tac. *Ann*. XV, 6–17). Рим был вынужден вернуть территории, занятые в ходе этого затяжного конфликта, и признать Тиридата I Аршакида правителем Армении. Однако для сохранения политического престижа Рима в столице удалось провести коронационные торжества Тиридата I. Нерон лично возложил ему на голову царский убор, что символизировало наделение властью (Suet. *Ner*. 13). Римский император и парфянский царь царей пришли к компромиссу в вопросе армянского престолонаследия, создав важный исторический прецедент — в Великой Армении закрепилась парфянская династия, но кандидатуру царя утверждали в Риме.

По случаю установления мира после долгого военного противостояния была выпущена знаменитая монета Нерона с храмом Януса на реверсе (*Дибвойз*, 2008. С. 168). Особенностью этого изображения являются закрытые двери святилища, а это означало, что на текущий момент Рим не ведет войны.

Нумизматический материал, связанный с парфянской политикой Империи и римскими делами в Армении, где сталкивались интересы Рима и государства Аршакидов, показывает роль и значимость отдельных исторических событий для римской государственной пропаганды. Изображения на монетах с данной тематикой являются визуальными источниками для реконструкции и визуализации несохранившихся монументальных произведений, созданных в честь успехов римлян или задействованных в соответствующих исторических эпизодах, таких как храмы Марса Ультора и Януса. Рассмотрение иконографии восточных персонажей на римских монетах дает некоторую информацию о костюмах соседей римлян и о восприятии восточных образов в античной художественной традиции. Анализ археологических находок, представленных монетами, позволяет получить представление о различных аспектах как экономического, так и политического взаимодействия Парфянского царства и Рима.

Абрамзон, 1995 — *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М.; Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 1995. 656 с.

Гораций, 1970 — *Гораций Квинт Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания / пер. с лат., вступ. статья и коммент. М. Гаспарова. М.: Худож. литература, 1970. 481 с.

Дибвойз, 2008 — *Дибвойз Н. К.* Политическая история Парфии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 831 с.

Назарова, 2012 — *Назарова М. С.* Тогатус. К вопросу о статуарных типах портретных изображений римлян // Научные труды Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. 2012. № 21. С. 29–38.

Назарова, 2022 — *Назарова М. С.* «Парфянская тема» в римской нумизматике I в. до н. э. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2022. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. № 3. С. 57–63.

Тирацян, 1982 — *Тирацян Г. А.* Армянская тиара: опыт культурно-исторической интерпретации // ВДИ. 1982. № 2. С. 90–95.

Шифман, 1990 — *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. 220 с.

Ellerbrock, Winkelmann, 2015 — *Ellerbrock U., Winkelmann S.* Die Parther. Die vergessene Großmacht. Mainz: Philipp von Zabern, 2015. 368 S.

Favro, 2008 — *Favro D.* The Urban Image of Augustan Rome. New York: Cambridge University Press, 2007. 346 p.

Freyberger, 2009 — *Freyberger K.* Das Forum Romanum. Mainz: Philipp von Zabern, 2009. 113 S.

Gergel, 1994 — *Gergel R. A.* Costume as Geographic Indicator: Barbarians and Prisoners on Cuirassed Statue Breastplates // The world of Roman costume. Wisconsin studies in classics. Madison: University of Wisconsin Press, 1994. P. 191–209.

Kleiner, 1985 — *Kleiner F. S.* The Arch of Nero in Rome. A Study of the Roman Honoray Arch before and under Nero. Roma: G. Bretschneider, 1985. 159 p.

Mattingly, 1923 — *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British Museum. Oxford: Oxford University Press, 1923. Vol. I: Augustus to Vitellius. 464 p.

Pollini, 1987–1988 — *Pollini J.* The Findspot of the Statue of Augustus from Prima Porta // Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma. 1987–1988. Vol. XCII. P. 103–108.

Rich, 1998 — *Rich J. W.* Augustus's Parthian honours, the temple of Mars Ultor and the arch in the Forum Romanum // Papers of the British School at Rome. 1998. Vol. LXVI. P. 71–128.

Robinson, 1926 — *Robinson D. M.* Roman Sculptures from Colonia Caesarea (Pisidian Antioch) // The Art Bulletin. 1926. Vol. 9, no. 1. P. 4–69.

Rose, 2005 — *Rose Ch. B.* The Parthians in Augustan Rome // American Journal of Archaeology. 2005. Vol. 109, no. 1. P. 21–75.

Spannagel, 2000 — *Spannagel M.* "Armenia recepta" aut "capta"? Zur Veränderung einer augusteischen Münzlegende // XII. Internationaler Numismatischer Kongress in Berlin, 1997. 2000. Vol. 1. S. 622–629.

A "Parthian theme" in the coinage of the Julio-Claudian era

M. S. Nazarova[2]

Key words: Ancient Rome, Julio-Claudian, Roman numismatics, Greater Armenia, Parthian Kingdom, Arsacids

The episodes of the relationship between Rome and the Parthian kingdom are reflected in the coinage of the 1st cen. BC — 3rd cen. AD. This article will examine the images in Roman numismatics related to the development of Roman-Parthian and Roman-Armenian policy under the Julio-Claudian dynasty.

Augustus' diplomacy allowed making peace with Parthia and returning the lost Roman banners, which was widely represented in the coinage of 19–16 BC. Also the establishment of Roman influence in Greater Armenia was marked by the issues of commemorative coins in 20–18 BC. Under Tiberius, the successes in Greater Armenia were not reflected in Roman coinage. The scene of the Greater Armenia's ruler's investiture appeared only in the reign of Caligula on the commemorative coin in honour of Germanicus. The Rome's struggle with the Parthians for influence on Greater Armenia was the reason for the issue of Nero's sestertii.

The numismatic material of the 1st cen. AD related to the Empire's Parthian policy and the Roman affairs in Armenia shows the role and significance of certain historical events for the Roman state propaganda. These issues are a source for the reconstruction of lost architectural structures, monuments of fine arts and material culture. Also allegorical figures of Roman coins' reverses visualized popular perceptions in the 1st cen. BC — 1st cen. AD about the images of the Romans' eastern neighbours — the inhabitants of the Parthian kingdom and Greater Armenia.

[2] Mariya S. Nazarova — Saint Petersburg State University of Technology and Design; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: fantomascha@gmail.com.

Рацион питания людей, погребенных в некрополе Южного пригорода Херсонеса Таврического (по материалам раскопа 23)[1]

А. К. Каспаров, О. В. Лохова, М. А. Топоривская, В. Ю. Радочин, Н. С. Черткова[2]

Аннотация. *В статье анализируются типы питания людей, погребенных в первые века нашей эры в некрополе в Южном пригороде Херсонеса Таврического (г. Севастополь). Данные изотопного анализа костных образцов исследуются с точки зрения половой принадлежности и возраста индивидуумов. Определяется сезон года, когда наступила смерть. Полученные сведения увязываются с социальным статусом погребенных.*

Ключевые слова: *античность, Херсонес, некрополь, изотопный анализ, рацион питания, возрастной состав погребенных, сезоны смерти.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-127-143

В 2021–2023 гг. комплексной археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН при поддержке Фонда «Моя история» и Министерства обороны Российской Федерации проводились масштабные археологические исследования на территории, называемой «Южный пригород Херсонеса Таврического». Данные работы имели целью подготовить эту территорию для строительства музейного комплекса, посвященного древнему Херсонесу и истории Западного Крыма в целом. Исследованные площади были беспрецедентно велики (139 444 кв. м). На участке в западной части археологического памятника, примерно в 350 м к юго-западу от ворот городища Херсонес Таврический, получившем название раскоп 23 (рис. 1), был открыт один из некрополей древнего Херсонеса. Могилы, обнаруженные здесь, за редким исключением, были представлены захоронениями людей, которых, видимо, преимущественно можно отнести к небогатым.

Раскоп 23 пришелся на среднюю естественную террасу западного склона так называемой Херсонесской балки, расположенной между плато городища и Девичьей горой. Рельеф террасы с течением лет неоднократно подвергался антропогенному воздействию, главным образом в XIX–XX вв. Судя по всему, поверхность выравнивалась путем горизонтальной подрезки грунта — вероятно, при формировании вала 12-й береговой батареи и строительстве подпорной стены в подножье ее насыпи, а также при возведении на склоне хозяйственных построек воинской части. В том числе и с учетом этого фактора ряд захоронений на исследованном участке некрополя был обнаружен почти на уровне современной дневной поверхности, иногда под небольшой толщей техногенного слоя. Обнаруженный в пределах раскопа 23 некрополь датируется первыми веками нашей эры, и основной его участок вытянутой подпрямоугольной в плане формы (площадью 1097 кв. м, длиной около 140,0 м, шириной 6,5–10,0 м) располагался вплотную у подпорной стены в основании

[1] Каспаровым А. К. и Лоховой О. В. работа выполнена по теме государственного задания «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественно-научным данным» (FMZF-2025-0010).

[2] Каспаров А. К., Лохова О. В., Топоривская М. А., Черткова Н. С.— Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: alexkas@yahoo.com, Lohova.olga@yandex.ru, toporivskayamarina@gmail.com, natalitchertkova@yandex.ru. Радочин В. Ю. — Крымский федеральный университета им. В. И. Вернадского; Симферополь, Республика Крым; e-mail: radochin_v@mail.ru.

© Каспаров А. К., Лохова О. В., Топоривская М. А., Радочин В. Ю., Черткова Н. С., 2025

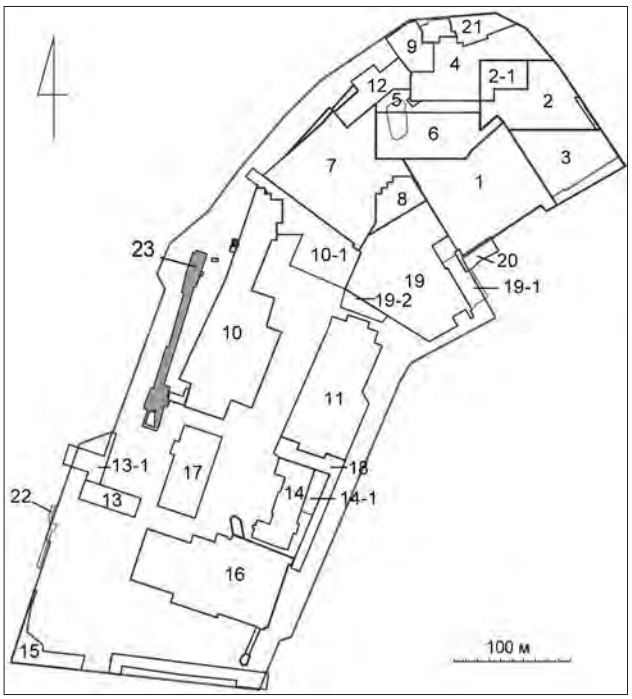


Рис. 1. Общий план исследованной площади в Южном пригороде Херсонеса Таврического при раскопках 2021–2023 гг. с указанием номеров раскопов

Fig. 1. General plan of the investigated area in the Southern suburb of Chersonesus Taurica during the 2021–2023 excavations with indication of excavation numbers

вала, примыкая к ней, и был ориентирован осью по сторонам север-северо-восток–юг-юго-запад. Почти все археологические объекты раскопа (310 объектов) были обнаружены в пределах этого участка. Из них к погребальным сооружениям в виде грунтовых могил отнесены 284, из которых 203 погребения были совершены по обряду ингумации и 81 являлось кремациями.

Наибольшая плотность захоронений наблюдалась в северной и центральной частях раскопа, более близких к городским воротам. Большинство погребений совершено в конструктивно самых простых сооружениях — грунтовых ямах. Принято считать, что такие ямы использовались прежде всего бедными и средними по достатку слоями населения, что, очевидно, связывалось с их невысокой стоимостью (*Зубарь,* 1982. С. 14). Основная часть открытых на раскопе захоронений, судя по сопутствующему инвентарю, соотносится с этими группами горожан. Отметим, однако, что был выявлен и ряд могил, отличавшихся некоторым богатством погребальных наборов. Помимо обычного для того времени инвентаря в составе керамических сосудов, светильников, монет в них фигурировали в некоторых случаях золотые, серебряные, стеклянные, бронзовые, костяные предметы, характерные для более состоятельных групп населения.

Таким образом, можно говорить о том, что на исследованном участке некрополя были захоронены горожане низкого и изредка среднего имущественного достатка. Были исследованы как мужские, так и женские захоронения. Возраст усопших также был разным. Захоронения расположены в целом бессистемно и повсеместно, однако более-менее богатые комплексы выявлены, в общем, локально, небольшой, относительно компактной группой. Из 47 ингумированных захоронений, где сохранность костного материала была самой хорошей, удалось получить костный материал для проведения анализа изотопного состава азота и углерода в тканях погребенных людей. Это позволило определить тип питания умерших и, приблизительно, сезон года, когда тот или иной человек умер.

Исследования изотопного состава образцов проводились с помощью масс-спектрометра DELTA V, элементного анализатора и устройств их соединения. При интерпретации полученных результатов авторы исходили из того, что средние значения изотопного состава углерода и азота коллагена человеческих костей составляют: для людей земледельческого образа жизни (кто употребляет в основном растительную пищу): $\delta^{13}C$ = -17–20 ‰; $\delta^{15}N$= +5–9 ‰, а для людей охотничьего, кочевого образа жизни (в рацион которых входят в основном животные белки): $\delta^{13}C$ = -10–15 ‰; $\delta^{15}N$ = +12–18 ‰ (*Hoefs,* 2004).

Изменения климата приводят к изменениям фракционирования изотопов углерода и азота наземных растений. При холодном и влажном климате отрицательные значения $\delta^{13}C$ в образцах увеличиваются и положительные $\delta^{15}N$ также возрастают (в абсолютном выражении). Однако в течение исследуемого периода климат в регионе существенно не менялся. Результаты такого исследования образцов с раскопа 23 приведены в таблице 1.

Антропологическая работа с материалом проводилась по классическим, принятым в отечественной науке методикам в сочетании с зарубежными программами (*Алексеев, Дебец*, 1964; *Алексеев,* 1966; *Зубов*, 1968; *Aufrderheide, Rodrigues-Martin,* 1997; *Hauser, De Stefano,* 1989; *Ubelaker,* 1978; *White, Folkens,* 2005; *Schaefer et al.,* 2009; Standards for Data…, 1994). В некоторых случаях привлекались методики и программы, разработанные для судебной медицины (*Пашкова,* 1978;

Таблица 1. Изотопный состав углерода и азота в антропологическом костном материале из погребений римского времени на раскопе 23 в Южном пригороде Херсонеса Таврического
Table 1. Carbon and nitrogen isotopic composition in anthropological bone material from Roman burials at the excavation 23 in the Southern suburb of Chersonesos Taurica

№ п.п.	№ анализа	Образец (объект, список)	$\delta^{13}C$, ‰	$\delta^{15}N$,‰
1	5190, 5244	Об. 188 сп. 358	-16,9	11,0
2	5192, 5246	Об. 189 сп. 355	-16,6	11,4
3	5193, 5247	Об. 204 сп. 385	-15,8	11,2
4	5194, 5248	Об. 216 сп. 395	-16,8	14,6
5	5195, 5249	Об. 218 сп. 415	-13,8	13,2
6	5196, 5250	Об. 224 сп. 411	-17,6	10,9
7	5197, 5251	Об. 229 сп. 410	-16,9	12,9
8	5198, 5252	Об. 231 сп. 412	-17,2	12,2
9	5200, 5254	Об. 232 сп. 442	-16,3	11,7
10	5201, 5255	Об. 236 сп. 447	-16,5	9,9
11	5202, 5256	Об. 238 сп. 444	-16,5	10,6
12	5204, 5258	Об. 243 сп. 458	-16,3	13,3
13	5205, 5259	Об. 246 сп. 449	-17,3	11,6
14	5206, 5260	Об. 253 сп. 459	-15,8	11,1
15	5207, 5261	Об. 254 сп. 461	-17,1	11,0
16	5208, 5262	Об. 255 сп. 409	-17,2	12,5
17	5209, 5263	Об. 257 сп. 465	-14,6	12,2
18	5210, 5264	Об. 258 сп. 464	-14,6	14,2
19	5212, 5266	Об. 259 сп. 466	-17,1	13,3
20	5213, 5267	Об. 260 сп. 468	-14,4	12,6
21	5214, 5268	Об. 261 сп. 471	-17,7	11,3
22	5215, 5269	Об. 262 сп. 472	-15,0	13,2
23	5216, 5270	Об. 263 сп. 476	-14,2	11,3
24	5217, 5271	Об. 264 сп. 482	-16,2	11,9
25	5218, 5272	Об. 267 сп. 479	-13,6	10,8
26	5219, 5733	Об. 268 сп. 480	-17,3	12,8
27	5220, 5274	Об. 270 сп. 478	-15,1	11,5
28	5222, 5276	Об. 272 сп. 482	-12,8	12,7
29	5223, 5277	Об. 273 сп. 485	-15,0	14,3
30	5224, 5278	Об. 275 сп. 484	-14,7	11,7
31	5225, 5279	Об. 277 сп. 491	-17,0	11,6
32	5226, 5280	Об. 278 сп. 487	-17,6	10,8
33	5228, 5282	Об. 279 сп. 493	-15,6	14,1
34	5229, 5283	Об. 284 сп. 505	-15,7	13,6
35	5230, 5284	Об. 286 сп. 502	-17,1	12,4
36	5231, 5285	Об. 287 сп. 519	-16,9	11,7
37	5232, 5286	Об. 288 сп. 515	-17,3	11,8
38	5233, 5287	Об. 291 сп. 524	-16,3	11,6
39	5234, 5288	Об. 293 сп. 530	-16,2	11,6
40	5235, 5289	Об. 296 сп. 532	-15,9	10,8
41	5236, 5290	Об. 298 сп. 533	-15,8	12,1
42	5238, 5292	Об. 299 сп. 537	-16,8	12,8
43	5239, 5293	Об. 301 сп. 538	-14,2	11,9
44	5240, 5294	Об. 302 сп. 539	-17,6	11,1
45	5242, 5296	Об. 304 сп. 542	-16,0	11,8
46	5241, 5295	Об. 305 сп. 570	-17,4	10,1
47	5243, 5297	Об. 308 сп. 574	-17,9	10,0

Свадковский, 1974). При определении возраста погребенных детей учитывалась степень развития зубной системы (Standards for Data…, 1994) и костей посткраниального скелета (*Пашкова,* 1978). Определение возраста половозрелых индивидуумов проходило с учетом степени облитерации черепных швов (*Алексеев, Дебец,* 1964), состояния зубной системы, лобкового симфиза и ушковидных поверхностей тазовых костей (*White, Folkens,* 2005).

Краткие описания погребений и выводов на основе изотопных данных, полученных по материалам из них

Описания содержат следующие сведения.

Археологический контекст (место захоронения, положение скелета, обряд, инвентарь, особенности, датировка).

Антропологические признаки погребенного (пол и возраст).

Оценка типа питания погребенного. По данным анализа изотопного состава азота в костях установлены три основные типа рациона: скудный, умеренно хороший, хороший. *Скудный рацион* основывался на пище растительного происхождения (хлеба, каш, похлебок из зерновых и бобовых культур, овощей, фруктов, ягод), молока и молочных продуктов; мясо присутствовало на столе лишь изредка. Если белки животного происхождения, источниками которых могли быть молоко и мясо домашних животных, дичь, мясо птицы, рыба, присутствовали эпизодически при преобладании растительных продуктов — такой тип назван нами *умеренно хорошим*. Если погребенный при жизни употреблял мясную пищу достаточно часто или постоянно наряду с растительными и молочными продуктами, то питание его признавалось *хорошим*.

Возможное время года, когда наступила смерть, устанавливалось *по данным анализа изотопного состава углерода*.

Объект 188. Погребение 120. Центральная часть раскопа, кв. 127/59. Это захоронение ребенка,

совершенное в каменном ящике. Скелет уложен вытянуто на спине головой на восток; руки и ноги также в вытянутом положении; череп полностью разрушен. У черепа найдены три стеклянные бусины и железное изделие, в ногах был установлен красноглиняный кувшин, здесь же лежал небольшой астрагал мелкого рогатого скота. Предварительная дата: I–II вв. н. э. Пол и точный возраст ребенка не установлены; предположительно, он не достиг 10 лет. Тип питания умершего может быть оценен как скудный. Смерть наступила в холодное время года: зимой или ранней весной.

Объект 189. Погребение 121. Кв. 129/60. Захоронение совершено в широкой грунтовой яме, предположительно с подбоем с одной из длинных сторон. Яма ориентирована длинными сторонами по оси юг-юго-запад–север-северо-восток. Скелет смещен к западному борту, с востока вдоль него выявлен ряд небольших известняковых камней, видимо, заклад погребальной камеры-подбоя. Тело было уложено вытянуто на спине, головой на север-северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги также лежали ровно. Погребенная — несомненно, женщина. Состояние зубной системы усопшей соотносится с возрастом 25–27 лет. Во рту была найдена бронзовая монета — ассарий 54 г. н. э., чекана Херсонес, на черепе обнаружена бронзовая игла. В ногах лежали четыре керамических изделия — два красноглиняных горшка, кувшин и светильник. Захоронение отнесено к первой половине II в. н. э. Рацион питания скудный. Смерть наступила в холодное время года: поздней осенью, зимой или ранней весной.

Объект 204. Погребение 133. Центральная часть раскопа, кв. 125–126/59. Захоронение в простой грунтовой яме. В южной части могилы, частично внутри нее, лежали несколько небольших известняковых камней — предположительно остатки обклада могилы. Скелет лежал вытянуто на спине головой на юг-юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища, кистями уложены на бедра, ноги также в вытянутом положении. Погребальный инвентарь в захоронении отсутствовал. Предварительно комплекс широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Погребение мужское. Поскольку остатки краниальной области не обнаружены, возраст погребенного установить трудно. По общему строению и конституции скелета можно предполагать, что возраст погребенного был до 30 лет. Тип питания умершего может быть оценен как умеренно хороший. Смерть наступила в умеренно теплый период: поздней весной или ранней осенью.

Объект 216. Погребение 141. Центральная часть раскопа, кв. 126–127/59. Могила, вероятно, представляла собой обычную грунтовую яму без дополнительных конструкций. Скелет уложен на спину, головой на юг. Ноги вытянуты, обе руки предположительно уложены вдоль туловища в вытянутом положении, кости правой, как и череп, не сохранились. В районе груди была найдена глазчатая стеклянная бусина. Исходя из антропологических показателей, это скелет женщины. Возраст точно не установлен, однако усопшая явно была взрослым, хотя и не старым еще человеком. Комплекс предварительно датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершей может быть оценен как хороший. Смерть наступила в холодное время года: поздней осенью, зимой или ранней весной.

Объект 218. Погребение 142. Было выявлено в кв. 124/58–59, в простой грунтовой могиле, видимо, частично заваленной при погребении камнями, которые были встречены в довольно большом количестве в заполнении комплекса. Скелет взрослого индивида был уложен вытянуто на спину, головой на восток, кисти рук сложены на тазу, ноги в вытянутом положении, у левой стопы найден единственный железный гвоздь. Пол достоверно не определяется. Однако, судя по общей массивности разрушенного черепа, это мог быть мужчина. Возраст по зубам — около 35 лет. Точная датировка захоронения затруднена. Но в целом она находится в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершего может быть оценен как хороший. Смерть наступила предположительно летом.

Объект 224. Погребение 146. Центральная часть раскопа, ближе к северу, кв. 130/61. Могилой послужила простая грунтовая яма. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на север-северо-восток. Левая рука была уложена на животе, правая — на груди. Снаружи у левого колена лежало бронзовое зеркало, в ногах находились два красноглиняных кувшина и горшок, однорожковый светильник закрытого типа и краснолаковая миска, здесь же найдены бронзовая игла и крупный стеклянный бальзамарий. Предварительно захоронение отнесено к I–II вв. н. э. Погребение женское, возраст умершей по степени износа зубов — 20 лет. Тип питания погребенной может быть оценен как скудный. Смерть наступила предположительно зимой.

Объект 229. Погребение 149. Кв. 121/57, ближе к южной трети раскопа. Грунтовая яма с каменным закладом. Костный антропологический

материал сильно разрушен, череп и часть костей скелета не сохранились. Однако можно осторожно предполагать, что погребение женское. Скелет лежал на спине головой на север-северо-восток. В районе ног расчищен развал красноглиняного кувшина. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершего человека может быть оценен как умеренно хороший. Смерть наступила в холодное время года: зимой или ранней весной.

Объект 231. Погребение 150. Кв. 126/59, в центре раскопа. Захоронение было сильно повреждено — северная часть срезана современной столбовой ямой, западная — перебита хронологически более поздним кремационным захоронением. Скелет лежал в скорченном положении на правом боку головой на запад-северо-запад. Обе ноги были подогнуты в коленях, руки согнуты в локтях, кисти, видимо, были у головы. Череп исследовать не удалось. Погребальный инвентарь отсутствовал. Считается, что подобная поза в погребальном обряде характерна для поздних сарматов (*Зубарь,* 1982. С. 41). Погребение мужское. Тип питания умершего человека может быть оценен как хороший. Смерть наступила в холодное время года: зимой или ранней весной.

Объект 232. Погребение 151. Южная треть раскопа, кв. 119/56. Грунтовое захоронение, совершенное в простой яме. Скелет лежал на спине головой на север-северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища, большая берцовая кость правой ноги была смещена и находилась между бедренными костями. На груди была найдена бронзовая пряжка, в ногах лежали красноглиняные кувшин и светильник. Захоронение предварительно отнесено к III–IV вв. н. э. Погребенная — женщина, причем довольно массивного телосложения. Примерный возраст — 40–45 лет. Значительная часть зубов утрачена при жизни. Грудные и поясничные позвонки с остеофитозом. На поясничных позвонках — узлы Шморля. Отмечено Х-образное искривление большеберцовых костей. Тип питания умершей может быть оценен как умеренно хороший. Смерть наступила в умеренно холодный период: ранней весной или поздней осенью.

Объект 236. Погребение 155. Северная треть раскопа, кв. 131/61. Захоронение в простой грунтовой яме под каменным закладом из небольших известняковых камней. Сохранность антропологического материала чрезвычайно плохая. Скелет уложен головой на север-северо-восток, руки и ноги в вытянутом положении. Правая рука несколько отставлена в сторону. У головы найдены два красноглиняных амфориска, один из них миниатюрный, и 18 бус-пронизей цветного стекла. У левого бедра лежала бронзовая монета — тетрахалк первой четверти I в. н. э. (*Анохин*, 1977. С. 149, № 214, табл. XIV, *214*), а в ногах находилось круглое уплощенное каменное грузило со сквозным отверстием. Предварительно захоронение отнесено к I в. н. э. Вероятнее всего, оно принадлежало женщине возрастом, исходя из степени изношенности зубов, около 35 лет.

Тип питания скудный (питание этой женщины состояло только из продуктов растительного происхождения и молока). Иными словами, уровень жизни у нее был довольно низким. Хотя, может быть, женщина перед смертью долго болела и не могла употреблять тяжелую для переваривания пищу. Смерть наступила в холодное время года: поздней осенью, зимой или ранней весной.

Объект 238. Погребение 156. Центральная часть раскопа, кв. 126–127/59–60. Захоронение в грунтовой могиле было перебито в центре более поздней кремационной ямой. Кости и череп заметно разрушены. Скелет, вероятно, молодого мужчины 20–25 лет, лежал вытянуто на спине головой на юго-запад, ноги вытянуты, положение рук не установить ввиду отсутствия некоторых костей. Погребальный инвентарь отсутствовал. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершего человека может быть оценен как скудный. Смерть наступила в холодное время года.

Объект 243. Захоронение в простой грунтовой яме, выдолбленной в довольно плотных материковых напластованиях. Сверху довольно тщательно заложено крупными необработанными известняковыми камнями, уложенными в 1–2 слоя. На дне ямы на спине головой на север-северо-восток, судя по антропологическим данным и сопутствующему инвентарю, лежала женщина в возрасте около 20 лет. Ее руки расположены вдоль туловища, ноги лежали ровно. С обеих сторон от головы в нескольких скоплениях были расчищены бусы-пронизи — костяная и сердоликовая, стеклянные, золотостеклянные, а также цветной бисер. Предварительно захоронение отнесено к I–II вв. н. э. Тип питания умершей может быть оценен как хороший. Смерть наступила в холодное время года: зимой или ранней весной.

Объект 246. Погребение 159. Центральная часть раскопа, кв. 121–122/57–58. Захоронение в простой грунтовой яме. По антропологическим

показателям скелет принадлежал взрослому мужчине 25–30 лет. Он лежал на спине, головой на север, руки вытянуты вдоль туловища, правая на тазу, ноги уложены ровно. По дну ямы выявлены пять железных гвоздей, между коленями обнаружено керамическое ткацкое пирамидальное грузило. Эта находка в мужском погребении сама по себе интересна. В ногах находились красноглиняный кувшин и три горшка, рядом с ними лежала перевернутая миска, под которой найдена бронзовая монета — дупондий чекана Херсонес, выпуски примерно 212–222 гг. (например, *Анохин,* 1977. С. 155, № 294, табл. XX, *294*). Захоронение предварительно отнесено к III в. н. э. Тип питания умершего может быть оценен как хороший. Смерть наступила в холодное время года: зимой или ранней весной.

Объект 253. Погребение 162. Центральная часть раскопа, кв. 121/58. Захоронение в простой грунтовой яме. Скелет лежал на спине, головой на север-северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища, правая лежала поверх таза. Ноги вытянуты, сдвинуты в коленях и слегка смещены к востоку. За головой погребенного и в его ногах найдены девять железных гвоздей. В изножье стояли два горшка — красноглиняный и лепной. Предварительно захоронение датируется II–III вв. н. э. Кости оказались очень плохой сохранности, поэтому интерпретировать это захоронение как женское можно лишь предположительно, хотя это и наиболее вероятно. По степени срастания черепных швов возраст определяется в 40–45 лет. Тип питания умершего человека может быть оценен как скудный. Смерть наступила в умеренно теплый период: поздней весной или осенью.

Объект 254. Погребение 163. Центральная часть раскопа, ближе к югу, кв. 121/58. Захоронение в простой грунтовой яме. Скелет лежал на спине, головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги уложены ровно. В погребении обнаружены девять железных гвоздей, справа у головы расчищен малый красноглиняный кувшин, в ногах у юго-западного угла лежал еще один красноглиняный кувшин. Погребенная — предположительно, девочка 10 лет. Предварительно погребение отнесено к III в. н. э. Тип питания умершего человека может быть оценен как умеренно хороший. Смерть наступила в холодное время года: зимой или ранней весной.

Объект 255. Центральная часть раскопа, кв. 128/60. Захоронение, очевидно, очень маленького ребенка, младенца, было совершено в красноглиняной амфоре, в специально оформленном для этого ложе. Костные останки сохранились в виде очень мелких фрагментов и костного тлена. Амфора была ориентирована по оси юго-запад–северо-восток, вокруг нее отмечен обклад из нескольких известняковых камней среднего размера. Костные останки похороненного ребенка почти не сохранились. Комплекс датируется первыми веками нашей эры. Тип питания умершего может быть оценен как умеренно хороший. Смерть наступила предположительно в холодное время года.

Объект 257. Погребение 165. Центральная часть раскопа, кв. 128/60. Захоронение в грунтовой яме под мощным каменным закладом. Восточная часть погребения была разрушена более поздним объектом 237. Поврежденный скелет принадлежал взрослому человеку. Он лежал в скорченном положении на левом боку, головой на север-северо-восток. Сохранились кости правой руки (частично), тазовые и бедренные кости (частично), кости стоп. Инвентарь отсутствовал. Такая поза более характерна для поздних сарматов, или можно предположить сарматское влияние (*Зубарь,* 1982. С. 41). Могила эта, вероятнее всего, женская. Возраст неясен. Погребение предварительно отнесено к первым векам нашей эры. Тип питания умершего человека может быть оценен как скудный. Смерть наступила предположительно в теплое время года: летом или ранней осенью.

Объект 258. Погребение 166. Северная часть раскопа, кв. 131/61. Захоронение в грунтовой яме, по ее периметру локально выявлены небольшие рваные известняковые камни в один ряд, возможно, остатки каменного обклада. Скелет располагался на спине, головой на запад-северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги также уложены ровно. По периметру обнаружены пять железных гвоздей — остатки гроба, в рот погребенному была вложена бронзовая монета — дупондий чекана Херсонес, выпуски около 161–180 гг. (например, *Анохин,* 1977. С. 154, № 270, табл. XVIII, *270*). В ногах находились два лежащих красноглиняных кувшина, у левой ноги был установлен красноглиняный горшок, здесь же расчищен развал стеклянного бальзамария. Предварительно захоронение отнесено ко второй половине II — началу III в. н. э. По антропологическим данным, это девочка примерно 6–7 лет. Тип питания ребенка может быть оценен как хороший. Смерть наступила в теплое время года: поздней весной, летом или ранней осенью.

Объект 259. Погребение 167. Центральная часть раскопа, ближе к югу, кв. 122/58–59. Грунтовая яма, в которой находился погребенный,

имела мощную грунтовую обкладку. Скелет лежал на спине, головой на север. Руки лежали ровно, правая на тазу, ноги вытянуты. Берцовые кости несколько сдвинуты к востоку. Инвентарь представлен железным гвоздем и небольшим свинцовым изделием. Погребенный — мужчина, судя по состоянию зубной системы, возрастом 20–22 года. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершего может быть оценен как скудный. Смерть наступила предположительно в холодное время года.

Объект 260. Погребение 168. Центральная часть раскопа, кв. 122/58. Могильная яма по периметру была обложена уплощенными грубо подтесанными крупными обломками известняковой скалы, поставленными вертикально на ребро. Северная часть погребения отсутствовала, поскольку была перебита конструкцией более позднего погребения 250. В могиле сохранились только кости ног, частично кости таза и левой руки погребенного. Скелет лежал вытянуто на спине головой на север-северо-восток. Кисть левой руки покоилась на тазу. Ноги уложены ровно, чуть разведены в коленях. Какой-либо сопроводительный инвентарь отсутствовал. Захоронение датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках, I–III вв. н. э. По строению имеющихся костей скелета видно, что могила эта женская. Возраст в данном случае установить не представляется возможным. Тип питания умершей может быть оценен как умеренно хороший. Смерть наступила в теплое время года: поздней весной, летом или ранней осенью.

Объект 261. Погребение 169. Центральная часть раскопа, кв. 127/60. Захоронение в грунтовой яме. Скелет лежал на правом боку головой на юг. Ноги согнуты в коленях под прямым углом, руки сильно согнуты в локтях, кисти у подбородка. Погребальный инвентарь отсутствовал. Скорченная поза характерна для поздних сарматов (*Зубарь,* 1982. С. 41). Погребение предварительно отнесено к первым векам нашей эры. К сожалению, антропологическое заключение по этому объекту отсутствует. Тип питания умершего человека может быть оценен как скудный. Смерть наступила предположительно зимой.

Объект 262. Погребение 170. Центральная часть раскопа, кв. 127/60. Захоронение совершено в простой грунтовой яме, возможно, с некоторым каменным обкладом из известняковых камней. Скелет лежал на животе, головой на север-северо-восток. Погребальный инвентарь представлен единственной крупной костяной бусиной-пронизью бочковидной формы, найденной у головы. Подобная геометрическая форма костяных бус была характерна для погребений с IV в. до н. э. по III в. н. э. (*Алексеева,* 1982. С. 28, 99). Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. По антропологическим показателям в могиле находилась женщина примерно 20–22 лет. Тип питания умершей может быть оценен как хороший. Смерть наступила в умеренно теплое время года: весной или осенью.

Объект 263. Погребение 171. Северная часть раскопа, кв. 135/63. Захоронение в простой грунтовой яме с каменным обкладом. Тело было уложено вытянуто на спину, головой на запад-северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги уложены ровно. В районе шеи и головы обнаружены несколько скоплений стеклянных бус в количестве 37 штук, здесь же найдена бусина-пронизь из так называемого египетского фаянса в форме жука-скарабея. Предварительно захоронение отнесено к I–II вв. н. э. Судя по сопроводительному инвентарю, погребена женщина. Тип питания умершей может быть оценен как умеренно хороший. Смерть наступила предположительно в теплое время года: летом или ранней осенью.

Объект 264. Этот комплекс погребением не является, а представляет собой вытянутое по линии северо-восток–юго-запад аморфное в плане скопление камней в кв. 118–119/56–58, 120–121/56–58 в северной части южной трети раскопа. Скопление состояло из необработанных средних и мелких камней, наваленных в 1–3 слоя. Прослеженная длина объекта — 6,5 м, ширина — до 1,7 м. Характеристика и датировка объекта затруднены. При разборе данной структуры были обнаружены четыре фрагмента черепа довольно грацильного склада и один фрагмент левой плечевой кости, также довольно грацильной. Человек, несомненно, был молодой. Пол его достоверно определить затруднительно. Тип питания умершего можно считать хорошим. Смерть наступила зимой или ранней весной.

Объект 267. Погребение 172. Кв. 134–135/63. Могила представляет собой простую яму подпрямоугольной в плане формы, ориентированную осью по сторонам север-северо-восток–юг-юго-запад. Стенки ямы были обложены в несколько рядов небольшими известняковыми камнями, наиболее крупные располагались в изголовье и изножье. Скелет взрослой женщины, примерно 25 лет, лежал на спине головой на север-северо-

восток. Руки вытянуты вдоль туловища, кистями на тазу, ноги также вытянуты. Женщина была похоронена в гробу — по периметру ямы зафиксированы железные гвозди. На ней были крупные погребальные серьги, так называемые серьги таврского типа — с круглым выпуклым щитком, I–III вв. н. э. (*Журавлев и др.,* 2017. Табл. 32, кат. 110), и бусы из стеклянных и керамических бусин-пронизей. У правой кисти лежал римский серебряный антониниан 244–247 гг., периода правления императора Филиппа I (RIC (4.3), 1949. P. 73, № 44b), на левой руке был серебряный перстень с сердоликовой вставкой и вырезанной на ней геммой-инталией с изображением бегущего зайца влево, II–III вв. н. э. (*Арсентьева, Горская,* 2019. С. 140, № 155; *Щербакова,* 1980. С. 98, 99). Похожее изображение бегущего зайца фигурировало на сердоликовой гемме-инталии из сарматского подбойного захоронения могильника Нейзац (могила 193), находка была отнесена исследователями к III в. н. э. (*Стоянова,* 2005. С. 153, 160). В районе ног лежали бронзовая косметическая палочка и два керамических сосуда — красноглиняные ойнохоя и горшок. Комплекс предварительно отнесен ко второй половине III в. н. э.

Тип питания умершей можно оценить как скудный. Захоронение в данном случае довольно богатое. Женщина, погребенная здесь, при жизни могла позволить себе нормально питаться, так что резонно предположить, что она перед смертью долго болела и не могла употреблять тяжелую для переваривания пищу. Время смерти: лето.

Объект 268. Погребение 173. Северная часть раскопа, кв. 134/63. Погребение совершено в простой грунтовой яме, восточная часть комплекса была уничтожена каменной кладкой объекта 265, из-за чего часть костей ног скелета отсутствовала. Тело лежало вытянуто на спине головой на запад-северо-запад, руки — вдоль туловища, ноги уложены ровно. У правой кисти лежала бронзовая монета — тетрахалк первой четверти I в. н. э. (*Анохин,* 1977. С. 149, № 212, табл. XIV, *212*), за головой и у правого колена обнаружено 11 железных гвоздей. Захоронение отнесено к I в. н. э. Пол погребенного индивида не установлен точно, однако скелет в целом довольно массивный, так что можно предполагать, что погребен в могиле все-таки мужчина. Возраст — примерно 45–50 лет. Тип питания умершего человека можно оценить как хороший. Смерть наступила в холодный период: зимой или ранней весной.

Объект 270. Погребение 175. Кв. 126/59, в центре раскопа. Захоронение совершено в простой грунтовой яме. Скелет расположен головой на север-северо-восток, корпусом в полуразвороте на левый бок. Голова лежала также на левом боку, подбородок задран наверх. Руки сильно согнуты в локтях, кисти обращены к подбородку. Таз и ноги лежали ровно. Инвентарь представлен развалом красноглиняного кувшина, который стоял в изголовье, в районе кистей рук обнаружено бронзовое кольцо. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. На нижней челюсти в области зуба 43 следы абсцесса, который и мог стать причиной смерти. Погребенная — женщина, возраст точно установить нельзя из-за плохой сохранности костей. Тип питания умершего человека можно оценить как скудный. Смерть наступила предположительно в теплое время года: летом или ранней осенью.

Объект 272. Выявлен в кв. 134–135/63. Представлял собой ингумацию. Границы могильной ямы выявлены не были, а само погребение сильно разрушено объектом 267. Сохранность костей плохая, сохранилась частично левая часть скелета (кости руки и ноги), правая часть скелета и череп отсутствовали. В ногах был расчищен развал красноглиняного сосуда и единственный железный гвоздь. Погребение предварительно широко датируется в общих для некрополя хронологических рамках. Погребение предположительно женское. Возраст в данном случае установить не удалось, однако человек, несомненно, вполне взрослый. Тип питания умершего человека можно оценить как хороший. Смерть наступила предположительно летом.

Объект 273. Центральная часть раскопа, кв. 122/58. Захоронение женщины было совершено в грунтовой яме, обложенной крупными необработанными известняковыми камнями. Умершая была уложена на спину головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги уложены ровно. не по периметру ямы было найдено 12 железных гвоздей. В левую руку погребенной был вложен железный нож, здесь же рядом лежал красноглиняный светильник. Внизу между ног и у правой ноги расчищены красноглиняные горшок и кувшинчик. Захоронение предварительно отнесено к II–III вв. н. э. Возраст погребенной неясен, но по наличию патологических остеофитозных разрастаний на поясничных позвонках можно предполагать, что, во-первых, погребенная была как минимум вполне зрелого возраста, а во-вторых, что ей приходилось достаточно много заниматься физической работой. При этом пита-

ние этой женщины было хорошо сбалансировано и разнообразно, тип его можно оценить как хороший. Смерть наступила в умеренно теплый период: весной или осенью.

Объект 275. Погребение 179. Было обнаружено по каменному закладу над могилой в северной части раскопа, кв. 134–135/63. Объект представлял собой могилу с каменным обкладом по верхней границе периметра ямы. Обклад был сложен в один ряд из камней рваного известняка небольшого размера. Северо-восточная часть захоронения была разрушена объектом 267. Скелет лежал на спине головой на запад-северо-запад. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть правой руки покоилась на костях таза. Кости нижней части скелета практически отсутствовали. В юго-восточном углу на камнях обклада найден небольшой развал красноглиняного сосуда. Судя по расположению, это были остатки погребальной тризны. Какой-либо другой инвентарь отсутствовал. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Погребенный — мужчина, его примерный возраст — 20–21 год. Тип питания умершего можно оценить как умеренно хороший. Смерть наступила в теплое время года: летом или ранней осенью.

Объект 277. Погребение 181. В центре раскопа, кв. 123/59. Захоронение в грунтовой яме с каменным обкладом по периметру. Скелет молодой женщины 20–22 лет лежал на спине головой на север-северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища, ноги уложены ровно. В ногах найдены три железных гвоздя и красноглиняный горшок с двумя ручками. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершего человека можно оценить как умеренно хороший. Смерть наступила предположительно зимой.

Объект 278. Погребение 182. Центральная часть раскопа, кв. 119–120/56. Захоронение в простой грунтовой яме. Скелет мужчины возрастом примерно 25 лет лежал на спине головой на север-северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища, ноги ровно уложены. В качестве погребального инвентаря у головы были найдены предположительно два фрагмента небольшой бронзовой пряжки и развал столового красноглиняного сосуда. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершего человека можно оценить как скудный. Смерть наступила в холодное время года: поздней осенью, зимой или ранней весной.

Объект 279. Погребение 183. В центре раскопа, кв. 126/59. Погребение совершено в грунтовой яме с каменным обкладом из довольно крупных камней. Скелет молодой женщины 16–17 лет лежал на спине головой на юг-юго-запад, с вытянутыми руками и ногами. На бедренных костях на уровне заклада обнаружено крупное каменное изделие полусферической формы. Другой погребальный инвентарь отсутствовал. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершего человека можно оценить как хороший. Смерть наступила предположительно в теплое время года: летом или ранней осенью.

Объект 284. Погребение 186. Центральная часть раскопа, кв. 124/58–59. Захоронение в грунтовой яме с каменной обкладкой. В изголовье находился крупный уплощенный подработанный камень, который, вероятно, был установлен вертикально или служил перекрытием. Скелет взрослой женщины лежал на спине, головой на север-северо-восток. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги уложены ровно. В ногах находились красноглиняный кувшин и краснолаковая миска. Захоронение предварительно отнесено ко II в. н. э. Состояние зубной системы соотносится с возрастом 25–30 лет. Тип питания умершего человека можно оценить как хороший. Смерть наступила в умеренно теплый период: поздней весной или осенью.

Объект 286. Погребение 187. Центральная часть раскопа, кв. 128/61. Границы могильной ямы не выявлены. Скелет фрагментирован (ребра левой половины грудной клетки), погребенный предположительно лежал на спине головой на юг-юго-запад. Погребальный инвентарь отсутствовал, датировка захоронения затруднена. Пол и точный возраст определить в данном случае не представляется возможным. Тип питания умершего человека можно оценить как хороший. Смерть наступила в холодное время года: зимой или ранней весной.

Объект 287. Погребение 188. Центральная часть раскопа, кв. 124/59. Погребение было совершено в плитовой могиле — стенки грунтовой ямы, выдолбленной в скале, были обложены обработанными прямоугольными каменными плитами, часть из которых была рустована. Сверху могила была перекрыта также хорошо обработанными плитами. Под плитами перекрытия она была заделана известковым раствором. В могиле на спине, головой на север-северо-восток лежал

скелет взрослой женщины, по степени стертости зубов примерно 30-летнего возраста. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть правой руки лежала на тазу. Берцовые кости были смещены и лежали поверх бедренных. В числе прочих патологий отмечено Х-образное искривление большеберцовых костей. Погребальный инвентарь отсутствовал. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершего человека можно оценить как скудный. Смерть наступила в холодное время года: поздней осенью, зимой или ранней весной.

Объект 288. Погребение 189. Центральная часть раскопа, кв. 126/59. Погребение совершено в плитовой могиле с черепичным перекрытием. Могила была перекрыта тремя целыми крупными соленами и одним уплощенным камнем, установленным над головой усопшего. Стенки могильной ямы обложены уплощенными подработанными известняковыми плитами, среди которых были два каменных надгробия, использованных вторично. Скелет лежал вытянуто на спине головой на север-северо-восток. Погребальный инвентарь отсутствовал. Захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. По антропологическим данным могила женская. Отмечен синдром Морганьи — Стюарта — Мореля. Зафиксированы нарушение прикуса (глубокий), зубной камень, эмалевая гипоплазия. Примерный возраст погребенной — около 25 лет. Тип питания умершего человека можно оценить как умеренно хороший. Смерть наступила в холодное время года: зимой или ранней весной.

Объект 291. Погребение 191. Южная часть раскопа, кв. 118–119/57–58. Захоронение совершено в яме. Скелет юноши 16–17 лет лежал на спине головой на юго-запад. Левая рука была чуть согнута в локте, кисть покоилась на животе. Правая рука была сильно согнута в локте вверх, кисть располагалась у подбородка. Правая нога согнута в колене под углом 90°, колено отведено к востоку, поверх нее лежала вытянутая левая нога. Поза погребенного позволяет предположить, что его небрежно сбросили в могилу. Погребальный инвентарь не обнаружен. Датировка затруднена. Тип питания умершего человека можно оценить как скудный. Смерть наступила предположительно в холодное время года, в зимний сезон.

Объект 293. Погребение 193. Центр раскопа, кв. 127/60. Захоронение совершено в простой грунтовой яме. Вероятнее всего, оно принадлежало 20-летней женщине. Скелет лежал вытянуто на спине головой на север-северо-восток, левая рука вытянута вдоль туловища, правая сильно согнута в локте, кисть поднята к голове. В ногах был найден железный гвоздь. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершего человека можно оценить как скудный. Смерть наступила предположительно в холодное время года.

Объект 296. Погребение 196. Центральная часть раскопа, на границе кв. 127–128/60. Представляло собой захоронение в простой грунтовой яме. Скелет взрослого человека лежал на спине головой на север-северо-восток. Руки были чуть разведены в локтях и уложены кистями на таз. Ноги согнуты в коленях под прямым углом и направлены к западу. У левого колена, в образованном подколенном пространстве, лежала придонная часть кувшина. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершего человека можно оценить как скудный. Смерть наступила в умеренно теплый период: весной или осенью.

Объект 298. Погребение 198. Центральная часть раскопа, кв. 125/59. Захоронение совершено в простой грунтовой яме, над которой был сооружен мощный каменный заклад из крупных необработанных известняковых камней. Скелет лежал на спине головой на север. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая рука отсутствовала, видимо, была повреждена более поздними объектами. На голове лежал фрагмент красноглиняного горшка. С внутренней стороны левого локтя лежал чернолаковый лекиф, в ногах найдено две чернолаковые миски и два железных гвоздя. Сосуды отнесены к IV–III вв. до н. э. Погребение по антропологическим данным принадлежало 20-летней (судя по состоянию зубной системы) женщине. Тип питания умершего человека можно оценить как хороший. Смерть наступила в холодное время года.

Объект 299. Погребение 199. Центральная часть раскопа, кв. 128/60. Границы могилы прослежены не были, предположительно это была простая грунтовая яма. Сверху скелет молодой женщины примерно 20 лет был заложен грудой необработанных известняковых камней. Тело лежало на спине, головой на север-северо-восток. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая рука слегка согнута в локте и уложена кистью на таз. Берцовые кости правой ноги, вероятно, не сохранились. На левом предплечье стояла целая мегарская чаша, датируемая II в. до н. э. Тип питания

умершей можно оценить как скудный. Смерть наступила ранней весной или поздней осенью.

Объект 301. Погребение 200. Центральная часть раскопа, кв. 126/60. Захоронение совершено предположительно в простой грунтовой яме. Оно принадлежало женщине 20–21 года. Скелет лежал на спине головой на север-северо-восток. Голова запрокинута. Кости рук практически полностью отсутствовали, возможно, были повреждены более поздними объектами. Ноги были согнуты «каскадом» относительно друг друга, колени направлены к востоку. Погребальный инвентарь не выявлен. Поза погребенной позволяет предположить, что она была небрежно сброшена в яму, возможно, без соблюдения обряда. Датировка захоронения затруднена. Но в целом оно принадлежит к тому же временному интервалу, что и прочие могилы на раскопе 23. Тип питания умершей можно оценить как хороший. Смерть наступила в теплое время года, летом или ранней осенью.

Объект 302. Погребение 201. Центральная часть раскопа, кв. 126/60, в заполнении объекта 300 — очень крупной ямы, наполненной золой и углем (возможно, это было место массовой кремации). Могильная яма прослежена не была. Скелет лежал на спине головой на северо-восток. Кисть левой руки была уложена на тазу, правая рука сильно согнута в локте вверх, кисть находилась у подбородка. Голова запрокинута, ноги уложены ровно, немного сведены в коленях. Какой-либо инвентарь отсутствовал. Антропологические данные свидетельствуют, что в могиле погребена женщина примерно 30 лет. Жизнь погребенной, очевидно, была нелегка. Все зубы верхней челюсти были утрачены при жизни. Поясничные позвонки деформированы. Отмечены следы межпозвоночных грыж, которые возникают при осевой нагрузке сверху вниз, то есть при переноске тяжелых предметов. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершей можно оценить как скудный. Смерть наступила предположительно зимой.

Объект 304. Погребение 203. Кв. 124/59, в центре раскопа. Захоронение было совершено в обычной грунтовой яме, сверху фиксировался каменный заклад из известняковых камней. Скелет лежал вытянуто на спине головой на север-северо-восток. Череп был определен как женский. Возраст погребенной предположительно средний. Кисти рук сложены на костях таза, ноги вытянуты. Погребальный инвентарь отсутствовал. Предварительно захоронение широко датируется в общих для участка некрополя хронологических рамках. Тип питания умершей можно оценить как хороший. Смерть наступила в умеренно теплый период: весной или осенью.

Объект 305. Погребение 204. Было обнаружено в кв. 135–136/63. Захоронение совершено в простой яме подпрямоугольной в плане формы, границы которой были прослежены по локальным остаткам каменного обклада ямы. Могила была ориентирована по оси север-северо-восток–юго-юго-запад, ее предполагаемые размеры составили 1,4 × 0,5 м. Скелет подростка 12–13 лет был уложен на спину, головой на юг. Кисть левой руки находилась на тазе, положение правой неизвестно, отсутствовали кости предплечья, ноги вытянуты. Пол погребенного достоверно не установлен.

Захоронение было совершено в гробу — по периметру ямы располагалось довольно большое количество железных гвоздей, особенно у головы усопшего. В районе правого плеча под костями скелета был найден нагубник (наглазник?) из золотой фольги с рельефным оттиском италийской монеты. Идентичное изделие было найдено за пределами захоронения и несколько ниже уровнем. Вероятно, они могли составлять пару. В районе таза были найдены крупная стеклянная бусина-пронизь и бронзовая ременная пряжка овальной формы с подвижным язычком. С внешней стороны у левого колена лежал железный нож, в изножье находились фрагментированный красноглиняный сосуд и развал небольшого стеклянного бальзамария. Комплекс предварительно отнесен к II–III вв. н. э. Тип питания умершего человека можно оценить как скудный. Смерть наступила предположительно зимой.

Объект 308. Погребение 205. Северная часть раскопа, кв. 136/64. Могильная яма не зафиксирована. Сильно поврежденный фрагментированный скелет был выявлен в предматериковом слое. Захоронение было некогда повреждено. Частично сохранились лишь череп и верхняя часть грудной клетки. Однако сохранность материала в данном случае крайне плохая. По имеющимся костям можно сказать, что погребенный был уложен на спину, головой на север-северо-восток. Погребальный инвентарь отсутствовал, комплекс отнесен к общему хронологическому периоду исследованного участка некрополя. Пол погребенного, по общей грацильности сохранившихся костей, можно предположительно определить как женский. Состояние зубной системы соотносится с возрастом 16–17 лет. Тип питания умершей можно оценить как скудный. Смерть наступила предположительно зимой.

Таблица 2. Половозрастной профиль погребенных на раскопе 23 Южного пригорода Херсонеса Таврического по антропологическим данным
Table 2. Age and sex profile of the buried at the excavation 23 in the Southern suburbs of Chersonesus Taurica according to anthropological data

Пол	Возраст, лет				
	< 10	11–20	21–30	31–40	> 40
Женский	1	16	29	7	3
Мужской	–	6	15	6	1
Неясен	29	12	9	5	2
Всего	30	34	53	18	6
Доля, %	21,3	24,1	37,6	12,8	4,2

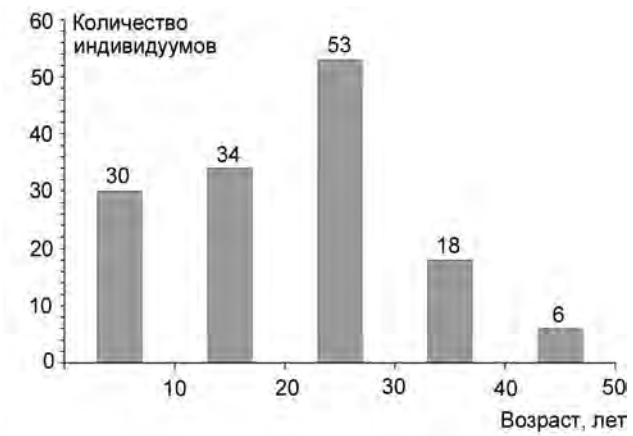


Рис. 2. Количество людей разных возрастных групп, похороненных в некрополе в Южном пригороде Херсонеса Таврического в границах раскопа 23

Fig. 2. The number of people of different age groups buried in the necropolis at the excavation 23 of the Southern suburbs of Chersonesus Taurica

Полученные данные, конечно, не отражают всеобъемлющим образом ситуацию в этом римском некрополе. Напомним, что всего было антропологически изучено 284 захоронения, совершенных по обрядам кремации и ингумации. Костные материалы из них поддавались половозрастному определению далеко не всегда. Данные удалось получить лишь касательно 141 захоронения.

Половозрастной профиль погребенных в этих могилах на раскопе 23 Южного пригорода Херсонеса представлен в таблицах 2 (ей соответствует рис. 2) и 3. Во-первых, видно, что большинство погребенных умерло в возрасте до 30 лет, что составляет 83 % от количества всех умерших, могилы которых были исследованы на раскопе 23. Трудно объяснить такую необычную ситуацию. Можно предполагать, что жизнь этих бедных людей была настолько тяжела, что тридцатилетний возрастной рубеж переживали единицы. Можно добавить, что индивидуумов старше 50 лет среди погребенных вообще не встречено. Женщин среди умерших — 55 человек, а мужчин всего 28. То есть женщины умирали почти в два раза чаще, чем мужчины.

Интересно связать пол и возраст с уровнем жизни погребенных, основываясь на данных изотопного анализа. В сжатой форме результаты нашего исследования представлены в таблице 3. В ней отражены номера объектов, пол погребенного, сезон года, когда наступила смерть, возрастной диапазон, и оценка его питания. Повторимся, если мясо в рационе человека, по причине его бедности, присутствовало на столе лишь изредка, то такой тип питания был определен нами как скудный. Если мясо присутствовало эпизодически — то как умеренно хороший, а если погребенный при жизни употреблял мясную пищу достаточно часто или постоянно, то питание его признавалось хорошим.

Из таблицы 3 видно, что 27 индивидуумов умерло зимой и лишь 12 — летом. В межсезонье, то есть осенью и весной, скончались только восемь человек. Из 39 могил, где пол человека определен достоверно или почти достоверно, 29 погребений были женскими и лишь 10 мужскими. Это неудивительно, учитывая уже упомянутую повышенную смертность среди женщин. Из десяти мужчин восемь (80 %) умерли зимой, и лишь двое (20 %) — летом. Смертей в межсезонье не зафиксировано. Для женщин картина иная: из 29 человек 13 умерли зимой (45 %), 9 — летом (31 %) и семь (24 %) — в межсезонье.

Имущественное расслоение у обоих полов было примерно одинаковым. Половина погребенных была более-менее зажиточна, примерно половина — бедняки, и небольшая часть занимала среднее положение. Среди женщин из 29 человек относительно хорошо питались 11 (38 %), более-менее приемлемая диета была у шести (21 %), а совсем скудный рацион наблюдался у 12 (41 %). Из десяти мужчин четверо питались нормально (40 %), два индивида занимали промежуточную имущественную позицию (20 %), а еще четыре человека (40 %) были очевидными бедняками.

Из таблицы 3 можно следует, что между типом питания и сезоном смерти имеется некоторая корреляция. Женщин со скудным питанием зимой умерло шесть, летом — три, а в межсезонье — две. Среди умеренно питавшихся — летом и зимой умерло по три человека и одна —

Таблица 3. Возраст, пол, тип питания и сезон наступления смерти людей из исследованных могил римского времени на раскопе 23 Южного пригорода Херсонеса Таврического
Table 3. Age, sex, type of nutrition and season of death of people from the studied Roman time graves at the excavation 23 of the Southern suburbs of Chersonesus Taurica

№ объекта	Пол	Возраст, лет					Сезон наступления смерти	Тип питания
		< 10	11–20	21–30	31–40	> 40		
188	?	+	–	–	–	–	Зима	Скудный
189	Ж	–	–	+	–	–	Зима	Скудный
204	М	–	–	+	–	–	Зима	Умеренно хороший
216	Ж	–	–	–	+	–	Зима	Хороший
218	М	–	–	–	+	–	Лето	Хороший
224	Ж	–	+	–	–	–	Зима	Скудный
229	Ж	–	–	–	+?	–	Зима	Умеренно хороший
231	М	–	–	–	?	–	Зима	Хороший
232	Ж	–	–	–	–	+	Межсезонье	Умеренно хороший
236	Ж	–	–	–	+	–	Зима	Скудный
238	М	–	–	+	–	–	Зима	Скудный
243	Ж	–	+	–	–	–	Зима	Хороший
246	М	–	–	+	–	–	Зима	Хороший
253	Ж	–	–		–	+	Межсезонье	Скудный
254	Ж	+	–		–	–	Зима	Умеренно хороший
255	?	+	–		–	–	Зима	Умеренно хороший
257	Ж	–	–	?	–	–	Лето	Скудный
258	Ж	+	–		–	–	Лето	Хороший
259	М	–	–	+	–	–	Зима	Скудный
260	Ж	–	–	?	–	–	Лето	Умеренно хороший
261	?	–	–	?	–	–	Зима	Скудный
262	Ж	–	–	+	–	–	Межсезонье	Хороший
263	?	–	–	–	?	–	Лето	Умеренно хороший
264	?	–	?	–	–	–	Зима	Хороший
267	Ж	–	–	+	–	–	Лето	Скудный
268	М	–	–	–	–	+	Зима	Хороший
270	Ж	–	–	–	?	–	Лето	Скудный
272	Ж	–	–	–	?	–	Лето	Хороший
273	Ж	–	–	–	–	+?	Межсезонье	Хороший
275	М	–	–	+	–	–	Лето	Умеренно хороший
277	Ж	–	–	+	–	–	Зима	Умеренно хороший
278	М	–	–	+	–	–	Зима	Скудный
279	Ж	–	+		–	–	Лето	Хороший
284	Ж	–	–	+	–	–	Межсезонье	Хороший
286	?	–	+	–	–	–	Зима	Хороший
287	Ж	–		+	–	–	Зима	Скудный
288	Ж	–		+	–	–	Лето	Умеренно хороший
291	М	–	+	–	–	–	Зима	Скудный
293	Ж	–	+	–	–	–	Зима	Скудный
296	?	–		–	?	–	Межсезонье	Скудный
298	Ж	–	+	–	–	–	Зима	Хороший
299	Ж	–	+	–	–	–	Межсезонье	Скудный
301	Ж	–	–	+	–	–	Лето	Хороший
302	Ж	–	–	+	–	–	Зима	Скудный
304	Ж	–	–	–	+?	–	Межсезонье	Хороший
305	?	–	+	–	–	–	Зима	Скудный
308	Ж?	–	+	–	–	–	Зима	Скудный

Таблица 4. Время года, когда наступила смерть людей с разным типом питания из исследованных могил римского времени на раскопе 23 Южного пригорода ХерсонесаТаврического

Table 4. Time of year when death occurred of the people with different types of nutrition from the studied Roman time graves at the excavation 23 of the Southern suburb of Chersonesus Taurica

Тип питания	Сезон наступления смерти		
	Зима	Лето	Межсезонье
Скудный	14	3	3
Умеренно хороший	5	4	1
Хороший	8	5	4

Таблица 5. Связь типа питания и возраста людей из исследованных могил римского времени на раскопе 23 Южного пригорода Херсонеса Таврического

Table 5. Relation between the type of nutrition and age of people from the studied Roman time graves at the excavation 23 of the Southern suburbs of Chersonesus Taurica

Тип питания	Возраст, лет				
	< 10	11–20	21–30	31–40	> 40
Скудный	1	5	8	3	1
Умеренно хороший	2	–	5	2	1
Хороший	1	5	4	5	1

Таблица 6. Связь возраста людей и сезона наступления смерти из исследованных могил римского времени на раскопе 23 Южного пригорода Херсонеса Таврического

Table 6. Relation between the age of people and the season of death from the studied Roman time graves at the excavation 23 of the Southern suburb of Chersonesus Taurica

Сезон наступления смерти	Возраст, лет				
	< 10	11–20	21–30	31–40	> 40
Зима	3	8	10	4	–
Лето	1	1	5	4	–
Межсезонье	–	1	2	1	3

в межсезонье. Женщин с хорошим питанием зимой умерло три, летом — четыре и в межсезонье — тоже четыре. Так что можно предполагать некое увеличение смертности зимой среди бедных женщин, но выборка не настолько велика, чтобы можно было констатировать это с уверенностью. Все питавшиеся плохо мужчины умерли в зимнее время. Вместе с тем среди умерших зимой мужчин были и те, чей рацион был достаточно хорош.

Подсчет умерших с разным типом питания по сезонам в целом, безотносительно половой принадлежности, дает следующую картину (табл. 4). Видно, что люди со скудным питанием расставались с жизнью в зимнее время в два раза чаще, чем в другие сезоны. У более зажиточных людей эта закономерность выражена не столь сильно, но, тем не менее, наблюдается.

Возрастные различия в питании представлены в таблице 5. Видно, что наибольшее количество бедняков среди умерших имели возраст от 21 до 30 лет. Умершие дети, как правило, питались несколько лучше, а среди тех, кто пережил 30-летний рубеж, количество хорошо питавшихся наибольшее. Видимо, хорошее питание способствовало тому, что эти люди прожили несколько дольше.

Существенной взаимосвязи между возрастом и сезоном смерти не наблюдается (табл. 6). Видно, что большинство людей в возрасте от 21 до 30 лет скончались зимой, но, вероятно, лишь потому, что, во-первых, в этом возрастном промежутке умирало большинство погребенных, а во-вторых, потому, что значительная часть их умирала именно зимой. Как уже говорилось, те, кто пережил 30-летний рубеж, питались, как правило, хорошо.

Половозрастные данные по некрополю на раскопе 23 (табл. 2) сами по себе довольно стандартны, однако можно отметить и некоторые особенности. Недавно опубликованные результаты исследования антропологических материалов из некрополя Херсонеса Таврического, полученные в ходе раскопок под руководством Г. Д. Белова еще в середине 30-х гг. XX в., дают похожую картину (*Буряк*, 2023). В результате этих раскопок (к сожалению, в работе не указано точное расположение погребений, а некрополь Херсонеса занимает огромную площадь) были получены и исследованы останки 70 человек, из них 45 — взрослые, 25 — дети до 14 лет, причем 13 из них — младенцы до года. Иными словами, дети составляли 35 % от всех похороненных. Эти материалы датируются периодом с V по III в. до н. э., то есть более ранним временем.

При раскопках 2021–2022 гг. исследовалось содержимое десяти погребальных урн римского времени на участках 2 и 9; в двух из них были обнаружены останки детей 7–13 лет (*Якимовская, Свиркина,* 2023), это примерно 20 %, то есть близко по значению.

В наших материалах умершие до десятилетнего возраста составляют 21,3 %, а от 10 до 20 лет — 24,1 % (табл. 2), так что уровень детской смертности в некрополе раскопа 23, вероятно, примерно такой же, как в материалах Г. Д. Белова.

Соотношение мужчин и женщин в материалах раскопок 1930-х гг. практически одинаковое: соответственно 48,5 и 51,5 % (*Буряк,* 2023). У нас женщин в два раза больше, чем мужчин, — 66,6 % от всех индивидуумов, пол которых удалось достоверно определить. Доля тех, кто преодолел возрастной рубеж в 50 лет, в материалах раскопок XX в. 5,7 %, в нашей же группе таких «долгожителей» нет. А тех, кому на момент смерти было больше 40 лет, — всего 4,2 % (табл. 2). Средний возраст умерших с учетом детей составлял по результатам раскопок 1930-х гг. 31,5 года, а на раскопе 23 — лишь 27 лет, то есть средняя продолжительность жизни в римское время здесь была ниже.

Приведем для сравнения данные, полученные в результате исследований других некрополей Северного Причерноморья этого времени. В позднесарматских могильниках Нижней Волги и Нижнего Дона обнаружено довольно много пожилых мужчин и женщин, причем мужчин разного возраста в могилах гораздо больше, чем женщин, а детей практически нет (*Балабанова,* 2000). В могилах римского времени в некрополе Фанагории 150 скелетов определены как мужские, 63 — как женские, а 73 принадлежали детям, то есть и здесь мужских погребений заметно больше (*Свиркина и др.,* 2017). В некрополе Волна 1 в погребениях VI–II вв. до н. э. также отмечается довольно большое количество пожилых людей старше 50 лет, причем зафиксировано и заметно большее количество мужских погребений (*Абрамова и др.,* 2021).

А. Д. Буряк (2023), описывая материалы раскопок Белова, отмечает нередкие случаи различных костных патологий: артрозные изменения, узлы Шморля и некоторые другие, которые говорят о больших прижизненных физических нагрузках. В наших материалах тоже встречаются подобные доказательства тяжелой работы, которую погребенным приходилось выполнять при жизни (см., например, объекты 232, 273, 302), однако такого рода следы фиксируются здесь гораздо реже.

Недавно опубликованные антропологические данные по одному из некрополей Пантикапея, относящегося к более позднему периоду — VII–VIII вв. н. э. (*Радочин,* 2024), дают похожую картину. В этом некрополе на склоне горы Митридат в 2007–2008 гг. всего было открыто 95 могил; из них 34 содержали мужские погребения, 37 — женские, в остальных были захоронены дети. Здесь количество мужчин и женщин было почти одинаковым. Большая часть погребенных — 41 человек (43 %) — скончались в возрасте от 20 до 30 лет. Исследование детских захоронений показало, что в возрасте до 10 лет умерло 23 человека (24 %). Общая картина весьма похожа на ту, которая характерна для некрополя Херсонеса более раннего времени. Однако такого превышения числа умерших женщин над числом умерших мужчин, как на раскопе 23, и здесь не наблюдается. При этом так же, как на раскопе 23, до 50-летнего рубежа не дожил никто.

Полученные результаты говорят о том, что на раскопе 23 открыто место погребения людей, принадлежавших к общественным группам весьма низкого социального статуса. Конструкция погребальных сооружений, которые зачастую представляли собой простую яму в земле, даже не обложенную камнями, также говорит о том, что эти люди были слишком бедны, чтобы их близкие могли организовать даже самые простые погребальные сооружения. Их жизнь была настолько тяжелой, что немногие переживали возрастной рубеж в 40 лет. Им жилось даже труднее, чем первым поселенцам Херсонеса в V–II вв. до н. э., продолжительность жизни которых была выше (*Буряк*, 2023). Большинство погребенных — женщины. Этим исследованный некрополь отличается от других погребальных площадок подобного рода. Видимо, жизненные условия были настолько тяжелы, что женщины умирали первыми. Особенно те, кто имел недостаточное питание. Возраст погребенных, по нашим меркам, молодой. Основная часть умерла между 20 и 30 годами. Это касается и мужчин, и женщин. Абсолютное отсутствие могил пожилых людей — еще одна отличительная черта могильника на раскопе 23.

Качество питания погребенных различалось: лишь 36 % из них питались более-менее хорошо, у 21 % питание было не очень плохим, а 43 % умерших питались плохо, почти не потребляя животные белки. Почти 60 % людей умерло зимой; особенно это относилось к женщинам с плохим уровнем питания. Так что, возможно, основной

причиной смерти являлись какие-то заболевания простудного характера, связанные с переохлаждением. Такая же причина смерти предполагается и для людей из склепов средневекового и римского времени, открытых в ходе этих же работ на раскопе 3 (*Каспаров и др.,* 2022).

Остается только гадать, кем являлись люди, чьи погребения обнаружены на раскопе 23. Можно предположить, что они могли быть рабами или вольноотпущенниками, но изредка попадающиеся в могилах монеты и золотые изделия делают это предположение сомнительным.

Абрамова и др., 2021 — *Абрамова А. Н., Свиркина Н. Г., Шведчикова Т. Ю.* Сравнительная характеристика населения Таманского полуострова VI–II веков до н. э. по палеоантропологическим материалам из некрополя Волна 1 // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы VI конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2021. С. 94–96.

Алексеев, 1966 — *Алексеев В. П.* Остеометрия. М.: Наука, 1966. 250 с.

Алексеев, Дебец, 1964 — *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеева, 1982 — *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982. 105 с.

Анохин, 1977 — *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1977. 175 с.

Арсентьева, Горская, 2019 — *Арсентьева Е. И., Горская О. В.* Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни: каталог коллекции. Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 196 с.

Балабанова, 2000 — *Балабанова М. А.* Демография поздних сарматов // Нижневолжский археологический сборник. 2000. № 3. С. 201–207.

Буряк, 2023 — *Буряк А. Д.* Антропологическая характеристика населения раннего Херсонеса Таврического по материалам раскопок Г. Д. Белова // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы науч. конф. / Ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичева. М.: Буки Веди, 2023. С. 11–12.

Журавлев и др., 2017 — *Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю., Коваленко С. А., Шемаханская М. С.* Золото Херсонеса Таврического (ювелирные изделия из собрания Государственного Исторического музея). М.: Внешторгиздат, 2017. 360 с.

Зубарь, 1982 — *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.

Зубов, 1968 — *Зубов А. А.* Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.

Каспаров и др., 2022 — *Каспаров А. К., Вахонеев В. В., Лохова О. В.* О типе питания людей, захороненных в склепах на некрополе в Южном пригороде древнего Херсонеса Таврического //АВ. 2022. Вып. 37. С. 185–200.

Пашкова, 1978 — *Пашкова В. И.* Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам / Ред. В. И. Пашкова, Б. Д. Резников. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1978. 320 с.

Радочин, 2024 — *Радочин В. Ю.* Антропологические материалы из раскопок некрополя 2007–2009 гг. в Босфорском переулке // Некрополь византийского Боспора. Раскопки 2007–2009 гг. в Босфорском переулке / Отв. ред. А. И. Айбабин. Симферополь: Антиква, 2023. С. 170–221.

Свадковский, 1974 — *Свадковский Б. С.* Учебное пособие по судебно-медицинской стоматологии. М.: Медицина, 1974. 175 с.

Свиркина и др., 2017 — *Свиркина Н. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М.* Население Фанагории римского времени: опыт палеодемографического изучения антропологических материалов восточного некрополя // КСИА. 2017. № 249, ч. 2. С. 236–250.

Стоянова, 2005 — *Стоянова А. А.* Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 2005. Вып. XI. С. 153–168.

Щербакова, 1980 — *Щербакова В. С.* Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск: Уральский ФУ, 1980. Вып. 17: Античные традиции и византийские реалии. С. 94–103.

Якимовская, Свиркина, 2023 — *Якимовская А. Д., Свиркина Н. Г.* Первые результаты анализа кремированных останков из погребений южного пригорода Херсонеса // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы науч. конф. / Ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичева. М.: Буки Веди, 2023. С. 198–200.

Aufrderheide, Rodrigues-Martin, 1997 — *Aufrderheide A. C., Rodrigues-Martin C.* Human paleopathology. Cambridge: University Press, 1997. 478 p.

Hauser, De Stefano, 1989 — *Hauser G., De Stefano G. F.* Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart: Schweizerbartsche Verlag, 1989. 301 p.

Hoefs, 2004 — *Hoefs J.* Stable isotope geochemistry. 5th ed. Berlin; London: Springer, 2004. 244 p.

RIC (4.3), 1949 — Roman Imperial Coinage. Vol. IV, P. III: Gordian III — Uranius Antoninus. London, 1949. 285 p.

Schaefer et al., 2009 — *Schaefer L., Black S., Scheuer L.* Juvenil osteology. A laboratory and field manual. Amsterdam: Elsevier, 2009. 369 p.

Standards for Data…, 1994 — Standards for Data collection from Human Skeletal Remains / Eds. J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Fayetteville, Ark.: Arkansas Archeological Survey, 1994. 206 p.

Ubelaker, 1978 — *Ubelaker D. H.* Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Taraxacum, 1978. 119 p.

White, Folkens, 2005 — *White T. D., Folkens P. A.* The human bone manual. San Diego: Academic Press, 2005. 488 p.

Diet of people buried at excavation 23 of the Southern suburbs of Chersonesus Taurica

A. K. Kasparov, O. V. Lokhova, M. A. Toporivska, V. Yu. Radochin, N. S. Chertkova[3]

Keywords: antiquity, Chersonesos, necropolis, isotope analysis, diet, age composition of the buried, seasons of death

The article describes the burials of the Roman period uncovered in excavation site 23 during large-scale excavations in the Southern suburb of Tauric Chersonesos (Sevastopol). A total of 141 burials were anthropologically and archaeologically studied. Bone tissue samples were taken from 47 burials to establish the isotopic composition of nitrogen and carbon in them and, based on the rsults, to reconstruct the diet of the buried persons during their lifetime. It was established, there are twice as many female burials as male ones, the vast majority of people died between 21 and 30 years old, the average age of the deceased is about 27 years.The main time of death is winter. The main time of death is winter. More than 50 % of all buried died at this time of year. The rest died in other seasons of the year. The age and sex profile of the necropolis differs somewhat from other similar sites in the region, mainly in the abundance of female burials. In addition, there are practically no graves of people aged about 50 years and older. Some skeletons show pathological changes in the bones, most likely caused by heavy physical work during life. The material wealth of those buried was very low. The graves in most cases were simply pits in the ground without the slightest trace of any burial structures, monuments, etc. It can be assumed that the people buried in excavation 23 were slaves or some kind of freedmen, but the occasional coins and gold items found in the graves make this assumption doubtful.

[3] Alexey K. Kasparov, Olga V. Lokhova, Marina A. Toporivska, Natalia S. Chertkova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: alexkas@yahoo.com, Lohova.olga@yandex.ru, toporivskayamarina@gmail.com, natalitchertkova@yandex.ru. Vladimir Yu. Radochin — Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky; Simferopol, Republic of Crimea; e-mail: radochin_v@mail.ru.

Золотой браслет с расширенными концами с Самбийского полуострова: происхождение и датировка

М. М. Казанский, К. Н. Скворцов[1]

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос датировки и происхождения золотого браслета с расширенными концами, найденного у пос. Черепаново в южной части Самбийского полуострова. Его принадлежность эпохе Великого переселения народов и вероятное скандинавское происхождение представляются предпочтительными, если учесть хронологию поступления монетного золота на Балтику и географию находок золотых монет и изделий в Северной Европе.*

Ключевые слова: *золотой браслет, самбийско-натангийская культура, эпоха Великого переселения народов.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-144-153

Летом 2021 г. в ходе сельскохозяйственных работ на своем земельном участке восточнее пос. Черепаново Светловского городского округа Калининградской области местный житель Василий Васильевич Бабич обнаружил золотой браслет с расширенными концами (рис. 1). Место находки располагалось на южном склоне моренной возвышенности высотой 29 м (рис. 2, *A, 1*), до 1945 г. являвшимся полем приходской церкви Меденау, в 1 км северо-восточнее южной окраины пос. Логвино (бывш. Gross Medenau, Kr. Fischhausen; с 1939 по 1945 г. — Kr. Samland). С браслетом В. В. Бабич обратился к К. Н. Скворцову. Был осуществлен выезд на место находки, но в свежей распашке никаких признаков культурного слоя выявлено не было. Были изучены доступные публикации и архивы по истории археологических памятников в этом микрорегионе. Было установлено, что на месте обнаружения браслета в феврале–апреле 1945 г. находились немецкие зенитные орудия, которые были уничтожены советской авиацией. В результате бомбардировок здесь остались воронки глубиной до нескольких метров, что подтверждают снимки контроля бомбометания. Не исключено, что данный предмет мог быть выброшен во время взрыва на поверхность земли из находящегося в этом месте погребения, тем более что на одной из сторон браслета фиксируется воздействие высоких температур. Впрочем, следы воздействия огня на браслете могут быть и результатом его присутствия на погребальном костре. Однако нельзя исключать и случайное нахождение этого артефакта в данном месте в качестве клада или утерянного предмета.

Ближайшим синхронным памятником оказался располагающийся примерно в 900 м юго-западнее (рис. 2, *A, 2*) грунтовый могильник с кремациями позднеримского времени и эпохи переселения народов у с. Черепаново Зеленоградского района Калининградской области (бывш. Schuditten, Kr. Fischhausen) (рис. 3) (*Bezzenberger*, 1909. S. 44–63). В 918 м севернее места находки браслета также располагается городище Логвино 2 (бывш. Medenau, Kr. Fischhausen) (рис. 2, *A, 3*) (*Crome*, 1937. S. 104; 1940. S. 15, 16). Памятник датирован Ф. Д. Гуревич первой половиной I тыс. н. э. (*Гуревич*, 1960. С. 378).

Браслет изготовлен из стержня круглого сечения диаметром в средней части около 0,6 см и окончаниями диаметром около 1,3 см. Вес — 151,38 г. Предмет носит следы деформации (вероятно, в результате воздействия мотоплуга) и пребывания в огне (*Скворцов*, 2023. С. 240, 241, рис. 191). На поверхности одного из окончаний присутствуют врезные линии, нанесенные инструментом с лезвием подтреугольной формы.

[1] Казанский М. М. — Национальный центр научных исследований; Париж, Франция; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com. Скворцов К. Н. — Институт археологии РАН; Москва, РФ; e-mail: sn_arch_exp@mail.ru.

© Казанский М. М., Скворцов К. Н., 2025

В средней части браслета наблюдается узкая зарубка. Первоначальные размеры браслета без деформации — около 8,2 × 7,4 см. С помощью рентгенофлуоресцентного анализа, проведенного анализаторами «Призма М-Аи» и «МетЭксперт», был исследован состав металла данной находки[2]. Установлено, что браслет изготовлен из золота высокой пробы (Au — 86 %), серебра (Ag — 12,60 %), меди (Cu — 1,40 %). В этой статье мы попытаемся определить датировку и возможное происхождение браслета.

Вне всякого сомнения, это изделие относится к категории так называемых королевских браслетов позднеримского и раннесредневекового времени (в основном не позднее V в.), выделенной И. Вернером. Данные браслеты, хорошо известные у германцев, входили в состав мужского костюма (хотя имеются и исключения) и служили символом королевского/княжеского достоинства, хорошей иллюстрацией чему является браслет из могилы франкского короля Хильдерика, похороненного в 482 г. в г. Турнэ (совр. Бельгия). Погребение было случайно найдено в 1655 г. и тогда же опубликовано с удивительно точными иллюстрациями (рис. 4). Германцы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов носили такие браслеты по одному, насколько можно судить по имеющемуся материалу, на правой руке (*Werner*, 1980. S. 4–7, 23; русский перевод, который мы будем цитировать далее: *Вернер*, 2013. С. 316–318). Их вес в позднеримское время колебался от 72,5 до 235 г (*Там же*. Табл. 3), в последующую эпоху достигал 320–380 г, хотя в тенденции более поздние браслеты легче, чем позднеримские (*Там же*. Табл. 1).

По происхождению такие браслеты связаны со Средним Востоком (*Kazanski, Périn*, 1988. P. 23, 24; *Засецкая и др*., 2007. С. 48–60). Наиболее ранние браслеты этого типа засвидетельствованы на территории современных Пакистана, Афганистана и Узбекистана в I в. н. э. В Европу они попадают, видимо, с одной из волн миграции среднеазиатских кочевников (аланов? асиев? массагетов?) в качестве престижной детали убора, вероятно, вместе с такими культурными элементами, как «бирюзово-золотой» стиль, обычай искусственной деформации головы, калачевидные серьги, обшивка края одежды золотыми аппликациями, кинжалы

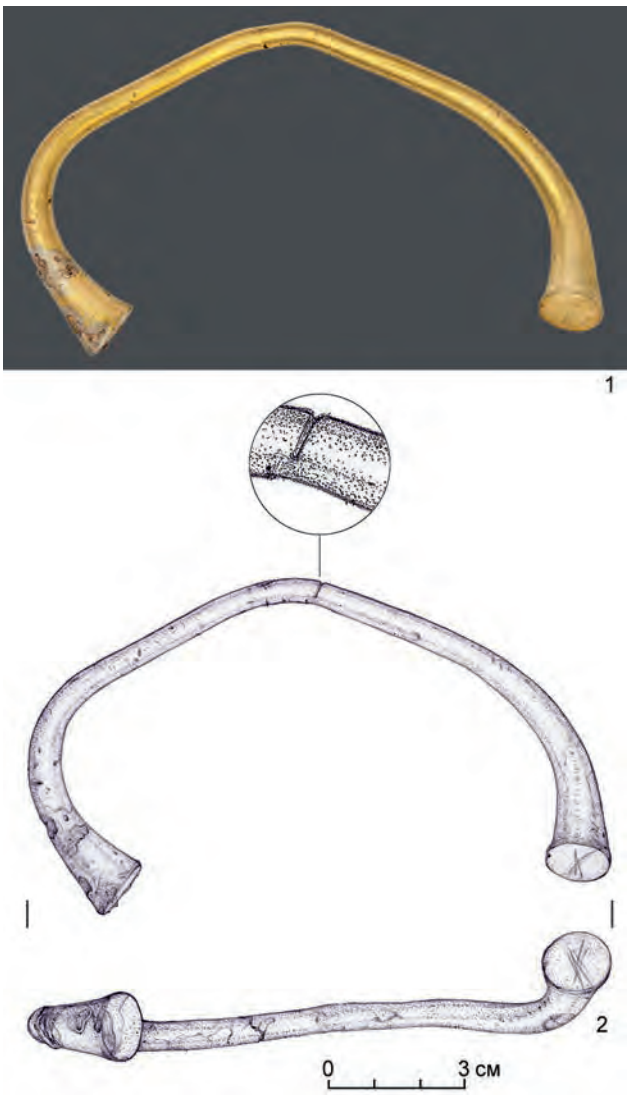


Рис. 1. Золотой браслет из Черепанова: *1* — фотография К. Н. Скворцова; *2* — рисунок Н. В. Тимошенко

Fig. 1. A gold bracelet from Cherepanovo: *1* — photo by K. N. Skvortsov; *2* — drawing by N. V. Timoshenko

в ножнах с четырьмя выступами, наиболее ранние трехлопастные железные наконечники стрел с уступом (*Kazanski, Périn*, 1988. P. 23, 24; *Щукин*, 2000). Появившись с восточными кочевниками, золотые браслеты с расширенными концами получают некоторое распространение в понтийском регионе в римское время. Об этом, в частности, свидетельствует находка 1857 г. в подкурганном захоронении в Керчи. Данный браслет имеет знак, более всего напоминающий тамги ольвийского (?) царя Инисмея (70–80-е гг.). Золотые браслеты также хорошо представлены в привилегированных сарматских погребениях юга Восточной Европы (*von Carnap-Bornheim, Ilkjaer*, 1996. S. 360–364; *Засецкая и др.,* 2007. С. 54–56). Скорее всего, в рамках

[2] Анализы проводились Межрегиональным управлением Федеральной пробирной палаты по Северо-Западному федеральному округу 4 апреля 2022 г., ведущий эксперт — З. В. Тершукова, ведущий специалист-эксперт — И. В. Васильева.

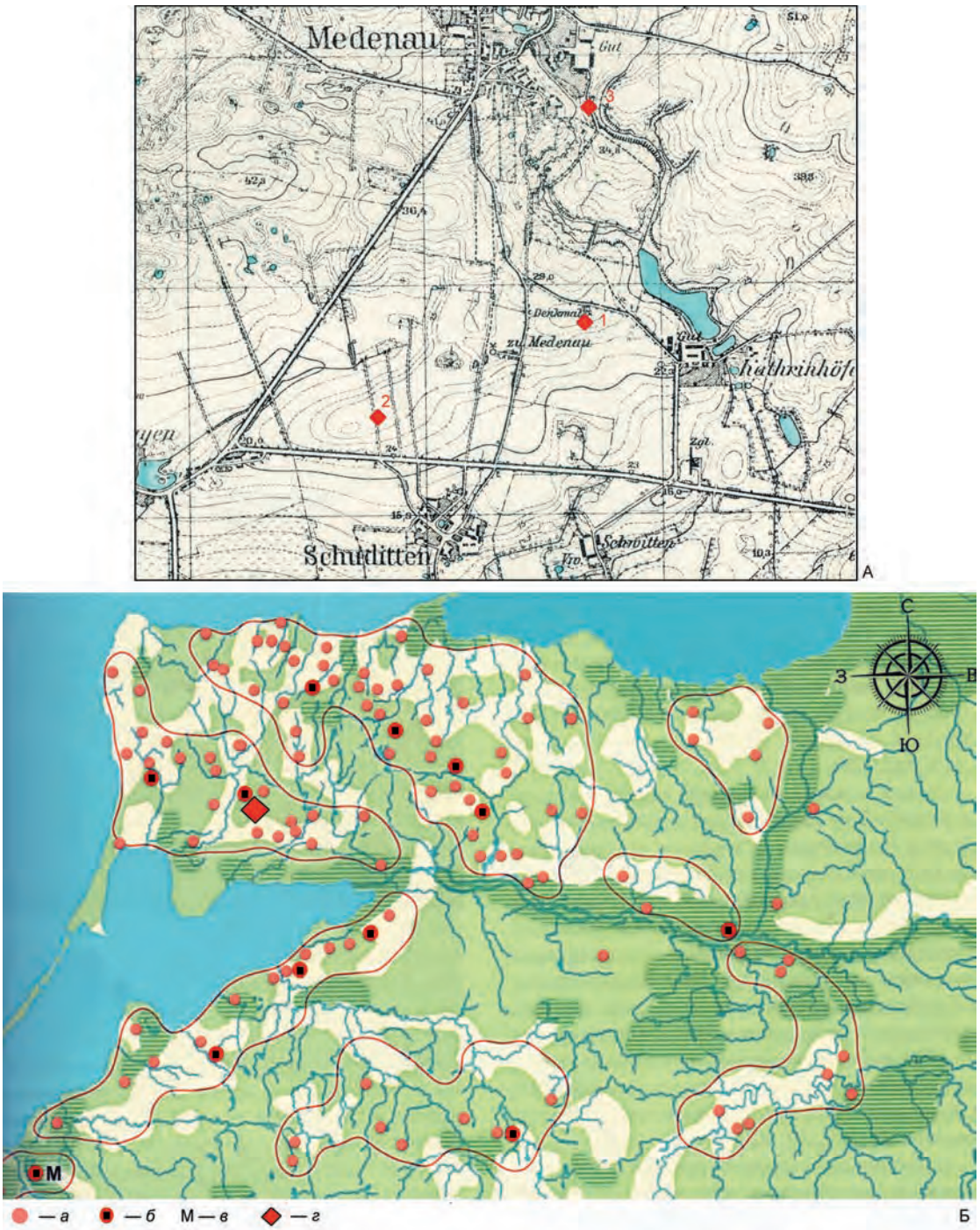


Рис. 2. *А* — карта Восточной Пруссии 1937 г. (масштаб 1 : 25 000), лист 1287, фрагмент, окрестности имения и деревни Medenau: *1* — местонахождение браслета; *2* — местоположение могильника Schuditten (совр. Черепаново); *3* — местоположение городища Gross Medenau (совр. Логвино 2); *Б* — археологические памятники самбийско-натангийской культуры на позднем этапе эпохи Великого переселения народов: *а* — памятники; *б* — могильники с привилегированными погребениями; *в* — находка Хаммерсдорф/Млотечно; *г* — находка золотого браслета в Черепаново

Fig. 2. *А* — the map of East Prussia 1937 (scale 1 : 25 000), sheet 1287, fragment, vicinity of the estate and village Medenau: *1* — location of the bracelet; *2* — location of the burial ground Schuditten (modern Cherepanovo); *3* — location of the settlement Gross Medenau (modern Logvino 2); *Б* — archaeological sites of the Sambian-Natangian culture at the late stage of the Migration Period: *а* — sites; *б* — burial grounds with privileged burials; *в* — a find from Hammersdorf/Młoteczno; *г* — the gold bracelet from Cherepanovo

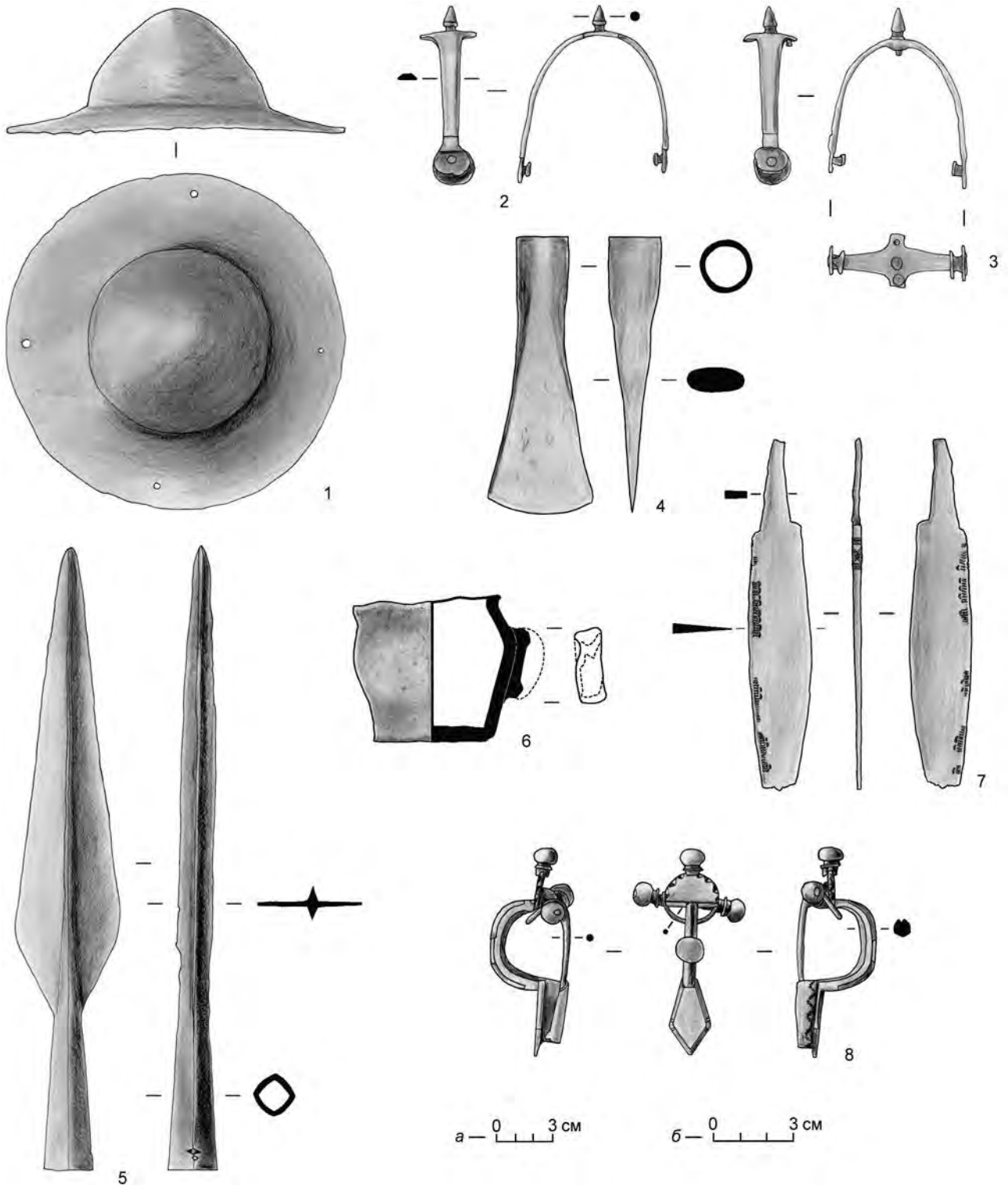


Рис. 3. Инвентарь урнового погребения с могильника Черепаново-Шудиттен, случайная находка 2020 г. (Калининградский историко-художественный музей): *1* — умбон щита, *2, 3* — шпоры; *4* — топор; *5* — копье; *6* — керамический сосуд; *7* — нож; *8* — фибула. Рисунок Д. О. Морозова, К. Н. Скворцова. Масштаб: *а* — для *1–7*; *б* — для *8*

Fig. 3. The urn burial inventory from the Cherepanovo-Schuditten burial ground, a chance discovery, 2020 (The Kaliningrad Museum of History and Art): *1* — shield boss; *2, 3* — spurs; *4* — axe; *5* — spear; *6* — ceramic vessel; *7* — knife; *8* — fibula. Drawing by D. O. Morozov, K. N. Skvortsov. Scale: *a* — for *1–7*; *б* — for *8*

Рис. 4. Часть вещей из могилы короля Хильдерика по публикации 1655 г.

Fig. 4. A part of the things from the tomb of the king Childeric according to the publication of 1655 [Das Grab..., 2015. Taf. 18]

сармато-германских контактов (о них, в частности, см.: *Щукин*, 2000) золотые браслеты с расширенными концами попадают к германцам и становятся частью престижного княжеского убора. Здесь они засвидетельствованы в привилегированных могилах III — начала IV в. в Дании, Северной Германии, бассейне Вислы, а также в Карпатской котловине на территории Словакии. Наиболее территориально близкая к Самбии находка такого браслета происходит из «княжеского» кургана Пелгржимово (Pilgramsdorf/Pielgrzymowo, województwo warmińsko-mazurskie), относящегося к вельбаркской культуре. Его дата — периоды C1b–C2 по хронологии европейского Барбарикума, то есть около 210/220–250/260 гг. (*Lau*, 2014. S. 209–211, Abb. 9, *1*).

Золотые браслеты с расширенными концами хорошо известны в привилегированных могилах эпохи переселения народов как гуннского, так и постгуннского времени. Они представлены в мужских и, как исключение, женских могилах горизонта Унтерзибенбрунн (период D2, 380/400–440/450 гг.), а также в мужских (в том числе детских), очень редко женских, привилегированных погребениях постгуннского времени (периоды D3, 450–480/490 гг., и E1, 480–520 гг.).

Считается, что изготовлялись эти браслеты из римских солидов (*Kyhlberg*, 1986; *Вернер*, 2013). Это мнение оспорено В. Аррениус, которая отметила разницу в составе металла солидов и браслетов (*Arrhenius*, 1990. P. 129). Она полагает, что подобные браслеты производились гуннскими и германскими мастерами. Впрочем, при изготовлении вещей из переплавленных золотых предметов новые изделия по составу металла часто не совпадают с источниками их материала (*Засецкая и др.*, 2007. С. 59, прим. 13). Также показательна латинская весовая надпись на браслете из женского кочевнического (оногурского?) погребения Морской Чулек в устье Дона постгуннского времени (второй половины V — первой половины VI в.), которая свидетельствует об изготовлении этого украшения в Византии (*Там же*. С. 48). Последняя находка, кстати, демонстрирует распространение золотых браслетов с расширенными концами вне германской среды.

Относительно датировки и происхождения золотого браслета из Самбии есть две точки зрения.

По мнению К. Н. Скворцова, впервые опубликовавшего эту находку, браслет принадлежит эпохе Великого переселения народов, вероятно, гуннскому времени (последней трети IV — середине V в.) (*Скворцов*, 2023. С. 240, 241). Далее станет ясно, что в это время такие браслеты особенно характерны для Скандинавии.

Как полагает О. А. Хомякова, данный браслет датируется скорее позднеримским временем и сопоставим прежде всего с «княжескими» украшениями Центральной Европы, поскольку для эпохи Великого переселения народов в циркумбалтийском регионе лишь две находки могут быть надежно датированы V — ранним VI в.: изделия из кладов в Хельге (Helgö) с 47 солидами и в Брохольме (Broholm) с брактеатами. При этом наиболее территориально близкой находкой золотых браслетов является находка позднеримского времени из Пелгржимово (*Хомякова*, 2024а. С. 104).

Исследовательница также полагает, что в целом браслеты с расширенными концами не были типичны для убора Юго-Восточной Прибалтики эпохи переселения народов, что вряд ли справедливо. Действительно, в сводных работах исследователей стран Балтии такие браслеты приведены как

типичные для эпохи Великого переселения народов практически для всех археологических культур между Неманом и Западной Двиной/Даугавой (см., например: *Bliujienė*, 2013. 358, 361–364 pav.). Важное значение имеет и работа самой О. А. Хомяковой, где изучены довольно многочисленные находки браслетов с расширенными концами (12 экз.) с памятников самбийско-натангийской культуры (*Хомякова*, 2024б).

О. А. Хомякова составила общий список находок золотых браслетов с расширенными концами. Всего ею учтено 68 находок (*Хомякова*, 2024а. С. 111–115). Из них 28 связаны с циркумбалтийским регионом (Скандинавией, Северной Германией, Калининградской областью). К позднеримскому времени здесь достоверно относятся 11 находок, две — к эпохе переселения народов, 36 находок не имеют точной даты и в целом могут быть определены рамками III — начала VI в.

Интересно сравнить эти данные со списком браслетов, составленным в 1986 г. О. Кюхлбергом. В нем учтено 58 находок, в том числе из интересующего нас региона (Скандинавии, Северной Германии) — 29 находок (*Kyhlberg*, 1986. P. 118–121). При этом у О. Кюхлберга отсутствуют семь находок, присутствующих у О. А. Хомяковой (*Хомякова*, 2024а. № 6, 45, 51, 54, 57, 61, 65), но зато учтены пять находок, которых нет в списке исследовательницы (*Kyhlberg*, 1986. № 14, 21, 22, 26, 27). В наши задачи не входит составление еще одного реестра золотых браслетов, поскольку ясно, что коллеги оперируют сопоставимыми и во многом совпадающими базами данных.

Сам по себе браслет из Черепанова не дает сведений, позволяющих судить о дате его появления и возможном происхождении. Его форма достаточно типична для всего периода III — начала VI в. Вес — около 150 г — средний для этого вида украшений, характерный для браслетов как позднеримского времени, так и эпохи переселения народов (*Kyhlberg*, 1986. Fig. 19; *Вернер*, 2013. С. 358). Малоинформативно и изучение общего контекста контактов самбийско-натангийской культуры, которая, как известно, демонстрирует связи и со Скандинавией эпохи переселения народов, и с вельбаркской культурой позднеримского времени.

Следовательно, надо учитывать косвенные обстоятельства, которые, как представляется, скорее свидетельствуют о скандинавском происхождении браслета и о его датировке эпохой переселения народов. Показательно географическое распространение золотых браслетов с расширенными концами — примерно половина их приходится на циркумбалтийский регион. По данным О. Кюхлберга, это 29 из 58 находок, по О. А. Хомяковой — 28 из 68. Если же объединить данные этих исследователей, то получается, что в интересующей нас зоне зафиксировано около 33 местонахождений, то есть около половины всех европейских находок, причем большая часть приходится на острова Балтийского моря — Готланд, Эланд, Фюн.

Эти браслеты могли быть сделаны только из римских золотых монет, других источников золота здесь не было. Основной приток солидов на Балтику приходится на вторую половину V в. Самые ранние клады золотых монет соответствуют 473–483 гг., самые поздние — 568–588 гг. Считается, что эпоха поступления солидов длилась максимум с 473 по 501 г. на островах Эланд и Фюн, с 473 по 501 г. или с 488 по 527 г. — на Борнхольме, с 510 по 588 г. — на Готланде. Клад золота из Хельге относится к периоду около 510–520 гг. (*Kyhlberg*, 1986. P. 57, 58, Table 44; *Fischer, López Sánchez,* 2016. P. 260). Разумеется, золото попадало в Северную Европу и в римское время, о чем свидетельствует наличие здесь золотых украшений (см.: *Stenberger*, 1977. S. 290–294; *Andersson*, 1993; *Вернер*, 2013. С. 321, 322). Но в V — начале VI в. приток золотых монет становится несравнимо больше. Наступает скандинавский «Золотой век», характеризующийся обилием украшений из этого драгоценного металла (*Stenberger*, 1977. S. 314–333; *Шувалов*, 2004. С. 79, 90; *Лебедев*, 2005. С. 136, 137).

Следует отметить, что проба черепановской находки значительно уступает пробе солидов, которые, как известно, чеканились из сплавов золота выше 900-й пробы[3]. Однако нельзя исключать, что материалом для изготовления данного браслета все же могли послужить золотые монеты. По приблизительным расчетам для этого было использовано около 30 монет весом по 4,5 г, общим весом около 137 г при 950-й пробе золота. При нехватке золота ювелир мог восполнить его в лигатуре необходимым количеством других металлов — серебром с небольшой примесью меди, которое, в отличие от золота, в ареале самбийско-натангийской культуры встречается значительно чаще. Оно здесь является вторым по распространению (после бронзовых сплавов) цветным металлом, использовавшимся в ювелирных украшениях начиная с римского времени. Серебро чаще всего поступало сюда в виде римских динариев, которые встречаются на поселениях и в погребениях вплоть до V в. (*Скворцов*, 2023. С. 215–217).

Логично предположить, что основная часть не имеющих абсолютной хронологической привяз-

[3] В публикациях о подобных браслетах, найденных в Барбарикуме, зачастую нет информации о составе металла (*Вернер*, 2013. С. 14).

ки довольно массивных золотых браслетов с расширенными концами в Скандинавии и в целом в циркумбалтийском регионе относится к эпохе поступления наибольшего количества золота в виде солидов (*Kyhlberg*, 1986. P. 70, 72; *Fischer et al.*, 2011. P. 193, 194). Вероятно, этот вывод можно распространить и на самбийскую находку.

Феномен поступления солидов в Северную Европу в первую очередь связан с какими-то военно-политическими событиями эпохи переселения (*Kyhlberg*, 1986. P. 65, 66; *Fischer*, 2017). Частично солиды представляли собой римскую дань Аттиле, розданную им в знак покровительства вассальным германским вождям. Этот момент нашел отражение в «Песне о Хильдебранте» (известна в записи VIII в.), где король Хильдебрант дарит своему сыну браслет: *uuant do ar arme* (он снял с рук) / *uuuntane bougä* (овивающие изделия) / *cheisuringü gitan* (из императорских монет) /*sö îme së der chuninggap* (которые ему когда-то подарили гунны) / *Hüneö truhtin* (данные королю) (цит. по: *Kyhlberg*, 1986. P. 71).

Напомним, что по свидетельству Приска Панийского Аттила претендовал на власть над островами в «Океане», то есть в Балтийском море (*Латышев*, 1890. С. 830, Fragment 8. 139; *Given*, 2014. P. 68). Но чаще всего предполагается, что римские солиды поступали на Балтику через посредство остроготов. Наверняка часть золотых монет действительно попала в Балтийский регион в результате участия остроготов в торговле мехом и янтарем. Но в их распространении не исключена и роль скандинавских наемников, возможно, служивших у остроготов. Впрочем, присутствие этих наемников в гуннской, остроготской или ранневизантийской армиях не зафиксировано ни одним письменным источником (подробнее см.: *Казанский*, 2010. С. 27, там же библиография).

Находки золота эпохи Великого переселения народов на территории самбийско-натангийской культуры малочисленны. Видимо, основной поток драгоценного металла, поступавшего на Балтику, проходил рядом, по Нижней Висле, но минуя Самбию. Находки золотых солидов конца IV — начала VI в. (рис. 5) подчеркивают важное значение устья Вислы в международных контактах (*Там же*. С. 22, там же библиография). Скандинавское присутствие в дельте Вислы в V–VI вв. хорошо фиксируется археологическими находками на южном берегу Вислинского/Калининградского залива, к востоку от устья реки. Это, в частности, клад золотых гривен типа Андерсон R 300 — Пиотровице в Хаммерсдорфе/Млотечно (Hammersdorf/Mloteczno) (*Там же*. Ч. 22, 53; *Скворцов*, 2023. С. 251, 252, рис. 196, там же библиография).

Если основная часть золота в V–VI вв. уходила на север или же оставалась в устье Вислы, кое-что все же попадало и в Самбию, прежде всего благодаря функционированию Янтарного пути (*Скворцов*, 2023. С. 240, 241). В самбийско-натангийской культуре находки изделий из золота в настоящий момент известны только в комплексах начиная с финальной фазы позднеримского периода, то есть конца фазы С2, и ранней фазы эпохи Великого переселения народов, C_3–D_1 (около 250/260–300/320 по 360/370–400/410 гг.) (*Там же*. С. 195, 230). Самая ранняя известная самбийская находка — ауреус императора Марка Аврелия из некрополя Путилово 2 (бывш. Corjeiten) (*Bolin*, 1926. S. 212) — обнаружена вне контекста и не может служить доказательством ранней даты появления изделий из золота в Самбии. Единственное известное датируемое погребение позднеримского времени, содержавшее находку из золота — небольшой слиток длиной 6,4 см и толщиной от 8 до 7 мм по краям, происходит из урновой воинской кремации с самбийского некрополя Котельниково (бывш. Warengen, Kr. Fischhausen), располагающегося в 3,6 км севернее места находки золотого браслета в Черепаново (*Heydeck*, 1909. S. 232–234).

Для эпохи переселения народов можно назвать наиболее показательные находки золотых браслетов, обнаруженные, в частности, в Берёзовке (бывш. Sausgarten) (*Скворцов*, 2023. Рис. 59), Гурьевске (бывш. Kleinheide) (*Там же*. Рис. 83), Первомайском (бывш. Warnikam) (*Там же*. Табл. 3, *1*; 4, *1*), а также лунницы — в Логвино (бывш. Klein Medenau) (*Там же*. Рис. 161).

На уровне относительно массового материала (фибул, принадлежащих «среднему классу») связи между территорией самбийско-натангийской культуры и Скандинавией в эпоху Великого переселения народов хорошо установлены (подробнее см.: *Bitner-Wróblewska*, 1991; 2001). Что касается контактов правящих элит, то скандинавские параллели зафиксированы в материале ряда «вождеских» памятников: Первомайского (бывш. Warnikam) (*Скворцов*, 2023. С. 39, 41, 42, 51, 58), Митино 1 (*Там же*. С. 149–153), Шоссейного (*Там же*. С. 170–186). Вероятно, и появление золотого браслета в Самбии отражает эти контакты. Остается добавить, что браслет найден в регионе, где для поздней фазы эпохи переселения народов фиксируется концентрация памятников (рис. 2, *Б*), возможно, принадлежавших отдельной группе населения, и где известны погребения «вождеской» знати (*Казанский и др.,* 2017. С. 39, рис. 8; *Скворцов*, 2023. С. 240, рис. 190).

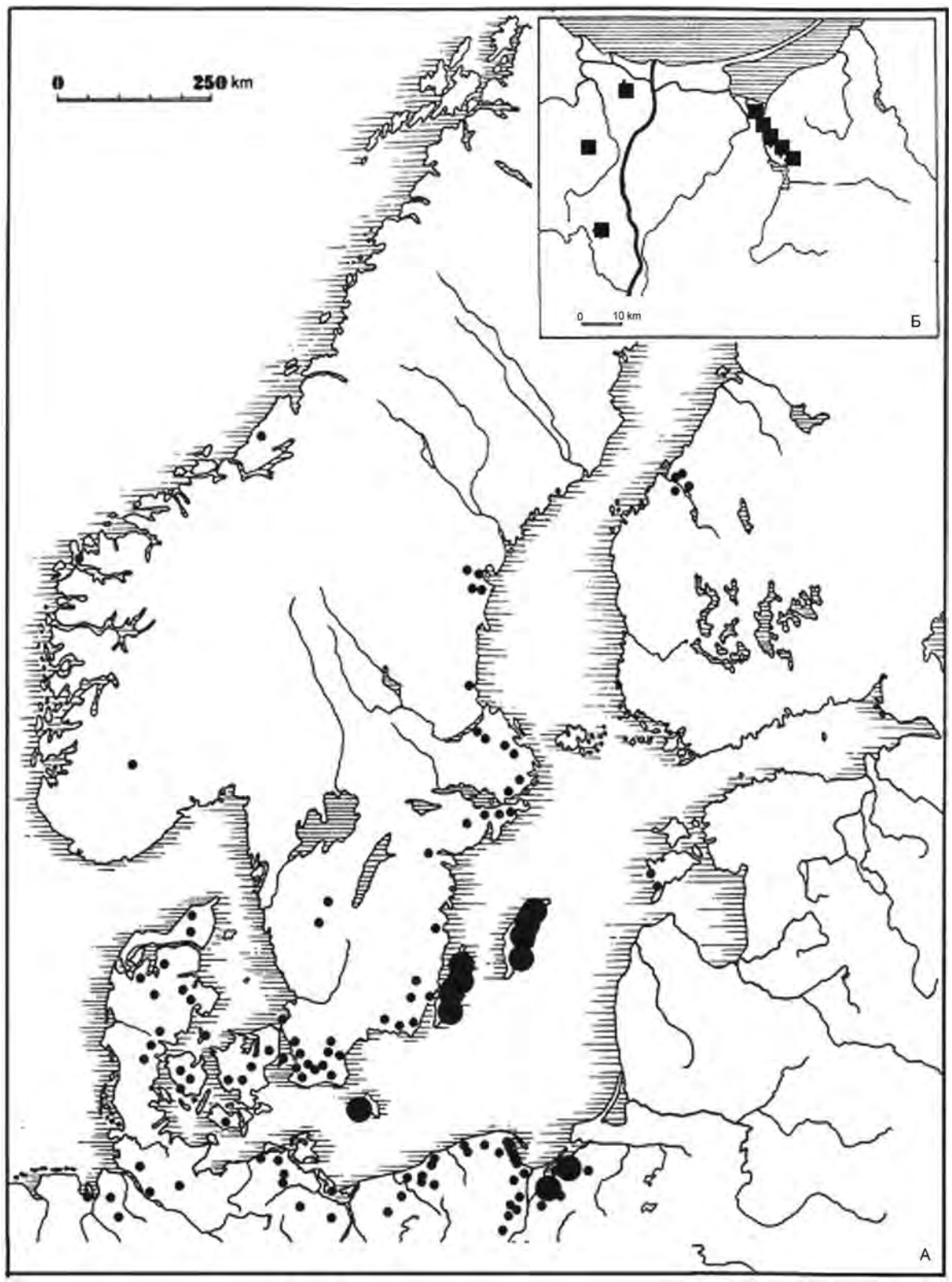


Рис. 5. Находки золотых монет: *А* — 395–518 гг. в Балтийском бассейне; *Б* — V — начало VI в. в устье Вислы
Fig. 5. Finds of gold coins: *A* — 395–518, the Baltic basin; *Б* — 5th — early 6th cen., the Vistula mouth
[*А — Bitner-Wróblewska*, 1991. P. 228, fig. 2; *Б — Ibid*. P. 228, fig. 3, с изменениями]

Вернер, 2013 — *Вернер И.* Золотой браслет короля франков Хильдерика и германские браслеты позднеримского времени (с приложением работы Людвига Паули) // Stratum plus. 2013. № 4: В поисках ойума. «Пути народов». С. 315–348.

Гуревич, 1960 — *Гуревич Ф. Д.* Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. / Отв. ред. М. А. Тиханова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 76). С. 328–452.

Засецкая и др., 2007 — *Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С.* Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2007. 209 с.

Казанский, 2010 — *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum Plus. 2010. № 4: Рим и варвары: от Августа до Августула. С. 17–130.

Казанский и др., 2017 — *Казанский М. М., Мастыкова А. В., Скворцов К. Н.* Признаки социальной стратификации у населения самбийско-натангийской культуры в начале средневековья (середина V — VII в.) // РА. 2017. № 3. С. 28–45.

Латышев, 1890 — *Латышев В. В.* Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1890. Т. I: Греческие писатели. 946 с.

Лебедев, 2005 — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.

Скворцов, 2023 — *Скворцов К. Н.* Элитные погребения эстиев в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2023 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 29). 476 с.

Хомякова, 2024а — *Хомякова О. А.* Браслеты с расширенными концами, изготовленные из драгоценных металлов в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов: дунайско-днепровско-прибалтийские параллели // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23, № 1. С. 102–135.

Хомякова, 2024б — *Хомякова О. А.* Браслеты с расширенными концами самбийско-натангийской культуры IV–V вв. // КСИА. 2024. Вып. 275. С. 330–347.

Шувалов, 2004 — *Шувалов П. В. Pelles sappherinae* и Восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-Скандии в V–VI вв. // Ладога и Глеб Лебедев. VIII чтения памяти А. Мачинской / Ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 73–108.

Щукин, 2000 — *Щукин М. Б.* Находки у с. Залевки в Поднепровье и проблема происхождения североевропейского филигранного стиля I–II вв. // Stratum plus. 2000. № 4: Время великих миграций. С. 215–225.

Andersson, 1993 — *Andersson K.* Romartida guldsmide i Norden. Katalog. Uppsala: Societas archaeologica Upsaliensis, 1993 (Aun; Bd. 17). 292 S.

Arrhenius, 1990 — *Arrhenius B.* Connections between Scandinavia and the East Roman Empire in the Migration period // From the Baltic to the Black Sea. Studies in Medieval Archaeology / Eds. L. Alcock, D. Ausin. Lodon; Boston; Sydney; Wellington: Routledge, 1990. P. 118–137.

Bezzenberger, 1909 — *Bezzenberger A.* Das Gräberfeld verschiedenen Perioden bei Schuditten, Kr. Fischhausen // Sitzungsberihte der Altertumsgesellschaft Prussia für die Vereinjahre 1900–1904. 1909. Bd. 22. S. 44–63.

Bitner-Wróblewska, 1991 — *Bitner-Wróblewska A.* Between Scania and Samland. From Studies of Stylistic Links in the Baltic Basin during the Early Migration Period // Fornvännen. 1991. T. 86. P. 225–241.

Bitner-Wróblewska, 2001 — *Bitner-Wróblewska A.* From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa: Muzeum Archeologiczne, 2001. 258 p.

Bliujienė, 2013 — *Bliujienė A.* Roėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Klaipėda: Klaipėdoc Univeritetas, 2013 (Lietuvos Archeologia; T. III). 750 p.

Bolin, 1926 — *Bolin S.* Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen // Prussia. 1926. Bd. 26. S. 203–240.

Crome, 1937 — *Crome H.* Karte und Verzeichnis der vor- und frühgeschichtlichen Wehranlagen in Ostpreußen // Altpreußen. 1937. 2. Jährgang, Heft 3 (Juni). S. 97–125.

Crome, 1940 — *Crome H.* Führer zu den frühgeschichtlichen Burgwällen Samlands // Prussia: Zeitschrift für Heimatkunde. 1940. Bd. 34. S. 5–82.

Das Grab…, 2015 — Das Grab des fräkischen Königs Childerich in Tournai und die *Anastasias Childerici* von Jean-Jacques Chifflet aus den Jahre 1655 / Hrsg. D. Quast. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmusezums, 2015. 518 S.

Fischer, 2017 — *Fischer S.* The material culture of 5th century returning veterans // The Sosdala horsemen- and the equestrian elite of Vth century Europe / Eds. C. Fabech, U. Nasman. Moesgard: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 313–327.

Fischer et al., 2016 — *Fischer S., López Sánchez F.* Subsidies for the Roman West? The flow of Constantinopolitan solidi to the Western Empire and Barbaricum // Opuscula. 2016. Vol. 9. P. 249–269.

Fischer et al., 2011 — *Fischer S., López Sánchez F., Victor H.* The 5th century Hoard of Theodosian Solidi from Stora Brunneby, Öland, Sweden. A Result from the LEO Project // Fornvännen. 2011. № 106. P. 189–204.

Given, 2014 — *Given J.* The Fragmentary History of Priscus. Merchantville: Evolution Publishig, 2014 (Christian Roman Empire Series; Vol. 11). 194 p.

Heydeck, 1909 — *Heydeck J.* Gräberfeld von Warengen // Prussia. 1909. Bd. 22: Königsberg. S. 224–238.

Kazanski, Périn, 1988 — *Kazanski M., Périn P.* Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question

et perspectives // Revue Archéologique de Picardie. 1988. № 3–4. P. 13–38.

Kyhlberg, 1986 — *Kyhlberg O.* Late Roman and Byzantine Solidi, An archaeological analysis of coins and hoards // Excavations at Helgö. X. Coins, Iron and Gold / Eds. C. Lamm, A. Lundström. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1986. P. 12–126.

Lau, 2014 — *Lau N.* Kammergrab und Gräberfeld von Pilgramsdorf (Pielgrzymowo) —Ein Fundplatz zwischen kulturellem Kontext und überregionalen Einflüssen // Kammergräber im Barbaricum. Zu Einflüssen und Übergangsphänomenen von der vorrömischen Eisenzeit bis in die Völkerwanderungszeit (Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Ergänzungsreihe. Band 9) / Hrsg. A. Abegg-Wigg, N. Lau. Neumünster; Hamburg: Wachholz Verlag, 2014. S. 199–228.

Stenberger, 1977 — *Stenberger M.* Vorgeschichte Schwedens. Berlin: Akademie-Verlag, 1977. 544 S.

Von Carnap-Bornheim, Ilkjaer, 1996 — *von Carnap-Bornheim C., Ilkjaer J.* llerup Ådal. 6. Die Prachtausrüstungen. Aarhus: Aarhus University Press, 1996 (Jutland Archaeological Society Publications XXV; Vol. 5). 486 S.

Werner, 1980 — *Werner J.* Der goldene Armring des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkringe der jüngeren Kaiserzeit // Frühmittelalterliche Studien. 1980. Bd. 14. S. 1–41.

A gold bracelet with flared ends from the Sambian Peninsula: origin and dating

M. M. Kazanski, K. N. Skvortsov[4]

Keywords: gold bracelet, Sambian-Natangian culture, Great Migration Period

In 2021, east of the village of Cherepanovo in the Kaliningrad region, a local resident discovered a gold bracelet with flared ends. The bracelet is made of a round rod with a diameter in the middle part of approx. 0,6 cm and ends with a diameter of approx. 1,3 cm. Weight — 151,38 g. The original dimensions of the bracelet are approx. 8,2 × 7,4 cm. This item belongs to the category of so-called royal bracelets of the Late Roman and Early Medieval Period. These bracelets, well known among the Germans, were an accessory to a man's costume, although there are exceptions. They were a symbol of royal/princely dignity, which is well illustrated by the bracelet from the tomb of the Frankish king Childeric, buried in 482 in Tournai (modern Belgium). The origin of these bracelets is associated with the Middle East. The earliest bracelets of this type are attested in the territory of modern Pakistan, Afghanistan and Uzbekistan in the 1st cen. AD. These bracelets apparently came to Europe with one of the waves of migration of Central Asian nomads as a prestigious piece of attire. Having appeared with the eastern nomads, in Roman times gold bracelets with widened ends spread in the Pontic region in Roman times and among the Sarmatians in the steppes of Eastern Europe. In Late Roman Period, gold bracelets with widened ends appeared among the Germans and became part of the prestigious princely attire. Subsequently, gold bracelets with widened ends are well known for privileged graves of the Great Migration Period. There are two points of view regarding the dating and origin of the gold bracelet from Sambia: 1 — the bracelet belongs to the Great Migration Period; 2 — the bracelet dates back to the Late Roman Period and is comparable to the "princely" jewelry of Central Europe. The bracelet from Cherepanovo itself does not provide information that would allow us to judge its date and possible origin. Therefore, it is necessary to take into account indirect circumstances, which, as it seems, rather indicate a Scandinavian origin of the bracelet and its dating to the Great Migration Period. The geographical distribution of gold bracelets with widened ends is indicative — about half of all European finds come from the Circum-Baltic region, with the majority coming from the Baltic Sea islands — Gotland, Öland, Funen. These bracelets could only be made from Roman gold coins, there were no other sources of gold here. At the same time, the main influx of solidi into the Baltic falls on the second half of the 5th cen. It is logical to assume that the majority of rather massive gold bracelets with widened ends in Scandinavia and in the Circum-Baltic region as a whole, which do not have an absolute chronological reference, belong to the era of the arrival of the largest amount of gold in the form of solidi. Probably, this conclusion can be extended to the Sambian find.

[4] Michel Kazanski — Centre National de la Recherche Scientifique, UMR 8167 "Orient et Mediterranee"; Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com. Konstantin N. Skvortsov — Institute of Archeology RAS; Moscow, Russian Federation; e-mail: sn_arch_exp@mail.ru.

Коллекция археологической керамики традиции парана́-пампа (провинция Буэнос-Айрес, Аргентина)

Л. М. Дмитренко[1]

Аннотация. *В 1913 г. в рамках обмена коллекциями с Этнографическим музеем в Буэнос-Айресе в МАЭ РАН была прислана коллекция фрагментов керамики, декорированных различными видами углубленного орнамента. Информация о месте их происхождения была чрезвычайно краткой. Статья посвящена атрибуции и изучению керамических материалов из коллекции МАЭ 2229.*

Ключевые слова: *археология Аргентины, коллекции МАЭ РАН, керамическая традиция парана-пампа.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-154-166

Коллекция Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН (МАЭ), зарегистрированная в феврале 1914 г. под номером 2229В, состояла из 80 фрагментов керамики. В списке, присланном директором Этнографического музея в Буэнос-Айресе Хуаном Баутиста Амбросетти, была пометка: «Colección de 80 ejemplares de fragmentos de alfareria neolitica de la provincia de Buenos Aires (Laguna de Chascomús)» (Коллекция из 80 обломков неолитической керамики из провинции Буэнос-Айрес (лагуна Часкомус)) (Опись коллекции МАЭ 2228. Л. 13).

Архивные данные

Для дальнейшего изучения этих материалов прежде всего нужно было определить место их происхождения. В каталоге коллекций Этнографического музея в Буэнос-Айресе Амбросетти отмечал, что в числе археологических предметов хранилась только одна коллекция керамических фрагментов из лагуны Часкомус, поступившая до 1912 г. (*Ambrosetti*, 1912. P. 14). Более точной информации о месте или источнике поступления коллекции в публикации нет.

При регистрации в МАЭ в коллекцию 2229 были объединены три археологических собрания из провинции Буэнос-Айрес: А и Б (МАЭ 2229-1-92 после перерегистрации 2024 г.) состояли из каменных орудий, В — из фрагментов керамики (МАЭ 2229-93–172) (Описи коллекций МАЭ 2229; 2229 А, Б, В)[2]. Эти отдельные коллекции не составляли единого археологического комплекса, а представляли собой различные типы материалов из одного географического района. В состав коллекции 2229В входили фрагменты керамики серого, желтого и красно-оранжевого цвета, поверхность 67 экземпляров была декорирована различными видами углубленного орнамента. Полевых номеров Этнографического музея на этих предметах нанесено не было, в отличие от каменных орудий из частей А и Б коллекции 2229. О части А коллекции известно, что она была куплена музеем, но имени собирателя или автора раскопок нет. Зато относительно части Б в Генеральном каталоге Этнографического музея им. Х. Б. Амбросетти сохранились записи, что она была собрана во время экспедиции Х. Б. Амбросетти, С. Дебенедетти и Ф. Утса в 1913 г. (Museo etnográfico Juan B. Ambrosetti, Departamento de Arqueología, Catalogo, Vol. I, II). В Генеральном каталоге они были записаны под номерами 14 096–14 143. Велика вероятность того, что и керамические материалы поступили из того же источника.

В 1913 г. была организована археологическая экспедиция в провинцию Буэнос-Айрес под руководством Х. Б. Амбросетти. В ней помимо ученика

[1] Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: jakovlevaljuba@mail.ru.

© Дмитренко Л. М., 2025

[2] Старые номера с буквами, присвоенные фрагментам при поступлении в МАЭ, указаны в скобках.

Амбросетти Сальвадора Дебенедетти участвовал другой аргентинский исследователь — Феликс Фаустино Утс (Felix Faustino Outes). Он родился в Буэнос-Айресе, окончил Национальный университет Аргентины (два факультета: медицинских наук и права и социальных наук). Заинтересовался археологией в 1893 г., а в 1894 г. в издании *Revista del Jardín Zoológico de Buenos Aires* опубликовал статью «Археологические заметки» с описанием «местной керамики», которую собрал в лагуне Часкомус. Согласно А. Пегораро, Утс не получил печатный вариант этой статьи и поэтому в дальнейшем не ссылался на нее (*Pegoraro*, 2009. P. 77). Утс активно участвовал в организации научной жизни: был членом комиссии по приему иностранных делегатов на Первом латиноамериканском научном конгрессе в 1898 г.; временным секретарем секции антропологии и социологии этого конгресса; с 1899 г. занимал должность секретаря в издании *Anales de la Sociedad Científica Argentina* («Летопись аргентинского научного общества»). С 1903 по 1911 г. работал в Музее естественных наук Бернардино Ривадавии, одновременно преподавал этнологию, антропологию и археологию в университете Ла-Платы. Большинство его важных публикаций относится именно к этому времени. В 1914 г. поступил на работу в университет Буэнос-Айреса в качестве профессора социально-экономической географии, а в 1930 г. был назначен заведующим кафедрой археологии. Не имея специального исторического образования, Утс принимал самое активное участие в становлении и развитии археологической науки в Аргентине на рубеже XIX–XX вв.

Из совместной экспедиции Амбросетти, Дебенедетти и Утса в 1913 г. из провинции Буэнос-Айрес было привезено 147 археологических предметов: «Expedición 1913 J. B. Ambrosetti, S. Debenedetti, F. Outes. Prov. de Buenos Aires. 147 arq» (*Pegoraro*, 2009. P. 442, tab. 3). Предположительно в этот же период была собрана и коллекция керамики, которой серьезно интересовался Утс, и которая в дальнейшем попала в музей в Санкт-Петербурге как материал, наиболее ярко характеризующий археологию аргентинской пампы.

История изучения керамики традиции парана-пампа

История изучения керамики с углубленным орнаментом из района пампы на территории современной провинции Буэнос-Айрес насчитывает более 100 лет. В 1897 г. Утс опубликовал работу *Los Querandíes*, в которой описывал и приводил рисунки археологической керамики, собранной в лагуне Часкомус, которую связывал с традицией местных индейцев (*Outes*, 1897. P. 105–129). Керанди — группа равнинных охотников, обитавших на территории пампы в северо-восточной части Аргентины (современные аргентинские провинции Ла-Пампа, Буэнос-Айрес, Санта-Фе), с которыми испанские конкистадоры встретились здесь в начале XVI в. Упоминания об их присутствии на этой территории в первой половине XVIII в. имеются в работе испанского иезуитского миссионера историка Педро Лозано (*Lozano*, 1873–1875). Отдельные группы керанди сохранили свою традиционную культуру после прихода и завоевания испанцами. И в дальнейшем исследователи конца XIX — начала XX в. традиционно связывали археологические находки на территории провинции Буэнос-Айрес либо с этим племенем охотников-собирателей, либо с земледельческим племенем гуарани (Handbook…, 1948. P. 59; *Bonomo, Latini*, 2012).

Рис. 1. Археологические памятники с керамикой традиции парана-пампа на территории субтропических и тропических лугов Аргентины: *1* — Плайя Манса; *2* — Тумуло-де-Кампана; *3* — Эль Серрийо; *4* — Арройо Саранди; *5* — Кильмес; *6* — лагуна Часкомус

Fig. 1. Archaeological sites with ceramics of the Paraná-Pampa tradition in the subtropical and tropical grasslands of Argentina: *1* — Playa Mansa; *2* — Túmulo de Campana; *3* — El Cerrillo; *4* — Arroyo Sarandi; *5* — Quilmes; *6* — the Laguna de Chascomús

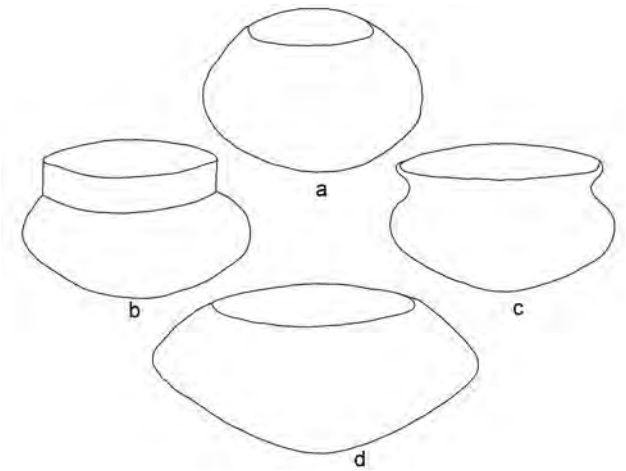


Рис. 2. Аргентина, лагуна Часкомус. Типы форм керамики, декорированной углубленным орнаментом

Fig. 2. Argentina, the Laguna de Chascomús. Types of pottery forms decorated with deepened ornamentation [*Outes*, **1897**. P. 112]

Лагуна, или озеро, Часкомус расположена в бассейне р. Саладо (Río Salado), берущей свое начало в провинции Санта-Фе и впадающей в эстуарий р. Ла-Плата (провинция Буэнос-Айрес, Аргентина) (рис. 1). Часкомус — вторая лагуна в системе Энкаденадас (Las encadenadas — бессточный гидрографический бассейн, расположенный во внутренней части провинции Буэнос-Айрес), занимающая старое русло р. Саладо и получающая естественный приток воды из ручьев Витель (Vitel), Вальдес (Valdés), Сан-Фелипе (San Felipe) и Браун (Brown).

Утс отмечал в своей работе, что в этом районе среди археологических находок наиболее распространена керамика (*Outes,* 1897. P. 105). Ее обычно находили на берегах ручьев и лагун, в местах, где часто располагались удобные подходы для водопоя животных, к которым тяготели и археологические памятники. Фрагменты керамики были всегда очень маленькими, их поверхность декорирована разнообразными вариантами углубленного орнамента. В качестве примесей в формовочной массе использовался песок или дресва из кварцитовых и гранитных пород.

Керамика делилась на два типа: с орнаментированной и неорнаментированной поверхностью. С целью реконструкции формы сосуды реставрировались «по гениальному методу директора Зоологического сада доктора Эдуардо Ладислао Хольмберга» — аргентинского натуралиста, медика и писателя-фантаста. В результате для неорнаментированной керамики были выделены три основные формы: сферическая, полусферическая и «мунайсапа» (munaysapa — избранная, на языке кечуа (*Holmberg*, 1893. P. 102)); для орнаментированной — четыре: сферическая (a), полусферическая с вертикальным прямым (b) и изогнутым (c) плечом, «мунайсапа» (d) (рис. 2). Для некоторых фрагментов отмечалось, что единственным украшением была «гравировка поверхности с помощью гвоздей», то есть углубленный орнамент.

Автор указывал, что техника изготовления керамики была близка той, которую использовали при изготовлении погребальных урн в бразильском регионе Альто-Парана, «который изучал Амбросетти», а также подчеркивал схожесть с материалами, найденными в провинции Мисьонес (Misiones) в северо-восточной части Аргентины в верховьях р. Параны на границе с Парагваем и Бразилией (*Ambrosetti*, 1895; *Cézar*, 1895. P. 266–269; *Outes*, 1897. P. 114). Утс предполагал, что частично орнамент был выполнен с помощью режущих инструментов, таких как каменные или костяные ножи, которые оставляли достаточно глубокие линии. Фрагменты дерева и соломинки также могли служить инструментами, придавая орнаментам особый характер. Во многих случаях сохранялась форма (обычно квадратная) и фактура рабочей поверхности деревянных штампов. В качестве штампов использовались соломинки, которые оставляли небольшой круг с выпуклостью в центре. Линия и точка — наиболее часто встречаемые элементы орнаментов.

В дальнейшем изучению археологических культур с керамикой «керанди» была посвящена экспедиция под руководством Самуэля Лотропа (1925 г.). В течение 1920-х гг. в Аргентине прошла серия палеонтологических и археологических экспедиций, спонсируемых североамериканскими учреждениями, которые пользовались консультационной и юридической поддержкой со стороны главных музеев Аргентины: Музея естественных наук Буэнос-Айреса, Этнографического музея и Музея Ла-Платы. В 1924 г. предприниматель Джордж Густав Хей (George Gustav Heye), основатель и руководитель собственного фонда в Нью-Йорке, финансировавшего археологические экспедиции в Северную и Южную Америку, с целью укрепления сотрудничества Музея Ла-Платы и Музея американских индейцев в Вашингтоне предложил организовать совместную археологическую экспедицию под руководством известного в то время американского археолога Самуэля Лотропа, взяв на себя все требуемые расходы, при условии дальнейшего разделения

полученных коллекций между музеями в равных частях. Директор Музея Ла-Платы Луис Мария Торрес принял это предложение и решил провести экспедицию в низовьях (дельте) р. Параны, где проводил раскопки с 1905 г. (*Márquez Miranda*, 1937; *Torres*, 1911). Таким образом, археологическая экспедиция 1925 г. в дельту Параны была частью совместного проекта Музея Ла-Платы, Музея американских индейцев и Фонда Хейя.

Согласно записям Лотропа, полевые работы проводились с 6 апреля по 11 июня 1925 г. на трех памятниках — Арройо Мало, Эль Серрийо и Арройо Саранди (*Bonomo, Farro*, 2014. P. 135). Лотроп вел блокнот и полевые дневники, делал карандашные и акварельные зарисовки планов раскопанных участков, человеческих захоронений, целых сосудов, фрагментов керамики с углубленным орнаментом (*Bonomo*, 2012. P. 22, 31). На зарисовках можно увидеть аналогии керамическим материалам коллекции МАЭ, очень близкие по способу нанесения и построения орнаментальных композиций. Результаты были опубликованы Лотропом в работе, посвященной традиционным культурам дельты р. Параны, с которыми, вслед за Утсом, автор связывал местные богатые керамикой археологические памятники (*Lothrop*, 1932). На основании анализа материалов, полученных в ходе раскопок Лотропа, в 1946 г. его друг и коллега Гордон Уилли сделал вывод о связи культур и историко-культурном единстве, существовавшем некогда на территории нижней Параны и вблизи лагун Часкомус и Лобос (Handbook…, 1946. P. 33). В дальнейшем рисунки керамики Лотропа использовались в одной из глав монографии Г. Уилли, посвященной археологическим культурам Восточной и Южной областей Южной Америки (*Willey*, 1971. P. 468, 469).

В 1937 г. вышла работа аргентинского археолога Флоренсио Вийегаса Басавилбасо (Florencio Villegas Basavilbaso), в которой автор частично опубликовал серию керамики из памятников, расположенных на левом берегу р. Матансас, недалеко от станции Керанди в 20 км к юго-западу от Буэнос-Айреса. В этой работе материалы рассмотрены как археологические, уже без прямой связи с этнографической традицией керанди (*Villegas Basavilbaso*, 1937. P. 59–63, lam. III–V).

В середине XX в. в англоязычной историографии техника орнаментации керамики в районе р. Параны получила особое название — drag-and-jab (буквально переводится как «из насечек и пунктирных линий») (Handbook…, 1948. P. 57–59, 65). Фактически керамику этого типа Апарисьо все еще относил к культуре керанди, тем не менее именно в этой работе, вслед за Уилли, впервые появляется понятие ареала археологических культур района р. Параны.

В 1971 г. Гордон Уилли использовал понятие культур «традиции парана-пампа» (Paraná — Pampean Tradition), которые связывал с появлением в этом регионе керамики, декорированной углубленным орнаментом (*Willey*, 1971. P. 464–471). Автор выделил несколько ареалов распространения этой традиции: нижние течения рек Парана и Уругвай, северная часть провинции Буэнос-Айрес и «другие области» (в основном имелась в виду южная часть провинции Буэнос-Айрес). В этой работе была представлена хронология археологических культур на территории пампы, в комплексах которых имелась керамика (*Ibid*. P. 462). Согласно типологическому сравнению орнаментации отдельные фрагменты керамики из собрания МАЭ и опубликованные Утсом относятся к археологическому периоду Арройо Саранди (Arroyo Sarandí) (*Ibid*. P. 469).

Орнаментация керамики традиции парана-пампа

При работе с керамикой из коллекции МАЭ прежде всего обращает на себя внимание разнообразие приемов нанесения орнамента.

Самый простой способ декорирования сосудов из Часкомус — насечки, нанесенные на срез венчика. Эти выемки обычно имеют треугольную форму (наносились твердым орудием, тем же деревянным штампом). В публикации Утса было отмечено, что у некоторых экземпляров они были образованы двумя пересекающимися изогнутыми линиями (отпечатки ногтя). Есть образцы, когда ряд ямок был нанесен кончиками пальцев.

Самые простые образцы орнаментации поверхности сосудов состоят из прямых или волнистых прочерченных параллельных линий (рис. 3, *1, 3*) в количестве от двух до четырех. Есть образцы, на которых орнамент из прямых параллельных линий с двух сторон был обрамлен волнистыми (рис. 3, *4*).

Другой тип орнаментации сочетает в себе использование параллельных прочерченных линий и круглых точек (рис. 3, *5*).

Имеются фрагменты, в орнаментальные композиции которых помимо прочерченных линий добавлялись повторяющиеся отпечатки штампов разнообразных форм. Это могли быть отпечатки одиночных деревянных штампов (рис. 4, *1, 2*), шнура (рис. 4, *3*) или ногтя (рис. 4, *4*).

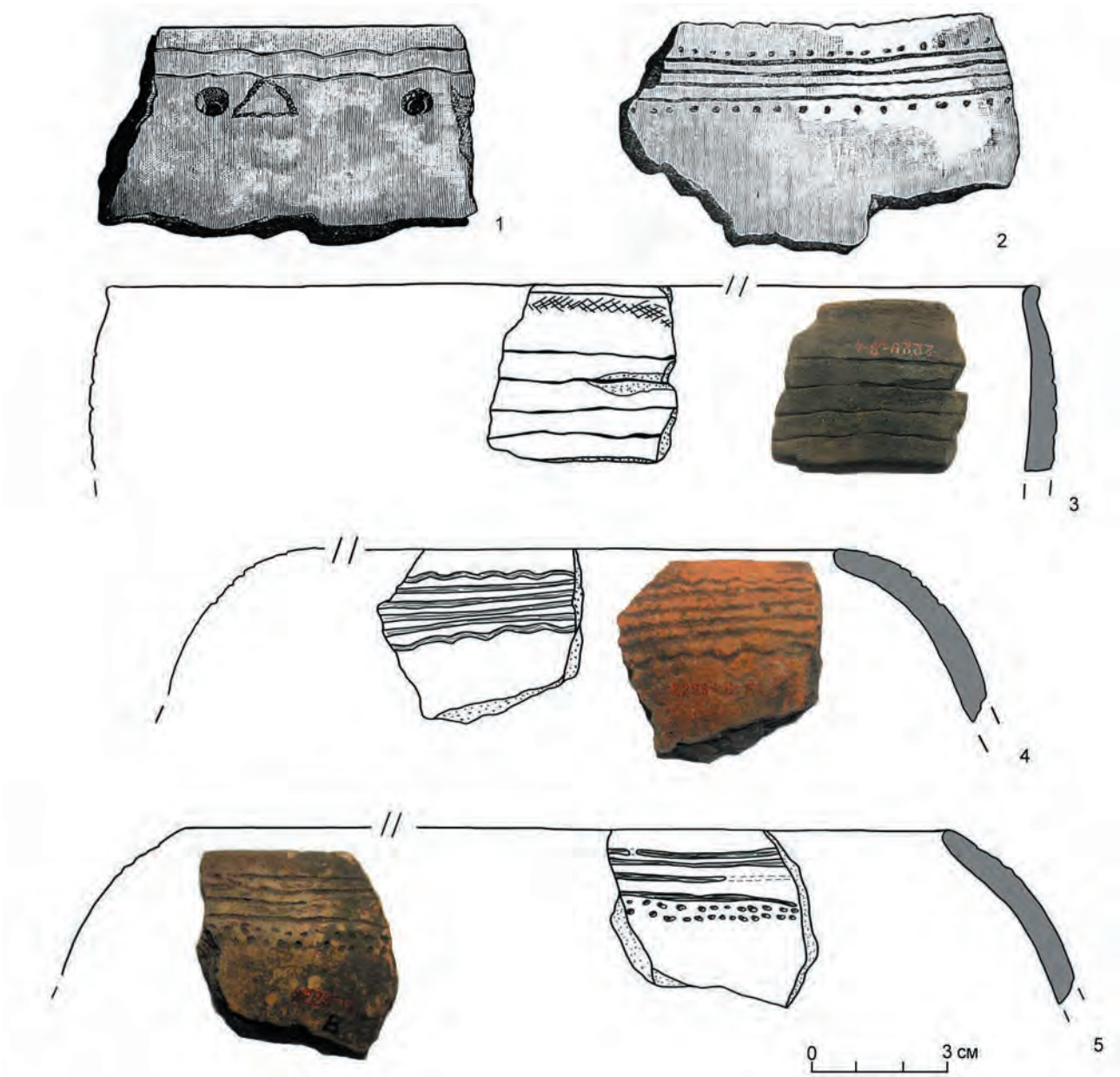


Рис. 3. Аргентина, лагуна Часкомус. Фрагменты керамики: *1, 2* — с прочерченным орнаментом; *3* — с прочерченным орнаментом в виде параллельных линий; *4* —с прочерченным орнаментом в виде прямых параллельных линий, обрамленных волнистыми; *5* — с орнаментацией, сочетающей параллельные прочерченные линии и отпечатки штампа (соломинки) . *1, 2* — без масштаба

Fig. 3. Argentina, the Laguna de Chascomús. Pottery fragments: *1, 2* — with dashed ornament; *3* — with dashed ornament in the form of parallel lines; *4* — with dashed ornament in the form of straight parallel lines framed by wavy lines; *5* — with ornamentation combining parallel dashed lines and stamp (straw) imprints. *1, 2* — without scale

[*1, 2* — *Outes,* 1897. P. 117, 118, fig. 23; 25; *3* — МАЭ 2229-96 (2229В-4); *4* — МАЭ 2229-142 (2229В-50); *5* — МАЭ 2229-107 (2229В-15)]

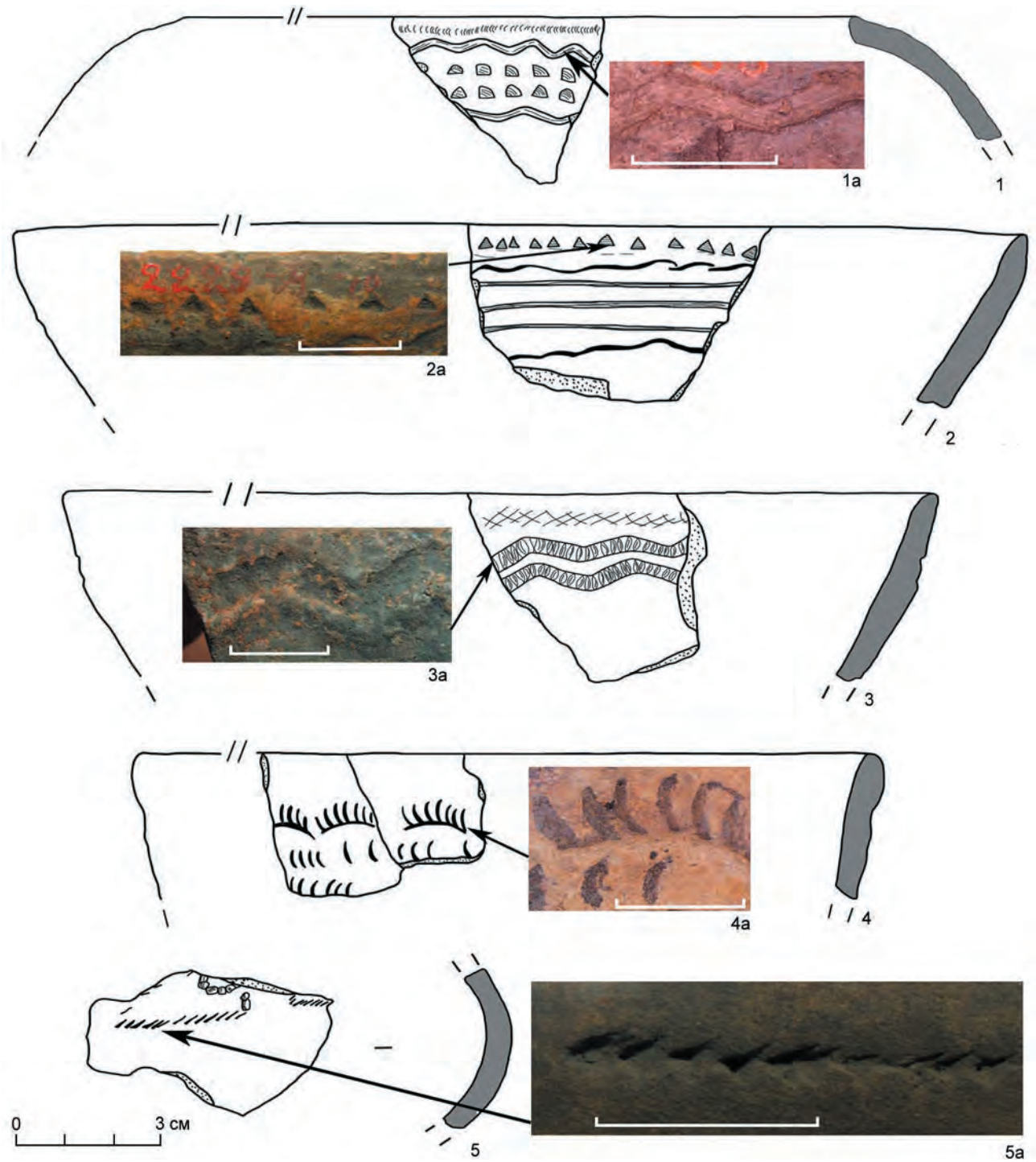


Рис. 4. Аргентина, лагуна Часкомус. Фрагменты керамики с различными видами нанесения орнамента: *1, 1а* — с двумя рядами отпечатков треугольного штампа, обрамленными прочерченными волнистыми линиями; *2, 2а* — с комбинированным орнаментом; *3, 3а* — с отпечатками шнура; *4, 4а* — с прочерченными изогнутыми линиями и отпечатками ногтя; *5, 5а* — с отпечатком колоска дикого злака. *1а–5а* —масштаб 1 см

Fig. 4. Argentina, the Laguna de Chascomús. Pottery fragments with different types of ornamentation: *1, 1a* — with two rows of triangular stamp impressions framed by dashed wavy lines; *2, 2a* — with combined ornamentation; *3, 3a* — with cord impressions; *4, 4a* — with dashed curved lines and nail impressions; *5, 5a* — with an impression of a spike of wild grain. *1a–5a* — scale 1 cm

[*1, 1a* — МАЭ 2229-98 (2229B-6); *2, 2a* — МАЭ 2229-102 (2229B-10); *3, 3a* — МАЭ 2229-151 (2229B-59); *4, 4a* — МАЭ 2229-154 (2229B-62); *5, 5a* — МАЭ 2229-162 (2229B-70)]

На поверхности нескольких фрагментов линии состояли из многочисленных соединяющихся отпечатков квадратной, трапециевидной или треугольной формы (рис. 5).

Наиболее сложные и разнообразные орнаменты были характерны для сосудов формы «мунайсапа» (рис. 6). В них сочетались геометрические элементы из непрерывных прочерченных линий с отпечатками зубчатого штампа (рис. 6, *1*) или шнура (рис. 6, *2*). Сосуды этого типа всегда были выполнены более тщательно и отличались от остальных пропорциями и симметрией орнамента.

Мотивы в виде треугольников, поверхность вокруг которых орнаментировалась линиями, состоящими из четырех и пяти ямок, имеются как в комплексах Кильмеса (Quilmes — город на Атлантическом побережье в 20 км к югу от Буэнос-Айреса), так и на памятниках лагуны Часкомус (рис. 6, *1–3*).

В единичных случаях орнаментом в виде параллельных линий декорировали обе поверхности: внешнюю и внутреннюю (рис. 7, *1, 2*).

В результате изучения орнаментов с помощью бинокулярного микроскопа МБС 10 и цифрового микроскопа Levenhuk DTX 90 были выявлены некоторые особенности их нанесения. Для керамики парана-пампа свойственны приемы прочерчивания отдельных элементов орнамента. Таким способом наносились преимущественно прямые и волнистые линии на верхних частях сосудов. Часто даже невооруженным глазом заметно, как именно они наносились (рис. 4, *1а*). Постепенно орнаментальные группы усложняются, используются разные техники нанесения отдельных элементов. К линиям добавляются точечные отпечатки орнаментира (рис. 4, *2а*). Как самостоятельно, так и в сочетании с другими элементами используются отпечатки штампов растительного происхождения: соцветий трав или диких злаков (рис. 4, *5*). В полукруглых орнаментальных композициях прочерченные линии сочетаются с отпечатками ногтя (рис. 4, *4*). На разных фрагментах керамики комбинации отпечатков ногтя отличаются. Особым способом орнаментации является прокатывание штампа (рис. 5). На одних сосудах ряды близко прилегают друг к другу, и орнаментация таким способом покрывает значительную часть их поверхности (рис. 5, *3*). На других — способом прокатывания наносились отдельные прямые или полукруглые линии, чередующиеся с отпечатками иного штампа или прочерченными линиями (рис. 5, *2а, 2б, 4*).

Особую группу составляют фрагменты керамики, декорированные различными типами геометрического орнамента. Линии контура геометрических фигур наносились способом прочерчивания (рис. 6, *5*) и отпечатывания шнура (рис. 6, *6*). Это фигуры двух типов: треугольные (рис. 6, *1–3*) и ступенчатые (рис. 6, *4–6*). Поверхность между данными элементами орнамента часто заполнялась отпечатками зубчатого штампа (рис. 6, *1, 5*) или шнура (рис. 6, *2*).

В экземплярах, у которых были декорированы обе поверхности, способы орнаментации также комбинировались. На двух экземплярах зигзагообразные линии на внешней поверхности были получены путем отпечатывания шнура и сочетались с отпечатками единичного штампа на внутренней (рис. 7, *1*). На одном фрагменте способ нанесения орнамента существенно отличался: внешняя поверхность была декорирована параллельными прямыми и волнистыми прочерченными линиями, а на внутренней сочетались приемы прокатывания единичного и зубчатого штампов (рис. 7, *2*).

Датирование керамики традиции парана-пампа

Отдельным вопросом изучения коллекции МАЭ является ее датирование. Близкие аналогии происходят с памятника Арройо Саранди. Лагуна Часкомус и Арройо Саранди находятся на расстоянии 180 км друг от друга. Эти археологические памятники располагались на территории субтропических и тропических лугов — единого биома, который охватывал территорию Северо-Восточной Аргентины, Уругвая и юг Бразилии. Эта обширная территория объединена на основе физиографических особенностей, индикаторных растений и животных (*Soriano et al.*, 1992). На ней выделяются два больших субрегиона: «кампос» в Южной Бразилии и Уругвае (к северо-востоку от Рио-де-Плата) и «пампа» в Аргентине (к юго-западу от Рио-де-ла-Плата) (The Handbook…, 2008. P. 235–236).

В позднем голоцене плотность населения этого региона значительно увеличилась (1000 г. до н. э. — 500 г. н. э.). В этот период появились гончарство и земледелие, роль последнего постепенно возрастала. Зооархеологические данные подтверждают увеличение разнообразия и развитие локальных вариантов ведения хозяйства. В этот период среди охотников-собирателей в пампе выделились три основные стратегии жизнеобеспечения, которые сохранялись вплоть до прихода испанцев: эксплуатация ксерофитных

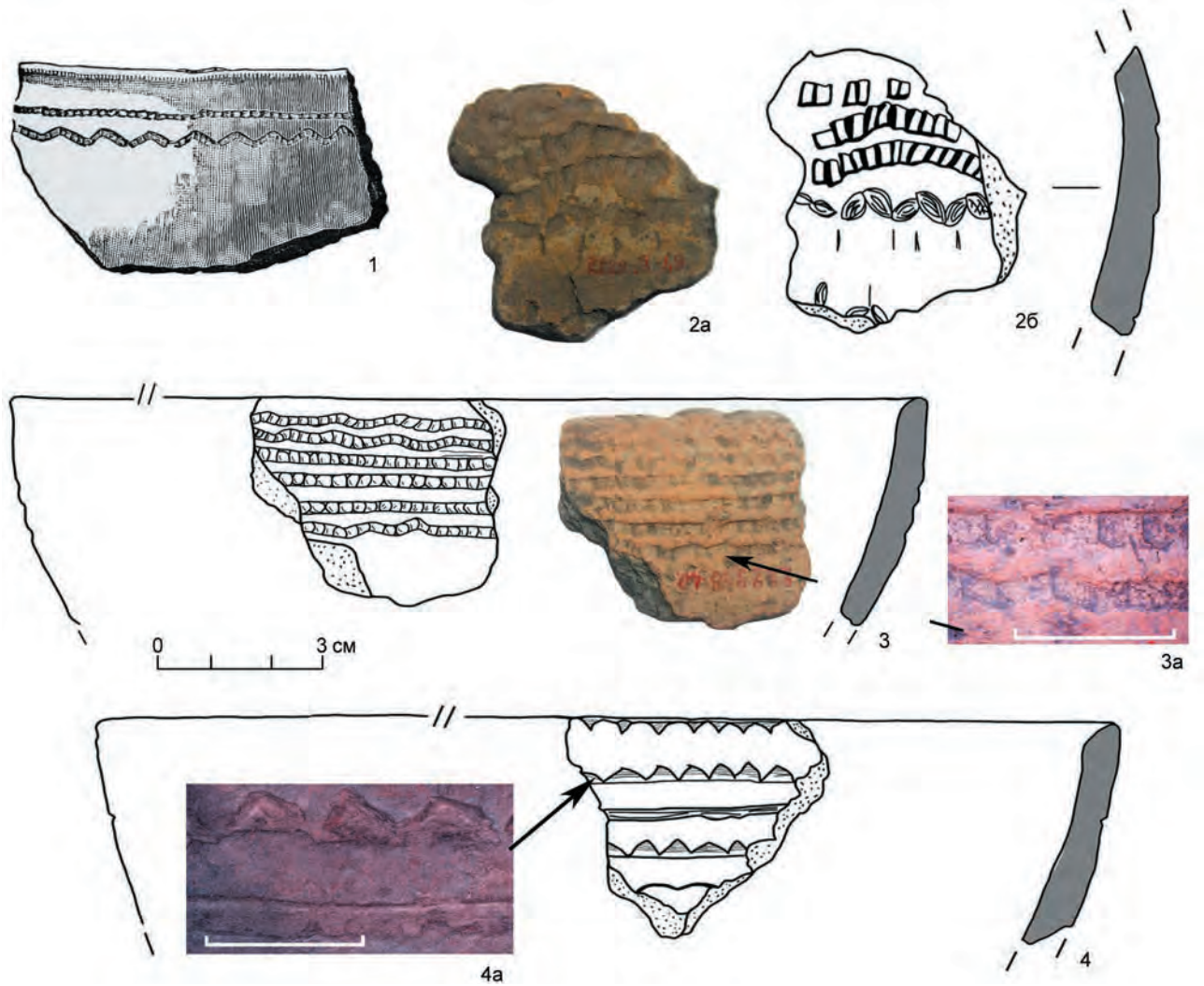


Рис. 5. Аргентина, лагуна Часкомус. Фрагменты керамики с орнаментом, нанесенным способом прокатывания зубчатого штампа (предположительно колесика с зубчиками): *1* — волнистая линия из квадратных отпечатков; *2а, 2б* — полукруглые композиции из прямоугольных отпечатков; *3, 3а* — прямые и волнистые линии из пятиугольных (верхний ряд) и прямоугольных (нижний ряд) отпечатков; *4, 4а* — прямые линии из треугольных отпечатков. *1* — без масштаба; *3а, 4а* — масштаб 1 см

Fig. 5. Argentina, the Laguna de Chascomús. Pottery fragments with ornamentation made by rolling a toothed stamp (presumably a wheel with dents): *1* — wavy line from square impressions; *2a, 2b* — semicircular compositions from rectangular impressions; *3, 3a* — straight and wavy lines from pentagonal (upper row) and rectangular (lower row) impressions; *4, 4a* — straight lines from triangular impressions. *1* — without scale; *3a, 4a* — scale 1 cm

[*1* — *Outes*, 1897. P. 117, fig. 24; *2а, 2б* — МАЭ 2229-140 (2229В-48); *3, 3а* — МАЭ 2229-132 (2229В-40); *4, 4а* — МАЭ 2229-124 (2229В-32)]

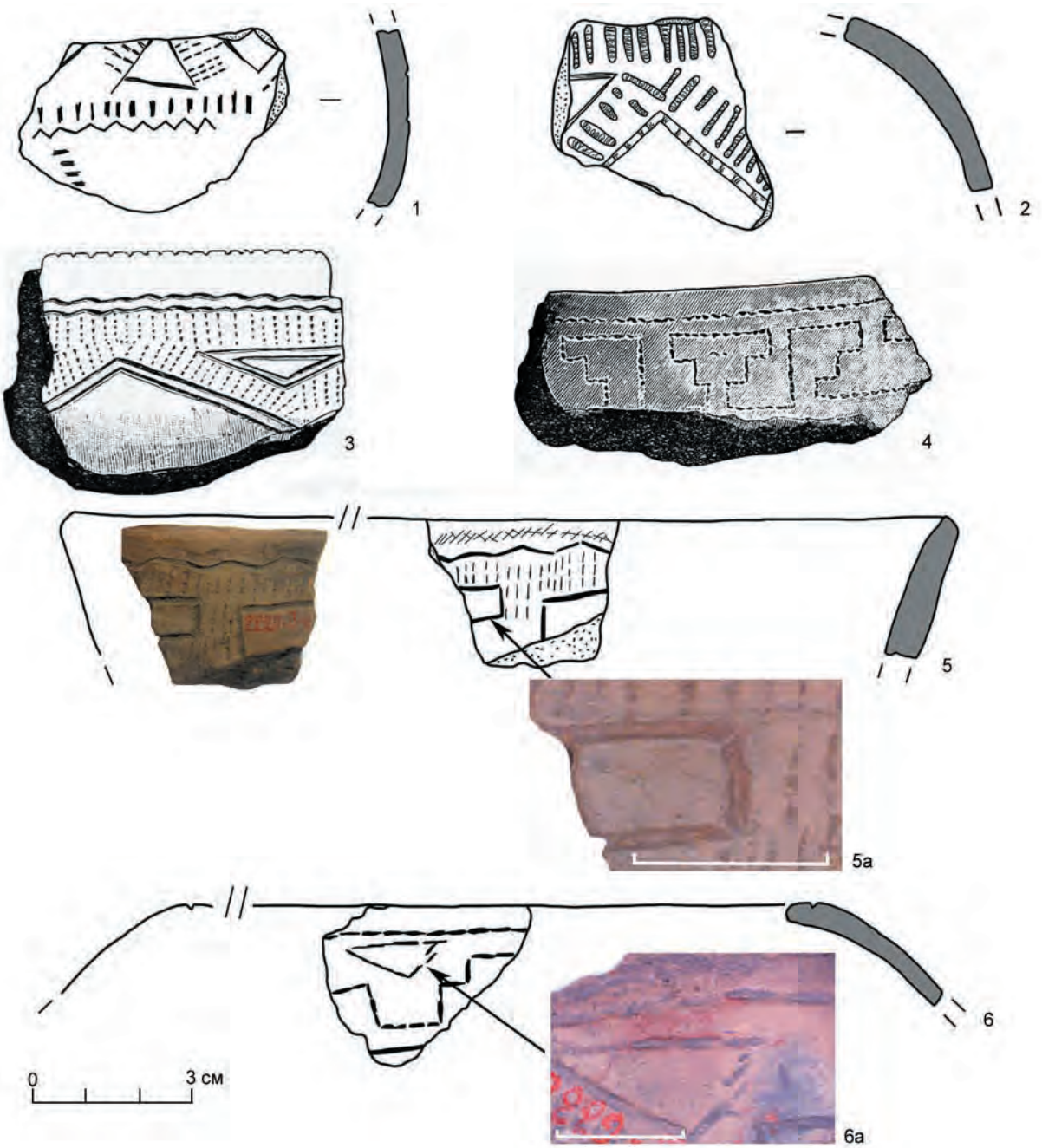


Рис. 6. Аргентина, лагуна Часкомус. Фрагменты керамики, декорированные геометрическими орнаментальными композициями: *1, 2* — треугольными фигурами, нанесенными путем прочерчивания и окруженные отпечатками зубчатого штампа (*1*) и шнура (*2*); *3* —треугольными фигурами и отпечатками зубчатого штампа; *4* —геометрическими ступенчатыми фигурами; *5, 5а* — со ступенчатым орнаментом; *6, 6а* — с орнаментом, нанесенным с помощью оттиска шнура, и следами пигмента красного цвета на внешней поверхности. *3, 4* — без масштаба; *5а, 6а* — масштаб 1 см

Fig. 6. Argentina, the Laguna de Chascomús. Pottery fragments decorated with geometric ornamental compositions: *1, 2* — triangular figures drawn by tracing and surrounded by impressions of a toothed stamp (*1*) and a cord (*2*); *3* — triangular figures and impressions of a toothed stamp; *4* — geometric stepped figures; *5, 5a* — with stepped ornamentation; *6, 6a* — with ornamentation drawn with a cord impression and traces of red pigment on the outer surface. *3, 4* — without scale; *5a, 6a* — scale 1 cm

[*1* — МАЭ 2229-136 (2229В-44); *2* — МАЭ 2229-146 (2229В-54); *3* — *Outes*, 1897. P. 117, fig. 24; *4* — *Ibid.* P. 123, fig. 31; *5, 5a* — МАЭ 2229-133 (2229В-41); *6, 6a* — МАЭ 2229-161 (2229В-69)]

(засухоустойчивых) лесов; открытых лугов; рек и лагун (*Ibid*. P. 249).

Район нижнего течения Рио-Саладо, поймы рек Уругвай и Парана, эстуарий Ла-Платы в этот период были заселены охотниками-собирателями и рыболовами. Они занимались охотой на пампасного и болотного оленя (Blastoceros dichotomus), мелких млекопитающих (нутрию (Coypu), морскую свинку (Cavia aperea)), пресноводных моллюсков, рыбу (Doradidae, Pimelodidae) и птиц (*Loponte, Acosta*, 2011). Так как в этом районе отсутствуют подходящие горные породы, предпочтительным сырьем для изготовления инструментов стали кость и предположительно дерево. В археологических комплексах присутствуют небольшие артефакты из кварцита и халцедона.

Таким образом, становится очевидным, что в коллекции МАЭ представлена только керамическая часть хозяйственного комплекса, но полностью отсутствуют орудия из камня и кости, традиционные для памятников парана-пампа. Керамика была широко распространена и указывает на использование сосудов, как неорнаментированных, так и украшенных геометрическим углубленным орнаментом drag-and-jab, для приготовления пищи и в качестве контейнеров. Возрастание роли керамики в этих районах могло быть связано с увеличением значения в рационе местного населения овощей и рыбы.

Самые ранние датировки, которые имеются на данный момент для находок в районе нижнего течения Параны, получены для стоянок Плайя-Манса (Playa Mansa), расположенной в нескольких километрах к югу от города Росарио (провинция Санта-Фе, 300 км по р. Паране на северо-восток от Буэнос-Айреса), и памятника Тумуло-де-Кампана (Túmulo de Campana) (прибрежная зона отмелей Параны, муниципалитет Кампана (Bajíos Ribereños del Partido de Campana)). Стоянка Тумуло-де-Кампана 2 была датирована методом радиоуглеродного анализа IV–V вв. н. э. Точно неизвестно, были ли носители этих традиций родственны тем, которые обитали в Плайя-Манса, но керамический декор имеет взаимные аналогии (*Ibid*. P. 152, 153).

Сравнительно-типологический метод анализа коллекции керамики из лагуны Часкомус, таким образом, показывает, что она состоит из образцов, относящихся к разным хронологическим периодам. Самые ранние образцы в коллекции МАЭ относятся к традиции культуры охотников-рыболовов IV–V вв. Аналогии для фрагмента, декорированного орнаментом, полученным прокатыванием штампа, были найдены при раскопках памятника Плайя-Манса (рис. 5, *2, 4*) (*Ibid*. P. 152, fig. 7a). Комбинированный орнамент из прочерченных треугольников и отпечатков штампа имеет аналогии в Тумуло-де-Кампана 2 (рис. 6, *1–3*) (*Ibid*. P. 152, fig. 7b).

Большинство археологических памятников, обнаруженных в регионе, датируются 700–1100 гг. н. э. Для стоянок этого периода характерна керамика с различными типами углубленного декора. Разнообразие декоративных стилей и наличие гладкой керамики указывают на их вероятную принадлежность к разным локальным группам. В коллекции МАЭ есть фрагменты, относящиеся к VIII–XI вв. по аналогии с материалами из раскопок стоянки Тумуло-де-Кампана 2 (рис. 4, *3, 5*) (*Ibid*. P. 153, fig. 8a). К этому же периоду, видимо, относятся многочисленные фрагменты керамики, декорированные прочерченными параллельными прямыми и волнистыми линиями (рис. 3).

Наличие в коллекции МАЭ отдельных фрагментов с пунктирной орнаментацией и окрашенной поверхностью говорит в пользу того, что некоторые фрагменты керамики относятся к традиции Арройо Саранди 1000–1500 гг., предшествующей периоду испанского завоевания (рис. 4, *3*; 6, *5–6*) (*Willey*, 1971. P. 469). Фрагмент МАЭ 2229-132 (2229B-40) по технике нанесения орнамента больше всего похож на традицию drag-and-jab из района устья р. Параны и Арройо Саранди (рис. 5, *3*) (*Ibid*. P. 469, fig. 7–29 (два нижних рисунка)). В коллекции присутствует целый ряд фрагментов керамики с тщательно залощенной внешней поверхностью темно-коричневого цвета, их внутренняя поверхность была окрашена в красный цвет — особенность, также присущая традиции Арройо Саранди (рис. 7, *3, 4а, 4б*).

Заключение

Коллекция керамики МАЭ 2229 (93–172; старый номер МАЭ 2229B-1-80) из провинции Буэнос-Айрес предположительно относится к сборам экспедиции Х. Б. Амбросетти 1913 г. с участием Ф. Утса. Опираясь на результаты сравнительно-типологического анализа, становится очевидным, что фрагменты керамики относятся к различным этапам традиции парана-пампа: самые ранние датируются IV–V вв., самые поздние — периодом прихода европейцев — XV в. В нее вошли образцы керамики, декорированные углубленным орнаментом, относящиеся также к VIII–XI вв. Способы нанесения орнамента разнообразны: прочерчивание, отпечатывание и прокатывание

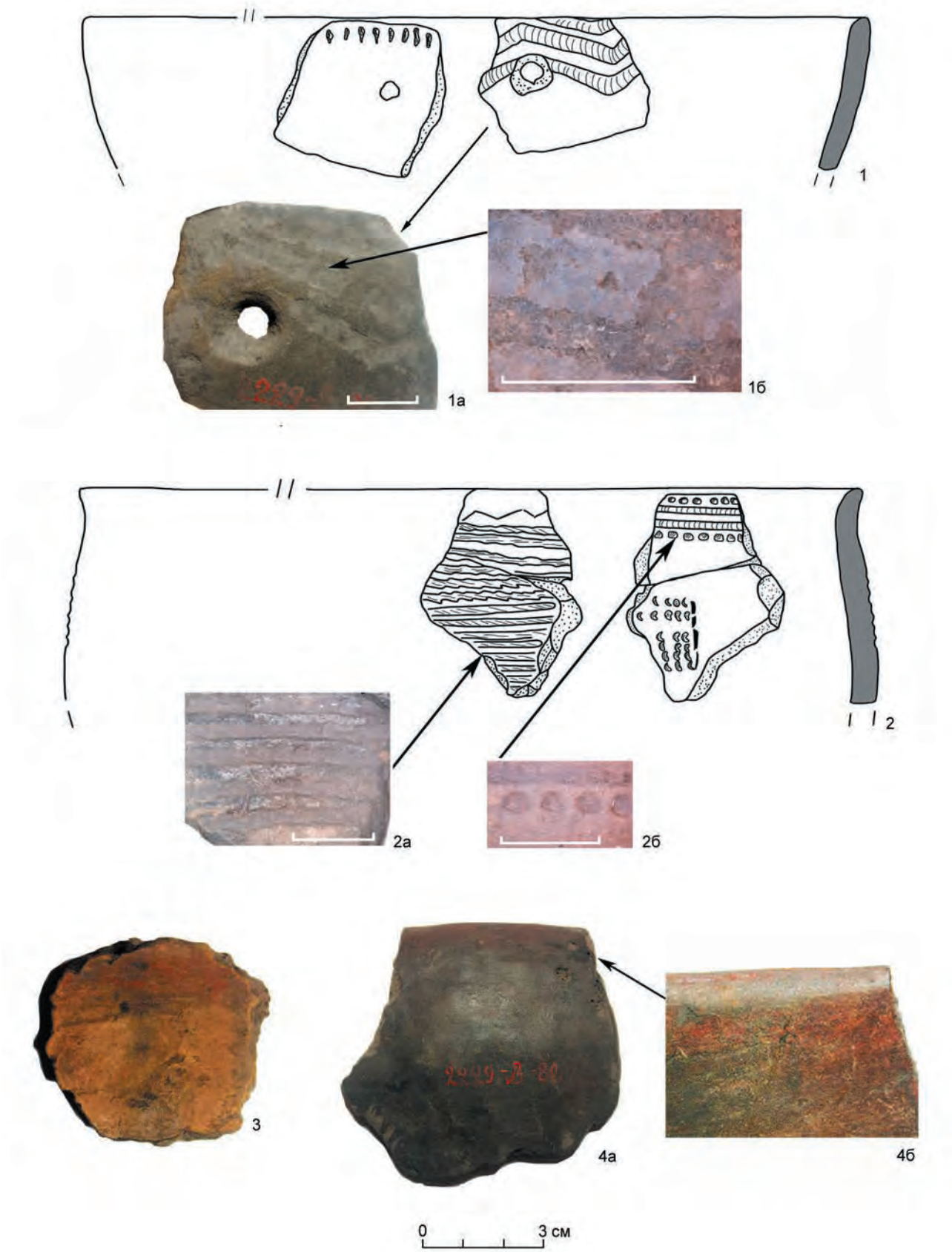

1
1а
1б
2
2а
2б
3
4а
4б
0
3 см

Рис. 7. Аргентина, лагуна Часкомус. Фрагменты керамики с двусторонней орнаментацией и прокраской: *1* — декорированный отпечатком шнура на внешней (*1а, 1б* — фото и макрофото) и отпечатками одиночного штампа на внутренней поверхности; *2* — прорисовка фрагмента венчика с двусторонней орнаментацией; *2а* — прочерченные линии на внешней поверхности; *2б* — округлые отпечатки штампа на внутренней поверхности; *3, 4а, 4б* — фрагменты неорнаментированных сосудов, поверхность которых частично окрашена пигментом красного цвета (*4б* — внутренняя поверхность, окрашенная пигментом). *1а, 1б, 2а, 2б, 4б* — масштаб 1 см

Fig. 7. Argentina, the Laguna de Chascomús. Pottery fragments with bilateral ornamentation and colouring: *1* — decorated with a cord impression on the outer (*1a, 1б* — photo and macrophoto) and single stamp impressions on the inner surface; *2* — drawing of a corolla fragment with bilateral ornamentation; *2a* — dashed lines on the outer surface; *2б* — rounded stamp impressions on the inner surface; *3, 4a, 4б* — fragments of unornamented vessels, the surface of which is partially painted with red pigment (*4б* — inner surface painted with pigment). *1a, 1б, 2a, 2б, 4б* — scale 1 cm

[*1, 1а, 1б* — МАЭ 2229-122 (2229В-30); *2, 2а, 2б* — МАЭ 2229–112 (2229В-20); *3* — МАЭ 2229-171 (2229В-79); *4а, 4б* — МАЭ 2229-172 (2229В-80)]

штампов различной формы. Часто различные приемы нанесения орнамента сочетаются между собой. Наиболее ранние образцы были декорированы комбинированными приемами нанесения орнамента. Контуры более сложных элементов — геометрических фигур — исполнялись в виде прочерченных линий, а их внутреннее пространство в основном заполнялось отпечатками штампа. Серии прерывистых линий наносились как способом отпечатывания зубчатого штампа, так и оттисками шнура. Использовались приемы прокатывания штампа с более крупными зубчиками прямоугольной или трапециевидной формы. На более раннем этапе такой декор обычно состоял из отдельных линий, нанесенных способом прокатывания штампа, и сочетался с другими элементами орнамента. При этом существовали и более простые композиции, состоящие только из прочерченных прямых или волнистых линий. К более поздним образцам (XI–XV вв.) относятся сосуды с использованием прокатывания штампа с мелкими зубчиками квадратной формы, на них прокатанные линии тесно примыкали друг к другу, и таким образом орнаментом покрывалась почти вся поверхность сосуда. В это же время появляется традиция частичного окрашивания внешней или внутренней поверхности пигментом красного цвета.

МАЭ РАН. Опись коллекций МАЭ 2228. Февраль 1914. 18 л.; Опись коллекций МАЭ 2229 А. Февраль 1914. 2 л.; Опись коллекций МАЭ 2229 Б. Февраль 1914. 21 л.; Опись коллекций МАЭ 2229 В. Февраль 1914. 2 л.; Опись коллекций МАЭ 2229. 07.11.24. 69 л.

Ambrosetti, 1895 — *Ambrosetti J. B.* Los Cementerios prehistoriscos del alto Paraná // Boletin del Insituto geográfico Argentino. Buenos Aires: Litografía é Imprenta df. Guillermo Kraft, 1895. T. XVI. P. 227–264.

Ambrosetti, 1912 — *Ambrosetti J. B.* Memoria del Museo Etnográfico 1906 á 1912. Buenos Aires: Compañia Sud-Americana de billetes de banco, 1912 (Facultad de filosofia y letras. Publicaciones de la Sección Antropológica. № 10). 47 p.

Bonomo, 2012 — *Bonomo M.* Historia Prehispánica de Entre Ríos. Buenos Aires: Fundación de Historia Natural Félix de Azara, 2012. 430 p.

Bonomo, Farro, 2014 — *Bonomo M., Farro M.* El contexto sociohistórico de las investigaciones de Samuel K. Lothrop en el Delta del Paraná, Argentina // Chungara. Revista de Antropología Chilena. 2014. Vol. 46, no 1. P. 131–143.

Bonomo, Latini, 2012 — *Bonomo M., Latini S.* Arqueología y Etnohistoria de la región Metropolitana: las sociedades indígenas de Buenos Aires // Buenos Aires, la historia de su paisaje natural / Ed. J. Athor. Buenos Aires: Fundación de Historia Natural Félix de Azara, 2012. P. 70–97.

Cézar, 1895 — *Cézar F. O.* Datos Arqueológicos. Proximidad de Buenos Aires // Boletin del Insituto geográfico Argentino. Buenos Aires: Litografía é Imprenta df. Guillermo Kraft, 1895. T. XVI. P. 264–293.

Handbook…, 1946 — Handbook of South American Indians. The marginal tribes. Washington: Government printing office, 1946 (Smithsonian institution bureau of American ethnology. Bulletin 143; Vol. 1). 624 p.

Handbook…, 1948 — Handbook of South American Indians. The tropical forest tribes. Washington: Government printing office, 1948 (Smithsonian institution bureau of American ethnology. Bulletin 143; Vol. 3). 986 p.

The Handbook…, 2008 — The Handbook of South American Archaeology / Eds. H. Silverman, W. H. Isbell. Washington: Springer, 2008. 1191 p.

Holmberg, 1893 — *Holmberg E.* Munaysapa. Lo que dice un fragmento de vaso calchaquí // Revista del Jardín Zoológico

de Buenos Aires, 1893. T. I (IV). P. 102–115 // URL: https://repositorio.anh.org.ar/bitstream/anh/217/1/Revista_del_Jard%C3%ADn_Zool%C3%B3gico_de_Buenos_Ayres_%28Tomo_I._Entrega_IV%2C_pp._97-128%29.pdf (accessed 10.01.2025).

Loponte, Acosta, 2011 — *Loponte D. M., Acosta A.* Arqueología del Delta // El Patrimonio Natural y Cultural del Bajo Delta Insular del Río Paraná. Bases para su Conservación y Uso Sostenible. Buenos Aires: Aprendelta; UNSAM; Instituto de Investigación e Ingeniería Ambiental, 2011. P. 146–159.

Lothrop, 1932 — *Lothrop S. K.* Indians of the Parana delta, Argentina. New York: Academy of Sciences, 1932. 1000 p.

Lozano, 1873–1875 — *Lozano P.* Historia de la conquista del Paraguay, Río de la Plata y Tucumán. Buenos Aires (reimpresión): Imprenta Popular, 1873–1875 // URL: https://archive.org/details/historiadelaconq03loza/page/n3/mode/2up (accessed 07.01.2025).

Márquez Miranda, 1937 — *Márquez Miranda F.* Doctor Luis María Torres // Revista del Museo de La Plata. Nueva serie. Sección Oficial. 1937. P. 1–10.

Outes, 1897 — *Outes F. F.* Los Querandies. Breve contribución al estudio de la etnografia argentina. Buenos Aires: Imprenta Martín Biedma e hijo, 1897. 194 p. // URL: https://archive.org/details/losquerandesbrev00oute/page/104/mode/2up (accessed 07.01.2025).

Pegoraro, 2009 — *Pegoraro A.* Las colecciones del Museo Etnográfico de la Universidad de Buenos Aires: un episodio en la historia del americanismo en la Argentina 1890–1927 (Tesis doctoral). Vol. I–II. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, Facultad de Filosofia y Letras, 2009. 445 p.

Soriano et al., 1992 — *Soriano A., Léon R. J., Sala O. E., Lavado R. S., Deregibus V. A., Cauhépé M. A., Scaglia O. A., Velázquez C. A., Lemcoff J. H.* Río de la Plata Grasslands // Natural Grasslands, Introduction and Western Hemisphere / Ed. R. T. Coupland. New York: Elsevier, 1992. P. 367–407.

Torres, 1911 — *Torres L. M.* Los Primitivos Habitantes del Delta del Paraná. Biblioteca Centenaria IV. Buenos Aires: Universidad Nacional de La Plata, 1911. 616 p.

Villegas Basavilbaso, 1937 — *Villegas Basavilbaso F.* Un paradero indígena en la margen izquierda del río Matanzas // Relaciones de la Sociedad Argentina de Antropología. T. 1. Buenos Aires: Sociedad Argentina de Antropologia, 1937. P. 59–63.

Willey, 1971 — *Willey G. R.* An Introduction to American Archaeology. Vol. 2. New Jersey: Prentice-Hall, 1971. 502 p.

An archaeological ceramics' collection of the Paraná-Pampa tradition (Buenos Aires Province, Argentina)

L. M. Dmitrenko[3]

Keywords: archaeology of Argentina, collections of the Kunstkamera, ceramic tradition of Paraná-Pampa

In 1913, as part of the exchange of collections with the Ethnographic Museum in Buenos Aires, the Museum of Anthropology and Ethnography of the Imperial Academy of Sciences received a collection of ceramic fragments decorated with various types of deepened ornamentation. Information about their origin remained until recently extremely scarce: "Neolithic ceramics from the province of Buenos Aires". The article collects archival documentation and attempts to attribute these materials on the basis of the comparative-typological method.

[3] Lyubov' M. Dmitrenko — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: jakovlevaljuba@mail.ru.

Этнокультурные и социальные черты погребальной обрядности «Мстиславского» участка Псковского некрополя X–XI вв.

С. А. Салмин, Е. В. Салмина[1]

Аннотация. *В 2017–2020 гг. исследовался участок псковского городского некрополя древнерусского времени. Новые материалы расширили представления об истории псковского некрополя и позволили поставить ряд новых вопросов об этнокультурном и социальном облике Пскова раннегородского периода.*

Ключевые слова: *Псков, курганный некрополь, раннее Средневековье, погребальная обрядность, русы/росы.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-167-175

Псковский некрополь X–XI вв. в его основной части (междуречье Великой и Псковы) исследуется с 1974 г., когда при охранных раскопках под средневековыми городскими отложениями было обнаружено первое захоронение. Результаты многолетних изысканий памятника до 2009 г. подытожены в двухтомнике «Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века» (Древнерусский некрополь…, 2012; 2016).

В 2016–2017 гг. на территории бывшей псковской тепловой электростанции начались охранные археологические раскопки на широкой площади. Здесь сохранились культурные слои губернского времени, периода функционирования подворья Псково-Печерского монастыря, отложения средневекового города; в предматериковой части напластований были зафиксированы несколько насыпей, содержавших погребения, совершенные по обряду кремации. Неизвестный ранее участок псковского некрополя оказался разделенным руслом р. Зрачки[2] (*Салмина и др.*, 2019. С. 28–33; Экспедыцыя…, 2021. С. 195–206). Продолжение работ в 2018–2020 гг. привело к фиксации объектов некрополя X–XI вв. на всей площади раскопов на территории бывшей ТЭЦ — буквально везде, где сохранились средневековые напластования. Работы проведены более чем на 3000 кв. м (раскопы Мстиславские-2–4, 6, Великоулицкий-1; руководители Е. В. Салмина, С. А. Салмин, А. В. Михайлов) (рис. 1). Новые открытия позволили включить в данный контекст открытые ранее остатки погребения (погребений?) на Мстиславском-1 раскопе 2003 г. (*Салмина*, 2006. С. 25–32). В итоге на сегодняшний день[3] на рассматриваемом участке отмечается не менее 22 курганных насыпей разной степени деформированности, содержащих не менее 15 кремаций и четыре ингумации. Переотложенные человеческие кости в составе более поздних культурных отложений, безусловно, свидетельствуют о присутствии здесь некоторого количества полностью разрушенных погребений.

Курганы ощутимо затронуты разновременной (с XI по XX в.) строительной и хозяйственной активностью. Так, практически все насыпи в той или иной мере нарушены планировочными

---

[1] Салмин С. А., Салмина Е. В. — ГБУК Псковской области «Археологический центр Псковской области»; г. Псков, Россия; e-mail: solvarg@yandex.ru, muntrik102@yandex.ru.

© Салмин С. А., Салмина Е. В., 2025

[2] Река Зрачка — правый приток Великой, впадающий в нее между современными улицами Профсоюзной и Детской у Мстиславской башни Среднего города. В период создания линии городских укреплений 1374–1375 гг. (Среднего города) ее русло было превращено в крепостной ров. На протяжении XVIII–XIX вв. полностью деградировала и превратилась в подземный поток.

[3] Число насыпей и погребений определено предварительно при полевой фиксации объектов. После полного завершения работы с документаций данные будут уточнены. Это также касается кремаций, зафиксированных в межкурганном пространстве, и переотложенных скоплений человеческих костей.

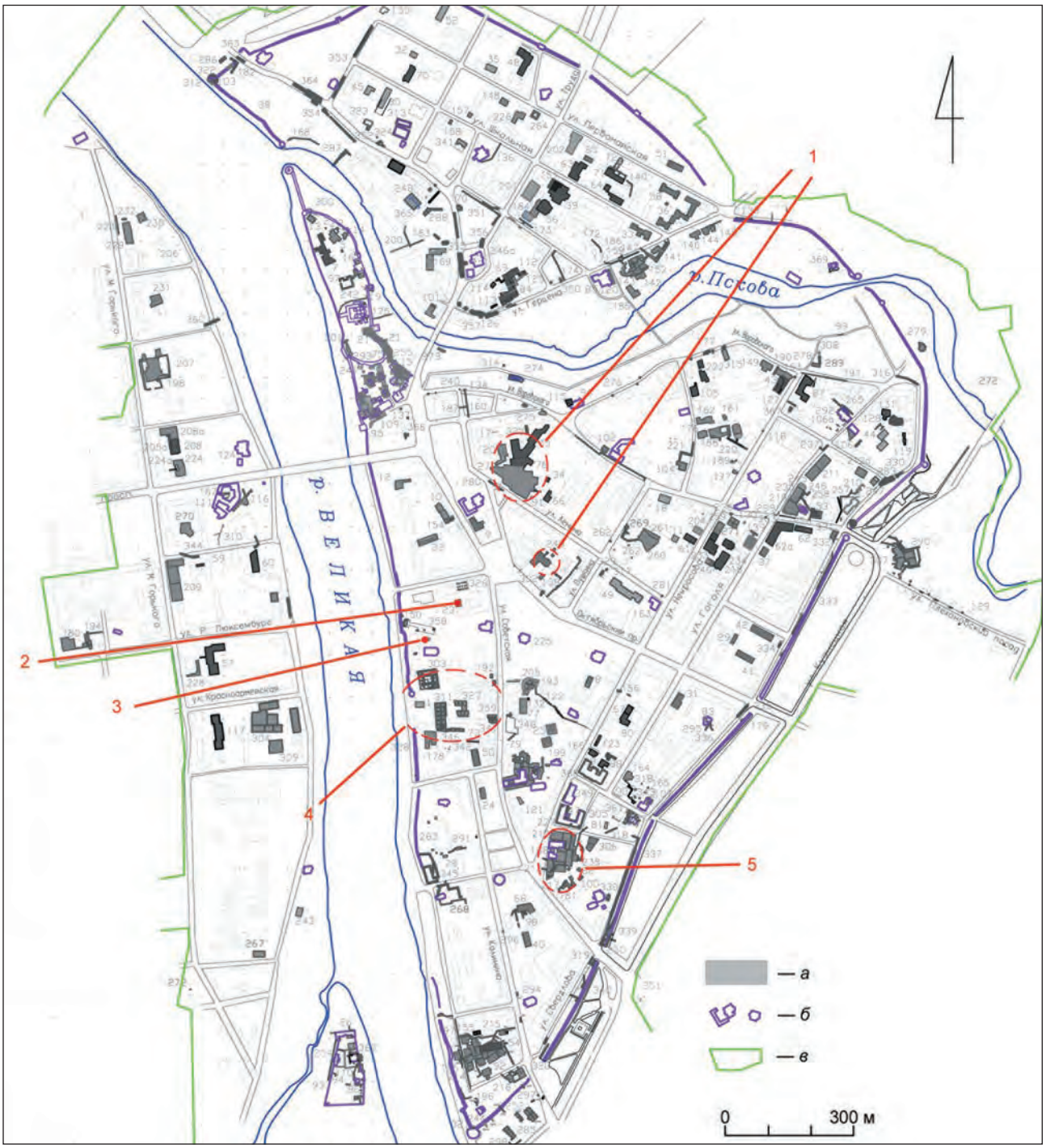


Рис. 1. Псков. Погребения X — первой половины XI в. в междуречье рек Псковы и Великой: *1* — участок некрополя X–XI вв., исследованный в 1974–1992, 1998, 2017 гг.; *2* — кремация, раскоп 1973 г.; *3* — ингумация, раскоп 2022 г.; *4* — участок некрополя X–XI вв., исследованный в 2003 и 2017–2020 гг.; *5* — «камерный» участок некрополя X–XI вв., исследованный в 2003–2009 гг. (*а* — археологические раскопы; *б* — памятники истории и культуры; *в* — граница ОКН ФЗ «Культурный слой древнего Пскова») (составители схемы раскопов Б. Н. Харлашов, Р. Г. Подгорная)

Fig. 1. Pskov. Burials of the 10th — 1st half of the 11th cen. in the interfluve of the Pskova and Velikaya rivers: *1* — necropolis section of the 10th–11th cen., investigated in 1974–1992, 1998, 2017; *2* — cremation, 1973 excavation; *3* — inhumation, 2022 excavation; *4* — the necropolis' section of the 10th–11th cen., investigated in 2003 and 2017–2020; *5* — a "chamber" section of the 10th–11th cen. necropolis, investigated in 2003–2009 (*а* — archaeological excavations; *б* — historical and cultural monuments; *в* — the boundary of the "Old Pskov's Cultural Layer" federal reserve) (compiled by B. N. Kharlashov, R. G. Podgornaya)

мероприятиями конца XI — XII в. при устройстве в межкурганном пространстве заглубленных в землю построек и частокольных канавок, нарушающих насыпи. Подобные факты фиксировались неоднократно на участке некрополя на ул. Ленина (Древнерусский некрополь…, 2012. С. 116, 128). Немалый ущерб был нанесен «Мстиславскому» участку некрополя во второй половине XIII — XIV в., во время создания здесь «металлургического квартала», когда почти все обнаруженные печи оказались возведенными на тесно расположенных курганных насыпях (*Салмина, Салмин*, 2020). Антропогенное воздействие изменило рельеф участка в период функционирования в северной части территории раскопов подворья Псково-Печерского монастыря, основанного в начале XVI в. (*Аполлос (Беляев)*, 1893. С. 125; *Окулич-Казарин*, 2001. С. 107). Отдельные курганные насыпи частично сохранились в подвальных помещениях зданий губернского времени. Немалая часть дошедших до нас погребений не потревожена непосредственными вторжениями, но заметно деформирована давлением массы разновременных отложений вышележащих пластов. Ситуация осложнена также значительным обезвоживанием напластований в результате устройства дренажей и гидрантных колодцев при строительстве и функционировании псковской ТЭЦ.

Курганные насыпи сформированы слабогумусированным песком (преимущественно желтым плотным пылеватым на северном участке и суглинистым — на южном), возведены на материковом глинистом, суглинистом или известняковом основании. В состав насыпей входили разноразмерные гранитные булыжники и известняковые плитки, крупные камни тяготели к основанию насыпей. При разборке суглинистых массивов зафиксированы две удлиненные насыпи, практически полностью составленные из известняковых плиток. Форма песчаных насыпей в плане близка к округлой, реже — овальная, что имеет аналогии на участке могильника на ул. Ленина (*Лабутина и др.*, 1981. С. 73; Древнерусский некрополь…, 2012. С. 50, 51). Высота сохранившихся деформированных насыпей относительно материковой поверхности — 0,65–1,35 м. Диаметр насыпей в среднем 4,5–6,5 м, в одном случае радиус сохранившейся части насыпи достигает 8,5 м, то есть в среднем габариты насыпей также соотносимы с исследованными в Пскове в раскопах на ул. Ленина.

Насыпи расположены очень близко одна к другой, практически повсеместно прослеживается перекрывание ровиков более ранних курганов по́лами более поздних. Ровики в большинстве случаев хорошо фиксируются, выделяясь по заполнению, включающему мелкие прокаленные булыжники, дресву, уголь (образующий прослойки мощностью до 0,03–0,07 м).

Под насыпями курганов отсутствуют следы распашки или другой хозяйственной деятельности предшествующего этапа. Это позволяет предположить, что если рассматриваемые территории и были включены в сельскохозяйственную систему раннегородского поселения, то только в качестве зон выпаса скота. Зоны повышенной гумусации материкового суглинка во всех случаях связаны с «пропиткой» углистыми отложениями из заполнения ровиков. На южном участке, где материк представлен известняковой плитой с деструктурированными поверхностными слоями, непосредственно под курганами поверхность производит впечатление расчищенной или даже «выглаженной». В некоторых случаях ровики курганов заглублены в известняковый «рухляк».

Погребальные объекты на берегах Зрачки стратиграфически синхронны, обнаруживают одинаковые черты обряда и сходство технологических приемов, используемых при сооружении насыпей. Точно так же стратиграфически синхронны и городские сооружения конца XI — середины XII в., перекрывающие и нарушающие погребальные памятники. Аналогичные даты имеют и древнейшие сооружения, сменяющие объекты некрополя на участке на ул. Ленина (*Плоткин*, 1996. С. 161–171).

Основная часть погребений представлена кремациями, многовариантными по деталям обряда (*Салмина и др.*, 2019. С. 29–32; Экспедыцыя…, 2021. С. 200, 201). Все зафиксированные захоронения представляют собой «трупосожжения на стороне». Для значительной части «мстиславских» кремаций характерен достаточно крупный размер фрагментов костей, что может быть обусловлено сжиганием останков при невысокой температуре (рис. 2, *1*). Вещевой набор кремаций в большинстве случаев невыразителен и имеет плохую сохранность, хотя в одной из них обнаружен практически полный набор поясных накладок-бляшек (*Щукина*, 2019. С. 39–47; Экспедыцыя…, 2021. С. 209–214).

Погребения, совершенные по обряду трупоположения, тяготеют к юго-востоку рассматриваемого участка. Первоначально, при работах 2018–2020 гг., складывалось впечатление, что все ингумации этой части некрополя расположены южнее Зрачки, скрытой в толще культурных

Рис. 2. Псков. *1*— раскоп Мстиславский-3, курган 2, погребение 1 «в каменном ящичке» после разборки известняковых конструкций, вид с запада; *2* — раскоп Мстиславский-6, курган 2, погребение 4, вид с юга (юго-юго-запад), сохранившиеся *in situ* нижние конечности погребенного; *3* — раскоп Мстиславский-6, курган 2, погребение 4, вид с юга, остатки деревянного пола погребальной камеры; *4а, 4б* — раскоп Мстиславский-6, курган 1, погребение 3 (*4а* — общий вид (вид с севера); *4б* — пуговицы (цв. металл) *in situ* (вид с юга)). *1* — фото Е. В. Салминой; *2, 3, 4а, 4б* — фото С. А. Салмина

Fig. 2. Pskov. *1* — Mstislavsky-3 excavation, barrow 2, burial 1 “in a stone box” after dismantling of limestone structures, view from the west; *2* — Mstislavsky-6 excavation, barrow 2, burial 4, view from the south (south-south-west), *in situ* preserved lower limbs of the buried; *3* — Mstislavsky-6 excavation, barrow 2, burial 4, view from the south, remains of the wooden floor of the burial chamber; *4a, 4б* — Mstislavsky-6 excavation, barrow 1, burial 3 (*4a* — general view (view from the north); *4б* — buttons (coloured metal) *in situ* (view from the south)). *1* — photo by E. V. Salmina; *2, 3, 4a, 4б* — photo by S. A. Salmin

напластований. Однако при спасательных раскопках 2022 г. у Архиерейского дома и Надвратного корпуса подворья Псково-Печерского монастыря, примерно в 100 м к северу от границ рассматриваемого нами участка некрополя (и, соответственно, севернее Зрачки), в предматериковых отложениях было зафиксировано захоронение по обряду ингумации (взрослого и ребенка), в вещевом наборе которого присутствовал костяной односторонний наборный гребень X–XI вв.[4]

Согласно датировкам вещевого материала (в том числе керамических сосудов), кремации на данном участке хронологически близки ингумациям. При этом погребения на «Мстиславском» участке некрополя, несомненно, были впущены с уровня дневной поверхности в по́лы уже наличествующих курганов. Ингумации в ямах, впущенные в насыпь более ранних курганов, наблюдались и на участке некрополя на ул. Ленина (Древнерусский некрополь…, 2012. С. 119, 184). Использование уже существующих насыпей для устройства в них погребальных камер или иного типа погребений характеризует финальный

[4] Благодарим руководителей раскопа Печерский-3 М. И. Кулакову и Р. Г. Подгорную за возможность ознакомиться с неопубликованными данными.

период функционирования могильника. Погребения по обряду ингумации «Мстиславского» участка совершались как в камерах (рис. 2, *2, 3*), так и в могильных ямах, имеющих менее сложные конструкции (рис. 2, *4а, 4б*).

* * *

Открытия двух первых десятилетий XXI в. не могли не поставить вопрос о зонировании территории псковского некрополя. Первоначально значительный пространственный разрыв между территориями могильника на площади Ленина и новооткрытого массива погребений у Старовознесенского монастыря провоцировал исследователей рассматривать эти объекты как разные некрополи. Более того, все погребения «Старовознесенского» участка, совершенные по обряду трупоположения, были либо камерными, либо входили с камерами в единый комплекс, характеризовались обилием вещевого материала, что разительно отличало их от погребений участка на ул. Ленина. Создавалось даже впечатление, что памятники принадлежат разным этническим или социальным группам, что находит многочисленные аналогии в Северной Европе (Древнерусский некрополь…, 2012. С. 5–25; 2016. С. 7–27).

Однако работы 2016–2020 гг. изменили картину кажущейся обособленности могильников (рис. 1). Напомним, что раскопки в Пскове носят охранный характер, и выбор места для раскопов определяется нуждами городского строительства, а не интересами или гипотезами исследователей. Открытие большого числа захоронений еще на одном участке территории Пскова, в междуречье Великой и Псковы, заставило нас повторно проанализировать некоторые объекты из раскопок прошлых лет: непредставительные разрозненные кремации, предполагаемые остатки насыпей, казавшиеся материковыми, и т. п. В настоящее время протяженность территории изученной части некрополя с севера на юг составляет около 1000 м, в широтном направлении — не менее 200 м, то есть раннесредневековые погребения присутствуют на площади около 20 га, исключая не пригодные для кладбищ места низинных размываемых участков (русла и нижние террасы малых рек). Возможно, плотность захоронений была неравномерной, и выделялись участки более-менее высокой концентрации курганов, однако на всех исследованных участках, где предматериковые отложения не были непоправимо нарушены, погребения присутствовали на основной площади раскопов. Поэтому можно заключить, что в последней четверти X в. площадь некрополя не менее чем в 10 раз превышала площадь укрепленной части Пскова. Важно отметить, что формирование некрополя (некрополей?) было довольно быстрым — по вещевым находкам мы не можем выделить убедительных комплексов древнее рубежа X–XI вв., и рост могильника к концу века представляется буквально взрывным.

Рис. 3. Псков. Раскоп Мстиславский-6, слой некрополя. Подвеска со знаками Рюриковичей, цветной металл. Фото Р. Г. Подгорной

Fig. 3. Pskov. Excavation Mstislavsky-6, a layer of the necropolis. A pendant with the Rurikids' signs, coloured metal. Photo by R. G. Podgornaya

* * *

Археологические реалии рассматриваемого времени позволяют наблюдать синхронность двух явлений в истории Пскова: разрастание большого по площади и числу погребений курганного некрополя, а также захоронение там представителей некоей особой социальной или этнической группы. Второе явление прослеживается, главным образом, по набору вещей, происходящих из слоя некрополя, в частности, из погребений.

Так, присутствие в погребениях предметов, дающих возможность предполагать связь погребенных с киевской династией (монеты-подвески из камерного погребения 1 (Древнерусский некрополь…, 2012. С. 68); подвеска с княжескими знаками из камеры 6 «Старовознесенского» участка некрополя (Древнерусский некрополь…, 2016. С. 293); подвеска с двузубцем из раскопа Мстиславский-6 (рис. 3; по мнению С. В. Белецкого, такие знаки принадлежали Улебу Игоревичу и его жене Сфандре (Экспедыцыя…, 2021. С. 441–445)), позволяет рассматривать этих людей как изолированно существовавшую внутри местного (псковского) населения социально значимую группу.

На связь с южными регионами Русского государства указывает то, что набор оружия, происходящего из ингумаций псковского некрополя, имеет восточноевропейский характер. Преобладающим видом оружия ближнего боя являются кавалерийские топоры (типы I, II и III, по А. Н. Кирпичникову) (Древнерусский некрополь…, 2016. С. 467, рис. 1). Происхождение первых двух типов связано с территориями Предкавказья и Приуралья, а широкое распространение — со степными культурами X–XI вв. В свою очередь, по мнению А. Н. Кирпичникова, топоры типа III производились в основном на территории Руси. Включение этого вида вооружения в паноплии «оседлых» народов связано с возрастающей ролью кавалерии в зонах соприкосновения со степняками (*Йотов*, 2004. С. 97; *Кирпичников*, 1966. С. 32–36; *Кочкаров*, 2008. С. 66, 67). Согласно наблюдениям К. А. Михайлова, именно эти типы боевых топоров преобладают в «камерных погребениях» Русской равнины (*Михайлов*, 2016. С. 103; Экспедыцыя…, 2021. С. 429).

Одновременно с этим в погребениях присутствует значительное количество предметов, связанных со скандинавской традицией (или непосредственно привезенных из Скандинавии) (рис. 4). Так, кошелек (от которого сохранились металлическая рамка и детали застежки: бусина и костяная накладка) из погребения 3 (раскоп Мстиславский-6) имеет хорошо известные аналогии в материалах Швеции (*Sörling*, 1939). Бронзовые кольца из этого же погребения, определяемые некоторыми исследователями как детали булавок (*Носов, Хвощинская*, 2004. С. 230, рис. 1, *7, 8*; 2006), другими — как подвесы от ножен (*Arbman*, 1940; *Андрощук, Зоценко*, 2012. С. 257, 258, рис. 195, 196), также находят многочисленные аналоги в скандинавских древностях[5]. Для декоративной детали фибулы, происходящей из массива отложений некрополя на раскопе Великоулицкий-1, наиболее близкими стилистически (хотя и несколько отличающимися конструктивно) аналогиями представляются кольцевые фибулы с драконьими головками с острова Готланд (находки из Аустриса и Томты) (Statens historiska museer 1.; Statens historiska museer 2.).

Значительное присутствие христианской символики в погребениях по обряду трупоположения (в наибольшей степени на «Старовознесенском» участке некрополя) свидетельствует, что большинство захоронений было произведено не ранее последней четверти X в. На «Старовознесенском» участке подобные ингумации образуют единую группу, не включающую в себя кремации, тогда как на участке на ул. Ленина и «Мстиславском» присутствуют и те, и другие, причем кремации количественно преобладают.

В это же время на участках на ул. Ленина и «Мстиславском» появляются погребения по обряду трупоположения, устроенные в «камерах» несколько меньшего размера, размещенные в склонах уже существовавших или даже недавно возведенных курганов. Можно предполагать, что группа похороненных здесь людей, связанная с киевскими политическими структурами (о чем свидетельствует наличие на территории участков подвесок со знаками Рюриковичей (рис. 3)) и южной воинской традицией (наличие боевых топоров кавалерийских типов (рис. 4, *1*, *2*)), входила в родовые или социальные структуры Пскова.

При этом небольшие размеры деревянных сооружений, впущенных в курганы с существующими кремациями, могут быть обусловлены ограниченностью места на освоенных территориях могильника.

Представляется возможным связывать появление этих комплексов с периодом включения Псковской земли в орбиту влияния киевского властного центра и предполагать, что здесь мы имеем дело с этнокультурной группой, которую источники именуют «русы/росы». Сложность полиэтничной конструкции социума рассматриваемого периода отмечал еще И. Янссон, подчеркивавший сложность и нелинейность интерпретации археологического материала при этнических и социокультурных построениях (*Янссон*, 2001). Не вдаваясь в рассуждения относительно генетической или языковой принадлежности «русов», вспомним, что современники отличали эту группу как от собственно скандинавских народов (например, Титмар Мерзебургский противопоставляет русов данам (*Титмар Мерзебургский,* 2005. С. 178)), так и от населявших Восточно-Европейскую равнину славянских племенных групп. Это позволяет постулировать наличие вещевых комплексов, характерных для «русов» как таковых, и предполагать, что источниками этой информации могут являться прежде всего погребальные древности, аккумулировавшие синкретичность «русской» материальной культуры.

На сегодняшний день наиболее вероятным представляется, что приток в Псковскую землю южан-«русов» связан с событиями усобицы Святославичей, когда Псков, находившийся

[5] В данном погребении эти предметы находятся во вторичном использовании, судя по местоположению на скелете — в качестве деталей поясного или портупейного набора.

Рис. 4. Псков. Находки из отложений некрополя: *1, 2* — топоры (раскоп Мстиславский-4, курган 2, погребение 1); *3а, 3б* — кольца (Мстиславский-6, курган 1, погребение 3); *4а–4в* — детали кошелька (*4а* — рамка, *4б* — бусина, элемент застежки, *4в* —фрагмент застежки) (Мстиславский-6, курган 1, погребение 3); *5а* — деталь фибулы зооморфная декоративная, цветной металл (Мстиславский-6, слой некрополя); *5б* — реконструкция фибулы М. А. Васильева (возможный аналог: *Каргер,* 1958. С. 189, рис. 36). Фото Е. В. Салминой, Р. Г. Подгорной. *1* — железо; *2* — железо, дерево; *3а, 3б, 4а, 5а* — цветной металл; *4б* — стекло; *4в* — кость. Масштаб: *а* — для *1–4*; *б* — для *5а, 5б*

Fig. 4. Pskov. Finds from the necropolis' deposits: *1, 2* — axes (Mstislavsky-4 excavation, barrow 2, burial 1); *3а, 3б* — rings (Mstislavsky-6, barrow 1, burial 3); *4а–4в* — parts of a purse (*4а* — frame, *4б* — bead, clasp element, *4в* — clasp fragment) (Mstislavsky-6, barrow 1, burial 3); *5а* — a zoomorphic decorative detail of the fibula, non-ferrous metal (Mstislavsky-6, necropolis layer); *5б* — a reconstruction of the fibula by M. A. Vasilyev (possible analogue: *Каргер*, 1958. С. 189, рис. 36). Photo by E. V. Salmina, R. G. Podgornaya. *1* — iron; *2* — iron, wood; *3а, 3б, 4а, 5а* — non-ferrous metal; *4б* — glass; *4в* — bone. Scale: *а* — for *1–4*; *б* — for *5а, 5б*

на периферии конфликта, мог оказаться убежищем для представителей оппозиции, трижды вытесняемой из переходившего из рук в руки Новгорода (в дальнейшем, на протяжении XII–XV вв., Псков неоднократно принимал у себя проигравших в политической борьбе новгородцев). В этом случае появление лиц, относящихся по статусу и культуре к «русам», но имевших псковское происхождение и поэтому погребенных в традиционной части могильника, вполне объяснимо.

Андрощук, Зоценко, 2012 — *Андрощук Ф., Зоценко В.* Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Paris: б. и., 2012. 366 с.

Аполлос (Беляев), 1893 — *Аполлос (Беляев Иван Георгиевич*). Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Издание второе, дополненное при Настоятеле Архимандрите Иннокентии. Остров: Тип. А. С. Степановой, 1893. 175 с.

Древнерусский некрополь…, 2012 — Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. В 2 т. / Отв. ред. И. К. Лабутина. Т. 1: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города). СПб.: Нестор-История, 2012. 300 с.

Древнерусский некрополь…, 2016 — Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. В 2 т. / Отв. ред. И. К. Лабутина. Т. 2: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). СПб.: Нестор-История, 2016. 624 с., ил.

Йотов, 2004 — *Йотов В.* Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–IX век). Варна: Абагар Велико Търново, 2004. 356 с.

Каргер, 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 579 с., 55 л. ил.

Кирпичников, 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М., Л.: Наука, 1966 (САИ; Е1–36). 147 с., 34 л. ил.

Кочкаров, 2008 — *Кочкаров У. Ю.* Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус, 2008. 176 с.

Лабутина и др., 1981 — *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф.* Древнерусский некрополь Пскова (по материалам раскопок 1976 г.) // КСИА. 1981. Вып. 166: Средневековые древности. С. 69–77.

Михайлов, 2016 — *Михайлов К. А.* Элитарный погребальный обряд Древней Руси. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2016. 271 с.

Носов, Хвощинская, 2004 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В. В. Седова / Ред. Н. А. Макаров и др. М.: Наука, 2004. С. 227–234.

Носов, Хвощинская, 2006 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Некоторые аспекты изучения кольцевидных булавок на территории Древней Руси // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур: Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории (Пушкинские горы, 7–10 октября 2004 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 130–140.

Окулич-Казарин, 2001 — *Окулич-Казарин Н. Ф.* Спутник по древнему Пскову. Псков: Светоносец, 2001. 305 с.

Плоткин, 1996 — *Плоткин К. М.* Граница псковского некрополя (по материалам раскопа X) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков: б. и., 1996. С. 161–171.

Салмина, 2006 — *Салмина Е. В.* Мстиславский раскоп 2003 года в Пскове // АИППЗ. Вып. 21. М.; Псков: ИА РАН, 2006. С. 25–32.

Салмина, Салмин, 2020 — *Салмина Е. В., Салмин С. А.* Горны на курганах (открытие средневекового металлургического квартала в Пскове при раскопках 2016–2019 гг.) // На одно крыло — серебряная, на другое — золотая...: Сб. ст. памяти С. Рябцевой / Под ред. Р. А. Рабиновича, Н. П. Тельнова. Кишинев: ВАШ, 2020 (Библиотека «Stratum»). С. 381–388.

Салмина и др., 2019 — *Салмина Е. В., Салмин С. А., Белоус В. А., Косовец К. С., Фисенко А. В., Щукина Т. А.* Возвращение через 105 лет: раскопы 2016–2017 гг. у Мстиславской башни в Пскове // АИППЗ. Вып. 34. М.; Псков: ИА РАН, 2019. С. 25–38.

Титмар Мерзебургский, 2005 — *Титмар Мерзебургский.* Хроника. М.: «SPSL» — «Русская панорама», 2005. 256 с.

Щукина, 2019 — *Щукина Т. А.* Поясной набор из погребения 3 (курган 1) на Мстиславском-II раскопе // АИППЗ. Вып. 34. М.; Псков: ИА РАН, 2019. С. 39–47.

Экспедыцыя…, 2021 — Экспедыцыя працягласцю ў жыцце. Зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага / Уклад. і навук. рэд. М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. Мінск: Колорград, 2021. 742 с.

Янссон, 2001 — *Янссон И.* К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год: Восточная и Северная Европа в средневековье. М.: Восточная литература, 2001. С. 116–126.

Arbman, 1940 — *Arbman H.* Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm, 1940. 560 S.

Sörling, 1939 — *Sörling E.* Penningväskor från vikingatiden // Fornvännen. 1939. Vol. 34. S. 45–57.

Statens historiska museer 1. — Statens historiska museer 1. URL: https://samlingar. shm. se/object/DCDB4599-C3C7-42ED-85FB-14D8B15A1947 (accessed 01.11.2024).

Statens historiska museer 2. — Statens historiska museer 2. URL: https://samlingar. shm. se/object/93397B61-C44E-4A0C-BB75-11431D7E2B76 (accessed 01.11.2024).

Ethnocultural and social features of the funeral rites of the "Mstislavsky" section of the Pskov necropolis of the 10th–11th centuries

S. A. Salmin, E. V. Salmina[6]

Keywords: Pskov, barrow necropolis, Early Middle Ages, funeral rites, the Rus/Ros people

Archaeological research of the Old Rus necropolis of Pskov in recent decades has raised a number of new questions about the ethnocultural and social appearance of Pskov in the early Middle Ages.

The 2016–2020 excavations researched areas in the western part of medieval Pskov that had not previously been considered as sites occupied by a barrow burial ground of the 10th–11th cen. Thus, the lacuna between the previously studied sections of the necropolis disappeared, which made it possible to return to the discussion about the unity or disunity of the barrow burial ground of the early town. At the same time, the study of the Pskov necropolis in all its sections has shown that the main number of burials was made in the 2nd half of the 10th — 1st quarter of the 11th cen., and the possibility to identify the sequence of development of the burial ground sections is complicated due to the synchronous nature of their materials.

The research on the territory of the Mstislavsky section of the Pskov necropolis showed a fast increase of the necropolis' area. The growth of the burial ground's area occurred simultaneously with the appearance in Pskov of a new burial rite (inhumations in wooden structures buried in the ground). The presence of the funerary inventory's items of both East European and North European appearance allows us to suggest that the ethnocultural group that practised a new funerary rite were the chronicle 'Rus' and the locus of distribution of this rite was the Middle Dnieper basin.

[6] Sergey A. Salmin, Elena V. Salmina — Archaeological center of the Pskov region; Pskov, Russia; e-mail: solvarg@yandex.ru, muntrik102@yandex.ru.

Особенности состояния зубной системы лошадей из средневековой Старой Руссы[1]

Н. Н. Спасская, О. С. Лебедева, И. С. Сухоева, М. В. Сытникова, К. Г. Самойлов, Е. В. Торопова[2]

Аннотация. *Впервые подробно исследован возрастной состав и состояние зубов лошадей Северо-Западной Руси в XIII–XV вв. Показано, что животные существовали в неоптимальных условиях: интенсивно эксплуатировались, содержались в стойлах, потребляли несбалансированные корма. Это нашло отражение не только в развитии патологий зубов, но и в сроках жизни большинства животных.*

Ключевые слова: *Equus caballus caballus, археозоология, патологии, зубы, Старая Русса, Пятницкий раскоп, Новгородская земля.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-176-186

Введение

Лошадь в средневековой Руси играла исключительную роль, прежде всего, как транспортное средство для перевозки людей и грузов и выполнения разнообразных работ. Однако сведений о самих животных, условиях их содержания и использования в этот исторический период к настоящему времени накоплено не так много. В предшествующих исследованиях археозоологических материалов по лошадям (в основном фрагментов посткраниального скелета) из населенных пунктов Северо-Западной Руси внимание в бóльшей степени было уделено экстерьерным характеристикам животных, помимо этого были рассмотрены тафономические аспекты, варианты эксплуатации, использования их мяса и костного сырья (*Цалкин*, 1956; *Спасская и др*., 2011; *Зиновьев*, 2009; 2015; *Maltby*, 2020; *Maltby et al*., 2020a; 2020b). Зубы же лошадей (обычно разрозненные) — частые находки при археологических раскопках — еще не попадали в поле зрение исследователей.

В средние века потребность в лошадях была ежедневной, поэтому животных, даже в городе, содержали в непосредственной близости от жилых домов. Многочисленные находки остатков лошадей в самом центре Старой Руссы (летописной Русы — второго по величине городского центра средневековой Новгородской земли) подтверждают это. Постоянная эксплуатация должна была отразиться на физическом состоянии животных. Наличие многочисленных и разнообразных патологий их зубной системы в накопленном археозоологическом материале обратили на себя внимание и побудили провести более детальное исследование. Впервые для Северо-Западной Руси была предпринята попытка на основе состояния зубов выявить особенности содержания и использования лошадей в средневековом городе.

Характеристика памятника и исследованный материал

В результате многолетних археологических работ на Пятницком I раскопе, проводимых

[1] Статья подготовлена при поддержке Программы развития МГУ, проект 23-Ш02-20 «Христианские и языческие древности средневекового Новгорода в свете междисциплинарных исследований».

[2] Спасская Н. Н., Лебедева О. С. — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Москва, РФ; e-mail: equusnns@mail.ru. Сухоева И. С. — Конный клуб «Максима-Парк»; Московская обл., РФ; e-mail: ingaequivet@mail.ru. Сытникова М. В. — независимый исследователь; Алматы, Республика Казахстан; e-mail: sytnikovam2007@gmail.com. Самойлов К. Г., Торопова Е. В. — Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; Великий Новгород, Россия; e-mail: jevoli@mail.ru, toropova_elena@mail.ru.

© Спасская Н. Н., Лебедева О. С., Сухоева И. С., Сытникова М. В., Самойлов К. Г., Торопова Е. В., 2025

в историческом центре Старой Руссы, на месте расположения бывшего дома 65 по Минеральной улице, на площади около 170 кв. м были изучены культурные напластования мощностью до 6,1 м. Прекрасная сохранность органических материалов позволила собрать значительные коллекции индивидуальных находок и массового материала, а также привязать их к стратиграфическим горизонтам, датированным XI–XV вв. (по дендрохронологической шкале) (*Торопова, Самойлов*, 2018).

По итогам работ на Пятницком I раскопе, на территории средневековой городской усадьбы, получившей условное наименование «А», была собрана большая коллекция костей разных животных, исследуемая по методической схеме, разработанной в Институте археологии РАН (*Антипина*, 2016). Остеологическая коллекция характеризуется хорошей сохранностью костных фрагментов — 3–4 балла по пятибалльной шкале. По зафиксированным на костных фрагментах следам искусственного воздействия можно с уверенностью утверждать, что мы имеем дело преимущественно с кухонными остатками.

Особенностью изученной усадьбы является то, что в пластах 8–20, датируемых концом 1240-х — 1420-ми гг., встречены крупные фрагменты краниального и посткраниального скелета, а также скопления отдельных костей лошадей (*Equus caballus caballus*). Никаких признаков разделки лошадиных туш на мясо не зафиксировано. На части костей хорошо видны следы, оставленные зубами собак, что говорит о доступности костей и отсутствии специальной санитарной утилизации падших животных или их крупных фрагментов.

При этом значительную часть исследованной выборки составляет выраженное скопление таких остатков в пластах 16–18, относящихся к строительному ярусу VII (первая половина 1270-х — середина 1290-х гг.) (*Торопова и др.*, 2009. С. 98–100) (рис. 1). Это максимальная для Пятницкого I раскопа концентрация развалов остеологического материала (включающая неполные 14 черепов). Уточняя археологический контекст, следует отметить, что в период существования данного строительного яруса на площади усадьбы «А» застройка не фиксируется (*Торопова, Самойлов*, 2018. С. 3). Напластования, в которых найдено рассматриваемое скопление, представлены мощными (до 0,30–0,45 м) отложениями навоза с примесью травы, перекрывающими застройку предшествующего периода (рис. 2). В этих же слоях концентрируются находки остатков березовых веников (32 ед.), вероятно, использовавшихся в качестве

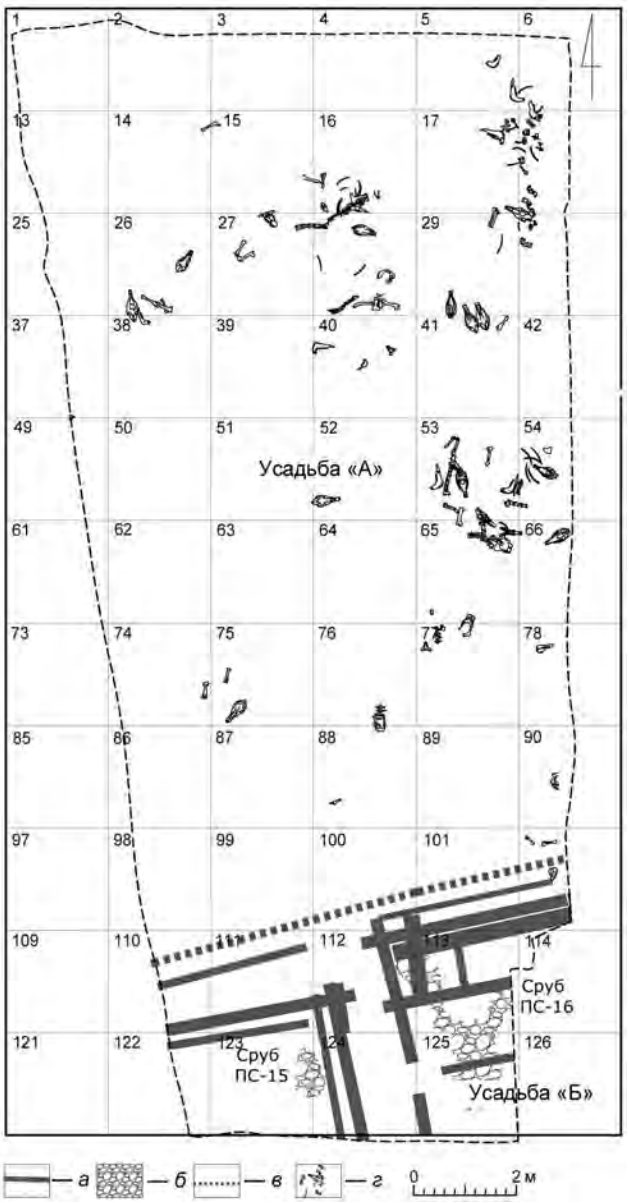


Рис. 1. Пятницкий I раскоп. Скопление фрагментов краниального и посткраниального скелета лошадей в напластованиях строительного яруса VII (пласты 16–18), относящегося к первой половине 1270-х — середине 1290-х гг. (усадьба «А») (*а* — деревянные конструкции; *б* — развалы камней; *в* — частоколы; *г* — развалы костей)

Fig. 1. Pyatnitskiy I excavation site. Cluster of fragments of the cranial and postcranial skeleton of horses in the strata of construction tier VII (layers 16–18), dating back to the first half of the 1270s — mid-1290s (estate "A") (*а* — wooden structures; *б* — rubble of stones; *в* — palisades; *г* — bone collapses)

Рис. 2. Скопление фрагментов краниального и посткраниального скелета лошадей в напластованиях яруса VII (пласт 17), перекрывающее застройку предыдущего периода в северо-западной части Пятницкого I раскопа. Вид с востока (фотография 2008 г.)

Fig. 2. Cluster of fragments of the cranial and postcranial skeleton of horses in the strata of tier VII (layer 17), interrupting the development of the previous period in the northwestern part of the Pyatnitsky I excavation pit. View from the east (photograph of 2008)

веточного корма, например для крупного рогатого скота. Вопрос об интерпретации данного скопления остеологического материала и причин его формирования пока остается открытым.

К настоящему моменту изучена бóльшая часть археозоологических материалов по лошади, полученных на Пятницком I раскопе. В данном исследовании представлены результаты анализа 22 краниальных частей черепа и 21 нижней челюсти. У многих черепов и нижних челюстей разрушены резцовые части и отсутствует часть зубов (тафономические изменения), поэтому определить с достаточной уверенностью их принадлежность к одной особи было сложно. Собрать комплектные черепа удалось только для трех экземпляров, остальные части черепов условно считаются принадлежащими отдельным животным. Всего, таким образом, исследованная выборка включала 40 особей, но эта оценка может быть в дальнейшем пересмотрена.

Методы исследования

Пол животных устанавливался по наличию и степени развитости клыков. Индивидуальный возраст особей определяли по степени прорезания и стертости зубов (*Кулешов, Красников*, 1928; *Корневен, Лесбр*, 1932; *Дюрст*, 1936); в случае отсутствия резцовой части проводилась экспертная оценка по состоянию швов краниальной части черепа и общей стертости жевательной поверхности щечных зубов. Об использовании лошади в качестве ездового животного судили по наличию и степени стертости передневерхней части премоляров верхней (P2) и нижней (p2) челюстей (*Anthony, Brown*, 1998), наличию и степени развития остеофитов на диастеме (*Bendrey*, 2007).

Использовали принятую в ветеринарии классификацию патологических изменений зубной системы (*Dixon et al*., 1999; 2000; *Dixon, Dacre*, 2005; *Johnson, Porter,* 2006). Анализ материала проводили с учетом как вариантов патологий, так и возрастной категории животных. В зависимости от этапов формирования зубной системы и постраниального скелета были выделены следующие возрастные категории: до 1 года, 1–3 года, 3–5, 5–10, 10–15, 15–20, 20 лет и старше.

Результаты исследований

Половозрастные характеристики

Из исследованных остатков 40 особей 24 были жеребцами (или меринами), пять — кобылами, для 11 экземпляров пол установить не представлялось возможным. Распределение по возрастным категориям было следующим: 1–3 года — одна особь (2,5 %); 5–10 лет — восемь (20 %); 10–15 лет — 14 (35 %); 15–20 лет — 15 (37,5 %); старше 20 — две (5 %).

Почти для 74 % исследованных особей отмечены рабочие патологии на передних премолярах (p2/P2; на нижних более выраженные, чем на верхних) и диастеме, что указывает на использование животных в качестве ездовых (рис. 3, *1, а, 3, а*).

Таким образом, бóльшая часть проанализированных остатков животных из раскопа Пятницкий I Старой Руссы — это самцы в наиболее работоспособном возрасте (5–15 лет) — 62,5 и 55,5 % соответственно.

Характеристика состояния зубной системы

У 40 % исследованных животных был выявлен кариес в цементе на жевательной поверхности щечных зубов (в подавляющем большинстве случаев; рис. 3, *1, б*), а также несколько случаев периферического кариеса (рис. 3, *3, б*; 4, *2, б*). Кариес в бóльшей степени был развит у 10–15-летних особей (64,3 % особей этой возрастной группы).

К неравномерному стиранию щечных зубов были отнесены «волнообразные рты» (рис. 4, *1*), «ступеньки» (рис. 4, *2, а, 3, б*), ростральные и каудальные «крючки» (рис. 4, *3, в*), «пандусы» (рис. 4, *4, а*). Все перечисленные патологии,

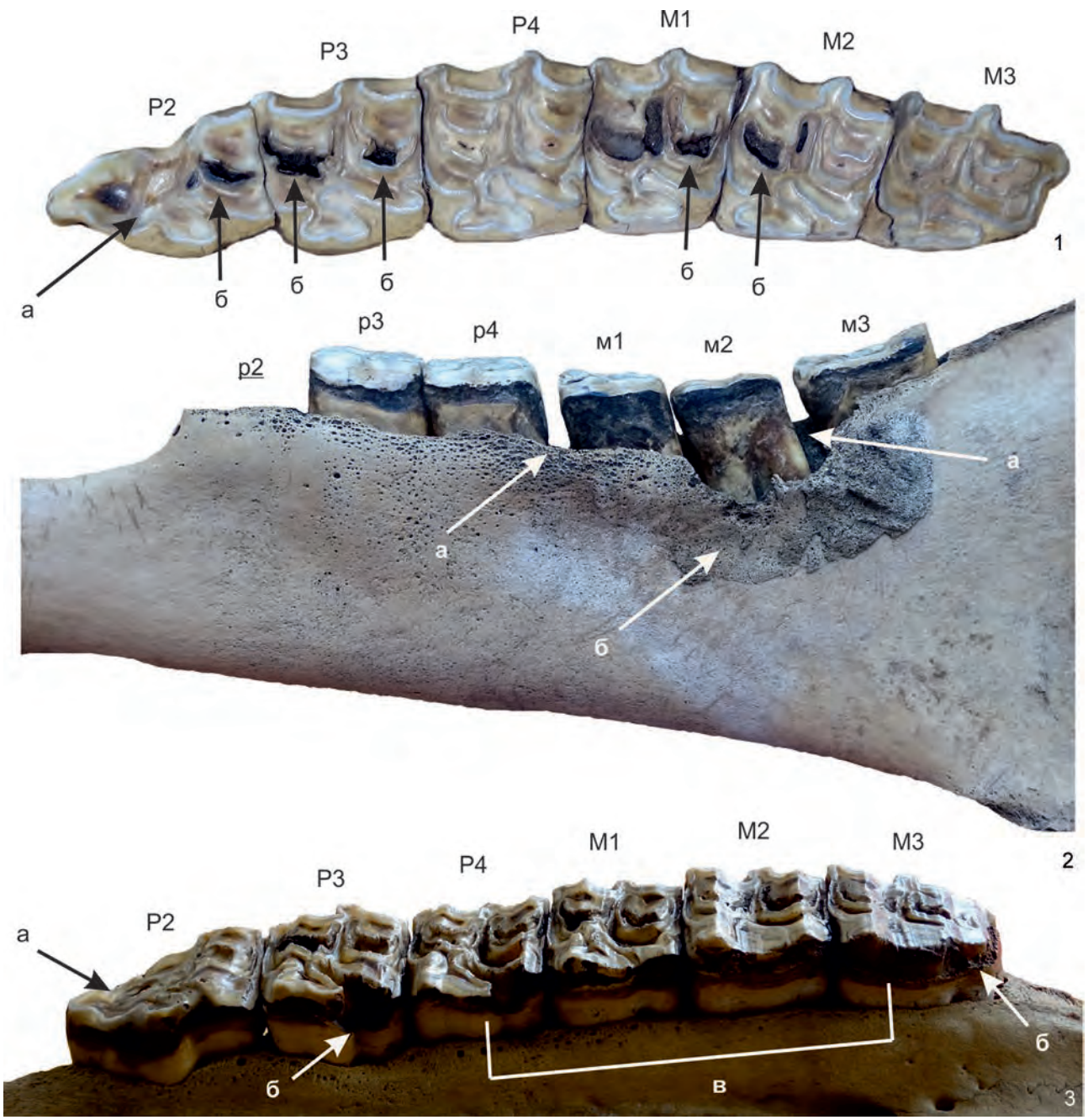
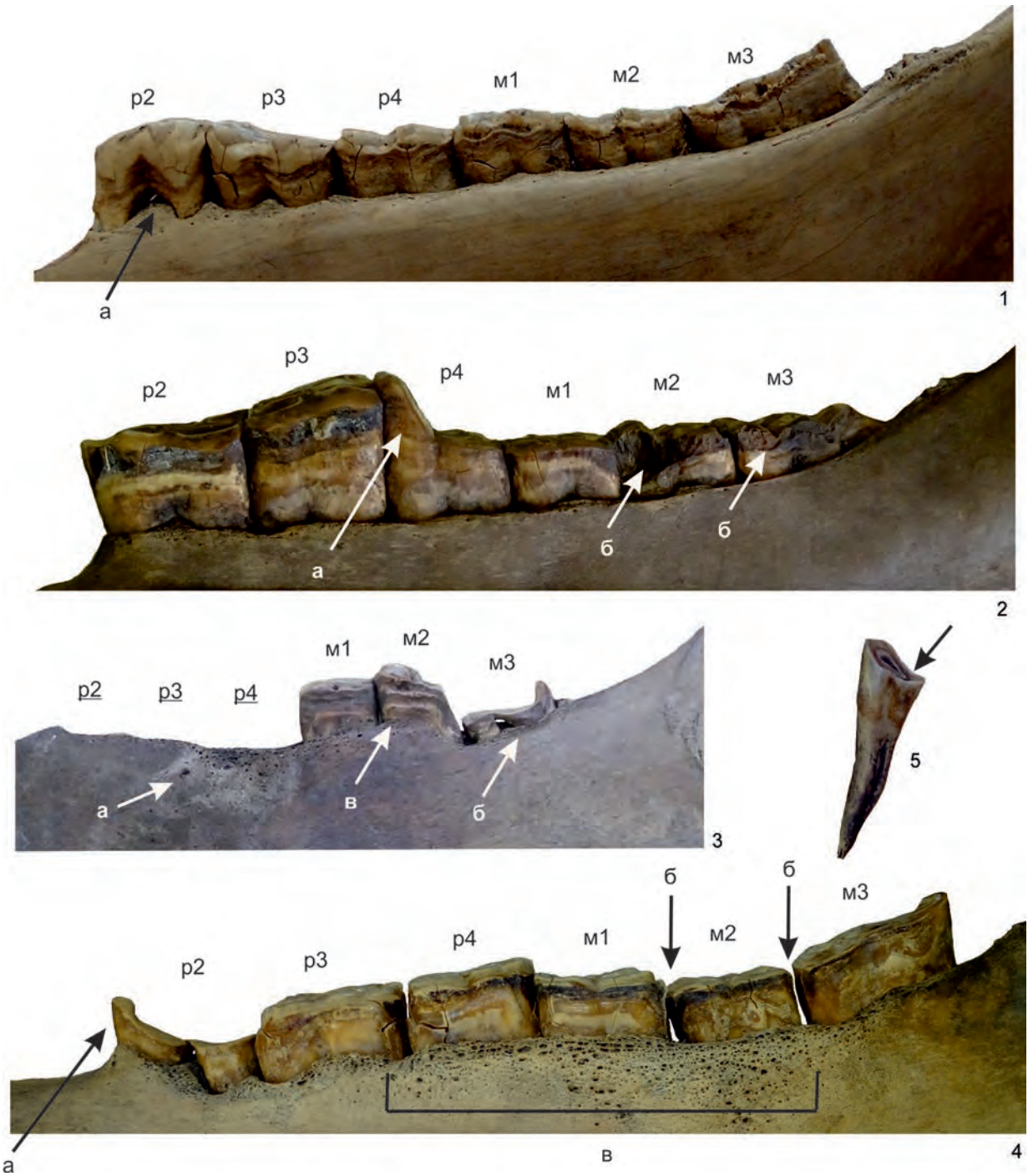


Рис. 3. Выявленные патологии на зубах лошадей из Пятницкого I раскопа (усадьба «А»). *1* — образец ПТ-I-2007, пл. 15, кв. 29/30 (верхняя челюсть, возрастная группа 15–20 лет): *а* — рабочая стертость на переднем премоляре; *б* — кариес в цементе премоляров (P) и моляров (M). *2* — образец ПТ-I-2007, пл. 15 кв. 29/30 (нижняя челюсть, p2 отсутствует, возрастная группа 15–20 лет): *а* — межзубные диастемы; *б* — воспалительный процесс в кости, вызвавший ее лизис. *3* — образец ПТ-I-2008, пл. 18, кв. 75 (верхняя челюсть, возрастная группа 5–10 лет): *а* — рабочая стертость на переднем премоляре; *б* — периферический кариес; *в* — поперечная стертость, более выраженная на P4–M1. Масштаб 1 см

Fig. 3. Identified pathologies on the teeth of horses from the Pyatnitsky I excavation pit (estate "A"). *1* — sample PT-I-2007, pl. 15, sq. 29/30 (upper jaw, age group 15–20 years): *а* — working wear on the anterior premolar; *б* — caries in the cementum of premolars (P) and molars (M). *2* — sample PT-I-2007, pl. 15, sq. 29/30 (lower jaw, p2 is absent, age group 15–20 years): *а* — interdental diastemas; *б* — inflammatory process in the bone. *3* — sample PT-I-2008, pl. 18, sq. 75 (upper jaw, age group 5–10 years): *а* — working wear on the anterior premolar; *б* — peripheral caries; *в* — transverse wear, more pronounced on P4–M1. Scale 1 cm



за исключением рострального «крючка», были отмечены у старорусских лошадей: всего у 15 % особей, в основном у 15–20-летних (20 % особей этой возрастной группы), но также по одному случаю у 5–10-летних, 10–15-летних и в группе старше 20 лет. В ряде случаев неравномерное стирание щечных зубов сопровождалось пародонтитом и зубоальвеолярным выдвижением (рис. 4, *1, а, 3, б*).

Ямкообразное стирание жевательной поверхности щечных зубов, в основном моляров, есть у 27,5 % животных и также в большинстве случаев у 15–20-летних (у 60 % особей этого возраста), но единично отмечено у 10–15-летних и в категории старше 20 лет. Поперечная стертость, больше проявляющаяся на молярах, зарегистрирована у 27,5 % особей в возрасте 5–20 лет (рис. 3, *3, в*).

У 15–20-летних животных наблюдались межзубные диастемы (рис. 3, *2, а*; 4, *4, б*) на щечных зубах (12,5 % всех исследованных особей, или 30 %

Рис. 4. Выявленные патологии на зубах лошадей из Пятницкого I раскопа (усадьба «А»). *1* — образец ПТ-I-2007, пл. 16, кв. 5 (нижняя челюсть, возрастная группа 15–20 лет), неравномерное стирание щечных зубов («волнообразный рот»): *а* — пародонтит. *2* — образец ПТ-I-2005, пл. 12, кв. 36 (нижняя челюсть, возрастная группа 10–15 лет): *а* — неравномерное стирание щечных зубов («ступенька» на p4), вызванное разрастанием P4 на верхней челюсти и смещением нижней челюсти по отношению к верхней; *б* — периферический кариес. *3* — образец ПТ-I-2008, пл. 17, кв. 61 (нижняя челюсть, p2–p3 отсутствуют, возрастная группа 15–20 лет): *а* — локальный остеопороз; *б* — зубоальвеолярное выдвижение на м1–м2 и «ступенька» на м2, причина которых в утрате верхнего M2 (и возможно M1); *в* — неравномерное стирание щечных зубов («каудальный крючок» на м3). *4* — образец ПТ-I-2005, пл. 12, кв. 88 (нижняя челюсть, возрастная группа 5–10 лет): *а* — неравномерное стирание щечных зубов («пандус» на p2); *б* — межзубные диастемы; *в* — локальный остеопороз. *5* — образец ПТ-I-2008, пл. 17, кв. 18 (возрастная группа 15–20 лет) — «вырезка» на боковом резце. Масштаб 1 см

Fig. 4. Identified pathologies on the teeth of horses from the Pyatnitsky-I excavation site (estate "A"). *1* — sample PT-I-2007, pl. 16, sq. 5 (lower jaw, age group 15–20 years) — uneven wear of the cheek teeth («wavy mouth»): *а* — periodontitis. *2* — sample PT-I-2005, pl. 12, sq. 36 (lower jaw, age group 10–15 years): *а* — uneven wear of the cheek teeth ("step" on p4) caused by the growth of P4 on the upper jaw and the displacement of the lower jaw in relation to the upper; *б* — peripheral caries. *3* — sample PT-I-2008, pl. 17, sq. 61 (lower jaw, p2-p3 are absent, age group 15–20 years): *а* — local osteoporosis; *б* — alveolar protrusion on m1–m2 and a "step" on m2, the cause of which is the loss of the upper M2 (and possibly M1); *в* — uneven wear of the cheek teeth ("caudal hook" on m3). *4* — sample PT-I-2005, sq. 12, sq. 88 (lower jaw, age group 5–10 years): *а* — uneven wear of the cheek teeth ("ramp" on p2); *б* — interdental diastemas; *в* — local osteoporosis. *5* — sample PT-I-2008, sq. 17, sq. 18 (age group 15–20 years) — "notch" on the lateral incisor. Scale 1 cm

особей этой возрастной группы), которые в трех случаях сопровождались воспалительными процессами костной ткани и даже ее лизисом (рис. 3, *2, б*).

Локальный остеопороз верхне- и нижнечелюстных костей зарегистрирован у 17,5 % животных, чаще у 15–20-летних (30 % особей этой категории) (рис. 4, *3, а, 4, в*).

Прижизненная утрата одного из щечных зубов была отмечена у единственной особи из возрастной категории 15–20 лет; еще в нескольких случаях мы можем предполагать наличие такого явления, исходя из морфологии противолежащей челюсти (рис. 4, *3, б*).

Также среди исследованного материала было найдено несколько изолированных боковых верхних резцов (J3) с так называемыми вырезками или заедами (рис. 4, *5*).

Следует отметить, что у подавляющего большинства исследованных экземпляров было зафиксировано наличие нескольких патологий.

Обсуждения

Половозрастные характеристики

Эти данные в литературе довольно скудны. Остеологическая коллекция лошадей из средневековых городов Северо-Западной Руси (Пскова, Старой Ладоги), с которой работал В. И. Цалкин, включала в основном части посткраниального скелета, и только из Великого Новгорода — черепа лошадей: всего 39 экземпляров, из которых 15 были хорошей сохранности и пригодны для морфометрических исследований; последние происходили из Неревского раскопа и датировались X–XI вв. Вероятно, именно для этих 15 черепов В. И. Цалкин указывал, что все они относятся к взрослым животным, закончившим смену молочных зубов на постоянные (то есть возрастом не менее 4,5 лет — *Кулешов, Красников*, 1928); только один череп принадлежал кобыле, остальные — жеребцам (*Цалкин*, 1956. С. 59). Пять лошадей из раскопа Десятинный I Людиного конца Великого Новгорода (X–XV вв.) были самцами; большинство особей — взрослыми, точный индивидуальный возраст смогли установить для 20 животных: 45 % из них были 5–10-летними, 25 % — 15–20-летними, 15 % — 3–5-летними; по одной особи (по 5 %) — до 1 года, 10–15-летней и старше 20 лет (рассчитано нами, *Зиновьев*, 2009. С. 192, 206). Археозоологический материал IX–X вв. из Новгорода (Кремль, Троицкие IX–XI раскопы) и окрестностей (Рюриково городище, Георгий, Прость) в основном был представлен отдельными фрагментами посткраниального скелета взрослых лошадей, точный возраст был установлен только для отдельных экземпляров — до 1 года, до 3 лет, 5–7 лет, более 10 лет, около 20 лет; когда была возможность определить пол — это были самцы (*Maltby et al.,* 2020a. P. 74, 81, 83, 85, 86; 2020b. P. 127, 128). Исследованные черепа с Рюрикова городища (окрестности Новгорода, IX–X вв.) — только черепа без нижних челюстей от восьми особей — принадлежали жеребцам: шесть относились к возрастной группе 5–10 лет, две — к группе 10–15 лет (*Спасская и др.,* 2011).

Исходя из опубликованных данных и изученных нами материалов, можно утверждать о преимущественной эксплуатации с различными целями самцов (жеребцов или меринов).

Определение индивидуального возраста животных из-за разрозненности материала и бóльшей его представленности фрагментами посткраниального скелета, как показывает обзор литературы, было во многих случаях затруднительно. Полученные данные по Старой Руссе можно сравнить с результатами наибольшей выборки сходного исторического периода по Новгороду (раскоп Десятинный I; *Зиновьев*, 2009): в Старой Руссе 57,5 % животных пали в возрасте до 15 лет, а в Новгороде этот показатель составляет 65 %; в этих городах особи, которые жили более 20 лет, были единичными.

В среднем продолжительность жизни лошадей в средневековой Руси была небольшой, на что, безусловно, влияли условия содержания, уровень эксплуатации и недостаточность ветеринарной помощи.

Патологии в зубной системе лошадей

Отмеченные у лошадей Старой Руссы патологии зубной системы встречались у средневековых лошадей и в других регионах Европы и Малой Азии (см., в частности, *Onar et al.,* 2012; *Viranta, Mannermaa*, 2017; *Makowiecki et al.,* 2022). Однако в этих работах описаны или единичные случаи, или отсутствует анализ частоты их встречаемости. Достаточно обширный материал из Старой Руссы впервые на дал возможность оценить проявление в субпопуляции тех или иных патологий.

1. Возрастные изменения
в зубной системе лошадей

Выявленные на исследованном материале патологии частью являются возрастными изменениями. К ним можно отнести межзубную диастему щечных зубов и ямкообразное стирание их жевательной поверхности.

Одна из причин появления межзубной диастемы связана с уменьшением диаметра коронки щечного зуба по мере его стирания (*Dixon, Dacre*, 2005. P. 176). Проведенные исследования диастематоза щечных зубов у современных лошадей выявили: а) значительное распространение этой патологии — обнаружена у половины из почти 500 обследованных животных; б) более частое поражение нижней челюсти, чем верхней (83,5 % и 16,5 %, соответственно); в) бóльшее распространение диастем в виде клапанов (72,1 %), чем открытых (27,9 %); г) увеличение как распространенности диастем, так и их количества на особь с возрастом, при этом у особей старше 15 лет было значительно больше открытых диастем (*Walker et al.,* 2012). Возрастную зависимость этой патологии мы отмечаем и на материалах из Старой Руссы, в частности, она чаще проявилась у лошадей старше 15 лет.

Значительное стирание жевательной поверхности щечных зубов, в том числе принимающей форму ямки, может быть обусловлено возрастом животного, но одновременно его может спровоцировать потребление более твердых кормов. Последняя причина весьма вероятна для отмеченного подобного стирания у более молодой (возрастная категория 10–15 лет) лошади из Старой Руссы.

В отношении причин появления «вырезок» («заед») на боковых верхних резцах мнения расходятся. Принято считать, что эти изменения возрастные. Они появляются из-за неравномерного стирания верхних и нижних челюстей и могут возникать даже несколько раз в течение жизни животного, но также могут рассматриваться и как патологии развития (*Кулешов, Красников*, 1928. С. 47; *Красников, Хотов*, 1994. С. 28). Для дальнейшего анализа встречаемости «вырезок» и понимания причин возникновения необходим дополнительный комплектный материал.

2. Зубные патологии
как отражение условий содержания

На состояние зубной системы лошадей прежде всего влияют такие факторы как качество, структура и количество потребляемого корма, время его потребления, инфекционные заболевания и травмы (две последние причины в этой работе мы не рассматриваем).

Лошади в естественных условиях, то есть при круглогодичном выпасе на пастбище, тратят на питание 50–80 % суточного времени, в течение которого они потребляют траву в свежем или высохшем виде (например, *Tyler*, 1972; *Kownacki et al.,* 1978; *Иванов, Барминцев*, 1986). Лошадь при выполнении различного рода работ нуждается в дополнительном усиленном питании, что обеспечивается введением в ее рацион зерна, в основном овса: 1 кг овса принимают за 1 кормовую единицу (КЕ), она равна, например, 0,42 КЕ лугового сена или 0,25 КЕ луговой травы. Соотношение овса и сена (и других добавок — например, отрубей, жмыхов, корнеплодов и др.) в рационе питания может варьировать в зависимости от тяжести работы, половозрастной категории животного, хозяйственных возможностей (*Ласков и др.,* 1982; *Красников, Хотов*, 1994). В любом случае, при кормлении зерном происходит, во-первых, уменьшение объемов потребляемой лошадью

пищи — 1 кг овса соответствует 2,0–2,5 кг сена, или 3,0–3,5 кг яровой соломы, или 5,0–6,0 кг зеленой массы травы (*Карлсен*, 1951). Второй важный аспект — крахмала и сахара в зерне содержится больше, чем в траве и сене. Так, например, в зависимости от вида пастбища и региона трава содержит от 4,0 до 9,1 г/кг крахмала и от 7,2 до 25 г/кг сахара, а овес — 320 г/кг и 25 г/кг соответственно (Кормовые ресурсы…, 2009. С. 110–119).

Изменение рациона питания и времени потребления пищи приводит к существенным патологическим изменениям в зубной системе лошадей. Прежде всего это выражается в появлении кариеса. Ветеринарные исследования современных лошадей показали, что развитие кариеса зависит от типа пищи и увеличенного содержания растворимых углеводов в ней (*Jackson et al.,* 2017; 2021).

Уменьшение количества пищи при кормлении лошадей зерном приводит к сокращению времени жевания, кроме того, оно как более твердый фураж изменяет также его механику, и как следствие происходит неравномерное стирание щечных зубов (*Bonin et al.,* 2007). Различного вида «волнообразные рты», «ступеньки», ростральные и каудальные «крючки», «пандусы» появляются в основном по указанной причине, встречаются чаще с увеличением возраста лошади и не зависят от пола (*Dixon et al.,* 2000. P. 10; *Dixon, Dacre*, 2005. P. 178–180; *Johnson, Porter*, 2006; *Melo, Ferreira*, 2023. P. 4). В бóльшей степени такие изменения зубной системы отмечаются у животных, содержащихся в конюшнях или небольших загонах, а не на природных пастбищах (*O'Neill et al.,* 2010; *Taylor et al.,* 2015).

Помимо перечисленного выше, у лошадей из Старой Руссы нами отмечены поперечная стертость моляров, чаще проявляющаяся на верхних зубах (рис. 4, *3, в*), и поперечные V-образные стертости преимущественно на нижних последних молярах (м3). Одна из возможных причин их возникновения — кормление лошадей из кормушек, приподнятых над землей (*Fenton,* 2016. P. 4). По мнению специалистов, при этом не происходит скольжения челюсти вперед-назад, как при щипании травы, и не возникает естественного износа зубов, а на молярах образуются поперечные канавки, создающие дополнительные ограничения жевательным движениям.

При недостатке фуража для лошадей в зимний период сено могло быть заменено на солому и даже на веточный корм, который считают грубым и твердым (*Богданов*, 1903. С. 3–5; *Островский*, 2014. С. 109, 110). Наиболее тяжелой и грубой пищей была ржаная солома. Ее давали в тех случаях, когда ничего иного не оставалось, хотя было известно, что «…зубы крошатся и животныя болезни бывают…» (*Милов*, 2001). Возможно, что не только неравномерная, но и поперечная стертость зубов старорусских лошадей обусловлена наличием грубого корма — зерна, соломы или древесных веток. Напомним, что в Пятницком I раскопе были обнаружены многочисленные остатки веточных веников.

На данный момент у нас нет исторических данных об условиях содержания и рационе питания лошадей на территории Северо-Западной Руси, основанных на письменных источниках, но найденные нами случаи кариеса и неравномерного стирания щечных зубов у особей из Старой Руссы доказывают, что животные значительную часть времени содержались не на пастбищах, интенсивно эксплуатировались и в их рационе питания присутствовал твердый корм.

Наши выводы косвенно подтверждаются археологическими данными. Так, в Новгороде в средневековых культурных слоях были обнаружены: а) семена проса, ржи, овса, пшеницы и ячменя, часть из этих растений упоминалась и в берестяных грамотах (*Monk, Johnston*, 2012. P. 295, 304); б) субфоссильные остатки некоторых видов насекомых, которых считают индикаторами стойлового содержания животных (*Reilly*, 2012. P. 278).

Заключение

Проведенное исследование расширяет представление об условиях содержания и рационе питания лошадей средневековой Северо-Западной Руси, а результаты косвенно подтверждаются данными, полученными другими естественно-научными методами. По зафиксированной степени проявления тех или иных отклонений можно дать опосредованную оценку состояния животноводства в конкретный исторический период. Но для составления более полной картины необходимо в дальнейшем анализировать и кости посткраниального скелета имеющейся выборки из Пятницкого I раскопа в Старой Руссе.

Благодарности. Авторы благодарят ветеринарного врача А. Вавилову и стоматолога Е. Здорную за консультации. Работа Н. Н. Спасской и О. С. Лебедевой поддержана научным проектом 23-ШО2-20 Междисциплинарных научно-образовательных школ Московского университета; Е. В. Тороповой и К. Г. Самойлова — проектом Зеркальной лаборатории «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV — XVII в.: человек и малый город» (ЦИИ НИУ ВШЭ СПб — ЦАИ НовГУ).

Антипина, 2016 — *Антипина Е. Е.* Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 96–117.

Богданов, 1903 — *Богданов Е. А.* Некоторые суррогаты кормов для скота. Докладная записка, представленная в ответ на запрос Министерства земледелия. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. 22 с.

Дюрст, 1936 — *Дюрст У.* Экстерьер лошади. М.; Л.: Сельхозгиз, 1936. 344 с.

Зиновьев, 2009 — *Зиновьев А. В.* Обзор археозоологического материала, полученного из раскопа «Десятинный-1» в Великом Новгороде в 2008 году // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2009. Вып. 23. С. 189–207.

Зиновьев, 2015 — *Зиновьев А. В.* Обзор остеологического материала из раскопа Рогатицкий II 2014 г. (ул. Б. Московская, 30) // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2015. Вып. 29. С. 304–312.

Иванов, Барминцев, 1986 — *Иванов Р. В., Барминцев Ю. Н.* Особенности поведения якутских лошадей на летних и зимних пастбищах // Развитие коневодства в Якутии: Сб. науч. тр. Новосибирск: ВАСХНИЛ СО, 1986. С. 36–41.

Карлсен, 1951 — *Карлсен Г. Г.* Использование рабочих лошадей в колхозах. М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, 1951. 208 с.

Кормовые ресурсы…, 2009 — Кормовые ресурсы животноводства. Классификация, состав и питательность кормов. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. 404 с.

Корневен, Лесбр, 1932 — *Корневен Ш., Лесбр Ф.* Распознание возраста по зубам и производным эпителия. М.; Л.: Гос. изд-во сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы, 1932. 213 с.

Красников, Хотов, 1994 — *Красников А. С., Хотов В. Х.* Коневодство: Учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во МСХА, 1994. 192 с.

Кулешов, Красников, 1928 — *Кулешов П. К., Красников А. С.* Определение возраста сельскохозяйственных животных. М.: Гос. изд-во, 1928. 120 с.

Ласков и др., 1982 — *Ласков А. А., Афанасьев А. В., Балакшин О. А., Пэрн Э. М.* Тренинг и испытания скаковых лошадей. М.: Колос, 1982. 222 с.

Милов, 2001 — *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001 // URL: https://statehistory.ru/books/Leonid-Milov_Velikorusskiy-pakhar-i-osobennosti-rossiyskogo-istoricheskogo-protsessa/8 (дата обращения: 15.09.2024).

Островский, 2014 — *Островский А. В.* Животноводство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб.: ООО «Полторак», 2014. 442 с.

Спасская и др., 2011 — *Спасская Н. Н., Саблин М. В., Михайлов К. А.* Раннесредневековые лошади второй половины IX — начала X в. на Рюриковом городище // РА. 2011. № 4. С. 52–63.

Торопова, Самойлов, 2018 — *Торопова Е. В., Самойлов К. Г.* Топография, стратиграфия и хронология средневековой застройки Пятницкого-I раскопа в Старой Руссе // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого: Электронный журнал. 2018. № 6 (18). С. 1–11. URL: https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1483602. Дата публикации: 15.12.2018.

Торопова и др., 2009 — *Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Доброва О. П., Колосницын П. П., Воронков И. А., Колосницына Е. Е., Шарамко А. Р.* Археологические исследования 2008 года в Старой Руссе // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2009. Вып. 23. С. 97–108.

Цалкин, 1956 — *Цалкин В. И.* Материалы по истории скотоводства и охоты в древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 51). 185 с.

Anthony, Brown, 1998 — *Anthony D. W., Brown D.* Bitwear, horseback riding and the Botai site in Kazakhstan // Journal of Archaeological Science. 1998. Vol. 25(3). P. 31–47. https://doi.org/10.1006/jasc.1997.0242.

Bendrey, 2007 — *Bendrey R.* New methods for the identification of evidence for bitting on horse remains from archaeological sites // Journal of Archaeological Science. 2007. № 34 (1036e1050). https://doi.org/10.1016/j.jas.2006.09.010.

Bonin et al., 2007 — *Bonin S. J., Clayton H. M., Lanovaz J. L., Johnston T.* Comparison of mandibular motion in horses chewing hay and pellets // Equine Veterinary Journal. 2007. Vol. 200739 (3). P. 258–262. https://doi.org/10.2746/042516407X157792.

Dixon, Dacre, 2005 — *Dixon P. M., Dacre I.* A review of equine dental disorders // The Veterinary Journal. 2005. № 169. P. 165–187. https://doi.org/10.1016/j.tvjl.2004.03.022.

Dixon et al., 1999 — *Dixon P. M., Tremaine W. H., Pickles K., Kuhns L., Hawe C., McCann J., McGorum B., Railton D. I., Brammer S.* Equine dental disease, a long-term study of 400 cases // Equine Veterinary Journal. 1999. № 31. Part 1: disorders of incisor, canine and first premolar teeth. P. 369–377. Part 2: disorders of development and eruption and variations in position of the cheek teeth. P. 519–528.

Dixon et al., 2000 — *Dixon P. M., Tremaine W. H., Pickles K., Kuhns L., Hawe C., McCann J., McGorum B., Railton D. I., Brammer S.* Equine dental disease, a long-term study of 400 cases. Part 3: disorders of wear, traumatic damage and idiopathic fractures, tumours and miscellaneous disorders of the cheek teeth // Equine Veterinary Journal. 2000. № 32. P. 9–18.

Fenton, 2016 — *Fenton R.* Natural Balance Dentistry. How Natural Balance Dentistry Can Improve Whole Horse Health // URL: https://gretchendeane.com/wp-content/uploads/2017/11/0326b-holistichorsenbdarticle.pdf. (accessed 20.09.2024).

Jackson et al., 2017 — *Jackson K., Kelty E., Tennant M.* Equine peripheral dental caries: An epidemiological survey assessing prevalence and possible risk factors in Western Australian horses // Equine Veterinary Journal. 2017. Vol. 50 (1). P. 79–84. https://doi.org/10.1111/evj.12718.

Jackson et al., 2021 — *Jackson K., Kelty E., Tennant M.* Retrospective case review investigating the effect of replacing oaten hay with a non-cereal hay on equine peripheral caries in 42 cases // Equine Veterinary Journal, 2021. Vol. 53(6) P. 1105–1111. https://doi.org/10.1111/evj.13404.

Johnson, Porter, 2006 — *Johnson T. J., Porter C. M.* Dental Overgrowths and Acquired Displacement of Cheek Teeth // AAEP Focus Meeting — Equine Dentistry — Indianapolis, 2006 by American Association of Equine Practitioners // https://www.ivis.org/library/aaep/aaep-focus-meeting-equine-dentistry-indianapolis-2006/dental-overgrowths-and-acquired (accessed 16.09.2024).

Kownacki et al., 1978 — *Kownacki M., Sasimowski E., Budzynski M., Jezierski T., Kapron M., Jelen B., Jaworska M., Dziedzic R., Seweryn A., Slomka Z.* Observations of the twenty-four-hour rhythm of natural behaviour of Polish primitive horses bred for conservation of genetic resources in a forest reserve // Genetica Polonica. 1978. № 19. P. 61–77.

Makowiecki et al., 2022 — *Makowiecki D., Janeczek D., Pasicka E., Rozwadowska A., Ciaputa R., Kocińska M. K.* Pathologies of a horse skeleton from the early medieval stronghold in Gdańsk (Poland) // International Journal of Osteoarchaeology. 2022. № 32. P. 266–877. https://doi.org/10.1002/oa.3114.

Maltby, 2020 — *Maltby M.* Metrical analyses of domestic mammal bones from Novgorod and sites in its immediate hinterland // Animals and archaeology in Northern Medieval Russia. Zooarchaeological studies in Novgorod and its region / Eds. M. Maltby, M. Brisbane. Oxford: Oxbow Books, 2020 (The Archaeology of Medieval Novgorod Series). P. 173–222.

Maltby et al., 2020a — *Maltby M., Hamilton-Dyer S., Hambleton E., Sablin M.* The exploitation of domestic mammals at the 9th- and 10th-century sites in the hinterland of Novgorod // Animals and archaeology in Northern Medieval Russia. Zooarchaeological studies in Novgorod and its region / Eds. M. Maltby, M. Brisbane. Oxford: Oxbow Books, 2020 (The Archaeology of Medieval Novgorod Series). P. 49–86.

Maltby et al., 2020b — *Maltby M., Hamilton-Dyer S., Hambleton E., Zinoviev A. V.* The exploitation of domestic mammals in Novgorod: The evidence from Troitsky IX, X and XI and other sites in Novgorod // Ibid. P. 87–136.

Melo, Ferreira, 2023 — *Melo U. P., Ferreira C.* Dental and oral cavity alterations in Quarter Horses of Vaquejada: retrospective study of 416 cases (2012–2022) // Brazilian Journal of Veterinary Medicine. 2023. № 45 (e000323). https://doi.org/10.29374/2527-2179.bjvm000323.

Monk, Johnston, 2012 — *Monk M., Johnston P.* Perspectives on non-wood plants in the sampled assemblage from the Troitsky Excavations of Medieval Novgorod // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context: Studies in Centre/Periphery Relations / Eds. M. Brisbane, N. A. Makarov, E. N. Nosov. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 283–320.

O'Neill et al., 2010 — *O'Neill H. V. M., Keen J., Dumbell L.* A comparison of the occurrence of common dental abnormalities in stabled and free-grazing horses // Animal. 2010. № 4. P. 1697–1701.

Onar et al., 2012 — *Onar V., Alpak H., Pazvant G., Armutak A.,* Chrószcz *A.* Byzantine horse skeletons of Theodosius harbour: 1. Paleopathology Revue // Revue de Medecine Veterinaire. 2012. Vol. 163 (3). P. 139–146.

Peters et al., 2006 — *Peters J. W. E., de Boer B., Broeze-ten Voorde G. B. M., Broeze J., Wiemer P., Sterk T., Spoormakers Tijn J. P.* Survey of Common Dental Abnormalities in 483 Horses in the Netherlands // AAEP Focus Meeting — Equine Dentistry — Indianapolis, 2006 by American Association of Equine Practitioners // URL: https://www.ivis.org/library/aaep/aaep-focus-meeting-equine-dentistry-indianapolis-2006/survey-of-common-dental (accessed 15.09.2024).

Reilly, 2012 — *Reilly E.* Fair and foul: analysis of subfossil insect remains from Troitsky XI–XIII, Novgorod (1996–2002) // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context: Studies in Centre/Periphery Relations / Eds. M. Brisbane, N. A. Makarov, E. N. Nosov. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 265–282.

Taylor et al., 2015 — *Taylor L. A., Müller D. W. H., Schwitzer C., Kaiser T. M., Castell J. C., Clauss M., Schulz-Kornas E.* Comparative analyses of tooth wear in free-ranging and captive wild equids // Equine Veterinary Journal. 2016. Vol. 48 (2). P. 240–245. https://doi.org/ 10.1111/evj.12408.

Tyler, 1972 — *Tyler S. J.* The behaviour and social organisation of the New Forest ponies // Animal Behaviour Monographs. 1972. Vol. 5(2). P. 85–196.

Viranta, Mannermaa, 2017 — *Viranta S., Mannermaa K.* A tall rostral hook in a medieval horse premolar tooth // International Journal of Paleopathology. 2017. № 17. P. 79–81. http://doi.org/10.1016/j.ijpp.2017.02.005.

Walker et al., 2012 — *Walker H., Chinn E., Holmes S., Barwise-Munro L., Robertson V., Mould R., Bradley S., Shaw D. J., Dixon P. M.* Prevalence and some clinical characteristics of equine cheek teeth diastemata in 471 horses examined in a UK first-opinion equine practice (2008 to 2009) // Veterinary Record. 2012. Vol. 171 (44). P. 1–6. http://doi.org/10.1136/vr.100829.

Features of the state of the dental system of horses from medieval Staraya Russa

N. N. Spasskaya, O. S. Lebedeva, I. S. Sukhoeva, M. V. Sytnikova, K. G. Samoilov, E. V. Toropova[3]

Keywords: Equus caballus caballus, archaeozoology, pathologies, teeth, Staraya Russa, Pyatnitsky excavation site, Novgorod Land

The pathologies of the dental system of horses from the medieval layers of Staraya Russa were studied for the first time. A fairly extensive material (cranial parts of the skull and lower jaws, including 3 complete skulls — a total of 40 individuals) made it possible to analyze the distribution of individual deviations in the subpopulation. Age-related pathologies, as well as pathologies associated with the conditions of maintenance, were identified. The age composition and the noted changes in the dental system of horses indicate suboptimal conditions of their existence and a decrease in life expectancy in the studied historical period (13th–15th cen.).

[3] Natalia N. Spasskaya, Olga S. Lebedeva — Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russian Federation; e-mail: equusnns@mail.ru. Inga S. Sukhoeva — Veterinarian of the Equestrian Club "Maxima-Park"; Moscow Region, Russian Federation; e-mail: ingaequivet@mail.ru. Maria V. Sytnikova — Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: sytnikovam2007@gmail.com. Kirill G. Samoilov, Elena V. Toropova — Novgorod State University; Veliky Novgorod, Russia; e-mail: jevoli@mail.ru, toropova_elena@mail.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

О некоторых восточных элементах в позднесрубной культуре Нижнего Подонья и Левобережья Днепра

Д. А. Шибанова[1]

Аннотация. *В статье рассмотрены восточные компоненты в погребальном обряде и инвентарном комплексе позднесрубной культуры Нижнего Подонья и Левобережья Днепра. Сделан вывод, что появление многочисленных восточных элементов на рассматриваемой территории связано с миграцией в XV–XIV вв. до н. э. представителей срубной культуры из Поволжья и Приуралья под давлением носителей фёдоровской и черкаскульской культур.*

Ключевые слова*: Нижнее Подонье, Левобережье Днепра, поздний бронзовый век, позднесрубная культура, восточные (фёдоровско-черкаскульско-сусканские) элементы, миграция.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-187-204

Введение

Статья посвящена особенностям культурной ситуации в позднем бронзовом веке, а именно в XVII–XIV вв. до н. э., на территории от Правобережья Днепра до Центрального Казахстана. Кратко характеризуя ее в связи с дискуссионными проблемами изучения андроновской и «андроноидных» культур, необходимо отметить, что в статье использован подход, согласно которому андроновские памятники Южного Зауралья называются фёдоровской культурой, Центрального Казахстана — нуринской (*Маргулан и др*., 1966. С. 63; *Стефанов, Корочкова*, 2006. С. 136), Южной Сибири, Алтая и Енисея — андроновской (*Максименков*, 1978. С. 106).

В XVIII–XVI вв. до н. э. на территории от Правобережья Днепра до Центрального Казахстана получили распространение две культуры: срубная — от Зауралья до бассейна Северского Донца (с XVII в. до н. э.) и алакульская — от Предуралья до Центрального Казахстана. Территория Урала и Приуралья являлась контактной зоной. Одновременно (в XVIII–XVII вв. до н. э.) в Центральном Казахстане появились нуринские памятники (*Маргулан и др*., 1966. С. 63; *Сакенов, Ганиева*, 2023. С. 133). По мнению О. Н. Корочковой и В. И. Стефанова, в XVII–XVI вв. до н. э. носители нуринской культуры с территории Центрального Казахстана распространились на широкие территории от Енисея (андроновская культура) до Южного Зауралья (фёдоровская культура) (*Стефанов, Корочкова*, 2006. С. 136), а в горнолесном Зауралье появилась черкаскульская культура (*Корочкова*, 2010. С. 78). Скорее всего, под влиянием носителей фёдоровско-черкаскульской культуры в XVII–XVI вв. до н. э. в Самарском Поволжье появилась сусканская (*Колев*, 2000), а в лесном Прикамье — луговская культуры (*Ашихмина*, 2014; *Лыганов*, 2021. С. 545). Срубная культура исчезла в Приуралье и лесостепном Поволжье, однако ее носители проникли в Поднепровье (см.: *Бочкарёв, Кашуба*, 2018. С. 209, рис. 1).

В статье рассматриваются некоторые элементы погребального обряда и материальной культуры срубных памятников позднего этапа, о котором единое мнение отсутствует. Относительно хода развития срубной культуры существует две основные точки зрения: традиционный подход и концепция «срубной культурно-исторической общности» В. В. Отрощенко.

Традиционная концепция, восходящая к работам О. А. Кривцовой-Граковой, предполагает разделение срубной культуры на два этапа. Первый этап характеризовался отсутствием, а второй — появлением валиковой орнаментации (*Кривцова-Гракова*, 1955. С. 42–49). Впоследствии

[1] Санкт-Петербургский государственный университет; С.-Петербург, РФ; email: d.shibanova@yandex.ru.

© Шибанова Д. А., 2025

эта концепция постоянно дополнялась и уточнялась (см.: *Шарафутдинова*, 1985; *Литвиненко*, 2000; *Бочкарёв, Кашуба*, 2018. С. 209 сл.). Согласно современным данным, ранняя срубная культура Нижнего Подонья сформировалась на основе покровской культуры (*Малов*, 1992) и датируется XVII–XVI вв. до н. э. Поздняя срубная культура является прямым продолжением ранней и датируется XV–XIV вв. до н. э.

В отличие от традиционного подхода, В. В. Отрощенко предложил кардинально иную концепцию развития срубной культуры. Он объединил памятники начальной — средней поры позднего бронзового века в «срубную культурно-историческую общность», которая состояла из двух срубных культур: покровской срубной культуры (ПСК) и бережновско-маевской срубной культуры (БМСК). По его мнению, они развивались параллельно, на разных территориях, не были генетически связаны и, соответственно, происходили от разных культур: ПСК — от доно-волжской абашевской культуры (ДВАК), БМСК — от бабинской культуры (*Отрощенко*, 2001. С. 137–160). Однако стоит отметить, что концепция В. В. Отрощенко имеет слабую доказательную базу: покровские памятники образуют самостоятельную археологическую культуру (см.: *Малов*, 1992), к тому же ясно прослеживается происхождение срубной культуры от покровских комплексов, а не от бабинской культуры.

В данной статье в качестве основы использован уточненный автором традиционный подход, согласно которому в развитии срубной культуры на территории Нижнего Подонья, Левобережья Днепра и Поднепровья можно выделить два последовательных этапа: ранний (классический) и поздний. Классическая срубная культура соответствует III группе металлопроизводства позднего бронзового века Юга Восточной Европы, а поздняя — IV группе (см.: *Бочкарёв*, 2017. С. 171–173). Поздний этап срубной культуры Нижнего Подонья и Левобережья Днепра датируется XV–XIV вв. до н. э. Материалы этого времени сохраняют преемственность с раннесрубными памятниками: продолжают существовать неукрепленные поселения в поймах рек; имеются курганные погребения; в погребальном обряде сохраняется среднескорченное положение скелета на левом боку с кистями рук перед лицом и ориентацией на северо-восток–восток. Продолжают бытовать три формы керамики, присущие классической срубной культуре: банки, горшки и остроребер-ные сосуды. Такая же преемственность наблюдается в металлических изделиях: сохраняются височные кольца, проушные широковислообушные топоры. Некоторые категории инвентаря классической срубной культуры на позднем этапе претерпевают эволюционные изменения (ножи, серпы). В то же время в позднесрубной культуре появляется целый ряд новаций, связанных с восточными влияниями, идущими из Волго-Уралья и Казахстана.

Восточные культурные новации уже рассматривались исследователями. Впервые на такие признаки, а именно форму и орнаментацию сосудов, обратили внимание С. С. Березанская и Я. П. Гершкович. Исследователи относили эти признаки к раннесрубному этапу и объясняли их появление случайными контактами на территории Поволжья (*Березанская, Гершкович*, 1983). Далее Е. Е. Кузьмина дополнила список восточных влияний появлением обряда трупосожжения (*Кузьмина*, 1987. С. 48, 49), Е. П. Мыськов — правобочным положением скелета в могильной яме (*Мыськов*, 1992. С. 93–95), Р. А. Литвиненко — новыми элементами орнамента (*Литвиненко*, 2000). Появление восточных элементов исследователями рассматривалось как результат миграции носителей фёдоровско-черкаскульской культуры (*Мыськов*, 1992. С. 93–95; *Литвиненко*, 2000). Таким образом, были отмечены лишь единичные восточные элементы, однако не предпринималось их комплексное исследование.

Однако при тщательном анализе на фоне типичных материалов срубной культуры позднего этапа был выделен целый ряд восточных новаций в погребальном обряде и среди материалов поселений, а также в керамике, металлическом и костяном инвентаре, ранее не рассматриваемых в качестве восточных проявлений. Всего было проанализировано 308 погребений позднесрубной культуры Нижнего Подонья и Поднепровья, из них 168 комплексов (55 %) имели восточные признаки. Кроме этого, исследование было дополнено материалами 42 поселений и 46 единичных находок на этих территориях.

Погребальный обряд

На позднем этапе срубной культуры погребальный обряд претерпевает ряд изменений: получают распространение положение скелета на правом боку и его юго-восточная ориентация, трупосожжение на стороне, расположение скелета не по центру могильной ямы, а со смещением к южной или северной стенке; среди погребальных конструкций появляются ямы с заплечиками, каменные ограды, ящики и цисты. Возможно, к восточным проявлениям

относится появление крепид и каменных панцирей на курганах.

Появление ***крепид и каменных панцирей*** в качестве восточной новации является спорным утверждением, так как возведение этих каменных сооружений носителями срубной культуры не доказано. Каменные панцири представляли собой округлые сооружения из нескольких слоев камней, уложенных горизонтальной кладкой в центре кургана (рис. 1, *2*) (Разметный, курганы 5 и 6; Новосоколовский IV, курган 2) (*Шарафутдинова, Житников*, 2011. С. 117, 121; *Прокофьев, Прокофьева*, 2009. С. 186). При этом камни были ориентированы к центру кургана длинной стороной. Для нижнего ряда использовались мощные каменные блоки песчаника или известняка размерами до 1,0 × 0,6 × 0,3 м, над которыми располагались более мелкие камни (*Шарафутдинова, Житников*, 2011. С. 29, 30; *Прокофьев, Прокофьева*, 2009. С. 181). Крепиды располагались по периметру насыпи и, соответственно, имели округлую форму (рис. 1, *1, 2*) (Разметный, курган 5; Новосоколовский IV, курган 2; Таврия-I, курган 1) (*Шарафутдинова, Житников*, 2011. С. 117; *Прокофьев, Прокофьева*, 2009. С. 186; *Ларенок*, 1998. С. 193). Они сооружались из необработанных камней средних размеров (0,5 × 0,3 м), уложенных горизонтальной кладкой в несколько рядов.

В кургане 1 могильника Таврия-I крепида состояла из 1–2 или 7–9 вертикальных рядов, достигая высоты 2 м с наклоном к центру кургана. В ширину крепида состояла из одного ряда камней, уложенных длинной осью к центру насыпи и достигала высоты от 1,2 до 3 м (*Ларенок,* 1998. С. 61). При этом в кургане 5 Разметного могильника крепиду, опоясывающую полы кургана, и панцирь, находящийся в центре насыпи, соединяли 16 радиальных «лучей» (рис. 1, *2*). Они были сложены из камней в один ряд и достигали в длину 3 м, в ширину — 2 м (*Шарафутдинова, Житников*, 2011. С. 29). Так как среди перечисленных курганов наряду с погребениями носителей срубной культуры в них были совершены средневековые захоронения, каменные сооружения могли быть связаны с более поздним временем — средневековыми захоронениями или святилищами (Кировка, курган 1; Таврия-I, курган 1; Новосоколовский IV, курган 4). Однако курган 5 Разметного могильника на Верхнем Чире содержал исключительно погребения носителей срубной культуры (*Шарафутдинова, Житников*, 2011. С. 29, 30).

Аналогичные крепидам каменные сооружения, сложенные горизонтальной кладкой и опоясывающие погребения, встречались преимущественно в фёдоровских памятниках Зауралья (рис. 1, *4, 5*) (Кинзерский, курган 60; Путиловская Заимка II, курганы 4 и 6) (*Кузьмина*, 1975. С. 222; *Зданович*, 1988. С. 94, 95). Единичные случаи сооружения ограды с цистовой кладкой отмечены в нуринских комплексах Центрального Казахстана (Бурлук I, ограда 12), а также в черкаскульских памятниках Зауралья (рис. 1, *3*) (Приплодный Лог I, курган 13) (*Кузьмина*, 2008. С. 186, рис. 66; *Малютина*, 1984. С. 62, рис. 3).

В позднесрубное время наряду с традиционным среднескорченным положением на левом боку с ориентацией на северо-восток и восток появилось сильно скорченное положение на ***правом боку*** (9 %[2]) с ***ориентацией на юго-восток*** (42 %) (рис. 1, *6, 7*) (Серебряковка, 1/3[3]; Самарский II, 2/3; Керчик, 9/7) (*Парусимов*, 1998. Рис. 8, *1, 2*; *Ларенок*, 1998. С. 236, табл. XCII; *Парусимов*, 1999. Рис. 14, *4*). Перечисленные признаки характерны для сускан-ской культуры Самарского Поволжья (рис. 1, *8, 9*) (Студенцы I, погребение 2; Лебяжинка V, погребение 10) (*Колев*, 2000. С. 276, рис. 13), а также фёдоровской и черкаскульской культур Зауралья (рис. 1, *10, 11*) (Такталачук, погребения 219 и 145) (*Казаков*, 1978. С. 72, 74, рис. 4; 6).

Следующая восточная новация позднесрубного времени — появление традиции ***трупосожжения на стороне*** (рис. 1, *12–14*). В предшествующее время случаи кремаций фиксировались в позднепокровских погребениях (1 % погребений) (Меркуловский III, 1/4; Гатманский, 2/3) (*Шарафутдинова, Житников*, 2011. С. 67, 91, рис. 11, *8, 9*; 37, *6–9*), в позднесрубное время их доля увеличилась до 7 %.

Вероятно, этот обряд был заимствован у фёдоровского населения Зауралья. Это подтверждается более широким распространением трупосожжения, а также некоторыми сходными чертами, позволяющими рассматривать позднесрубные кремации как захоронения кукол. В пользу этой точки зрения можно привести несколько доказательств.

Во-первых, размеры ям с кремациями, сопоставимые с размерами ям для трупоположений (рис. 1, *12–14*). Размеры могильной ямы в срубной традиции зависели от количества места, занимаемого

[2] Здесь и далее доля в процентах дана от количества позднесрубных комплексов.

[3] Здесь и далее при упоминании погребений первым указывается номер кургана, затем — номер погребения: запись Серебряковка, 1/3 соответствует «могильник Серебряковка, курган 1, погребение 3». Далее в тексте слово «могильник», как правило, опускается.

скелетом, поэтому на позднем этапе могилы с погребенными в сильноскорченном положении были небольшими — от 1,20 × 0,8 м до 0,5 × 0,8 м. Однако позднесрубные могилы с кремациями были более крупными — на Левобережье Днепра ямы достигали: Благовка, 2/1 — 2,28 × 1,72 м, Рясные Могилы, 1/1 — 2,10 × 2,00 м, Котовское, 1/3 — 2,24 × 1,83 м, Заповитне, 15/2 — 2,70 × 1,40 м (*Посредников, Кравец*, 1992. С. 47; *Отрощенко и др*., 1977. С. 17; *Отрощенко*, 1976. С. 174, 175). Таким образом, в них вполне могла помещаться погребальная кукла с прахом.

Во-вторых, ориентация могильной ямы по линии восток–запад, а также расположение инвентаря в погребениях с кремацией полностью аналогично срубным захоронениям с трупоположением. В позднесрубных погребениях умерший находился в средне- или сильноскорченном положении головой на восток, перед лицом, то есть в юго-восточном углу, располагался сосуд. Также во всех проанализированных погребениях с трупосожжениями в юго-восточном углу, видимо, перед лицом куклы, помещался инвентарь: сосуд и ребра животных (рис. 1, *12–14*) (Благовка, 2/1; Великая Белозерка, 12/2; Орловское, 1/6 и 1/7; Кринички 2, 1/1) (*Посредников, Кравец*, 1992. С. 47, 50). При этом обычай помещения в могилу костей животных не был характерен для классической срубной культуры, однако являлся традиционным для фёдоровских захоронений Зауралья. Так, классическое фёдоровское погребение содержало кремацию, а также один или несколько сосудов и кости животного (Туктубаево, 26/3 и 33/1; Путиловская Заимка II, 2/1; Урефты, 7/2) (*Кузьмина*, 1973. С. 155; *Зданович*, 1988. С. 93; *Стефанов, Корочкова*, 2006. С. 55). На основании этого традицию помещения костей животных в позднесрубные погребения можно также рассматривать в качестве фёдоровского влияния. Аналогичные погребения с кремациями, в которых инвентарь располагался подобно захоронениям с трупоположением, встречались в фёдоровских памятниках Зауралья (рис. 1, *15*) (Кулевчи VI, 3/2) (*Виноградов*, 2020. С. 120, рис. 2), Северного, Центрального (Бугулы, Боровое) (*Кузьмина*, 2008. С. 181–195) и Южного Казахстана (Тау-тары), на материалах которого М. П. Грязновым была выдвинута идея о возможности такого влияния (см.: *Грязнов*, 1970. С. 37).

Представители срубной культуры умерших, как правило, помещали посередине могильной ямы. Однако в позднесрубное время, как в андроновских погребениях, скелет иногда ***был смещен к южной или северной стенке*** могильной ямы (10 % погребений) (рис. 1, *16–19*).

Оформление могильной ямы также претерпело изменения. Если в раннесрубное время погребения совершались в грунтовых ямах, реже — в срубах, то в позднесрубное время появились каменные конструкции: ***ограды*** (4 %) (рис. 1, *20*), ***каменные ящики*** (14 %) (рис. 1, *23, 24*) и ***цисты*** (5 %) (рис. 1, *28, 29*). Сооружение каменных конструкций на рассматриваемых территориях было обусловлено местными выходами различных пород камня. Большое количество погребений Подонцовья, Северного Приазовья и Поднепровья было совершено в каменных ящиках и цистах. Под каменными ящиками подразумеваются конструкции, составленные ортостатной кладкой из вертикально поставленных на ребро плит, облицовывающих стены могильной ямы (рис. 1, *23, 24*). Цисты — каменные сооружения, сложенные горизонтальной (постелистой, сухой) кладкой из небольших камней в несколько рядов (рис. 1, *28, 29*). Известны случаи смешанной кладки, при которой одна часть конструкции представлена одной или несколькими вертикально поставленными плитами, а вторая выполнена горизонтальной кладкой, как циста (Таврия-I, 2/1) (*Ларенок*, 1998. С. 198, табл. LIV).

Близкие аналогии каменным ящикам встречаются в фёдоровских памятниках Зауралья (рис. 1, *25*) (Путиловская Заимка II, 2/1 и 4/1; Смолино I, 4/5), нуринских комплексах Центрального Казахстана (рис. 1, *27*) (Бесоба, 3/2 и 4/1; Байбала I, ограда 1) и андроновских памятниках Северного Казахстана (Сарыколь 1, курганы 5 и 16) и Енисея (рис. 1, *26*) (Косоголь-3, могилы 23 и 25) (*Кукушкин, Дмитриев*, 2017. С. 193, 196, рис. 5; 8; *Маргулан и др*., 1966. С. 79, рис. 16; *Кузьмина*, 2008. С. 202, рис. 78; *Иванчук, Михайлов*, 2011. С. 29, табл. 3). Аналогии цистам позднесрубной культуры известны в нуринских комплексах Центрального Казахстана (рис. 1, *31*) (Акшатау, ограда 13; Бугулы I, ограды 5 и 12), андроновских памятниках Восточного (рис. 1, *30*) (Сарыколь), Северного Казахстана (Усть-Буконь, курган 9; Канай, могила 7, погребение 1) и Енисея (Косоголь, могилы 14 и 30; Сухое Озеро I, 430/7) (*Маргулан и др.,* 1966. С. 73, 76, рис. 11; 14; *Черников*, 1960. С. 33, табл. 6; *Иванчук, Михайлов*, 2011. С. 29, 30, табл. 3; 4; *Максименков*, 1978. С. 157, табл. XXIII). Необходимо отметить отсутствие документированных погребений в цистах среди фёдоровских памятников Зауралья (*Валавин*, 2022. С. 80). Однако фёдоровские могильники окружались

каменными оградами, выполненными горизонтальной кладкой (Кинзерский, курган 60; Путиловская Заимка II, курганы 4, 6 и 7) (*Кузьмина*, 1975. С. 222; *Зданович*, 1988. С. 94–97).

Еще одной новацией в позднесрубной культуре стало появление каменных оград. Они, как правило, представлены каменными конструкциями округлой формы, состоящими из одного–трех кругов, сложенных неупорядоченной кладкой из необработанных или грубообработанных камней (рис. 1, *20*) (Ливенцовский могильник, погребения 34, 41 и 42). Схожие ограды встречаются в черкаскульских памятниках Березки Vг, Перевозное Iа (рис. 1, *21*), Кордон-Миассово (*Крутских, Шорин*, 1984. С. 151, 156, рис. 1; 5; *Шорина, Шорин*, 2015. С. 24, рис. 4; 5), а также в андроновских комплексах Северного Казахстана: Бурлук (рис. 1, *22*) (*Кузьмина*, 2008. С. 186, рис. 66).

Необходимо отметить случаи помещения каменных перекрытий на ***заплечики могильной ямы*** в нуринских памятниках Центрального Казахстана (Ботакара, ограда 10 (рис. 1, *27*); Канаттас, ограды 3 и 11), андроновских погребениях Минусинских котловин (Косоголь-3, могилы 23 и 25 — рис. 1, *26*), а также в фёдоровской культуре Зауралья (*Маргулан и др*., 1966. С. 84, 86, 90; рис. 20; 22; 25; *Иванчук, Михайлов*, 2011. С. 29, табл. 3; *Стефанов, Корочкова*, 2006. С. 124). Изредка подобная традиция встречалась и у срубных племен Подонцовья, однако на заплечики в погребения позднесрубной культуры помещались как целые цисты (Ясиновский III, 1/5 и 1/12), так и каменные оградки (рис. 1, *20*) (Ливенцовский, погребения 34 и 41) (*Мимоход*, 2018. С. 182, 191, 198; *Братченко, Шарафутдинова*, 2000. С. 187, 191, рис. 13; 17). Сооружение ям с заплечиками не было характерно для срубной культуры предшествующего времени.

Поселенческие комплексы

Фёдоровско-черкаскульско-сусканское влияние фиксируется и на поселениях. На поселениях срубной культуры (Ребриковском I на Нижнем Дону (рис. 1, *32, 33*) и Червоное озеро-3 в Донбассе (рис. 1, *34*)) были обнаружены **колодцы** (*Сергеева*, 2018; *Бровендер*, 2009–2010). Стоит отметить наличие в заполнении колодцев позднесрубной керамики: блюда (Ребриковское I, объект 8), керамики с валиками (Ребриковское I, объекты 8, 9, 14; Червоное озеро-3), а также тальковой литейной формы (Червоное озеро-3). Эти находки определенно указывают на сравнительно позднюю датировку колодцев.

Колодцы были широко распространены за Уралом еще с синташтинского и алакульского времени, но в Восточную Европу проникли лишь в позднесрубное время. В классической срубной культуре колодцы не фиксируются. Однако подобные объекты были обнаружены в Приуралье — зоне активного контакта представителей срубной и алакульской культур (поселения Покровское, Родниковое, Малоюлдашево). Такие объекты, скорее всего, следует считать алакульским влиянием. В классической фёдоровской или андроновской культуре на поселенческих памятниках колодцев не обнаружено. Однако они были найдены на многослойных поселениях, на которых фиксировались как фёдоровские, так и «валиковые» материалы, что вызывает сомнения в их культурной принадлежности (Трушниково, Чаглинка, Советский Путь-1). Кроме этого они встречались в кожумбердынских комплексах (Тасты Бутак). Поэтому знакомство фёдоровского населения с колодцами, скорее всего, следует связывать с ассимиляцией ими алакульского населения и дальнейшим распространением этой традиции фёдоровско-черкаскульским населением на территорию сусканской и срубной культур в ходе миграции.

Однако алакульские, позднесрубные и сусканские колодцы имеют ряд отличий. Колодцы на поселениях можно разделить на типы по материалу, использованному для укрепления их стенок. Им могли служить дерево (в виде плетня или сруба), камень или другой материал, который не сохранился или не фиксируется. Распространение перечисленных типов зависит от природно-географического положения и доступности соответствующих материалов. На алакульских и срубно-алакульских поселениях встречаются все три типа. Так как сусканские поселения приурочены к лесостепи, где достаточно дерева, подавляющее большинство объектов оформлено срубом (рис. 1, *35*) (Шигоны, колодец 1) или плетнем (рис. 1, *36, 37*) (Сусканское Левобережное; Русская Селитьба II) (*Кузьмина,* 2017. С. 322, рис. 11; *Мерперт*, 1958. С. 110–115; *Колев, Королев*, 2017. С. 547–549, рис. 6–8). На территории степного Подонья и Подонцовья, где известны выходы камня, в устройстве колодцев носителями позднесрубной культуры использовался камень или другие материалы, которые не сохранились. Если в алакульских колодцах стены обкладывались камнем при помощи горизонтальной кладки, то в объектах срубной культуры фиксируются плиты на дне колодцев (рис. 1, *32, 33*) (Ребриковское I, объекты 6 и 8) (*Сергеева*, 2018). Стенки

колодцев на сусканских поселениях могли быть как вертикальными (рис. 1, *36*) (Кротовское, Шигоны, Сусканское I Левобережное), постепенно сужающимися (рис. 1, *35*) (Сусканское I Правобережное; Русская Селитьба II, сооружение 3), так и воронкообразными — резко сужающимися до середины и переходящими в вертикальные (рис. 1, *37*) (Русская Селитьба II, сооружение 2; Шигоны, колодец 4) (*Васильева и др*., 2017. С. 443, рис. 10; *Кузьмина,* 2017. С. 322–325, рис. 11–14; *Мерперт*, 1958. С. 110–115; *Колев, Королев*, 2017. С. 547–549, рис. 6–8). В это время в позднесрубных памятниках колодцы имели преимущественно вертикальные стенки (рис. 1, *32*) (Ребриковское I, объекты 5, 8, 9 и 16), иногда сужающиеся в верхней части (рис. 1, *33*) (Ребриковское I, объекты 13 и14), и лишь в одном случае зафиксирован воронкообразный колодец со ступенькой, укрепленной камнем (Червоное озеро-3) (рис. 1, *34*) (*Сергеева*, 2018; *Бровендер*, 2009–2010). Глубина колодцев различалась в зависимости от уровня грунтовых вод: в сусканских комплексах от 1 до 4 м, в срубных — от 2,2 до 3,25 м. Как и на сусканских поселениях, колодцы позднесрубной культуры располагались преимущественно в центральной части жилища, редко — около входа или за пределами сооружения.

Инвентарь

Керамический комплекс. Наиболее ярко восточные элементы прослеживаются в керамике: появляются новые формы сосудов; примесь талька в тесте; новая техника орнаментации мелкозубчатым штампом; некоторые элементы орнамента; расположение узора по косой сетке и его строгая зональность. Так, в позднесрубное время появились новые формы сосудов: кубки, блюда и округлобокие сосуды. Вместе с тем сохранились классические формы срубной культуры: банки, горшки и остроребериые сосуды. Это указывает на преемственность в течение различных периодов. Рассмотрим более подробно новые формы сосудов.

Наиболее яркий тип керамики новой эпохи — ***кубки на ножке-поддоне***. Кубки Восточной Европы имеют отогнутый наружу венчик, ребро в верхней трети, ко дну сосуд сужается и оканчивается ножкой-поддоном (рис. 1, *38–41*). По типу ножки сосуды делятся на три типа: 1-й тип — высокая полая ножка (рис. 1, *42, 44–48*), 2-й тип — низкие полукруглые (арочные) поддоны (рис. 1, *38, 40, 41, 43*), 3-й тип — сплошные ножки (рис. 1, *39*). 1-й тип характерен для фёдоровских, андроновских, нуринских, черкаскульских, реже сусканских кубков, 2-й тип — для сусканских и основной массы позднесрубных, а 3-й тип — исключительно для позднесрубных сосудов Левобережья Днепра. Скорее всего, описанные типы отражают изменения в исполнении ножек кубков — переход от полой к сплошной /цельной/. Кубки — яркий элемент керамического комплекса сусканской культуры (рис. 1, *42–45*), который был заимствован ее носителями у представителей фёдоровской культуры (рис. 1, *47, 48*). Картирование кубков подтвердило мнение Е. Е. Кузьминой (*Кузьмина*, 1974) о том, что они возникли на территории современного Центрального Казахстана под влиянием среднеазиатских культур (рис. 2). Впоследствии эта традиция распространилась на северо-запад до Днепра и на северо-восток вплоть до Енисея, где сосуды приобрели некоторые локальные отличия, как в форме, так и в орнаментации. Скорее всего, нуринскими племенами была заимствована именно идея сосудов на поддоне, а их оформление в кубки с высокой стройной ножкой связано с носителями сусканской культуры.

Второй тип керамики — ***блюда***. Блюда имеют прямоугольную, реже овальную в плане форму, невысокие отогнутые наружу, редко прямые или вогнутые бортики (рис. 1, *49, 50*). Орнамент ограничивался косыми насечками по краю. Они типичны для фёдоровской культуры Зауралья (рис. 1, *51, 52*). Однако блюда позднесрубной и фёдоровской культур имеют некоторые отличия. Во-первых, по сравнению с фёдоровскими, блюда из позднесрубных комплексов не имеют «ушек». Во-вторых, указанный тип керамики найден как в погребениях, так и на поселениях срубной культуры, в то время как блюда восточных территорий встречены только в захоронениях (*Стефанов, Корочкова*, 2006. С. 102).

Третий тип, нехарактерный для классического срубного гончарства, — ***округлобокие сосуды***. Они характеризуются профилированными приземистыми формами со слабо или сильно отогнутым венчиком, плавным переходом от горла к тулову, сглаженным до округлости ребром, располагающимся посередине тулова (рис. 1, *56–60*) (Костырка, Веселое, Соленое). Округлобокие сосуды — типичная форма для черкаскульских комплексов (рис. 1, *57, 58*) (Перевозный Ia, оградка 4; Березки Vг, оградки 2 и 7). Несмотря на редкость таких сосудов в позднесрубных памятниках, они очень показательны, так как отражают новую тенденцию — переход от ребристых (алакульских с уступом, срубных остроребериых сосудов) к округлым формам сосудов (черкаскульским, фёдоровским).

Следующей восточной новацией является ***примесь талька*** в формовочной массе. Например, такие сосуды найдены на территории Нижнего Подонья — в насыпи кургана 8 Мухин-2 и Веселый I, 34/1, а также в погребениях Левобережья Днепра. Примесь талька характерна для черкаскульских сосудов. По мнению большинства исследователей, эта примесь в черкаскульских сосудах являлась естественной, так как в горнолесном Зауралье были распространены тальковые глины. Опираясь на это, с осторожностью можно предположить, что такие сосуды с примесью талька в тесте могли быть физически принесены в ареал срубной культуры.

Орнаментация сосудов в позднесрубной культуре также претерпела изменения. Появилась новая техника ее нанесения, заимствованная у носителей андроновской культуры, — ***мелкозубчатый штамп***. Кроме этого, появились ***новые элементы орнамента***: каннелюры, «Г»-видные меандры, ромбы, свисающие косоугольные заштрихованные треугольники и, конечно, «символ эпохи» — валики (табл. 1; рис. 1, *61–78*). Зачастую элементы наносились ***по косой сетке*** (рис. 1, *61, 62*), как у восточных соседей (рис. 1, *69, 70, 74, 75*), при этом орнамент становится ***строго зональным*** и располагается в верхних двух третях сосуда, иногда около дна (табл. 2; рис. 1, *61–78*). На горле сосуда обычно помещался ряд каннелюр, над ними — треугольники вершинами вверх и зигзаги; каннелюры с насечками между ними напоминают гладкий или расчлененный валик и, возможно, имитируют его. На тулове выше ребра помещались мотивы меандра или заштрихованных треугольников вершинами вверх, а ниже ребра — свисающие заштрихованные треугольники. У кубков нередко ножка орнаментировалась каннелюрами и треугольниками вершинами вверх. Наряду с этим среди кубков выделяется группа сосудов с Нижнего Дона с валиком над ножкой-поддоном (кубки из Новочеркасского и Мариупольского музеев).

Металлические изделия. Восточное влияние нашло отражение и в металлопроизводстве позднесрубной культуры. Одно из самых ярких его проявлений — это ***металлическая посуда*** (рис. 3, *3–13*). Самый выразительный тип — котлы, которые, очевидно, подражали кубкам. Ранние металлические котлы были составлены из отдельных колец, имели приклепанные ручки, плоский поддон, а также стройные пропорции, при которых высота больше диаметра (рис. 3, *7–10*) (*Бочкарёв*, 2010. С. 193, рис. 5). Известны и другие формы металлических сосудов: горшки (рис. 3, *4–6*) (Старая Михайловка) и банки (рис. 3, *3*) (Городище, 4/1). Истоки этой посуды лежат еще

Таблица 1. Элементы орнамента сосудов позднего этапа срубной культуры Нижнего Подонья, Левобережья Днепра и Поднепровья

Table 1. Elements of vessels' ornamentation of the late stage of the Srubnaya culture of the Lower Don region, the Left Bank of the Dnieper and the Dnieper region

№ п/п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Элемент											валик			
Кол-во, экз.	120	84	55	50	38	36	31	31	20	20	6	4	3	3
Доля, %	24	17	11	10	8	7	6	6	4	4	1	<1	<1	<1

Таблица 2. Распределение орнамента по зонам сосуда позднесрубной культуры Нижнего Подонья, Левобережья Днепра и Поднепровья *

Table 2. Distribution of ornament by vessel's zones in the late Srubnaya culture of the Lower Don region, the Left Bank of the Dnieper and the Dnieper region

№ п/п		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Элемент													валик
Место расположения на сосуде	Венчик и плечики	**94***	**45**	**27**	18	18	**21**	**31**	10	19	10	3	4
	Нижняя часть тулова	1	2	8	1	13	11	49	**24**	12	7	1	–
	Ножка	**35**	8	**15**	1	–	6	–	2	–	2	–	2

* Жирным шрифтом выделено количество наиболее часто встречающихся элементов.

в синташтинской (рис. 3, *11*) (Каратомар, курган 1, яма 4) и алакульской традициях (рис. 3, *12, 13*) (Ащису, Нураталды, Мыржик) (*Логвин, Шевнина,* 2018. С. 124, рис. 1; *Дегтярева и др*., 2020. С. 102, рис. 4). Очевидно, ранние металлические сосуды подражали керамической посуде, характерной для этих культур. Особый интерес вызывает синташтинский сосуд из ямы 4 кургана 1 могильника Каратомар. Он имитировал классическую синташтинскую форму керамического сосуда, однако, в отличие от «оригинала», имел приклепанные ручки (рис. 3, *11*) (*Логвин, Шевнина,* 2018. С. 124, рис. 1). Параллельно, в Ульяновском Поволжье в Ишеевском могильнике, 1/4, был найден покровский керамический сосуд с подобными вертикальными ручками (*Буров*, 1974. Рис. 15). Скорее всего, этот пример иллюстрирует обратное влияние металлических изделий на керамические формы. Несмотря на такое раннее появление металлической посуды в урало-казахстанских степях, в Восточную Европу она проникла лишь с представителями черкаскульско-фёдоровской культуры в позднесрубное время.

Возможно, к числу восточных элементов следует отнести также появление кельтов, прорезных наконечников копий и ножей с удлиненными выемками. Однако этот вопрос требует особого рассмотрения. По типологии металлического инвентаря позднего бронзового века В. С. Бочкарёва рассматриваемые события и изделия соотносятся с IV периодом (*Бочкарёв*, 2017. С. 171–174).

Костяные изделия. Среди костяного инвентаря также прослеживается влияние восточных культур. Так, в Черкасов IV, 11/1, на Нижнем Дону были обнаружены ***кости с насечками*** на четырех гранях — с одной, тремя, четырьмя линиями и крестом (рис. 1, *79*) (*Рогудеев*, 2018. С. 137, рис. 1). Точные аналогии этим изделиям известны в черкаскульских поселениях Липовая Курья, Черемуховый Куст и др. (рис. 1, *82–85*) (*Стефанов и др*., 2001). Кроме этого, в погребениях Левобережья Днепра были найдены астрагалы, имеющие похожие насечки (рис. 1, *80, 81*) (Покровка, 6/12; Нововасильевка, 1/2; Сухая Калина II, 2/1; Шандровка II, 1/10) (*Ковалева*, 1990. С. 65).

Однако восточное влияние не было единственным и односторонним. Так, в рассматриваемое время известны влияния сабатиновской культуры, а также культур Карпато-Дунайского региона. Это доказывает распространение в XV–XIV вв. до н. э. в позднесрубных, сусканских и фёдоровских памятниках стержневидных псалий (Малячкино III, Аитово, Карлуга II, Сусканское I, Лебяжинка V, Постников Овраг) (*Турецкий и др*., 2022. С. 20, рис. 8; *Зданович*, 1988. С. 170, табл. 10; *Колев*, 2000. С. 280, рис. 17, *1–3*). Они служат примером обратного влияния, направленного с запада на восток. В конечном итоге стержневидные псалии вытеснили щитковые на всей территории Восточной Евразии. Еще одним примером ответного влияния является распространение характерных для позднесрубной культуры остролистных ножей с небольшим ромбовидным перехватом и узкими выемками в фёдоровских и андроновских памятниках (рис. 3, *1, 2*).

Выводы

В поздний период срубной культуры наряду с классическими признаками появились новые, восточные элементы. В погребальном обряде получили распространение положение скелета на правом боку и его юго-восточная ориентация; трупосожжения на стороне; расположение скелета не по центру могильной ямы, а его смещение к южной или северной стенке; среди погребальных конструкций появляются ямы с заплечиками, каменные ограды, ящики и цисты. На поселениях фиксируются колодцы. В классическом керамическом комплексе срубной культуры появились новые формы сосудов (кубки, блюда, округлобокие сосуды); примесь талька в формовочной массе; техника нанесения орнамента мелкозубчатым штампом; новые элементы орнамента (каннелюры, меандры, свисающие треугольники, валики), а также их расположение по косой сетке строго по зонам сосуда. К новшествам в металлическом инвентаре стоит отнести появление металлической посуды, кельтов, прорезных наконечников и некоторых типов ножей. Среди костяного инвентаря распространились кости с насечками.

Рассмотренные элементы восточного влияния столь многочисленны и разнообразны, что нельзя говорить о внешних или случайных контактах носителей срубной и андроновской культур. Вместе с тем появление восточных элементов совпало с исчезновением срубных памятников в лесостепном Поволжье и Приуралье, увеличением количества памятников на Нижнем Дону, в Поднепровье и их появлением на Правобережье Днепра. Все эти факты могут свидетельствовать о масштабной миграции носителей срубной культуры из лесостепного Поволжья и Приуралья в XV–XIV вв. до н. э. под давлением представителей фёдоровской и черкаскульской культур Урала и Казахстана.

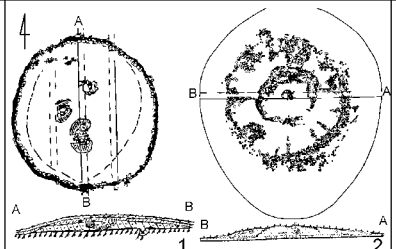
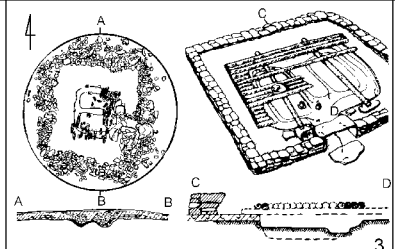
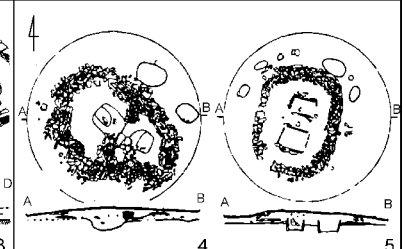
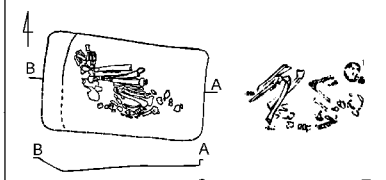
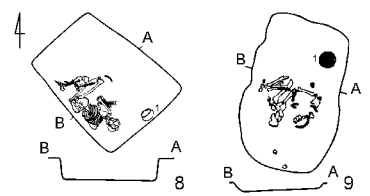
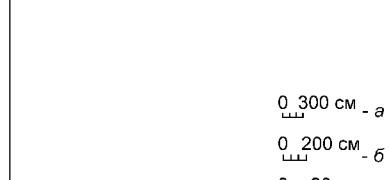
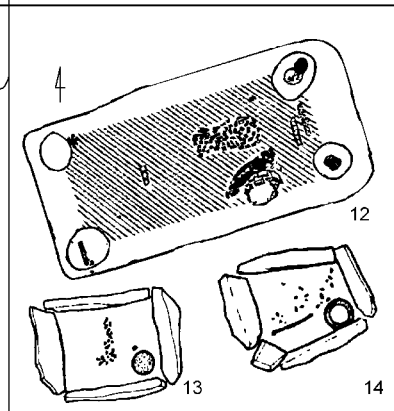
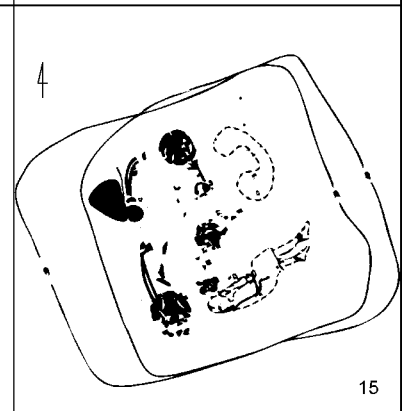
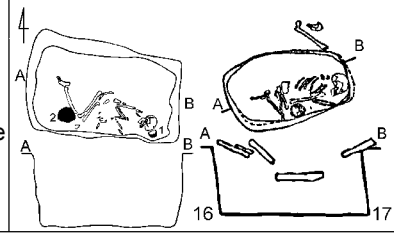
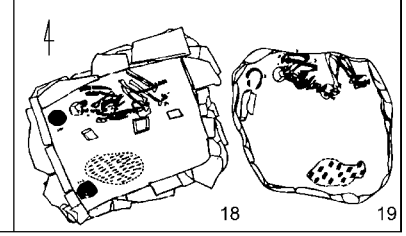
Элемент материальной культуры	Культура			
	Позднесрубная	Сусканская	Черкаскульская	Фёдоровская, андроновская, нуринская
1 Крепида, каменный панцирь				
2 Правобочное положение с юго-восточной ориентацией скелета				
3 Трупосожжение				
4 Смещение скелета к южной или северной стенке могильной ямы				

Рис. 1. Сравнительная таблица материалов позднесрубной, сусканской, черкаскульской, фёдоровской, андроновской и нуринской культур. Номера 1–19

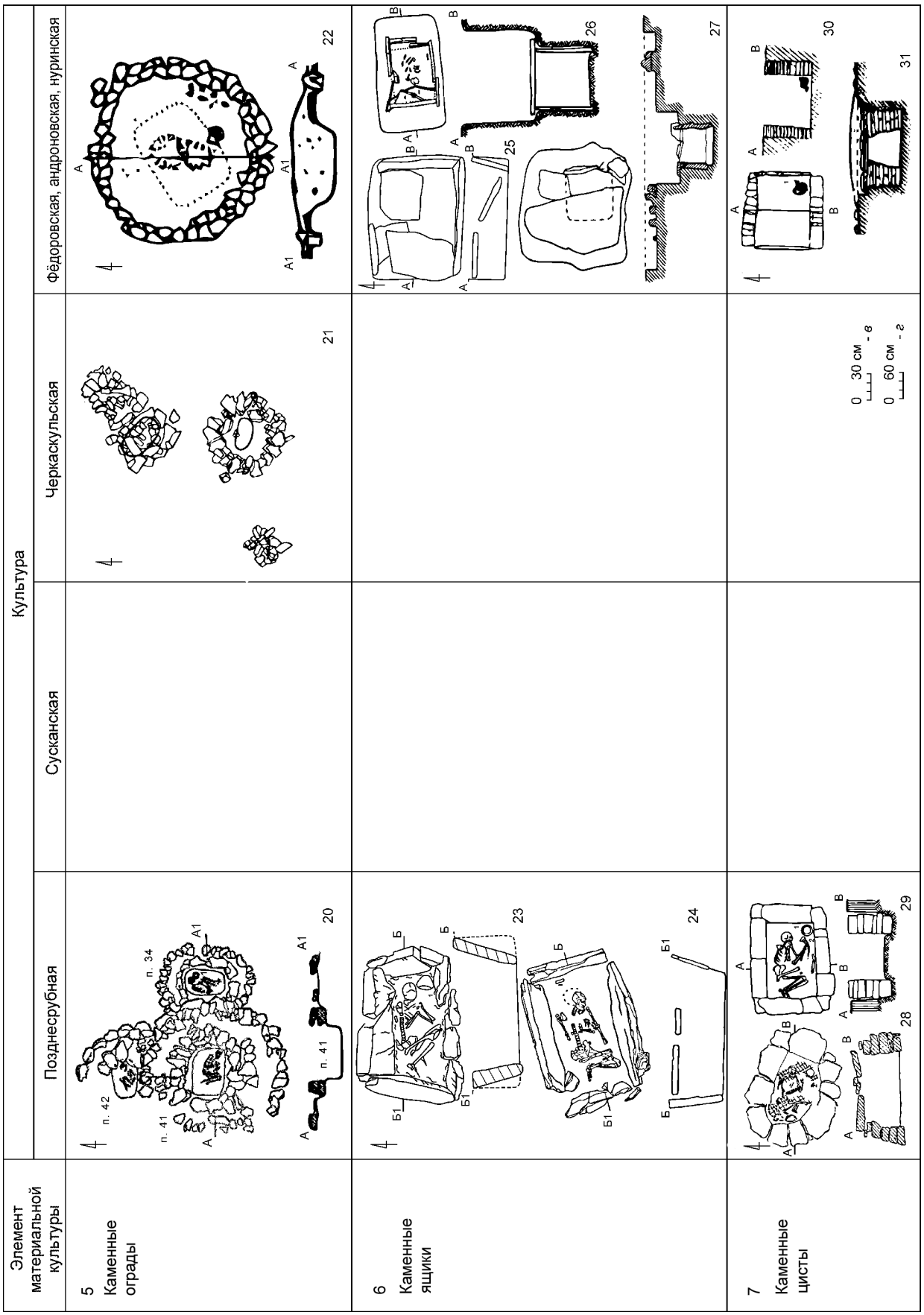


Рис. 1. Сравнительная таблица материалов позднесрубной, сусканской, черкаскульской, фёдоровской, андроновской и нуринской культур. Номера 20–31

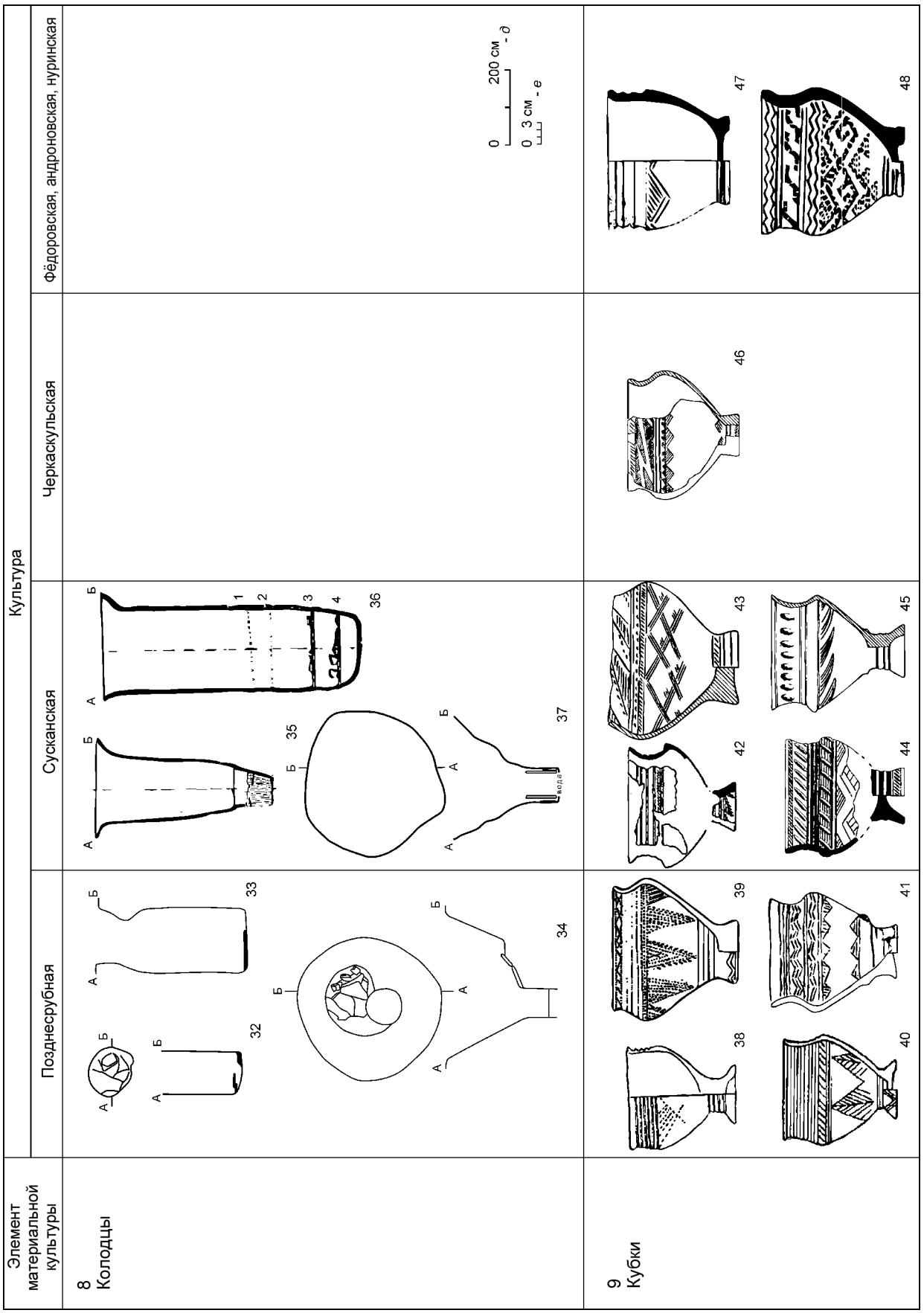


Рис. 1. Сравнительная таблица материалов позднесрубной, сусканской, черкаскульской, фёдоровской, андроновской и нуринской культур. Номера 32–48

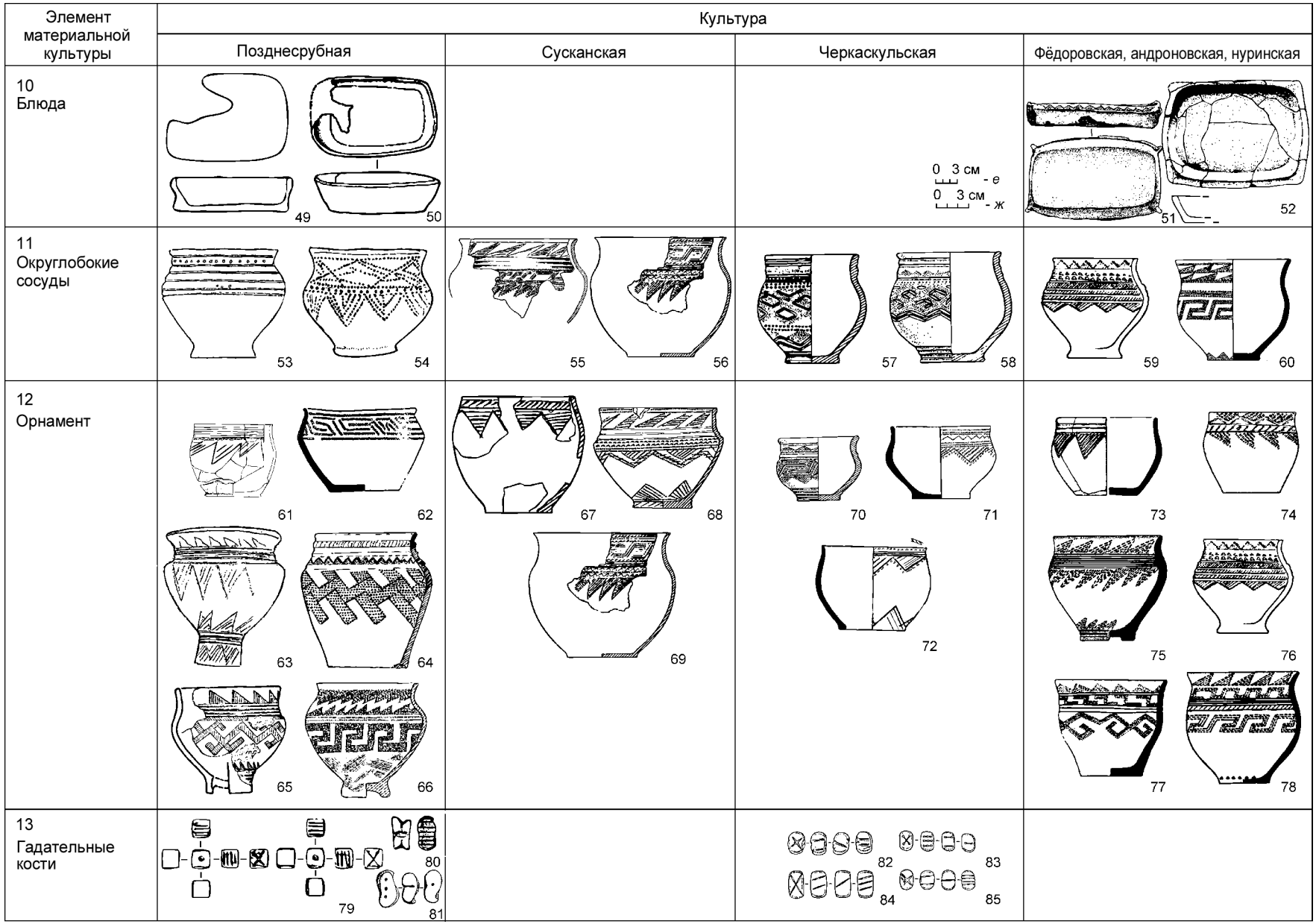


Рис. 1. Сравнительная таблица материалов позднесрубной, сусканской, черкаскульской, фёдоровской, андроновской и нуринской культур. Номера 49–85

Рис. 1. Сравнительная таблица материалов позднесрубной, сусканской, черкаскульской, фёдоровской, андроновской и нуринской культур: *1, 28* — Таврия-I, курган 1; *2* — Разметный, курган 5; *3* — Приплодный Лог I, курган 13; *4* — Путиловская Заимка II, курган 6; *5* — Путиловская Заимка II, курган 4; *6* — Дюнный, 1/2; *7* — Самарский II, 3/3; *8, 68* — Студенцы I, погребение 2; *9* — Лебяжинка V, погребение 10; *10, 71* — Такталачук, погребение 219; *11* — Такталачук, погребение 145; *12* — Заповитне, 15/2; *13* — Орловское, 1/7; *14* — Орловское, 1/6; *15* — Кулевчи VI, 3/2; *16* — Головков Лес I, 2/2; *17* — Кировка, 1/1; *18* — Косоголь-3, могила 30; *19* — Шолпан-4; *20* — Ливенцовский I, погребения 34, 41, 42; *21* — Перевозный Ia; *22* — Бурлук I, ограда 13; *23* — Поляков, 1/2; *24* — Киреевка 4, 1/1; *25* — Смолино I, 4/5; *26* — Косоголь-3, могила 25; *27* — Ботакара, ограда 10; *29* — Николаевка, 3/1; *30* — Сарыколь; *31* — Бугулы I, ограда 1; *32* — поселение Ребриковское I, объект 8; *33* — поселение Ребриковское I, колодец объекта 13; *34* — Червоное озеро-3; *35* — поселение Сусканское I Правобережное; *36* — поселение Сусканское I Левобережное; *37* — поселение Русская Селитьба II, сооружение 2; *38* — Малополовецкое; *39* — Рядовые могилы, 6/1; *40* — Александровка I, 7/1; *41* — Новочеркасский музей; *42* — поселение Нижняя Орлянка II; *43* — Ерзовка I; *44* — поселение Горный; *45* — поселение Лебяжинка II; *46* — поселение Родниковое; *47* — Бозенген, 8/11; *48* — Бурлук I, ограда 6; *49, 61* — поселение Ребриковское I; *50* — Зеленый лагерь, 4/13; *51* — Урефты I, 4/2; *52* — Урефты I, 4/3; *53* — Дмухайловка X, 1/2; *54* — Веселое; *55* — Луговское II; *56, 69* — Сусканское I; *57, 58, 70* — Березки Vr; *59, 76* — Бурлук I, ограда 1; *60* — Фёдоровский, 39/2; *62* — Русский III, 1/1; *63* — Дача Капитановой; *64* — Новоселовка I; *65* — Мухин-II, насыпь; *66* — Недоступов, 4/2; *67* — Лебяжинка V; *72* — Такталачук, погребение 222; *73* — Устье-Бири IV; *74* — Кинзерский, 73/1; *75* — Бугулы I; *77* — Чекановский Лог-10; *78* — Путиловская Заимка II, 2/1; *79* — Черкасов IV, 11/1; *80* — Покровка, 6/1; *81* — Нововасильевка, 1/2; *82* — поселение Липовая Курья; *83* — поселение Юкалекулево; *84* — поселение Язево II; *85* — поселение Дружный I. *38–78* — керамика; *79–85* — кость. Масштаб: *а* — для *1, 2*; *б* — для *3–5*; *в* — для *6–19, 23–27, 30, 31*; *г* — для *20, 28, 29*; *д* — для *32–37*; *е* — для *38–78*; *ж* — для *79–85*; без масштаба — *21, 22*

Рис. 1. The comparative table of the late Srubnaya, Suskan, Cherkaskul, Fedorovka, Andronovo and Nura cultures' materials: *1, 28* — Tavria-I, barrow 1; *2* — Razmetny, barrow 5; *3* — Priplodny Log I, barrow 13; *4* — Putilovskaya Zaimka II, barrow 6; *5* — Putilovskaya Zaimka II, barrow 4; *6* — Dyunny, 1/2; *7* — Samarsky II, 3/3; *8, 68* — Studentsy I, burial 2; *9* — Lebyazhinka V, burial 10; *10, 71* — Taktalachuk, burial 219; *11* — Taktalachuk, burial 145; *12* — Zapovitne, 15/2; *13* — Orlovskoye, 1/7; *14* — Orlovskoye, 1/6; *15* — Kulevchi VI, 3/2; *16* — Golovkov Les I, 2/2; *17* — Kirovka, 1/1; *18* — Kosogol-3, grave 30; *19* — Sholpan-4; *20* — Liventsovsky I, burials 34, 41, 42; *21* — Perevozny Ia; *22* — Burluk I, enclosure 13; *23* — Polyakov, 1/2; *24* — Kireevka 4, 1/1; *25* — Smolino I, 4/5; *26* — Kosogol-3, grave 25; *27* — Botakara, enclosure 10; *29* — Nikolaevka, 3/1; *30* — Sarykol; *31* — Buguly I, enclosure 1; *32* — the settlement Rebrikovskoye I, object 8; *33* — Rebrikovskoye I settlement, the well of the object 13; *34* — the Chervonoe Lake -3; *35* — Suskanskoye I Pravoberezhnoye settlement; *36* — Suskanskoye I Levoberezhnoye settlement; *37* — Russkaya Selitba II settlement, structure 2; *38* — Malopolovetskoye; *39* — Ryadovye mogily, 6/1; *40* — Aleksandrovka I, 7/1; *41* — the Novocherkassk Museum; *42* — Nizhnyaya Orlyanka II settlement; *43* — Yerzovka I; *44* — Gorny settlement; *45* —Lebyazhinka II settlement; *46* — Rodnikovoye settlement; *47* — Bozengen, 8/11; *48* — Burluk I, enclosure 6; *49, 61* — Rebrikovskoye I settlement; *50* — Zeleny Lager, 4/13; *51* — Urefty I, 4/2; *52* — Urefty I, 4/3; *53* — Dmukhaylovka X, 1/2; *54* — Veseloye; *55* — Lugovskoye II; *56, 69* — Suskanskoye I; *57, 58, 70* — Berezki Vr; *59, 76* — Burluk I, enclosure 1; *60* — Fedorovsky, 39/2; *62* — Russky III, 1/1; *63* — Kapitanova's Dacha; *64* — Novoselovka I; *65* — Mukhin-II, mound; *66* — Nedostupov, 4/2; *67* — Lebyazhinka V; *72* — Taktalachuk, burial 222; *73* — Ustye-Biri IV; *74* — Kinzersky, 73/1; *75* — Buguly I; *77* — Chekanovsky Log-10; *78* — Putilovskaya Zaimka II, 2/1; *79* — Cherkasov IV, 11/1; *80* — Pokrovka, 6/1; *81* — Novovasilyevka, 1/2; *82* — Lipovaya Kurya settlement; *83* — Yukalekulevo settlement; *84* — Yazevo II settlement; *85* — Druzhny I settlement. *38–78* — pottery; *79–85* — bone. Scale: *а* — for *1, 2*; *б* — for *3–5*; *в* — for *6–19, 23–27, 30, 31*; *г* — for *20, 28, 29*; *д* — for *32–37*; *е* — for *38–78*; *ж* — for *79–85*; without scale — *21, 22*

[*1, 28 — Ларенок*, 1998. С. 193, 194, табл. XLIX; L; *2 — Шарафутдинова, Житников*, 2011. С. 117, рис. 63; *3 — Малютина*, 1984. С. 62, рис. 3; *4, 5 — Зданович*, 1988. С. 92, рис. 37, *5, 8*; *6 — Посегун*, 2009. С. 116, рис. 4, *1*; *7 — Ларенок*, 1998. С. 236, табл. XCII, *2*; *8, 9, 68 — Колев*, 2000. С. 276, рис. 13, *3, 4, 7*; *10, 11, 71 — Казаков*, 1978. С. 72, 90, рис. 4, *6*; 14, *4*; *12 — Отрощенко*, 1976. С. 174, рис. 2; *13*, *14 — Литвиненко*, 1999. С. 9, рис. 5; *15 —Виноградов*, 2020. С. 120, рис. 2; *16 —Кияшко, Цыбрий*, 2017. С. 125, рис. 6, *3*; *17 —Парусимов*, 2011. С. 73, рис. 3, *1*; *18, 19 — Дмитриев и др.*, 2019. С. 11, 12, рис. 2, *4, 8*; *20 — Братченко, Шарафутдинова*, 2000. С. 187, рис. 13, *5*; *21 — Крутских, Шорин*, 1984. С. 156, рис. 5, с изменениями; *22 —Кузьмина*, 2008. С. 186, рис. 66; *23 — Парусимов*, 2005. С. 188, рис. 3, *4*; *24 — Сергеева*, 2009. С. 148, рис. 3, *1*; *25*, *26 — Иванчук, Михайлов*, 2011. С. 29, табл. 3, *5, 6*; *27 — Маргулан и др.*, 1966. С. 90, рис. 25; *29 — Литвиненко*, 2000. С. 6, рис. 3, *2*; *30*, *31 — Кузьмина*, 2008. С. 193, 203, рис. 79; 72, *3*; *32, 33 — Сергеева*, 2018. С. 159, 161, рис. 18; 20, *2*; *34 — Бровендер*, 2009–2010. С 209, рис. 5; *35, 36 — Мерперт*, 1958. С. 111, рис. 12, *II, III*; *37 — Колев, Королев*, 2017. С. 547, рис. 6; *38*, *39, 43, 53, 54, 63–66* — рис. В. С. Бочкарёва; *40 — Куштан*, 2012. С. 251, рис. 2, *2*; *41 — Ильюков*, 2013. С. 159, рис. 1, *1*; *42 — Колев*, 2000. С. 274, рис. 11; *44* — Каргалы, 2004. С. 35, рис. 1.11, *10*; *45, 46 — Колев*, 2000. С. 274, рис. 11, *8, 9*; *47, 48 —Ковтун*, 2016. С. 225, 479, табл. 241, *10*; 37, *7*; *49, 61 — Сергеева*, 2018. С. 160, 164, рис. 19, *9*; 23, *15*; *50 — Куштан*, 2012. С. 252, рис. 3, *1*; *51, 52 —Стефанов, Корочкова*, 2006. С. 52, рис. 35, *1, 4*; *55, 56, 69 — Колев*, 2000. С. 271, 272, рис. 8, *4*; 9, *2*; *57, 58, 70 — Крутских, Шорин*, 1984. С. 153, рис. 3, *12*, *2, 5*; *59, 76 —Зданович*, 1988. С. 90, рис. 36, *5*; *60 — Ковтун*, 2016. С. 410, табл. 182, *6*; *62 — Потапов*, 1998. С. 256, табл. CXII, *5*; *67 — Колев*, 2000. С. 269, рис. 6; *72 — Казаков*, 1978. С. 91, рис. 15, *1*; *73–75, 77, 78 — Ковтун*, 2016. С. 478, 240, 474, 225, 213, табл. 241, *3*; 50, *7*; 237, *3*; 37, *6*; 26, *7*; *79 — Рогудеев*, 2018. С. 137, рис. 1; *80 —Литвиненко*, 1999. С. 9, рис. 5; *81 — Ковалева*, 1990. С. 65, рис. 2; *82–85 —Стефанов и др.*, 2001. С. 296, рис. 1

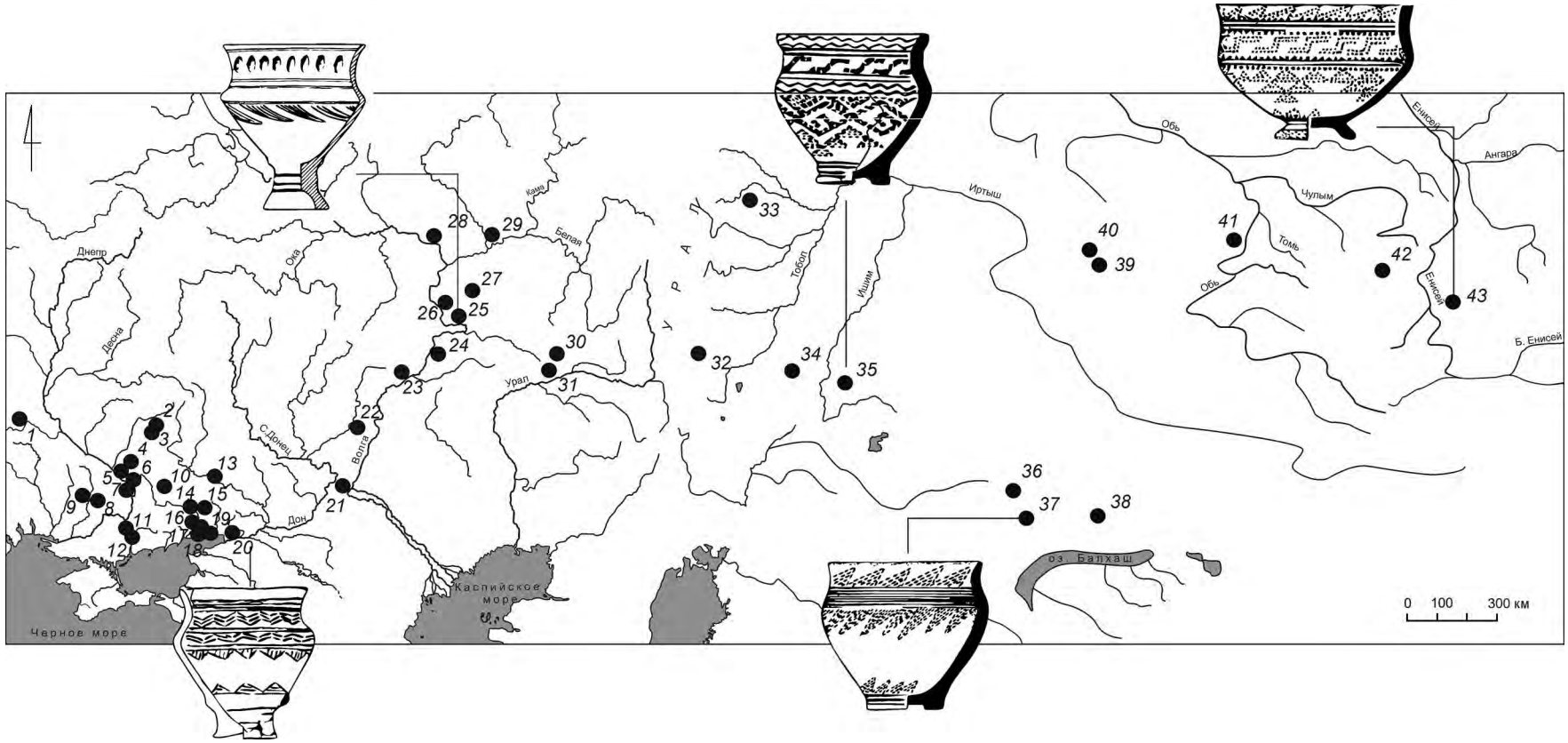


Рис. 2. Карта распространения кубков средней поры позднего бронзового века: *1* — Малополовецкое-3; *2* — Любовка; *3* — Поляны-1; *4* — Госпитальный холм, погребение 88; *5* — Прядовка VII, 3/4; *6* — Верхняя Маевка II, 3/1; *7* — Звонецкий; *8* — Поддубное, 3/1; *9* — Рядовые могилы, 6/1; *10* — Александровка I, 7/1; *11* — Высокое, 6/1; *12* — Виноградное, 16/2; *13* — Капитановое; *14* — Каменка, 8/1; *15* — Терновое, 1/1; *16* — Старобешево, 1/2; *17* — Таврия II, 1/3; *18* — Левинсадовка, поселение; *19* — Таганрог, погребение 1; *20* — Мухин-II, курган 8, насыпь; *21* — Ерзовка I; *22* — Недоступов, 4/2; *23* — Балбашев пруд; *24* — Екатериновка; *25* — Лебяжинка II; *26* — Сусканское I; *27* — Нижняя Орлянка II; *28* — Отарская группа; *29* — Луговское I; *30* — Каргалы (селище Горный); *31* — Родниковое поселение; *32* — Левобережное; *33* — Кокшарово; *34* — Мичурино I; *35* — Бурлук; *36* — Шапат; *37* — Бугулы I; *38* — Бозенген; *39* — Старый Тартас 4; *40* — Старый Сад; *41* — Еловский II курганный могильник; *42* — Кадат; *43* — Сухое озеро I

Fig. 2. A map of distribution of the cups of the Late Bronze Age's middle stage: *1* — Malopolovetskoye-3; *2* — Lyubovka; *3* — Polyany-1; *4* — the hill Gospitalny, burial 88; *5* — Pryadovka VII, 3/4; *6* — Verkhnyaya Mayevka II, 3/1; *7* — Zvonetsky; *8* — Poddubnoye, 3/1; *9* — Ryadovye mogily, 6/1; *10* — Aleksandrovka I, 7/1; *11* — Vysokoye, 6/1; *12* — Vinogradnoye, 16/2; *13* — Kapitanovoye; *14* — Kamenka, 8/1; *15* — Ternovoye, 1/1; *16* — Starobeshevo, 1/2; *17* — Tavria II, 1/3; *18* — Levinsadovka settlement; *19* — Taganrog, burial 1; *20* — Mukhin-II, barrow 8, mound; *21* — Yerzovka I; *22* — Nedostupov, 4/2; *23* — the pond Balbashev; *24* — Yekaterinovka; *25* — Lebyazhinka II; *26* — Suskanskoye I; *27* — Nizhnyaya Orlyanka II; *28* — the group Otarskaya; *29* — Lugovskoye I; *30* — Kargaly (the site Gorny); *31* — Rodnikovoye settlement; *32* — Levoberezhnoye; *33* — Koksharovo; *34* — Michurino I; *35* — Burluk; *36* — Shapat; *37* — Buguly I; *38* — Bozengen; *39* — Stary Tartas 4; *40* — Stary Sad; *41* — Elovsky II burial mound; *42* — Kadat; *43* — the Sukhoye Lake I

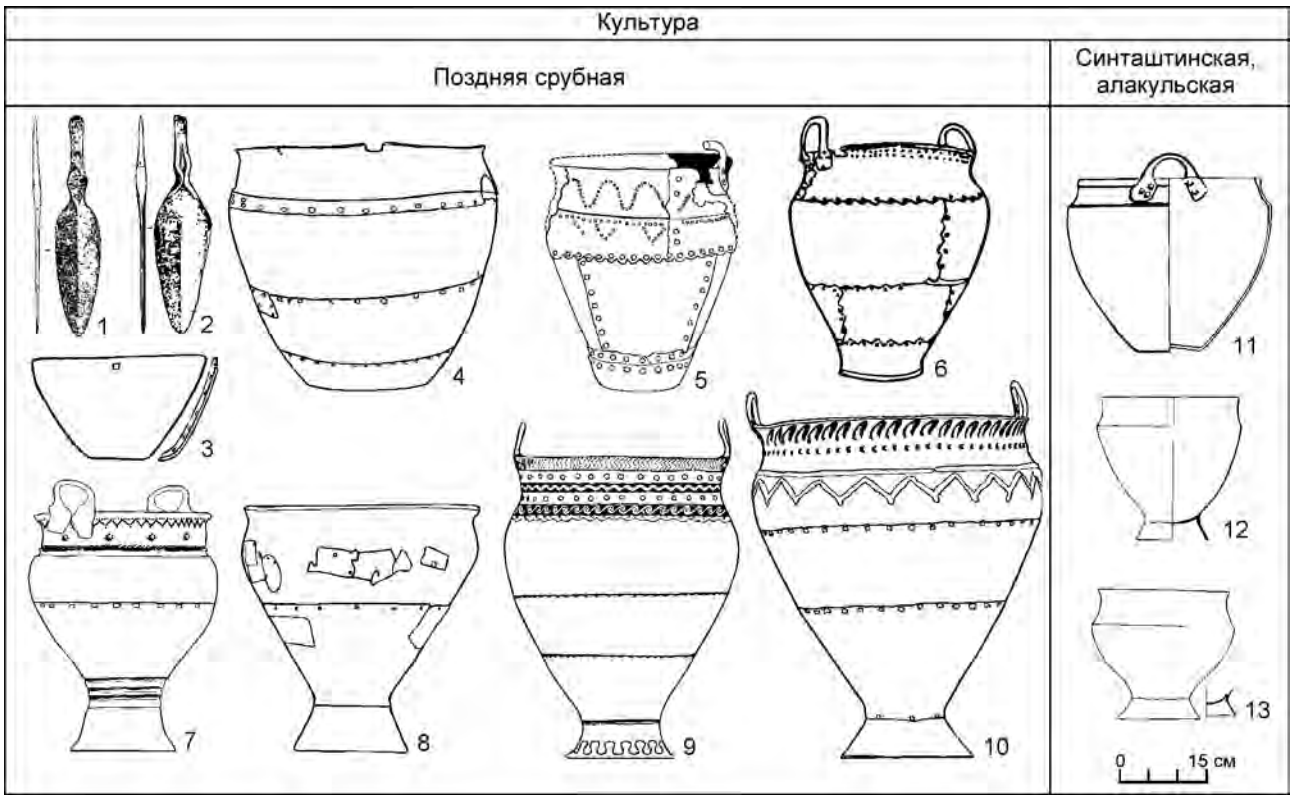


Рис. 3. Металлические ножи (*1, 2*) и сосуды (*3–10*) позднесрубной (*1–10*), синташтинской (*11*) и алакульской (*12, 13*) культур: *1* — Красный Перекоп, 3/2; *2* — Ивановка, 1/1; *3* — Городище, 4/1 (*1–3* — рис. В. С. Бочкарёва); *4* — Михайловка; *5* — Суворовское; *6* — Старая Михайловка; *7* — Полтавская губ.; *8* — Комсомольское, погребение 16; *9* — Подолия; *10* — Домашка; *11* — Каратомар, курган 1, яма 4; *12* — Ащису; *13* — Нураталды. Без масштаба — *1, 2*

Fig. 3. Metal knives (*1, 2*) and vessels (*3–10*) of the late Srubnaya (*1–10*), Sintashta (*11*) and Alakul (*12, 13*) cultures: *1* — Krasny Perekop, 3/2; *2* — Ivanovka, 1/1; *3* — Gorodishche, 4/1 (*1–3* — drawing by V. S. Bochkarev); *4* — Mikhaylovka; *5* — Suvorovskoye; *6* — Staraya Mikhaylovka; *7* — Poltava gov.; *8* — Komsomolskoye, burial 16; *9* — Podolia; *10* — Domashka; *11* — Karatomar, barrow 1, pit 4; *12* — Ashysu; *13* — Nurtaldy. Without scale — *1, 2*

[*4–10 — Гошко и др.*, 2018. С. 214, 282, 145, 109, 315, 257; *12, 13 — Там же*. С. 78, 238; 11 — *Логвин, Шевнина*, 2018. С. 124, рис. 1]

Ашихмина, 2014 — *Ашихмина Л. И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) // Археология евразийских степей. 2014. Вып. 19. С. 1–298.

Березанская, Гершкович, 1983 — *Березанская С. С., Гершкович Я. П.* Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Изд-во Башкирского ун-та, 1983. С. 100–110.

Бочкарёв, 2010 — *Бочкарёв В. С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Бочкарёв, 2017 — *Бочкарёв В. С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень... С. 159–204.

Бочкарёв, Кашуба, 2018 — *Бочкарёв В. С., Кашуба М. Т.* Культурно-историческая ситуация на юге Восточной Европы накануне века железа // Stratum plus. 2018. № 3: Социология потустороннего. С. 207–220.

Братченко, Шарафутдинова, 2000 — *Братченко С. Н., Шарафутдинова Э. С.* Ливенцовский могильник I // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16 / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Азов: Азовский краевед. музей, 2000. С. 160–215.

Бровендер, 2009–2010 — *Бровендер Ю. М.* Поселение Червоное озеро-3 Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы // Донецький археологічний збірник. Донецьк, 2009–2010. № 13–14. С. 203–221.

Буров, 1974 — *Буров Г. М.* Курганы бронзового века близ Ульяновска. Ульяновск: Приволж. книж. изд-во, 1974. 68 с.

Валавин, 2022 — *Валавин Н. А.* Внутримогильные каменные конструкции федоровской культуры Южного Зауралья // LIV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Материалы Всерос. (с междунар. участием) археолог. студен. конф. (Астрахань, 1–3 февраля 2022 г.) / Отв. ред. Д. В. Васильев. Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2022. С. 77–81.

Васильева и др., 2017 — *Васильева И. Н., Салугина Н. П., Кулакова Л. С.* Кротовское I поселение срубной культуры в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2017. Вып. 6. С. 391–473.

Виноградов, 2020 — *Виноградов Н. Б.* Антропоморфные «куклы» в погребальной обрядности могильника Кулевчи VI // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 117–123.

Гошко и др., 2018 — *Гошко Т. Ю., Агапов С. О., Отрощенко В. В.* Металеві казани з Великого степу за доби пізньої бронзи. Київ: ІА НАН України, 2018. 328 с.

Грязнов, 1970 — *Грязнов М. П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. 1970. № 122: Археологическое изучение Средней Азии. С. 35–38.

Дегтярева и др., 2020 — *Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В., Ломан В. Г., Кукушкин И. А., Кукушкин А. И., Дмитриев Е. А.* Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана // Поволжская археология. 2020. № 1. С. 98–116.

Дмитриев и др., 2019 — *Дмитриев Е. А., Елибаев Т. А., Кукушкин А. И.* Одномогильные биритуальные захоронения федоровской культуры эпохи бронзы // РА. 2019. № 3. С. 7–18.

Зданович, 1988 — *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 184 с.

Иванчук, Михайлов, 2011 — *Иванчук В. В., Михайлов Ю. И.* Каменные гробницы андроновского могильника «Косоголь-3» // Вестник Кемеровского ГУ. 2011. № 3. С. 26–34.

Ильюков, 2013 — *Ильюков Л. С.* Кубок на поддоне бронзового века из Нижнего Подонья // VI Международная Кубанская археолог. конф.: Материалы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 156–159.

Казаков, 1978 — *Казаков Е. П.* Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О. Н. Бадер. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Казанского ф-ла АН СССР, 1978. С. 67–108.

Каргалы, 2004 — Каргалы. Т. III: Селище Горный. Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования / Отв. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с.

Кияшко, Цыбрий, 2017 — *Кияшко В. Я., Цыбрий А. В.* Сосуд с сюжетным изображением из курганного могильника Головков Лес I // Археологические записки. Ростов н/Д., 2017. Вып. 9. С. 117–128.

Ковалева, 1990 — *Ковалева И. Ф.* Срубные погребения с наборами альчиков // Исследования по археологии Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ГУ, 1990. С. 59–71.

Ковтун, 2016 — *Ковтун И. В.* Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Изд. дом «Казанская недвижимость», 2016. 547 с.

Колев, 2000 — *Колев Ю. И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю. И. Колев и др. Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2000. С. 242–293.

Колев, Королев, 2017 — *Колев Ю. И., Королев А. И.* Поселение Русская Селитьба II // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2017. Вып. 6. С. 526–573.

Корочкова, 2010 — *Корочкова О. Н.* Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.

Кривцова-Гракова, 1955 — *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1955 (МИА; № 46). 162 с.

Крутских, Шорин, 1984 — *Крутских Н. А., Шорин А. Ф.* Черкаскульские могильники в Челябинской области // СА. 1984. № 4. С. 150–162.

Кузьмина, 1973 — *Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Наука, 1973. С. 153–164.

Кузьмина, 1974 — *Кузьмина Е. Е.* Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы // В глубь веков. Археологический сборник / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 16–24.

Кузьмина, 1975 — *Кузьмина Е. Е.* О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древнейшей истории Евразии: Сб. ст. / Отв. ред. П. М. Кожин. М.: Наука, 1975. С. 220–230.

Кузьмина, 1987 — *Кузьмина Е. Е.* О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины / Отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 48–69.

Кузьмина, 2008 — *Кузьмина Е. Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Кузьмина, 2017 — *Кузьмина О. В.* Шигонское поселение // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2017. Вып. 6. С. 279–390.

Кукушкин, Дмитриев, 2017 — *Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А.* Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-

Казахстанской археологической экспедиции АН Казахстана / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы: Науч.-исслед. центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 188–202.

Куштан, 2012 — *Куштан Д. П.* Трансъевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 246–262.

Ларенок, 1998 — *Ларенок П. А.* Курганные могильники Таврия-I–III // Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. III: Курганы Северо-Восточного Приазовья (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области) / Отв. ред. В. А. Ларенок. Ростов н/Д.: ЦОП Коралл-Микро, 1998. С. 56–90.

Литвиненко, 1999 — *Литвиненко Р. А.* Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья / Отв. ред. А. Н. Усачук. Донецк: Украин. культурологич. центр, 1999. С. 4–23.

Литвиненко, 2000 — *Литвиненко Р. А.* Периодизация срубных древностей Доно-Донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. И. Беседин. Воронеж: Воронежский ГУ, 2000. С. 81–90.

Логвин, Шевнина, 2018 — *Логвин А. В., Шевнина И. В.* Исследование синташтинского могильника Каратомар, кургана 1 (предварительное сообщение) // XXI Уральское археолог. совещ., посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева / Отв. ред. А. А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 123–125.

Лыганов, 2021 — *Лыганов А. В.* Андроноидные культуры Волго-Камья (луговская и сусканская культура) // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2: Энеолит и бронзовый век / Отв. ред. А. А. Чижевский. Казань: Изд-во АН Республики Татарстан, 2021. С. 522–547.

Максименков, 1978 — *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 189 с.

Малов, 1992 — *Малов Н. М.* «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (Памятники покровского типа): Автореф. дис. … канд. ист. наук / 07.00.06. — Археология / ИИМК РАН. СПб., 1992. 16 с.

Малютина, 1984 — *Малютина Т. С.* Могильник Приплодный Лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. С. Я. Зданович. Челябинск: Изд-во Башкирского ун-та, 1984. С. 58–79.

Маргулан и др., 1966 — *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 345 с.

Мерперт, 1958 — *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 61). С. 45–156.

Мимоход, 2018 — *Мимоход Р. А.* Стратифицированные курганы бронзового века на правобережье Северского Донца. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 23). 288 с.

Мыськов, 1992 — *Мыськов Е. П.* Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // Археология Восточноевропейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3. С. 86–96.

Отрощенко, 1976 — *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы / Отв. ред. С. С. Березанская. Киев: Наукова думка, 1976. С. 172–190.

Отрощенко, 2001 — *Отрощенко В. В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ: ІА НАН Украіїни, 2001. 288 с.

Отрощенко и др., 1977 — *Отрощенко В. В., Савовский И. П., Томашевский В. А.* Курганная группа Рясные Могилы у с. Балки // Курганная группа Рясные Могилы у с. Балки (предварительная публикация) / Отв. ред. В. И. Бидзиля. Киев: Наукова думка, 1977. С. 16–60.

Парусимов, 1998 — *Парусимов И. Н.* Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Новочеркасск: б. и., 1998. Вып. 3. 110 с.

Парусимов, 1999 — *Парусимов И. Н.* Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Азов: б. и., 1999. Вып. 4. 84 с.

Парусимов, 2005 — *Парусимов И. Н.* Раскопки курганов могильника Поляков // Археологические записки. Ростов н/Д., 2005. Вып. 4. С. 185–210.

Парусимов, 2011 — *Парусимов И. Н.* Раскопки курганов у г. Новошахтинска // Археологические записки. Ростов н/Д., 2011. Вып. 7. С. 71–76.

Посегун, 2009 — *Посегун А. А.* Раскопки кургана Дюнный в Аксайском районе Ростовской области // Археологические записки. Ростов н/Д., 2009. Вып. 6. С. 114–127.

Посредников, Кравец, 1992 — *Посредников В. А., Кравец Д. П.* К вопросу об обряде кремации у срубных племен Донбасса // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1992. Вып. 1. С. 47–56.

Потапов, 1998 — *Потапов В. В.* Курганный могильник «Русский»-III // Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции / Отв. ред. В. А. Ларенок. Вып. III: Курганы Северо-Восточного Приазовья (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области): каталог. Ростов н/Д.: ЦОП Коралл-Микро, 1998. С. 137–141.

Прокофьев, Прокофьева, 2009 — *Прокофьев Р. В., Прокофьева Т. Е.* Раскопки курганов в окрестностях г. Новошахтинска // Археологические записки. Ростов н/Д., 2009. Вып. 6. С. 181–192.

Рогудеев, 2018 — *Рогудеев В. В.* Редкое срубное погребение с игральными костями // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного

Кавказа» / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск: Карачаево-Черкесский ГУ им. У. Д. Алиева, 2018. С. 135–138.

Сакенов, Ганиева, 2023 — *Сакенов С. К., Ганиева А. С.* Материалы могильника эпохи бронзы Тажыгул в решении проблем нуринской археологической культуры // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда: Материалы V междунар. конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.) / Отв. ред. А. Онгар. Алматы; Туркестан: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2022. С. 126–135.

Сергеева, 2009 — *Сергеева О. В.* Охранные исследования курганного могильника «Киреевка 4» в Октябрьском районе Ростовской области в 2008 году // Археологические записки. Ростов н/Д., 2009. Вып. 6. С. 145–159.

Сергеева, 2018 — *Сергеева О. В.* Раскопки поселения эпохи поздней бронзы «Ребриковское I» в Ростовской области // Археология Восточноевропейской степи. Саратов, 2018. Вып. 14. С. 118–173.

Стефанов, Корочкова, 2006 — *Стефанов В. И., Корочкова О. Н.* Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. 160 с.

Стефанов и др., 2001 — *Стефанов В. И., Коряков И. О., Чемякин Ю. П., Кузьминых С. В.* Игральные кости из срубно-андроновских памятников Урала и Западной Сибири // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» / Отв. ред. Ю. И. Колев. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С. 290–298.

Турецкий и др., 2022 — *Турецкий М. А., Китов Е. П., Гальцов К. Д., Ковалевский В. Н.* Раскопки селища Малячкино III в Шигонском районе Самарской области // Археологические открытия в Самарской области 2021 г. / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина, 2022. С. 19–20.

Черников, 1960 — *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 88). 271 с.

Шарафутдинова, 1985 — *Шарафутдинова Э. С.* Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизация) / Отв. ред. С. Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1985. С. 146–177.

Шарафутдинова, Житников, 2011 — *Шарафутдинова Э. С., Житников В. Г.* Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ; Нестор-История, 2011. 180 с.

Шорина, Шорин, 2015 — *Шорина А. А., Шорин А. Ф.* Кордон Миассово 1 — новый многослойный памятник археологии в горно-лесной зоне Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А. Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. краевед. музей, 2015. С. 21–26.

On some eastern elements in the late Srubnaya culture of the Lower Don and the Left Bank of the Dnieper

D. A. Shibanova[4]

Keywords: Lower Don region, Left Bank of the Dnieper, Late Bronze Age, late Srubnaya culture, eastern (Fedorovka-Cherkaskul-Suskan) elements, migration

The paper deals with numerous and diverse eastern elements in the funeral customs and inventory complex of the late Srubnaya culture of the Lower Don region and the Left Bank of the Dnieper. In the burial rites become widespread such features as cases of skeleton position on the right side and its south-east orientation, corpse burning aside, skeleton displacement to the southern or northern wall. Pits with shoulders, stone fences, boxes and cists appear among the burial structures. Wells are recorded in settlements. New vessel shapes (cups, dishes, rounded-sided vessels), talc admixture in the moulding mass, the ornamentation technique with a fine-toothed stamp, new ornamental elements (cannellures, meanders, hanging triangles, rollers) appeared. The pattern began to be applied on an oblique grid strictly on the vessel zones. Among the innovations in metal implements were the appearance of metal utensils, celts, slotted arrowheadss and some types of knives, and in bone implements — the spread of incised bones. The appearance of eastern elements in this territory coincided with the disappearance of the Srubnaya culture sites in the Volga and the Urals forest-steppe, with the increase of the sites' number in the Lower Don and the Dnieper region and with their appearance on the Right Bank of the Dnieper. All these facts may indicate a vast migration of the Srubnaya population from the Volga-Urals forest-steppe in the 15th–4th cen. BC under pressure from the bearers of the Fedorovka and Cherkaskul cultures from the Urals and Kazakhstan.

[4] Daria A. Shibanova — Saint Petersburg State University; St. Petersburg, Russian Federation; email: d.shibanova@yandex.ru.

Проблемы периодизации и происхождения памятников дольменной культуры Западного Кавказа (часть 1)

М. Б. Рысин[1]

Аннотация. *В статье предложено уточнение периодизации дольменов Кавказа. Дольменная культура сложилась в Закубанье на основе адаптации местных (наследие новосвободненской культуры) и средиземноморских мегалитических традиций.*

Ключевые слова: *Кавказ, мегалитические сооружения, дольмены, периодизация и генезис дольменной культуры.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-205-218

Памятники дольменной культуры Западного Кавказа располагаются в предгорьях — на побережье Черного моря и в Закубанье. Дольменная культура получила свое название по характерным наземным мегалитическим сооружениям — дольменам. На Кавказе известно более 2400 подобных построек, от большинства которых сохранились только руины (*Марковин*, 1994. С. 229). Систематически изучать кавказские дольмены начал краевед Е. Д. Фелицын во второй половине XIX в. (*Фелицын*, 1904). В XX в. ведущая роль в исследовании дольменной культуры принадлежала В. И. Марковину (*Марковин*, 1978; 1994; 1997; и др.), изучение культуры продолжено и в XXI в. (см.: Дольмены…, 2001; *Резепкин*, 2012; 2019; *Трифонов*, 2021; *Trifonov*, 2022; *Trifonov et al.*, 2014; и др.). За 150 лет было раскопано около 200 дольменов. Кроме дольменов в ареале этой культуры обнаружены погребения в грунтовых ямах и каменных ящиках, открыты стационарные поселения и стоянки (рис. 1). Дольменную культуру относят к среднему бронзовому веку и началу позднего бронзового века, а ключевые вопросы ее изучения (периодизация, хронология и происхождение культуры) пока далеки от решения. Это связано с характером памятников: наземные дольмены являются, по сути, открытыми археологическими комплексами; стратиграфические наблюдения крайне редки; отсутствует датировка различных типов мегалитических сооружений. На наш взгляд, поиск решения этих вопросов следует начинать с уточнения периодизации кавказских дольменов.

Прежде всего остановимся на особенностях конструкции мегалитических памятников дольменной культуры. Дольмены состоят из камеры и площадки перед фасадом постройки. Камера большинства дольменов возведена из пяти плит: фасадная и задняя плиты расположены между двумя боковыми, а пятая плита служит перекрытием. Снаружи камеру поддерживает подковообразная насыпь, оставляющая открытым фасад. На фасадной плите имеется отверстие, закрытое каменной втулкой. Стены у большинства дольменов были установлены на фундамент (опорные камни). Передняя плита с выступающими краями боковых плит, перекрытия и фундамента образует портал дольмена. К порталу вел проход в насыпи, стены которого укреплены каменными плитами. Перед некоторыми дольменами располагается огороженная площадка-двор. Пол в камерах засыпан гравием.

Иногда к торцам боковых стен камеры приставляли так называемые портальные плиты, превышающие боковые стены; они накрывались отдельной плитой, опирающейся на перекрытие камеры. Постройки с приставными плитами В. И. Марковин назвал портальными дольменами, а пространство перед фасадом дольмена — притвором (*Марковин*, 1994. С. 231).

[1] Независимый исследователь; С.-Петербург, РФ; e-mail: rymibor@yandex.ru.

© Рысин М. Б., 2025

Дольмены являются культовыми и погребальными сооружениями, что оправдывает перенос на их конструкцию терминологии храмовой архитектуры. Порталом называется оформление входа в культовое сооружение; притвором — помещение перед входом в храм, отделенное (от его основного помещения) стеной с дверным проемом. Термин «притвор» вполне применим для обозначения пристройки, отделенной от камеры стеной с отверстием (со стороны фасадной плиты камеры). Есть несколько построек без приставных плит, у которых боковые плиты выступают перед фасадной вперед и вверх — дольмены с портальными выступами боковых стен. На портальные выступы укладывалась отдельная плита, опирающаяся на перекрытие камеры.

Усиление прочности и устойчивости построек достигалось следующими способами: стены возводились на каменном фундаменте; в боковых стенах камеры выбивались пазы для закрепления поперечных плит; верхние края стен фиксировались в пазах перекрытия, а нижние — в пазах опорных камней; снаружи стены камеры подпирала насыпь и наклонные контрфорсы; стенам камеры придавалась трапециевидная форма, и они устанавливались с наклоном к центру — камера дольмена приобретала трапециевидную форму в плане и в разрезах.

При знакомстве с дольменами Кавказа обращает на себя внимание разнообразие их конструкций. Е. Д. Фелицын выделял десятки разновидностей таких сооружений (*Фелицын*, 1904). Л. И. Лавров значительно упростил классификацию дольменов (*Лавров*, 1960). В. И. Марковин разделил дольмены на плиточные (обычные, по Л. И. Лаврову), составные, корытообразные и монолиты (*Марковин*, 1978. С. 60). Более 93 % дольменов были построены из каменных плит. Среди плиточных В. И. Марковин выделил сооружения с приставными портальными плитами и с портальными выступами боковых стен (около 60 дольменов). Менее 7 % построек были сложены из блоков небольшого размера (составные дольмены) или вырублены в обломках скал (корытообразные и монолиты). По форме основания В. И. Марковин разделил постройки на трапециевидные (составляющие абсолютное большинство), круглые и подковообразные (*Марковин*, 1997. С. 42–44).

Дольмены формируют ряды из нескольких построек, располагающиеся на речных террасах, вершинах и склонах возвышенностей. Известны крупные могильники с сотнями сооружений (Кизинка, Богатырская поляна, Дегуакская поляна). В. И. Марковин заметил, что ареал дольменов совпадает с распространением пригодных для их постройки известняков и песчаников (*Марковин*, 1978. С. 55).

Спорным является другой вывод В. И. Марковина, обратившего внимание на совпадение ареала дольменной культуры с границами лесной зоны. Он полагал, что ландшафт в эпоху бронзы был подобен современному, и строители дольменов были «горцами, жителями лесов» (*Там же*. С. 54). Однако мегалитические памятники обычно возводили на открытых пространствах с возможностью их хорошего обзора с расстояния. Мы обратили внимание, что дольмены редко встречаются выше 700 м над уровнем моря, хотя там также имеется материал для их постройки (*Рысин*, 1992). Дело в том, что климат в голоцене менялся, и отечественные ученые уже давно обнаружили свидетельства наступления лесов на предгорные степи Кавказа (*Захаров*, 1935; *Яковлев*, 1914). Смещение границ ландшафтных зон было доказано, когда в кавказских лесах под курганами эпохи бронзы обнаружили черноземные почвы (*Александровский*, *Бирина*, 1987; *Александровский и др.*, 2022). Степные почвы найдены в предгорных лесах до высот 600–750 м над уровнем моря, что в основном совпадает с верхней границей ареала дольменной культуры (рис. 1).

Смена ландшафта в ареале культуры находит подтверждение в работе о реликтовых степях Западного Кавказа (*Литвинская*, 2017). Выясняется, что ареал дольменной культуры совпадает с зонами реликтовых степей, в прошлом более широко представленных на Западном Кавказе (*Там же*. Рис. 1). Реликтовые степи сохранились сегодня на «лысых» вершинах и на склонах южной экспозиции на высотах 400–900 м над уровнем моря. Локализация реликтовых степей, как и ареал дольменов, связана с распространением известняков, поскольку именно на каменистых известняковых почвах степные биоценозы успешнее всего противостояли наступлению широколиственного леса (*Там же*. С. 53).

Следовательно, выбор строителями дольменов вершин и склонов южной экспозиции не случаен, но связан с сохранением здесь степных ландшафтов, создающих наилучшие условия для обзора мегалитических сооружений. Это наглядно демонстрируют «поляны» с сотнями дольменов (Кизинка, Богатырская поляна, Даховская поляна), и сегодня сопротивляющиеся наступлению широколиственных лесов. Таким образом,

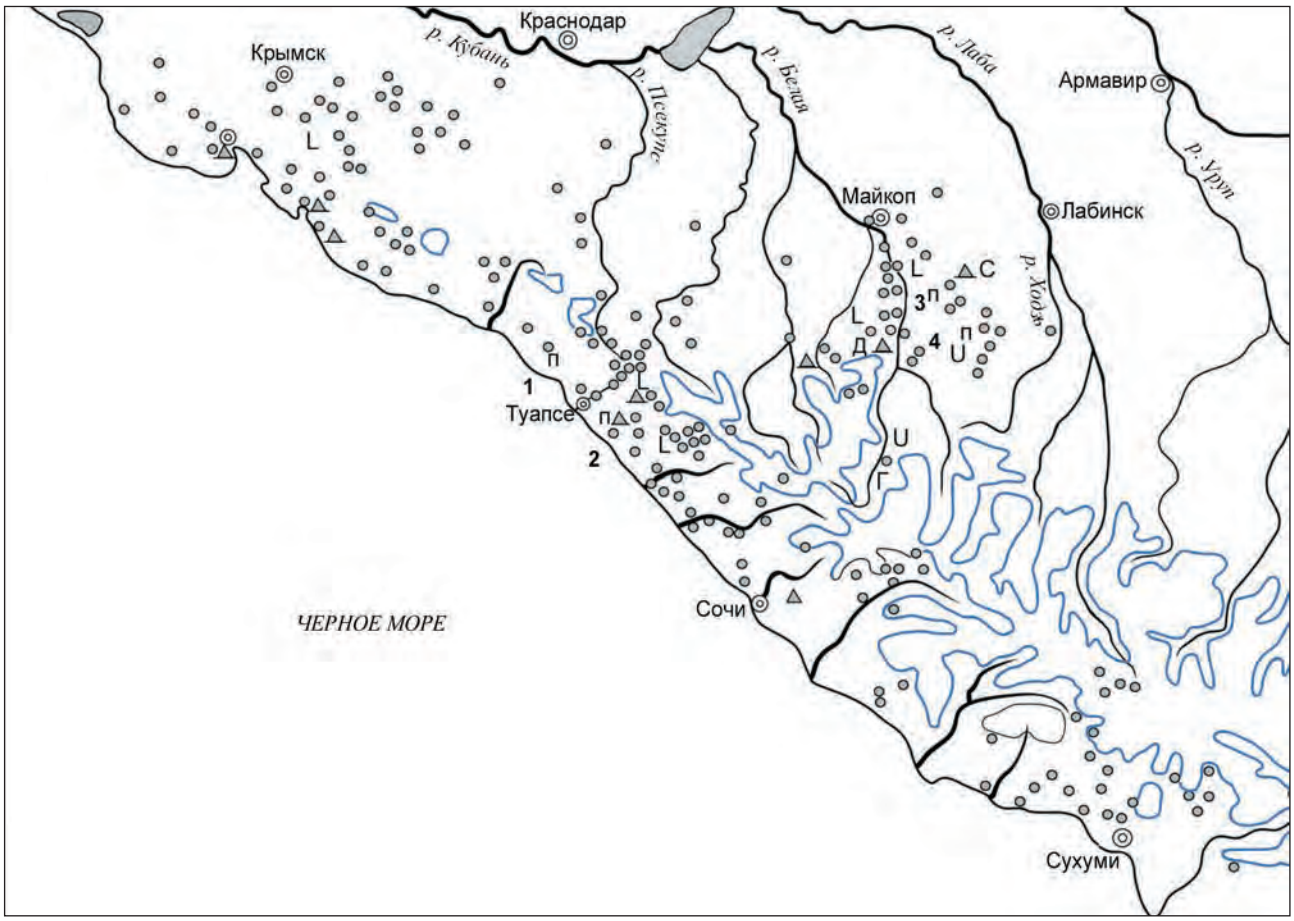


Рис. 1. Памятники дольменной культуры Западного Кавказа и мегалитические новосвободненские гробницы. Условные обозначение: ● — дольмены; ▲ — поселения и стоянки дольменной культуры (С — Старчики, Д — Дегуакское); П — новосвободненские гробницы и портальные дольмены без фундамента (*1* — Псыбе; *2* — Шепси; *3* — Клады; *4* — Кизинка); U — дольмены с фундаментом, портальными выступами и подковообразной камерой (Г — Гузерипль, дольмены 1, 2; *4* — Кизинка, дольмен 528); L — дольмены с фундаментом, портальными выступами и трапециевидной камерой (Клады, курган 39; Псынако I; Богатырская поляна; Дегуакская поляна; ст. Шапсугская; гора Хунагет); голубым цветом показана горизонталь 700 м над уровнем моря

Fig. 1. The sites of the dolmen culture of the Western Caucasus and megalithic Novosvobodnaya tombs. Notation: ● — dolmens; ▲ — dolmen culture settlements and sites (С — Starchiki, Д — Deguakskoye); П — Novosvobodnaya tombs and portal dolmens without foundations (*1* — Psybe; *2* — Shepsi; *3* — Klady; *4* — Kizinka); U — dolmens with foundations, portal protrusions and horseshoe-shaped chamber (Г — Guzeripl, dolmens 1, 2; *4* — Kizinka, dolmen 528); L — dolmens with foundations, portal protrusions and trapezoidal chamber (Klady, barrow 39; Psynako I; the glade Bogatyrskaya; the glade Deguakskaya; the stanica Shapsugskaya; the Khunaget mountain); the blue colour shows the horizontal 700 m above sea level

комплексные исследования подтверждают наше предположение о существовании дольменной культуры в условиях открытого лесостепного пространства. Полагаю, что впервые на Кавказе тысячи мегалитических памятников дольменной культуры сформировали своеобразный «археологический ландшафт», став его зримой и впечатляющей доминантой (*Рысин*, 2004).

Среди тысяч кавказских дольменов выделяются четыре памятника, перекрытых насыпями значительных размеров: курганы 11, 39 и 40 могильника Клады у ст. Новосвободной и курган Псынако I у пос. Анастасиевка. Только эти дольмены можно рассматривать в качестве закрытых археологических комплексов, поэтому приведем их краткое описание. Под насыпями курганов 11 и 40 могильника Клады на уровне погребенной почвы были возведены портальные дольмены без фундамента. Камеры слабо трапециевидной формы. Отверстия в их фасадах имели квадратную

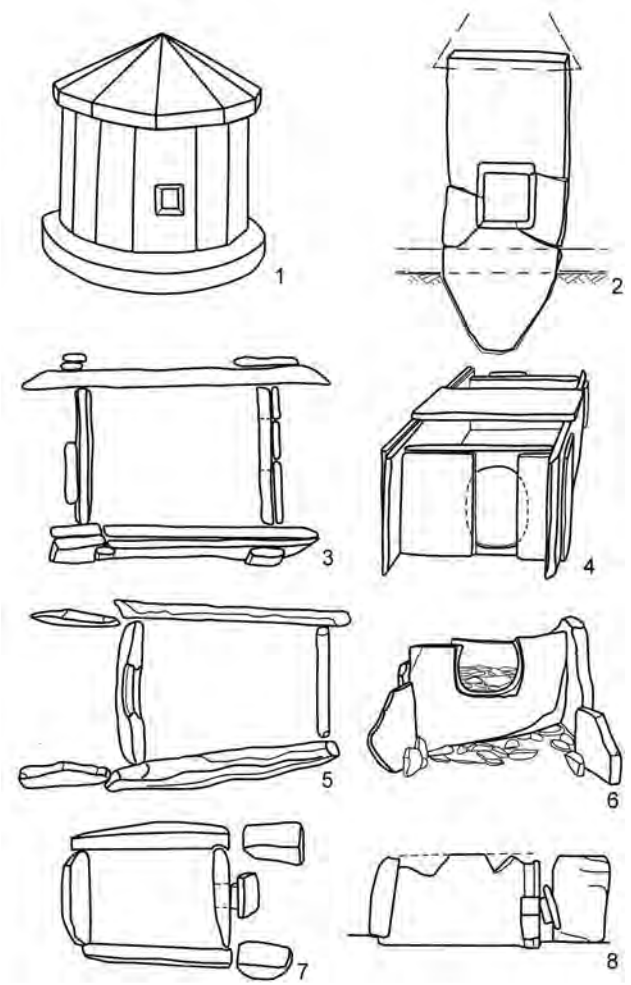


Рис. 2. Сооружение с шатровым перекрытием, гробницы Псыбе и Шепси, Кизинка, дольмен 75:
1 — рисунок сооружения с шатровой крышей (Клады, курган 39, погребение 1); *2* — фасадная плита и реконструкция сооружения; *3, 4* — Псыбе; *5, 6* — Шепси; *7, 8* — Кизинка, дольмен 75 (ссылки на источники иллюстраций рис. 2, 4–6 см. в тексте)

Fig. 2. The structure with a hipped roof, the tombs Psybe and Shepsi, Kizinka, dolmen 75: *1* — drawing of a structure with a hipped roof (Klady, barrow 39, burial 1); *2* — facade plate and reconstruction of the structure; *3, 4* — Psybe; *5, 6* — Shepsi; *7, 8* — Kizinka, dolmen 75 (references to the sources of illustrations of figs. 2, *4–6* see in the text)

(курган 11) и круглую (курган 40) форму и были закрыты короткими каменными втулками. В боковых стенах и перекрытии выбиты пазы. В камерах на полу насыпан гравий. Притворы дольменов были заложены крупными камнями. Перед дольменом кургана 11, погребение 54, устроен прямоугольный «двор» с менгиром в центре (*Резепкин*, 2012. С. 24, 25, 48, 49). Портальный дольмен кургана 40 был перекрыт земляной насыпью, в которой была устроена «врезка» длиной 25 м. На поверхности этой врезки возвели еще один портальный дольмен (погребение 1). Его стены опирались на фундамент из плит с пазами. Камера слабо трапециевидная. В фасадной плите пробито квадратное отверстие. Перекрытие камеры поддерживала уникальная для дольменной культуры каменная колонна с капителью. Пол в камере состоит из плоских камней и гравия. Проход к дольмену был заложен крупными камнями (*Там же*. С. 48, рис. 98). Основным для кургана 39 могильника Клады (погребение 1) было уникальное сооружение с шатровым перекрытием, о котором речь пойдет далее.

Впускным в курган 39 могильника Клады (погребение 2) и основным для кургана Псынако I являются постройки с портальными выступами боковых стен (*Резепкин*, 2012. С. 47, рис. 92–94; *Марковин*, 1997. Рис. 172). Эти дольмены установлены на фундамент. Камеры обоих дольменов трапециевидные. Круглое отверстие в фасаде дольмена кургана 39 было закрыто короткой втулкой. К дольмену вел заложенный камнями коридор. В дольмене кургана Псынако I отверстие арочной формы было закрыто грибообразной втулкой. Вокруг дольмена кургана Псынако I был возведен «толос» с ложным сводом, перекрытый насыпью. От дольмена к краю насыпи вел заложенный камнями коридор.

Основным в кургане 39 могильника Клады (погребение 1) был дольмен с шатровым перекрытием (*Марковин*, 1978. С. 135; *Резепкин*, 2012. С. 46, рис. 91; *Трифонов*, 2021). Его стены составлены из установленных вертикально прямоугольных каменных плит, а перекрытие — из плит треугольной формы с пазами (рис. 2, *1*). Край фасадной плиты был стесан в виде треугольного выступа. В насыпи кургана 39 была найдена каменная плита дисковидной формы. Мы полагаем, что эта плита была уложена на полу в камере, а нижние концы стен были вкопаны в землю по ее периметру (рис. 2, *2*). «Рядовой» инвентарь и возвышающееся над насыпью перекрытие сближают этот памятник с дольменами. Недавно вышла статья В. А. Трифонова (*Трифонов*, 2021) о «многогранном дольмене Н. Л. Каменева». Выясняется, что наши с Виктором Анатольевичем взгляды на этот уникальный памятник полностью совпадают. Добавлю, что мое представление о конструкции «дольмена Н. Л. Каменева» сформировалось во время работ на Кладах в 1989 г., когда я воочию

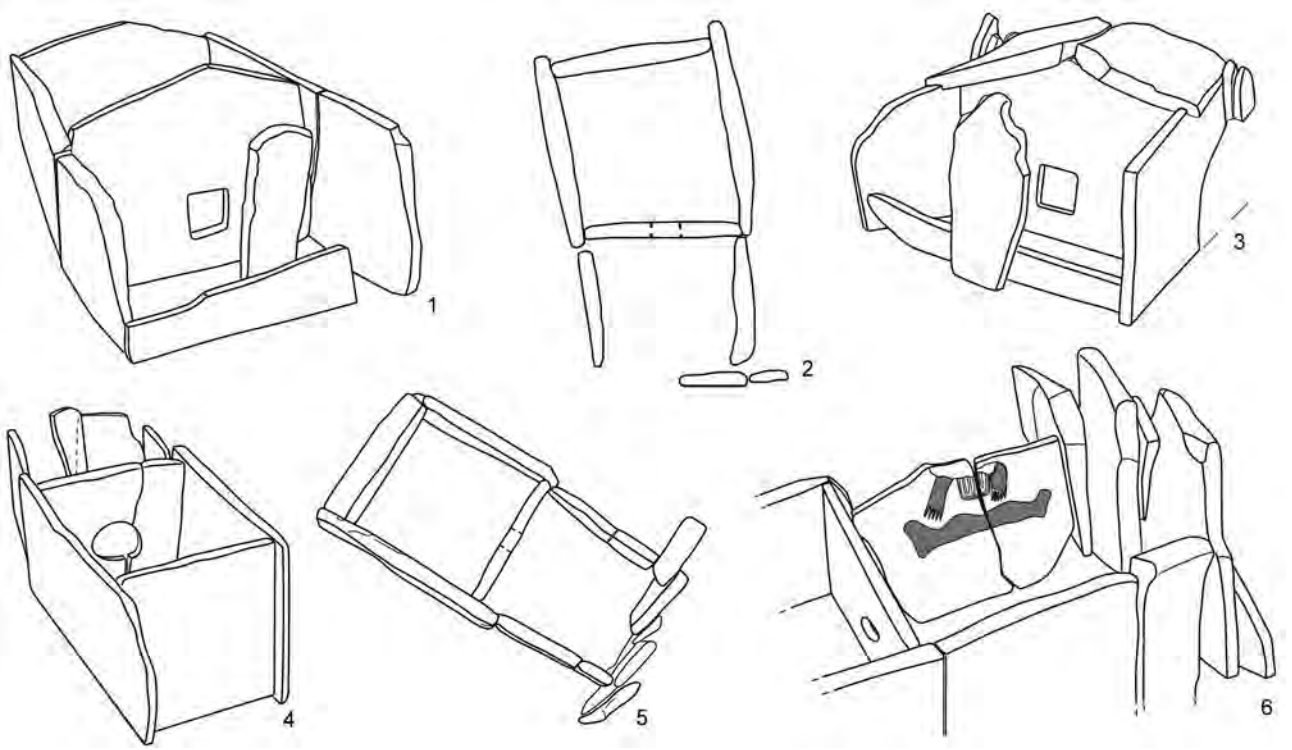


Рис. 3. Конструкция аванкамер новосвободненских гробниц могильника Клады: *1* — курган 26; *2* — курган 27; *3* — курган 30; *4* — курган 31; *5, 6* — курган 28

Fig. 3. Construction of the antechamber of the Novosvobodnaya tombs of the Klady burial mound: *1* — barrow 26; *2* — barrow 27; *3* — barrow 30; *4* — barrow 31; *5, 6* — barrow 28

увидел открытые в насыпи плиты стен, фасад и треугольные плиты перекрытия этого сооружения. На мой взгляд, Виктор Анатольевич ошибается, полностью доверяя сообщению Н. Л. Каменева. Полагаю, что Н. Л. Каменев обнаружил дольмен неограбленным, иначе перекрытие было бы сброшено, а инвентарь не остался бы на полу камеры *in situ*. Да и раскапывать дольмен снаружи Н. Л. Каменев не стал, только, сбросив перекрытие, расчистил камеру и собрал вещи на ее полу. Поэтому стены дольмена еще стояли вертикально к приезду Е. Д. Фелицына. Зато насыпь скрывала устройство дольмена (а именно то, что его стены были вкопаны вокруг плиты пола), и Е. Д. Фелицыну пришлось для рисунка к книге «домыслить» уникальную конструкцию.

Периодизацию дольменной культуры невозможно рассматривать без учета предшествующих мегалитических памятников Западного Кавказа. Это, в первую очередь, мегалитические гробницы могильника Клады у ст. Новосвободной, которые прежде относили к позднему этапу майкопской культуры раннего бронзового века. А. Д. Резепкин (2012. С. 100) отнес гробницы к III этапу выделенной им новосвободненской культуры. Две гробницы под курганами 26 и 27 были раскопаны Н. И. Веселовским в 1898 г., а три других (под курганами 28, 30 и 31) исследованы А. Д. Резепкиным в 1979–1987 гг. Раскопанные Н. И. Веселовским гробницы были доследованы А. Д. Резепкиным и В. А. Трифоновым.

А. Д. Резепкин впервые установил конструкцию гробниц. Их стены были вкопаны в грунт (без фундамента) и поддерживались снаружи каменными насыпями, доходившими до перекрытий. Поперечные плиты погребальных камер зафиксированы в пазах боковых стен. Гробницы имели плоское или двускатное перекрытие. В передней плите погребальной камеры пробито отверстие. К торцам боковых плит погребальной камеры приставлены стены аванкамеры (термин «аванкамера» применял Н. И. Веселовский). Аванкамера всегда короче погребальной камеры. Погребальная камера и аванкамера были перекрыты отдельными плитами. На дно погребальной камеры уложена каменная плита. Гробницы перекрыты земляными насыпями с плоской вершиной. Мы обратили внимание, что аванкамеры гробниц не имели сплошной передней стены (рис. 3).

У гробниц с двускатной крышей (курганы 26 и 30) на месте передней стены горизонтально уложены узкие плиты высотой 0,4 м (рис. 3, *1, 3*). Перед аванкамерами гробниц с плоским перекрытием (курганы 27 и 31) были установлены плиты, перекрывавшие только половину расстояния между их боковыми стенами (рис. 3, *2, 4*). По центральной оси гробниц были установлены каменные «столбы» (рис. 3, *1, 3, 4*), на которые опирались спереди перекрытия аванкамер (курганы 26, 30 и 31; *Резепкин*, 2012. С. 29, 33, 36, рис. 60, *3*; 69, *3*; 183, *2*; 188, *2*). Перед аванкамерой гробницы кургана 28 установлены «внахлест» пять плит. Эти плиты возвышались над боковыми стенами и не могли служить опорой для перекрытия аванкамеры (рис. 3, *5, 6*). У всех гробниц перегораживающие аванкамеру плиты приставлены снаружи к торцам стен (не закреплены в пазах боковых стен), а перекрытие аванкамеры опиралось спереди только на каменный «столб».

Важно отметить, что отсутствие у аванкамер передней поперечной стены сближает конструкции гробниц новосвободненской культуры и портальных дольменов. Аванкамеры гробниц новосвободненской культуры, как и притворы наземных дольменов, не использовались для совершения захоронений. Вероятно, доступ к гробнице оставался открытым. Позднее аванкамера перегораживалась, а сама гробница полностью перекрывалась насыпью. Аванкамеры гробниц с двускатной крышей закладывались камнями, как и притворы портальных дольменов под курганами 11, 39 и 40 могильника Клады.

В. И. Марковин первым заметил сходство конструкций аванкамер новосвободненских гробниц и притворов портальных дольменов (*Марковин*, 1994. С. 231). К такому же выводу пришли В. А. Трифонов и Н. И. Шишлина (*Трифонов, Шишлина*, 2014; *Trifonov*, 2022), доследовав гробницу с двускатной крышей могильника Клады. Уточнение конструкций гробниц затрудняет разрушение перекрытий аванкамер из-за отсутствия опоры (передней стены).

Кроме гробниц могильника Клады к мегалитическим памятникам с инвентарем новосвободненской культуры относятся еще два неординарных по конструкции наземных сооружения на Черноморском побережье. М. К. Тешев исследовал в русле р. Псыбе гробницу прямоугольной формы, сложенную из вкопанных в грунт каменных плит (*Тешев*, 1986). В фасадной плите пробито отверстие, закрытое снаружи узкими плитами. Боковые стены не имели пазов. На полу камеры насыпаны «гравий и песок». Стены поддерживались вертикальными плитами-контрфорсами и, вероятно, подковообразной насыпью. Торцы боковых стен выступают перед фасадной плитой на 1 м, образуя «притвор» (рис. 2, *3, 4*). В гробнице Псыбе были обнаружены останки более семи человек, последовательно захороненных в положении на боку скорченно. Сопровождающий инвентарь относится ко II этапу новосвободненской культуры, по А. Д. Резепкину (этап Костромская-Иноземцево). С гробницами новосвободненской культуры постройку Псыбе сближают отсутствие фундамента, позы погребенных и инвентарь. В то же время сооружение Псыбе, как и дольмены, служило склепом.

В. А. Трифоновым в русле р. Шепси был раскопан еще один памятник с признаками подкурганных гробниц и дольменов. Стены «протодольмена» Шепси были вкопаны в грунт и поддерживались снаружи подковообразной насыпью. Камера слабо трапециевидной формы. На боковых стенах отсутствуют пазы. В фасадной плите пробито отверстие, предположительно закрытое каменной плиткой. Перед фасадом установлены плиты, вероятно, предотвращающие от осыпания края прохода в насыпи. Пол в камере вымощен плоскими камнями (рис. 2, *5, 6*). На полу камеры были погребены два человека в положении на боку скорченно с инвентарем II этапа новосвободненской культуры (по А. Д. Резепкину). Выше, в заполнении камеры, были обнаружены разрозненные останки еще 18 человек (*Trifonov et al.*, 2014. P. 747). Открытие «протодольмена» Шепси служит весомым аргументом в пользу единства мегалитической традиции Западного Кавказа, поскольку доказывает одновременность возведения наземных и подкурганных гробниц (*Ibid.*; *Trifonov*, 2022. P. 250).

Ряд признаков демонстрирует преемственность древнейших сооружений с материалами новосвободненской культуры и портальных дольменов, например, слабо трапециевидная форма камеры и ее использование в качестве склепа. Пазы в стенах есть у гробниц могильника Клады (III этап новосвободненской культуры, по А. Д. Резепкину) и у наземных дольменов. Форма отверстий гробниц могильника Клады (квадратная и круглая) также совпадает с формой отверстий портальных дольменов. На полу могил новосвободненской культуры и дольменов часто насыпан гравий. Как и гробницы новосвободненской культуры, портальные дольмены изредка перекрыты насыпями с плоскими вершинами. Преемственность гробниц новосвободненской

культуры и дольменов прослеживается также в пикетажной технике обработки плит и шлифовке пазов в стенах каменными абразивами. Наконец, инвентарь гробниц Псыбе и Шепси (II этап новосвободненской культуры, по А. Д. Резепкину) такой же скудный и «рядовой», как и в дольменах. Следовательно, мегалиты новосвободненской культуры могли послужить прототипами для строителей портальных дольменов.

Для уточнения периодизации кавказских дольменов необходимо обратить внимание на раскопки могильников Усть-Сахрай (*Джанхот, Ловпаче*, 1999) и Шушук (*Резепкин*, 2019) в бассейне р. Белой. Исследованные здесь дольмены, на наш взгляд, принадлежат к позднему этапу дольменной культуры. Архитектура построек демонстрирует признаки «размывания» мегалитической традиции и упадка строительной техники. Дольмены имеют средние и малые размеры, собраны из разных по толщине небрежно обработанных плит. Камеры короткие, трапециевидные в плане, у части построек нет опорных камней. В отличие от «классических» портальных дольменов, приставные плиты перед постройками Усть-Сахрая тоньше и ниже боковых стен. В этих дольменах обнаружены артефакты позднего бронзового века.

Были предложены различные гипотезы происхождения дольменной культуры и периодизации мегалитов. В. И. Марковин полагал, что идея сооружения дольменов была принесена на Кавказ мигрантами из Средиземноморья либо местными жителями в ходе морских экспедиций. Дольменная культура сосуществовала с майкопской культурой, и строители дольменов сооружали гробницы для вождей майкопских племен (*Марковин*, 1997). Периодизацию кавказских мегалитов В. И. Марковин представлял следующим образом. Наиболее древними являются плиточные ящики без отверстия, за ними следуют гробницы Новосвободной, портальные дольмены, дольмены с портальными выступами, плиточные дольмены Абхазии. Позднее появляются плиточные и составные дольмены с трапециевидной камерой и корытообразные дольмены, а завершают эволюционный ряд составные дольмены подковообразной и круглой формы и дольмены-монолиты (*Марковин*, 1994. С. 229–240). В. И. Марковин первым отметил новации, примененные строителями для повышения устойчивости наземных дольменов: фундамент из опорных камней и трапециевидность камеры (*Марковин*, 1978. С. 201).

А. Д. Резепкин отдает предпочтение миграционной гипотезе, разделяя кавказские мегалиты на две различные по происхождению группы. Новосвободненские гробницы являются репликой европейских галерейных гробниц культуры воронковидных кубков. Наземные дольмены восходят к купольным гробницам средиземноморской культуры лос миларес. И новосвободненские гробницы, и дольмены являются конечным результатом эволюции соответствующих европейских построек уже на Кавказе. Периодизация дольменов по А. Д. Резепкину выглядит следующим образом. Сначала были возведены сооружения с подковообразной в плане камерой, напоминающие купольные гробницы (дольмен 528 на р. Кизинке, дольмены 1 и 2 в Гузерипле). Камера перекрыта массивной плитой. Выступы боковых стен с отдельным перекрытием являются рудиментарными остатками от ведущего к камере коридора. В дольмене 528 найден каменный столб — аналог опор для перекрытия коридорных гробниц. Позднее камеры большинства подковообразных сооружений приобрели трапециевидную форму, а их стены стали возводить из массивных плит. Приставные плиты коридора заменяются портальными выступами боковых стен камеры. Камеры других подковообразных дольменов приобретают круглую в плане форму. На этом этапе возводили и другие типы дольменов: составные, корытообразные и монолиты (*Резепкин*, 2012. С. 96, 97). Согласно автохтонной гипотезе происхождения кавказских мегалитов строителями дольменов являлись предки современных абхазо-адыгских и картвельских племен. Первые дольмены были возведены на Черноморском побережье Кавказа.

К сторонникам автохтонной гипотезы присоединился В. А. Трифонов, высказавший предположение, что прототипами для гробниц и дольменов могли послужить постройки для хранения запасов (амбары) местного населения (*Трифонов*, 2001; *Trifonov et al.*, 2014. P. 751). По мнению исследователя, на Кавказе существовала единая мегалитическая традиция (*Трифонов*, 2001. С. 48). Уже на первом этапе эволюции одновременно возводились несколько основных разновидностей мегалитических памятников — «типовые проекты». Для отличия социально значимых сооружений могильника Клады от многочисленных менее грандиозных построек исследователь использует термины «индивидуальный проект» и «типовая застройка». В. А. Трифонов разделяет мнение В. И. Марковина, что применение каменного фундамента является прогрессивной новацией

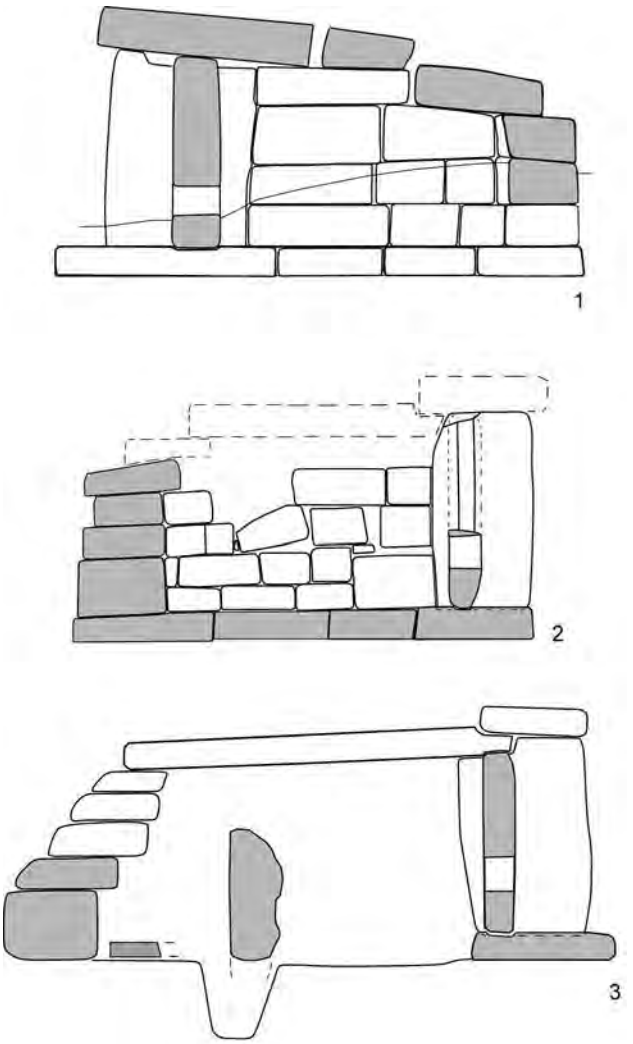


Рис. 4. Подковообразные дольмены с портальными выступами: *1* — Гузерипль, дольмен 1; *2* — Гузерипль, дольмен 2; *3* — Кизинка, дольмен 528 (реконструкция)

Fig. 4. Horseshoe-shaped dolmens with portal protrusions: *1* — Guzeripl, dolmen 1; *2* — Guzeripl, dolmen 2; *3* — Kizinka, dolmen 528 (reconstruction)

в мегалитическом строительстве на Кавказе. По вопросу периодизации дольменов точка зрения исследователя менялась. Сначала В. А. Трифонов полагал, что более древние круглые составные сооружения трансформировались в плиточные постройки трапециевидной формы (*Там же*. С. 29). Однако после раскопок «протодольмена» Шепси он признал самыми древними памятниками дольменной культуры плиточные сооружения трапециевидной формы (*Трифонов*, 2021; *Trifonov,* 2022; *Trifonov et al.*, 2014).

Предложенные схемы периодизации памятников дольменной культуры содержат противоречия. Так, составные подковообразные сооружения (рис. 4), напоминающие средиземноморские купольные гробницы, не могут быть древнейшими кавказскими дольменами, поскольку имеют регулярный фундамент и портальные выступы боковых стен. Использование регулярного фундамента справедливо рассматривается в качестве прогрессивной новации, внедренной уже в процессе строительства дольменов на Кавказе. Портальные выступы на боковых стенах дольменов, согласно мнению А. Д. Резепкина, появились в ходе эволюции более древних сооружений с приставными плитами. Поэтому подковообразные дольмены с фундаментом и выступами боковых стен должны располагаться в эволюционном ряду вслед за портальными дольменами без фундамента. Подковообразный дольмен 1 из Гузерипля имеет выступ только на одной из боковых стен камеры (рис. 4, *1*). В результате плита его перекрытия была уложена с перекосом и раскололась. Это может свидетельствовать о сравнительно поздней хронологической позиции дольмена среди сооружений с выступами стен. По мнению В. А. Трифонова, схемы эволюции мегалитов остаются умозрительными построениями, пока нет независимой датировки различных типов дольменов (*Трифонов,* 2001. С. 30). В недавно вышедшей работе (*Trifonov*, 2022) ученый наиболее полно представил современное состояние исследований мегалитического феномена Западного Кавказа. Эта работа, несомненно, представляет новый этап в осмыслении дольменной культуры. Разделяю главную мысль автора о единстве кавказской мегалитической традиции (*ibid*. P. 250). Не удивлен тому, что наши с Виктором Анатольевичем взгляды совпадали, ведь доказательства преемственности в конструкциях новосвободненских гробниц и наземных дольменов мной были получены при работах в отряде А. Д. Резепкина на могильнике Клады (1980–1990). Все же (в отличие от В. А. Трифонова) я отмечал признаки преемственности дольменной культуры от новосвободненской и предшествующей энеолитической (*Рысин*, 1992; 1997).

Полагаем, что можно предложить обоснованную периодизацию памятников дольменной культуры, если рассматривать появление каменного фундамента, фиксирующих пазов и трапециевидной формы камеры в качестве прогрессивных новаций в эволюции кавказских мегалитов.

В таком случае в начало типологического ряда следует поместить сооружения без каменного фундамента, с прямоугольной либо слабо трапециевидной в плане камерой: Псыбе, Шепси и

гробницы могильника Клады (рис. 2, *3–6*; 5, *1–3*). Древность этих сооружений подтверждается обнаружением в них инвентаря новосвободненской культуры. Признак наиболее древних сооружений новосвободненской культуры — неправильная форма отверстий в фасадной плите (рис. 5, *1*). Позднее, у гробниц могильника Клады, отверстия приобретают квадратную и круглую форму.

За гробницами новосвободненской культуры следует расположить портальные дольмены, стены которых установлены прямо на грунт или на необработанные плоские камни: Кизинка, дольмены 74, 75, 112, 229, 305, 497, 509; Клады, курган 11, погребение 54; курган 40, погребение 10 (*Марковин*, 1978. С. 72; *Резепкин*, 2012). Камеры этих дольменов слабо трапециевидные. Приставные портальные плиты обычно выше боковых стен камеры. Отверстия в фасадной плите имеют квадратную, круглую и овальную форму (рис. 5, *4*). Мы впервые обратили внимание на редкие портальные дольмены без фундамента, у которых высота приставных портальных плит равна высоте камеры (Кизинка, дольмены 74, 75 и 305; рис. 2, *7, 8*). Эти дольмены на вершине горы Кислая имеют слабо трапециевидную камеру, квадратные (и овальное) отверстия и слабо проработанные пазы на боковых стенах. Упомянутые памятники могут рассматриваться в качестве «пробы пера» на первом этапе строительства наземных дольменов. Этот вариант конструкции не получил развития, поскольку строители старались придать монументальность фасадной части дольмена, увеличивая соотношение высоты портальных плит относительно высоты камеры.

В эволюционном ряду за постройками без фундамента мы помещаем портальные дольмены с регулярным фундаментом и с трапециевидной камерой (рис. 5, *5*). Немногочисленные сооружения с портальными выступами боковых стен имеют регулярный фундамент, камеры трапециевидной формы, а по пропорциям камер они шире и короче архаичных портальных дольменов без фундамента (рис. 5, *7*).

Памятники с выступами боковых стен возводили, вероятно, одновременно с портальными постройками с фундаментом. К этому же этапу мы относим дольмены с портальными выступами и подковообразной камерой (рис. 5, *6*).

За перечисленными памятниками располагаются наиболее распространенные плиточные дольмены с регулярным фундаментом. Камеры этих дольменов трапециевидные в плане и в разрезах, а их боковые стены часто поддерживают наклонные контрфорсы (рис. 5, *8*).

Таким образом, мы предполагаем следующие последовательные этапы в эволюции кавказских мегалитических построек: сначала отсутствие фундамента и пазов в стенах; затем появление пазов в боковых стенах камеры; позднее использование в качестве опоры для стен плоских необработанных камней; наконец, применение регулярного фундамента с пазами для фиксации стен. Переход к использованию регулярного фундамента сопровождался изменением формы камеры: слабо трапециевидная удлиненная камера сменяется трапециевидной, короткой и широкой с увеличенным размером фасада. Одновременно с плиточными стали возводить составные дольмены с трапециевидной камерой. Это подтверждает имитация на фасаде таких дольменов выступающих торцов боковых стен (рис. 5, *9*).

Вслед за В. И. Марковиным к позднему этапу дольменной культуры мы относим также корытообразные постройки и монолиты, на фасаде которых воспроизведена портальная ниша плиточных сооружений (*Марковин*, 1978. С. 184). Изменение облика приставных плит перед фасадами «протодольмена» Шепси, «классических» портальных дольменов и поздних построек Усть-Сахрая отражает процессы эволюции мегалитической архитектуры.

На начальном этапе мегалитического строительства плиты перед фасадом «протодольмена» Шепси имели разную толщину, располагались между боковыми стенами и были ниже боковых плит камеры. Здесь невысокие приставные плиты выполняли утилитарную функцию, облицовывая стены коридора в насыпи (рис. 2, *6*). У «классических» наземных дольменов массивные портальные плиты приставлены к торцам стен камеры, они тщательно обработаны, возвышаются над камерой и перекрыты отдельной плитой. Здесь приставные плиты формируют пространство притвора и придают монументальность фасадной части постройки. На позднем этапе строительства (Шушук, Усть-Сахрай) приставные плиты ниже боковых стен камеры и изготовлены из разных по размерам грубо сколотых камней. Иными словами, на «закате» дольменной культуры функция приставных плит вновь сводится к облицовке коридора в насыпи (рис. 5, *10*).

Предложенная нами периодизация мегалитов Кавказа может быть проверена по форме отверстий (рис. 5). Выясняется, что периодизация

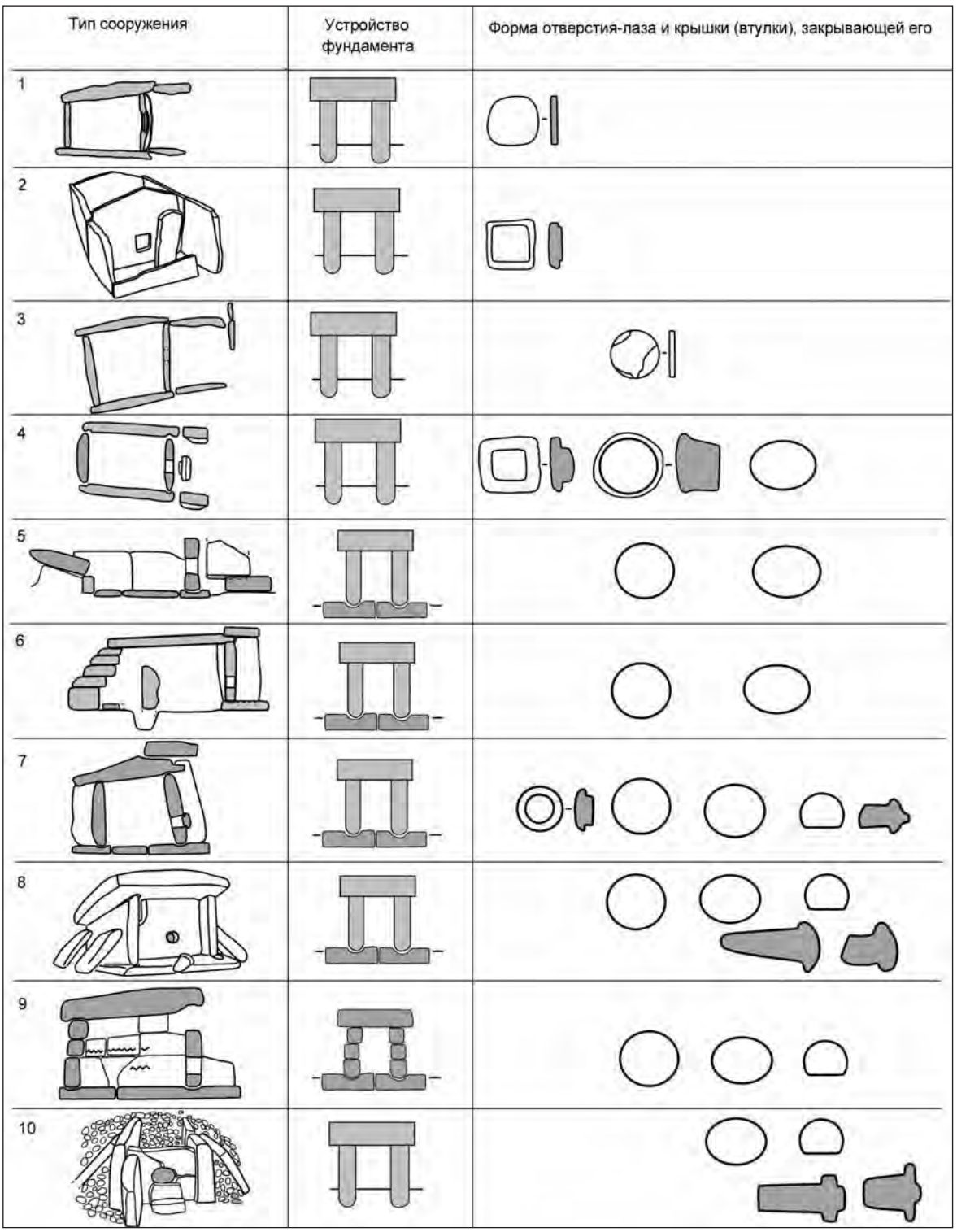


Рис. 5. Взаимосвязь типов сооружений, фундамента и формы отверстия: *1* — Шепси; *2* — Клады, курган 26; *3* — Клады, курган 27; *4* — Клады, дольмен кургана 40, погребение 10; *5* — Кизинка, дольмен 497; *6* — Кизинка, дольмен 528; *7* — Клады, дольмен с выступами стен кургана 39, погребение 2; *8* — Эшера, дольмен 1; *9* — Адербиевка, составной дольмен 2; *10* — Усть-Сахрай, дольмен 7

Fig. 5. The correlation between the types of structures, foundations and the shape of the aperture: *1* — Shepsi; *2* — Klady, barrow 26; *3* — Klady, barrow 27; *4* — Klady, dolmen of the barrow 40, burial 10; *5* — Kizinka, dolmen 497; *6* — Kizinka, dolmen 528; *7* — Klady, dolmen with wall projections of barrow 39, burial 2; *8* — Eshera, dolmen 1; *9* — Aderbievka, composite dolmen 2; *10* — Ust-Sakhray, dolmen 7

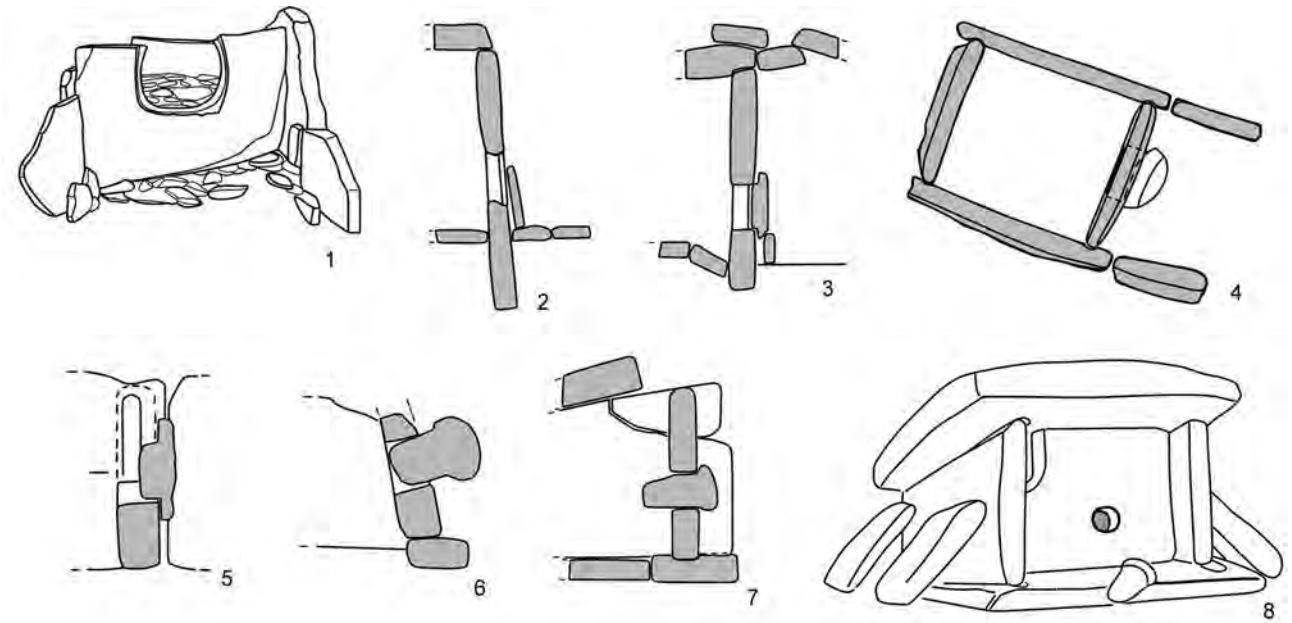


Рис. 6. Взаимосвязь типов сооружений и формы крышек (втулок): *1* — Шепси; *2* — Клады, курган 28; *3* — Клады, курган 30; *4* — Клады, дольмен кургана 40, погребение 10; *5* — Кизинка, дольмен 74; *6* — Кизинка, дольмен 112; *7* — Кизинка, дольмен 54; *8* — Эшера, дольмен 1

Fig. 6. The correlation between the types of constructions and the shape of lids (sleeves): *1* — Shepsi; *2* — Klady, barrow 28; *3* — Klady, barrow 30; *4* — Klady, dolmen of the barrow 40, burial 10; *5* — Kizinka, dolmen 74; *6* — Kizinka, dolmen 112; *7* — Kizinka, dolmen 54; *8* — Eshera, dolmen 1

коррелирует с изменением формы отверстий. Квадратные отверстия имелись только у построек без каменного фундамента: у новосвободненских гробниц с двускатной крышей, сооружения с шатровой крышей и портальных дольменов (рис. 3, *1*; 5, *2, 4*). Квадратные отверстия отсутствуют у дольменов с регулярным фундаментом, корытообразных построек и монолитов (исключение — портальный дольмен могильника Клады, курган 40 погребение 1, со слабо трапециевидной камерой). Отверстия арочной формы встречаются только у построек с регулярным фундаментом и корытообразных. Отверстия круглой и овальной формы встречаются у сооружений разных типов, следовательно, такие формы отверстий «нечувствительны» к хронологическим изменениям.

Поскольку квадратные отверстия имеются на памятниках новосвободненской культуры — это признак хронологически ранней группы мегалитов, что подтверждает более раннюю позицию дольменов без фундамента. Более поздние сооружения имеют регулярный фундамент и арочные отверстия. На закате дольменной культуры дольмены снова стали возводить без опорных камней и, как правило, с отверстиями арочной формы (рис. 5, *10*).

Периодизацию памятников можно проверить и по тенденции к изменению крышек для отверстий (рис. 5; 6). У построек новосвободненской культуры без фундамента крышки двух видов: плоские плитки (рис. 6, *1*, *2*) или втулки с коротким стержнем 5–12 см (рис. 6, *3*). У портального дольмена без фундамента с круглым отверстием (Клады, курган 40, погребение 10) —втулка с коротким стержнем 25 см (рис. 6, *4*); у портального дольмена с опорным камнем только под фасадной плитой (Кизинка, 112) втулка также со стержнем 25 см (рис. 6, *6*). У дольменов с регулярным фундаментом отверстия закрыты втулками грибообразной формы с длинным стержнем (больше толщины фасадной плиты; рис. 6, *7, 8*). Тенденцию в изменении формы крышек от плиток к грибообразным втулкам впервые отметил В. И. Марковин (*Марковин*, 1978. С. 81), а исследования А. Д. Резепкина выявили «промежуточную» позицию втулок с коротким стержнем. Наблюдение за формами втулок дает аргументы, с одной стороны, в пользу относительно ранней хронологической позиции портальных дольменов без регулярного фундамента, у которых (как в случае гробниц могильника Клады) сохранились квадратные втулки с коротким стержнем (рис. 6, *5*), а с другой, в пользу поздней — для дольменов с регулярным

фундаментом (с длинными втулками), так как на поздней стадии дольменной культуры втулки только длинные (рис. 5, *10*). Таким образом устанавливается, что форма втулок дольменов может служить хронологическим индикатором. Из этого может последовать, в частности, вывод о хронологически относительно более поздней позиции дольменов Абхазского региона, где известны плиточные дольмены только с длинными втулками.

Предложенную периодизацию подтверждает прямая стратиграфия дольменов различных типов, зафиксированная А. Д. Резепкиным в курганах 39 и 40 могильника Клады (*Резепкин*, 2012. С. 48). Основным в кургане 40 был портальный дольмен без фундамента с камерой слабо трапециевидной формы, а впускным был также портальный дольмен с камерой слабо трапециевидной формы, но с регулярным фундаментом. В кургане 39 основным было сооружение без фундамента с шатровой крышей, а впускным — дольмен с регулярным фундаментом и с трапециевидной камерой. На бóльшую древность построек без фундамента указывает и то, что такие дольмены (в рядах с сооружениями других типов) всегда занимают центральное и наиболее высокое место (см.: *Марковин*, 1978. С. 86).

Пространственный анализ показывает, что наиболее древние мегалитические памятники новосвободненской культуры без фундамента располагаются на Черноморском побережье (Псыбе, Шепси) и в Закубанье (Клады). Наиболее древние портальные дольмены без фундамента найдены только в Закубанье (Клады, Кизинка; рис. 1), где, вероятно, сформировалась дольменная культура. Большинство портальных дольменов с фундаментом (около 30) сосредоточено на Кизинке. В бассейне р. Белой по три-четыре портальных дольмена обнаружено на могильниках Клады, Богатырской и Дегуакской полянах. В остальных пунктах найдено только пять одиночных портальных дольменов. Концентрация портальных дольменов в бассейнах рек Белая и Ходзь свидетельствует о существовании здесь центра дольменной культуры на раннем этапе. Здесь же расположены поселения Дегуакское и Старчики. Немногочисленные сооружения с портальными выступами боковых стен (включая дольмены с подковообразной камерой) найдены также в границах ареала дольменной культуры раннего этапа (Богатырская поляна, Гузерипль, Дегуакская поляна, Кизинка, Клады, Хамышки). В других районах известны лишь три постройки с выступами стен (Псынако I, гора Хунагет, Шапсугская). Плиточные (обычные) и корытообразные дольмены равномерно распространены по ареалу дольменной культуры.

Кавказские дольмены демонстрируют элементы сходства с мегалитическими сооружениями в удаленных от Кавказа регионах. Однако эти постройки разделяют тысячи километров и сотни лет. Вероятно, строители мегалитов в разных регионах независимо друг от друга приходили к сходным конструктивным решениям. Уникальные особенности кавказских дольменов (пазы для фиксации стен, шатровое перекрытие, колонна с капителью, арочная форма отверстия) являются результатом творчества местных строителей. Кавказские памятники сопоставимы со средиземноморскими гробницами только по отдельным элементам своей архитектуры. Подковообразные дольмены отличаются от пиренейских гробниц отсутствием насыпи, «коридора» и фасадом с отверстием (*Там же*. С. 149). На наш взгляд, отсутствие где-либо точных копий кавказских дольменов и разнообразие самих построек можно объяснить только с позиции автохтонного происхождения дольменной культуры. Древнейшие мегалитические гробницы II этапа новосвободненской культуры обнаруживают сходство с гробницами ее III этапа и с наиболее архаичными портальными дольменами без фундамента, что свидетельствует о преемственности в развитии мегалитической архитектуры от новосвободненской культуры к дольменной культуре. Весь известный инвентарь дольменной культуры имеет местный кавказский облик, опровергая гипотезу о смене населения в результате миграции. В то же время в керамике из поселений дольменной культуры нами зафиксированы отдельные черты, свойственные посуде Восточного Средиземноморья и Закавказья (*Рысин*, 1997). Вероятно, параллели в керамических комплексах и в конструкциях мегалитических сооружений появились при непосредственных контактах. В эпоху бронзы население Кавказа участвовало в дальнедистанционных связях, сопровождавшихся обменом вещами и идеями. Полагаем, что феномен мегалитического строительства дольменной культуры является результатом адаптации средиземноморских и местных традиций (наследия новосвободненской культуры). При этом разнообразие кавказских памятников свидетельствует о творческих поисках местных строителей, которые не опирались на какой-либо один привнесенный извне прототип.

Александровский, Бирина, 1987 — *Александровский А. Л., Бирина А. Г.* Эволюция серых лесных почв Предгорий Северного Кавказа // Почвоведение. 1987. № 8. С. 28–39.

Александровский и др., 2022 — *Александровский А. Л., Чендев Ю. Г., Юртаев А. А.* Почвы со вторым гумусовым горизонтом и палеочерноземы как свидетельства эволюции педогенеза в голоцене на периферии лесной зоны и в лесостепи (обзор) // Почвоведение. 2022. № 2. С. 147–167.

Джанхот, Ловпаче, 1999 — *Джанхот И. Ю., Ловпаче Н. Г.* Новые дольменные памятники Западной Черкесии. Майкоп: Изд-во Адыгейского ГУ, 1999. 60 с.

Дольмены…, 2001 — Дольмены — современники древних цивилизаций / Ред. Ю. Ю. Пиотровский. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 2001. 128 с.

Захаров, 1935 — *Захаров С. А.* Борьба леса и степи на Кавказе // Почвоведение. 1935. № 3–4. С. 500–545.

Лавров, 1960 — *Лавров Л. И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского ИЯЛИ. Сухуми: Абхазский ИЯЛИ, 1960. Вып. 31. С. 101–178.

Литвинская, 2017 — *Литвинская С. А.* Ценотическое разнообразие степей северо-западной части Большого Кавказа // Ботанический вестник Северного Кавказа. 2017. № 3. С. 48–58.

Марковин, 1978 — *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 329 с.

Марковин, 1994 — *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994 (Археология СССР). С. 226–253.

Марковин, 1997 — *Марковин В. И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: б. и., 1997. 404 с.

Резепкин, 2012 — *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012 (Труды ИИМК РАН; Т. XXXVII). 344 с.

Резепкин, 2019 — *Резепкин А. Д.* Дольмены могильника Шушук. Спектральный анализ металла, хронология // Вестник Московского гос. областного ун-та. 2019. № 5. С. 125–141.

Рысин, 1992 — *Рысин М. Б.* Закубанье в эпоху средней бронзы (по материалам поселений предгорной зоны): Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1992. 27 с.

Рысин, 1997 — *Рысин М. Б.* Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. Ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1997 (Археологические изыскания; Вып. 46). С. 85–123.

Рысин, 2004 — *Рысин М. Б.* Дольмены Кавказа и ландшафт // Древний Кавказ: ретроспектива культур: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Е. И. Крупнова (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). 15–19 марта 2004 г.: Тез. докл. М.: ИА РАН, 2004. С. 169–171.

Тешев, 1986 — *Тешев М. К.* Гробница Псыбе — памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье // Новое в археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука, 1986. С. 52–57.

Трифонов, 2001 — *Трифонов В. А.* Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены — современники древних цивилизаций / Ред. Ю. Ю. Пиотровский. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 2001. С. 20–55.

Трифонов, 2021 — *Трифонов В. А.* Шатровый дольмен у станицы Царская, 1869 г., Северо-Западный Кавказ: конструкция и археологический контекст // АВ. 2021. Вып. 32. С. 433–446.

Трифонов, Шишлина, 2014 — *Трифонов В. А., Шишлина Н. И.* Дольмены у станицы Царской, раскопанные Н. И. Веселовским в 1898 г.: архивные материалы // Археологический сборник. М.: ГИМ, 2014 (Труды ГИМ; Вып. 201). С. 19–37.

Фелицын, 1904 — *Фелицын Е. Д.* Западно-Кавказские дольмены // Материалы по археологии Кавказа. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1904. Вып. IX. С. 1–88.

Яковлев, 1914 — *Яковлев С. А.* О деградации черноземов в западной части Северного Кавказа // Почвоведение. 1914. Т. 16, № 4. С. 1–20.

Trifonov, 2022 — *Trifonov V. A* The Bronze Age megaliths in the Caucasus: development trajectory of the architecture and the funeral practice // Megaliths of the World / Eds. L. Raporte, J.-M. Large. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 2022. Ch. 38. P. 837-851.

Trifonov et al., 2014 — *Trifonov V. A., Zaitseva G. I., van der Plicht J., Sementsov A. A., Kazarnitsky A., Burova N. D., Rishko S. A.* Shepsi, The oldest dolmen with port-hole slab in the western Caucasus // Radiocarbon, 2014. Vol. 56, no. 2. P. 743–752.

The problems of periodization and origin of dolmen culture monuments in the Western Caucasus (part 1)

M. B. Rysin[2]

Keywords: Caucasus, periodization of Caucasian dolmens, genesis of culture

The periodization of Caucasian megaliths proposed by the author is based on V. I. Markovin's point that the foundation and trapezoidal chamber were progressive innovations in the dolmens' construction. The structures without stone foundations with the inventory of the Novosvobodnaya culture are placed at the beginning of the typological series (fig. 2; 3; 5). The earliest structures of the dolmen culture were portal dolmens without foundations with a weakly trapezoidal chamber (fig. 3, *7, 8*; 5, 4). Portal dolmens with a foundation and trapezoidal chamber are further in the typological series (fig. 5, *5*). Portal dolmens are followed by the most widespread tile dolmens with foundations, composite and trough-shaped dolmens. The proposed periodization correlates with the change in the apertures' shape (fig. 5). It is suggested that the dolmen culture developed as a result of adaptation of local (heritage of Novosvobodnaya culture) and Mediterranean megalithic traditions.

[2] Mikhail B. Rysin - independent researcher; St Petersburg, Russian Federation; e-mail: rymibor@yandex.ru.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Богатое погребение из раскопок 1940 г. Центрального городища в Гнёздове[1]

Н. А. Кренке, Т. В. Столярова[2]

Аннотация. *В статье представлена коллекция находок из комплекса с золотыми и серебряными вещами, открытого при раскопках 1940 г. на Центральном городище в Гнёздове. Рассмотрена документация, сопровождающая коллекцию, и версии интерпретации этого комплекса, приведены аргументы в пользу того, что это было погребение в яме. Набор вещей позволяет ориентировочно определить дату погребения: вторая — третья четверти X в. Набор вещей отсылает к древностям Средней Швеции, за исключением одной подвески, типичной для местной культуры длинных курганов. Однако ее принадлежность к комплексу вызывает сомнения. Исключительное богатство инвентаря погребения указывает на то, что оно принадлежало представительнице высшего слоя сообщества в Гнёздове.*

Ключевые слова: *золотые украшения, стиль «Терслев», викинги, волюты, Гнёздово.*

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-219-229

Данная работа является продолжением статьи о раскопках 1940 г. на Центральном городище в Гнёздове (*Гиблова, Кренке*, 2024), в которой была опубликована сохранившаяся отчетная документация об экспедиции, подробно рассмотрен весь ход раскопок, приведены выдержки из дневника начальника экспедиции, проанализированы разрез культурного слоя городища и вещевой комплекс. В этой статье мы хотим сосредоточиться на уникальном событии того полевого сезона — открытии женского погребения на площадке городища, относительно которого многие вопросы до недавнего времени оставались нерешенными или спорными, в том числе это касалось интерпретации материала разными исследователями и судьбы коллекции находок.

Решение о проведении экспедиции 1940 г. мы находим в личном деле Н. В. Андреева: провести археологические работы в Гнёздове с 4 по 25 июля 1940 г. приказал директор Смоленского пединститута (с разрешения Института истории АН СССР[3]). К раскопкам должны быть привлечены 10 студентов-историков, доцент Н. В. Андреев (в качестве начальника экспедиции), Е. А. Калитина (старший научный работник Смоленского областного музея) и консультанты-археологи Н. П. Милонов и А. П. Смирнов (А. П. Смирнов в итоге не смог приехать)[4]. По окончании работ, согласно приказу, необходимо было написать отчет, предоставить его на рассмотрение ученого совета института, а в кабинете организовать выставку работ экспедиции (Архив Смоленского ГУ. Св. 14. Арх. 9). Последний пункт этого

[1] Кренке Н. А. выполнил свою часть исследования в рамках работы по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

[2] Кренке Н. А. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург; Институт географии РАН; Москва, РФ; e-mail: nkrenke@mail.ru. Столярова Т. В. — Смоленский государственный музей-заповедник; Смоленск, Россия; e-mail: anasazi03@inbox.ru.

© Кренке Н. А., Столярова Т. В., 2025

[3] Такая формулировка в приказе по Смоленскому пединституту. На самом деле разрешения на раскопки в 1940 г. выдавал полевой комитет при Институте истории материальной культуры АН СССР.

[4] За месяц до этого, 13 июня 1940 г., Н. В. Андреев защитил в Московском пединституте кандидатскую диссертацию по теме «Великий Гнёздовский могильник», где А. П. Смирнов и Н. П. Милонов выступали в качестве официальных оппонентов (материалы личного дела Н. В. Андреева).

приказа для нас очень важен, потому что позволяет пролить свет на дальнейшую судьбу коллекции из раскопок 1940 г.

Весь июль экспедиция находилась в поле, о чем свидетельствует не только дневник начальника экспедиции, но и внимание журналистов. В том же месяце в смоленской газете «Рабочий путь» появились четыре заметки, где участники раскопок рассказывали о своих открытиях (в номерах 159 от 13 июля, 163 от 18 июля, 164 от 19 июля, 169 от 25 июля). Открытость в освещении работ на этом и закончилась, а вместе с ней пропала и ясность в судьбе найденных вещей. Неизвестно, куда же отправились на хранение находки. В Смоленском музее не удалось пока обнаружить никаких организационных документов об участии в экспедиции 1940 г. Опись же находок (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 171. Л. 1–13) насчитывает примерно 2210 предметов, что сопоставимо с полноценной коллекцией любого крупного городища Смоленской области. Однако в довоенной книге поступлений (далее КП) указано, что в музей прибыли всего 18 предметов (Книга учета Смоленского областного краеведческого музея за 1940–1946 гг. № 30001–30950. Л. 74, 75). Вот их описание, которое мы приводим дословно: «1) СОМ № 30169 19/XI 40 г. (сейчас СОМ 5488/1. — *Примеч. авт.*). Монета золотая византийского императора Александра 912–913 гг. На лицевой стороне сцена коронования императора с двумя фигурами в рост и кругом надпись. На обороте вверх ногами по отношению к лицевой стороне И. Христос, стоящий на престоле и надпись. Найдена в ЦГ Гнездова на глубине 2-х метров на участке 7/г экспедицией 1940 г. 2) СОМ № 30170 (сейчас СОМ 5488/2-18. — *Примеч. авт.*). Коллекция из археологических раскопок ЦГ в Гнёздово Смоленской области и района. Объединенная экспедиция СОГМ и Пединститута в 1940 г. июле месяце под рук. Н. В. Андреева от пединститута и Е. А. Калитиной от Смолоблмузея. 17 шт.».

Еще в КП указано, что вещи отошли историческому отделу и приняты в музей по акту № 36 от 16/XI 1940 г., опись 2/1. Сам акт не сохранился, но осталась рукописная передаточная опись. Здесь мы не будем приводить ее полностью, укажем лишь, что помимо монеты в нее вошли позолоченная подвеска (1 экз.), золотые подвески (4 экз.), золотое кольцо с бусиной (1 экз.), дирхемы (3 экз.), серебряные подвески (2 экз.), пряжка серебряная (1 экз.), цепочка серебряная (1 экз.), пуговица серебряная (1 экз.), ложка костяная (1 экз.), подвеска трапециевидная (1 экз.), фибула бронзовая (1 экз.). Набор вещей, указанный в КП, выглядит несколько странно. Он производит впечатление случайного. В нем не все вещи из погребения (о вещевом составе погребения см. далее), не все индивидуальные вещи из раскопа в целом, даже не все найденные вещи из драгоценных металлов! Больше в КП нет никаких указаний, что в музей прибыли ящики с керамикой, костями и индивидуальными предметами. Авторы предполагают, что остальная часть коллекции поступила в пединститут. Именно из нее Н. В. Андрееву нужно было составить отчетную выставку в кабинете истории.

Начавшаяся война внесла свои коррективы. Музейную часть коллекции из раскопок 1940 г. успели эвакуировать из Смоленска в 1941 г., и она в настоящее время выставлена в экспозиции Смоленского государственного музея-заповедника. Видимо, пропала часть документации, сопровождавшей раскопки. В научном архиве ИИМК РАН отсутствуют полевые фотографии (о том, что фотосъемка велась, мы знаем из дневника раскопок). Сохраняется незначительный шанс обнаружения фотографий в Германии, так как по поручению представителя рейхскомиссариата «Остланд» археолога Карла Энгеля Е. А. Калитина делала дубликат отчета о раскопках 1940 г. в Гнёздове, но судьба этой ее работы неизвестна (ЦГАВОВУ Украины, Киев. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 153. Л. 475). Коллекция из пединститута пропала полностью, сейчас о ее местопребывании ничего неизвестно.

Уникальная находка погребения с золотыми и серебряными вещами, сделанная на Центральном городище в Гнёздове в 1940 г., сразу привлекала к себе внимание. Этот погребальный комплекс и до настоящего времени остается едва ли не самым богатым по количеству золотых вещей из всех известных в пределах Киевской Руси. Еще во время раскопок Н. П. Милонов отправил краткий отчет в ИИМК АН СССР, адресованный М. И. Артамонову и В. В. Гольмстен, предлагая сделать доклад «не позднее как в сентябре месяце 1940 г.» (*Гиблова, Кренке*, 2024. С. 292). Информация о том, состоялся ли доклад, отсутствует, но по результатам раскопок, видимо, еще до начала Великой Отечественной войны была подготовлена статья в журнал «Краткие сообщения ИИМК» (*Андреев, Милонов*, 1945). К работе подключилась М. А. Тиханова, написавшая экспертное заключение о входившей в комплекс подвеске, сделанной из золотой монеты византийского императора Александра (*Тиханова*, 1945). Нужно отметить, что подготовка статьи

к печати, видимо, проходила в Ленинграде, и авторы раскопок не принимали в ней активного участия. Во всяком случае в публикации неверно указаны инициалы Н. В. Андреева, а фамилия хранителя археологических фондов Смоленского музея Е. А. Калитиной, одной из трех руководителей проекта, вообще отсутствует[5]. Также в публикацию не вошли две иллюстрации — прорисованные тушью изображения трех золотых и одной серебряной подвесок и фотография дирхемов и бронзовой трапециевидной подвески типа смоленских длинных курганов (последняя подвеска, возможно, не имела отношения к погребению, см. далее). Образцы этих иллюстраций каким-то образом оказались подшиты к отчету (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 170. Л. 26). Текст заметки, опубликованной в КСИИМК, опирается на отчет Н. В. Андреева, поступивший в архив ИИМК РАН (Там же. Д. 170–172).

В 1996 г. золотые находки из раскопок 1940 г. Центрального гнёздовского городища экспонировались на выставке «Путь из Варяг в Греки и из Грек…» в Историческом музее в Москве (Путь из Варяг в Греки…, 1996).

Неожиданным образом раскопки 1940 г. получили свое завершение в 2008 г. Т. А. Пушкина заложила раскоп 26 вплотную к раскопу 1940 г., и в слое под дерном, в отвале 1940 г., были обнаружены еще три вещи, относившиеся к комплексу погребения, — две золотые подвески, идентичные найденным ранее, в том числе сделанная из номизмы императора Александра, и серебряная пуговица (*Пушкина и др*., 2011). Эти новые находки затем дважды публиковались (*Пушкина и др*., 2012; *Пушкина, Ениосова*, 2012). Причины пропуска находок в 1940 г. очевидны. Работы 1940 г. велись в очень быстром темпе, с 7 часов утра несколько рабочих и студентов снимали культурный слой лопатами сразу на глубину 30 см без ручной переборки. Лишь после обнаружения 11 июля первой золотой подвески началось просеивание грунта, о чем упомянуто в дневнике раскопок (*Гиблова, Кренке*, 2024. С. 294).

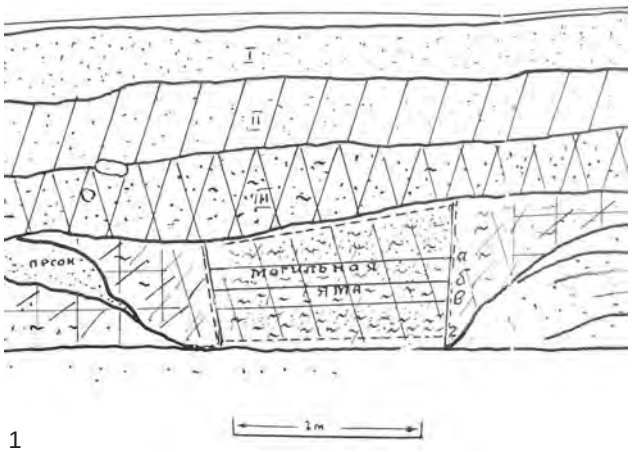
Анализ золотых украшений, найденных на Центральном городище в 1940 г., был сделан Владиславом Дучко, ведущим специалистом по шведским украшениям, выполненным в технике зерни и филиграни (*Duczko,* 2004. P. 180, 181). Его работу продолжила Н. В. Ениосова (*Ениосова*, 2007; 2015; *Eniosova*, 2007). Их статьи ценны, прежде всего, тщательным описанием морфологических и технологических особенностей изделий, подобранными европейскими аналогиями, ссылками на специальную литературу. С исчерпывающей полнотой рассмотрена одна из находок комплекса — серебряная фибула в стиле «Терслев».

Однако тему нельзя считать исчерпанной. Во-первых, в перечисленных публикациях нет анализа археологического контекста и состава комплекса и предлагаются противоречащие друг другу варианты его интерпретации: 1) погребение (*Eniosova*, 2007), 2) разрушенный курган (*Ениосова*, 2007), 3) клад (*Пушкина и др*., 2012), уточняющая версия: клад в сожженной постройке (*Ениосова*, 2015). Во-вторых, некоторые аспекты стилистическо-искусствоведческого описания украшений требуют корректировки. Этим двум сюжетам и посвящена настоящая статья. В-третьих, без должной детализации остались пока некоторые характеристики самих вещей, в частности, следы их износа. В-четвертых, в последние годы были найдены новые комплексы золотых украшений в Дании и Эстонии, которые имеют значение для нашей темы.

Первый вопрос, на который необходимо ответить, — погребение ли было раскопано на Центральном городище? Такие версии, как «разрушенный курган» или «сожжение в доме», отпадают: ни малейших следов спланированной курганной насыпи на площадке городища не было обнаружено ни в 1940 г., ни при последующих раскопках. Эта версия, видимо, восходит к ошибочным воззрениям Д. А. Авдусина образца 1953 г. (*Авдусин*, 1953), что гнёздовский могильник был кладбищем Смоленска, а поселений рядом с курганами вообще не было. Теперь критиковать эту гипотезу не имеет смысла, потому что уже давно ясно, что городище — это именно укрепленное поселение.

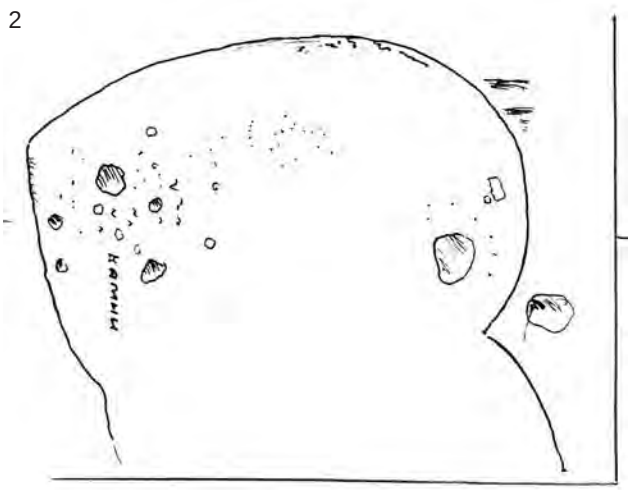
Сожжение в доме — версия, перекликающаяся с сюжетом известной исландской саги о Ньяле, в которой глава семьи вместе со своей женой добровольно отказались выходить из горящего и осажденного врагами дома. Ей противоречит то, что в профиле восточного борта раскопа четко зафиксирована могильная яма на участках квадратов Г, Д-10 (рис. 1). Более того, было выполнено четыре чертежа фиксации этой ямы в плане на разных уровнях, которые представлены в чертежной документации отчета (рис. 2). Дневниковые записи также подтверждают наличие ямы, внедренной в нижний слой городища.

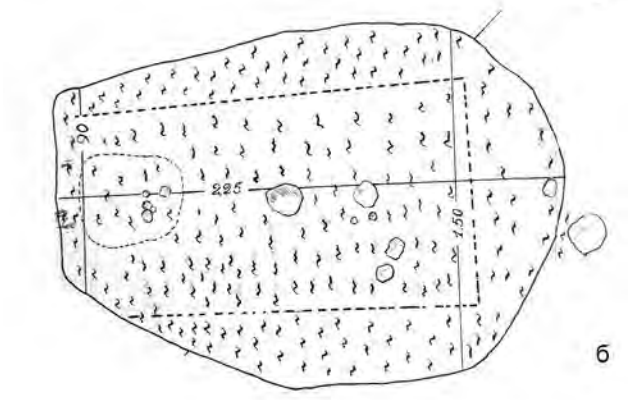
[5] Е. А. Калитина сделала все возможное для обеспечения сохранности археологических коллекций Смоленского музея в годы оккупации, но затем была обвинена в коллаборационизме (оправдана в 1954 г.).

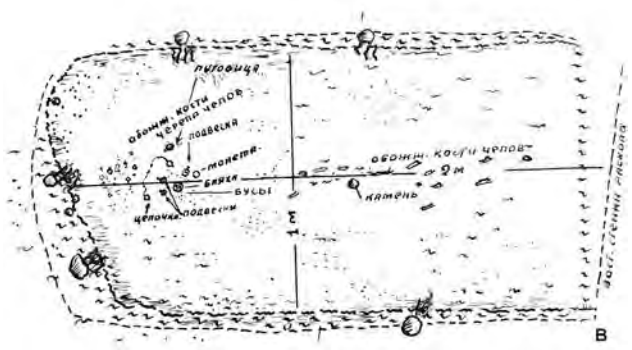


1

2







Версию клада также приходится признать маловероятной с учетом имеющихся чертежей. Действительно, украшения из золота и серебра были сконцентрированы на относительно небольшом участке, но этот участок был в пределах большой продолговатой ямы размерами 1 × 2 м. Украшения не были сконцентрированы в одном месте, а распределялись так, как могли лежать на теле умершей — ожерелье с подвесками ближе к голове относительно круглой фибулы, лежавшей в центре груди (?) в 40 см от скопления костей черепа. Наличие самих этих костей противоречит версии клада. На чертеже, составленном для горизонта зачистки на глубине 1,4 м (чуть выше уровня находок), прослеживается сплошной слой угля и золы. Здесь же показан пунктиром какой-то контур, в пределах которого были найдены украшения, но считать этот пунктир границами ямы малых размеров все же нет достаточных оснований.

Таким образом, версия «погребение в яме» остается наиболее вероятной и соответствующей чертежной документации. Размеры ямы по дну 1 × 2 м (так на чертеже, в тексте дневника даны несколько большие — 2,45 × 1,50 м (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 170. Л. 15)) при глубине около 1 м от горизонта, с которого яма была выкопана. В верхней части яма шире, судя по профилю, она плавно сужалась книзу, прорезав нижний культурный слой, в котором была зафиксирована преимущественно лепная керамика (рис. 1, *1*). Само погребение охарактеризовано авторами работ как «неполное сожжение». Детальное описание отсутствует. Яма перекрыта III культурным слоем с находками X в., то есть она не относилась

Рис. 1. Центральное городище в Гнёздове по отчету 1940 г.: *1* — фрагмент профиля восточной стенки раскопа 1940 г. на участке Г, Д-10: *I* — песчаный слой с находками XVII в.; *II* — песчаный слой с находками XII в.; *III* — темно-серый с углями слой IX–X вв.; *IV* — нижний углистый слой до IX в. (*а, б, в* — уровни фиксации планов); *2* — планы ямы погребения на уровнях *а, б, в*

Fig. 1. The Gnezdovo Central settlement according the 1940 report: *1* — a profile's fragment of the eastern wall of the 1940 excavation in the area Г, Д-10: *I* — a sandy layer with the finds of the 17th cen.; *II* — a sandy layer with the finds of the 12th cen.; *III* — a dark-grey layer with the carbons, the 9th–10th cen.; *IV* — a lower carbon layer earlier than the 9th cen. (*а, б, в* — levels of the schemes' fixation); *2* — schemes of the burial's pit on the levels *а, б, в*

[*1* — НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 3; *2* — Там же. Л. 22–24]

к финалу «гнёздовского»[6] этапа жизни городища (рис. 2). Важно и то, что на чертеже обозначены кости черепа, рядом с которыми лежали украшения. Из дневника следует, что верх костей черепа был чуть выше горизонта залегания украшений. Кроме того, там же отмечено, что в ногах погребения был найден фрагмент амфоры («толстостенная красная керамика с полосатым орнаментом»[7]) и остатки зерен пшеницы — «каши» (*Гиблова, Кренке*, 2024. С. 294). Судя по дневнику, на дне ямы по периметру были прослежены обгоревшие остатки деревянного погребального сооружения (авторы раскопок колебались в его интерпретации, называя «гробом» под знаком вопроса).

Каков же состав комплекса? Неполный перечень предметов представлен в публикации 1945 г. (*Андреев, Милонов*, 1945. С. 27). Как уже отмечалось, три украшения оказались в отвале и были найдены лишь в 2008 г. Надо думать, что они лежали рядом с остальными. На чертеже в отчете 1940 г. (рис. 1, *2*, *в*) обозначены и подписаны семь находок, которые поддаются идентификации с вещами, хранящимися в коллекции: 1) «цепочка» на чертеже — это цепочка с фибулой на одном конце и завязанным колечком на другом (СОМ 5488/18); 2) «монета» — это золотая монета-подвеска (солид) императора Александра с пробитым отверстием (СОМ 5488/1), но без ушка (ушко отсутствует и на фотографии в публикации 1945 г.) (можно отметить, что отверстия в обеих монетах, найденных в 1940 и в 2008 г., были сделаны совершенно в одном и том же месте, а на лицевых сторонах присутствовало изображение императора Александра и Иисуса Христа); 3) «бляха» — это серебряная фибула в стиле «Терслев» (СОМ 5488/12), при сравнении фото 1945 г. и ее современного вида видны некоторые утраты, произошедшие за время хранения; 4) «пуговица» — серебряная полая пуговица с гроздью зерни на конце (СОМ 5488/13); 5–7) «подвески» — три подвески с ушком. Судя по дневнику раскопок, одна золотая подвеска была найдена чуть выше уровня фиксации погребения, ее, видимо, на плане нет. В музейной коллекции находятся шесть подвесок, и сравнение текста дневника с чертежом позволяет утверждать, что изображенные на чертеже три подвески — это четырехугольная подвеска (СОМ 5488/7), круглая золотая подвеска (одна из двух подвесок, украшенных тремя парными волютами, видимо, СОМ 5488/6) и «малая серебряная подвеска» (СОМ 5488/10?). Надпись «бусы» трудно сопоставить с конкретными находками. На фотопланшете из отчета (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 69) представлена низка бус, обозначенных «из просева» под номерами 5 и 6 (рис. 2, *8*). Видимо, это из погребения, в коллекции они не сохранились.

В дневнике при описании погребения еще упоминаются находки обрезков дирхемов.

К отчету о раскопках 1940 г. приложена полевая опись (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 171), которая начинается с наиболее ценных находок из погребения, локализованных в квадратах 6, 7-Г на глубине 1,5 м. Опись напечатана на пишущей машинке не очень грамотной машинисткой, которая писала «амфара» и «латинизированный» вместо «патинированный». Подписана опись Н. В. Андреевым. Судя по ней, в погребении кроме вышеупомянутых вещей были найдены пять фрагментов дирхемов, серебряная пряжка, еще одна серебряная подвеска и пластинчатая бронзовая подвеска, золотое колечко с нанизанной на него синей бусиной (представлена в публикации 1945 г., СОМ 5488/4), серебряное кольцо под номером 20. Это серебряное колечко (фибула с обломанными концами?) идентифицируется с фотографией из отчета (рис. 2, *7*). В описи имеется уточнение относительно бусин. Под номером 32 указаны бусины «из просева погребения», среди них: «6 синих, 1 зеленая, 2 желтых, 3 серых, 2 с патиной, одна пятиярусная цилиндрическая, 3 мастиковых, 2 оранжевых» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 171. Л. 3). Эти бусины опознаются на фото из отчета (рис. 2, *8*). Еще из просева погребения указан железный наконечник стрелы (№ 65), его надежная идентификация с изображениями на фотопланшетах отчета затруднена. Зато она возможна для медной подвески, указанной в описи под номером 14, место находки — кв. 7-Г, глубина 1,5 м, то есть из погребения (?). Эта подвеска изображена на фотопланшете в отчете (рис. 2, *10*). Нельзя исключить, что данная вещь относилась не к погребению, а к подстилавшему слою, в который погребение было впущено.

Важно отметить, что костяная ложка, которая в некоторых публикациях фигурирует совместно с золотыми вещами, судя по описи и первой публикации, не имела отношения к погребению: она была найдена в кв. 3-А на глубине 1,7 м. Возможно, не относилась к погребению медного сплава

[6] Здесь подразумевается, что был еще древнерусский этап жизни поселения XII–XIII вв. и польский XVII в.

[7] В музейной описи обозначена как «амфора» под № 541, 548-е место находки, кв. 9-Г, глубина 145, 150 см.

Рис. 2. Металлические украшения и стеклянные бусы из раскопок 1940 г. (*1–10*) и 2008 г. (*11*) погребения на Центральном городище в Гнёздове: *1* — фибула типа «Терслев»; *2* — фибула с цепочкой и кольцом на втором конце; *3* — подвеска с зооморфным изображением; *4* — подвеска с треугольной композицией волют; *5* — подвеска с «узлом Боуэна»; *6, 11* — пуговицы; *7* — кольцо (фибула с обломанными концами?); *8* — бусы; *9, 10* — подвески. *1–7, 11* — серебро; *8* — стекло; *9, 10* — медный сплав. *9, 10* отнесены к комплексу погребения условно. Масштаб: *а* — для 9; *б* — для остальных

Fig. 2. Metal ornaments and glass beads from the 1940 (*1–10*) and excavations (*11*) of the burial in the Gnezdovo Central settlement: *1* — a "Terslev" type fibula; *2* — a fibula with a chain and a ring on the other end; *3* — a pendant with a zoomorphic image; *4* — a pendant with a triangular volutes' composition; *5* — a pendant with the "Bowen knot"; *6,11* — buttons; *7* — a ring (a fibula with the broken ends?); *8* — beads; *9, 10* — pendants. *1–7, 11* — silver; *8* — glass; *9, 10* — copper alloy. *9, 10* are provisionally referred to the burial's complex. Scale: *а* — for *9*; *б* — for the rest

трапециевидная подвеска (рис. 2, *9*), принадлежащая к древностям смоленских длинных курганов. В описи она фигурирует под номером 140, найдена при просеве, но не указано, что это просев земли из погребения. Правда, в первой публикации данная подвеска перечисляется в составе вещей из погребения (*Андреев, Милонов*, 1945. С. 27).

Обломки серебряных монет, приуроченных авторами раскопок к погребению, недавно были определены и опубликованы С. Ю. Сергеевым (*Сергеев*, 2023). Оказалось, что среди этих обломков один относится к сасанидской драхме, один — ранний дирхем конца VIII — начала IX в. (точнее не определяется), три дирхема, чеканенных в 791/792, 812/813, 824/825 гг. (*Там же*).

Таким образом, вещевой комплекс погребения может быть восстановлен почти полностью с некоторыми оговорками, что допускает вероятность ошибочного включения в него некоторых вещей, лежавших просто в слое, в который погребение было впущено. Видимо, погребенная была облачена в несколько слоев одежды. Верхнюю (зимнюю?) скрепляла серебряная фибула с цепочкой и кольцом на втором конце (рис. 2, *2*). Следующий слой — накидку — скрепляла на груди серебряная фибула типа «Терслев» (рис. 2, *1*). На шее было ожерелье, включавшее бусы и шесть золотых (две из них — солиды императора Александра) и две серебряные подвески. Нижнюю одежду на груди застегивала маленькая серебряная фибула (рис. 2, *7*). Золотое колечко с бусиной (рис. 3, *6*), возможно, использовалось в ожерелье либо как серьга (височное украшение?). В ногах лежала амфора. Рядом с погребением — обломки пяти серебряных монет и две бронзовые подвески (?).

Вопрос о датировке погребения не может быть решен однозначно, но рамки не столь широки — в пределах 50 лет. Судя по монетам, погребение может относиться ко второй четверти X в. (не старше). Датировка золотых подвесок достаточно расплывчата. Прототипы известны, по крайней мере, с VI в. (*Clemmensen*, 2014). Фибулу в стиле «Терслев» на основании технологических особенностей и находки почти тождественной в одном из гнёздовских курганов (Ц-198) Н. В. Ениосова отнесла к третьей четверти X в. (*Ениосова*, 2015. С. 176). Нам трудно судить, насколько точна эта хронологическая привязка и не может ли дата быть более ранней, то есть относиться ко второй четверти X в. Хайдемари Айльбрахт, автор основополагающей работы об украшениях с зернью эпохи викингов (*Eilbracht*, 1999), любезно ознакомившись с иллюстрациями к данной статье, высказала предположение, что все пять золотых подвесок датируются первой половиной — серединой X в. (письмо от 16.01.2025). Стратиграфические данные показывают, что вторая — третья четверти X в. вполне приемлемы, так как погребение перекрыто «гнёздовским» слоем (рис. 1, *1*).

Важно также указать, что золотые подвески могут быть разделены на две группы. Первая группа включает четырехугольную и малую округлую подвески (рис. 3, *1, 2*). У них одинаковым образом украшена дужка крепления (S-видным завитком скани, или сдвоенной перекрученной волютой). На круглой подвеске отсутствует зернь (выпала?), на квадратной — значительные утраты зерни и утраченный фрагмент в нижней части выпуклого конуса.

Три более крупные подвески (рис. 3, *3–5*) обнаруживают полное сходство между собой, но отличаются от малой круглой подвески деталями — характером расположения сдвоенных волют и оформлением дужки (у них дужку украшает вертикальный ряд шариков зерни, и по бокам у ее основания имеются два выступа, также украшенные зернью). Эти подвески почти не имеют утрат зерни[8]. Данные два варианта оформления дужек представлены также в шведском могильнике Бирка (*Arbman*, 1940. Taf. 98). Следовательно, можно предположить, что мы видим здесь два набора украшений, один из которых носили дольше. Таким образом, либо погребенная была зрелого возраста, либо владелица украшений получила их по наследству.

Отметим, В. Дучко писал про гнёздовские золотые подвески: «…сравнение форм и способов изготовления филиграни не оставляют сомнений в том, что эти подвески были изготовлены одним и тем же мастером, который сделал три круглые и ромбовидные серебряные подвески из погребений Бирки № 758, 901, 1161» (*Duczko,* 2004. P. 180).

В набор украшений входит позолоченная серебряная подвеска с зооморфным изображением (рис. 2, *3*). Эта подвеска по типологии, предложенной А. С. Дементьевой, относится к редкому типу AV, варианту 1, каталожный номер 69 (*Дементьева*, 2007. С. 257). А. С. Дементьева датирует данную подвеску концом X — началом XI в. (*Там же*. С. 257), но эта дата взята из каталога выставки (Путь из Варяг в Греки..., 1996. С. 57), где аргументация отсутствует. Видимо, она слишком поздняя.

[8] В музейной описи 1940 г. утраты зерни фиксировались, так что предположение об утратах в процессе хранения можно отвергнуть.

Рис. 3. Золотые украшения из раскопок погребения на Центральном городище в Гнёздове: *1–5* — подвески; *6* — кольцо с бусиной; *7а, 7б* — монета-подвеска (солид императора Александра). *1–4, 6, 7а, 7б* — из раскопок 1940 г.; *5* — из раскопок 2008 г.

Fig. 3. Gold ornaments from the burial's excavations in the Gnezdovo Central settlement: *1–5* — pendants; *6* — a ring with a bead; *7a, 7б* — a coin-pendant (emperor Alexander's solidus). *1–4, 6, 7a, 7б* — from the 1940 excavations; *5* — from the 2008 excavations

[*5 — Пушкина и др.*, 2012]

Серебряная подвеска, в центре которой изображена непрерывная замкнутая линия, расположенная так, что получается квадрат, а снаружи по его углам — петли (рис. 2, *5*), находит аналогию в подвеске из погребения 844 могильника Бирка (*Arbman*, 1940. Taf. 99, *12*). Изображение «квадрата с петлями»[9] присутствует на готландском камне из Хаблингбо (Hablingbo), который датируется 400–600 гг. н. э. На территории Киевской Руси параллели неизвестны[10].

Множество аналогий в могильнике Бирка (*Ibid.* Taf. 123, *18*; 122, *16*) бусине, надетой на завязанное колечко (рис. 3, *6*).

Наконец, серебряная подвеска с тремя двойными волютами (рис. 2, *4*), образующими треугольную композицию, такую же, как на четырех

[9] Этот символ известен также как «узел Боуэна», популярный в современной культуре скандинавских стран и Эстонии, где является логотипом для обозначения памятников культуры.

[10] Авторы благодарят А. С. Дементьеву за консультацию.

золотых подвесках (рис. 3, *2–5*); дужка у серебряной подвески оформлена, как у малой золотой (рис. 3, *2*). Ей имеется множество аналогий в материалах эпохи викингов (*Duczko*, 1985. P. 33), прежде всего в Скандинавии и особенно в Швеции (17 экземпляров было известно к 1985 г.), в могильнике Бирка они найдены в трех погребениях (*Ibid.* P. 35). На территории Киевской Руси также обнаружены в нескольких пунктах, в том числе в большом Гнёздовском кладе 1868 г. (*Гущин*, 1936. Табл. 4, *19, 20*), могильнике Дрегли на р. Сяси (*Торопов*, 2014. Рис. 6, *5*).

Таким образом, комплекс вещей отсылает нас к Швеции, на что указывали еще В. Дучко и Н. В. Ениосова, предположившие на основе анализа деталей декора, что гнёздовские подвески и фибула в стиле «Терслев» были изготовлены ювелиром из района Средней Швеции (*Ениосова*, 2015. С. 175).

При стилистическом описании золотых подвесок Н. В. Ениосова следовала за польско-шведским археологом Владиславом Дучко (Wladiclad Duczko), который предложил свою терминологию (*Duczko*, 1985. P. 33). Эта схема описаний вполне приемлема, но ее недостатком является то, что она не показывает стилистического единства оформления подвесок[11]. В основе декоративной схемы оформления подвесок лежат волюты (спирали, завитки). Эти волюты, обычно двойные, соединены в различные композиции. Самой распространенной является соединение трех двойных волют, образующих треугольник; на втором месте по частоте встречаемости — «перекрученная инверсия» волют (S-видная форма); на третьем — простое симметричное отражение волют, когда ось симметрии расположена вертикально, а противолежащие друг другу волюты соединены вертикально же расположенной узкой петлей. В целом декоративная система филигранно-зерненных украшений гнёздовского погребения (рис. 2; 3) основана на сочетании волют. Как уже отмечалось, самый распространенный мотив — три двойные волюты, образующие треугольник. Эти украшения эпохи викингов непосредственно восходят к украшениям периода переселения народов или германскому железному веку. Именно такие золотые подвески были найдены в вотивном кладе в Ютландии, обнаруженном в болоте совсем недавно (*Clemmensen*, 2014).

Среди новых находок в близкой к рассматриваемому гнёздовскому комплексу (и тождественной серебряным украшениям гнёздовского клада 1868 г.) стилистике (в основе — завиток) можно привести клад золотых привесок из Эссо (Esso, Virumaa — *Tvauri*, 2012). В состав эстонского набора входила также золотая арабская монета 864/865 гг.

Таким образом, набор золотых украшений из погребения на Гнёздовском городище очень редок, но не уникален. Близкие по составу и количеству предметов комплексы встречаются. В одной из работ Н. В. Ениосова предполагала, что гнёздовский комплекс изготовлен в середине — конце X в. ювелирами, связанными с датским королевским домом (*Eniosova*, 2007. P. 140), в другой статье она указывает на ювелиров Средней Швеции (*Ениосова*, 2015). Наша компетенция недостаточна, чтобы обсуждать эти предположения.

М. А. Тиханова высказывала предположение, что набор золотых монет и украшений гнёздовского погребения мог быть как-то связан с походом Олега на Константинополь (*Тиханова*, 1945. С. 30). Вполне вероятно. Важно также отметить, что две византийские монеты-подвески 912 г. могли являться свидетельством крещения их владелицы (или владелиц!) (см.: *Мусин*, 2022).

Можно лишь утверждать определенно, что женщина, погребенная на Центральном городище, была ближайшей родственницей «самого главного» конунга этого поселения, который не поскупился на золото. Можно также обратить внимание на то, что в погребении отсутствуют «этноопределяющие» скорлупообразные фибулы, то есть погребенная не была одета в традиционную скандинавскую одежду с лямками. Наконец, богатой женщине скандинавского происхождения вряд ли был нужен местный «сувенир» — медного сплава трапециевидная подвеска, типичная для смоленских длинных курганов. Но все-таки предполагать, что погребенная была представительницей местного населения, слишком рискованно, это не позволяет уровень надежности полевой документации.

На особое общественное положение погребенной, в частности, указывает место погребения в западной, самой защищенной, части поселения. Ведь здесь, вероятно, стоял дом-резиденция, или холл[12], и место властителя, наверное, также было в самой защищенной (удаленной от напольного вала) западной части поселения. Причины, по которым погребение было совершено не под курганом на курганном поле, а в доме или рядом с домом, остаются неизвестными. Может быть,

[11] Н. В. Жилина предложила называть этот стиль «завитковым», отмечая его скандинавскую принадлежность (*Жилина*, 2012. С. 263–265).

[12] О планировке Центрального городища в Гнёздове будет возможно судить лишь после публикации материалов раскопок 1950–2000-х гг.

потому что это происходило зимой, возможны и другие причины. Однако особенно удивляться этому редкому решению не нужно, так как погребенная была, видимо, совершенно уникальным членом сообщества.

Благодарности

Авторы благодарят за консультации и советы А. С. Дементьеву (ИА РАН), Е. В. Каменецкую, В. Ю. Сергеева (Смоленск) и Хайдемари Айльбрахт (Берлин), Ингмара Янссона (Уппсала).

Архив Смоленского ГУ. Св. 14. Арх. 9: Личное дело старшего преподавателя кафедры всеобщей истории, доцента Андреева Н. В. 155 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 170: Андреев Н. В. Дневник раскопок на центральном Гнёздовском городище в 1940 г. 41 л.; Д. 171: Андреев Н. В. Опись находок из раскопок Центрального Гнёздовского городища в 1940 г. 13 л.; Д. 172: Андреев Н. В. Чертежи раскопок Центрального Гнёздовского городища в 1940 г., фотографии и рисунки находок. 33 л.

ЦГАВОВУ Украины (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Киев). Ф. 3676: Штаб імперського керівника (рейхсляйтера) Розенберга для окупованих східних областей. Оп. 1. Д. 153: Письмо К. Энгеля к Х. Райнерту от 29 сентября 1942. Л. 473–476.

Авдусин, 1953 — *Авдусин Д. А.* Раскопки Гнёздовских городищ в 1953 году // Вестник Московского университета. 1953. Серия общественных наук. № 11. С. 111–117.

Андреев, Милонов, 1945 — *Андреев Н. В., Милонов Н. П.* Раскопки на Гнёздовском городище в 1940 г. // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 26–28.

Гиблова, Кренке, 2024 — *Гиблова А. А., Кренке Н. А.* Раскопки Центрального городища в Гнёздове в 1940 г. // АВ. 2024. Вып. 44. С. 283–297.

Гущин, 1936 — *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л.: Гос. соц-эк. изд-во, 1936. 86 с.

Дементьева, 2007 — *Дементьева А. С.* «Подвески гнёздовского типа» на территории Древней Руси X–XII вв. // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: ГИМ, 2007. С. 211–271.

Ениосова, 2007 — *Ениосова Н. В.* Золото викингов на территории древней Руси // У истоков русской государственности: Материалы науч. конф. / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Булганин, 2007. С. 307–315.

Ениосова, 2015 — *Ениосова Н. В.* Фибула типа «Терслев» на территории Древней Руси // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, архитектура: Сб. ст. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности севера, 2015. С. 169–179.

Жилина, 2012 — *Жилина Н. В.* Теория влияний и своеобразия на примере древнерусского драгоценного убора // АВ. 2012. Вып. 18. С. 253–281.

Мусин, 2022 — *Мусин А. Е.* Постиконоборческая культура Византии и ее восприятие в процессе христианизации Восточной Европы // Русский средневековый город. Археология. Культура. К юбилею А. В. Чернецова / Отв. ред. И. Ю. Стрикалов; сост. И. Н. Кузина. М.: ИА РАН, 2022. С. 393–419.

Путь из Варяг в Греки…, 1996 — Путь из Варяг в Греки и из Грек... Каталог выставки /Отв. ред. В. Л. Егоров. М.: ГИМ, 1996. 104 с.

Пушкина, Ениосова, 2012 — *Пушкина Т. А., Ениосова Н. В.* Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев; Судак: ТОВ «Горобец», 2012. С. 34–85.

Пушкина и др., 2011 — *Пушкина Т. А., Ениосова Н. В., Шарганова О. Л.* Раскопки Центрального Гнёздовского городища // АО 2008 г. М.: ИА РАН, 2011. С. 199–201.

Пушкина и др., 2012 — *Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В.* Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 243–273.

Сергеев, 2023 — *Сергеев С. Ю.* Восточные монеты из раскопок 1940 г. на Центральном городище Гнёздова // XXII всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. М.: б. и., 2023. С. 52–55.

Тиханова, 1945 — *Тиханова М. А.* Золотая византийская подвеска-монета из женского погребения в Гнездове // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 28–30.

Торопов, 2014 — *Торопов С. Е.* Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильменье: из коллекции Новгородского музея // АВ. 2014. Вып. 20. С. 225–252.

Arbman, 1940 — *Arbman H.* Birka. T. I: Die Gräber. Taffeln. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeri-Aktiebolag, 1940. 282 s.

Clemmensen, 2014 — *Clemmensen B.* Kirkemosegård. Et offerfund med smykker fra ældre germansk jernalder // Kuml. 2014. P. 109–143.

Duczko, 1985 — *Duczko W.* The filigree and granulation work of the Viking Period. An analysis of the material

from Björkö. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985 (Birka V). 118 p.

Duczko, 2004 — *Duczko W.* Viking Rus: studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden; Boston: Brill, 2004. 290 p.

Eilbracht, 1999 — *Eilbracht H.* Filigran — und Granulationskunst im Wikingischen Norden. Köln: Rheinland-Verlag GMBN, 1999. 278 S.

Eniosova, 2007 — *Eniosova N.* Viking Age Gold from Old Rus' // Cultural interaction between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe during the pre- and early history / Eds. U. Fransson et al. Stockholm: Stockholms Universitet, 2007. P. 139–143.

Tvauri, 2012 — *Tvauri A.* The Migration period, Pre-Viking Age and Viking Age in Estonia. Tartu: Tartu University Press, 2012 (Estonian Archaeology; Vol. 4). 377 p.

A rich burial from the excavations of the Gnezdovo Central settlement (1940)

N. A. Krenke, T. V. Stolyarova[13]

Keywords: gold jewellery, Terslev style, Vikings, volutes, Gnezdovo

The article presents a collection of finds from the complex with gold and silver items discovered during the 1940 excavations at the Central settlement in Gnezdovo. The documentation accompanying the collection and versions of interpretation of this complex are considered, arguments in favour of the fact that it was a burial in a pit (chamber) are given. The set of items allows us to tentatively determine the date of the burial: the 2nd–3rd quarter of the 10th cen. The set of items refers to the Middle Swedish antiquities, except for one pendant typical of the local culture of long barrows. However, its belonging to the complex is doubtful. The exceptional richness of the burial inventory indicates that it belonged to a representative of the upper stratum of the Gnezdovo community.

[13] Nikolay A. Krenke — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; St. Petersburg, Russian Federation; Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; e-mail: nkrenke@mail.ru. Tatyana V. Stolyarova — Smolensk State Museum-Reserve; Smolensk, Russia; e-mail: anasazi03@inbox.ru.

AD MEMORIAM

К 100-летию со дня рождения Зои Александровны Абрамовой (1925–2013)

19 марта 2025 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося археолога доктора исторических наук профессора Зои Александровны Абрамовой. На протяжении десятилетий З. А. Абрамова была одним из ведущих сотрудников сектора/отдела палеолита ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН. Исследовательница внесла огромный вклад в развитие нескольких областей науки. Прежде всего это изучение искусства ледниковой эпохи. З. А. Абрамова была крупнейшим в нашей стране специалистом в данной сфере, достойно представляя отечественную археологию на международной арене. Ее перу принадлежит капитальный свод произведений древнейшего искусства, найденных на территории СССР, переведенный на английский язык и в расширенном виде позднее изданный во Франции. Не менее важен вклад З. А. Абрамовой в изучение палеолитических древностей Сибири. На Енисее ею был открыт и изучен ряд первоклассных стратифицированных верхнепалеолитических стоянок; впервые в регионе найдены остатки среднего палеолита. Накопленные в ходе многолетних трудов обширные коллекции памятников Енисея пополнили собрание Кунсткамеры. З. А. Абрамова была автором фундаментальных обобщающих работ по древнекаменному веку Северной Азии, опубликованных в книгах серий «Палеолит мира» и «Археология СССР». Нельзя обойти молчанием значение трудов З. А. Абрамовой для исследования позднего палеолита Русской равнины, прежде всего результаты раскопок стоянки Юдиново в Погарском районе Брянской области с выразительными жилыми сооружениями из костей мамонта, представленными ныне в музейном павильоне. Зоя Александровна являла собой редкое сочетание высочайшего профессионализма и замечательных душевных качеств. Сотрудники отдела палеолита и коллеги из разных городов и стран могли в полной мере оценить ее неизменную доброжелательность, готовность прийти на помощь, интеллигентность. Светлая память о Зое Александровне сохраняется в наших сердцах.

З. А. Абрамова (1925–2013)
Z. A. Abramova (1925–2013)

С. А. Васильев

ХРОНИКА

Всероссийский научный симпозиум “Vita brevis, ars longa” («Жизнь коротка, искусство вечно»)

О. С. Советова, Л. Ю. Китова[1]

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-231-232

4–5 апреля 2024 г. кафедрой археологии Кемеровского государственного университета (КемГУ) был проведен Всероссийский научный симпозиум “Vita brevis, ars longa” («Жизнь коротка, искусство вечно»), посвященный памяти профессора кафедры археологии Я. А. Шера, известного в России и за рубежом специалиста в области первобытного искусства (1931–2019). Этот симпозиум был приурочен к 70-летнему юбилею Института истории и международных отношений (ИИиМО) (исторического факультета) КемГУ. В рамках юбилея в институте проводятся знаковые мероприятия, связанные с яркими страницами его истории. Одним из выдающихся археологов университета был Яков Абрамович Шер, приехавший на кафедру археологии университета по приглашению первого заведующего кафедрой А. И. Мартынова в 1985 г. из Ленинграда и более четверти века проработавший в университете. Все эти годы он развивал одно из направлений мировой археологии, связанное с изучением духовной культуры древних и средневековых народов. Из-под его пера вышли десятки статей, учебных пособий и книг, посвященных различным аспектам первобытного искусства. Им была создана «Лаборатория баз данных», под его научным руководством защищены кандидатские диссертации, он являлся консультантом четырех докторских диссертаций. Я. А. Шер практически до преклонного возраста выезжал на памятники наскального искусства Минусинской котловины, Алтая, Киргизии, Казахстана и других регионов, на протяжении 10 лет (1991–2000) участвовал в реализации российско-французского проекта «Петроглифы Центральной Азии».

Симпозиум был организован при участии Института истории материальной культуры РАН (СПб., директор д-р ист. наук А. В. Поляков) и музея-заповедника «Томская писаница» (Кемерово, директор М. В. Головин). В работе симпозиума приняли участие ученики и коллеги Я. А. Шера из Москвы, Санкт-Петербурга, Алматы, Новосибирска, Красноярска.

Первый день симпозиума начался с приветственных слов руководителей вуза, института и соучредителей, а также З. С. Самашева (Институт археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан). Помимо ученых на пленарном заседании присутствовали студенты-историки ИИиМО, которые с нескрываемым интересом слушали доклады о профессоре Я. А. Шере, его многогранной деятельности, экспедициях, а также познакомились с некоторыми из его соратников и друзей, задали вопросы.

С пленарным докладом выступила д-р ист. наук профессор кафедры археологии Л. Ю. Китова, которая представила вехи жизненного и научного пути Я. А. Шера, сопроводив выступление демонстрацией фотографий, многие из которых были представлены впервые. Она также познакомила участников симпозиума с некоторыми неизвестными архивными материалами о деятельности ученого. Ведущий научный сотрудник научного управления КемГУ д-р ист. наук В. В. Бобров выступил с сообщением «Несколько слов о коллеге и друге», раскрыв интересные стороны деятельности Я. А. Шера, с которым докладчик был знаком многие десятилетия и о котором сохранил самые теплые воспоминания.

[1] Советова О. С., Китова Л. Ю. — Кемеровский государственный университет; Кемерово, Россия; e-mail: olgasovetova@yandex.ru, lyudmila.kitova@mail.ru.

© Советова О. С., Китова Л. Ю., 2025

З. С. Самашев дистанционно представил доклад «Мои встречи с Яковом Абрамовичем», в котором рассказал об их совместных работах. В 1983 г. они впервые встретились в Ленинграде для обсуждения темы и руководства кандидатской диссертацией З. С. Самашева, уже в 1984–1987 гг. работали на раскопках на юге Казахстана, а также на памятниках наскального искусства региона и соседних территорий. В 1994–1996 гг. они вместе с французскими специалистами осуществляли проект ЮНЕСКО «Корпус петроглифов Центральной Азии» в Таласской долине. И это только отдельные эпизоды их личного и творческого содружества.

Со своими воспоминаниями о встречах и совместной работе поделились канд. ист. наук Д. В. Черемисин, ст. науч. сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), канд. ист. наук. Н. С. Ковалева (Кемерово), А. Н. Герасимов (Кемерово) и др. Сотрудники музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ канд. культурологии Н. А. Белоусова и Л. З. Боголепова в совместном докладе охарактеризовали вклад Я. А. Шера в формирование фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, а канд. ист. наук доцент кафедры археологии А. Н. Мухарева представила фотоматериалы Я. А. Шера по наскальному искусству, хранящиеся в музее КемГУ. В этих выступлениях основной акцент был сделан на интереснейшем и богатом фотофонде Я. А. Шера, в котором представлены материалы о раскопках и снимки петроглифов с памятников наскального искусства Минусинской котловины, где Я. А. Шер работал в 1963–1970 гг. с Каменским отрядом Красноярской археологической экспедиции под руководством М. П. Грязнова.

Отдельный блок выступлений был посвящен исследованиям Я. А. Шера на горе Тепсей (д-р ист. наук О. С. Советова, Кемерово) и работам Каменского отряда по спасению памятников наскального искусства на Енисее (Е. А. Миклашевич, Кемерово, Москва).

На заседании были представлены фрагменты документального фильма И. Давлетшина «Тайны Алтая», особо ценными в нем оказались записи диалогов с Я. А. Шером.

Второй день симпозиума прошел на территории музея-заповедника «Томская писаница». Заседание секции под председательством канд. ист. наук А. В. Фрибуса (ИИМК РАН) было посвящено разным аспектам научных интересов Я. А. Шера. Выступили его ученики — канд. ист. наук А. С. Савельева (Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН) с докладом «Об элементном составе бронз таштыкской культуры: по материалам могильника Косоголь IV» и А. В. Фрибус с сообщением «Изображения и знаки на керамике в культуре БМАК: информативные возможности источника». Доклад «Универсальные сюжеты в древнем искусстве Евразии» сделала канд. искусствоведения С. А. Зинченко (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»). Два доклада представил канд. ист. наук А. В. Варёнов (Новосибирский государственный университет): «Ритуальные бронзы Саньсиндуя и древнеиндийская мифология» и «О количестве фигур оленей на оленных камнях Центральной Монголии и их интерпретации».

В рамках симпозиума прошел круглый стол «Проблемы документирования, учета и сохранения памятников наскального искусства» (координатор О. С. Советова). Программный доклад коллектива авторов Е. С. Левановой, Ю. М. Свойского, Е. В. Романенко, Е. А. Миклашевич, И. В. Аболонковой, Д. М. Павлова (Институт археологии РАН; Лаборатория RSSDA; музей-заповедник «Томская писаница») представила канд. ист. наук Е. С. Леванова (ИА РАН, Москва) «Учесть — не перечесть: разработка карты памятников наскального искусства России». Он вызвал активную дискуссию и обсуждение наиболее проблемных вопросов. Канд. ист. наук А. Л. Заика (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева) представил новые материалы Ангары, а также выступил с докладом «Опыт учета, постановки на государственную охрану и популяризации памятников наскального искусства Среднего Енисея». Канд. ист. наук Л. В. Зоткина (Институт археологии и этнографии СО РАН) дистанционно представила базу данных по древнейшим наскальным изображениям Минусинской котловины как инструмент их документирования, учета и изучения.

В ходе заключительной дискуссии участники отметили, что сделанные на симпозиуме доклады отразили наиболее спорные и наболевшие вопросы изучения, сохранения и учета памятников наскального искусства, а также ряд проблем, обозначенных еще Я. А. Шером, по широкому кругу тем отечественной археологии.

Перед симпозиумом, 3 апреля 2024 г., для студентов Института истории и международных отношений А. В. Фрибусом была прочитана лекция «Современные российские археологические исследования в Центральной Азии», вызвавшая у слушателей неподдельный интерес.

Всероссийская научная конференция «Палеолит Восточной Европы: культура, хронология, интерпретации»

А. Н. Бессуднов[1]

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-233-235

В 2024 г. исполнилось 100 лет со времени открытия всемирно известной Гагаринской палеолитической стоянки, расположенной в одноименном селе Задонского района Липецкой области. Этой дате была посвящена Всероссийская научная конференция «Палеолит Восточной Европы: культура, хронология, интерпретации», организованная 10–13 сентября 2024 г. Институтом истории материальной культуры РАН совместно с Липецким государственным педагогическим университетом им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Археологическим парком «Аргамач» и Советом отделения Российского исторического общества в Липецкой области.

Исследования на памятнике, проведенные в 1920-х гг. С. Н. Замятниным и в 1960-х гг. Л. М. Тарасовым, позволили получить богатую коллекцию каменного и костяного инвентаря, серию реалистичных женских статуэток, украшений, а также впервые для верхнего палеолита Русской равнины сделать вывод о существовании жилищ на стоянках открытого типа. Поэтому закономерно, что Гагаринская стоянка прочно вошла в палеолитоведение как один из опорных памятников верхнего палеолита.

Всего на конференции было представлено более 20 докладов, подготовленных 24 исследователями, основная часть которых — научные сотрудники центральных академических учреждений (Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН), ведущих музеев (Государственного Исторического музея, Музея-заповедника «Костёнки», Воронежского областного краеведческого музея, Курчатовского краеведческого музея) и вузов (Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Воронежского государственного университета, Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского). Все условия для успешной организации и проведения конференции были предоставлены Археологическим парком «Аргамач».

Открытие форума началось с приветствия организаторов: А. Н. Бессуднова — доцента кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, А. Н. Голотвина — генерального директора Археологического парка «Аргамач», А. А. Синицына — старшего научного сотрудника отдела палеолита ИИМК РАН. По количеству участников мероприятия его нельзя отнести к разряду масштабных, однако все без исключения доклады были посвящены палеолитической проблематике, а бóльшая их часть так или иначе связана с результатами изучения Гагаринской стоянки.

А. Н. Бессуднов (Липецк) представил участникам экскурс в историю выявления и изучения стоянки, уделив основное внимание результатам исследований С. Н. Замятнина и Л. М. Тарасова. А. А. Синицын (СПб.) предложил свое видение особенностей расположения Гагарино сквозь призму геоморфологии палеолитических стоянок Русской равнины. Г. В. Синицына (СПб.) обосновала черты сходства материальных комплексов Гагарино и рессетинской культуры.

Особенно активно материалы Гагаринской стоянки рассматривались в контексте проблем происхождения и эволюции искусства. В частности, В. И. Беляева (СПб.) выделила общие и

[1] Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского»; Липецк, Россия; e-mail: bessudnov_an@mail.ru.

© Бессуднов А. Н., 2025

Рис. 1. Участники Всероссийской научной конференции «Палеолит Восточной Европы: культура, хронология, интерпретации», посвященной 100-летию открытия Гагаринской стоянки (Археологический парк «Аргамач» (с. Аргамач-Пальна Елецкого района Липецкой области), 10–13 сентября 2024 г.):
1 — А. Н. Бессуднов; *2* — В. Н. Гурьянов; *3* — А. А. Чубур; *4* — А. А. Бессуднов; *5* — Ю. Н. Часовникова; *6* — С. Н. Лисицын; *7* — А. А. Найдёнова; *8* — Д. Ю. Мельцев; *9* — В. С. Житенёв; *10* — А. А. Симоненко; *11* — Ю. В. Кузьминова; *12* — В. И. Беляева; *13* — М. А. Бессуднова; *14* — Е. Ю. Захарова; *15* — К. Н. Гаврилов; *16* — Н. Б. Ахметгалеева; *17* — Р. В. Пахомов; *18* — А. А. Синицын; *19* — А. А. Артюшенко; *20* — Н. А. Хайкунова; *21* — В. А. Чаукина; *22* — А. А. Попов; *23* — М. Д. Куприянова; *24* — Г. В. Синицына; *25* — Е. В. Леонова; *26* — М. Н. Желтова; *27* — К. Н. Степанова

Fig. 1. Participants of the All-Russian scientific conference “Paleolithic of Eastern Europe: culture, chronology, interpretations”, dedicated to the 100th anniversary of the discovery of the Gagarin site (Archaeological park “Argamach” (Argamach-Palna village, Yeletsky district, Lipetsk region), September 10–13, 2024): *1* — A. N. Bessudnov; *2* — V. N. Guryanov; *3* — A. A. Chubur; *4* — A. A. Bessudnov; *5* — Yu. N. Chasovnikova; *6* — S. N. Lisitsyn; *7* — A. A. Naydenova; *8* — D. Yu. Meltsev; *9* — V. S. Zhitenev; *10* — A. A. Simonenko; *11* — Yu. V. Kuzminova; *12* — V. I. Belyaeva; *13* — M. A. Bessudnova; *14* — E. Yu. Zakharova; *15* — K. N. Gavrilov; *16* — N. B. Akhmetgaleeva; *17* — R. V. Pakhomov; *18* — A. A. Sinitsyn; *19* — A. A. Artyushenko; *20* — N. A. Khaikunova; *21* — V. A. Chaukina; *22* — A. A. Popov; *23* — M. D. Kupriyanova; *24* — G. V. Sinitsyna; *25* — E. V. Leonova; *26* — M. N. Zheltova; *27* — K. N. Stepanova

индивидуальные черты костёнковских и гагаринских женских статуэток. К. Н. Гаврилов (М.) проанализировал особенности женской скульптуры европейского граветта между «Брассемпуи» и «Виллендорфом», привлекая и гагаринские находки этой категории. Также очень непростая, но крайне интересная «искусствоведческая» проблема, связанная с выявлением свидетельств использования красок палеолитическими художниками, была освещена М. Н. Желтовой (СПб.).

В. С. Житенёв (М.) рассказал о редких категориях символических предметов Гагаринской стоянки. А. А. Чубур (Брянск) предложил авторский вариант реконструкции гагаринского жилища. В. А. Чаукина (М.) рассмотрела костяную индустрию стоянки Гагарино в контексте восточного граветта Русской равнины.

Тематика пяти докладов отражала результаты исследований других палеолитических памятников Восточной Европы. М. Д. Куприянова (СПб.) представила сравнительную характеристику технологии изготовления городцовских лопаточек, выявленных на памятниках Костёнковско-Борщёвского района. Об истории открытия и изучения жилых комплексов на стоянке Костёнки I/I в 1923–1936 гг. рассказал Р. В. Пахомов (Воронеж). Большой интерес у слушателей вызвал доклад С. Н. Лисицына (СПб.), представившего аудитории выявленную им в жилище стоянки Борщёво 5 бивневую антропоморфную фигурку эпохи граветта и изложившего аргументы для обоснования ее интерпретации в качестве божества — хранителя очага.

В коллективном докладе А. А. Симоненко, Н. А. Хайкуновой, М. Г. Жилина (М.) был предложен вариант реконструкции одного эпизода повседневной жизни обитателей верхнепалеолитической стоянки Третий Мыс.

Об особенностях типологии и хронологии кремневых орудий стоянки Каменная Балка I рассказала коллегам Ю. В. Кузьминова (М.). Н. Б. Ахметгалеева (Курчатов, Курская область) изложила свое видение специфики организации жилого пространства на стоянках верхнего палеолита Быки. А. А. Бессуднов (СПб.) собрал максимально полную информацию об известных на сегодняшний день палеолитических памятниках Верхнего Дона, отметив характерные особенности их расположения, проблемы и перспективы определения датировки. Обобщения иного характера содержались в докладе В. Н. Гурьянова и А. А. Чубура (Брянск), в котором авторы представили свое видение возможных причин образования кустов поселений и палеолитических районов.

С опорой на результаты экспериментально-трасологических исследований К. Н. Степанова (СПб.) дополнила доказательную базу получения в палеолите огня высеканием.

С. Н. Наугольных (М.) привел аргументы возможного соотнесения выявленной им в Раменском районе Московской области позднеплейстоценовой палеопочвы и предполагаемых находок верхнепалеолитических орудий. Е. Ю. Захарова (Воронеж), основываясь на архивных изысканиях, рассказала о начальном этапе учебы на историко-филологическом факультете Воронежского государственного университета будущих известных исследователей палеолита Л. М. Тарасова и Н. Д. Праслова.

Для участников конференции были организованы три экскурсии: на место расположения Гагаринской стоянки, в г. Елец и по экспозициям и объектам Археологического парка «Аргамач».

В ходе работы форума и при подведении его итогов участники обсудили вопросы развития представлений о характере эволюции материальной культуры в верхнем палеолите Восточной Европы и на сопредельных территориях, проанализировали природно-климатическую обстановку последнего оледенения в контексте влияния ее на палеолитическое население Восточной Европы, оценили новые свидетельства проявления граветта в материальной культуре палеолитических памятников указанной территории. Также была предпринята попытка поиска причин расцвета верхнепалеолитической культуры в среднюю пору верхнего палеолита. Кроме того, участники конференции обсудили особенности древнейшего домостроительства и специфику организации жилого пространства, затронув при этом и проблемы развития представлений о повседневной жизни человека в ледниковую эпоху.

Несомненно, проведенное мероприятие способствовало решению актуальных научных задач, особенно в изучении палеолитических памятников Восточной Европы.

«Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до Средневековья»: Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения А. М. Беленицкого, 95-летию со дня рождения В. М. Массона и 100-летию со дня рождения Ю. А. Заднепровского[1]

В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов[2]

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-236-237

Международная конференция «Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до Средневековья» была проведена на базе отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН при поддержке Государственного Эрмитажа с 5 по 8 ноября 2024 г. Масштабный форум такого рода, объединяющий усилия специалистов из Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья в деле познания далекого прошлого народов Центральной Азии, в последний раз проводился пять лет назад (см.: Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., С.-Петербург) / Отв. ред. В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. 308 с., ил.), поэтому назрела необходимость подвести итоги исследований последних лет и наметить наиболее актуальные направления новых работ.

Нынешняя конференция была приурочена к памятным датам выдающихся исследователей древностей Центральной Азии: Александра Марковича Беленицкого (1904–1993), Вадима Михайловича Массона (1929–2010) и Юрия Александровича Заднепровского (1924–1999). Нет необходимости специально представлять этих замечательных ученых, оставивших значительный след в отечественной и мировой археологической науке. Напомним лишь, что А. М. Беленицкий многие годы возглавлял раскопки эталонного раннесредневекового городища Древнего Пенджикента. В. М. Массон, помимо своих других крупнейших достижений, был первооткрывателем цивилизаций эпох неолита, энеолита и бронзы на территории Южного Туркменистана; с 1968 по 2003 г. он являлся заведующим отделом Средней Азии и Кавказа, а с 1982 по 1998 г. — заведующим/директором ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН. Ю. А. Заднепровский внес огромный вклад в археологическое изучение Ферганской долины, а также был признанным авторитетом в области истории и культуры ранних кочевников Центральной Азии.

Разнообразие научных интересов этих ученых позволило охватить максимально широкую тематику — от неолита до позднего Средневековья — и привлекло много специалистов из России, стран Центральной Азии и дальнего зарубежья. Всего в работе конференции

[1] Конференция подготовлена и проведена при финансовой поддержке фонда «История Отечества» (договор № 70-2024-000558 от 26.06.2024), подготовка и печать сборника ее материалов (Культуры и цивилизации Центральной Азии, 2024) осуществлены за счет средств в основном гранта № 67/2024 Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ), частично — гранта фонда «История Отечества». Основная работа по подготовке и проведению конференции велась и настоящее сообщение подготовлено в рамках выполнения государственного задания по теме «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

[2] Никоноров В. П., Стоянов Е. О. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: vpnikonorov@mail.ru, eostoyanov@mail.ru.

© Никоноров В. П., Стоянов Е. О., 2025.

Рис. 1. Участники конференции на ее торжественном открытии (Эрмитажный театр, 5 ноября 2024 г.)
Fig. 1. The participants of the conference during the inaugural ceremony (the Hermitage Theater, November 5, 2024)

приняли участие 114 исследователей, из числа которых 76 человек представляли Российскую Федерацию и 38 — такие страны, как Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан, Азербайджан, Монголия, Япония, Франция, Германия, Австрия, Италия, США и Канада.

Программа конференции, помимо пленарного заседания, включала в себя пять тематических секций. Первая — «Научное наследие А. М. Беленицкого, В. М. Массона и Ю. А. Заднепровского и их вклад в изучение далекого прошлого Центральной Азии» — была посвящена осмыслению жизненного пути и научного наследия ученых. Участники заседания представили как доклады обобщающе-обзорного характера, так и не обнародованные прежде архивные материалы, существенно дополняющие образ каждого исследователя. Секции «Центральная Азия в эпохи камня и бронзы», «Центральная Азия в составе великих империй античного Востока», «Кочевой мир Центральной Евразии в древности и Средневековье» и «Центральная Азия в раннем и развитом Средневековье» были структурированы по хронологическому принципу. В ходе их работы прозвучали доклады, освещавшие самые разнообразные вопросы истории, археологии, нумизматики, исторической географии и духовной культуры народов Центральной Азии от первобытности до позднего Средневековья.

Всего на конференции за три дня ее работы было заслушано 78 докладов — как очно, так и в онлайн-формате. Значительная их часть была опубликована в сборнике материалов конференции, подготовленном к началу форума (Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до Средневековья: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию А. М. Беленицкого, 95-летию В. М. Массона и 100-летию Ю. А. Заднепровского (С.-Петербург, 5–8 ноября 2024 г.) / Отв. ред. В. П. Никоноров и Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2024. 420 с., ил.).

Прошедшая конференция стала масштабной площадкой для обмена научными знаниями, концепциями и разработками между учеными различных научных школ, регионов и стран, способствовала введению в оборот и дальнейшему распространению — в том числе через популяризацию научных знаний — актуального представления о прошлом Центральной Азии и новейших достижениях в его изучении. Организаторами было уделено большое внимание продвижению информации о конференции, ее результатах и наиболее важных докладах в СМИ и сети Интернет. Стоит отдельно отметить, что в конференции активно участвовали молодые ученые и студенты профильных кафедр, что должно способствовать как успешному воспроизводству профессиональной корпорации археологов, так и приобщению молодежи к современному уровню научных знаний по археологии и истории Центральной Азии.

Международная научная конференция «Палеоэкология и динамика культуры в плейстоцене Евразии»[1]

С. А. Васильев, А. В. Панин[2]

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-238-240

Организованная совместными усилиями ИИМК РАН и Института географии РАН международная научная конференция «Палеоэкология и динамика культуры в плейстоцене Евразии» состоялась 18–20 ноября 2024 г. в Санкт-Петербурге. В работе конференции приняли участие более 70 специалистов из различных научных центров нашей страны, Беларуси, Германии, Мексики и США. Всего, как очно, так и в режиме онлайн, было заслушано 56 докладов. Тезисы выступлений были опубликованы в электронном виде перед началом собрания (Палеоэкология и динамика культуры в плейстоцене Евразии / Ред. С. А. Васильев, А. В. Панин, Т. В. Корнева. СПб.: ИИМК РАН, 2024. 58 с.).

Работа конференции проводилась по шести блокам, отражавшим основные аспекты комплексного изучения палеолитических объектов вне зависимости от их временной и географической привязки. Такое построение позволило обсудить актуальные вопросы исследования с акцентом на современных методах научного поиска, хотя порой и разрывало привычные хронологические рамки.

Конференция открылась серией докладов, посвященных хронологии палеолитических культур в свете результатов абсолютного датирования. Первым стало пространное выступление Я. Д. Иванова (С.-Петербург) с соавторами, в котором были рассмотрены вопросы хроностратиграфии палеолитических памятников долины Десны (по материалам стоянок Бетовско-Коршевской группы). Л. Б. Вишняцкий (С.-Петербург) предложил схему хронологического деления мустьерских и микокских комплексов Восточной Европы. А. А. Синицын (С.-Петербург) с соавторами дал развернутую характеристику сложно построенной стратиграфической последовательности опорного памятника палеолита Костёнок — Маркиной Горы, указав на моменты прерывистости геологической летописи. Хронология среднего палеолита Прикаспийской части Кавказа стала темой доклада А. А. Анойкина (Новосибирск) и Р. Н. Курбанова (Москва). Хронология отложений в Медвежьей пещере на Урале была проанализирована в выступлении П. А. Косинцева (Екатеринбург). Группа исследователей во главе с Е. П. Рыбиным (Новосибирск) представила новейшие результаты изучения стратиграфии многослойных верхнепалеолитических памятников севера Монголии. В сообщении А. Ю. Федорченко и Н. Е. Белоусовой (Новосибирск) была дана характеристика радиоуглеродной хронологии Ушковских стоянок на Камчатке.

Вторая часть собрания была посвящена вопросам палеогеографии плейстоцена и реконструкции времени и путей расселения древнего человека. Заседание открылось сообщением С. А. Сычевой (Москва) с соавторами, в котором были представлены данные по хронологии и палеоэкологии раннепалеолитической стоянки Байраки в Приднестровье. А. К. Очередной (С.-Петербург) в рамках коллективного доклада

[1] Васильев С. А. выполнил свою часть работы (подготовку статьи и проведение научного мероприятия) в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технология производства» (FMZF – 2022-0012).

[2] Васильев С. А. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: sergevasiimk@gmail.com. Панин А. В. — Институт географии РАН; Москва, РФ; e-mail: a.v.panin@igras.ru.

обрисовал развернутую картину палеогеографии центральной части Русской равнины в эпоху среднего плейстоцена, отметив возможности расселения здесь древнего человека. Результаты диатомового анализа разреза среднепалеолитической стоянки Хотылево 1 на Десне были темой доклада А. И. Рудинской (Москва). Исследовательская группа во главе с Д. В. Барановым (Москва) продемонстрировала палеогеографическую реконструкцию Дубнинской низины (Верхневолжская низменность) в финале плейстоцена. Обстоятельный доклад А. В. Колесника (Донецк) с соавторами был посвящен вопросам взаимодействия человека среднего палеолита и природной среды плейстоцена в Донбассе и Северо-Восточном Приазовье. Г. М. Левковская и А. К. Каспаров (С.-Петербург) с коллегами сделали сообщение об изменениях облика растительности и характера фауны в Костёнках в раннюю пору верхнего палеолита.

Н. В. Лаврентьев (Москва) сообщил об открытии стоянки Юловская — единственного позднепалеолитического памятника, известного в Манычской долине. В презентации Е. В. Леоновой (Москва) были проанализированы культурные изменения, происходившие на рубеже плейстоцена и голоцена на Северо-Западном Кавказе. И. А. Идрисов (Махачкала) остановился на развитии природных процессов плейстоцена в Прикаспийском регионе.

Палеоэкология среднепалеолитических обитателей Алтая стала сюжетом выступления М. В. Шунькова (Новосибирск). К этому докладу примыкало по тематике сообщение группы антропологов во главе с А. В. Зубовой (С.-Петербург), представивших особенности одонтологии денисовского человека и определивших его место среди ископаемых гоминид.

Далее следовали доклады, посвященные морфологии речных долин и картированию памятников палеолита. Начало обсуждения было положено выступлением С. А. Васильева (С.-Петербург), обрисовавшего дискуссионные моменты геолого-геоморфологической привязки позднепалеолитических памятников юга Сибири в связи с вопросом о катафлювиальных событиях в бассейнах рек. Тема была продолжена в серии коллективных докладов, представленных А. В. Паниным (Москва) и И. Д. Зольниковым (Новосибирск), в которых были как освещены общие аспекты концепции гляциальных мегапаводков в плейстоцене, так и отмечены свидетельства подобных катастроф в долинах Оби и Енисея. Важным дополнением к сказанному послужила презентация Е. А. Филатова и И. Д. Зольникова (Новосибирск), в которой была продемонстрирована новая схема строения четвертичных отложений в Красноярском районе. Исследовательская группа во главе с Ю. В. Рыжовым (Иркутск) показала особенности строения террас и пойм в долинах рек Прибайкалья и Забайкалья. Темой выступления коллектива иркутских археологов и геологов, представленного А. В. Тетенькиным, стали результаты многолетних комплексных работ по изучению развития культур каменного века в связи с изменениями палеогеографической обстановки в плейстоцене и голоцене в долине Витима.

Интерес собравшихся вызвала красочная презентация С. Н. Лисицына и М. В. Марунина (С.-Петербург), в которой были продемонстрированы новейшие возможности цифрового моделирования палеорельефа на примере Костёнковского района. Завершил работу секции доклад Н. Е. Зарецкой (Москва) с соавторами, в котором были подведены итоги изучения геологического строения долины Вычеглы, которая использовалась как путь расселения древнего человека в различные периоды каменного века.

Большое внимание участники конференции уделили анализу роли сырьевых ресурсов (промысловой фауны и источников камня) в процессе формирования и развития культуры. Фауна позднепалеолитических стоянок Костёнки 17 и Быки стала темой рассмотрения в докладах групп исследователей, изложенных Е. А. Петровой (С.-Петербург) и Н. Б. Ахметгалеевой (Курчатов). В других коллективных докладах, представленных М. В. Головачевым (Астрахань), В. В. Питулько (С.-Петербург) и П. А. Никольским (Москва), была дана характеристика вероятных следов, оставленных палеолитическими людьми на костных остатках из местонахождений Нижнего Поволжья и Северной Якутии. В последовавшей оживленной дискуссии были затронуты спорные вопросы идентификации признаков воздействия ископаемого человека на кости.

Остальные выступления затрагивали вопросы изучения каменного сырья, использовавшегося для изготовления орудий в палеолите. А. Н. Вашанов (Минск) на серии карт показал распространение различных видов камня в финале палеолита на территории Беларуси. Темой сообщения А. Г. Рыбалко (Новосибирск) стали ручные рубила, пики и чопперы из позднего ашеля Дагестана. Исследователи из Новосибирска в докладе, озвученном М. Б. Козликиным, рассмотрели стратегии использования сырья в раннем верхнем

палеолите Алтая. Н. Е. Белоусова (Новосибирск) с соавторами рассказала о результатах изучения технологии производства мелких пластинчатых заготовок в верхнем палеолите Алтая. Н. О. Викулова и Д. В. Ожерельев (Москва) с соавторами дали характеристику видов каменного сырья, использовавшихся палеолитическими обитателями стоянок северного Тянь-Шаня в Казахстане. Наконец, М. Н. Желтова (С.-Петербург) рассказала об использовании минерального сырья для изготовления красок в палеолите.

Ряд выступлений был посвящен реконструкции природного окружения древнего человека. Открыл секцию доклад группы специалистов во главе с Н. В. Сычевым (Москва), давший развернутую характеристику строения верхнеплейстоценовых лессово-почвенных серий юга Русской равнины. Встреченные в разрезах среднего и верхнего плейстоцена следы криптотефры как стратиграфические маркеры стали темой доклада Е. А. Константинова (Москва) с соавторами. В презентациях исследователей во главе с М. Н. Лазаревой (Москва) и М. А. Коркки (С.-Петербург) была представлена стратиграфия лессово-почвенных серий долины Десны. Р. С. Шухвостов (Москва) продемонстрировал следы криогенеза в разрезах стоянок Хотылево 1 и Костёнки 17.

В двух коллективных выступлениях, представленных А. И. Кургаевой (Киль), были даны результаты биогеохимического анализа лессово-почвенных серий Казахстана (на примере стоянки Узынагаш 1), Зарайска и Костёнок. М. Д. Куприянова (С.-Петербург) с соавторами рассказали об итогах палеопедологического исследования культурных слоев ранней группы костёнковских стоянок. Условия формирования седиментов в разрезах различных многослойных верхнепалеолитических стоянок в Костёнках, Дивногорье и Быках стали темой выступлений групп московских исследователей, представленных С. А. Сычевой, Ф. Г. Курбановой и С. С. Бричевой.

С. В. Наугольных (Москва) изложил результаты изучении серии палеопочв на нижнепалеолитическом местонахождении Кинжал в Ставропольском крае. В коллективном докладе, зачитанном А. В. Некипеловой (Новосибирск), были продемонстрированы итоги анализа седиментов в южной галерее Денисовой пещеры на Алтае. П. И. Калинин и И. Ю. Кудреватых (Пущино) проанализировали лессы разреза Чумбур-коса в Приазовье, представив модель формирования отложений.

Последние доклады были посвящены вопросам изучения стоянок Сибири и расселению древнего человека на Север. Сессия открылась сообщением М. Н. Мещерина (Красноярск) с соавторами, где были представлены результаты новейших исследований верхнепалеолитических стоянок на территории Красноярска. Творческий коллектив во главе с С. Н. Седовым (Тюмень) обрисовал основные черты палеогеографической обстановки на севере Западной Сибири в позднем плейстоцене и перспективы открытия здесь палеолитических памятников. А. В. Кандыба (Новосибирск) доложил об открытии в центре Якутии палеонтологического и археологического местонахождения Хонду. Е. Ю. Павлова и В. В. Питулько (С.-Петербург) дали обзор культурных комплексов конца плейстоцена и начала голоцена на Яно-Индигирской низменности. С. Б. Слободин (Магадан) охарактеризовал основные культуры палеолита западной части Берингии.

В ходе заключительной дискуссии участники отметили, что представленные на конференции доклады отражают весь спектр современных проблем взаимодействия археологии, геологии и палеогеографии плейстоцена. Предполагается публикация избранных докладов собрания в специальном выпуске журнала «Геоморфология и палеогеография».

Совместное заседание ученого совета и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, посвященное юбилею В. А. Алёкшина[1]

Л. Б. Кирчо, Ю. Г. Кутимов[2]

DOI 10.31600/1817-6976-2025-46-241-243

16 октября 2024 г. исполнилось 80 лет старшему научному сотруднику отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН канд. ист. наук Вадиму Андреевичу Алёкшину, ведущему специалисту по археологии неолита — бронзового века Ближнего и Среднего Востока и изучению древних культур Центральной Азии. В связи с юбилеем 18 октября 2024 г. состоялось совместное научное заседание ученого совета и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН.

Приветственное слово юбиляру произнес директор ИИМК РАН профессор РАН д-р ист. наук А. В. Поляков. В своем выступлении он отметил большой вклад юбиляра в научную и научно-организационную работу ИИМК, который В. А. Алёкшин внес за время своей многолетней деятельности. В различные годы помимо научных исследований В. А. Алёкшин занимал должности ученого секретаря отдела Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, заместителя директора по науке ИИМК РАН, заведующего отделом Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН. Очень важен и ценен труд В. А. Алёкшина в составе редакционных и издательских групп, осуществляющих подготовку научных изданий института. Также уже много лет В. А. Алёкшин ведет активную образовательную работу, читая курсы лекций по археологии Ближнего Востока и Средней Азии студентам и аспирантам.

В последние годы научные интересы В. А. Алёкшина связаны с изучением вопросов хронологии и культурных связей древних земледельцев юга Средней Азии энеолита и бронзового века. В их число входят такие важные и актуальные для среднеазиатской археологии темы, как периодизация и культурные связи древнеземледельческого поселения Алтын-депе; хронология могильника Заманбаба; проблемы датировки периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага; классификация и датировка различных типов металлических изделий энеолита — эпохи бронзы Средней Азии и Древнего Востока; культурные связи Юго-Западного Туркменистана, Северо-Восточного Ирана и Юго-Восточного Туркменистана по материалам могильника Пархай II; комплексы керамики бронзового века, обнаруженные на юге Средней Азии.

В рамках совместного научного заседания были заслушаны доклады, в которых отмечен исследовательский вклад В. А. Алёкшина в разработку научной проблематики бронзового века Средней Азии.

Доклад Л. Б. Кирчо «Каменные „гири“ с ручкой в Средней Азии: появление, распространение, эволюция» был посвящен неопубликованным находкам этих каменных изделий. В выступлении был отмечен неослабевающий интерес В. А. Алёкшина к проблемам социальной структуры древних обществ, являющийся его яркой исследовательской чертой. Уже одна из первых научных работ Вадима Андреевича была посвящена

[1] Сообщение написано, а научное мероприятие подготовлено и проведено в рамках выполнения государственного задания по теме «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

[2] Кирчо Л. Б., Кутимов Ю. Г. — Институт истории материальной культуры РАН; С.-Петербург, РФ; e-mail: l_kirtcho@mail.ru, yuriuz@rambler.ru.

© Кирчо Л. Б., Кутимов Ю. Г., 2025

так называемым гирям на памятниках энеолита и бронзового века Южной Туркмении. В этой работе не только были собраны и описаны все имевшиеся к началу 1970-х гг. такие изделия, но и проведена систематизация и анализ весовых характеристик этих каменных предметов. В результате было высказано предположение, что они служили именно гирями — весовыми мерами для учета и распределения сельскохозяйственной продукции древних земледельцев. В докладе Л. Б. Кирчо было показано, что наиболее ранние находки подобных изделий в Средней Азии связаны с возникновением керамики геоксюрского стиля и относятся к периоду позднего Намазга II (раннегеоксюрскому времени — концу периода среднего энеолита). Их появление прослеживается по материалам Илгынлы-депе и Северного холма Анау, а также Саразма в Северо-Западном Таджикистане, причем в Саразме представлены как «гири», полностью аналогичные южнотуркменистанским, так и своеобразные изделия с сильно расширенной и утяжеленной нижней частью. Изготовленные пикетажной техникой «гири» продолжают бытовать в Южной Туркмении в периоды позднего энеолита и ранней бронзы вплоть до времени средней бронзы, когда они постепенно сменяются каменными «дисками с ручками», выполненными уже пилением и шлифовкой и представленными на Алтын-депе, Улуг-депе и в материалах могильника Фархор в Южном Таджикистане. Особенно характерны такие плоские шлифованные изделия для памятников древнемаргианской цивилизации.

Ю. Г. Кутимов представил доклад «Маркеры культурных контактов в археологических материалах эпохи бронзы Средней Азии», посвященный вопросам культурного взаимодействия оседлоземледельческих и скотоводческих племен — тематике, которой В. А. Алёкшин уделяет большое внимание в своей научно-исследовательской работе. Бронзовый век на территории Средней Азии характеризуется активными культурными взаимодействиями различных по происхождению, образу жизни, хозяйственной деятельности и уровню развития материальной культуры оседлых и пришлых степных групп населения. Одним из наиболее интересных регионов Средней Азии в плане исследования культурных связей и взаимодействий разнородных групп населения является территория Таджикистана. Наибольшее число археологических комплексов бронзового века Таджикистана относится к памятникам древнеземледельческой культуры, появление которых здесь связано с миграционным распространением населения древнеземледельческих центров Средней Азии, Афганистана и Ирана IV–II тыс. до н. э. Одновременно с миграциями древнеземледельческого населения во II тыс. до н. э. на территорию Таджикистана из степной зоны Евразии приходят группы андроновских племен фёдоровского типа. Своеобразная культурная группа мобильного населения, обитавшего на территории Таджикистана в эпоху бронзы, представлена памятниками бешкентско-вахшской культуры, возникшей в процессе выделения и культурной трансформации отдельных групп племен из среды древних земледельцев Северного Афганистана и Южного Узбекистана. Заключительный период бронзового века Таджикистана связан с распространением общности культур лепной расписной керамики типа Яз I. Происхождение этих культур обусловлено широкомасштабными миграционными передвижениями разнообразных культурных групп населения из различных регионов Евразии, пришедших сюда и обитавших здесь в условиях значительного удаления или даже в отрыве от основной территории обитания. Активные культурные, социальные и хозяйственные взаимодействия этих групп населения на территории Таджикистана приводили в итоге к смешению культурных признаков и изменениям. Наиболее выразительно этот процесс отражается в археологических материалах позднего бронзового века. Одной из зон самых активных культурных контактов этого времени на территории Таджикистана являются западные районы Гиссарской долины, где в ходе археологических исследований были получены новые материалы, свидетельствующие о взаимодействиях местного оседло-земледельческого и степного андроновского населения. Археологические материалы из могильников позднего бронзового века Кумсай и Тандырйул демонстрируют значительный уровень взаимного влияния культур как в сфере погребального обряда, так и в плане заимствования отдельных технико-технологических принципов изготовления керамической посуды и ее орнаментации.

Завершая научную часть заседания, с докладом «О правомерности приложения термина „цивилизация“ к археологическим культурам бронзового века Центральной Азии и Среднего Востока» выступил В. А. Алёкшин. Выявленные на древнеземледельческих памятниках Южного Туркменистана стратиграфические пласты с разнообразными артефактами, датируемыми энеолитом, эпохой бронзы и ранним железным веком,

были обозначены (снизу вверх) как Анау IA, Намазга I–VI и Яз I–II. Постепенно указанную номенклатуру распространили на древнеземледельческие памятники всей Центральной Азии. Специалисты обозначают эти пласты многими терминами, в том числе и таким как «цивилизация». Последняя, однако, является культурным феноменом, который сам рассказывает о себе языком своих текстов, содержащих сведения об истории, общественных структурах, традициях, культуре народа или народов, создавших данный социальный организм. Несоответствие этому важнейшему критерию указывает на то, что сообщество еще не стало цивилизацией, которая в подлинном смысле этого слова сложилась в Центральной Азии лишь к середине I тыс. до н. э. Таким образом, культурологический термин «цивилизация» непригоден для обозначения вышеупомянутых стратиграфических пластов памятников, оставленных населением, не создавшим письменности.

По окончании совместного научного заседания ученого совета и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН был организован дружеский ужин, где вместе с поздравлениями с юбилеем и теплыми пожеланиями неоднократно были отмечены безусловный научный и личностный авторитет Вадима Андреевича Алёкшина, а также значение его многолетней работы в отделе археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН.

Список сокращений

АГЭ — Научный архив рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков
АН — академия наук
АО — Археологические открытия
БС — Балтийская система высот
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ГИМ — Государственный Исторический музей. Москва
ГУ — государственный университет
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИВ — Институт востоковедения
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
КП — книга поступлений
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
НА ИАК РАН — Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь
НА ИИМК РАН — Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
НАН — национальная академия наук
НИР — научно-исследовательские работы
НИЦ — научно-исследовательский центр
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
НЦ — научный центр
ОНТЭ — отдел научно-технической экспертизы
ПБВ — поздний бронзовый век
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
ПОММ — Прикубанский очаг металлургии и металлообработки
РА — Российская археология. Москва
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология. Москва
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград
Сб. ст. — сборник статей
СОГМ — Смоленский областной краеведческий музей
ФУ — федеральный университет
ЦГАВОВУ — Центральный государственный архив высших органов власти и управления
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 46

Главный редактор: Н. В. Хвощинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191181, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, лит. А, каб. 307
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
http://www.archeo.ru; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-83461 от 24.06.2022,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 01.08.2025. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 30,75. Тираж 100 экз. Заказ 732.
Дата выхода: 29.08.2025.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «А-ЭЛИТ»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, пом. БМ10737

Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 46 —